

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731

Slavic
ALMANAC

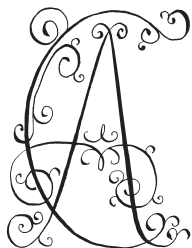
1-2·2020

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2020

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2020

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2020. — Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2020. — 536 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2020 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, языкознания, этнолингвистики и литературоведения. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: <https://inslav.ru/zhurnal-slavyanskiy-almanah>
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Индрик», 2020

**Slavic Almanac 2020. Issues 1–2 /
Moscow: Indrik, 2020. — 536 p.**

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2020) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, etnolinguistics and literary studies. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.

Institute for Slavic Studies RAS

Phone: +7 (495) 938-17-80

Website: <https://inslav.ru/zhurnal-slavyanskiy-almanah>

E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year

Circulation: 500 copies

Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2020

© Authors, 2020

© Publishing house “Indrik”, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Никифоров К. В.*, главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Борисёнок Ю. А.*, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ
- Вендина Т. И.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Влашич-Анич А.*, Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия
- Дзиффер Д.*, Университет Удине, Удине, Италия
- Димич Л.*, Белградский университет, Белград, Сербия
- Женюх П.*, Институт славистики САН, Братислава, Словакия
- Запольская Н. Н.*, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ
- Зуппан А.*, Австрийская академия наук, Вена, Австрия
- Номати М.*, Славяно-евразийский исследовательский центр Университета
Хоккайдо, Саппоро, Япония
- Плотникова А. А.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Радева В.*, Софийский университет, София, Болгария
- Робинсон М. А.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Розман А.*, Университет Любляны, Любляна, Словения
- Станков Н. Н.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Старикова Н. Н.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Узенёва Е. С.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

- Дронов М. Ю.*, ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Александрова А. К.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Кирилина Л. А.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Кочегаров К. А.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Макарец М. М.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Трефилова О. В.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ
- Шатько Е. В.*, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian
Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian
Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirillina L. A., Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Kochegarov K. A., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Makartsev M. M., Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shat'ko E. V., Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Наумов Н. Н. (Москва). Приговор Яну Гусу в памяти католиков и гуситов: Дитрих Фри, Эберхард Виндеке, Лаврентий из Бржезовой (1415–1440)</i>	12
<i>Ракитин А. С. (Москва). «Слуги царские» литвин Шимон Ромейков и сын боярский Василий Шалыгин — информаторы Москвы накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.</i>	32
<i>Флоря Б. Н. (Москва). Внутриполитический кризис на Правобережной Украине весной — летом 1669 г.</i>	46
<i>Домрачев Н. Е. (Москва). Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг.</i>	67
<i>Яловега В. И. (Москва). Образ К. Калиновского и отображение событий восстания 1863–1864 гг. в современной белорусской историографии</i>	88
<i>Перетяцько А. Ю. (Ростов-на-Дону). Статистические исследования российского Военного министерства конца 1860 — 1870-х гг. о Военной Границе</i>	105
<i>Струнина-Бородина Н. Г. (Москва). К вопросу о финансовой помощи России Черногории (XVIII — начало XX в.)</i>	123
<i>Полянская Е. Е. (Москва). От Боснийского кризиса до начала Первой мировой: Российское общество Красного Креста и подготовка сестер милосердия</i>	136
<i>Кузьменко Т. А. (Москва). Из эпистолярного наследия редакторов журнала «Украинская жизнь» (1912–1917)</i>	154
<i>Мошечков П. В. (Москва). Решение вопроса об организации первых чешско-словацких транспортов из России во Францию (вторая половина 1917 — начало 1918 г.)</i>	165
<i>Задорожнюк Э. Г. (Москва). Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России в труде «Мировая революция» (к 170-летию со дня рождения политика)</i>	182
<i>Живанович Милана (Белград). Проекты российских воинских мемориалов Первой мировой войны в Королевстве СХС / Королевстве Югославия: идеи, символика, реализация</i>	204

<i>Борисёнок Е. Ю. (Москва).</i> Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая четверть XX в.)	228
<i>Баринев И. И. (Москва).</i> «Большой друг белорусского народа»: Ойген фон Энгельгардт и его одиссея	249
<i>Никифоров А. С. (Архангельск).</i> Еврейское население и «арийство» в Независимом государстве Хорватия (1941–1944 гг.)	281

Языкознание

<i>Кикило Н. И. (Москва).</i> Особенности оптативной модальности в македонском языке (на примере функционирования независимой <i>да</i> -конструкции)	301
<i>Кулешова М. Л. (Москва).</i> Сравнительный анализ словенских частиц <i>že</i> и <i>že</i> на фоне русского языка	324
<i>Курохтина Т. Н. (Москва).</i> Культурно-этническое двуязычие на Украине как результат длительного контактирования украинского и русского языков	346

Этнолингвистика

<i>Виноградова Л. Н. (Москва).</i> Маркеры демонического в облике и поведении мифологических персонажей (полесские и карпатоукраинские поверья об умерших некрещеных детях)	365
<i>Плотникова А. А. (Москва).</i> Народная мифология Пчини в южнославянском контексте	385
<i>Леонтьева А. А., Струганова Е. Н. (Москва).</i> Особенности духовной культуры и историческая память жителей болгаро-турецкого села Славяново	400

Литературоведение

<i>Адельгейм И. Е. (Москва).</i> «У подножия трона властителя». «Везувий-убийца» как катализатор прития судьбы у Густава Герлинга-Грудзиньского	419
<i>Широква Л. Ф. (Москва).</i> Вариации на русские мотивы в словацкой прозе XXI в.	434
<i>Старикова Н. Н. (Москва).</i> Словенская литература в Австрии (национальное и поликультурное)	446

Публикации

- Ганин А. В. (Москва).* Бывший начальник штаба генерала
П. Н. Врангеля П. С. Махров о походе Красной армии
в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. 461

Рецензии и обзоры

- Селунская Н. А. (Москва).* Интеллектуальная биография
П. М. Бицилли в интерпретации М. А. Бирмана 472
- Борисёнок Ю. А., Кузьмичева А. Е. (Москва).* Новая биография
полковника Юзефа Бека 482
- Лабынцев Ю. А. (Москва).* Два знаменательных юбилея
у белорусских историков Польши 492
- Ламм М. А. (Москва).* Развитие белорусской литературы
в поликультурном контексте 501
- Баринов И. И. (Москва).* Библиотека-музей Франциска Скорины
в Лондоне: центр британской белорусистики 508
- Седакова И. А. (Москва).* Славянский дендрарий
в этнолингвистическом освещении 511

Хроника

- Усачева А. В. (Москва).* Международная научная конференция
«III Хоревские чтения: Литература в социокультурном
пространстве современной Центральной и Юго-Восточной
Европы: аксиологический дискурс. Памяти Г. Я. Ильиной» 519
- Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва).* Международная научно-
практическая конференция «Славянские идентичности и
нациестроительство в XIX–XX веках» 525
- Сведения об авторах 529

Content

History

- Naumov N. N. (Moscow)*. The Trial of Jan Hus in the memories of Catholics and Hussites: Dietrich Vrie, Eberhard Windecke and Vavřinec z Březové (1415–1440) 12
- Rakitin A. S. (Moscow)*. “Servants of the Tsar”: The Polish-Lithuanian subject Szymon Romejkw and the boyar’s son Vasiliy Shalygin, the informers of Moscow before the Smolensk War (1632–1634) 32
- Florya B. N. (Moscow)*. The domestic political crisis in the Right-Bank Ukraine in the spring and summer of 1669 46
- Domrachev N. E. (Moscow)*. Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the issue of restoration of permanent diplomatic missions at the end of 1680s 67
- Yalovega V. I. (Moscow)*. The image of K. Kalinowski and the reflection of the events of the 1863–1864 uprising in contemporary Belarusian historiography 88
- Peretyat’ko A. Y. (Rostov-on-Don)*. Statistical studies of the Russian Ministry of War in the late 1860s — 1870s about the Military Frontier 105
- Strunina-Borodina N. G. (Moscow)*. On the Russian financial assistance to Montenegro: From the origins of Russian-Montenegrin relations to the beginning of the 20th century 123
- Polianskaia E. E. (Moscow)*. The Russian Red Cross Society and staff replenishment of sisters of mercy on the eve of the First World War (1908–1914) 136
- Kuz’menko T. A. (Moscow)*. From the epistolary heritage of the editors of “Ukrainskaya zhizn” magazine (1912–1917) (Moscow) 154
- Moshechkov P. V. (Moscow)*. The solution for the problem of the transportation of the first Czechoslovak transports to France (second half of 1917 — the beginning of 1918) 165
- Zadorozhnyuk E. G. (Moscow)*. Tomáš Garrigue Masaryk on the old and the new Russia in his work “The World Revolution” (on occasion on his 170th anniversary) 182
- Živanović Milana (Belgrade)*. The designs of the Russian war memorials from the World War I in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia: Ideas, symbols, realization .. 204

<i>Borisyonok E. Yu. (Moscow)</i> . Ukrainization: the emergence and dissemination of the concept (first quarter of the twentieth century) ..	228
<i>Barinov I. I. (Moscow)</i> . “A big friend of the Belarusian people”: Eugen von Engelhardt and his Odissey	249
<i>Nikiforov A. S. (Arkhangelsk)</i> . The status of Jews and the concept of “aryanism” in the Independent State of Croatia (1941–1944)	281

Linguistics

<i>Kikilo N. I. (Moscow)</i> . Features of optative modality in Macedonian language (with emphasis on the functionalities of independent <i>da</i> -construction)	301
<i>Kuleshova M. L. (Moscow)</i> . A comparative analysis of the Slovenian particles <i>še</i> and <i>že</i> against the background of the Russian language	324
<i>Kurokhtina T. N. (Moscow)</i> . Ethnocultural bilingualism in Ukraine as a result of a durable contact between the Ukrainian and Russian languages	346

Etnolinguistics

<i>Vinogradova L. N. (Moscow)</i> . Markers of demonism in the appearance and behavior of mythological characters (Polesye and Carpatho-Ukrainian beliefs about deceased unbaptized children)	365
<i>Plotnikova A. A. (Moscow)</i> . Folk mythology in the region Pchinia in South Slavic context	385
<i>Leontyeva A. A., Struganova E. N. (Moscow)</i> . Features of spiritual culture and historical memory of people in Bulgarian-Turkish village of Slavyanovo	400

Studies of literature

<i>Adel'geym I. E. (Moscow)</i> . “At the foot of the throne of the ruler.” “Vesuvius the Killer” as a catalyst for the accepting one’s fate in Gustaw Herling-Grudziński’s oeuvre	419
<i>Shirokova L. F. (Moscow)</i> . Variations on Russian motifs in Slovak prose of the 21th century	434
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . The Slovene literature in Austria (the national and the polycultural)	446

 Publications

- Ganin A. V. (Moscow)*. The former chief of P. N. Wrangel' staff
P. S. Makhrov on the Red Army campaign to Western Ukraine
and Western Belarus in 1939 461

Reviews

- Selunskaya N. A. (Moscow)*. The Intellectual biography of P. M. Bicilli
in the interpretation of M. A. Birman 472
- Borisyonok Yu. A., Kuz'micheva A. Ye. (Moscow)*. The new biography
of Colonel Józef Beck 482
- Labyntsev Yu. A. (Moscow)*. Two significant anniversaries
for the Belarusian historians of Poland 492
- Lamm M. A. (Moscow)*. The development of Belarusian literature
in a multicultural context 501
- Barinov I. I. (Moscow)*. Francis Skaryna Belarusian Library
and Museum in London, a centre for Belarusian studies
in Great Britain 508
- Sedakova I. A. (Moscow)*. Slavic Arboretum in the light
of ethnolinguistics 511

Chronicle

- Usacheva A. V. (Moscow)*. An International academic conference
“The III readings in the memory of Victor Khorev. Literature
in the sociocultural space of contemporary Central and Southeast
Europe: An axiological. In memoriam: G. Ya. Il'ina” 519
- Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)*. An International scientific-
practical conference “Slavic identities and the nation-building
in the 19th–20th centuries” 525
- About the Authors 532

УДК: 94(430 + 437) «1415/1440»

Н. Н. Наумов

ББК: 63.3(4)4

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

**Приговор Яну Гусу в памяти католиков и гуситов:
Дитрих Фри, Эберхард Виндеке,
Лаврентий из Бржезовой (1415–1440)**

В статье анализируются воспоминания католиков и гуситов о приговоре Констанцкого собора, вынесенном Яну Гусу в 1415 г. Автор доказывает, что католики монах Дитрих Фри и бюргер Эберхард Виндеке, вероятные очевидцы события, во время написания собственных трудов в 1420-х и 1430-х годах воспроизвели ход процесса в искаженном виде, заявив, что сущность ереси Гуса заключалась в его учении о причастии. Анализ документов о соборе свидетельствует, что данное утверждение не соответствует действительности. Можно предположить, что оно возникло и получило распространение в результате теологических противоречий между католиками и гуситами во время Гуситских войн. Сторонники утравизма в Чешском королевстве, с одной стороны, уподобляли казнь Яна Гуса казни Иисуса Христа (Лаврентий из Бржезовой), с другой — использовали его гибель в Констанце в качестве одного из аргументов для политического давления на короля Сигизмунда (чешские сословия на Чаславском сейме). Одновременно событие 1415 г. не привело к немедленному возникновению гуситской идентичности. Понятие «гусит» изначально использовалось католиками в пейоративном смысле, обособляло гуситов от католиков и лишь препятствовало интеграции на уровне королевства, к которой стремились утрависты.

Ключевые слова: *Констанцкий собор, Ян Гус, Джон Виклиф, католики, гуситы, Гуситские войны, коллективная память.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.01

Задачей Констанцкого собора 1414–1418 гг. под председательством римского короля Сигизмунда было воссоздание единства католической иерархии, раздробленной на сторонников трех римских

пап — Григория XII, Бенедикта XIII, Иоанна XXIII¹. Констанцкий хронист Ульрих фон Рихенталь вкладывает в уста прелатов из Англии и Германии суровые упреки в адрес иных соборных наций — французской и испанской, сомневавшихся в возможности консолидировать церковь через выбор нового, «соборного» понтифика: «Если избранию воспрепятствуют, в этом можно будет винить только вас, и вам будет вечное проклятие за те препятствия, которые вы станете чинить священному христианству»². Итоговое согласие 53 кардиналов от всех наций избрать кардинала Отто де Колонна на римский престол манифестировало возрождение религиозно-политического единства, которое констанцкий хронист представляет как долгожданное божественное чудо. Тем большее отторжение у участников собора должно было вызвать утверждение чешского проповедника Яна Гуса, произнесенное в Констанце 8 июня 1415 г., которое ставило под сомнение необходимость папского престола как такового: «В эпоху апостолов церковь управлялась лучше, чем теперь. Что же удерживает Христа от того, чтобы направлять ее не теми ужасающими главами, как недавно это имело место, но своими праведными учениками? Почему же и Иоанн XXIII был низложен, и Григорий XII спустился с папского престола?

1 Григорий XII (до избрания — Анджело Корраро, выходец из венецианских патрициев, занимавший должности титулярного патриарха Константинополя и епископа Эвбейского) был избран 30 ноября 1407 г. в Риме теми епископами, которые прежде поддерживали Бонифация IX. Бенедикт XIII (до избрания — Педро де Луна, выходец из арагонской знати, кардинал Арагонский) был избран 28 сентября 1394 г. в Авиньоне теми епископами, которые прежде поддерживали Климента VII. Иоанн XXIII (до избрания — Бальтазар Косса, из неаполитанской знати) был избран 17 марта 1410 года в Болонье сторонниками умершего пизанского антипапы Александра V. См.: *Sauerland H. Y. Gregor XII. von seiner Wahl bis zum Vertrage von Marseille // Historische Zeitschrift. 1875. Bd. 34. H. 1. S. 74–120; Fernández L. S. Benedicto XIII: antipapa o papa? Barcelona, 2002. P. 141; Kirsch J. P. John XXIII // Catholic Encyclopedia. New York, 1913. Vol. 8. P. 434–435.*

2 Здесь и далее в случае, если в примечании цитата дана в более расширенном виде, курсивом выделена та ее часть, перевод которой помещен в основной текст: «In dem do warend doch die zwen naciones Germani und Anglici als vest und sprachen zû den Hyspaniten und Frantzosen: *Wurd die wal geierret, so kund man nieman schuldigen dar inn, dann sy und wurd inn och ain ewiger flûch, das sy die hailigen cristenhait also gesumpt hettind*». *Richental U. Chronik des Constanzer Conzils 1414 bis 1418 / hrsg. v. M. R. Buck. Tübingen, 1882. S. 122–123.*

Вот и теперь мы не имеем подобного <телесного> главу, но Христос не оставляет направлять собственную церковь»³. 6 июля 1415 г. Констанцкий собор приговорил и проклял Яна Гуса как еретика.

В фокусе данной статьи находится вопрос, менялась ли память о процессе над Яном Гусом постфактум — в 1420-х годах, когда начались Гуситские войны. Логика поведения участников Констанцкого собора — хорошо исследованная тема: здесь необходимо отослать читателя к последним работам И. Кейржа и Ф. Шмагеля⁴. В их основу был положен анализ источников (актов собора и воспоминаний его участников) вплоть до 1415 г., в то время как последующие свидетельства 1420-х и 1430-х годов остались без внимания, в том числе — «Книга императора Сигизмунда», составленная в 1437–1440 гг. Эберхардом Виндеке, вероятным очевидцем публичных слушаний в Констанце⁵. В историографии к настоящему моменту не была поднята проблема исторической памяти ближайших современников Яна Гуса и участников Гуситских войн 1420–1436 гг. о процессе над ним⁶. К. Крофта посвятил свое исследование значению идей чешского проповедника для последующих поколений, но не самой его фигуры,

3 «Et ego dico, quod ecclesia tempore apostolorum melius infinite regeratur, quam nunc regitur. Et quid repugnat Christo, quod non eandem sine talibus monstruosis capitibus, que nunc fuerunt, melius regularet per suos veraces discipulos? Et ecce nunc nullum tale caput habemus, et tamen Christus non desinit suam ecclesiam regulare. Quia iam Iohannes 23 fuit depositus et Gregorius 12 cesserat sive condescenderat papatui?». Из «Донесения о магистре Яне Гусе в Констанце» Петра из Младонёвиц. Опубл. в: *Novotný V. Fontes rerum bohemicarum*. Praha, 1893. D. 8. P. 102.

4 *Kejř J. Husův proces*. Praha, 2000; *Šmahel F. Jan Hus: život a dílo*. Praha, 2013.

5 Эберхард Виндеке — придворный слуга Сигизмунда Люксембургского, см. о нем: *Наумов Н. Н. «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра // Петербургский исторический журнал*. 2016. № 1. С. 65–83. Итинерарий Эберхарда составлен Р. Скоркой: *Skorka R. Eberhard Windecke itinerarium // Világtörténet*. 31. évf. 2009. 43–44. l.

6 При этом много работ посвящено рецепции образа Гуса, которую предпринял Мартин Лютер: *Новиков Е. П. Гус и Лютер*. М., 1859. Т. 1–2; *Winfried E. Jan Hus und Martin Luther // Deutsche und Tschechen. Geschichte — Kultur — Politik / hrsg. v. W. Koschmal*. München, 2001. S. 50–56; *Keßler M. «Wir sind alle Hussiten, ohne es zu wissen» — zum Tod von Jan Hus // Liturgie und Kultur. Zeitschrift der liturgischen Konferenz für Gottesdienst, Musik und Kunst*. Jg. 6. 2015. H. 2. S. 52–64.

как можно предположить из названия⁷. Подобным образом поступил Й. Мацек, направивший фокус исследования не на самого Гуса, но «на тех из его сторонников, кто шел дальше его идей» — Яна Желивского и таборитских хилястов⁸. Уже чешской историографии XIX в. был известен тот факт, что гуситы почитали Гуса в качестве мученика⁹. В отечественной историографии на это указал А. Н. Галямичев¹⁰. Миленой Бартловой было отмечено, что впоследствии с фигур обоих чешских мучеников Констанцкого собора (Яна Гуса и Иеронима Пражского) в церквях писались фрески и иконы, как если бы они были причислены к лику святых¹¹.

Итоговый приговор Гусу был формален и лаконичен в аргументации виновности. Утверждалось, что 1) Ян Гус является «учеником не Христа, но скорее ересиарха Джона Виклифа» — при этом конкретные сходства между их учениями были опущены; 2) Виклиф был проклят посмертно декретом собора в Риме (2 февраля 1413 г.), затем «этот декрет был подтвержден священной властью настоящего собора» (т. е. Констанцкого) 4 мая 1415 г. — при этом не упоминалось, что Римский собор возглавлял пизанский антипапа Иоанн XXIII, который был впоследствии низложен самим Констанцким собором 29 мая 1415 г. еще до казни Гуса; 3) Ян Гус «собственноручно написал и исповедовал» книги, в которых содержались некие тезисы, «схоластически опровергнутые учеными мужами и признанные достойными проклятия» — и несмотря на это, подсудимый вновь стал их проповедовать «вопреки подобному декрету и проклятию»¹². Выше по тексту

7 Krofta K. et al. Mistr Jan Hus v životě a památkách českého lidu. Praha, 1915.

8 Macek J. Jean Hus et les traditions hussites. Paris, 1973. P. 83.

9 Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a na Morawě. D. 3. Č. 1. Od roku 1403 do 1424. Praha, 1850. S. 66.

10 Галямичев А. Н. Ян Гус в исторической памяти народов Европы // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 108.

11 Bartlová M. Obraz jako náboženský problém // Umění české reformace (1380–1620) / vyd. K. Horníčková a M. Šroněk. Praha, 2010. S. 46.

12 «Cum itaque in sacro generali concilio nuper Rome celebrato decretum fuerit, doctrinam dampnate memorie Johannis Wicleff dampnandam esse et libros eius, huiusmodi doctrinam continentis, fore tamquam hereticos comburendos, et huiusmodi decretum huius sacri auctoritate concilii fuerit approbatum: verum quod Johannes Huss, magister in artibus et baccalarius in theologia formatus universitatis studii Pragensis, non discipulus Christi sed potius prefati Johannis Wicleff heresiarche discipulus certos articulos infra-scriptos a pluribus diversorum studiorum magistris et doctoribus scolastice

приговора выражение «подобный декрет» (лат. *huiusmodi decretum*) обозначает решение Римского собора, на котором были осуждены тезисы Виклифа, но не Гуса! Из приговора следует, что Ян Гус был осужден как человек, позаимствовавший некоторые из этих тезисов (лат. *certos articulos*). Формализм приговора состоит в том, что в нем не была дана оценка собственному учению Гуса, который в значительной степени переработал те суждения, которые первоначально позаимствовал у «английского ересиарха».

Католики: Дитрих Фри и Эберхард Виндеке

Подробнее об ошибках Гуса говорится в «Истории Констанцского собора», которую составил его участник, брат ордена иеремитов св. Августина саксонец Дитрих Фри. Он купно осуждает и Виклифа, и Гуса, и Иеронима Пражского за то, что те якобы говорили об евхаристии: «Тело и кровь после освящения становятся только лишь таинством (лат. *sacramentum*), а не истинным телом Христа»¹³. В действительности отрицание пресуществления исповедовал Виклиф, но не Гус. Еще в январе 1415 г. чешскому проповеднику было предложено выразить свое мнение о 45 статьях Виклифа. Гус дал письменный ответ, что «никогда не придерживался и не придерживается» убеждения Виклифа, что в причастии сохраняется материальная субстанция хлеба и вина (статья 1)¹⁴. Это соотносится со свидетельством, которое дал очевидец Петр из Младонёвиц в своем «Донесении о магистре Яне

reprobatos et plures alios merito dampnabiles, qui notorie in libris prefati Johannis Huss per eum confessatis et de manu propria scriptis continentur, et tamquam catholicos ab eodem fuisse publicatos post et contra dampnationem et decretum huiusmodi denuo dogmatisavit, asseruit et predicavit». Концепты приговора опубл.: *Sedlák J. M. Jan Hus. Přílohy. Praha, 1915. S. 345.*

13 «Contra quam professionem sentiunt impiissimi haeresiarcae Johannes Wickleff damnatae memoriae, Johannes Huss et Hyeronimus de Praga. De quibus superius es (sic!) locuta. Qui inter caeteras haereses et falsissimos errores, hanc de sacramento altaris sectam et haeresin renovarunt, inquietantes: *Panem et vinum, quae in alteri ponuntur, post consecrationem solummodo sacramentum, et non verum corpus meum esse*». «История Констанцкого собора» Дитриха Фри опубл.: *Magnum oecumenicum Constantiense concilium / opera et labore Hermanni von der Hardt. Francofurti et Lipsiae, 1697. T. 1. P. 120–121.*

14 «Ad 1. Substantia panis materialis et similiter substantia vini manent in sacramento altaris, Hus: *Nunquam tenui nec teneo, quia sanctorum sententiam et ecclesie sequor*». Ответы Яна Гуса на статьи Виклифа от января 1415 г. опубл. в: *Sedlák J. M. Jan Hus. S. 305.*

Гусе в Констанце»¹⁵. Петр сообщает, что на первом публичном слушании 5 июня Гус повторил с отсылкой на св. Ансельма, что материальная субстанция «не сохраняется» и «не уничтожается», но «переходит в тело Христа или пресуществляется»¹⁶. Допрос проводили и кардинал Пьер д'Эльи, и английские теологи. Последние попытались спровоцировать Гуса тем, что стали доказывать обратное, но в итоге, по свидетельству Петра из Младонёвиц, были вынуждены заключить, что Гус «правильно судит о таинстве святости»¹⁷. Сложно датировать написание «Истории Констанцкого собора». В одном месте Дитрих Фри называет Гуса и Иеронима «ныне живущими», когда обращается к Святой Церкви со следующими словами: «Не сомневайся, невеста сладчайшая, в том, что сиятельные мужи, когда соберутся на собор в Констанце, найдут <против еретиков> подходящее лекарство»¹⁸. В другом — сообщает, что «заблуждения и ереси» Яна Гуса и Иеронима Пражского привели «к пролитию крови и ко многим убийствам в христианском народе»: в этом утверждении можно видеть прямую отсылку к Гуситским войнам¹⁹. Вероятно, что «История» была начата до 1414 г., но доработана уже в 1420-х гг., когда на первый план вышел именно вопрос о евхаристии, в первую очередь — в контексте гуситского учения о всеобщем причастии под обоими видами, т. е. утраквизма. В то же время некоторую часть гуситов составляли как

15 Об источнике («*Relatio de magistro Johanne Hus*») см. вступительную статью к изданию, предпринятому Вацлавом Новотным: *Novotný V. Fontes rerum bohemicarum*. Praha, 1893. D. 8. S. XVIII–LXV.

16 «*Tunc cardinalis Cameracensis [...] querebat ab ipso Magistro Johanne, si poneret universalia realia a parte rei. Et ipse respondit, quod sic: cum et sancti Anselmus et alii illa ponant [...] Respondit quod desinit esse in hoc singulari pane materiali, cum ille tunc mutantur vel transit in corpus Christi vel transsubstantiatur, sed nichilominus in aliis singularibus subiectatur [...] Et respondit Magister quod non anichilatur, sed ibi ille singularis desinit esse per transsubstantiacionem in corpus Christi*». — *Novotný V. Fontes...* S. 75.

17 «*Ipsa bene sentit de sacramento altaris, ut hic confitetur*». — *Ibid.*

18 «*Horum principales adhuc viventes sunt praeominati Johannes Huss & Hieronimus de Praga. Sed ne dubites, sponsa dulcissima, egregios ac illustres viros saepe dictos in concilio Constantiae congregandos remedium adhibituros opportunum*». — *Magnum oecumenicum...* T. 1. P. 123.

19 «*Unde duo amarissimi processere fluvii Johannes videlicet Hus & Hieronimus de Praga. Qui suis erroribus & haeresibus pessimisque machinamentis caedem magnam in Christiano populo effecerunt, sanguinis etiam effusionem nimiam procurarunt*». — *Ibid.* P. 87.

раз те, кто отрицал пресуществление — вслед за Виклифом, но не Гусом. Таборитский священник, ученик английского виклифита Питера Пейна, немец Иоганн фон Заац (Ян Немец из Жатца) утверждал, что хлеб является телом Христа лишь «внешним образом в качестве таинства, то есть по своей природе остается хлебом телесным, пусть и освященным»²⁰. Таборитский епископ Микулаш из Пелгржимова полагал, что Христа, «сидящего по правую руку Отца», следует почитать «в соответствии с Его природой (лат. *substancialiter*), в качестве настоящего Бога». В то же время ко Христу «в алтарной святости» необходимо относиться иначе: «достойно вспоминать о Нем»²¹. С таборитскими священниками полемизировал предводитель пражских чашников, магистр свободных искусств Ян из Пршибрами, который в 1426 г. даже объявил Виклифа еретиком²².

Важно отметить, что не один только Дитрих Фри сводит «еретичность» учения Яна Гуса к учению о причастии. Другой очевидец собора, в отличие от Дитриха — светский обыватель, бюргер из Майнца Эберхард Виндеке в своей «Книге императора Сигизмунда» похожим образом утверждает, что Гус был приговорен, «поскольку стал затрагивать учение о Святом Причастии и многие другие вещи, которых не следует описывать»²³. Казнь «магистра Гуса» (ср.-в.-нем. *meister Huß*) Виндеке называет причиной того, что «чехи стали еще злее; почти что заодно с еретиками и гуситами (ср.-в.-нем. *Hussen*. — Н. Н.) стали божемские сеньоры — такие, как сам король <Вацлав> и королева <София>, пан Ченек из Вартенберка, пан <Ян> из Градца, пан Лацек

20 «Sensus autem catholicus est, quod ille panis est corpus Christi *sacramentaliter aut figurative i.e. id quod in natura sua manet panis materialis, licet iam sanctificatus*, illud est corpus Christi secundum figuram et significationem». Трактат Иоганна «О Евхаристии» опублик. в: *Sedlák J. Táborské traktaty eucharistické*. Brno, 1918. S. 5.

21 «In dextera patris debet ipsum substancialiter ut verum deum adorare [...] in sacramento vero debet ipsum digne memorare». Трактат Микулаша из Пелгржимова «О почитании» опублик.: *Ibid.* S. 52.

22 Подробнее: *Cook W. R. John Wyclif and Hussite Theology, 1415–1436 // Church History*. 1973. Vol. 42. No. 3. P. 340.

23 «und er wolte aber darin das heilig sacrament und ander vil stück, die nit zü schriben sint, und alles von hasses und nides wegen. also was meister Hus doch überwonden mit recht von dem ganzen gemeinen concilium, daz meister Hus verbrant wart». *Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitaltes Kaiser Sigmunds / hrsg. v. Wilhelm Altmann*. Berlin, 1893. S. 107–108.

Моравский <из Крварж>²⁴. Таким образом, Виндеке видел между Яном Гусом и гуситами, равно как между их «еретическими» учениями, непосредственную преемственность.

Одновременно Эберхард приписал Гусу осуждение пороков духовенства и требование секуляризации церковных имуществ: «священники несправедливы в своем высокомерии, алчности и порочности (курсив мой. — Н. Н.), а также в том, что имеют неизмеримые пребанды и доходы, держать которые им незачем»²⁵. Считал ли так Ян Гус в действительности? Первая часть утверждения походит на переложение комментария Яна Гуса на 11-ю статью своего трактата «О церкви», которое тот сделал на третьем слушании 8 июня 1415 г.: «Злоупотребляют властью те, кто продают и покупают церковный сан, добиваются епископств, каноникатов и приходов, словно Симон, кто недостойным образом извлекает прибыль от совершения таинств, кто живет в жадности, наслаждении и роскоши (курсив мой. — Н. Н.) или в каком-либо преступлении, — все они пятнают сан священника. Как мы прочтем в первом письме <апостола Павла> к Титу, “хоть такие люди и заявляют, что знают Бога, делами они отрицают это”. Следовательно, такие люди не верят в Бога, и, словно неверные сыны, неверно судят о семи церковных таинствах»²⁶. Виндеке верно уловил Гусово обличение стяжательства и разврата в церковной среде. Вполне вероятно, что он присутствовал на третьем слушании, как в этом убеждена составитель его итинерария — Рената Скорка, либо же почерпнул эти слова от некоего очевидца²⁷. Иначе обстоит дело с утверждением о том, что священники

24 «und do wurdent die Behemer noch böser und hielten es die Behemschen herrn fast mit den ketzern und Hussen wanne der konig und die koniginne von Behem, her Schinko von Wartenberg, der von dem nuwen huse, der grosse herre Latzgo von Merhern». — Ibid.

25 «also wart meister Huß verhort: und gap der meister Huß für zu dem ersten, das die pfaffen ungerecht werent mit hoffart mit grittikeit und unkúscheit und überflüssig pfrunden und gulten, die in unnützlich werent zu halten». — Ibid.

26 «Illum eciam abusum potestatis exercebant, qui sacros ordines vendunt et emunt, episcopatus, canonicatus et plebanias simoniace adquirunt, qui de sacramentis inportune exigunt, qui avare, voluptuose et luxuriose vel quomodolibet criminose viventes sacerdotii polluunt potestatem. Illi etsi confitentur se nosse deum, factis autem negant — ad Titum primo — et per consequens non credunt in deum et sic ut filii infideles infideliter sentiunt de VII sacramentis ecclesie». — *Novotný V. Fontes...* P. 87.

27 *Skorka R. Eberhard Windecke itinerarium // Világtörténet. 31. évf. 2009. 36. l.*

не нуждаются в каких-либо доходах. Похожего мнения придерживался Виклиф, который утверждал: «Противоречит Священному Писанию то, что люди церкви обладают именьями» (10-я статья) / «Папа и все его клирики, владеющие именьями, являются еретиками по той причине, что владеют» (36-я статья). Но еще в январе 1415 г. Гус не согласился ни с одной, ни с другой статьей «английского ересиарха», заявив: «Никогда я так не считал, и не считаю, потому что сам обладаю именем»²⁸. Церковные бенефиции чешский проповедник не отвергал как институт, но напрямую соотносил с исполнением обязанностей священника. Об этом свидетельствует его заявление 8 июня 1415 г.: «И я готов пояснить, что всякий, кто словно Симон вступает в права владения епископством, прелатурой или иным бенефицием, не имея намерения трудиться в церкви Господней, но чтобы жить в удобствах, наслаждениях, роскошествах и чтобы возгордиться (курсив мой. — Н. Н.), — тот вступает в права не через двери смирения, не через Иисуса Христа, но через что-то иное; и согласно Евангелию, всякий такой человек — вор и разбойник»²⁹. Таким образом, для Гуса не было и речи о том, чтобы запретить для духовенства «светскую власть над богатствами и земными именьями», возвратив его «к Евангельскому закону и к апостольской жизни, какой жил Христос вместе со своими апостолами» — что сделали гуситы в 1420 г., провозгласив третью Пражскую статью³⁰.

28 «*Contra scripturam sacram est, quod viri ecclesiastici habeant possessiones: Non teneo, nec tenui, sed sto in isto ad sententiam sanctorum Augustini, Jeronimi, Gregorii et aliorum sanctorum*» / «*Papa cum omnibus clericis suis possessionem habentibus sunt heretici, eo quod possessiones habent, et omnes consencientes eis, sc. domini seculares et laici ceteri: non tenui, nec teneo, quia solus possessionem habeo*». — Sedlák J. M. Jan Hus. S. 306, 309.

29 «*Et ego dico ulterius, quod quicumque intrat episcopatum, prelaciā vel quodcumque beneficium symoniace, non ea intencione, ut laboret in ecclesia dei, sed magis, ut vivat delicate, voluptuose, luxuriose et ut superbiat, quilibet talis ascendit aliunde, cum non ascendat per humile hostium, Ihesum Christum dominum. Et teste ewangelio, quilibet talis fur est et latro etc.*». — Novotný V. Fontes... P. 99.

30 «*Tercio, quod dominiumulare super divitiis et bonis temporabilis, quod contra preceptum Christi clerus occupat in preiudicium sui officii et dampnum brachii secularis ab ipso auferatur et tollatur et ipse clerus ad regulam evangelicam et vitam apostolicam, qua Christus vixit cum suis apostolis, reducatur*». Статью приводит Лаврентий из Бржезовой в своей «Хронике гуситов» (*Chronica hussitarum*). Оупбл. в: Emler J. et al. Fontes rerum bohemicarum. Praha, 1893. D. 5. S. 393.

Удивительно, что Эберхард Виндеке не только приписал Яну Гусу утверждение, что клирикам «незачем держать неизмеримые пребенды и доходы», но и заявил, словно от имени самого Констанцкого собора: «И это было в самом деле так: в этом он выдержал испытание»³¹. Совершенно исключено, что в 1415 г. Гус либо же его судьи могли солидаризоваться с этой идеей, которую исповедовали виклифиты и последующие гуситы. Следует отметить, что сам автор «Книги императора Сигизмунда» неоднократно подвергает критике как нравственные качества, так и доходы духовенства. «О духовных лицах слышно совсем мало хорошего, но зато много об их злобном и презрительном высокомерии и произволе»³², — полагал Виндеке. «Вот так вело себя духовенство у христиан: всюду было слышно про зло и войну, и кто все это учинял? Епископ, пробст, преподобный декан, священник», — заявил Эберхард Виндеке после того, как описал нападение епископа Бамбергского на собственный город. К этому он добавил: «И миряне были так обременены этими духовными лицами, что были неувидительны столь великое число и сила гуситов, увеличивавшиеся все больше без препятствий со стороны Господа, ведь этот срам покрыл чуть ли не всю землю»³³. Причину же «всех войн, которые были тогда в немецких землях», Эберхард видел в церковных бенефициях (ср.-в.-нем. *almusen*, досл. «подаяние»). Именно привилегии духовенства стали причиной конфликта в его родном городе Майнце, который погряз в долгах. Тамошний клир отказался пойти навстречу городу и заплатить подать с ввозимого вина, от которой он был издавна избавлен. В результате конфликта архиепископ вместе с духовенством покинул город и наложил на него интердикт³⁴.

31 «also wart meister Huß verhort: und gap der meister Huß für zu dem ersten, das die pfaffen ungerecht werent mit hoffart mit grittikeit und unkü-scheit und überflüssig pfrunden und gulten, die in unnützlich werent zu halten. das was im selber also: dobi were er wol bestanden». — Windecke E. Denkwürdigkeiten... S. 107–108.

32 «man hort gar wenig gütz von den geistlichen, sondern itel böse snode hoffart und eigenwillen und mütwillen». — Ibid. S. 387.

33 «also stunde es in der cristenheit mit der pfaffheit: wo man etwas böses horte oder krieg, wer düt das? der bischof der dumprobst der herlich dechen der pfaff. und woren die leien von den geistlichen so sere uberladen, das es nit wonder wer gewesen, hette es got nit selber versehen, das die Hussen und ketzer etwas vil grosser und vil sterker worent gewesen, wanne solichs unbilichs zuvast vil uf ertrich alumbe und umbe was». — Ibid. S. 238–239.

34 Hegel C. Verfassungsgeschichte von Mainz im Mittelalter. Leipzig, 1882. S. 128–131.

Виндеке воспринимал данный конфликт столь остро, что в одном месте даже выразил свою солидарность с гуситами: «Церковные бенефиции наносили наибольший ущерб и вызывали большинство войн во всех немецких землях; потому я, наконец, согласился с гуситами, которые считали, что мир наступит, если священникам ничего не давать и забрать у них то, что они имеют»³⁵. Очевидно, что на память Эберхарда Виндеке о суде над Яном Гусом наложили отпечаток его собственные воззрения.

Гуситы: Лаврентий из Бржезовой

В Констанце Яна Гуса сопровождали и поддерживали представители чешской шляхты, в частности — Ян из Хлуму, который во время второго слушания 7 июня 1415 г. заявил участникам собора: «Есть много могущественных господ, которые почитают Гуса. Обладая крепчайшими замками, они будут его охранять столь долго, сколько захотят — даже вопреки воле обоих королей (т. е. братьев Сигизмунда и Вацлава. — *Н. Н.*)»³⁶. 2 сентября 1415 г. 452 чешских и моравских пана и рыцаря направили в Констанц письмо, в котором заявили: отцы Собора «прокляли и предали жестокой смерти его (Яна Гуса. — *Н. Н.*) словно непримиримого еретика — *не переубежденного и не уличенного, как это полагается по закону* (выделено мной. — *Н. Н.*), но на основании лживых обвинений, доносов и подстрекательств со стороны заклятых врагов и предателей его, нашего королевства и маркграфства Моравского, не доказав против него никаких заблуждений или ересей»³⁷. Эта позиция прямо противоположна воспоминаниям Эберхарда Виндеке о том, что «магистр Гус был справед-

35 «die almüsen doten den grösten schaden und machten den grösten krieg in allen Dútschen landen; darumb gap ich den Hussen am ende recht, die meinten, das wanne man in nüt gebe und ouch neme und sie hielte also pfaffen, so möcht man friden gemachen». — *Windecke E. Denkwürdigkeiten...* S. 380.

36 «Et sunt multi et magni domini, qui eum diligunt, qui habent fortissima castra, qui eum foverent, quam diu vellent, eciam contra istos ambos reges». — *Novotný V. Fontes...* P. 81.

37 «non confessum, nec legitime ut decebat, convictum, nullisque contra eum deductis et ostentis erroribus et heresibus, sed ad sinistras falsas et importunas dumtaxat suorum et regni nostri et marchionatus Moravie capitalium inimicorum et proditorum accusationes, delaciones et instigaciones tamquam hereticum pertinacem condempnastis et condempnatum dira et turpissima morte affecistis». — *Novotný V. Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty. Praha, 1915. S. 61–62.*

ливо уличен / повержен (ср.-в.-нем. *uberwonden*. — *H. H.*) совокупным всеобщим собором»³⁸. Сторонники Гуса воспринимали в качестве доказательства виновности покаяние, подчеркивая, что Гус был предан смерти нераскаянным (лат. *non confessus*). В приговоре над Яном Гусом требуемая процедура, выражаемая глаголом *confesso*, представлена совершенно иначе: доказательством виновности объявляется, что Гус «собственноручно написал и исповедовал» книги с тезисами Виклифа (лат. *in libris prefati Johannis Huss per eum confessatis et de manu propria scriptis*). Возможно, что уличение и раскаяние как критерии ереси в устах сторонников Гуса восходят к той позиции, которой придерживался сам чешский проповедник. На третьем слушании 8 июня 1415 г. он публично заявил: «Я же считаю, что сначала еретика (если он таковым является) необходимо дать наставление из священных текстов и рассуждений, сделанных на их основе, — как делали Августин и иные святые, которые вели споры с еретиками»³⁹. Увидев, что его слова встречают неприятие собора, который так и не вступил в диспут по поводу его учения о церкви, Гус заявил: «Те, кто передает невинного человека светской власти для казни, поступают так, словно первосвященники, писцы и фарисеи по отношению ко Христу, когда предали его Пилату»⁴⁰. Не только справедливость итогового решения, но и правильность самого процессуального порядка соборного суда над еретиком уже в 1415 г. были поставлены под сомнение.

Сравнив отцов Констанцкого собора с фарисеями, Гус сам себя уподобил Христу. Сравнение приговора над Гусом с евангельским рассказом о преддверии казни Иисуса Христа содержится в словах канцлера Нового Пражского города, утраквиста Лаврентия из Бржезовой: «Седьмого июля, в пятницу после дня Св. Бонифация, в 11 часов

38 «also was meister Hus doch uberwonden mit recht von dem ganzen gemeinen concilium, daz meister Hus verbrant wart». — *Windecke E. Denkwürdigkeiten...* S. 108.

39 «Ego dico, quod hereticus, qui talis esset, primo deberet pulcre, pie, humiliter scripturis sacris et racionibus ex illis elaboratis instrui, sicut (sic!) fecerunt sancti Augustinus et alii cum hereticis disputantes. Si vero nullo modo vellet desistere ab erroribus, premissa instructione tali, ego non dico, quod talis non deberet puniri eciam corporaliter, sed semper dico, quod debet precedere instruccio talis ex scripturis etc.». — *Novotný V. Fontes...* P. 90.

40 «Illi, qui innocentem ad mortem barchio seculari exponerent, sicut (sic!) fecerunt principes sacerdotum, scribe et Pharisei Christo, ipsum Pilato tradentes». — *Ibid.* P. 91.

целиком потухло солнце, так что было невозможно служить мессы без светильников — в знак того, что Христос, светоч правосудия, померк в сердцах многих прелатов, пышущих злобой и желающих предать смерти магистра Яна Гуса»⁴¹. О преклонении «богемской нации» перед Гусом как «перед апостолом или препрославленным мучеником» пишет и один из отцов Констанцкого собора, Дитрих фон Ним⁴².

Тем удивительнее, что в гуситских манифестах 1420-х гг. фигура Яна Гуса и его смерть не применялись в качестве образа для конструирования «гуситской идентичности»: они издавались от имени конкретных индивидов и корпораций — пражских городов, чешских панов и рыцарей, общины и войска Таборского, которые вкупе именовали себя «сторонниками Божьего закона» (ст.-чеш. *k zákonu božiemu... příchylni*)⁴³. Впервые термин «гусит» появляется в актах Констанцкого собора в ярко выраженном пейоративном смысле. 10 июня 1416 г. соборный синод потребовал от имперских князей, собравшихся в Эгере, «выставить воинов веры против секты виклефитов и гуситов, достойной проклятия, а также ее пособников, каким бы достоинством или титулом они ни обладали (имеется в виду сам король Чехии Вацлав. — Н. Н.)»⁴⁴. Автор «Хроники гуситов» (лат. *Chronica Hussitarum*), Лаврентий из Бржезовой, именует «гуситами» сторонников всеобщего причастия под обоими видами, при этом чаще всего — в такой конструкции, которая подчеркивает, что не они сами, но иные называли их таким образом («евангелические священники, причащав-

41 «Item VII die mensis Junii que erat feria VI post Bonifacii hora XI eclipsatus est totus sol, ita quod non poterant misse sine luminibus celebrari, in signum, quod sol iusticie Christus in cordibus prelatorum multorum ad mortem Magistri Johannis Hus de proximo per concilium mortificandi anhelancium fuit obscuratus». — *Emler J. et al. Fontes...* P. 338.

42 «Et sic modicum profecimus, mittendo ipsum ad procurandum salutem in natione perversa, quae ipsum Joannem Huß praedicat & concelebrat quasi pro Apostolo, seu martyro glorioso». Трактат Дитриха фон Нима «О жизни и судьбах папы Иоанна XXIII в Констанце» (лат. *De vita ac fatis Constantiensibus Johannis Papae XXIII*) опубл. в: *Magnum oecumenicum...* Т. 2. P. 426.

43 Из манифеста Чаславского сейма 7 июня 1421 г.: *Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký. Praha, 1844. D. 3. S. 227.*

44 «fidei pugiles invictissimi adversus hanc Wicklefistarum et Hussistarum sectam dampnabilem et fautores illius, quacunque prefulgant dignitate vel principatus honore, fideliter assurgite». — *Acta concilii Constantiensis / hrsg. v. H. Finke. Münster, 1928. T. 4. P. 518.*

шие простой народ из чаши, именуемые в то время виклифистами или по-другому гуситами»⁴⁵. Название «Хроники гуситов» восходит к устному / письменному дискурсу противоположной стороны — но не к самоназванию тогдашних сторонников утраквизма.

В сентябре 1419 г. чешский сейм (не только шляхта, но и небогатая «община» — городские власти) сформулировал прошение брату и наследнику короля Вацлава — Сигизмунду. Целью было, чтобы «новый король» соблаговолил утвердить те статьи, которых якобы придерживался его покойный брат. Среди данных статей была следующая: «Чтобы никто в Чешской земле не называл еретиками магистра Гуса и магистра Иеронима, поскольку иначе будет распря между людьми; те же, кто поклялся в чем-либо против тех, кого они именуют виклефами или гусами, — чтобы на таких обвинителей законная управа была с тем же самым наказанием, <которого они требуют для гуситов>, либо же чтобы те перестали обвинять, или же чтобы таких обвинителей в городах не терпели»⁴⁶. Очевидна причина, из-за которой общекоролевский сейм согласовал данную просьбу. Понятия «гусит» и «виклифит» лишь препятствовали интеграции на уровне королевства, обособляя гуситские сословия от католических. Равным образом, ругательство не могло быть использовано самими гуситами для собственного интегрирующего самоназвания. Характерно, что таборитский проповедник Иоганн фон Зац назвал чисто виклифистский тезис о сохранении природы материального хлеба в освященном причастии «католическим принципом» (лат. *sensus catholicus*)⁴⁷. В отличие от пражских чашников, таборитские священники пошли на полный разрыв с римской курией тем, что в 1421 г. избрали Микулаша из Пелгржимова собственным епископом. Тем не менее, даже их представитель считал себя частью христианства именно католического, досл. — «вселенского» (от греч. *καθολικός*)⁴⁸.

45 «sacerdotes evangelici magistro Johanni Hus faventes et communionem calicis ad populum communem promoventes, tunc Wikleffiste et alias Hussite nuncupati». — *Emler J. et al. Fontes...* P. 344.

46 «item aby mistr Hus a mistr Jeronym od nižádného w zemi nebyli kaceřowáni, neb jinak bude swár mezi lidmi; a ti kteříž sú co přísáhali proti těm, jenž je jmenuji Wiklefy neb Husy, aby práwem na ně dowodli pod túž pokutu, aneb aby haňeti přestali; jinak aby w městě nebyli trpieni». — *Archiv...* S. 208–209.

47 *Sedlák J. Tábořské traktaty...* S. 5.

48 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 2. С. 210, 212.

7 июня 1421 г. пражские города, архиепископ Конрад Пражский, некоторые чешские паны, рыцари и панюши (как гуситские, так и католические) и Таборская община совместно объявили уже коронованного короля Сигизмунда низложенным с чешского престола. Основанием послужили сформулированные ими жалобы на те «несправедливости» (ст.-чеш. *neřádowé*), которые совершил их правитель, в том числе: «что Ваша милость допустила сожжение магистра Яна Гуса вопреки своему глейту — на позор всему чешскому народу»⁴⁹. То, что данный проступок Люксембурга упомянут на первом месте, не означает, что участники Чаславского сейма считали наиболее тяжким именно его: провинности Сигизмунда по отношению к Чешской короне расположены в хронологическом порядке. Гораздо важнее, что убийство Гуса приобретает вид преступления не церковно-правового / нравственного, но политического. «Чешский народ» (ст.-чеш. *jazyk český*) в гуситских манифестах обозначает политическую общность богемцев, вне зависимости от их языковой принадлежности (ср. его средневерхненемецкий и латинский аналоги: *die behmische zünge / lingua Christiani regni Bohemie*)⁵⁰. Политическим преступлением казнь Гуса считали и составители грамоты 1415 г., когда заявили, что проповедника умертвили «в вечный позор христианнейшему Чешскому королевству и сиятельнейшему маркграфству Моравскому»⁵¹. Однако в сравнении с письмом 452 шляхтичей в Констанц грамота Чаславского сейма 1421 г. даже не упоминает о том, что Гус был приговорен

49 «První neřád: že WMt mistra Jana Husi pod swým gleitem dopustila upáľiti, ha hanbu a potupu všemu Českému jazyku». Archiv... S. 230.

50 Письмо пражского гетмана Гинека Крушины из Лихтенбурка, Викторина из Кунштату и на Подебрадах, Гинека из Вальдштейна и Кольштейна, Прокопа из Усти, а также бургомистров, совета и общины Старого и Нового Пражского города к бургомистру, совету и общине города Кадань от 5 ноября 1420 г.: Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg. Ansbacher Kriegsakten. A. 6; Письмо бургомистров, советников и общин Старого и Нового Пражского города, Малой Страны («Меньшего города»), а также «начальников баронов, рыцарей и оруженосцев чешской конгрегации и общин Чешского королевства» к маркграфу Мейсенскому Фридриху от 7 июля 1421 г. Urkunden der Markgrafen von Meissen und Landgrafen von Thüringen in den Jahren 1419–1427 / bearb. v. H. Ermisch und B. Reissig. Leipzig, 1941. № 144. S. 87–88.

51 «in nostri regni Boemie christianissimi et marchionatus Moravie clarissimi ac omnium nostrum perpetuam infamiam et notam». — *Novotný V. Hus v Kostnici...* S. 61.

несправедливо, — не говоря уже о приведении каких-либо аргументах в пользу этого. Представляется, что именно политический конфликт как гуситских, так и католических сословий с королевской властью стал причиной того, что в гуситской памяти в 1420-х годах приговор Яну Гусу приобрел ярко выраженный политизированный вид, более того — характер аргумента давления на Сигизмунда. Участники Чаславского сейма, не порывая с Люксембургом окончательно, выдвинули ему условия для продолжения диалога.

Заключение

Авторы «Истории Констанцкого собора» и «Книги императора Сигизмунда», Дитрих Фри и Эберхард Виндеке, ошибочным образом считали именно Гуса основателем современной им гуситской ереси. По этой причине на их воспоминания о Констанцском процессе над Гусом в 1420-х и 1430-х гг. (время составления произведений) преобразующее воздействие оказали реалии теологических и социальных противоречий между католиками и гуситами по вопросам о признании / отрицании пресуществления, а также — о праве духовенства на обладание церковными бенефициями. Автор «Хроники гуситов» Лаврентий из Бржезовой уподоблял гибель Гуса казни Иисуса Христа — вслед за тем, как и сам Гус сделал это, косвенно назвав фарисеями тех, кто был готов предать его светской власти на казнь без должного разбирательства. В то же время в Чешском королевстве гибель Яна Гуса не привела к тому, что сторонники причащения под обоими видами, в том числе — и сам автор «Хроники», к началу 1420-х гг. сформулировали собственную идентичность именно как гуситскую. Обвинение Яна Гуса в ереси и приговор ему, с одной стороны, провоцировали рознь между чехами — сторонниками двух разных обрядов, поскольку уже само его имя применялось католиками для оскорбления утраквистов; с другой — создали политический топос оскорбления Чешского королевства, который был должен выступать в качестве фактора надконфессиональной консолидации против короля, к которой стремились утраквисты. Наряду с иными, образ казни Яна Гуса в нарушение королевской грамоты о неприкосновенности применялся гуситскими мятежниками в качестве аргумента *ad hoc* — слабой попытки узаконить хотя бы в масштабах королевства свой нелегитимный отказ в подчинении наследному королю-Люксембургу.

Источники и литература

Нюрнберг. Государственный архив. Staatsarchiv Nürnberg.

Галямичев А. Н. Ян Гус в исторической памяти народов Европы // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 107–118.

Наумов Н. Н. «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 65–83.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Азбука, 1996. Т. 2. 671 с.

Новиков Е. П. Гус и Лютер. М.: б. и., 1859. Т. 1. 456 с.; Т. 2. 468 с.

Acta concilii Constantiensis / hrsg. v. H. Finke. T. 4. Münster: Regensburgerische Buchhandlung, 1928. CIII + 1024 p.

Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký. D. 3. Praha: w Kommissi u Kronbergra i Říwnáče, 1844. 628 s.

Bartlová M. Obraz jako náboženský problém // Umění české reformace (1380–1620) / vyd. K. Horníčková a M. Šroněk. Praha: Academia, 2010. S. 41–61.

Cook W. R. John Wyclif and Hussite Theology, 1415–1436 // Church History. Cambridge, 1973. Vol. 42. No. 3. P. 335–349.

Emler J. et al. Fontes rerum bohemicarum. Praha: nákladem nádání Františka Palackého, 1893. D. 5. XLVI + 644 s.

Fernández Luis S. Benedicto XIII: antipapa o papa? Barcelona: Ariel, 2002. 324 p.

Hegel C. Verfassungsgeschichte von Mainz im Mittelalter. Leipzig: S. Hirzel, 1882. V + 243 s.

Kejř J. Husův proces. Praha: Vyšehrad, 2000. 235 s.

Keßler M. «Wir sind alle Hussiten, ohne es zu wissen» — zum Tod von Jan Hus // Liturgie und Kultur. Zeitschrift der liturgischen Konferenz für Gottesdienst, Musik und Kunst. Jg. 6. 2015. H. 2. S. 52–64.

Kirsch J.P. John XXIII // Catholic Encyclopedia. New York: Appleton, 1913. Vol. 8. P. 434–435.

Krofta K. et al. Mistr Jan Hus v životě a památkách českého lidu. Praha: s.p., 1915. 123 s.

Macek J. Jean Hus et les traditions hussites. Paris: Plon, 1973. 390 p.

Magnum oecumenicum Constantiense concilium / opera et labore Hermannii von der Hardt. Francofurti et Lipsiae: in officina Christiani Genschii, 1697. T. 1–6. T. 1. 1172 p.; T. 2. 624 p.

Novotný V. Fontes rerum bohemicarum. Praha: nákladem nádání Františka Palackého 1932. D. 8. CLX, 524 p.

Novotný V. Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty. Praha: Společnost přátel starožitnosti českých v Praze, 1915. 99 s.

Palacký F. Dějiny národu českého w Čechách a na Morawě. D. 3. Č. 1. Od roku 1403 do 1424. Praha: nákladem knihkupectví J.G. Kalve a pomocí Českého muzeum, 1850. IX, 542 s.

Richental U. Chronik des Constanzer Conzils 1414 bis 1418 / hrsg. v. M. R. Buck. Tübingen: der Literarische Verein in Stuttgart, 1882. 255 s.

Sauerland H.Y. Gregor XII. von seiner Wahl bis zum Vertrage von Marseille // Historische Zeitschrift. 1875. Bd. 34. H. 1. S. 74–120.

Sedlák J. M. Jan Hus. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1915. 370 s.

Sedlák J. M. Táborské traktaty eucharistické. Brno: Papežská knihtiskárna benediktinů rajhradských, 1918. 107 s.

Skorka R. Eberhard Windecke itineráriumu // Világtörténet. 31. évf. 2009. 34–50. l.

Šmahel F. Jan Hus: život a dílo. Praha: Argo, 2013. 312 s.

Urkunden der Markgrafen von Meissen und Landgrafen von Thüringen in den Jahren 1419–1427 / bearb. v. H. Ermisch und B. Reissig. Leipzig: B. G. Teubner, 1941. XIX, 508 s.

Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitaltes Kaiser Sigmunds / hrsg. v. Wilhelm Altmann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. XLVIII, 591 s.

Winfried E. Jan Hus und Martin Luther // Deutsche und Tschechen. Geschichte — Kultur — Politik / hrsg. v. W. Koschmal. München: Beck, 2001. S. 50–56.

References

Staatsarchiv Nürnberg.

Acta concilii Constantiensis. Hrsg. v. H. Finke, vol. 4. Münster: Regensburgische Buchhandlung, 1928. CIII + 1024 p.

Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký, vol. 3. Praha: w Kommissi u Kronbergra i Řiwnáče, 1844. 628 s.

Bartlová M. Obraz jako náboženský problém. *Umění české reformace (1380–1620)*, vydali K. Horníčková a M. Šroněk. Praha: Academia, 2010, p. 41–61.

Cook, W.R. John Wyclif and Hussite Theology, 1415–1436. *Church History*, vol. 42, no. 3, 1973, p. 335–349.

Emler, J. et al. *Fontes rerum bohemicarum*, vol. 5. Praha: nákladem nádání Františka Palackého, 1893. XLVI + 644 p.

- Fasmer, M. *Étimologičeskii slovar' russkogo iazyka*, vol. 2. Saint-Petersburg: Azbuka, 1996. 671 p.
- Fernández, L. S. *Benedicto XIII: antipapa o papa?* Barcelona: Ariel, 2002, 324 p.
- Galiamichev, A. N. Jan Hus v istoricheskoj pamiaty narodov Evropy. *Dialog so vremenem*, vol. 53, 2015, p. 107–118.
- Hegel, C. *Verfassungsgeschichte von Mainz im Mittelalter*. Leipzig: S. Hirzel, 1882, V + 243 p.
- Kejř, J. *Husův proces*. Praha: Vyšehrad, 2000, 235 p.
- Keßler, M. «Wir sind alle Hussiten, ohne es zu wissen» — zum Tod von Jan Hus. *Liturgie und Kultur. Zeitschrift der liturgischen Konferenz für Gottesdienst, Musik und Kunst*, vol. 6, no. 2, 2015, p. 52–64.
- Kirsch J.P. John XXIII. *Catholic Encyclopedia*, vol. 8. New York: Appleton, 1913, p. 434–435.
- Krofta, K. et al. *Mistr Jan Hus v životě a památkách českého lidu*. Praha: s. p., 1915, 123 p.
- Macek, J. *Jean Hus et les traditions hussites*. Paris: Plon, 1973, 390 p.
- Magnum oecumenicum Constantiense concilium*. Opera et labore Hermanni von der Hardt. Francofurti et Lipsiae, Typis Salomonis Schnorrii, 1700. 6 vols. Vol. 1, 1172 p. Vol. 2, 624 p.
- Naumov, N. N. «Kniga imperatora Sigismunda» Eberharda Windecke: avtor i problema zhanra. *Peterburgskii istoričeskii zhurnal*, no. 1, 2016, p. 65–83.
- Novikov, E. P. *Hus i Luther*. Moscow: s.p., 1859. 2 vols. Vol. 1, 456 p. Vol. 2, 468 p.
- Novotný, V. *Fontes rerum bohemicarum*, vol. 8. Praha: nákladem nádání Františka Palackého, 1932. CLX, 524 p.
- Novotný, V. *Hus v Kostnici a česká šlechta. Poznámky a dokumenty*. Praha: Společnost přátel starožitnosti českých v Praze, 1915, 99 p.
- Palacký, F. *Dějiny národu českého w Čechách a na Morawě*, vol. 3, p. 1. Praha: nákladem knihkupectví J. G. Kalve a pomoci Českého muzeum, 1850. IX + 542 p.
- Richental, U. von. *Chronik des Constanzer Conzils 1414 bis 1418*. Hrsg. v. M. R. Buck. Tübingen: der Literarische Verein in Stuttgart, 1882, 255 p.
- Sauerland H.Y. Gregor XII. von seiner Wahl bis zum Vertrage von Marseille. *Historische Zeitschrift*, vol. 34, no. 1, 1875, p. 74–120.
- Sedlák J. M. *Jan Hus. Přílohy*. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1915, 370 p.
- Sedlák J. M. *Táborské traktaty eucharistické*. Brno: Papežská knihtiskárna benediktinů rajhradských, 1918, 107 p.
- Skorka R. Eberhard Windecke itinerárium. *Világtörténet*, vol. 31, no. 1, 2009, p. 34–50.
- Šmahel F. *Jan Hus: život a dílo*. Praha: Argo, 2013, 312 p.
- Urkunden der Markgrafen von Meissen und Landgrafen von Thüringen in den Jahren 1419–1427*. Bearb. v. H. Ermisch und B. Reissig. Leipzig: B. G. Teubner, 1941. XIX, 508 p.

Windecke, E. *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitaltes Kaiser Sigmunds*. Hrsg. v. Wilhelm Altmann. Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. XLVIII, 591 p.

Winfried E. Jan Hus und Martin Luther. *Deutsche und Tschechen. Geschichte — Kultur — Politik*; hrsg. v. W. Koschmal. München: Beck, 2001, p. 50–56.

Nikolay N. Naumov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The Trial of Jan Hus in the memories of Catholics and Hussites:
Dietrich Vrie, Eberhard Windecke and Vavřinec z Březové (1415–1440)

The paper deals with the Hussite and the Catholic memories concerning the judgment against Jan Hus drawn up by the Council of Constance. The Catholics Dietrich (Theodericus) Vrie and Eberhard Windecke while composing their writings in the 1420s and 1430s misrepresented the proceeding of the year 1415, which they had probably witnessed. They considered Hus to be condemned for heresy because of his misinterpretation of Holy Communion. However, the documents deriving from the time of the Council do not prove this opinion, which could possibly emerged because of the theological and societal clashes between the Catholics and the Utraquists during the Hussite wars. The second chapter discovers two manners the Utraquists memorized Jan Hus: 1) they described the death of Hus similarly to the death of Christ as Vavřinec z Březové did; 2) the Bohemian estates summoned on the Diet in Časlav in the year 1421 (the Utraquists as well as the Catholics) considered the Hus' death to be an instrument of political pressure against King Sigismund. However, the judgment of 1415 had not instantly created a Hussite identity for those who defended the Utraquism in the 1420s, because the term "Hussite" had been being used by the Catholics as swearword from the very beginning. Finally, there is a conclusion drawn that memory of Jan Hus as well as the term "Hussite" have been an impediment to the societal integration of Bohemian kingdom while emphasizing its confessional division contrary to the attempts of the Utraquists to unite the country in the face of King Sigismund.

Keywords: *Council of Constance, Jan Hus and John Wycliffe, the Catholics and the Hussites, the Hussite wars, the collective memory.*

**«Слуги царские»: литвин Шимон Ромейков
и сын боярский Василий Шалыгин — информаторы Москвы
накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.**

В 1632 г. истекал срок перемирия, подписанного между Московским государством и Речью Посполитой в декабре 1618 г. По условиям этого мирного соглашения Москва уступала польской стороне ряд западных территорий, среди которых были Смоленск, Невель, Себеж, а также города Северной земли (Трубчевск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород-Северский). Следует отметить, что в русской столице подготовка к грядущей войне началась уже в конце 1620-х годов. В частности, это касалось сбора данных о событиях в Речи Посполитой через разведчиков, шпионов и информаторов, некоторые из которых действовали на территории Северной земли, а точнее — на русско-польском пограничье. В документации Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (г. Москва) хранится небольшой комплекс документов о деятельности двух информаторов с территории Литвы: шляхтича-литвина Шимона Ромейкова и русского сына боярского Василия Шалыгина. Подробности их вербовки на русскую службу неизвестны, однако уже с 1629 г. эти люди вели активную переписку с брянскими воеводами, сообщая обо всем, что происходило в Польше. Наиболее актуальной их информация оказалась в 1632 г., когда в Речи Посполитой начался период «бескорольвья». Именно тогда в Москве посчитали нужным взять реванш и досрочно объявить войну своему соседу.

Ключевые слова: *Смоленская война 1632–1634 гг., Московское государство, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, шляхта, Деулинское перемирие 1618 г.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.02

Для периода раннего Нового времени в известных исследователям источниках содержится не так уж много данных об информаторах, шпионах и разведчиках с территории Речи Посполитой, сообщавших русским воеводам ценные сведения о событиях в своей

стране. Особенно это касается непосредственно уроженцев польско-литовского государства, выходцев из шляхты, что, пожалуй, само по себе является исключением из правил. Основное внимание в данной статье уделено двум таким людям — шляхтичу Семену Ромейкову, который в источниках чаще всего упоминался под польским именем Szymon (он же Шиман, литвин Семен Шиман, Семен Ромейкович или Семен Петрович), а также его товарищу, почепскому сыну боярскому Василию (Васько) Шалыгину. Накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. Шимон с сыновьями и Василием Шалыгиным являлись информаторами брянских воевод о положении дел в Польше. Данные сведения доставлялись в Брянск не только в устной форме (через русского лазутчика, крестьянина Богдашку Алексеева), но и в виде писем, написанных лично Шимоном Ромейковым так называемым белорусским письмом.

О самом Шимоне Ромейкове, его происхождении, а также подробностях вербовки московским правительством (если таковая вообще имела место) сведений не имеется. Исходя из неоднократного упоминания термина «литвин» в касавшейся Шимона переписке с Разрядным приказом брянских воевод кн. Василия Ромодановского и Никиты Оладына, можно предположить, что герой нашего повествования происходил из православной белорусской шляхты и, возможно (!), являлся потомком смоленского наместника Гурия (Гурко) Ромейко, жившего в XVI столетии. Однако вопрос этот остается открытым и требует дополнительного изучения.

В 1618 г. Почеп вместе с другими городами Северной земли (Трубчевском, Новгородом-Северским, Стародубом, Моровском и Черниговом) по условиям Деулинского мирного соглашения отошел к Польше. Гарнизоны этих городов, а также представители местного дворянства (включая детей боярских) по царскому указу были вынуждены переселиться в окраинные города Московского государства: Брянск, Рыльск, Карачев и Путивль. При этом необходимо отметить, что покинули эти так называемые отдаточные города далеко не все дворяне и дети боярские. Наибольшее число служилых помещиков, не вышедших на русскую территорию после 1618 г., находилось в Стародубе — 44 человека. По разным оценкам, не более 10 человек остались в Почепе и около 25 человек — в Трубчевске (здесь они составляли так называемый двор князей Трубецких)¹. Видимо, главной причиной,

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 687.

по которой местное дворянство не пожелало выехать в Московское государство, была верность присяге польскому королю Сигизмунду III. На Руси все эти стародубцы, почепцы и трубчане, разумеется, считались изменниками.

Права русского дворянства на собственные поместья и вотчины «в отдаче» были подтверждены королевскими привилеями, сведения о которых содержатся в материалах Литовской метрики за 1620-е годы². К сожалению, мы не знаем, каково было соотношение русских землевладельцев и выходцев из польской шляхты в уездах «отдаточных» городов. Но стоит предположить, что шляхетское (помещичье) землевладение в данном регионе Северной земли за 14 лет его нахождения в составе Речи Посполитой едва ли успело сформироваться должным образом. Несмотря на то, что все эти уезды располагались на границе с Московским государством, их центры (города-крепости) не были

2 В 1620 г. в Стародуб прибыли польские комиссары «на ординацию замков, от Москвы рекуперованных», а также для «отбирания замков северских от Москвы, также ж и для ревидования прав от людей стану духовного, яко и дворян, сынов боярских, яко зачим хто всякие добра ойчизне и поместья держит». По данным работы этой комиссии до нас дошли две жалованных грамоты (привилеи), выданные Балтазаром Стравинским и Войцехом Глембовским детям боярским Рубцам (Рубцовым) и Борозднам (Борозниным или Бороздниним) о подтверждении их прав на поместья (см. *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории, заселения, землевладения и управления. Брянск, 2008. Т. 1. Полк Стародубский. С. 21). Помимо этого, в Литовской метрике за 1620-е годы отмечен небольшой комплекс привилеев и другим стародубским детям боярским: Родиону Скрябину, Григорию Суходольскому и Неустрою Иншину. Данные привилеи подтверждали их право на владение прежними поместьями, «которые оне перед тым за Москвы держали». Любопытна формулировка, на которую сделан акцент в каждом из таких привилеев с точки зрения характеристики того или иного сына боярского: «не хочечы на сторону московскую по застановенью перемирья з Московою переходить». Так, по данным Литовской метрики 1620-х годов, за Родионом Скрябиным были подтверждены привилеем деревни Межень, половина пустоши деревни Чулковичи, деревни Сколково, Семиречь, Глодавцы, пустошь деревни Жилской, пустошь Готожская и др.; за Григорием Суходольским — пустошь селище Седельники (Гордеенки), деревня Сартовичи; за Неустроем Иншиным — селище Волотовичи, деревни Юхновская, Рублевская и Мохначевская (РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 101. Л. 161об.–162об., 191–193об.).

хорошо укреплены в оборонительном плане и представляли собой далекую периферию польско-литовской державы. Исключением был лишь Чернигов, находившийся в центре Северной земли, стратегическое значение которого было достаточно велико.

Вероятно, именно в 1620-е гг. в Почепский уезд переселился «литвин Шиман» с семьей. Известно, что жил он в своем поместье в деревне Близница³, имел шестерых детей: четырех сыновей (Григория, Давида, Степана и Федора) и двух дочерей (имена неизвестны).

Здесь же, в Близнице, проживал и русский сын боярский Василий (Васько⁴) Шалыгин, который, судя по всему, был близким другом семьи Ромейковых. О нем известно лишь то, что он относился к тем русским детям боярским, которые не переселились в Московское государство после 1618 г.⁵ Неясно, из каких побуждений Василий Шалыгин решил послужить Москве: из-за верности православию или чувства вины за «измену». Так или иначе, накануне Смоленской войны он стал информатором русских воевод. Возможно также, что Шалыгин, будучи другом литвина Шимона, как-то повлиял на православного шляхтича, в связи с чем служить русскому царю они стали вместе. В своей деятельности Ромейков и Шалыгин были не одиноки: по видимому, в конце 20-х годов XVII столетия в Стародубе, Почепе и Трубчевске часть русских детей боярских все еще симпатизировала Москве. Так, к примеру, в источниках Разрядного приказа за 1629 г. можно встретить упоминания о стародубце Василии Тонком, ездившем на сейм и передававшем сведения через русского лазутчика в Брянск. Однако перед самым началом Смоленской войны упоминаний о нем уже нет⁶.

3 В настоящее время одноименная деревня в Почепском районе Брянской области.

4 В ряде писем от информаторов из Близницы в Брянск Василий Шалыгин фигурирует именно под этим уменьшительно-ласкательным прозвищем на западнорусский манер.

5 Привилей на поместье в Близнице Алексею и Кириллу Шалыгиным (возможно, его родственникам по отцовской линии) можно встретить в пожалованиях Сигизмунда III русским чиновникам и служилым людям 1610–1612 гг. См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4. С. 330–341.

6 РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 22. Л. 175–176; Там же. Д. 36. Л. 121–123.

Первые сведения о взаимодействии «литвина Шимана» и Василия Шалыгина с Брянском приходятся на время воеводства стольника Федора Матвеевича Бутурлина. Так, 12 ноября 1629 г. с монастырским крестьянином села Акуличи Богдашкой Алексеевым в местную приказную избу были доставлены «два листа» от литвина Шимона и почепца Василия Шалыгина. Что сообщили в своих письмах эти люди, к сожалению, покрыто тайной (документация не сохранилась), однако царским указом им было отправлено большое жалованье — «по тридцать рублей человеку»⁷.

Наиболее полная документация о контактах Близницы и Брянска встречается в источниках Разрядного приказа с апреля 1632 г. В это самое время в Москве с замиранием сердца следили за новостями из Речи Посполитой — в Варшаве скончался Сигизмунд III, и в польском государстве наступил период «бескоролья», во время которого магнаты и шляхта были заняты выборами нового монарха.

Еще в начале марта 1632 г. из Брянска «за литовский рубеж», в Почепский уезд был отправлен «сходчик» (лазутчик) крестьянин Богдашка Алексеев. В его задачу входили сбор сведений и слухов от местного населения о том, что происходит в Речи Посполитой, а также посещение деревни Близница, где можно было также почерпнуть нужную информацию от Шимона Ромейкова и Василия Шалыгина. Кроме того, лазутчик обязан был доставить к информаторам в Близницу государево жалованье в размере 20 рублей. По каким-то причинам деньги были получены только Шимоном Ромейковым, в то время как Василий Шалыгин остался без положенного жалованья. Из-за этого между ними возникла ссора: «за то, что [...] к государю служба заодно, а [...] государево жалованья послано к одному Семену Шиману». Ромейков передал «сходчику» два письменных послания для брянских воевод, после чего отправил его в сторону русского рубежа. Однако по дороге домой, на Малышевском селище, крестьянину Богдашке повстречался некий «лях Хмелевский», который отвез его к себе в деревню Беловскую, где «держал (взаперти. — А. Р.) [...] два дни и две ночи». Неизвестно, обнаружил ли Хмелевский у Богдашки письма от Шимона, но, судя по всему, его задержание могло закончиться плохо для русского лазутчика: шляхтич имел серьезное намерение отвезти крестьянина в Почеп, к уряднику Яну Лапинскому. К счастью, про это узнал Василий Шалыгин, который вскоре прибыл к Хмелевскому и выкупил неза-

⁷ Там же. Д. 36. Л. 436–438.

дачливого Богдашку за два руб. 16 апреля русский лазутчик уже был в Брянске, где сразу же направился в местную съезжую избу. Воеводы с большим интересом выслушали рассказ крестьянина о его путешествии в Почепский уезд, а также изучили письма от Шимона Ромейкова. Согласно данной документации, Шимон Ромейков со старшим сыном Григорием и «почепцем Васько» лично отправился на сейм, однако по пути под Слонимом у путников пали лошади, при этом деньги были на исходе. По этой причине на сейм решено было отправить лишь одного Григория, а Шимону с Шалыгиным пришлось вернуться домой пешими: «по тридцати рублей у лошадех згнуло, а сами стало рублей пятьдесят стравили, сами пехотою пришли», — докладывали они в письме.

Последние события в Польше были весьма лапидарно освещены литовскими информаторами. После сейма поляки отправили к турецкому султану посланника с целью провести переговоры о взаимном ненападении. Опасения поляков были связаны с участием разбоями запорожских казаков на море и грабежами турецких купцов со стороны запорожских казаков, что серьезным образом отразилось на отношениях двух держав, поставив их на грань войны. Важной новостью было также и то, что в порубежных с Московским государством литовских городах (Стародубе, Новгороде-Северском и Почепе) никаких пополнений в ратных людях нет, «запасов не готуют»⁸.

Царь Михаил Федорович посчитал необходимым щедро наградить Ромейкова и Шалыгина за ценные сведения из Речи Посполитой. По этому случаю 30 апреля 1632 г. брянские воеводы получили государев указ отправить к «литвину Шиману» и Василию Шалыгину 15 пудов соли из местных городских запасов, деньги на которую надлежало взять из кабацких или таможенных доходов. Спустя месяц, 30 мая, в Почепский уезд «тайным обычаем и [...] тайным бережением» на подводе отправился Богдашка Алексеев, которому было наказано не только доставить соль Ромейкову и Шалыгину, но и передать им, «чтоб они великому государю службу свою и роденья исполняли и вестей всяких проведывали подлинно [...], что ныне в Литве делается и о чом был сойм, и что на сойме приговорили». К тому времени из Польши с сейма должен был вернуться старший сын Шимона, Григорий, который также мог располагать новыми сведениями, в которых так остро нуждались в Москве.

⁸ Там же. Д. 40. Л. 134–141.

Между тем события развивались стремительно. Пользуясь образовавшимся в Речи Посполитой периодом «бескорольевья», в русской столице решили не дожидаться официального истечения сроков 14-летнего перемирия и преждевременно начать войну, которая была объявлена на Земском соборе 20 июня 1632 г. Существует мнение, что инициатива войны полностью принадлежала патриарху Филарету, в то время как его сын, царь Михаил Федорович, наученный своим близким окружением, был иного мнения. Не терпящий каких-либо возражений, властный Филарет назвал сына глупцом и ударил его посохом так, что тот упал⁹. Все бы ничего, но внезапное вторжение крымских татар на территорию южных уездов Русского государства вынудило отсрочить наступление на некоторое время.

Спустя 10 дней после официального объявления войны, 30 июня, в съезжую избу Брянска явился крестьянин Богдашка Алексеев, который успешно справился с положенной задачей: отвез «за литовский рубеж» жалованье Ромейкову и Шалыгину, а заодно и доставил от них очередное письмо. Новая информация оказалась весьма ко времени: в Смоленске и северских городах всюду началась подготовка к предстоящей войне. Так, «у пятницу девятую» (после Дня всех святых) стародубский хорунжий, пан Долмат, посетил Стародуб, Почеп и Трубчевск, где «списовал всех людей» — т. е. произвел перепись находившихся там ратных людей. Судя по письму Шимона, он и его товарищ Василий Шалыгин лично встречались с Долматом, который показывал им «листки панов думных», где говорилось о масштабных сборах польского войска: «што королевич мает быть до Смоленска, а при собе мает людей шесть тысяч». В распоряжении литовских магнатов — «Радивила и з ыншими панами», а также Льва Сапеги — находились еще порядка 22 тыс. ратных людей. Плюс ко всему, к войне с русскими было решено привлекать запорожских казаков: «што бы все были в сборе»¹⁰. Последняя новость была наиболее важна для Москвы: в столице рассчитывали на поддержку «черкас» в начавшейся войне с Речью Посполитой¹¹.

⁹ Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб., 2018. С. 38.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 40. Л. 268–269, 348–349.

¹¹ Флора Б. Н. Начало Смоленской войны и запорожское казачество // *Marra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 443–450.

Летом 1632 г. началась усиленная подготовка к боевым действиям по возвращению в состав Русского государства Смоленска, городов Северной земли (Стародуба, Новгород-Северского, Почепа, Трубчевска), а также Рославля, Дорогобужа, Серпейска, Белой, Невеля и Себежа. Все дворянство, основная боевая сила Московского государства, было расписано «по наряду» в три полка: главный (большой) полк боярина М. Б. Шеина и окольного А. В. Измайлова, передовой полк окольного кн. С. В. Прозоровского и кн. М. В. Белосельского в Ржеву Володимерову¹² (для атаки на крепость Белую), а также сторожевой полк стольника Б. М. Нагого в Калугу, откуда он должен был нанести удар по городу Серпейск. После выполнения обозначенных задач последним двум полкам надлежало соединиться с главным войском под Смоленском. В свою очередь полк Федора Плещеева и Баима Болтина, составлявший отдельное воинское подразделение, должен был выступить на Северщину («на Севéру»). Царские грамоты «служилым городам» о готовности к высылке в полки стали рассылаться из Разрядного приказа с 25 июня 1632 г.¹³

В этих условиях информаторы из Близницы осознавали, что их положение становится опасным. 22 августа на пороге брянской съезжей избы снова появился монастырский крестьянин Богдашка с письмом, где говорилось, что Ромейков и Шалыгин готовы в любой момент покинуть Литву и выехать в Брянск, так как над их семьями нависла серьезная угроза. Однако в Москве не сочли их ситуацию критической и попросили пожить в Близнице еще некоторое время с целью собрать дополнительные сведения: «и они б пожили и про всякие вести писали, их бы за то жаловали государевым жалованием», — таков ответ поступил из Разрядного приказа. Спустя два дня, 24 августа, Богдашка Алексеев вместе с зятем Сенькой Серпионовым были отпущены воеводами в Почепский уезд, откуда вернулись через месяц, 20 сентября. По их информации, по королевскому указу гарнизон Новгорода-Северского велено было пополнить на 200 чел. пехоты, а из Пропойска в Стародуб с ротмистром Ивашковским со дня на день ожидают 50 конных ратников: «Будет великая битва, королевич Владислав козаком запорожским велел быть поготову до указу», — мрачно резюмировал Шимон Ромейков. Между тем литвин вновь намекнул брянским воеводам о получении жалованья, которое, как обычно, задерживалось.

12 В настоящее время г. Ржев Тверской области.

13 *Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI–XVII вв. М., 2018. 2-е изд. С. 319–321.

Последнее письмо от Ромейкова и Шалыгина было получено в Брянске 4 октября 1632 г. К тому моменту в Стародуб действительно прибыло подкрепление — 30 конных казаков, что, впрочем, не вселило в местных жителей уверенности в собственной безопасности: на торжищах и в селах только и говорили о скором вторжении московских полков в Северскую землю. Так, с почепского посада, Мглинского городища и окрестных деревень в страхе разбежались по лесам посадские люди и крестьяне, что доставило немалых хлопот урядникам, созывавшим их в осаду¹⁴.

На этот раз в Близице всерьез озадачились скорейшим отъездом в Россию. Мы не располагаем сведениями о выезде из Почепа в Брянск Василия Шалыгина (впрочем, как и вообще неизвестно — выехал ли он или дождался прихода русского войска), однако до нас дошла челобитная самого «литвина Шимана». В ней почепский шляхтич просил брянских воевод как можно скорее отправить своих людей в порубежное село Акуличи, откуда его с семьей и пахолками (челядью) необходимо было сопроводить до Брянска. Прошение было одобрено в Москве, его семья и люди (всего 12 человек) были размещены в Брянске, а сам Шимон вскоре отозван в Москву. Точная дата выезда неизвестна, но стоит предположить, что произошло это накануне выступления русских войск в Северскую землю (т. е. до 14 ноября 1632 г. — начала похода второго брянского воеводы Никиты Оладьина на Почеп)¹⁵.

Очевидно, накануне отъезда в Брянск Шимон Ромейков попытался сагитировать к побегу и других русских дворян и детей боярских из Стародуба и Почепа: Никифора Шеицкого и Ивана Козлова со товарищи: «в Стародубе литовским людям крепят государевы изменники русские люди», — писал в Разряд брянский воевода Никита Оладьин¹⁶. Однако по каким-то причинам выехать у них не получилось, о чем после «стародубского взятия» (20 января 1633 г.) свидетельствовал почепский сын боярский Иван Козлов: «ехать де на государево имя хотел с Шиманом, и их учили крепить (не пускать. — А. Р.)»¹⁷.

Началась Смоленская война. Сперва боевыми действиями московского войска сопутствовала удача. Еще до подхода основных сил

14 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 79. Л. 85–86, 165–169, 276–278.

15 Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 22–23.

16 Там же. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 276.

17 Там же. Л. 439.

Шейна и Измайлова к Смоленску отряд воеводы Федора Сухотина в середине октября занял крепость Дорогобуж, а выступивший накануне из Калуги стольник Богдан Нагой — Серпейск и Рославль. На северо-западном направлении кн. Семен Прозоровский без особых усилий взял Белую, после чего выдвинулся на соединение с ратью Богдана Нагого, чтобы далее идти под Смоленск к Шеину и Измайлову¹⁸. Осенняя непогода и распутица существенно осложняли продвижение русского войска с пушками и большим обозом, поэтому было принято решение оставить самый тяжелый артиллерийский наряд до весны в Вязьме. Одновременно вполне успешно прошла боевая операция по взятию городов Северской земли — «Северский поход» (в некоторых источниках именуется «Литовским»): 17 ноября был взят Почеп, 5 декабря — Трубчевск, 21 декабря — Новгород-Северский, 20 января 1633 г. — Стародуб.

В ту пору как русские полки вошли на территорию Северской земли, польские магнаты и шляхта направились в Польшу, чтобы принять участие в выборах нового короля и последовавшей за ними церемонии коронации. Плюс ко всему, «кварцянское войско»¹⁹ Речи Посполитой находилось на южной границе — на случай внезапного нападения турок и татар. Данные обстоятельства и сыграли на руку русским: оборона городов, стратегически важных для Москвы (Новгород-Северского, Трубчевска, Стародуба и пр.), целиком легла на малочисленные гарнизоны из гайдуков, казаков и редких представителей шляхты, по каким-либо причинам не уехавших в Польшу на сейм.

Очевидно, сыновья Шимона Ромейкова приняли непосредственное участие в Северском походе. Так, после взятия Трубчевска к челобитной сдавшихся в плен поляков шляхтича Яна Синицкого со товарищи (21 человек), а также русских казаков Непоспела Григорьева в качестве поручителя (по-польски) «руку приложил» иноземец Григорий Шиманов сын Ромейков²⁰.

Во время похода московского войска в Северскую землю (осень 1632 — начало зимы 1633 г.) Шимон Ромейков находился в Москве, куда вскоре из Брянска была отправлена его семья и прислуга. Здесь, в русской столице, здоровье «выезжего» шляхтича резко ухудшилось, в

18 Малов А. В. Невельское взятие 1632 г. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 7.

19 Wojsko kwarciane — регулярная армия Речи Посполитой в XVI — середине XVII в.

20 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 94.

связи с чем он принял постриг в московском Знаменском монастыре²¹. Между тем его четверо сыновей удостоились высокой чести: 1 мая 1633 г. по велению царя Михаила Федоровича все они были пожалованы в московские дворяне²² и в дальнейшем пользовались особым расположением государя. Так, в 1634 г. один из сыновей «литвина Шимана», Степан, бил челом московскому царю с просьбой пожаловать его по случаю свадьбы с дочерью другого «выезжего» иноземца (пана Коржинского) Прасковьей. Само торжество должно было состояться 10 ноября 1634 г. Просьба Степана Ромейкова была удовлетворена, и московский государь велел выдать ему жалованье на свадьбу «против иных иноземцев». Всего для свадебного мероприятия младший Ромейков получил семь пудов меда пресного, десять ведер меда паточного, два ведра романей (вино, привозившееся из Европы), два ведра меда вишневого, пять ведер вина горячего, десять четей солода ячменного. Кроме того, царь щедро одарил Степана: чаркой (на три рубля), шелковой тканью (на восемь рублей), сукном лундыш²³ (на четыре рубля), 40 кунницами (на 12 рублей) и деньгами 13 рублей²⁴.

Что же касается сына боярского Василия Шалыгина, то он, несмотря на аналогичную Ромейкову службу брянским воеводам, оказался менее удачлив, чем его сотоварищ из Близницы. Дальнейшие сведения о нем крайне редки и отрывисты. Так, в начале октября 1634 г. в Брянске произошли раздачи жалованья трубчевским и почепским детям боярским и служилым людям «по прибору», а также крестьянам Угрянской волости Рославского уезда²⁵. В этих разда-

21 Род Семена Петровича Ромейкова был внесен в синодик этого монастыря. См.: РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание. Оп. 1. Д. 47. Л. 43об.—45об. Помимо этого, вклад за Шимона Ромейкова (70 рублей) внесли царь Михаил Федорович и патриарх Филарет (см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 68. Л. 491).

22 «Подлинные» боярские списки 1626–1633 гг. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов М., 2015. С. 527. По окончании Смоленской войны, в 1634 г., сыновьям «литвина Шимона» был учинен денежный оклад: Григорию — 30 рублей, Степану — 25, Федору — 20, Давыду — 18 (РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1619 г. Д. 4. Л. 122об.—123).

23 Английское сукно.

24 РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 68. Л. 491–495.

25 Крестьяне, которые принимали участие в походах московской рати на территории Северной земли, а также Рославского уезда в качестве охочих людей.

точных книгах указан и Василий Данилов сын Шалыгин, которому были даны четыре чети ржи, а также пуд соли²⁶. Как и многие другие русские дворяне и дети боярские, вышедшие из «отдаточных» городов, Василий Шалыгин оставался беспоместным, проживая в Брянске вместе с другими почепцами и рославцами²⁷.

Проведенное исследование показывает, что накануне Смоленской войны отдельные представители дворянства в означенном регионе Северщины (не только местного, но и пришлого) готовы были поставлять информацию представителям московских властей с целью дальнейшего отъезда на службу в Россию. Это свидетельствует о сохранившихся прочных связях с Москвой у ряда местных русских дворян на тех территориях, которые были отторгнуты после 1618 г. Собственно говоря, главные персонажи настоящего исследования, Ромейков и Шалыгин, ограничивались лишь пассивным сбором информации и передачей ее через третьих лиц в Москву, деятельность их носила вполне заурядный характер. Сложно сказать, насколько все эти сведения действительно пригодились в русской столице, однако некоторая картина происходившего на тот момент в регионе все-таки была создана.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. 1558–1632. VIII + 529 + 25 + 20 с.

Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2018. 2-е изд. 544 с.

Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории, заселения, землевладения и управления. Брянск: Белые берега: группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2008. Т. 1. Полк Стародубский. Изд. 2-е. 560 с.

Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

Малов А. В. Невельское взятие 1632 г. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 7–8.

26 РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 246. Л. 71, 81.

27 Дети боярскими из г. Рославль.

Флоря Б. Н. Начало Смоленской войны и запорожское казачество // *Мappa Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк: видавництво М. П. Коць, 1996. С. 443–450.

«Подлинные» боярские списки 1626–1633 гг. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов М.: Древлехранилище, 2015. 736 с.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow).

Akty, odnosiaschiesia k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komissiei. Saint Petersburg: v tipografii Ėduarda Pratsa, 1851, t. 4: 1558–1632, VIII + 529 + 25 + 20 s.

Kozliakov, V. N. *Sluzhilye liudi Rossii XVI–XVII vv.* Moscow: Kwadriga, 2018, izd. 2-e, 544 s.

Lazarevskii, A. M. *Opisanie staroi Malorossii. Materialy dlia istorii, zaseleniia, zemlevladieniia i upravleniia*. Briansk: Belye berega: gruppa kompanii «Desiatochka» (izdatel'stvo «Beloberezh'e»), 2008, t. 1: Polk Starodubskii, izd. 2-e, 560 s.

Liapin, D. A. *Carskii mekh: social'no-politicheskaia bor'ba v Rossii v seredine XVII v.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018, 336 s.

Malov, A. V. “Nevel'skoe vziatie 1632 g. Maloizvestnyi epizod Smolenskoii voiny”. *Ceihgauz*, no 3, 2002, s. 7–8.

Floria, B. N. “Nachalo Smolenskoii voiny i zaporozhskoe kazachestvo”. *Mappa Mundi. Zbirnyk naukovykh prac' na poshanu Iaroslava Dashkevicha z nagodi iogo 70-richchia*. L'viv; Kiev; New York: vydavnicтво M. P. Kots', 1996, s. 443–450.

«Podlinnye» boiarskie spiski 1626–1633 gg. *Sbornik dokumentov*. Sost. E. N. Gorbatov, Moscow: Drevlekhranilishche, 2015, 736 s.

Anton S. Rakitin

Russian State Archive for Ancient Acts (Moscow, Russia)

“Servants of the Tsar”: The Polish-Lithuanian subject
Szymon Romejkow and the boyar’s son Vasilii Shalygin,
the informers of Moscow before the Smolensk War (1632–1634)

In 1632, the ceasefire expired, signed between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth in December 1618. Under the terms of this peace agreement, Moscow ceded to the Polish side a number of western territories, including Smolensk, Nevel, Sebezh, as well as the cities of Severia (Trubchevsk, Starodub, Chernihiv, Pochep, Novgorod-Seversky). It should be noted that in the Russian capital, preparations for the upcoming war began already in the late 1620s. In particular, this concerned the collection of data on events in the Polish-Lithuanian Commonwealth through scouts, spies and informants, some of whom acted on the territory of Severia, or rather, on the Russian-Polish borderland. The documentation of the Razryadny Prikaz of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) contains a small set of documents on the activities of two informants from Lithuania: Szymon Romejkow, a nobleman of the country, and the Russian Vasily Shalygin, a son of a boyar. The details of their recruitment to the Russian service are unknown, however, already since 1629 these people had an active correspondence with the Bryansk voivodes, reporting everything that was happening in Poland. Their information turned out to be the most relevant in 1632, when the period of “Interrex” began in the Commonwealth. It was then in Moscow that they considered it necessary to take revenge and to declare war to their neighbour ahead of schedule.

Keywords: *Smolensk war of 1632–1634, Muscovy, the Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita, nobility, Truce of Deulino of 1618.*

Внутриполитический кризис на Правобережной Украине весной — летом 1669 г.

На основе анализа источников автор пытается реконструировать ход событий во время политического кризиса на Правобережье, в центре которого оказалось противостояние правобережного гетмана П. Дорошенко и его противника, П. Суховея, избранного гетманом Запорожской Сечью при поддержке Крымского ханства. Автор показывает, что оппозиция Дорошенко была значительной и формировалась в том числе и под влиянием известий о его турецком подданстве. Верховная власть Порты над казачеством была утверждена Корсунской радой, для участия в которой правобережный гетман сумел мобилизовать значительное число сторонников из правобережной старшины. Это вызвало недовольство уже не только запорожцев, но и казацкой черни части правобережных полков. Попытки Дорошенко получить помощь Османской империи не имели успеха, и летом его положение стало угрожающим: на стороне гетмана выступали только два казацких полка. Лишь прибытие в августе 1669 г. послов султана, потребовавших от Крымского ханства прекратить поддержку оппозиции Дорошенко, и последовавший затем уход татар разрядили ситуацию и спасли правобережного гетмана от потери булавы. Эти события, а также последовавший аналогичный внутриполитический кризис на Правобережной Украине в 1672 г. показывают, сколь шатким было положение Дорошенко и как трудно ему было удерживать власть. Ключевые слова: *Петр Дорошенко, Петр Суховея, Запорожская Сечь, запорожские казаки, Правобережная Украина, Крымское ханство, Османская империя.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.03

При изучении событий, происходивших на Правобережной Украине на рубеже 60-х гг. XVII в., внимание украинских исследователей закономерно привлекала (и привлекает) яркая фигура правобережного гетмана Петра Дорошенко, его широкие политические планы, направленные на укрепление позиции гетманства и расширение его

самостоятельности, и попытки их осуществления. Существенно иначе обстоит дело с изучением тех сил, которые противостояли гетману Дорошенко и его политике на рубеже 60-х — 70-х гг. XVII в. Конечно, сам факт существования таких сил фиксировался, отмечалось их негативное влияние на судьбу планов Петра Дорошенко, но как таковые они исследователей не интересовали. Это выступает особенно ясно в обобщающих работах по украинской истории.

Особенно показательно проявляется подобная картина в очерке украинской истории, написанном Д. И. Дорошенко, автором биографии правобережного гетмана. В своем изложении автор отмечает существование оппозиции со стороны запорожцев, имевших своего претендента на гетманство — Петра Суховей, и акцентирует внимание на их союзе с Крымским ханством. Как себя вело в этом конфликте население Правобережья и какова могла быть мотивация его действий, в тексте не говорится¹. Сходным образом дело обстоит и в ином обобщающем труде, более современном и во многих отношениях интересном. Здесь всё ограничивается упоминанием об «анархии», которая мешала Петру Дорошенко осуществить его планы, «анархическом вихре из Сечи». Правда, отмечается, что в какой-то момент Суховей смог привлечь на свою сторону большую часть казачьих полков Правобережья, а в его универсале, охарактеризованном как «один из наиболее ярких документов времени Руины», развивалась идея объединения казачества обоих берегов Днепра, так же как, впрочем, и в универсалах Дорошенко. Однако какого-либо объяснения выдвигавшихся обоими гетманами проектов не предлагается².

Следует отметить и специальные работы, посвященные внутриполитическому кризису на Правобережье в 1669 г.³ Их авторы, однако,

1 См.: *Дорошенко Д. И.* Нарис історії України. Львів, 1991. С. 312–315.

2 *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2005. С. 388, 390–391, 430.

3 *Андрусяк М.* До історії боротьби між П. Дорошенком та П. Суховієм // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 150: ювілейний збірник Наукового товариства імени Шевченка у Львові в п'ятдесятип'ятиліття основи, 1873–1928. Праці Філологічної та Історично-філософської секції / під ред. К. Студинського, І. Крип'якевича. Львів, 1929. С. 197–227; *Чухліб Т.* Гетьман П. Суховієнко (Суховій) у союзі з Кримським ханством проти Польщі і Росії // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2000. Вип. 7. С. 199–209.

используют только опубликованные материалы, отсюда — некоторые пробелы в описаниях действий противников. Вместе с тем, излагая известные им факты, указанные исследователи не подвергают их анализу, который позволил бы охарактеризовать возникший кризис как важное историческое явление, каким он, как представляется, и был.

При таком положении дел имеет смысл для начала подвергнуть анализу известия о действиях враждебных гетману Дорошенко сил, которые содержатся в опубликованных источниках. Разумеется, налицо серьезные объективные трудности: какие-либо архивы этих противников Дорошенко отсутствуют, а многочисленные рассказы «выходцев» в Киеве и Москве могут давать неправильные, искаженные представления о ситуации на Правобережье, и их не всегда можно верифицировать с помощью других источников. Всё же, как представляется, при всех трудностях такого рода имеющиеся материалы дают определенные возможности для восполнения обозначенного выше важного пробела в истории Правобережья.

Источники, свидетельствующие о начале внутривойскового кризиса в конце лета — осени 1668 г., были подвергнуты исследованию в моей книге⁴. В итоге удалось установить, что конфликт был вызван действиями Дорошенко, его планами уничтожения Запорожья⁵. Это привело к своеобразной попытке государственного переворота, когда избранный на Запорожье гетманом войсковый писарь Петр Сухой потребовал, чтобы Дорошенко пришел «на черную раду в Запорожье, и кого войско оберет и бунчук, и булаву дадут, тот у нас и будет гетманом»⁶. Вместе с тем в универсале нового гетмана, относящемся к началу октября 1668 г., содержались призывы, обращенные к населению по обоим берегам Днепра, объединиться и не подчиняться ни польской, ни русской власти⁷. В этом плане идеи, выдвигавшиеся Сухоим, не расходились с планами Дорошенко. Вместе с тем на Запорожье явно рассчитывали, что Дорошенко будет отстранен от власти по решению «чернеческой» рады. Как представляется, речь должна идти не о приверженности к «анархии», а о реакции

4 Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 326 и след.

5 Там же. С. 327–328.

6 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЮЗР). СПб., 1872. Т. 7. № 36. С. 103.

7 Там же. № 32. С. 84–85.

собравшихся на Запорожье казаков на коллизии, возникавшие и на Правобережье, и на Левобережье в связи с формированием нового общественного порядка и укреплением власти старшинской верхушки во главе с Дорошенко, опиравшейся на помощь недавно созданных наемных «серденяцких» войск.

Как известно, Запорожье при этом заключило тесный военно-политический союз с Крымским ханством, заинтересованным в создании у своих северных границ обширного политического образования, находящегося под его протекторатом. Контакты П. Дорошенко с султаном вызывали враждебную реакцию и хана, и крымской знати⁸. В отрицательном отношении к Дорошенко и его политике, хотя и определявшемся разными мотивами, интересы Крыма и Запорожья совпадали.

Имеющиеся источники говорят, к сожалению, прежде всего о событиях, происходивших на землях казацких полков в южной части Левобережья, традиционно связанных с Сечью. Именно туда, на территорию признавших его Лубенского, Миргородского и Полтавского полков, направился Суховей вместе с войском калги Крым-Гирея. Здесь, на Левобережье, происходили вооруженные стычки с находившимися в Гадяче сторонниками Петра Дорошенко. Однако между населением Левобережья и поддерживавшими Суховея татарами начались столкновения. Находившиеся здесь города отказались принять татар «на зимовье»⁹. В декабре войска Суховея и калги перешли Днепр и подступили к Чигирину, но нападение было отбито. Когда после Рождества Крым-Гирей ушел в Крым, оставив для поддержки союзника лишь часть войска во главе с мурзой Батырчой, эти казацко-татарские отряды в январе 1669 г. атаковал и разбил Иван Серко (в то время сподвижник Дорошенко). Входившие в их состав казаки перешли на сторону победителя. Полки южного Левобережья подчинились власти Петра Дорошенко¹⁰.

Все имеющиеся свидетельства, таким образом, показывают, что действия врагов Петра Дорошенко начались на Левобережье, и лишь спустя некоторое время они попытались перейти на Правобережье. В связи с этим нет оснований предполагать, что они сумели добиться здесь серьезных успехов. Как главная сила на первый план на этом этапе противоборства выступают татары.

8 См. об этом подробнее: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа... С. 328–329.

9 Там же. С. 328–329.

10 Там же. С. 354.

На данном этапе выступление Суховея и татар объективно способствовало установлению русской власти в северной части Левобережья. Есть основания также разделять точку зрения исследователей, что появление такой опасности побудило Дорошенко активизировать переговоры об установлении османского протектората над Правобережным гетманством.

Важным событием в истории и Правобережного гетманства, и всей Восточной Европы стало одобренное в марте 1669 г. казацкой радой в Корсуни принятие османского протектората над гетманством. Несомненно, это решение было связано с планами гетмана Петра Дорошенко и его окружения по созданию гетманства обоих берегов Днепра при поддержке султана. Вместе с тем ближайшей задачей было устранить с помощью османских властей опасность со стороны Запорожья и Крыма, которая не исчезла после поражения Суховея в январе 1669 г.

Усилия эти отразились в опубликованном украинским исследователем Н. Г. Крикуном послании гетмана Дорошенко к великому везиру Фазил-Ахмеду Кёпрюлю от 12 марта 1669 г.¹¹ Ссылаясь на обещание султана защищать его от всяких неприятелей, гетман жаловался на враждебные действия хана, который опустошил «нашу Украину и от себе назначил писаря кошового гетманем». П. Дорошенко просил, чтобы в Крым и Белгородскую орду были направлены «эмиры», которые гетману «против каждого неприятеля посланком помочным zostавали», а захваченных крымцами пленных вернули.

Из послания ясно следует, что гетман понимал: сами решения рады в Корсуни вряд ли остановят действия его противников. Не случайно Дорошенко просил прибывших в Чигирин османских послов обратиться к хану с предложением сохранять с ним мир¹².

О раде в Корсуни сохранились сообщения в разных источниках, внимательно проанализированные Н. Г. Крикуном в специальной работе¹³. Детально описывая внешнюю картину событий, эти источники, тем не менее, не дают четкого ответа на некоторые важные вопросы.

Очевидно, что Дорошенко сумел собрать на раде казацкую верхушку Правобережья. Отсутствовали только двое полковников,

11 Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 280–282.

12 Там же. С. 275.

13 Там же. С. 249–282.

которые, как, например, О. Гоголь, не были в то время противниками Дорошенко. Из этих представителей казацкой верхушки против установления османского протектората выступил только уманский полковник, смещенный со своей должности¹⁴. По наблюдениям исследователя истории казацких рад Л. Окиншевича, на раде преобладали представители казацкой верхушки¹⁵.

Судя по изданной Н. Г. Крикуном записке неизвестного польского автора о раде, все ее участники выступили за подчинение султану. При этом в дальнейшем, при переговорах с османским послом, фигурируют только «полковники и сотники»¹⁶. Вероятно, они привели на раду своих сторонников, и поэтому все прошло так гладко.

Гетман Петр Дорошенко, по-видимому, понимал, что решения такого собрания могут оказаться недостаточно авторитетными для казацкой массы Правобережья и тем более для его противников. Он явно рассчитывал на помощь верховных османских властей, а в ближайшее время — на приехавших в Чигирин послов султана Мустафу-агу и Селима-чауша. В польской записке было отмечено, что один из послов после рады направился на Запорожье, чтобы убедить его также согласиться на османский протекторат, а оттуда намеревался выехать в Крым, обещая, что татары вернут захваченный «ясырь»¹⁷. В действительности посол направил туда своих приближенных¹⁸.

Характерно, что, несмотря на это, Петр Дорошенко искал соглашения с Запорожьем. Он освободил пленных запорожцев — полковника Носа и его товарищей — и трех из них, дав им «по коню, и платью, и ружью», отправил в Сечь, чтобы сообщить об этом¹⁹. Одновременно он направил 15 посланцев на Запорожье, чтобы сообщить о принятых в Корсуни решениях.

14 Об этом см. в «расспросных речах» участника рады, записанных 12 апреля в Малороссийском приказе. Оpubл.: *Окиншевич Л.* Генеральная рада України-Гетьманщині XVII–XVIII ст.ст. // Праці Комісії для виучування історії західно-руського та українського права. Київ, 1929. [Вип. 6]. С. 420.

15 *Окиншевич Л.* Генеральная рада... С. 281–282 («старшин, де, казацких было на раде Киевской стороны малороссийских городов человек с пятьсот»).

16 *Крикун М.* Між війною... С. 278.

17 Там же. С. 279.

18 Там же. С. 275.

19 АЮЗР. СПб., 1875. Т. 8. С. 187.

Приходившие в Москву сообщения говорили о враждебной реакции на привезенные посланцами сообщения. Согласно одному из рассказов, они были закованы в кандалы, согласно другому — часть из них была повешена, а других «к хану послали». В мае 1669 г. в Москве уже стало известно, что на обращения послов султана в Крыму «не мало на то не глядят и не слушают», более того — и хан, и Запорожье подтвердили свое соглашение²⁰.

Встает вопрос, чем было вызвано такое отношение к османским предложениям. Если запорожцы могли их игнорировать, будучи глубоко вовлеченными в конфликт с Дорошенко и казацкой верхушкой Правобережья, то такие соображения не могли не повлиять на крымского хана, который должен был знать об усилении центральной османской власти в правление везиров Кёпрюлю хотя бы потому, что эти перемены непосредственно затрагивали Крым. Последовательно игнорировать позицию Стамбула в таких условиях хан, конечно, не мог. Как представляется, очевидно, союзники, Запорожье и Крым считали, что недовольство населения политикой Дорошенко на Правобережье и Левобережье является столь значительным, что его удастся отстранить от власти еще до того, как будут закончены переговоры о переходе Правобережного гетманства под османский протекторат. Какие-то объективные основания для такой оценки, по-видимому, имелись.

Ряд рассказов «выходцев» показывает, какие представления возникали в казацкой среде в связи с разговорами о Корунской раде и ее решениях.

В одном из таких сообщений указывалось, что Дорошенко «быть гетманом по смерти, а по нем сыну и внуку его»²¹. Такого решения рада не принимала. Позднее М. Ханенко обвинял Дорошенко в том, что тот действует, «выправляючи себе вечное гетманство» «без изволения и совета всех нас»²². Таким образом, утверждение султаном Дорошенко в его должности закономерно вызывало обсуждение вопроса о том, что теперь казаки больше не будут выбирать гетманов и у последних откроется дорога к установлению своей наследственной власти.

В другом рассказе говорилось о том, что рада постановила «серденяцкие» полки «роспустить», а тех, кто этому не подчинится, «и тех, де, будут казнить смертью»²³. «Серденяцкие» полки никто не распускал,

20 АЮЗР. Т. 8. С. 161, 187.

21 Там же. № 35. С. 138.

22 Там же. СПб., 1878. Т. 9. № 9. С. 43.

23 Там же. Т. 8. № 40. С. 145.

они сыграли большую роль в последующих событиях, но этот рассказ показывает, чего казаки от рады ожидали и чего не получили.

Наконец, в этом ряду следует отметить сообщение, что послы султана «дожидатца будут чернеческой рады»²⁴. То есть часть казаков воспринимала Корсунскую раду как «старшинскую», решения которой должны быть рассмотрены еще раз, но уже на раде с участием «черни».

Еще до созыва Корсунской рады П. Дорошенко посетили запорожские посланцы, предлагавшие ему ехать «в поле на раду», а в раде в Корсуні они участвовать отказались²⁵.

Реакцией на происшедшее стал выбор Петра Сухова в Запорожской Сечи на Чертомлыке в конце апреля 1669 г. гетманом Запорожского войска. Очевидно, поражение в январе 1669 г. не дискредитировало его в глазах казаков. О том, какие планы связывались с этим решением, позволяют судить тексты грамот, отправленных новым гетманом сразу после его избрания. Сохранились переводы этих документов, попавшие в Москву в мае 1669 г. Отметим прежде всего два из них: грамоты Сухова прилуцкому полковнику И. Маценко и переяславскому полковнику Д. Райче. В более кратком послании прилуцкому полковнику²⁶ говорилось, что его избрали гетманом, «видя бешенство Дорошенково [...] что умыслил отчизну нашу в турецкое подданство подать». Из этого ясно следует, что П. Сухой и его сторонники рассчитывали использовать решения Корсунской рады для укрепления своих позиций в украинском обществе. Далее от полковника требовалось объявить людям о его избрании и, очевидно, подчиниться его власти. Новый гетман сообщал и о намерении идти походом на гетманскую столицу — Чигирин, куда и хан «для успокоения Украины нашей наступит». Послание заканчивалось угрозой: «хто ныне преж ко мне не отзовется, впредь сам о себе жалеет». По-видимому, Сухой и его сторонники полагали, что такого приказа будет достаточно, чтобы Прилуцкий полк встал на их сторону.

Другой характер носила грамота переяславскому полковнику Д. Райче²⁷. Он был достаточно известной и авторитетной фигурой, и П. Сухой и его сторонникам было важно привлечь полковника на

24 Там же. № 34. С. 137.

25 Там же. № 35. С. 138.

26 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Д. 70. Л. 417–418.

27 АЮЗР. Т. 8. С. 180–181.

свою сторону. Обращаясь к нему как «желательному приятелю и брату» и хваля его заслуги в прошлом, Суховой убеждал Райчу, что дело идет «о успокоении отчизны» и даже что «Дорошенко ныне высокому почтению Войска Запорожского не противится». Одновременно он общал Райче о походе Запорожского войска и хана к Чигирину и что всем полковникам «приказал есмь себя оберегати на Цыбульнике». Но самому Райче предлагалось находиться на месте «до предбудущего нашего приказу». Само появление этих грамот ясно говорит, что планы союзников не ограничивались Правобережной Украиной. В грамоте Д. Райче прямо указывалось, что гетман будет заботиться «о совокуплении обеих сторон нашего соединения».

На чем основывались в известной мере такие расчеты, позволяет судить дружеское письмо бывшего прилуцкого полковника Лазаря Горленко, а ныне сторонника Суховея, своему «куму и приятелю» прилуцкому полковнику И. Маценко²⁸. В нем говорилось, что «Войско Запорожское на Многогрешного ласкавы и добрым его здесь именуют», и выражалась надежда, что он «не будет противен против Войска Запорожского». По-видимому, на Сечи полагали, что перевес будет на их стороне столь значительным, а симпатии населения Левобережья столь сильными, что левобережный гетман предпочтет к ним присоединиться.

Посланцы левобережного гетмана Демьяна Многогрешного доставили в Москву и грамоты хана Адиль-Гирея полковникам прилуцкому и переяславскому²⁹. Хан говорил о своем желании возобновить военно-политический союз между казачеством и Крымом, благодаря которому «Украина ваша цела». Одновременно он предлагал созвать раду с участием и старшин и «черни» и избрать гетмана, «чтоб прибыльным был вам всем». Эти предложения хана следует сопоставить с «приказом» Суховея всем полковникам прибыть в Цибульник. По-видимому, там должна была быть подготовлена почва для созыва столь представительной и авторитетной рады, решениям которой, как предполагал Л. Горленко, вынужден будет подчиниться утративший поддержку Дорошенко.

Следует, конечно, учитывать, что в Москву попали материалы, касающиеся Левобережья, а главная часть кампании по подготовке к созыву рады должна была разворачиваться на Правобережье. О некоторых намерениях действовавших там участников направленного

28 Там же. № 52/12. С. 182.

29 Там же. № 52. С. 179.

против Дорошенко восстания позволяют судить «расспросные речи» сумевшего освободиться из его плена бывшего киевского полковника В. Ф. Дворецкого³⁰. Дворецкий сообщал, что участники восстания, вступившие в союз с Крымом, хотят быть самостоятельными, свободными от власти царя, короля и султана «и никаких даней турецкому не давать», как было «при старом Хмельницким». Цель была в конкретных условиях недостижимой, но ее выдвижение не могло не влиять на сознание правобережного казачества.

Об отдельных аргументах другой стороны говорит текст письма писаря Дорошенко, Лукаша Бускеевича, гетману Демьяну Многогрешному, написанного в апреле 1669 г.³¹ Констатируя, «что многих посольство мое в турки побунтовало», писарь доказывал, что другого выхода, кроме подчинения султану, нет, так как «христианские монархи не ласковы», а султан может защитить страну «от татарские дружбы лицемерные», когда они «нас от имени и от сил истощевают». Жалобы на действия татар, конечно, имели основания, но показательным представляется, что население «взбунтовалось» и стало соединяться с татарами, несмотря на такие их поступки. Источники действительно не содержат сведений о каких-либо серьезных столкновениях местного населения с татарами весной — летом 1669 г. в отличие от того, что имело место ранее на Левобережье.

Тем временем на Правобережье начались военные действия. Уже 30 апреля гетман Демьян Многогрешный сообщал в Москву, что «ныне по траве орды сорок тысяч под Черной лес вышли»³². А ездивший в Чигирин гонец Обросим Телешов 6 мая сообщил в Малороссийском приказе, что «под Чигирин и под Суботов и под иные многие заднепрские города приходили татарове многие люди»³³. В одной из «расспросных речей» говорится о «листе», отправленном Дорошенко кальницкому полковнику с предложением, «чтоб он своего полку казаком велел быть с запасом наготове», а затем «шел к нему, Дорошенку, под Чигирин»³⁴.

В дальнейшем, однако, нет сведений ни о сборе войска, ни о каком-либо серьезном отпоре действиям татар. Особого внимания заслуживает свидетельство о приходе к Чигирину «запорожского

30 Там же. № 79. С. 229.

31 Там же. № 46. С. 153.

32 Там же. № 19. С. 161.

33 Там же. № 54. С. 187.

34 Там же. № 56. С. 189.

полковника», который занял здесь «малой городок» и Дорошенко «в малой городок не пускает»³⁵. Здесь уже действуют не только татары, но и казаки.

Стоит привести и общие оценки, содержащиеся в высказываниях, исходивших из Левобережья. Так, в грамоте гетмана Демьяна Многогрешного, доставленной в Москву 14 мая, отмечалось, что Сухолей «постановил с ордою [...] около Чигирина все лето стоять и воевать»³⁶. При этом ничего не говорилось о каких-то ответных действиях Дорошенко. Напротив, в одной из «расспросных речей» говорится, что правобережный гетман «починивает и строит город, и хочет [...] сидеть в осаде»³⁷.

Показательна также общая оценка положения, которую дал генеральный есаул М. Гвинтовка, прибывший в Москву 27 мая. По его словам, Дорошенко остается только «заперетца в кут, турку поддался, а помочи от него никакой не имеет»³⁸. В относящихся тоже к концу мая «расспросных речах» В. Ф. Дворецкого говорилось о попытках Дорошенко добиться соглашения с Сухолей. Ему предлагали передать находившиеся у гетмана знаки власти — «булаву, знамя, литавры, бунчук». Сухолей также предлагалось жениться на дочери гетмана³⁹.

Ко второй половине мая относятся известия о попытках Сухолей и запорожцев осуществить свой первоначальный замысел. Уже в это время он выступил с предложением созвать раду на Росаве — традиционном месте таких собраний Запорожского войска. Отмечалось, что казаки «хотят идти на раду», а Дорошенко «итить к нему на раду боится»⁴⁰.

Очевидно, что Сухолей и его сторонники рассчитывали на поддержку участников такой рады, а Дорошенко опасался, что такой поддержки не получит. Об ослаблении позиций Дорошенко говорили и более конкретные сообщения о положении в южной части Левобережья.

В апреле — мае в Москву пришли сообщения, что посланные Дорошенко на Левобережье пехотные полковники Иван Гладкий и

35 Там же. № 51. С. 165.

36 Там же. № 49. С. 161.

37 Там же. № 50. С. 167.

38 Там же. № 52. С. 173.

39 Там же. № 79. С. 230.

40 Там же. № 51. С. 167 (расспросные речи от 18 мая); № 66. С. 214 (расспросные речи от 29 мая).

Савва Мишенюк подчинились Демьяну Многогрешному⁴¹. Тогда же, в мае, выяснилось, что Лубенский полк не принял своего полковника Гамалею, участника Корсунской рады, и он вынужден был обосноваться в Ромнах⁴².

По оценкам гетмана Демьяна Многогрешного, казацкие полки на юге Левобережья, «хотя явно к Дорошенку, но внутреннее туды ж к Суховетю желают» и отправляют посланцев на Запорожье⁴³.

О слабости позиций правобережного гетмана говорили и тексты его грамот, адресованных на Левобережье и в Москву, в которых выражалось стремление поддерживать мирные и дружеские отношения и совместно действовать против татар. Ярким примером может служить грамота гетмана черниговскому архиепископу Лазарю Барановичу, отправленная из Чигирина 17 апреля, в которой Дорошенко выражал желание оказывать услуги «великому монарху православному» и утверждал, что старался быть «под властью православною в едином совете», но помешало «сторонних народов всеяние несогласии»⁴⁴. Позднее, освобождая находившихся у него русских пленных, гетман утверждал, что он их «не возхотел хану крымскому и салтаном в букурманские руки отдать»⁴⁵.

Понятно, что, наблюдая все эти факты, в Москве пришли к выводу о тяжелом положении Дорошенко. На отпуске его посланца Ждана Степанова русские политики констатировали, что положение гетмана самое неблагоприятное «и ему, Петру, кроме Чигиринского замку детца негде»⁴⁶.

К июню уже относятся свидетельства о начавшихся военных действиях между враждующими сторонами. Отряд запорожцев занял Переволочну, но был разбит сторонниками Дорошенко, которые «город сожгли»⁴⁷. Перевес, однако, был явно на казацко-татарской стороне. 10 июня посланец гетмана Демьяна Многогрешного говорил в Москве, что Суховет идет к Чигирину, а у Дорошенко нет войска,

41 См. текст царской грамоты С. Мишенку (АЮЗР. Т. 8. № 47. С. 155) и сообщения Л. Барановича о И. Гладком (Там же. № 49. С. 164).

42 См. об этом сообщения посланца гетмана Ф. Тихонова от 14 мая (АЮЗР. Т. 8. № 61. С. 202).

43 Там же. № 52. С. 175.

44 РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. Д. 70. Л. 73–75.

45 Там же. Л. 245.

46 АЮЗР. Т. 8. № 110. С. 271.

47 АЮЗР. СПб., 1877. Т. 9. № 6. С. 33.

«одне городовые казаки»⁴⁸. 15 июня в Киев пришли сведения, что Дорошенко «в Чигирине заперся», а Суховой «стал от Чигирина в ближних местех и хочет над городом чинить промысл»⁴⁹.

Вопрос о созыве рады продолжал оставаться актуальным. В Киев приходили сообщения, что Суховой вызывает Дорошенко на раду и что казаки «изо всех городов и местечек [...] идут все на раду»⁵⁰. Конфликт сторон четко обозначился в начале июня, когда актуальным стал вопрос об осуществлении плана созыва казацкой рады на Росаве близ Канева.

К реализации планов по организации такой рады обе стороны приступили почти одновременно. Сообщения о происходящем пришли в Москву в конце июля от посланца Демьяна Многогрешного Петра Домонтова.

Первыми приступили к осуществлению своих намерений союзники — Крым и Запорожье. 1 июля к Каневу пришли запорожцы во главе с Суховеем и татарское войско во главе с нуредином (третьим лицом ханства). К ним присоединились полки Уманский, Корсунский, Кальницкий⁵¹ — возможно, их названия указывают на маршрут движения казацко-татарской армии от Черного леса к Каневу. Перед нами прямое свидетельство, что теперь против Дорошенко выступил целый ряд полков Правобережья.

Гетман Дорошенко, согласно полученным сообщениям, пришел на Росаву 6 июля из Черкасс с 6-тысячным наемным — «серденяцким» войском⁵². Очевидно, в отличие от противной стороны, привлечь какие-либо полки на свою сторону он не сумел.

Понятно, что для него в такой ситуации поиск поддержки со стороны казачества должен был стать первоочередным делом. К сожалению, и в случае анализа этих шагов Дорошенко в распоряжении исследователей находятся материалы, касающиеся Левобережья. Характерно, что приглашение на раду было отправлено из Черкасс 5 июля даже переяславскому полковнику Д. Райче, который уже за

48 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 70. Л. 389.

49 АЮЗР. Т. 8. № 95. С. 250.

50 АЮЗР. Т. 8. № 94. С. 249–250.

51 Расспрос войскового канцеляриста Петра Домонтова 21 июля. — РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 70. Л. 38.

52 Там же. Л. 37. О местоположении гетмана здесь, по-видимому, сказано неверно — до Росавы он не дошел, но важно указание, что его сопровождало только «серденяцкое войско».

несколько месяцев до этого подчинился левобережному гетману. Обращаясь к нему как «ласковому приятелю», Дорошенко предлагал выслать на раду «товаришество, дело гораздо знающих и к раде способных». На ней будут приняты решения «всего Войска Запорожского старшего и меньшего товариства»⁵³. В «таборе» у Черкасс был составлен и текст универсала, рассылавшегося по казацким полкам. Правобережный гетман обращался в нем не только к казакам, но и «к всякого чину людем всенародно». В нем говорилось, что Дорошенко созывает на раду «все Войско Запорожское обеих сторон Украины», чтобы был избран «вольными гласы» гетман и приняты решения «для утверждения единого и постоянного в Войске Запорожском порядка» — «чтоб над нашими всего Войска Запорожского вольностями не посмевали окрестные народы, а особенно бусурмане»⁵⁴. Таким образом, Дорошенко был вынужден принять требование враждебной стороны о созыве на Росаве рады с наиболее возможным широким составом участников. В своем универсале он предлагал, чтобы на раду пришли «конные и пешие [...] сотники, атаманы и все купно того полку товариство». В таких условиях Дорошенко приходилось прилагать усилия для того, чтобы его сторонники составили большинство на такой раде.

К сожалению, мы плохо осведомлены о результатах предпринятых действий даже на Левобережье. Правда, как и следовало ожидать, подчиненные гетмана Демьяна Многогрешного — прилуцкий и перемышлянский полковники заявили посланцам Дорошенко, что без указа от собственного гетмана «на раду к нему итить невозможно да и не для чего»⁵⁵. Положение могло быть иным в южной части Левобережья, где сторонником Дорошенко являлся полтавский полковник Филон Гаркуша. В письме к гетману Демьяну Многогрешному от 1 июля⁵⁶ он называл Дорошенко «великим добродеем» и угрожал скорым его приходом «с сильными полки Войска Запорожского, крымского и белгородского, так же и турецкого». По-видимому, полтавский полковник не представлял себе положения на Правобережье и не знал, что Дорошенко сам нуждается в его помощи.

Для понимания сложившейся ситуации важны сообщения П. Домонтова о возможной роли Юрия Хмельницкого на ожидаемой

53 Там же. Л. 604.

54 Там же. Л. 623–624.

55 «Расспрос» П. Домонтова — Там же. Л. 532.

56 АЮЗР. Т. 8. № 101. С. 259.

раде. Гетман Дорошенко и его главный советник — митрополит Иосиф Тукальский убедили Хмельницкого оставить «чернечество» и выставить свою кандидатуру на гетманский пост, очевидно, в случае если рада решительно не захочет избрать Дорошенко. Митрополит «и платье с него чернеческое снял»⁵⁷. Планы эти не удалось осуществить, так как Юрий Хмельницкий вскоре попал в плен к татарам и перешел на сторону противников Дорошенко, но само их появление показывает, что какое-то время правобережный гетман и его советники не считали возможным отказаться от участия в раде, даже если соотношение сил в ней окажется не очень благоприятным для них, что определенно говорит о настроении местного общества.

О положении дел на Правобережье в начале июля важные сведения содержатся в сообщениях, поступивших в Москву с Левобережья. Д. Райча сообщал 9 июля, что на сторону Суховея перешли Уманский, Корсунский, Кальницкий, Тарговицкий полки. В сообщении от июля 1669 г. среди поддерживающих его полков фигурируют Корсунский, Уманский, Белоцерковский, Кальницкий, Паволоцкий⁵⁸. Таким образом, речь идет о переходе на сторону противников Дорошенко многих полков Правобережья. Определенное подтверждение этим сообщениям содержится в послании главного советника Дорошенко митрополита Иосифа Тукальского архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю, отправленному 21 июля из Канева⁵⁹. В нем говорится, что Суховея напал на находившихся у Смелой корсунского, белоцерковского, уманского, тарговицкого и паволоцкого полковников, «в свою неволю отобрал» и заставил их вступить в свое войско. Другие источники ничего не знают о таком поступке Суховея. Как представляется, имеет место приемлемое для Петра Дорошенко и его окружения объяснение того, почему на сторону Суховея встала большая часть казацких полков Правобережья, хотя очевидно, что попавшие в плен полковники не смогли бы заставить полки следовать за ними. В этой части, как увидим далее, сообщение Тукальского подтверждает свидетельство «Летописи Самовидца», осведомленный автор которого находился в эти годы на Правобережье. Очевидно, что к лету 1669 г. произошло серьезное углубление внутривосточного кризиса на Правобережье и значительное ослабление позиций Дорошенко.

57 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 70. Л. 532.

58 АЮЗР. Т. 8. № 105. С. 263.

59 Там же. Т. 9. № 8. С. 40–41.

Стоит отметить, что, порицая «своевольников», Иосиф Тукальский все же отмечал их желание «выпрятиться из хомута неволи» с помощью татар.

О событиях, происходивших на Правобережье в июле 1669 г., сохранилось два подробных рассказа — в «Летописи Самовидца»⁶⁰ и в письме прилуцкого полковника И. Маценко — гетману Демьяну Многогрешному⁶¹. К этому времени все внимание украинского общества привлекали известия о созыве рады. Неоднократно встречаются известия, что казаки собираются и выезжают для участия в раде, что и Суховей, и Дорошенко движутся к Росаве⁶².

Как отмечено в «Летописи Самовидца», к казацко-татарской армии присоединились Корсунский, Уманский, Белоцерковский, Паволоцкий, Браславский, Могилевский полки, а под властью Дорошенко оставались Каневский и Черкасский полки, причем сам гетман с «серденяцкой» армией находился в начале июля на территории последнего⁶³. Несмотря на складывающиеся для него неблагоприятные условия, Петр Дорошенко не мог уклониться от участия в раде и из Черкасс двигался на север к Росаве через Мошны к реке Рось. По сообщениям И. Маценко, в походе его сопровождало 1,5 тыс. сердюков, его «двор» и какое-то количество казаков из Черкасского и Каневского полков, так как «иные все полки от него отступили». Здесь налицо совпадение сообщений обоих источников в главном⁶⁴: Дорошенко оставила большая часть полков Правобережья. Нельзя не видеть в этом глубокого кризиса сформировавшегося здесь политического образования.

Когда П. Дорошенко перешел реку Рось, к нему прибыл представитель Суховей для переговоров о будущей раде. Предлагая Дорошенко направляться к Росаве «наспех», он сообщил гетману, что рада уже собралась, заседала весь день и приняла решение, чтобы гетман «конечно

60 Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ, 1971. С. 108.

61 Опубликовано: *Окиншевич Л.* Генеральна рада... Прил. № 11. С. 420–421.

62 См. «вести» июня — июля: АЮЗР. Т. 8. № 94. С. 249; № 105. С. 263; № 109. С. 270.

63 Такое положение дел констатируется в украинской научной литературе, но это не влечет за собой никаких выводов.

64 Между текстами есть расхождения в вопросе о размерах армии Дорошенко: подобно некоторым другим свидетельствам, Самовидец говорит о 6 тыс. «серденяцкого» войска.

серденят от себя отослал», и тогда «меж себя городовые гетмана обертут», а «серденят» в казацком обществе больше не будет⁶⁵. Так на уже собравшейся раде было принято решение, обсуждавшееся ранее участниками Корсунской рады, об уничтожении «серденяцких» войск — одной из главных опор власти Дорошенко. Письмо полковника ничего не говорит о его реакции, но, судя по последующему ходу событий, она была резко отрицательной. Вскоре лагерь Дорошенко у с. Конанча подвергся нападению и оказался в осаде, которая продолжалась 5 недель. Связано это было, по-видимому, с тем, что в казацко-татарской армии не было артиллерии: нуреддин добивался присылки пушек от польского коменданта Белой Церкви⁶⁶. По-видимому, татары и казаки рассчитывали с помощью голода принудить противника к сдаче.

Однако союзникам не удалось нанести поражение Дорошенко до прихода к нему послов султана со знаками власти. При содействии моголевского полковника О. Гоголя посольство султана прибыло на территорию Украины в начале августа 1669 г.⁶⁷ В грамоте султана, текст которой позднее попал в Москву, указывалось, что и Дорошенко, и крымский хан — его «слуги» и должны иметь между собой «крепкое братство», «а хан крымский до Войска Запорожского никакова дела не имеет быть»⁶⁸. По свидетельству «Летописи Самовидца», первых гонцов от султанского посла задержали (вероятно, еще надеясь добиться успеха)⁶⁹, но когда посол снова потребовал от главы татарского войска, чтобы тот «в Крым с войском шол», крымцам пришлось подчиниться: «и по тому [...] листу в Крым орда пошла»⁷⁰.

По-видимому, с уходом татар к Дорошенко смогли пробиться его сторонники. Здесь прежде всего следует назвать расположенный близко от места событий Каневский полк. В Каневе в конце июля находился и выступал против Суховея Иосиф Тукальский, а осенью 1669 г. каневский полковник Лизогуб сыграл большую роль в утверж-

65 В письмах одного из вождей казацко-татарской армии М. Ханенко «серденята» именуется «человеческими головоедомы» (АЮЗР. Т. 9. № 9. Стб. 45, 46).

66 *Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 182.* У П. Дорошенко, напротив, были пушки, судя по сообщению П. Домонтова (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 70. Л. 37).

67 См. об этом *Крикун М. Між війною і радою... С. 42.*

68 АЮЗР. Т. 9. № 41/II. Стб. 174.

69 Літопис Самовидця. С. 108.

70 АЮЗР. Т. 9. № 9. Стб. 49.

дении власти Дорошенко на Правобережье⁷¹. Казацкая армия отступила к Умани. Сложившееся положение описывал в Москве посланец гетмана Демьяна Многогрешного в начале сентября⁷². Как он сообщал, к этому времени Дорошенко уже поддерживали Чигиринский, Белоцерковский, Каневский полки, но и противники представляли серьезную силу — Уманский, Кальницкий, Паволоцкий, Корсунский полки. По-видимому, на внутриполитический кризис наложилось еще расхождение интересов полков разных частей гетманства.

В центре восстания, Умани, произошла смена гетманов. Писарь Суховой занимал свой пост, по-видимому, потому, что на этой кандидатуре настаивали татары. Теперь, когда крымско-казацкий союз оказался разорванным и предстояла война с Дорошенко, казаки нуждались в опытном военном руководителе. Им стал многолетний уманский полковник Михаил Ханенко⁷³. Это решение явно говорит о намерении участников Уманской рады продолжать войну несмотря на неблагоприятно сложившиеся условия, а это, в свою очередь, свидетельствует о глубине и остроте конфликта в среде правобережного казачества⁷⁴.

Как известно, к концу 1669 г. П. Дорошенко смог нанести поражение своим противникам. Есть точка зрения, что он смог после этого «зміцнити державні інституції, згуртувати еліту, консолідувати суспільство»⁷⁵. Однако такому заключению очевидно противоречат события 1672 г., когда Умань снова стала центром восстания. К этому времени относится целый ряд писем гетмана Дорошенко к султану и его сановникам, где речь идет о том, что он не в состоянии дать отпор противникам и просит помощи османов. Такая критическая ситуация сложилась в 1672 г. без всякого сотрудничества противников Дорошенко с татарами. Эти факты лучше, чем что-либо другое, говорят о внутриполитическом кризисе на Правобережье как о глубоком, выходящем за рамки одного-двух событий политической истории явления, которое заслуживает особого внимания исследователей.

71 См. об этом в письме коменданта Белой Церкви киевскому воеводе и «распросных речах»: *Петровский М.* Нариси історії України. Харків, 1930. Прил. № 12–13. С. 403–404.

72 АЮЗР. Т. 9. № 13. Стб. 63.

73 О его выборе см. Літопис Самовидця... С. 108 и письмо М. Ханенко Д. Многогрешному (АЮЗР. Т. 9. № 9/1. Стб. 43).

74 События, происходившие затем осенью 1669 г., заслуживают того, чтобы стать объектом специального исследования.

75 *Смолій В., Степанков В.* Правобережна Україна у другій половині XVII–XVIII ст.: проблема державотворення. Київ, 1993. С. 44.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография В. В. Працц, 1872. Т. 7. 1657–1663, 1668–1669. VI + 10 + 398 с.; 1875. Т. 8. 1668–1669, 1648–1657. [2] + 10 + 400 + 16 с.; СПб.: Типография М. Эттингера, 1877. Т. 9. 1668–1672. [2] + 26 стб. + 988 стб. + 24 с.

Андрусяк М. До історії боротьби між П. Дорошенком та П. Суховієм // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 150: ювілейний збірник Наукового товариства імени Шевченка у Львові в п'ятдесяти-п'ятиліття основання, 1873–1928. Праці Філологічної та Історично-філософської секції / під ред. К. Студинського, І. Крип'якевича. Львів, 1929. С. 197–227.

Дорошенко Д. І. Нарис історії України. Львів: Світ, 1991. 574 с.

Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ: Критика, 2006. 472 с.

Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 208 с.

Окиншевич Л. Генеральна рада Україні-Гетьманщині XVII–XVIII ст. ст. // Праці Комісії для виучування історії західно-руського та українського права. Київ: З друк. Укр. Акад. Наук. 1929. [Вип. 6]. С. 253–425.

Петровський М. Нариси історії України XVII — початку XVIII століть. [Т.] I (досліди над літописом Самовидця). Харків, 1930. 454 с.

Смолій В., Степанков В. Правобережна Україна у другій половині XVII–XVIII ст.: проблема державотворення. Київ, 1993. 72 с.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

Чухліб Т. Гетьман П. Суховієнко (Суховій) у союзі з Кримським ханством проти Польщі і Росії // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2000. Вип. 7. С. 199–209.

Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ: Критика, 2005. 584 с.

Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków: Universitas, 2000. 502 s.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow).

Akty, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei, t. 7, 1657–1663, 1668–1669. Saint Petersburg: Tipografiia V. V. Pratts, VI + 10 + 398 s.

Akty, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei, t. 8, 1668–1669, 1648–1657. Saint Petersburg: Tipografiia V. V. Pratts, 1875, [2] + 10 + 400 + 16 s.

Akty, otnosiashchiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komissiei, t. 9, 1668–1672. Saint Petersburg: Tipografiia M. Ettingera, 1877, [2] + 26 stb. + 988 stb. + 24 s.

Andrusiak, M. “Do ictorii borot'bi mizh P. Doroshenkom ta P. Suhoviem”. *Zapiski naukovogo tovarystva im. Shevchenka*, vol. 150, iuvileinii zbirnyk Naukovogo tovarystva imeni Shevchenka u L'vovi v p'iatdesiati-p'iatilittia osnovannia, 1873–1928. Praci Filologichnoi ta Istorichno-filosofichnoi sekcii. Pid red. K. Studyns'kogo, I. Krip'iakovycha, L'viv, 1929, s. 197–227.

Doroshenko, D. I. *Narys istorii Ukraïni*. L'viv: Svit, 1991, 574 s.

Krykun, M. *Mizh viïnoiu i radoiu. Kozactvo pravoberezhnoi Ukraïny v drugiï polovyni XVII — na pochatku XVIII stolittia*. Kyïv: Krytyka, 2006, 472 s.

Litopys Samovydcia. Vydannia pidgotuvav k. f. n. Ia. I. Dzyra, Kyïv: Naukova dumka, 1971, 208 s.

Okinshevykh, L. “General'na rada Ukraïni-Get'manshchyni XVII–XVIII st. st.” *Pratsi Komisii dlia vyuchuvannia istorii zahidno-rus'kogo ta vkrains'kogo prava*. Kyïv: Z druk. Ukr. Akad. Nauk, 1929, [vyp. 6], s. 253–425.

Petrovskii, M. *Narysy istorii Ukraïni XVII — pochatku XVII stolit'*, [vol.] I (doslydy nad litopysom Samovydcia), Harkiv, 1930, 454 s.

Smoliï, V., Stepankov, V. *Pravoberezhna Ukraïna u drugiï polovyni XVII–XVIII st.: problema derzhavotvorennia*. Kyïv, 1993, 72 s.

Floria, B. N. *Vneshnepoliticheskaia programma A. L. Ordin-Nashchokina i popytka ee osushchestvleniia*. Moscow: Indrik, 2013, 448 s.

Chuhlib, T. “Getman P. Suhoveenko (Suhovii) u soiuzi z Kryms'kim hanstvom proty Pol'shchi i Rosii”. *Ukraïns'ka kozats'ka derzhava: vytoky ta shlyahy istorychnogo rozvytku*, vyp. 7, Kyïv: Institut istorii Ukraïni NANU, 2000, s. 199–209.

Iakovenko, N. *Narys istorii sredn'ovichnoi ta rann'omodernoï Ukraïny*. Kyïv: Krytyka, 2005, 584 s.

Perdenia, J. *Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków: Universitas, 2000, 502 s.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The domestic political crisis in the Right-Bank Ukraine
in the spring and summer of 1669

Based on an analysis of sources, the author tries to reconstruct the course of events during the political crisis on the Right Bank, at the center of which was the confrontation between the right-bank hetman P. Doroshenko and his opponent, P. Sukhovey, an elected hetman of the Zaporozhian Sich with the support of the Crimean Khanate. The author shows that the opposition to Doroshenko was significant and was formed as well under the influence of the news about his Turkish citizenship. It was approved by the Korsun Rada, to participate in which the Right-Bank hetman was able to mobilize a significant number of supporters from the Right-Bank foreman. This caused discontent not only among the Cossacks, but also among the Cossack mob in a part of the Right-Bank regiments. Doroshenko's attempts to get help from the Ottoman Empire were unsuccessful and in the summer his position became threatening: only two Cossack regiments stood on the side of the hetman. Only the arrival of the ambassadors of the Sultan in August 1669, who demanded that the Crimean Khanate stop supporting the opposition to Doroshenko, and the subsequent departure of the Tatars defused the situation and saved the Right-Bank hetman from losing the power. These events, as well as the ensuing similar domestic political crisis in the Right-Bank Ukraine in 1672, demonstrate how shaky the Doroshenko's position was and how difficult it was for him to maintain the power.

Keywords: *hetman, foremen, mob, Zaporozhian Cossacks, Crimea, Ottoman Empire.*

УДК: 94(367)
ББК: 63.3(4)5

Н. Е. Домрачев
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

**Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении
постоянных дипломатических представительств
в конце 1680-х гг.**

В последней трети XVII столетия дипломатические отношения между Московским государством и Речью Посполитой претерпели значительную модернизацию: при русском и польском дворах появились постоянные дипломатические представители, которых современники называли «резидентами». Этот процесс был связан с возрастанием интенсивности контактов между двумя странами перед лицом османского наступления в Восточной и Центральной Европе. Однако наличие общей внешней угрозы не привело к разрешению исторических противоречий между Московским и Польско-Литовским государствами. Это неизбежно отразилось и на функционировании постоянных миссий: в 1677 г. они были ликвидированы. Лишь после заключения договора о Вечном мире в 1686 г. были вновь созданы условия для возобновления деятельности резидентов. При этом окружение короля Яна III Собеского и правительство кн. В. В. Голицына имели разное представление о наборе функций и задачах учреждаемых дипломатических представителей. Большую роль в возобновлении института «резиденций» сыграло и взаимное недоверие правящих кругов обеих стран друг к другу, и их желание контролировать основные действия союзника.

Ключевые слова: Россия, Речь Посполитая, русско-польские отношения в XVII в., постоянное дипломатическое представительство, Вечный мир.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.04

В последней трети XVII в. отношения России и Речи Посполитой приобретали все более интенсивный характер. Этому способствовали попытки сближения двух государств на основе совместного противостояния усилению османского влияния в Восточной Европе. Прологом сближения двух исторических противников стало заключение в декабре 1667 г. Московского союзного договора, предусматривавшего

совместные действия обеих держав в случае казацких мятежей и наступления османских или крымских войск. Договор стал реакцией на принятие гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко подданства султана Мехмеда IV¹.

Известия о намерении турецких войск вторгнуться в Подолию в 1672 г. актуализировали русско-польский союз. В марте того же года посольство Яна Гнинского на переговорах в Москве подтвердило условия Андрусовского перемирия и оборонительный антиосманский союз между Московским государством и Речью Посполитой².

По договору, заключенному в Москве 30 марта (9 апреля) 1672 г., русская сторона брала на себя обязательства в случае нападения на Польско-Литовское государство Османской империи или Крыма послать в набеги вассальные кочевые народы, а также донских и запорожских казаков, чтобы «неприятеля от того намерения отрывать» (ст. 5). Также царь и его советники обязывались отправить посольства в Крым и Турцию, «разсоветывая сию войну» (ст. 6). Решение вопроса о военной помощи непосредственно русскими войсками было отложено (ст. 3, 7)³.

Политическая элита Польско-Литовского государства надеялась на военную помощь со стороны московских войск, и, рассчитывая на их поддержку, была готова продолжать войну даже после заключения осенью 1672 г. вынужденного Бучачского мирного договора с Портой. Необходимость согласовывать различные политические и военные вопросы, в частности остро стоявшую проблему «посилков» (военной помощи) со стороны России⁴, способствовала повышению интенсивности контактов между Москвой и Варшавой: в 1672 г. в Речь Посполитую было послано три гонца, в 1673 г. — четыре⁵. Рост ча-

1 Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 235.

2 Подробнее о ходе переговоров см.: *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968. S. 296 i n.

3 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1. № 513. С. 879–880.

4 Подробнее о проблеме «посилков» см.: Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 61–75.

5 Перечень дипломатических посылок за указанный период см.: *Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г.* М., 1897. Ч. 3. С. 144–146.

стоты контактов, а также желание польской стороны иметь полное представление о планах и действиях царя Алексея Михайловича и его советников и контролировать соблюдение Россией заключенных соглашений привело короля Михаила Корибута Вишневецкого и его окружение к мысли послать в Россию своего постоянного представителя. В сентябре 1673 г. в Москву прибыл посланник Павел Михал Свицерский, который должен был находиться при русском дворе в качестве резидента. Он стал первым польским постоянным дипломатическим представителем в истории русско-польских дипломатических отношений. В ответ в ноябре того же года в качестве резидента ко двору короля был послан стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин. При организации его миссии ближайшие советники царя Алексея Михайловича Юрий Алексеевич Долгоруков и Артамон Сергеевич Матвеев во многом отталкивались от полномочий польского резидента⁶.

Однако русско-польский оборонительный антиосманский союз не был реализован на практике. Обе стороны своими действиями неоднократно нарушали его ключевые положения. Так, в частности, польская сторона фактически не допускала русских представителей на переговоры с татарскими и османскими послами в 1674 и в 1676 гг. и заключила сепаратный с точки зрения Московского договора Журавенский мир с Портой (1676). В то же время Россия с 1674 г. начала активно действовать на Правобережной Украине, оставшейся по Андрусовскому договору за Польско-Литовским государством, а вопрос о «посилках» так и остался нерешенным⁷. Все это привело к фактическому краху русско-польского антиосманского союза.

Разочарованные польско-литовские политики, несмотря на различные взгляды, достаточно единодушно нашли «виновных» в этой неудаче. Ими стали резиденты. Сторонники короля Яна III Собеского

6 Подробнее о полномочиях П. М. Свицерского см. запись переговоров в Посольском приказе 5 (15) сентября 1673 г.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Кн. 159. Л. 51–56об. Ср. наказ резиденту В. М. Тяпкину от 12 (22) ноября 1673 г. (там же. Кн. 160. Л. 22–38об.). Также по данной проблеме см.: *Домрачев Н. Е.* Становление русского постоянного дипломатического представительства в Варшаве в 1670–1680-е гг. под руководством резидентов В. М. Тяпкина и П. Б. Возницына. Магистерская диссертация (на правах рукописи). М., 2019. С. 103–117.

7 *Флоря Б. Н.* Переговоры... С. 74.

обвинили В. М. Тяпкина в срыве переговоров о предоставлении Речи Посполитой русских «посилков» и разрушении своими «развратными письмами» русско-польского союза⁸. В частности, в письме от 8 (18) апреля 1676 г. резидент передал в Москву слова Яна III Собеского, грозившего дипломату «кнутовым караньем». Противники короля, так называемая литовская оппозиция⁹, напротив, виновником краха русско-польского союза считали своего резидента П. М. Свидерского. Представители оппозиции обвиняли его в донесении королю «многих басен», на основании которых создавались и распространялись по Европе «своемудренные пашквили» о России¹⁰. Таким образом, судьба резидентов, которые стали зримым символом русско-польского антиосманского союза для политической элиты Речи Посполитой, была решена. Царь Федор Алексеевич и его ближайшие советники благодаря донесениям В. М. Тяпкина были также осведомлены о настроениях в польском истеблишменте и поддерживали подобный сценарий развития событий. В мае 1677 г. Ян Собеский под благовидным предлогом донесения царю и его советникам содержания своей тайной беседы с русским резидентом отпустил в Москву В. М. Тяпкина. В августе того же года в Польско-Литовское государство был отозван П. М. Свидерский. В русско-польских отношениях наступил длительный период охлаждения. Впрочем, вопрос об отзыве русского и польского резидентов в 1677 г. заслуживает отдельного исследования.

Новый этап русско-польского сближения был связан с новым союзным договором — знаменитым договором о Вечном мире (1686). Он предусматривал согласованные наступательные действия московских и польско-литовских войск против Крыма и Османской империи. Вновь была поднята проблема координации действий союзных держав. Договор создавал политические условия для возрождения постоянных дипломатических миссий в России и в Речи Посполитой. Уже осенью 1687 г. в Москву прибыл польский резидент Ежи (в документах русского происхождения именуется «Юрием») Доминик Довмонт, а в январе 1688 г. в ответ в Польско-Литовское государство был послан в качестве резидента дьяк Прокофий Богданович Возницын.

8 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 189об.

9 Подробнее о расстановке политических сил в Великом княжестве Литовском в указанный период см.: *Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17-th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. S. 55–62.*

10 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 97.

Решающее влияние на организацию возрожденных постоянных дипломатических представительств, задачи, поставленные перед резидентами, и условия, в которых разворачивалась их деятельность, оказало отношение к институту резидентов правящих элит двух стран — окружения короля Яна III Собеского и правительства кн. В. В. Голицына. В этой связи представляется важным исследовать историю появления идеи возродить «резиденции» в Москве и Варшаве и отношение к ней правящих кругов обеих держав в 1680-е годы.

В исследовательской литературе вопрос о появлении идеи возродить обмен резидентами между московским и польско-литовским государствами и ее осмыслении правительствами союзных держав специально не рассматривался. Это связано с крайне слабым вниманием всех поколений исследователей к вопросам деятельности второго русского резидента П. Б. Возницына и польского резидента Е. Д. Довмонта, которая оказалась в тени ярких политических событий конца 1680-х годов, в частности Крымских походов. Не в меньшей степени это связано с тем, что в тексте договора о Вечном мире, широко используемом исследователями, вопрос об учреждении постоянных дипломатических представительств не ставился.

К материалам русской миссии П. Б. Возницына обращались немногие историки, а в их работах освещались только отдельные сюжеты его деятельности¹¹. Только в книге польского историка А. Каминьского была предпринята попытка сделать краткий обзор истории и основных направлений работы русской миссии в Речи Посполитой в 1688–1697 гг. и польской миссии в России (1687–1694 гг.)¹². Однако вопрос о появлении идеи возродить русскую миссию в Польско-Литовском государстве в 1680-е годы А. Каминьским не рассматривался. Отдельные аспекты этой проблемы были затронуты только в работах

¹¹ Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1949. Вып. 14. С. 184; Тумов Ф. И. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве XVII–XVIII вв. (1654–1795 гг.). Т. I. Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII–XVIII вв. Первая половина тома (1654–1725 гг.). Опыт церковно-исторического исследования. С. 358; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I. С. 213, 216–217.

¹² О русской миссии подробнее см.: Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge, 1993. S. 113–145. О миссии Е. Д. Довмонта см.: Ibid. S. 146–175.

З. Вуйчика¹³, К. А. Кочегарова¹⁴ и С. С. Колегова¹⁵. Таким образом, процесс зарождения и практического воплощения идеи восстановить постоянные миссии после заключения договора о Вечном мире в мае 1686 г. и до приезда в Россию польского резидента Е. Д. Довмонта в ноябре 1687 г. не являлся предметом специального изучения.

Представляется возможным решить поставленную задачу на материалах делопроизводственной документации Посольского приказа. После заключения договора о Вечном мире интенсивность контактов между Москвой и Варшавой вновь возросла: участилась переписка между монархами с помощью «любительных» грамот, кн. В. В. Голицын вел активную переписку с влиятельными сановниками Польско-Литовского государства. В этих документах активно обсуждался круг вопросов, связанных с русско-польским союзом. Кроме того, в Речь Посполитую было послано несколько дипломатических миссий¹⁶, указы которых во многом отразили те вопросы, ответ на которые желало знать правительство кн. В. В. Голицына. Указанные документы

13 *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymałtowskiego w roku 1686 // *Trudne stulecia: studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiąt rocznicę urodzin / red. Ł. Kądziela, W. Kriegeisen, Z. Zielińska.* Warszawa, 1994. S. 30–32.

14 *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 417.

15 *Колегов С. С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в. Автореферат дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2011. С. 13–14; *Колегов С. С.* Совместные антитурецкие действия России и Речи Посполитой в контексте дипломатической деятельности В. М. Тяпкина // *Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и мол. ученых.* Екатеринбург, 2008. Вып. 2. С. 78; *Колегов С. С.* Дипломатическая деятельность русских послов на территории Речи Посполитой в 1688–1700 гг. // *История в подробностях.* 2011. № 4 (10). С. 45–47; *Колегов С. С.* Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII — первые годы XVIII столетий // *Научный диалог: журнал научных публикаций.* 2014. № 8 (32) (История. Экономика. Право). С. 15–37.

16 «Великое посольство» Б. П. Шереметева (июнь 1686 — январь 1687 г.), миссии гонцов В. Клобукова (сентябрь — декабрь 1686 г.), В. Айтемирава (октябрь — декабрь 1686 г.), И. Радкова (февраль — июнь 1687 г.), И. Череева (июнь — октябрь 1687 г.). Перечень дипломатических посылок см.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... Ч. 3. С. 158.

компактно сосредоточены в коллекции «Сношения России с Польшей» (ф. 79) Российского государственного архива древних актов.

В процессе подготовки и ратификации договора о Вечном мире Посольский приказ получал различные сообщения, которые давали основания для подозрений, что мир с московским государством является не более чем коварной интригой короля Яна III. Эти сообщения стекались в Москву из Смоленска, Киева и особенно из ставки запорожского гетмана И. Самойловича.

Так, в частности, в начале февраля 1686 г. в гетманской канцелярии был допрошен выходец из польских земель Андрей Каллистратов, который случайно стал свидетелем разговора короля с венецианским резидентом: «Надеюсь на Бога, — говорил по-итальянски Ян III, — что Москву сведу [в] войну турскую, для того великие послы к Москве посланы. И как турской возъярится на Москву, вместе и я радети буду с турком покой учинить, и обращу войну на царство Московское. Которым образом удобно возмогу отобрать Заднепріе и иные места, а держать их инако не буду, толко к унеям римской привлеку, чтоб никогда к Москве не оглядывались, а потом все чинить будет возможно»¹⁷. Сведения эти были получены в русской столице еще до начала переговоров с польскими великими послами.

Подобные сообщения способствовали формированию у «оберегателя» кн. В. В. Голицына сомнений в надежности Польско-Литовского государства как партнера по борьбе с Крымом и Османской империей. Это вынуждало его задуматься о необходимости контролировать действия Яна III Собеского и отслеживать соответствие его поступков заключенному договору Вечного мира. Для наблюдения за королем необходимо было постоянное присутствие при его особе представителя Московского государства и доверенного лица «оберегателя».

Текст договора о Вечном мире не предусматривал учреждение постоянных дипломатических представителей, хотя и устанавливал правила приема и содержания дипломатов обеих договаривающихся сторон (ст. 26)¹⁸. В ходе переговоров с польскими великими посла-

¹⁷ Распросные речи А. Каллистратова см.: *Станіславський В.* Статті гетьмана Івана Самойловича щодо Вічного Миру // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. К.: Інститут історії України НАН України, 2000. Вип. 1. С. 383–385.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 1184. С. 783.

ми Кшиштофом. Гжимултовским и литовским канцлером Марцианом Огинским этот вопрос не поднимался и не обсуждался¹⁹.

Однако во время переговоров о заключении Вечного мира в Москве в распоряжении «оберегателя» кн. В. В. Голицына и руководства Посольского приказа оказался латинский текст польско-австрийского союзного договора 1683 г. Его предоставили польские великие послы во время консултации 2 (12) марта 1686 г. Тогда же они сообщили, что «и ныне де у королевского величества цесарской и венецыйской для крепости и верности того и резиденты есть»²⁰.

Польско-австрийский договор ранее был известен в Посольском приказе. Еще в мае 1684 г. австрийский посол барон Иоганн Криштоф Жеровский (Зеровский) привез в Москву латинскую копию текста этого соглашения²¹.

Договор 1683 г. стал первым соглашением стран-участниц Священной лиги. В силу этого утвержденные им нормы взаимодействия союзников задавали тон впоследствии присоединившимся к коалиции участникам антиосманского движения. Основанная на традиции и прецедентах дипломатия московского государства неизбежно должна была уделить пристальное внимание этому документу, особенно с учетом того, что договор о Вечном мире этот аспект никак не регулировал.

В этой связи представляется, что именно польско-австрийский договор 1683 г. подтолкнул руководство Посольского приказа к мысли возродить постоянные дипломатические миссии в Речи Посполитой и в Московском государстве, которые стали связаны союзническими обязательствами. В этом договоре, в частности, было зафиксировано намерение имперской и польской сторон, что «ближайшей ради пересылки резиденты с обеих сторон начал(ь)ные, в войне искусные, особо на то избранные, в сторонах пребывати будут»²². Обмен резидентами между Веной и Варшавой в договоре был обоснован необходимостью «воинскою думою друг при друге стоять» и потребностью «ближайшей (быстрой. — *Н. Д.*) пересылки»²³. Эти два аргумента, очевидно,

19 Подробнее см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 300–370.

20 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 224. Л. 262об.

21 Перевод латинского текста договора см.: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб., 1862. Т. VI (с 1682 по 1685 год). Стб. 581–591.

22 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 224. Л. 121об.–122.

23 Там же. Л. 121 об.–122.

были широко распространены в Европе для обоснования организации постоянных миссий. Например, в 1673 г. их активно использовала польская сторона для убеждения царя Алексея Михайловича и его советников принять своего резидента²⁴. В конце 1680-х годов они вновь будут осмыслены московской дипломатией. У руководства Посольского приказа появилась возможность опереться на сложившуюся в странах-членах Священной Лиги практику обмена постоянными дипломатическими представителями, которую можно было поставить на службу все более насущной потребности контролировать уже собственного новоиспеченного союзника.

Идея повторить обмен резидентами между монархами Московского и Польско-Литовского государств, связанных договором о наступательном антиосманском союзе, возникла, как показал К. А. Кочегаров, в окружении кн. В. В. Голицына в мае 1686 года, после заключения договора о Вечном мире, когда польские послы готовились к отъезду из столицы. В ответ на предложения «оберегателя» М. Огинский был готов оставить человека из своей свиты, тем более что должность канцлера литовского давала ему возможность сразу снабдить его всеми необходимыми документами²⁵. Однако этому воспротивились коронные представители во главе с К. Гжимултовским, которые настаивали, что правом назначать резидента обладает исключительно король, опасаясь, что человек литовского канцлера будет «заботиться больше о торговле, нежели об общественных интересах»²⁶.

19 (9) мая 1686 г. в Москву прибыл для переговоров человек М. Огинского оршанский староста Самуил Эйсмонт, который среди прочих вопросов просил у кн. В. В. Голицына подтвердить готовность обменяться резидентами²⁷.

24 См. «любительную» грамоту короля Михаила Корибута Вишневецкого от 8 июля (29 июня) 1673 г.: «Для скорейшего и совершеннейшего в делах общих во время сея войны, колико в сем году с тем имяни христианского неприятелем отправляющихся [...] понеже тем способом, егда при боку вашего царского величества наш резидент пребывати будет, сручнее и скорее нас, великого государя нашего королевского величества, от вас, брата нашего великого государя вашего царского величества, доходить будут ведомости» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 159. Л. 29–29об.).

25 Подробнее см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 417; *Wójcik Z.* Epilog... S. 30–32.

26 Цит. по: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 417.

27 Там же.

В это время Посольском приказе уже велась подготовка великого посольства боярина Бориса Петровича Шереметева, которое должно было засвидетельствовать присягу короля Яна III Собеского на договоре о Вечном мире. Как представляется, под влиянием просьбы С. Эйсмонта в наказ (инструкцию) великим и полномочным послам была включена специальная статья о резидентах, которую среди прочих надлежало вынести на обсуждение на переговорах с сенаторами после того, как король ратифицирует договор.

Обращение к черновику наказа великим послам подтверждает эту мысль. Статья о резидентах была составлена на двух отдельных листах почерком, отличным от почерка предыдущей и последующей статей, и вклеена на нужное место черновика наказа²⁸. Немногочисленные редакторские правки статьи носят стилистический характер. Очевидно, что она была добавлена уже в готовом виде и не предполагалась к включению в наказ изначально. Статья была разработана с учетом опыта работы «бывших резидентов», то есть В. М. Тяпкина и П. М. Свицерского. Кроме того, при разработке статьи о резидентах, как представляется, был использован опыт Речи Посполитой и Священной Римской империи, почерпнутый из договора 1683 г.

Предлагая польско-литовской стороне обмен постоянными дипломатическими представителями, в Посольском приказе исходили из двух обстоятельств: планов согласованных военных действий польских и московских войск против Крымского ханства и Османской империи и вытекающей из этого необходимости «скорого» обмена стратегической информацией между союзниками. Планы правительства кн. В. В. Голицына организовать «генеральный» поход русских войск на Крым требовали скорейшей высылки резидентов и налаживания работы постоянных дипломатических миссий при дворах союзных государей. Посольство Б. П. Шереметева должно было просить короля прислать своего резидента в Москву «вскоре в нынешнее время»²⁹. Формулировки статьи «наказа» о резидентах предусматривали возможность предоставить пальму первенства в возрождении постоянных дипломатических миссий польско-литовской стороне. Русские великие послы должны были просить у сенаторов и короля согласие на прибытие русского резидента и в подтверждение этого выслать в Москву своего. Только потом цари и их советники готовы были сделать ответный шаг «вскоре ж».

28 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 18. Л. 158–159.

29 Там же. Кн. 226. Л. 42.

Великие послы также должны были урегулировать ключевую проблему постоянных дипломатических миссий: за чей счет она будет содержаться? Этот вопрос стал предметом оживленной дискуссии между А. С. Матвеевым и П. М. Свицерским на переговорах осенью 1673 г.³⁰, а выработанное решение содержать резидентов за счет принимающей стороны на практике создало серьезные трудности в работе В. М. Тяпкина. Напротив, в 1686 г. великие послы должны были объявить, что стороны должны содержать своих постоянных дипломатических представителей за собственный счет. В то же время принимающая сторона должна была взять на себя обязательство оплатить резидентам двор и выдавать еженедельное жалованье в счет дров и конского корма. Таким образом, постоянному дипломатическому представителю обеспечивались достойные условия жизни при дворе союзного государя. Утверждение подобного подхода стало знаковой вехой адаптации московской дипломатической практики на западном направлении к европейским традициям, обозначив ее переход от традиционного представления о том, что посольство должно полностью находиться на содержании принимающего монарха, в сторону идеи о финансовой независимости постоянного дипломатического представительства.

Таким образом, в отличие от ситуации 1670-х гг., после заключения Вечного мира инициатором обмена резидентами стала русская сторона, которая была поддержана рядом литовских политиков во главе с канцлером М. Огинским. Король Ян III Собеский и его окружение долгое время не проявляли большого интереса к этой идее.

Великое посольство Б. П. Шереметева смогло изложить русскую позицию касательно возрождения постоянных дипломатических миссий во Львове 13 (23) декабря 1686 г. во время третьего «ответа» (раунда переговоров) комиссии, возглавляемой луцким епископом Станиславом Яном Витвицким³¹. Королевский ответ на это предложение, данный великим послам на следующий день, оказался неожиданным. Ян III Собеский не только поддержал идею возрождения постоянных миссий и пообещал, что «послан будет тот резидент к великим государем [...] вскоре»³², но выдвинул и встречное предложение. Король намеревался послать в российское государство не одного, а двух резидентов.

30 Подробнее см: запись... 5 (15) сентября 1673 г. (Там же. Кн. 159. Л. 51–56об.).

31 Там же. Кн. 226. Л. 72об.–73.

32 Там же. Л. 84об.

дентов: к царскому двору в Москву и в войска, действующие против Крыма. Царям-соправителям и их советникам была предоставлена возможность поступить таким же образом³³. У великих послов не было полномочий каким-либо образом обсуждать этот вопрос с польской стороной, поэтому Б. П. Шереметьев вынужден был отговориться: «Наказано им [...] говорить только об одном резиденте. А что желает королевское величество в обоих сторонах по два резидента, и они [...] до великих государей [...] о том донесут»³⁴.

Идея отправки в Москву двух резидентов, «придворного» и «войскового» (военного атташе), отражала степень понимания польской элитой механизма циркуляции на международной арене информации о внутреннем положении в Российском государстве. Король и его советники с недоверием относились к готовности русской стороны исполнять взятые на себя по договору о Вечном мире обязательства и стремились обладать полной и достоверной информацией о намерениях и действиях «оберегателя» кн. В. В. Голицына и его приближенных. «Придворный» резидент в Москве, находясь в тысяче километров от театра войны с Крымом, мог бы смотреть на происходящее в московском войске только через призму официальных отчетов воевод, отредактированных в Посольском приказе. Дать объективную картину успехов и неудач Российского государства в войне с Крымским ханством могло доверенное лицо короля при московских войсках — «войсковой» резидент.

Появление «войскового» резидента привело к трансформации в глазах Яна III и его советников функций «придворного» резидента в Москве. Объявляя великим послам о готовности короля послать к царскому двору своего постоянного дипломатического представителя в «ответе» 14 (24) декабря 1686 г., комиссия С. Я. Витвицкого назвала основной его функцией «о всех приключаящихся пограничных делах доносить на обе стороны и те ссоры успокаивать»³⁵. Действительно, проблема разрешения пограничных споров и взаимных «наездов» шляхты, детей боярских и казаков была одной из самых обсуждаемых на переговорах как с кн. В. В. Голицыным в Москве, так и с Б. П. Шереметевым во Львове³⁶. Русская сторона последовательно отказывалась заниматься разбором всех этих конфликтов,

33 Там же. Л. 85.

34 Там же. Л. 85об.—86.

35 Там же. Л. 85—85об.

36 Подробнее см.: *Кочегаров К. А. Речь Посполитая... С. 322—326.*

предлагая передать их на рассмотрение специально назначенных от каждого государства межевых судей. Отсутствие у великого посольства Б. П. Шереметева полномочий решать подобные споры вызвало разочарование у короля и его советников, что, как представляется, и привело к мысли передать решение пограничных вопросов своему «придворному» резиденту.

Ян III Собеский и его советники живо ухватились за идею послать в Москву своего резидента. Уже 6 января 1687 г. (27 декабря 1686 г.) была составлена королевская «любительная» грамота, врученная великому посольству Б. П. Шереметева. В ней Ян III сетовал, что московские великие послы «полной до розговоров, как такожде и к совершению договоренных статей мочи, себе данной, не имели», и откладывал решение волнующих Речь Посполитую вопросов «до присылки, даст Бог, к Москве резидента нашего [...], который по воле и по повелению нашего королевского величества всякие желания наши пространно вам об(ъ)явит и предложит»³⁷. Впрочем, король проигнорировал просьбу великих послов «поволить» пребывание при своем дворе русского постоянного дипломатического представителя. В грамоте о взаимной присылке в Польско-Литовское государство московского резидента речи не шло, и необходимые гарантии, что он будет принят, даны не были.

Отсутствие каких-либо официальных гарантий польской стороны, что русский постоянный представитель будет принят при королевском дворе, заставляло «оберегателя» кн. В. В. Голицына медлить с его отправкой в Польско-Литовское государство. Очевидно, руководство Посольского приказа приняло решение положиться на проверенную практику: не стремиться проявить инициативу и дожидаться, пока польская сторона первой пришлет в Москву своего резидента. И только после этого организовать русскую миссию в Речи Посполитой, опираясь на статус и полномочия польского постоянного представителя.

Симптоматично, что до приезда в Москву польского резидента Е. Д. Довмонта в декабре 1687 г. руководство Посольского приказа специально не интересовалось, почему, несмотря на предложение великих послов обменяться постоянными представителями «вскоре в нынешнее время», дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Ни в официальных царских «любительных» грамотах, ни в письмах кн. В. В. Голицына, адресованных к сенаторам польско-литовского государства и пребывающим там дипломатам стран — союзниц Речи

37 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 226. Л. 122–122об.

Посполитой по Священной лиге, ни в наказах трем русским гонцам, посланным с царскими грамотами к Яну III Собескому, тема обмена резидентами не поднималась. Более того, посещавшие Польско-Литовское государство русские гонцы в своих отписках сверх «наказов» не фиксировали никакой информации, связанной с посылкой польских постоянных представителей в Московское государство.

Невнимание как короля Яна III, так и руководства Посольского приказа к проблеме обмена «придворными» резидентами имеет объяснение. В марте 1687 г. начался первый «генеральный» Крымский поход кн. В. В. Голицына, в связи с чем координация военных действий стала главной и основной темой контактов на любом уровне. Присутствие в войсках «главного министра» (по выражению Патрика Гордона³⁸) приковывало внимание короля и польско-литовских политиков к лагерю русских войск, в то время как их интерес к происходящему при дворе в Москве падал. Одновременно «оберегатель» кн. В. В. Голицын, при котором в полковой канцелярии находился и непосредственный руководитель Посольского приказа думный дьяк Е. И. Украинцев, был сосредоточен на текущих военных действиях, из-за чего не мог уделять достаточного внимания вопросу об обмене постоянными дипломатическими представителями. В Москве посольские дела были переданы неопытному «товарищу» «главного министра» — его сыну кн. Алексею Васильевичу Голицыну, деятельность которого сводилась к пересылке текущих документов к отцу в полки.

В 1687 г. приоритетной задачей Яна III и его советников стал сбор полной и достоверной информации о происходящем первом Крымском походе. Для этого король и коронный гетман Станислав Ян Яблоновский не ограничились отправкой своих «частократных посланцов» в войска кн. В. В. Голицына. Польско-литовские политики приступили к реализации своего плана, предложенного великому послу Б. П. Шереметеву: организации «войсковой» резиденции. В «любительной» грамоте, составленной 10 (1) августа 1687 г. и посланной в Москву с русским гонцом Иваном Чередеевым, король сетовал, что «вел(ь)можные гетманы [...] и на резиденцию урожденного Гласковского, человека рыцерского (то есть шляхтича. — Н. Д.), послали, которого в Киеве задержали было, не ведомо какой ради причины. И, зная, что еще где ныне задержан, понеже об нем стол(ь) долго никакой ведомости не имеем»³⁹.

38 Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М., 2009. С. 136.

39 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 360–361.

Подробных сведений о пребывании «лейтенанта одной из гусарских рот» Стефана Гласковского в качестве резидента при московских войсках в Крымском походе 1687 г. обнаружить не удалось. О пребывании С. Гласковского при русских полках кратко сообщил в своем дневнике П. Гордон, которому было поручено разместить польского «войскового» резидента. Прибыв в русский лагерь на р. Орель 15 (25) июля, вечером того же дня он был принят кн. В. В. Голицыным. Лейтенант подал «первому министру» королевскую грамоту, где излагались принципы новой «войсковой» резиденции: «необходимость иметь резидента в армиях обеих сторон и учредить почту для своевременного извещения и переписки, дабы можно было взаимно направлять и сообразовывать свои действия с продвижением и усилиями другой стороны». Спустя неделю, 22 июля (1 августа), когда войска стали лагерем на р. Коломак недалеко от Полтавы, польский резидент получил «отпуск» (прощальную аудиенцию) у кн. В. В. Голицына и был «отпущен с конвоем в сторону Киева»⁴⁰.

В кампанию 1687 г. король Ян III Собеский испытывал потребность иметь собственного представителя в русских полках, помимо посланцев и резидента, действовавших от имени коронного гетмана. Об этом намерении он официально уведомил Москву в уже цитированной «любительной» грамоте от 10 (1) августа 1687 г.: «Сверх того, — писал король, — еще мы [...] и урожденного До[в]монта, стол(ь)ника ковенского, послали есмы в войско вашего царского величества на резиденцию, дабы есмы тем скорейшую ведомость и пресовершеннейшую ссылку о всем имети возмогли»⁴¹. Так в Московском государстве стало известно имя польского дипломата, которому будет суждено возглавить возрожденную польскую дипломатическую миссию при царском дворе с 1687 по 1694 г.⁴², став преемником первого польского резидента в Москве П. М. Свицерского. Отъезд дипломата в Московское государство был подготовлен еще 19 (29) июля 1687 г.

Но планам короля не суждено было сбыться. 14 (24) августа русские войска, действовавшие против Крыма, получили указ о завершении похода и возвращении назад⁴³. Вероятно, когда сведения об этом достигли Яна III и его окружения, планы относительно

40 Гордон П. Дневник... С. 145.

41 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 360–361.

42 Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор... Ч. 3. С. 164.

43 Гордон П. Дневник... С. 153.

Е. Д. Довмонта были скорректированы, и его «войсковая» резиденция была заменена на «придворную». Предложения, озвученные Б. П. Шереметевым, снова стали актуальны в глазах короля и его советников.

Е. Д. Довмонт не был новым человеком для руководства Посольского приказа. Его имя было известно еще по донесениям резидента В. М. Тяпкина в 1670-е годы. Покоевый писарь и «ближний человек» литовского канцлера Кшиштофа Паца (двоюродного брата лидера «литовской оппозиции» того времени, великого гетмана литовского М. Паца), полоцкий городничий Довмонт нередко организовывал встречи своего патрона с первым русским резидентом⁴⁴. За свои услуги писарь получил от В. М. Тяпкина более 30 рублей пушнинаой⁴⁵. В 1680 г. Е. Д. Довмонт в качестве секретаря польского великого посольства, возглавляемого Константином Томицким, прибыл в Москву для переговоров о заключении мирного договора. Переговоры закончились безрезультатно, и послы вскоре покинули российское государство⁴⁶. Таким образом, к царскому двору был послан человек, тесно связанный с группой литовских политиков, возглавляемых канцлером М. Огинским.

В присутствии при царском дворе в Москве польского постоянного дипломатического представителя был заинтересован не только король, но и ряд влиятельных политиков Польско-Литовского государства. К ним, в частности, относился и канцлер Великого княжества Литовского М. Огинский, который не только связывал с успехом своей промосковской политики укрепление «литовской партии» в Речи Посполитой, но также имел тесные личные деловые связи с В. В. Голицыным⁴⁷. Появление резидента в Москве ставило бы контакты Огинского и Голицына на твердую регулярную почву и делало их более надежными. Именно поэтому канцлер в личном письме к «оберегателю» постарался дать рекомендации Е. Д. Довмонту заручиться благорасположением к нему «первого министра» и попросил через него «надежно» поддерживать контакты⁴⁸.

44 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 176. Л. 132.

45 Там же. Л. 358, 361об.

46 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... Ч. 3. С. 156.

47 Подробнее об этих связях см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая... С. 417–418.

48 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 231. Л. 159.

Таким образом, ключевой предпосылкой возрождения постоянных дипломатических миссий в Москве и в Варшаве в 1680-е годы стал русско-польский наступательный антиосманский союз, оформленный договором о Вечном мире. Одной из главных причин появления в столицах союзных держав резидентов стало взаимное недоверие союзников и стремление следить за реализацией достигнутых в Москве договоренностей. В отличие от ситуации 1670-х годов, когда Польско-Литовское государство, заинтересованное в военной поддержке со стороны Москвы, выступило инициатором учреждения постоянных дипломатических представительств, в 1680-е годы идея возрождения обмена резидентами принадлежала руководству Посольского приказа. Оно опиралось, в первую очередь, на практику Священной лиги, которая предполагала присутствие резидентов союзников при дворах держав, воюющих против Порты. Предлагая Яну Собескому принять русского резидента, кн. В. В. Голицын преследовал две цели: во-первых, активизировать военные действия польских войск против Крыма, во-вторых, не допустить заключения польским королем сепаратного мира с Крымом и Османской империей и тем самым избежать повторения ситуации 1677 г., когда московские войска остались один на один с турецкими силами. Для наблюдения за действиями Яна Собеского кн. В. В. Голицыну был необходим доверенный человек при королевском дворе.

Ян III Собеский, напротив, в 1680-е годы не был заинтересован в присутствии в Польско-Литовском государстве русского постоянного представителя, а также не стремился посылать в Москву своего резидента. Король и его окружение отдавали себе отчет, что весной — летом 1687 г. во время военного похода русских войск на Крым реальный центр принятия решений будет находиться не в столице, а в «обозе». Именно поэтому Ян III Собеский настаивал на пересмотре русского предложения об отправке «столичных» резидентов и предлагал организовать в первую очередь «войсковые» постоянные представительства. Только после возвращения кн. В. В. Голицына в Москву король не без настояния литовского канцлера М. Огинского направил в Россию своего резидента Е. Д. Довмонта, наделенного полномочиями ходатайствовать о решении пограничных споров и защищать интересы польских подданных в Московском государстве. В ответ руководство Посольского приказа начало подготовку отправки своего постоянного представителя в Речь Посполитую.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. М.: типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. Ч. 3. 319 с.

Белов М. И. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1686–1689) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1949. Вып. 14. С. 154–188.

Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; [отв. ред. М. Р. Рыженков]. М.: Наука, 2009. 339 с.: илл.

Домрачев Н. Е. Становление русского постоянного дипломатического представительства в Варшаве в 1670–1680-е гг. под руководством резидентов В. М. Тяпкина и П. Б. Возницына. Магистерская диссертация (на правах рукописи). М.: Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. 311 с.

Колегов С. С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в. Автореферат дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2011. 23 с.

Колегов С. С. Совместные антитурецкие действия России и Речи Посполитой в контексте дипломатической деятельности В. М. Тяпкина // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории: сб. науч. тр. студентов, аспирантов и мол. ученых. Екатеринбург: кафедра истории России, кафедра Новой и Новейшей истории, НИМП «Волот», 2008. Вып. 2. С. 72–80.

Колегов С. С. Дипломатическая деятельность русских послов на территории Речи Посполитой в 1688–1700 гг. // История в подробностях. 2011. № 4 (10). С. 42–47.

Колегов С. С. Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII — первые годы XVIII столетий // Научный диалог: журнал научных публикаций. 2014. № 8 (32). (История. Экономика. Право). С. 15–37.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб.: в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1862. Т. VI (с 1682 по 1685 год). 1718 стб.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 1. 1029 с.; Т. 2. 974 с.

Станіславський В. Статті гетьмана Івана Самойловича щодо Вічного Миру // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. Київ: Інститут історії України НАН України, 2000. Вип. 1. С. 348–384.

Титов Ф. И. Русская православная церковь в Польско-Литовском государстве XVII–XVIII вв. (1654–1795 гг.). Киев: типография И. И. Чоколова, 1905. Т. I. Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII–XVIII вв. Первая половина тома (1654–1725 гг.). Опыт церковно-исторического исследования. 394 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: в типографии II-го Отделения Собств. его имп. вел. канцелярии, 1858. Т. I. 496 с.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

Флоря Б. Н. Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 61–75.

Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania, 1686–1697, Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 1993. 312 p.

Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968. 324 s.

Wójcik Z. Epilog traktatu Grzymałtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia: studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / red. Ł. Kądziała, W. Kriegseisen, Z. Zielińska. Warszawa: Semper, 1994. S. 27–45.

Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17-th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. P. 55–62.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow).

Bantysh-Kamenskii, N. N. *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii po 1800 god*, ch. 3, Moscow: Tipografiia E. Lissinera and Iu. Romana, 1897, 319 s.

Belov, M. I. “K istorii diplomaticheskikh otnoshenii Rossii vo vremia Krymskikh pokhodov”. *Uchenyie zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskikh nauk*, 1949, vyp. 14, s. 154–188.

Gordon, P. *Dnevnik, 1684–1689*. Per., st., primech. D. G. Fedosova, otv. red. M. R. Ryzhenkov. Moscow: Nauka, 2009, 339 s.: ill.

Domrachev, N. E. *Stanovlenie russkogo postoiannogo predstavitel'stva v Warshave v 1670–1680-e gody pod rukovodstvom residentov V. M. Tiapkina i P. B. Voznits*

syna. Magisterskaia dissertatsiia (na prvakh rukopisi). Moscow: Istoricheskii fakultet MGU imeni M. V. Lomonosova, 2019, 311 s.

Floria, B. N. *Vneshnepoliticheskaia programma A. L. Ordina-Nashchokina i ponytki ee osushchestvleniia*. Moscow: Indrik, 2013, 448 s.

Floria, B. N. “Peregovory mezhdru Rossiĕi i Rech`iu Pospolitoi o soiuze protiv osmanov (1673–1676 gg.)”. *Drevniaia Rus`. Voprosy Medievistiki*, no. 1, 2017, s. 61–75.

Kochegarov, K. A. *Rech` Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakluchenie dogovora o Vechnom mire*. Moscow: Indrik, 2008, 504 s.

Kaminski, A. *Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697*. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 1993, 312 p.

Kolegov, S. S. *Postoiannye diplomaticheskie predstavitel`stva Rossii v Evrope vo vtoroi treti XVII — nachale XVIII v.* Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 2011, 23 s.

Kolegov, S. S. “Sovmestnye antituretskie deistviia Rossii i Rechi Pospolitoi v kontekste diplomaticheskoi deiatel`nosti V. M. Tiapkina”. *Aktual`nye problemy otechestvennoi istorii: sbornik nauchnykh trudov studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*, vyp. 2. Ekaterinburg: kafedra istorii Rossii, kafedra Novoi i Noveishei istorii, NPMP “Volot”, 2008, s. 72–80.

Kolegov, S. S. “Diplomaticheskaiia deiatel`nost` russkikh poslov na territorii Rechi Pospolitoi v 1688–1700 godakh”. *Istoriia v podrobnostiakh*, no 4 (10), 2011, s. 42–47.

Kolegov, S. S. “Problema material`nogo obespecheniia postoiannykh diplomaticheskikh predstavitelstv Rossii v Evrope v tret`ei chetverti XVII — pervye gody XVIII stoletii”. *Nauchyĭ dialog: zhurnal nauchnykh publikatsii*, no 8 (32) (Istoriia, Ėkonomika, Pravo), 2014, s. 15–37.

Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii s Rimskoiu Imperieiu, vol. VI (s 1682 po 1685 god). Saint Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1862, 1718 stb.

Polnoe sobranie zakonov Rossiĭskoi Imperii, sobr. 1. Vol. 1. Saint Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1830, 1029 s; Vol. 2, Saint Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1830, 974 s.

Stanislavskiy, V. “Statti get` mana Ivana Samoilovicha shchodo Vichnogo Myru”. *Ukraĭna v Tsentral`no-Shkidniĭ Ievropi: Zb. nauk. pr.*, vyp. 1. Kyiv: Institut istorii Ukraĭni NAN Ukraĭni, 2000, s. 348–385.

Titov, F. I. *Russkaya pravoslavnaia cerkov` v Pol`sko-Litovskom gosudarstve XVII–XVIII vv. (1654–1795 g.)*, t. I, Zapadnaia Rus` v bor`be za veru i narodnost` v XVII–XVIII vv. Pervaia polovina toma (1654–1725 g.). Opyt cerkovno-istoricheskogo issledovaniia. Kiev: tipografiia I. I. Chokolova, 1905, 394 s.

Ustrialov, N. G. *Istoriia tsarstvivaniia Petra Velikogo*, vol. 1. Saint Petersburg: v tipografii II-go Otdeleniia Sobstv. ego imp. vel. kanceliarii 1958, 496 s.

Wójcik, Z. *Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968, 324 s.

Wójcik, Z. “Epilog traktatu Grzymałtowskiego w roku 1686”. *Trudne stulecia: studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane Profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin* / red. Ł. Kądziała, W. Kriegseisen, Z. Zielińska. Warszawa: Semper, 1994, s. 27–45.

Wójcik, Z. “The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17th century”. *Acta Poloniae historica*, no 69, 1994, p. 55–62.

Nikolay E. Domrachev
Lomonosov Moscow State University

Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the issue of restoration of permanent diplomatic missions at the end of 1680s

In the last third of the 17th century, the diplomatic relations between Muscovy and the Polish-Lithuanian Commonwealth were significantly modernized. The countries exchanged permanent diplomatic representatives called “residents” by the contemporaries. This process was connected to the increase in contacts between the two countries facing the Ottoman offensive in East and Central Europe. But the common external threat did not lead to the end of historical tensions between Muscovy and the Polish-Lithuanian Commonwealth that was reflected in the fate of the permanent missions. The latter were eliminated in 1677. Only after the Treaty of Perpetual Peace (1686) conditions were created to resume the activities of the residents. Meanwhile, the inner circle of Jan III Sobieski and the government of the Prince Vasilij V. Golitsyn had different views of the functions and goals of diplomatic representatives. A significant role in resuming the activities of the “residencies” played the mutual disbelief of the establishment of both countries and their wish to control the main actions of the ally.

Keywords: *Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian-Polish relations in the 17th century, permanent diplomatic mission, Treatise of the Perpetual Peace.*

Образ К. Калиновского и отображение событий восстания 1863–1864 гг. в современной белорусской историографии

Статья представляет собой обзор развития образа К. Калиновского в белорусской историографии. Его появление связывают с деятельностью В. У. Ластовского. В 1920–1930-х гг. образ Калиновского развивается благодаря деятельности В. М. Игнатовского — основоположника национально ориентированной советской школы белорусских историков. Послевоенный этап развития советской историографии потребовал новых подходов к изучению восстания 1863–1864 годов, которое теперь принято называть национально-освободительным для целого ряда народов бывшей Российской империи. В этой связи белорусские исследователи рассматривали фигуру К. Калиновского как связующее звено между русской революционной демократией и польскими повстанцами (работы А. Ф. Смирнова, В. Ф. Шалькевича, М. О. Бича). В 1990-е гг. белорусская историография избавляется от цензурных препятствий и публикует ряд работ Калиновского, запрещенных в СССР из-за явной их русофобской направленности (сборник под редакцией Г. В. Киселева). В работах А. Ю. Бендина и А. Д. Гронского, вышедших на рубеже первого и второго десятилетий XXI века, Калиновский предстает не как белорусский национальный герой, а как сугубо польский деятель. Второе десятилетие столетия отмечено работами Д. Кузменко и В. В. Герасимчика, в которых апологизация Калиновского совмещается с попытками использования новых подходов к изучению его личности.

Ключевые слова: *история Польши, история Беларуси, историография, Январское восстание, К. Калиновский.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.05

С начала 1990-х гг. исследование событий Январского восстания 1863–1864 гг. на белорусских и литовских землях протекало с различной степенью интенсивности в зависимости от степени актуальности

данной тематики для историографии государств, в исторической политике и в исторической памяти которых присутствует наследие этих событий. Общепринятая до конца 1980-х гг. трактовка восстания с акцентом на «революционном демократизме» его вождей повсеместно уступила место оценкам иного свойства и иной тональности. В частности, важными для польского, литовского и белорусского общества информационными поводами стали как 150-летие со дня начала восстания (2013 г.), отмеченное на разных уровнях во всех трех странах, так и обнаружение в 2017 г. на холме Гедимины в Вильнюсе останков, которые, как затем было признано на официальном уровне, принадлежали казненным предводителям повстанцев 1863 г., в том числе К. Калиновскому и С. Сераковскому. 22 ноября 2019 г. в Вильнюсе состоялось перезахоронение найденных останков с участием президента Польши А. Дуды, президента Литвы Г. Науседы и вице-премьера Республики Беларусь И. В. Петришенко.

Необходимо отметить, что помимо указанных поводов актуальность исследований событий 1863–1864 гг. и тем более их белорусского аспекта как для польской, так и для литовской историографии неуклонно снижается — причина этого прежде всего в том, что наиболее востребованные для текущей исторической политики этих стран темы относятся к истории XX в. В российской исторической науке уже с 1990-х гг. заметен вполне логичный акцент на исследование восстания 1863–1864 гг. в контексте имперского государственного управления. Содержательное и во многом новаторское исследование А. А. Комзоловой 2005 г. «Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ»¹ уже своим названием отразило смену исследовательских приоритетов. При этом рост интереса к фигурам М. Н. Муравьева и других имперских администраторов до сих пор не сопровождается углублением профессионального интереса к личностям повстанческих вождей, о чем свидетельствует, в частности, и подробный обзор О. С. Каштановой, опубликованный в сборнике материалов юбилейной конференции 2013 г., проведенной в Москве Комиссией историков России и Польши². В итоге в эпоху интернета стали еще доступнее биографии К. Калиновского и С. Сераковско-

¹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

² Каштанова О. С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 51–80.

го советского периода, представленные, к примеру, в книге из серии ЖЗЛ под редакцией известного историка-слависта В. А. Дьякова «“За нашу и вашу свободу!” Герои 1863 года»³, что причудливым образом сочетается с уже устоявшимися оценками тех же деятелей восстания в российской интернет-публицистике как «польских бандитов»⁴, а самого К. Калиновского — как «убийцы и палача белорусов»⁵.

Подходы белорусской историографии и исторической политики последних десятилетий при обращении к данной проблеме существенно отличаются от подходов историков соседних стран. Примечательно, что в 2010-е гг. и после 150-летнего юбилея восстания 1863–1864 гг. исследовательский и общественный интерес к этому событию, в особенности к личности повстанческого лидера К. Калиновского, оставался достаточно высоким.

Смена исследовательских приоритетов в белорусской исторической науке в 1990-е гг. во многих случаях не сопровождалась резким разрывом с предшествующим наследием марксистской историографии. Это в полной мере относится и к оценкам Январского восстания и персонально К. Калиновского, тем более что в послевоенные десятилетия советская историография в тесном контакте с исторической наукой ПНР сделала немало для раскрытия этой темы. Восстание 1863–1864 гг. было одним из приоритетных эпизодов как в рамках обоснования известной в послевоенные годы концепции «русско-польского революционного союза», так и при формулировке приоритетов изложения белорусской истории XIX в., одним из главных положительных героев которой еще в 1920-е гг. был объявлен один из региональных руководителей восстания Константин (Кастусь, Викентий Константин, Винценты Константы) Калиновский (1838–1864), получивший в трудах историков и школьных учебниках по истории БССР устойчивую репутацию борца за права и свободу белорусских крестьян.

Эти оценки были повторены и систематизированы к 150-летию К. Калиновского в 1988 г., когда Институт истории партии при ЦК

3 «За нашу и вашу свободу!» Герои 1863 года. М., 1964.

4 См., например: *Шкловский Г.* Люди второго сорта: польские СМИ сделали из белорусов поляков // <https://regnum.ru/news/polit/2792132.html> (дата обращения: 28.11.2019).

5 *Аверьянов-Минский К.* «Кастусь» Калиновский: убийцу и палача белорусов делают национальным героем // <https://eadaily.com/ru/news/2018/12/17/kastus-kalinovskiy-ubiycu-i-palacha-belorusov-delayut-nacionalnym-geroem> (дата обращения: 28.11.2019).

КПБ выпустил наиболее полное и по сей день собрание сочинений Калиновского на русском языке⁶ с предисловием белорусского исследователя, ныне доктора философских наук В. Ф. Шалькевича (р. 1941). Он же является автором и наиболее развернутой биографической работы позднесоветского периода, изданной в том же году⁷.

Более сорока лет занимался исследованием восстания 1863–1864 гг. и деятельности К. Калиновского известный белорусский литературовед и историк, доктор филологических наук Г. В. Киселев (1931–2008). Помимо его книги на эту тематику, опубликованной в 1994 г.⁸, значимым достижением белорусской историографии 1990-х гг. стало издание в 1999 г. под его редакцией сборника трудов и документов К. Калиновского на белорусском языке «За нашу свободу». Впервые в одной книге были собраны и переведены все доступные на тот момент историкам материалы, связанные с именем не только К. Калиновского, но и его старшего брата — Виктора Оттона, а также их ближайшего окружения⁹.

Уже к середине 1990-х гг. историографическая концепция в получившей независимость Республике Беларусь, избавившись от части советских штампов и условностей (так, В. Ф. Шалькевич в 1988 г. утверждал, что Калиновский «был пламенным сторонником революционного союза всех угнетенных, горячим приверженцем идеи дружбы народов»¹⁰), акцентировала антироссийскую сущность повстанческой деятельности К. Калиновского, ранее подменявшуюся некоей «антипольской», в лучшем случае «антиимперской» борьбой. Этот акцент не нуждался в подробных обоснованиях: достаточно было обратиться к оригиналу «Писем из-под виселицы» Калиновского, напечатанных еще в 1867 г. А. Гиллером по-белорусски латиницей, чтобы почувствовать разницу с переводом на русский язык в сборнике 1988 г., где во имя «дружбы народов» почти все упоминания «москаля» были заменены на «царя», в том числе и заключительная фраза последнего письма: «Я тебе, народ, из-под виселицы говорю, что тогда только заживешь счастливо, когда над тобой москаля не будет», а фрагмент, отказывающий «москалям» в отличие от «братьев

6 К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988.

7 Шалькевич В. Ф. Кастусь Калиновский: страницы биографии. Минск, 1988.

8 Кісялёў Г. Радаводнае дрэва: Каліноўскі — эпоха — наступнікі. Мінск, 1994.

9 Каліноўскі К. За нашу вольнасць. Творы, дакументы / уклад. Г. Кісялёў. Мінск, 1999.

10 К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия. С. 39.

из-под Варшавы» в праве называться братьями, был выпущен целиком¹¹. Теперь именно эта «антимоскальская» черта наследия Калиновского станет значимой для части белорусских оппозиционных политиков, находя отражение в публикациях историков и философов.

Так, в опубликованной в 2002 г. посмертно статье одного из видных сторонников указанной концепции историка М. О. Бича (1937–1999) «Восстание 1863–1864 гг. Кастусь Калиновский» говорится о «тотальной русификации» в послеповстанческий период, хотя, по мнению автора, Калиновский «совсем не являлся фанатичным врагом России и формулировал свои отношения к ней в зависимости от позиции России к краю и его народам»¹². Автор хорошо понимал отсутствие у повстанцев возможностей одолеть «царизм», но прямо усматривал во взглядах их лидера идею белорусской государственности: «В восстании 1863 г., которое в тех условиях почти не имело шансов на победу, проявилась решительность, мужество и самоотверженность многих сынов Беларуси в сражении за волю и лучшую долю народа. Среди них как настоящий национальный герой выдвинулся К. Калиновский. Именно с его деятельностью связано перерастание белорусского национально-культурного движения в политическое, в борьбу за государственность Беларуси в форме народовластия, при которой правительство было бы хорошим слугой народа»¹³.

Эту линию в дальнейшем продолжил В. Ф. Шалькевич, отметивший в статье 2009 г., посвященной дню казни Калиновского 10 марта 1864 г., что повстанческий вождь погиб на виселице именно за идею «построения суверенной Беларуси», более того, «именно благодаря ему идея возрождения независимой Беларуси из голов немногочисленных романтиков перешла в действительность, стала делом жизни ряда поколений»¹⁴. А в интервью, опубликованном 29 ноября 2019 г., Шалькевич уже заключил, что в период с июня 1863 г. до своего ареста в ночь на 29 января 1864 г. Калиновский не только «сформулировал белорусскую национальную идею», причем «окончательно», но и «на-

11 Там же. С. 91–93; *Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Paryż, 1867. Т. 1. S. 328–330, 335.*

12 *Біч М. Паўстанне 1863–1864 гг. Кастусь Каліноўскі // Гістарычны альманах. Т. 6. 2002. С. 37–38.*

13 Там же. С. 37–38.

14 *Шалькевіч В. «Бывай здаровы, мужыцкі народзе...» Хранаграфія апошняй раніцы Кастуся Каліноўскага // Пачуць, як лёсу валяцца муры: Памяці Генадзя Кісялёва. Мінск, 2009. С. 327.*

чал создавать белорусское правительство таким образом, чтобы соответствовать задачам дня». Правда, доказательная база этих громких утверждений весьма своеобразна: «Документов того времени найдено мало, но они должны где-то быть»¹⁵; исследователь утверждает, что «писем из-под виселицы» Калиновского «значительно больше», чем обнаруженные в свое время три. Подобное отношение к источникам, как представляется, уже граничит с мистикой.

15 января 1996 г. в соответствии с указом президента А. Г. Лукашенко среди государственных наград Республики Беларусь появился и орден Кастуся Калиновского; впрочем, ни одного реального награждения им так и не произошло вплоть до 16 июня 2004 г., когда по новому белорусскому закону о государственных наградах орден был упразднен. На политическом уровне, в особенности в 2000-е гг., К. Калиновский был мифологизирован в очередной раз. Власти Польши назвали его именем стипендиальную программу обучения молодых сторонников белорусской оппозиции в польских вузах, а во время президентских выборов в марте 2006 г. Октябрьскую площадь в центре Минска протестующая молодежь попыталась объявить «площадью Калиновского». Давно работающий в Варшаве белорусский историк А. Тихомиров в 2016 г. иронично заметил по этому поводу: «Использование фигуры из XIX в. отчетливо показало востребованность героизма в почти мифической форме»¹⁶.

При этом белорусские власти априори обвинялись сторонниками нового мифологизированного образа К. Калиновского в сознательном замалчивании его заслуг и чуть ли не в принудительном изъятии из пантеона национальных героев. В действительности на официальном уровне в 1990-е — 2010-е гг. никаких действительно масштабных кампаний по дегероизации вождя повстанцев не предпринималось, за исключением ордена, все названные в его честь в БССР 27 улиц и другие объекты сохранились, наконец, не был сформулирован на высоком государственном уровне некий «единственно правильный» взгляд на его деятельность; напротив, в оценке личности Калиновского в отличие от советского времени допускается вариативность,

15 *Абламейка С.* Дасьледчык Вячаслаў Шалькевіч: «Лістоў з-пад шыбеніцы» было значна больш, чым тры вядомыя сёння // <https://www.svaboda.org/a/30297525.html> (дата обращения: 29.11.2019).

16 *Tichomirow A.* Powstanie styczniowe jako katalizator białoruskich procesów narodowościowych // *Wbrew królewskim aliansom: Rosja, Europa i polska walka o niepodległość w XIX wieku.* Warszawa, 2016. S. 328.

не происходит и глобального пересмотра концепции «белорусского героя», но место герою отведено именно в XIX веке.

Проявлением властного вмешательства в историческую память о вожде повстанцев на публицистическом уровне были сочтены две публикации 2008 г. в журнале Администрации Президента РБ «Беларуская думка». Сначала историк А. Д. Гронский¹⁷ обвинил в мифотворчестве прежде всего деятеля национального движения В. Ю. Ластовского (1883–1938), в том числе в намеренной подтасовке немногочисленных оставшихся сведений о Калиновском и конструировании на этой основе его белорусской национальной сущности. По мнению Гронского, это была «первая слабая попытка искусственно создать белорусского идола, чтобы состарить начало “белорусского возрождения”»¹⁸.

В статье историка из Института теологии БГУ А. Ю. Бендина¹⁹ была сделана как попытка избавить личность М. Н. Муравьева от демонического ореола «вешателя» в отношении событий восстания 1863–1864 гг., так и продолжить линию на дегероизацию К. Калиновского еще в более жестких формулировках, нежели у Гронского. По мнению этого автора, повстанческий лидер был «активным идеологом беспощадного революционного террора», а «создание героической национальной мифологии из имени, дел и текстов этого “пламенного революционера-демократа” несовместимо с необходимой для историка научной беспристрастностью по отношению к предмету исследования»²⁰. Однако удержаться на уровне «научной беспристрастности» Бендину не удалось ни в данном тексте, ни в изданной в 2017 г. монографии о М. Н. Муравьеве, в которой преобладают эмоциональные публицистические оценки К. Калиновского: «Народным вождем антироссийского восстания назначается польский шляхтич В. К. Калиновский, скромная политическая роль которого в качестве одного из деятелей польского революционного подполья раздувается до гротескных, буффонадных размеров»²¹.

17 Гронский А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. № 2. С. 82–87.

18 Там же. С. 84.

19 Бендин А. Ю. Без ярлыков и штампов. Образ виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии // Беларуская думка. 2008. № 6. С. 42–46.

20 Там же. С. 44.

21 Бендин А. Ю. Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский — усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. С. 47.

Эти тексты в государственном журнале вызвали не менее эмоциональную дискуссию. Историк из Гродно А. Ф. Вашкевич в 2008 г. в издании «ARCHE» отверг дегероизацию Калиновского в трактовке Гронского, оценив ее как реанимацию «старых теоретических положений советского историка Самуила Агурского, высказанных еще в далеком 1928 г.» и как «псевдообъективистский миф, который на самом деле значительно дальше от реальности, чем даже призрачная белорусскость Калиновского»²². Стоит отметить попытку Вашкевича высказать собственную точку зрения на личность повстанческого вождя: помимо логичного в контексте «научной беспристрастности» сомнения в чистоте «белорусскости» шляхтича с белорусских земель, этот автор полагает, что место Калиновского в «белорусской идее» останется «в романтическом ореоле урожденного шляхтича, который преодолел стереотипы своего социального окружения и смог — первым и, может быть, единственным в свое время — сказать про “мужицкий народ” (еще не белорусы, но уже не тутошние) как про людей с историей, честью и правом»²³.

Официальный же итог дискуссии, признав ее надуманной и, называя фамилий, дезавуировав точки зрения одновременно Гронского, Бендина и Вашкевича, подвел в ноябре 2008 г. в журнале «Беларуская думка» историк А. Ф. Мясников в статье «И все же он герой»²⁴. Этот автор прямо призвал вернуться к оценкам советского времени, используя и присущую той эпохе лексику: «Среди ученых в последнее время нет-нет да и начинаются споры вокруг имени и места в отечественной истории дел и свершений Кастуся Калиновского. На наш взгляд, эти дискуссии надуманны, а доказательства, которые приводятся оппонентами для того, чтобы “развенчать миф о Калиновском”, много в чем сфальсифицированы. Образ прославленного сына нашей Отчизны, который стоял на страже ее интересов в один из самых сложных, судьбоносных и противоречивых периодов истории, давно уже сформирован и достаточно обоснованно выведен в исследованиях ученых самых разных времен, направлений и взглядов, в исторической и мемуарной литературе, наконец — и в сознании белорусского народа. Нет сомнений, что Калиновский отдал свою жизнь за белорусское национальное дело»²⁵.

22 *Вашкевич А.* Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім // <http://web.archive.org/web/20090406141935/http://arche.by/by/8/30/129/> (дата обращения: 28.11.2019).

23 Там же.

24 *Мяснікоў А.* І ўсё ж ён герой // *Беларуская думка*. 2008. № 11. С. 104–110.

25 Там же. С. 104.

Отрицая все новейшие попытки дегероизации и деконструкции образа Калиновского, Мясников, ссылаясь на работу 1958 г. философа, члена-корреспондента АН БССР И. Н. Лушицкого (1907–1973)²⁶, называет «Кастуся Семеновича» родившимся «в белорусской семье», а сами события 1863–1864 гг. оценивает как «восстание белорусов, поляков и литовцев за свое национальное и социальное освобождение»²⁷. Последняя формулировка перекликается с высказанным еще в 1929 г. будущим академиком АН СССР, а в ту пору ректором БГУ В. И. Пичетой (1878–1947) тезисом: полемизируя с С. Х. Агурским, он особо подчеркивал: «Белорусское восстание 1863 г. есть восстание, связанное с Польшей и возникшее под влиянием восстания в Польше, но имеющее свой самостоятельный характер. Значит, нужно отказаться от старой шляхетской точки зрения — считать, что это есть польское восстание 1863 г.»²⁸.

В пылу споров никто из участников дискуссии не обратил внимания на то, что процесс реальной демифологизации образа К. Калиновского начался еще в конце 1990-х гг. усилиями известного белорусского историка А. Ф. Смоленчука. В статье 1998 г., посвященной образу вождя повстанцев в польской исторической традиции, он подчеркнул, что именно из нее черпал информацию В. Ю. Ластовский для вышедшей только в 1916 г. первой в белорусской исторической традиции статьи о Калиновском²⁹. Отсюда логично следовало, что его личность и идеи не оказали никакого влияния на развитие белорусского национального движения как минимум в течение полувека, с 1865 по 1915 г.

Смоленчук продолжил развивать свой особый взгляд на эту историческую фигуру в сборниках, вышедших по итогам организованных при активном участии историка научных конференций о Калиновском в 2009 г. в Минске и в 2014 г. — в Лондоне. В обеих статьях Смоленчука подчеркиваются значительные исследовательские проблемы — по его мнению, в историографии отсутствует

26 *Лушчыцкі І.* Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. Мінск, 1958. С. 171.

27 *Мяснікоў А.* І ўсё ж ён герой. С. 105, 110.

28 Цит. по: *Матвейчык Д. Ч.* Станаўленне і развіццё ў БССР гістарыяграфіі паўстання 1863–1864 гг. (1919–1931 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2017. № 3. С. 18.

29 *Смалянчук А. Ф.* Кастусь Каліноўскі ў польскай гістарычнай традыцыі // Спадчына. 1998. № 2. С. 84–105.

цельный образ Калиновского, не разрешена проблема авторства части приписываемых ему текстов, недостаточен уровень архивных изысканий, в том числе по линии семейных связей повстанческого лидера³⁰. В плане демифологизации очень важен вывод Смоленчука в публикации 2015 г.: «Калиновского нужно рассматривать не в качестве создателя либо носителя белорусской национальной идеи, а в качестве важного исторического звена в ее выработке. На мой взгляд, Калиновский с его ощущением белорусскости — это пример постепенной эволюции литвинства в белорусском “направлении”»³¹. Объявление же повстанца 1863 г. носителем указанной идеи оценивается как «отчетливая модернизация прошлого», проблема, по мнению историка, еще и в том, что «в известных нам его текстах белорусскость открыто не проговорена и теоретически не осмыслена»³².

Стоит заметить, что историко-публицистические споры о личности К. Калиновского в 2000-е гг. заслонили собой более крупную исследовательскую проблему, каковой несомненно является собственно восстание 1863–1864 гг. на белорусских землях. В 2013 г. зав. отделом публикаций Национального исторического архива Белоруссии (НИАБ) Д. Ч. Матвейчик справедливо отметил, что это восстание было «одним из наиболее известных, но при этом одним из недостаточно исследованных событий истории Белоруссии XIX в. Многочисленные белорусские исследователи XX — начала XXI в. обращались к подобной тематике в своих работах, однако до этого времени комплексное монографическое исследование по этой проблематике, изданное на территории Белоруссии, отсутствует. Причин этому можно усмотреть несколько. С одной стороны, исследование восстания требует проработки огромного массива исторических источников, что хранятся в абсолютно различных хранилищах в различных государствах, а с другой — неоднозначность и сложность

30 *Смалянчук А.* Асоба Кастуся Каліноўскага як даследчая праблема // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2011. С. 9–25; *Смалянчук А.* Кастусь Каліноўскі і беларуская ідэя: праблемы даследавання // Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Лондан, 27–29 сакавіка 2014 г.). Мінск, 2011. С. 20–22.

31 *Смалянчук А.* Кастусь Каліноўскі... С. 17.

32 Там же. С. 16; *Смалянчук А.* Прадмова // Там же. С. 6.

самого события требуют осторожности и корректности в подходах, оценках и выводах»³³.

К этому стоит добавить и логичное замечание А. Тихомирова: «Интересно, что другие участники восстания, которые также связаны с белорусскими землями, например Ромуальд Траугутт или Валерий Врублевский, не имеют такого значения в национальной мифологии»³⁴, как Калиновский, и этим важным фигурам восстания (Врублевский, кстати, был соавтором Калиновского по «Мужицкой правде») современная белорусская историография уделяет несравнимо меньше внимания.

Указанные выше исследовательские задачи остаются во многом актуальными и в конце 2010-х гг., при этом в последние годы заметно приоритетное внимание белорусских историков и архивистов к расширению источниковых массивов, связанных с Январским восстанием. В 2013 г. кандидат филологических наук И. Янушкевич впервые опубликовал важные документы о крещении К. Калиновского³⁵. В том же году вышла посвященная известным и неизвестным источникам о восстании 1863–1864 гг. монография старшего научного сотрудника Института истории НАН Белоруссии Е. Э. Фириневич (ныне Сокольчик), в которой, в частности, была отмечена слабая проработка темы восстания в областных архивах Республики Беларусь³⁶.

Д. Ч. Матвейчик в 2013 г. опубликовал очерк истории боевых действий повстанцев на белорусских землях³⁷, а в 2016 г. увидел свет его более чем 700-страничный биографический словарь участников восстания, подготовленный на основе материалов НИАБ³⁸. Докумен-

33 *Матвейчык Д. Ч.* Паўстанне 1863–1864 гг.: крыніцы з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (агульны агляд) // *Архівы і справаводства*. 2013. № 1. С. 66.

34 *Tichomirow A.* Powstanie styczniowe... S. 328.

35 *Янушкевич Я.* Метрыкі хросту Вінцэся-Кастуся Каліноўскага // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2013. S. 244–248.

36 *Фірыновіч А. Э.* Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск, 2013. С. 5. См. рец.: *Герасимчик В. В.* Рецензия: [Фірыновіч А. Э. Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск: Беларус. навука, 2013. 315 с.] // *Белорусский исторический обзор*. 2019. № 1. С. 41–50.

37 *Матвейчык Д.* Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск, 2013.

38 *Матвейчык Д.* Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2016.

ты того же архива в 2014 г. составили сборник о ходе восстания в Витебской, Могилевской и Минской губерниях³⁹. В том же году историк Д. Кузменко впервые в полном объеме опубликовал все 33 документа, относящиеся к следствию и судебному делу К. Калиновского⁴⁰.

Наконец, вышедшая в 2018 г. в Гродно монография В. В. Герасимчика «Константин Калиновский: личность и легенда» стала первой с 1988 г. научной биографией повстанческого вождя⁴¹. Историк активно использовал изыскания последних лет, в том числе архивные, а также попытался пересмотреть одну из позиций, оставшуюся в белорусской традиции неизменной со времени Ластовского. В названии книги имя Калиновского указано в форме «Канстанцін» (Константин), вместо традиционной для белорусской литературы «Кастусь». Исследователь дает обоснованное толкование своему выбору, упоминая отсутствие в документах имени «Кастусь» и признавая, что первое имя Калиновского — Винценты (Викентий в русской традиции) — было принято замалчивать с 1920-х гг. с подачи историка и наркома просвещения БССР В. М. Игнатовского, считавшего его «католическим» и слишком польским, тогда как советский образ Калиновского изначально носил именно антипольский характер. Однако, отмечает Герасимчик, сам Калиновский чаще использовал именно второе свое имя — Константин, особенно во время восстания⁴².

Таким образом, при несомненной актуальности и интенсивности исследовательского внимания к теме наследия К. Калиновского и восстания 1863–1864 гг. на белорусских землях в целом, в разработке этой проблематики в современной белорусской историографии имеются значительные перспективы, связанные с потребностью как научной демифологизации ряда важных сюжетов, так и расширения исследовательских горизонтов.

39 Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Мінск, 2014.

40 Следча-судовая справа Кастуся Каліноўскага / уклад. З. Кузменка. Мінск, 2014.

41 Герасімчык В. У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна, 2018.

42 Там же. С. 5–10.

Источники и литература

Абламейка С. Дасьледчык Вячаслаў Шалькевіч: «Лістоў з-пад шыбеніцы» было значна больш, чым тры вядомыя сёньня // <https://www.svaboda.org/a/30297525.html> (дата обращения: 29.11.2019).

Аверьянов-Минский К. «Кастусь» Калиновский: убийцу и палача белорусов делают национальным героем // <https://eadaaily.com/ru/news/2018/12/17/kastus-kalinovskiy-ubiyucu-i-palacha-belorusov-delayut-nacionalnym-geroem> (дата обращения: 28.11.2019).

Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир, 2017. 416 с.

Бендин А. Ю. Без ярлыков и штампов. Образ виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии // Беларуская думка. 2008. № 6. С. 42–46.

Біч М. Паўстанне 1863–1864 гг. Кастусь Каліноўскі // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 37–38.

Вашкевіч А. Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім // <http://web.archive.org/web/20090406141935/http://arche.by/by/8/30/129/> (дата обращения: 28.11.2019).

Герасімчык В. У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна: ЮрСаПрынт. 2018, 230 с.

Гронский А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. № 2. С. 82–87.

«За нашу и вашу свободу!» Герои 1863 года. М.: Молодая гвардия, 1964. 448 с.

К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. Минск: Беларусь, 1988. 208 с.

Каліноўскі К. За нашую вольнасць. Творы, дакументы / уклад. Г. Кісялёў. Мінск: Беларус. кнігазбор, 1999. 436 с.

Капитанова О. С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М.: Индрик, 2014. С. 51–80.

Кісялёў Г. Радаводнае дрэва: Каліноўскі — эпоха — наступнікі. Мінск: Маст. літ., 1994. 301 с.

Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 384 с.

Лушчыцкі І. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. Мінск: БДУ, 1958. 380 с.

Матвейчык Д. Ч. Паўстанне 1863–1864 гг.: крыніцы з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (агульны агляд) // *Архівы і справаводства*. 2013. С. 66–77.

Матвейчык Д. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск: Медысонт, 2013. 122 с.

Матвейчык Д. Ч. Станаўленне і развіццё ў БССР гістарыяграфіі паўстання 1863–1864 гг. (1919–1931 гг.) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2017. № 3. С. 12–24.

Матвейчык Д. Уздзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск: Беларусь, 2016. 735 с.

Мяснікоў А. І ўсё ж ён герой // *Беларуская думка*. 2008. № 11. С. 104–110.

Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Мінск: А. В. Вараксін, 2014. 544 с.

Следча-судовая справа Кастуся Каліноўскага / Уклад. З. Кузменка. Мінск: Галіяфы, 2014. 141 с.

Смалянчук А. Ф. Кастусь Каліноўскі ў польскай гістарычнай традыцыі // *Спадчына*. 1998. № 2. С. 84–105.

Смалянчук А. Асоба Кастуся Каліноўскага як даследчая праблема // *Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі*. Мінск, 2011. С. 9–25.

Смалянчук А. Кастусь Каліноўскі і беларуская ідэя: праблемы даследавання // *Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Лондан, 27–29 сакавіка 2014 г.)*. Мінск: Зміцер Колас, 2015. С. 20–22.

Фірыновіч А. Э. Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск: Беларус. навука, 2013. 315 с.

Шалькевіч В. «Бывай здаровы, мужыцкі народзе...» Хранаграфія апошняй раніцы Кастуся Каліноўскага // *Пачуць, як лёсу валяцца мур: Памяці Генадзя Кісялёва*. Мінск: Лімарыус, 2009. С. 323–327.

Шалькевич В. Ф. Кастусь Калиновский. Минск: Университетское, 1988. 239 с.

Шкловский Г. Люди второго сорта: польские СМИ сделали из белорусов поляков // <https://regnum.ru/news/polit/2792132.html> (дата обращения: 28.11.2019).

Янушкевіч Я. Метрыкі хросту Вінцэся-Кастуся Каліноўскага // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2013. S. 244–248.

Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Paryż, 1867. T. 1.

Tichomirow A. Powstanie styczniowe jako katalizator białoruskich procesów narodowościowych // *Wbrew królewskim aliansom: Rosja, Europa i polska walka o niepodległość w XIX wieku.* Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2016. S. 311–330.

References

Ablamleïka, S. *Das'ledchyk Viachaslaŭ Shal'kevich: "Listoŭ z-pad shybenit-sy" bylo znachna bol'sh, chym try viadomyia son'nia.* URL: <https://www.svaboda.org/a/30297525.html>. Accessed 29.11.2019.

Aver'ianov-Minskii, K. *"Kastus'" Kalinovskii: ubiitsu i palacha belorusov delaiut natsional'nym geroem.* URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/12/17/kastus-kalinovskiy-ubiycu-i-palacha-belorusov-delayut-nacionalnym-geroem>. Accessed 28.11.2019.

Bendin, A. Iu. "Bez iarlykov i shtampov. Obraz vilenskogo general-gubernatora M. N. Murav'ëva v sovremennoï belorusskoï istoriografii." *Belarускаia dumka.* 2008, № 6, s. 42–46.

Bendin, A. Iu. *Mikhail Murav'ëv-Vilenskii: usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoy imperii.* Moscow: Knizhnyĭ mir, 2017, 416 s.

Bich, M. "Paŭstanne 1863–1864 gg. Kastus' Kalinoŭski." *Gistarychny al'manakh.* T. 6, 2002, s. 37–38.

Firynovich, A. E. *Paŭstanne 1863–1864 gg.: vyadomyia i nevyadomyia kryniŭsy belaruskikh arkhivaŭ.* Minsk: Belarus. navuka, 2013, 315 s.

Gerasimchyk, V. U. *Kanstantsin Kalinoŭski: asoba i legenda.* Grodna: Iur-SaPrynt. 2018, 230 s.

Giller, A. *Historja powstania narodu polskiego w 1861–1864 r.* Paryż, 1867, t. 1.

Gronskii, A. D. "Kastus' Kalinovskii: konstruirovanie gerioia." *Belarускаia dumka.* 2008, № 2.

Ianushkevich, Ia. "Mietryki chrostu Vincesia-Kastusia Kalinoŭskaha." *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* Białystok, 2013, s. 244–248.

K. Kalinovskii. *Iz pechatnogo i rukopisnogo nasledia.* Minsk: Belarus', 1988, 208 s.

Kalinoŭski, K. *Za našuju voľnasć. Tvory, dakumienty.* Uklad. H. Kisialioŭ. Minsk: Bielarus. knihazbor, 1999, 436 s.

Kashtanova, O. S. "Vosstanie 1863 g. v rossiiskoi istoriografii i publitsistike." *Pol'skoe Ianvarskoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi.* Moscow: Indrik, 2014, s. 51–80.

Kisialioŭ, H. *Radavodnaie dreva: Kalinoŭski — èpokha — nastupniki.* Minsk: Mast. lit., 1994, 301 s.

Komzolova, A. A. *Politika samoderzhavii v Severo-Zapadnom kraie v epokhu Velikikh reform.* Moscow: Nauka, 2005, 384 s.

Lushchytski, I. *Narysy pa historyi hramadska-palityčnaï i filasofskai dumki ŭ Belarusi ŭ druhoï palavinie XIX veku*. Minsk: BDU, 1958. 380 s.

Matveïchyk, D. Ch. "Paŭstannie 1863–1864 hh.: krynitsy z Natsyianal'naha historychnaha arkhiva Belarusi (ahuŭny ahliad)." *Arkhivy i spravavodstva*. 2013, s. 66–77.

Matveïchyk, D. *Paŭstanne 1863–1864 gadoŭ u Belarusi: narys baiavyykh dzieianniaŭ*. Minsk: Medysont, 2013, 122 s.

Matveïchyk, D. *Udzelniki paŭstannia 1863–1864 gadoŭ: biyagrafichny sloŭnik (pavodle materyialaŭ Natsyianal'naga gistorychnaga arkhiva Belarusi)*. Minsk: Belarus', 2016, 735 s.

Matveïchyk, D. Ch. "Stanaŭlenne i razvítstvo ŭ BSSR gistoryiagrafiï paŭstannia 1863–1864 gg. (1919–1931 gg.)." *Belaruskí gistorychny chasopis*. 2017, № 3, s. 12–24.

Miasnikoŭ, A. "I ŭsio zh ion heroï." *Belaruskaja dumka*. 2008, № 11, s. 104–110.

Paŭstanne 1863–1864 gadoŭ u Vítsebskai, Magilioŭskai i Mínskai guberniakh: Dakumenty i materyialy Natsyianal'naga gistorychnaga arkhiva Belarusi. Minsk, A. V. Varaksin, 2014, 544 s.

Shal'kevich, V. "«Byvai zdarovy, muzhytski narozde...» Khranagrafiia aposhniaï ranitsy Kastusya Kalinoŭskaga." *Pachuts', iak losu valiatstsya mury: Pamiatsi Genadzia Kisyalova*. Minsk: Limarius, 2009, s. 327.

Shal'kevich, V. F. *Kastus' Kalinovskii*. Minsk, 1988.

Shklovskii, G. *Liudi vtorogo sorta: pol'skie SMI sdelali iz belorusov poliakov*. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2792132.html>. Accessed 28.11.2019.

Sledcha-sudovaia sprava Kastusya Kalinoŭskaga / Uklad. Z. Kuzmenka. Minsk: Haliiafy, 2014, 141 s.

Smalianchuk, A. F. "Kastus' Kalinoŭski ŭ pol'skai gistorychnai tradytsyi." *Spadchyna*. 1998, № 2, s. 84–105.

Smalianchuk, A. "Asoba Kastusia Kalinoŭskaga yak dasledchaya problema." *Kastus' Kalinoŭski i yago epokha ŭ dokumentakh i kul'turnay tradytsyi: materyialy mizhnarodnay navukovay kanferentsyi*. Minsk, 2011, s. 9–25.

Smalianchuk, A. "Kastus' Kalinoŭski i belaruskaa ideia: problemy dasledavannya." *Kastus' Kalinoŭski i natsyyatvorchy pratses u Belarusi: materyialy mizhnarodnai navukovai kanferentsyi (London, 27–29 sakavika 2014 g.)*. Minsk: Zmitser Kolas, 2015, s. 20–22.

Tichomirow, A. "Powstanie styczniowe jako katalizator białoruskich procesów narodowościowych." *Wbrew królewskim aliansom: Rosja, Europa i polska walka o niepodległość w XIX wieku*. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2016, s. 311–330.

Vashkevich, A. *Iak Gronski raspraviŭsia nad Kalinoŭskim*. URL: <http://web.archive.org/web/20090406141935/http://arche.by/by/8/30/129>. Accessed 28.11.2019.

"*Za nashu i vashu svobodu!*" *Geroi 1863 goda*. Moscow: Molodaia Gvardiia, 1964, 448 s.

Vyacheslav I. Yalovega
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The image of K. Kalinowski and the reflection of the events of the 1863–1864 uprising in contemporary Belarusian historiography

The article is a review of the development of the image of K. Kalinowski in Belarusian historiography. His appearance is associated with the activities of Vaclaŭ Justynavič Lastoŭski. In the 1920–1930s, the image of Kalinowski developed thanks to the activities of Usievaład Makaravič Ihnatoŭski — the founder of the nationally oriented Soviet school of Belarusian historians. The postwar stage in the development of Soviet historiography required new approaches to the study of the uprising of 1863–1864, which is now commonly called the national liberation for a number of peoples of the former Russian Empire. In this regard, Belarusian researchers reveal the figure of K. Kalinowski as a link between Russian revolutionary democracy and Polish rebels. The works of Anatol Pilipavič Smirnoŭ, Viačasłaŭ Fieliksavič Šalkievič, Michaił Vosipavič Bič, characterize this period. In the 1990s, Belarusian historiography got rid of censorship obstacles and published a number of Kalinowski's works, which had been banned in the Soviet Union because of their explicit Russophobic orientation (the complete collection of K. Kalinowski's works was published under the edition of Hienadź Vasilevič Kisialoŭ). The boundary of the first and second decades of the 21st century is marked by the polarization of views on Kalinowski — in the works of Alaksandr Jurjevič Biendzin and Alaksandr Dźmitryjevič Hronski, Kalinowski appears not as a Belarusian national hero, but as a purely Polish figure. The second decade of the century was marked by the works of Zmicier Kuźmienka and Vasil Uładzimiravič Hierasimčyk, in which Kalinowski's apologization is combined with attempts to use new approaches to the study of his personality.

Keywords: *history of Poland, history of Belarus, historiography, January uprising, K. Kalinowski.*

УДК 94(497.5)
ББК 63.3(4)5

А. Ю. Перетяцько
Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

**Статистические исследования русского
Военного министерства конца 1860 — 1870-х гг.
о Военной Границе**

С 1867 г. российское Военное министерство начало регулярно выпускать статистические исследования о важнейших европейских странах. Предполагалось, что эти работы будут содержать специально отобранный исходя из интересов русского читателя материал и помогут российской публике составить свое мнение о ситуации в Европе. Первые два исследования об Австро-Венгрии вышли в 1867 г. (анонимный раздел в составе «Военно-статистического сборника на 1868 год») и в 1874 г. (первая часть монографического исследования «Австро-Венгрия» офицера Генерального штаба А. Ф. Риттиха). В статье показано, что забыты эти работы незаслуженно. Хотя они носят компиляционный характер, в них содержится уникальный в отечественной историографии объем статистических сведений о Военной Границе. К тому же в данных исследованиях нашла отражение позиция Военного министерства о перспективах развития поселенных войск. Автор показывает, что описание Военной Границы 1867 г. концептуально напоминает доклад о границах русского военного агента в Вене Ф. Ф. Торнау, в дальнейшем использованный офицером Управления иррегулярных войск Н. И. Красновым для подготовки исследования о перспективах русского казачества. В исследовании же 1874 г. отдельное описание Военной Границы отсутствует, что можно увязать с потерей интереса к австрийскому опыту в Военном министерстве.

Ключевые слова: *русское Военное министерство, статистические исследования русских офицеров 1860–1870-х гг., Военная Граница, Ф. Ф. Торнау, Н. И. Краснов, А. Ф. Риттих.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.06

В 1867 г. будущий начальник Главного штаба Российской империи Н. Н. Обручев предварил выходящий под эгидой Военного министерства статистический сборник, посвященный важнейшим европейским странам, следующим предисловием: «Каждое государство имеет свою сферу отношений и должно иметь свою справочную статистику, приоровленную к его интересам. И чем какой иностранный сборник лучше достигает своей цели, тем менее он пригоден для России. [...] Пользуясь для иностранной статистики преимущественно только иностранными же сборниками, составленными помимо нужд и интересов России, мы невольно приучаемся повторять только то, что мыслят и говорят другие, остаемся без самостоятельного взгляда на вещи, относимся ко всем данным безразлично. [...] Настоящий труд имеет целью изменить это положение дел и дать русской публике вообще, а военной в особенности, статистический материал, более соответствующий ее потребностям»¹. Позже Военное министерство неоднократно выпускало как подобные статистические сборники, так и монографические исследования отдельных европейских стран, написанные специально для русского читателя. Именно русского читателя, а не русского офицера: военной статистике в подобных изданиях отводилось важное, но отнюдь не центральное место. Снова дадим слово Н. Н. Обручеву: «Сборнику дано название военно-статистического потому, что, составляемый людьми военными и преимущественно для военных же, он дает вооруженным силам места пропорционально значительно больше, чем другим элементам. Тем не менее и эти другие элементы, определяющие основную силу каждого государства, в нем развиты не только не слабее, но даже и полнее, чем то обыкновенно встречается в большей части иностранных статистических сборников»².

Иными словами, с 1860-х гг. Военное министерство взяло на себя амбициозную задачу знакомить российскую публику с положением дел в Европе. В принципе это решение было закономерным: именно Военное министерство в середине XIX в. заказало и издало серию статистических исследований о различных регионах Российской империи. В рамках этой серии было, например, впервые опубликовано историко-статистическое описание Войска Донского, выполненное известным военным статистиком и крупным донским общественным

1 Военно-статистический сборник на 1868 год. СПб., 1867. Вып. I. С. III–IV.

2 Там же. С. V.

деятелем Н. И. Красновым, о котором мы еще будем писать ниже³. Младшие современники оценивали данный труд как «краеугольный» для донской науки, важный для географов, этнографов, статистиков, историков, а не только для военных⁴.

Увы, в настоящее время многие статистические исследования, вышедшие в XIX в. под эгидой Военного министерства, оказались забыты. В частности, российские исследователи, занимающиеся историей австрийской Военной Границы, не упоминают о них вовсе⁵. Между тем данные статистические исследования и поныне представляют определенный интерес, как из-за уникального по объему для русскоязычной литературы массива статистической информации о европейских странах тех лет, так и из-за отраженного в них авторского взгляда на происходящие в Европе события и процессы. И в своей статье мы бы хотели проследить, как трансформировался образ Военной Границы в статистических исследованиях Военного министерства конца 1860-х — начала 1870-х гг. и какие аспекты ее функционирования в это время выходили на первый план.

Начнем свой анализ мы как раз с «Военно-статистического сборника» под редакцией Н. Н. Обручева, отрывки из предисловия к которому приведены выше. Этот сборник включал в себя достаточно обширный очерк об «Австрии», к сожалению, анонимный⁶. Устаревшее название Габсбургской монархии не было ошибкой или неточностью: хотя сборник вышел уже после превращения Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию, его авторы не считали новое устройство сопредельного с Россией государства сколько-либо устойчивым и рассматривали его как проходное в ряду неудачных попыток найти какой-то компромисс между имперским центром и регионами. Дословно на этот счет сообщалось следующее: «Австрия находится в данную минуту в полном периоде дезорганизации. Отношения Венгрии к империи далеко не разъяснились во всех подробностях; отношения славянских земель к Венгрии являются еще

3 Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.

4 Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 249.

5 Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб., 2001. 318 с.; Дронов А. М. Военная граница: от армии под командованием Габсбургов к автономной провинции империи (XVIII–XIX вв.) // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2018. С. 47–51.

6 Военно-статистический сборник. С. 144–208.

менее определенными»⁷. Главным препятствием к созданию Австро-Венгрии на деле, а не на бумаге авторы видели как раз позицию хорватских политиков, выражавшуюся в том, что «загребский Сейм выразил самый решительный протест против меры правительства, ставящей Кроацию и Славонию в прямую зависимость от Венгрии, и едва ли когда-либо придет с ней в полное и прочное соглашение»⁸. Поэтому нынешнее высшее административное устройство «Австрии» позиционировалось в «Военно-статистическом сборнике» как временное и характеризовалось не слишком подробно (в частности, о взаимодействии Военной Границы с центральными органами власти в соответствующем разделе речи вообще не шло)⁹. Только в разделе об организации австрийской армии кратко сообщалось, что де-факто Военная Граница на 1867 г. еще оставалась под властью 10-го отделения австрийского Военного министерства, которое контролировало на ее территории «дела политические, административные и военные»¹⁰.

Большую часть сведений о Военной Границе в рассматриваемом нами издании составляли собственно сведения статистические. Несмотря на заявленную в предисловии Н. Н. Обручевым цель предоставить российской публике статистический материал, отвечающий неким специфически российским целям, большая часть статистических сведений о Военной Границе была достаточно стандартна для любого статистического сборника (приводились ее площадь, численность населения, его национальный и религиозный состав¹¹). Пожалуй, неожиданным для читателя можно было назвать только сообщение о том, что в 1865 г. сено на Военной Границе продавалось дороже, чем в любой другой части Австрийской империи, по цене 1 руб. 8 коп. за пуд¹². Интересна была также идея авторов на основании суммы податей на душу населения проследить степень зажиточности граждан разных административных субъектов Австро-Венгрии, однако как раз Военная Граница, очевидно, в виду особенностей ее фискальной системы, была исключена ими из рассмотрения¹³.

7 Там же. С. 148.

8 Там же. С. 148.

9 Там же. С. 149–152.

10 Там же. С. 190.

11 Там же. С. 154–156.

12 Там же. С. 159.

13 Там же. С. 169–170.

Наиболее развернутым из австрийских статистических разделов «Военно-статистического сборника» был раздел о народном образовании. Из сообщаемых в нем статистических данных следовало, что уровень образования у граничар был ниже среднего по империи, но относительно удовлетворительным. Так, доля детей, посещавших школы, на Военной Границе составляла 60,1%, в то время как в Австро-Венгрии в целом — 77,3%¹⁴. Для сравнения, в Далмации доля получающих образование детей не превышала 13,7%¹⁵. Еще любопытнее, что, по данным «Военно-статистического сборника», подавляющее большинство граничарских школ было славянскими или румынскими¹⁶. Между тем очевидцы писали об «онемечивании» образования на Военной Границе¹⁷. Увы, авторы «Военно-статистического сборника» лично ситуации в граничарских школах не наблюдали, зато с гордостью подчеркивали, что опираются на «самые новейшие едва явившиеся официальные и другие публикации»¹⁸. А поскольку они только интерпретировали официальные австрийские данные, положение дел на Военной Границе представлялось им сильно идеализированным.

Именно развернутый раздел о состоянии образования в Австро-Венгрии вообще и на Военной Границе в частности в «Военно-статистическом сборнике» можно рассматривать как своеобразный ответ на запрос российского читателя, который сам жил в условиях реформы образования 1860-х гг. В этой связи понятен и особый интерес к состоянию образования в славянских регионах Австро-Венгрии, условия в которых были ближе к российским.

Оценочное описание Военной Границы в «Военно-статистическом сборнике» было вынесено отдельно от статистических данных о ней, разбросанных по разным разделам¹⁹. Само это описание было выполнено в подчеркнуто нейтральных тонах и, в принципе, не могло претендовать на особую новизну или глубину, однако давало читателю общее представление о положении граничар²⁰. В некото-

14 Там же. С. 167.

15 Там же. С. 167.

16 Там же. С. 168.

17 *Березин Л. В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница СПб., 1879. Т. 2. С. 341–345.

18 Военно-статистический сборник. С. V.

19 Там же. С. 178–179.

20 Там же.

ром смысле подобный нейтральный тон уже можно рассматривать как особенность «Военно-статистического сборника». В работах российских панславистских авторов 1870-х гг. прямо говорилось о «пронемецком» административном устройстве Военной Границы²¹. Российское Военное министерство, напротив, подчеркивало наличие славянского элемента в местной администрации Военной Границы: «При каждом полковом командире состоит совещательный совет из нескольких лиц, принадлежащих к так называемому ведомству Военной Границы, которое состоит из местных уроженцев и заведует всеми отраслями управления; для образования сих чиновников в Вене устроено особое училище»²². Авторы разбираемого нами издания ни словом не упоминали как о политических симпатиях граничар, так и о желании значительной их части войти в состав гражданских регионов Австро-Венгрии, о котором в это время было прекрасно известно другим российским исследователям²³. Представляемая российскими военными картина получалась сильно идеализированной и не отражающей обострения политического и национального вопроса в граничарской среде, вероятно, и в этот раз из-за использования преимущественно официальных австрийских статистических изданий.

В «Военно-статистическом сборнике» упоминались два на первый взгляд не слишком значимых факта о граничарах. Во-первых, сообщалось, что с 1852 г. их семейные надель, прежде находившиеся только во временном пользовании, были переданы задругам²⁴ в полноценную частную собственность²⁵. Во-вторых, подчеркивалось, что граничары являются податным населением, и даже указывалась сумма введенного для них поземельного налога с десятины (от 1 руб. 92 коп. до 5 руб. 12 коп.)²⁶. Трудно сказать, были ли упомянуты эти факты специально. Никаких прямых отсылок к донскому казачеству в разбираемом нами описании Военной Границы не было, но в 1860-х гг. едва ли не самыми острыми вопросами в российских казачьих войсках

21 Березин Л. В. Хорватия... Т. 2. С. 332–333.

22 Военно-статистический сборник. С. 178.

23 Березин Л. В. Хорватия... Т. 2. С. 339.

24 Граничарские семьи, дословно, по определению «Военно-статистического сборника», «семейства, живущие нераздельно по старому патриархальному обычаю» (Военно-статистический сборник. С. 178).

25 Военно-статистический сборник. С. 178.

26 Там же. С. 178.

стали вопросы о введении частной собственности на землю и обложении казаков денежными налогами. Российские имперские власти уже в начале 1860-х гг. предложили разрешить продавать не используемые земли в казачьих областях для вовлечения их в хозяйственный оборот и допустить освобождение части казаков от службы взамен выплаты дополнительных налогов, рассчитывая такими мерами стимулировать развитие экономики²⁷. Однако в казачьих войсках, особенно на Дону, одно озвучивание этих мер, даже без указания срока начала их фактической реализации, вызвало сильнейшее сопротивление, обосновываемое тем, что «невозможно без некоторого риска уничтожить в народе его исторические воспоминания, его вековые обычаи и преимущества, составляющие его гордость и благосостояние»²⁸. Между тем в других работах, выпускаемых Военным министерством, казаки прямо сравнивались с граничарами²⁹, и в этих условиях упоминания об уплате последними денежных повинностей и существовании у них частной собственности на землю играли на руку Военному министерству в его реформаторской политике.

О том, что определенная параллель в восприятии казаков и граничар у авторов разбираемого нами сборника существовала, свидетельствует заключительный абзац из их описания Военной Границы, который мы приведем целиком. «Военная Граница может всего выставить 72 793 человека, что составляет 1 солдата на 8 жителей, то есть вчетверо больше, чем в остальной Австрии. Содержание граничар стоит правительству дешевле прочих войск; чтобы содержать на общих основаниях 72 000 войск, считая содержание каждого солдата по 335 гульденов в год, правительству пришлось бы расходовать в год 26 000 000 гульденов, между тем содержание Военной Границы обходится в мирное время всего в 1 788 000 гульденов или 1 143 000 руб. серебром. Однако эти выгоды суть чисто фиктивные; трудно исчислить весь тот убыток, который терпит государство, оставляя обширную, плодородную страну и многочисленное население под военно-административной опекой, неизбежно останавливающей нормальное развитие страны. В настоящее время Военная Граница является уч-

27 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 169 (Д. А. Милютин). Кар. 23. Ед. хр. 20. Л. 1–13об.

28 *Карасев А. А.* Записка князя А. М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 580.

29 *Виккеде Ю.* Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 677.

реждением вполне уже отжившим, и потому, по всей вероятности, долго не просуществует»³⁰.

Все основные положения и цифры из данного абзаца можно найти в тексте небольшого доклада российского военного агента в Вене Ф. Ф. Торнау, выполненного в 1864 г.³¹ Данный доклад Ф. Ф. Торнау оказал заметное влияние на Н. И. Краснова, который как раз в 1865–1867 гг. готовил для руководства Военного министерства большое исследование под несколько витиеватым названием «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбытие этой воинской повинности льготами и привилегиями». Донской статистик приводил обширные выписки из доклада Ф. Ф. Торнау в качестве иллюстрации к следующему тезису, который позиционировал как универсальный для армий всего мира: «Вместе с развитием в государстве сельской и городской промышленности и торговли, увеличивающихся ежегодно источники государственных доходов, ослабляется мнение о относительной дешевизне поселенных войск»³².

Хотя опубликовано исследование Н. И. Краснова не было, сразу после завершения оно вызвало определенный резонанс среди высокопоставленных российских военных чиновников. В 1867 г. на него ссылался лично начальник Управления иррегулярных войск Н. И. Карлгоф, заявляя об «огромных потерях», которые якобы несла Российская империя от существования казачьих войск³³. По мнению современного историка А. А. Волвенко, с «Соображениями...» затем ознакомился и сам военный министр Российской империи Д. А. Милютин³⁴. Однако тот же Н. И. Карлгоф опасался, что открытое признание готовности Военного министерства к демилитаризации казачества вызовет крайнее недовольство в казачьей среде³⁵. Вероятно, именно этим и объясняется отсутствие в российском военном официозе 1860-х гг. прямых сравнений якобы неизбежной демилитаризации Военной Границы и

30 Военно-статистический сборник. С. 179.

31 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 330 (Главное Управление Казачьих войск). Оп. 10. Д. 290. Л. 40–42об.

32 РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 117–117об.

33 Волвенко А. А. Казачество и конскрипция в 1860–1870 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 41–42.

34 Там же. С. 42.

35 Там же.

возможной демилитаризации российских казачьих войск. Отсутствие подобных сравнений тем более удивительно, что в это десятилетие Н. И. Краснов, знакомый с докладом Ф. Ф. Торнау, выпустил не одно, а три историко-статистических описания Донского Войска³⁶. На наш взгляд, это можно объяснить только сознательным умолчанием из нежелания раздражать читателей-казаков. В то же время руководство Управления иррегулярных войск знало, что институт граничар в Австрии доживает последние годы, и учитывало это при разработке собственной политики по отношению к казачьим войскам.

Нам представляется несущественным, пользовались ли анонимные авторы «Военно-статистического сборника» докладом Ф. Ф. Торнау или просто опирались на те же первоисточники, что и российский военный агент в Вене. Судя по всему, в середине XIX в. представление о неизбежности отмирания поселенных войск, будь то казаки или граничары, в принципе было распространено в среде российского офицерства. Д. А. Милютин еще в 1840-х гг. писал на этот счет следующее: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного народонаселения — везде, где <бы> подобное учреждение ни существовало, оно было вызвано крайней необходимостью и держалось как зло — но зло необходимое, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается по мере возможности уменьшить этот разряд населения, и там, где исчезла цель, с которой оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подвести его под общие установления государственные»³⁷. Необходимость демилитаризации граничар представлялась всем рассмотренным нами российским военным авторам 1860-х гг. чем-то неизбежным, причем обосновывалась всеми ими не политическими и не национальными, но экономическими проблемами, хозяйственной неразвитостью Военной Границы. Не удивительно, что в выпущенном под эгидой Военного министерства «Военно-статистическом сборнике» оказалась отражена именно эта позиция. И, таким образом, хотя большая часть статистической информации о граничарах в «Военно-статистическом сборнике» была нейтральной в смысловом отношении, словес-

36 *Краснов Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. СПб., 1863; *Краснов Н. И.* Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864; *Краснов Н. И.* Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870.

37 ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 18. Ед. хр. 16. Л. 23 об.–24.

ные оценки и описания в специальном разделе о Военной Границе имели четко выраженный субъективный характер и содержательно повторяли ряд документов для внутреннего пользования российского Военного министерства, документов, посвященных иррегулярным войскам вообще, как казакам, так и граничарам.

Очевидное внимание к Военной Границе в «Военно-статистическом сборнике» тем более интересно, что в первом монографическом исследовании Военного министерства об Австро-Венгрии, вышедшем менее чем десятилетием позже, в 1874 г., ничего подобного ему не наблюдается. Между тем как раз к этому времени начался реальный процесс обращения граничар в гражданское сословие, и, например, анализ изменений австрийского бюджета в связи с этим процессом мог бы быть достаточно интересен. Действительно ли после упразднения Военной Границы на ее территории начался рост экономики? В какую сумму обошлось правительству распространение на граничар всеобщей воинской повинности? Наконец, столкнулось ли австрийское Военное министерство с какими-то трудностями во время демилитаризации? Однако автор нового исследования, придерживавшийся панславистских взглядов полковник Генерального штаба А. Ф. Риттих, оставил все эти вопросы без ответа.

Отдельного описания Военной Границы в своем статистическом исследовании, получившем название «Австро-Венгрия», А. Ф. Риттих не сделал. Самые развернутые отрывки текста, посвященные им граничарам, выглядят следующим образом: «Указом 8 июня 1871 г. Военная Граница начала преобразовываться в обыкновенную провинцию, с подчинением ее населения общей с другими областями военной повинности, а указом 8 августа 1873 г. в ней окончательно упразднены прежние полки с заменой окружных полковых управлений общинным управлением. В силу конвенции 1868 г. 10 округов Военной Границы примкнули к Кроации и Славонии, но подробности нового их положения еще не вполне определились»³⁸; «Прежняя военная колонизация по турецкой границе, основанная в XVI и XVII веках, не соответствовала более ни своему назначению, ни тем военным требованиям, которые обнаружили после новейших кампаний. Вот почему с 1867 г. число пограничных полков начали постепенно уменьшать, а в 1874 г. граничар совсем упразднили, обратив их контингент на пополнение общего состава армии»³⁹. Судя по всему, А. Ф. Риттиху

38 Риттих А. Ф. Австро-Венгрия. Отдел I. СПб., 1874. С. 27.

39 Риттих А. Ф. Австро-Венгрия. Отдел II. СПб., 1876. С. 4.

граничары как объект исследования были в принципе не слишком интересны. Любопытно, что в своих позднейших работах, описывая события 1848 г. в Австрийской империи, он ни словом не упоминал о том, какую роль в них сыграли пограничные полки⁴⁰.

Управление иррегулярных войск в начале 1870-х гг. австрийский опыт реформ на Военной Границе, очевидно, тоже интересовал уже намного меньше, чем в предыдущее десятилетие. Согласно официальным историческим работам Военного министерства, с 1870 г. «повернулось кормило правительственной политики», и обострение отношений в Европе из-за усиления Пруссии (позже — Германской империи) заставило власти снова обратиться к казачьему населению как к источнику вооруженной силы⁴¹. Д. А. Милютин писал в это время уже не о том, что поселенные войска представляют собой «необходимое зло», с которым нужно по возможности быстро покончить, но о том, что «в случае европейской войны придется обратить особенное внимание на извлечение наибольшей боевой силы из казачьих частей и притом в кратчайший срок»⁴². И поэтому возникла парадоксальная на первый взгляд, но легко объяснимая приведенными выше причинами ситуация: в 1867 гг., когда будущее Военной Границы еще было неопределенным, в официальном издании российского Военного министерства писали о ее скором упразднении как о свершившемся факте, однозначно называя экономическую неразвитость граничарских земель в качестве основной причины этого упразднения; но в 1874 г., когда «граничар совсем упразднили», аналогичное издание оставляло это событие почти без внимания, размыто сообщив, что система пограничных полков «не соответствовала более ни своему назначению, ни тем военным требованиям, которые обнаружили после новейших кампаний».

Военная Граница все же неоднократно упоминалась А. Ф. Риттихом в различных частях его исследования, однако эти упоминания были еще лаконичнее и беднее по содержанию, чем приведенные выше. При этом значительная часть материала была почти дословно, с текстуальными совпадениями, заимствована им из «Военно-статистического сборника», что порой вело даже к фактическим ошибкам

40 *Rittich A. Ф.* Славянский мир. Варшава, 1885. С. 92.

41 Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1911. Т. XI. Ч. 4. С. 78.

42 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 932 (А. М. Дондуков-Корсаков). Оп. 1. Д. 429. Л. 12.

(уже устаревшая информация описывалась как актуальная⁴³). Что касается текста, принадлежащего самому А. Ф. Риттиху, то последний несколько расширил исторические разделы, давая читателю больше информации об истории Австро-Венгрии в целом и Военной Границы в частности после 1867 г. Российский офицер, хотя и был вынужден признать, что предсказания его предшественников о непрочности устройства Австро-Венгрии не оправдались, все же продолжал считать дуалистический компромисс имперской и венгерской элит ошибкой. Дословно по этому поводу он замечал следующее: «Этот решительный шаг создал Австрии новое, хотя едва ли более устойчивое и выгодное положение. Из одной Австрийской империи она раздвоилась на два государства, связанные между собой династией и некоторыми общими делами, но признаваемые (по настоянию венгров) даже и в внешних сношениях одинаково равноправными»⁴⁴. В число жертв подобной ошибочной политики он заносил и граничар (называя их, что любопытно и показательно, в числе славянских национальностей): «Напрасно протестовали кроаты, напрасно волновались сербы, словаки, граничары; отданные центральным правительством в полное подчинение Пешту, они должны были покориться горькой необходимости — примкнуть к своим прежним врагам, которых поражали в 1848 г. в пользу австрийцев»⁴⁵.

Кроме того, А. Ф. Риттих заметно более подробно, чем авторы предыдущего сборника, описывал переходную систему администрации Военной Границы. Он посвятил несколько страниц анализу «конвенции 17 ноября 1868 г. о положении Хорватии и Славонии в составе Венгерского королевства»⁴⁶ и упомянул, что, согласно этой конвенции, венгерское правительство обязано «при упразднении Военной границы защищать их (Хорватии и Славонии. — А. П.) право на части оных»⁴⁷. Он писал также и о том, что Военная Граница получила в нижней палате венгерского парламента пять мест из 444⁴⁸.

Разумеется, А. Ф. Риттих приводил и статистические сведения о Военной Границе. Любопытно, что некоторые составленные им статистические таблицы имели два варианта: с разделением территорий

43 *Rittich A. Ф.* Австро-Венгрия. Отдел II. С. 3.

44 *Rittich A. Ф.* Австро-Венгрия. Отдел I. С. 12.

45 Там же. С. 13.

46 То есть Хорватско-венгерскому соглашению.

47 Там же. С. 23–25.

48 Там же. С. 26.

граничар между Хорватией и Венгрией, актуальным на 1874 г., и с проходящей отдельной строкой Военной Границей (как и в «Военно-статистическом сборнике», где указывались ее площадь, численность населения и его национальный состав). В отличие от «Военно-статистического сборника», заметное место было отведено статистическим сведениям о развитии экономики у граничар. В частности, А. Ф. Риттих указывал, как на Военной Границе используется земля. С учетом утверждений предыдущего десятилетия о том, что якобы военная служба мешала граничарам, как и российским казакам, заниматься своими хозяйствами, имеет смысл привести следующую составленную им таблицу.

	Пашни	Виноградников	Лугов и садов	Выгонов	Леса	Неудобной земли
Военная Граница	24,64%	0,93%	15,30%	13,26%	28,57%	17%
Хорватия и Славония	26,58%	1,70%	11,19%	9,73%	37,42%	13%
Венгрия	33,93%	1,35%	11,64%	14,44%	22,60%	16%
Семиградье	22,63%	0,49%	16,50%	9,57%	37,32%	13%

Источник: *Pumtich A. Ф.* Австро-Венгрия. Отдел I. С. 48.

Как видно из данной таблицы, по крайней мере из формальных статистических данных отнюдь не явствовало, чтобы на Военной Границе «значительная часть земли лежала необработанной», как писал Ф. Ф. Торнау. Возможно, земля обрабатывалась менее качественно, чем в других регионах Австро-Венгрии, однако из приводимых А. Ф. Риттихом данных об урожаях и количестве скота и этого не следовало⁴⁹. Никаких заявлений о хозяйственном отставании граничарских территорий от остальной Транслейтании российский офицер в своем тексте также не делал.

Еще любопытнее были сообщаемые А. Ф. Риттихом сведения о развитии промышленности на Военной Границе. Сразу оговоримся, что он приводил только абсолютные показатели промышленного развития по разным регионам Австро-Венгрии, не подлежащие полноценному сравнению уже в силу различного населения этих регионов. Тем не менее, например, в сфере горного промысла Военная Граница (с населением

49 Там же. С. 49–51.

в 1 197 187 человек⁵⁰) выглядела даже предпочтительнее гражданских Хорватии и Славонии (население 1 023 858 человек⁵¹): число занятых этим промыслом в данных регионах составляло 1 337 и 198 человек, а общая прибыль — 298 803 и 131 941 гульден соответственно⁵². Всего во всех сферах фабрично-заводской промышленности на Военной Границе было занято 16 000 человек (1,2% населения), а в Хорватии и Славонии 3000 (0,3% населения)⁵³. Данные значения были крайне низки даже для Транслейтании, в которой промышленным производством занималось 2,2 % населения (в Цислейтании — 11,2%)⁵⁴, однако, исходя из приводимых А. Ф. Риттихом сведений, в 1860-х — 1870-х гг. следовало говорить о крайней экономической неразвитости южнославянских земель Австро-Венгрии вообще, но никак не об отставании Военной Границы от сопредельных регионов в экономическом отношении из-за тяжести военной службы граничар. Превосходила Военная Граница Хорватию и в плане образования: из раздела о нем, заметно менее подробного, чем в предыдущем статистическом сборнике, следовало, что доля детей школьного возраста, посещающих школы, на Военной Границе к началу 1870-х гг. достигла 82% (высший показатель в Транслейтании), а в Хорватии в это же время не превышала 53%⁵⁵.

Мы ограничились анализом двух статистических исследований российского Военного министерства об Австро-Венгрии, выпущенных во второй половине XIX в. В действительности их было больше; любопытно, что ряд работ подобной тематики в 1880-х гг. подготовил будущий начальник Главного управления казачьих войск (бывшего Управления иррегулярных войск) П. О. Щербов-Нефедович⁵⁶. Издания Военного министерства отличались от большинства российских исследований этого времени о славянских странах в том отношении, что представляли собой, в содержательном плане, компиляцию из официальных иностранных статистических данных, сведений военной периодики и сообщений российских военных агентов. Авторы этих изданий (кстати, официально именующиеся «составителями») не проводили собственных исследований и не изучали лично описываемые

50 Там же. С. 37.

51 Там же.

52 Там же. С. 54.

53 Там же. С. 59.

54 Там же.

55 Там же. С. 108.

56 *Щербов-Нефедович П. О. Австро-Венгрия.* СПб., 1885.

ими страны. Разумеется, это порой сказывалось на качестве их книг не в лучшую сторону: так, А. Ф. Риттих в 1874 г. вставил в текст ряд устаревших к этому времени положений из предыдущего исследования. Тем не менее сам объем приводимой в разобранных нами книгах статистической информации заслуживает уважения. Нам остается констатировать, что именно в том качестве, в котором задумывались издания Военного министерства, в качестве военно-статистических справочников, они представляют интерес и поныне.

Наконец, мы можем утверждать, что Н. Н. Обручев был прав в своем предисловии к «Военно-статистическому сборнику», и издававшиеся под эгидой Военного министерства книги содержат уникальный взгляд на Военную Границу, взгляд с позиций высшего военного органа Российской империи. Так, для них все же характерны умереннопанславистские настроения и симпатии к славянскому населению Австро-Венгрии. Показателен и интерес к проблемам образования граничар в «Военно-статистическом сборнике на 1868 год», который хронологически ближе всего к проведению реформы образования в Российской империи. Но важнее всего нам представляется тот факт, что отношение к Военной Границе в статистических исследованиях Военного министерства явно зависело от официально озвучиваемого российскими властями отношения к иррегулярным войскам в целом. В сборнике 1867 г. описание Военной Границы было относительно развернутым и концептуально сходным с хронологически близкими описаниями граничар Ф. Ф. Торнау и Н. И. Красновым. Более того, некоторые моменты этого описания содержат отсылки к остро вставшим в 1860-х гг. проблемам казачьих войск, хотя прямой параллели между граничарами и казаками в нем проведено и не было. В исследовании А. Ф. Риттиха, выполненном в 1874 г., когда ситуация в казачьих войсках стабилизировалась, отдельного описания Военной Границы вообще нет, а важнейший процесс демилитаризации граничар удостоен только нескольких общих фраз.

Таким образом, выполненные под эгидой Военного министерства во второй половине XIX в. военно-статистические работы представляют безусловный интерес для историков Военной Границы и зарубежных славян вообще. Недостатки и минусы этих книг очевидны; тем не менее, столь же явными представляются нам и их достоинства, больше не встречающиеся в отечественной историографии того времени: опора на иностранные официальные статистические источники, огромный и регулярно обновлявшийся массив статистических фактов, относительная неангажированность авторов, не связанных с местными славянскими деятелями, а также проявление в этих работах официальной позиции Военного министерства.

Источники и литература

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Березин Л. В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. СПб.: Типография и хромолитография А. Граншеля, 1879. Т. 2. 590 с.

Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 672–728.

Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск I / под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб.: Военная типография, 1867. 312 с.

Волвенко А. А. Казачество и конскрипция в 1860–1870 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 36–45.

Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: NB, 2003. 599 с.

Дронов А. М. Военная граница: от армии под командованием Габсбургов к автономной провинции империи (XVIII–XIX вв.) // Славянский мир: общность и многообразие / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 47–51.

Карасев А. А. Записка князя А. М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 569–591.

Краснов Н. И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб.: типография департамента Генерального штаба, 1864. 352 с.

Краснов Н. И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб.: Военная типография, 1870. 288 с.

Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. СПб.: типография департамента Генерального штаба, 1863. 596 с.

Риттих А. Ф. Австро-Венгрия. Отдел I. СПб.: Военная типография, 1874. 131 с.

Риттих А. Ф. Австро-Венгрия. Отдел II. СПб.: типография Второго департамента собственной его императорского величества канцелярии, 1876. 385 с.

Риттих А. Ф. Славянский мир: Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава: изд. В. М. Истомтина, 1885. 389 с.

Столетие военного министерства. 1802–1902 / глав. ред. Д. А. Скалон. СПб.: типография М. О. Вольф, 1911. Т. XI. Ч. 4. 462 с.

Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб.: Алетейя, 2001. 318 с.

Щербов-Нефедович П. О. Австро-Венгрия. СПб.: типография Второго департамента собственной его императорского величества канцелярии, 1885. 468 с.

References

- Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (Moscow).*
Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (Moscow).
Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (Saint Petersburg).
- Berezin, L. V. *Xorvatiia, Slavoniia, Dalmatsiia i Voennaia granitsa*. Saint Petersburg: Tipografiia i khromolitografiia A. Transhefiia, 1879. Vol. 2. 590 s.
- Dontsy XIX veka*. Rostov-on-Don: NB, 2003. 599 s.
- Dronov, A. M. "Voennaia granitsa: ot armii pod komandovaniem Gabsburgov k avtonomnoi provintsii imperii (XVIII–XIX vv.)." *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie*, edited by E. S. Uzeneva, O. V. Havanova. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018, s. 47–51.
- Freidzon, V. I. *Istoriia Xorvatii*. Saint Petersburg: Aleteiia, 2001, 318 s.
- Karasev, A. A. "Zapiska kniazia A. M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo." *Russkii Arkhiv*, 1896, no. 12, s. 569–591.
- Krasnov, N. I. *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlia voiska Donskogo*. Saint Petersburg: tipografiia departamenta General'nogo Shtaba, 1863, 596 s.
- Krasnov, N. I. *Voennoe obozrenie Zemli Voiska Donskogo*. Saint Petersburg: tipografiia departamenta General'nogo Shtaba, 1864, 352 s.
- Krasnov, N. I. *Voennoe obozrenie Zemli Voiska Donskogo*. Saint Petersburg: Voennaia tipografiia, 1870, 288 s.
- Rittikh, A. F. *Avstro-Vengriia*, vol. 1. Saint Petersburg: Voennaia tipografiia, 1874. 131 s.
- Rittikh, A. F. *Avstro-Vengriia*, vol. 2. Saint Petersburg: tipografiia Vtorogo departamenta Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseleiarii, 1876, 385 s.
- Rittikh, A. F. *Slavianskii mir: Istoriko-geograficheskoe i etnograficheskoe issledovanie*. Warsaw: V. M. Istomtin, 1885, 389 s.
- Shcherbov-Nefedovich, P. O. *Avstro-Vengriia*. Saint Petersburg: tipografiia Vtorogo departamenta Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseleiarii, 1885, 468 s.
- Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902*, edited by D. A. Skalon, vol. XI, part 4, Saint Petersburg: tipografiia M. O. Vol'f, 1911, 462 s.
- Vikkede, Iu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremia. *Voennyi Sbornik*, 1859, no. 2, s. 672–728.
- Voenno-statisticheskii sbornik na 1868 god*, edited by N. N. Obruchev, vol. I. Saint Petersburg: Voennaia tipografiia, 1867, 312 s.
- Volvenko, A. A. "Kazachestvo i konskriptsiiia v 1860–1870 gg." *Russian history*, 2018, no. 5, s. 36–45.

Artyom Y. Peretyat'ko
Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Statistical studies of the Russian Ministry of War
in the late 1860s–1870s about the Military Frontier

From 1867, the Russian Ministry of War began to regularly publish statistical studies about the most important European countries. It was assumed that these works would contain materials specifically selected for the Russian reader and will help Russian public to form their opinion about the situation in Europe. The first two studies on Austria-Hungary were published in 1867 (an anonymous section in the “Military Statistical Collection for 1868”) and in 1874 (the first part of the monograph “Austria-Hungary” by the officer of the General Staff A. F. Rittih). The article shows that these works have been unfairly forgotten. Although they are a compilation of foreign studies, they contain an amount of statistical data on the Military Frontier unique for the Russian historiography. Moreover, these studies reflected the position of the Ministry of War on the development prospects of the settled troops. The author shows that the description of Military Frontier at “Military Statistical Collection for 1868” conceptually recalls the report of the Russian military agent in Vienna, F. F. Tornau, later used by the officer of the Irregular Forces Department N. I. Krasnov to prepare a study on the prospects of the Russian Cossacks. In “Austria-Hungary” there is no separate description of the Military Frontier, which can be linked to the loss of interest in the Austrian experience in the Ministry of War.

Keywords: *Russian Ministry of War, statistical studies of Russian officers in the 1860s–1870s, Military Frontier, F. F. Tornau, N. I. Krasnov, A. F. Rittih.*

К вопросу о финансовой помощи России Черногории (XVIII — начало XX в.)

В 1711 г. между Россией и Черногорией были установлены официальные отношения, с 1715 г. Россия начала выплачивать Черногории постоянную денежную субсидию. С годами ее сумма росла, к основной субсидии добавлялись всё новые пункты. Особый рост этих выплат мы зафиксировали, на основании документов, начиная с Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.: в период черногорско-турецкой войны 1876–1877 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По итогам последней был подписан Берлинский трактат, закрепивший официально независимость Черногории и ее территориальное расширение. В послевоенное десятилетие Россия неоднократно предоставляла Черногории кредиты на различные нужды, в том числе военные, и помогала, практически ежегодно, присылкой продовольствия. В 1889 г. между Российской империей и Черногорским княжеством были заключены два династических брака, а перед этим Петербургом были покрыты все внешние долги Княжества. С 1895 г. Россия взяла на себя финансирование одного батальона черногорской армии, а с 1902 г. — уже двух батальонов с общими затратами в 331 тыс. руб. Финансовые «вливания», на наш взгляд, являлись важным мериллом русско-черногорских отношений, по которому можно судить о заинтересованности Российской империи в Черногории, а также о значимости этой маленькой балканской страны во внешнеполитических планах российского МИД.

Ключевые слова: *Российская империя, Черногорское княжество (с 1910 г. — Королевство), русские субсидии, Никола Петрович-Негош.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.07

На основании архивных материалов, часть которых впервые вводится в научный оборот, а также уже опубликованных документов и работ отечественных и зарубежных специалистов в статье рассматривается вопрос о финансовой, в основном безвозмездной, помощи России Черногории, начиная с установления русско-черногорских отношений в 1711 г. вплоть до начала XX в. Верхняя временная рамка исследова-

ния ограничена назначением в Черногорию в 1903 г. русского военного агента — подполковника Николая Михайловича Потапова (с 1906 г. — полковник, с 1912 г. — генерал-майор, с 1917 г. — генерал-лейтенант). В обязанности военного агента входили не только участие в модернизации черногорской армии, но и контроль за расходованием русской военной субсидии, сумма которой с 82 тыс. руб. в 1904 г. увеличилась до 330 тыс. руб. в 1908 г., а к началу Первой мировой войны была близка к миллиону рублей (без учета дополнительных ассигнований)¹.

* * *

Начало русско-черногорским отношениям положил царь Петр I, обратившийся к черногорцам с воззванием от 3 марта 1711 г. вступить в совместную борьбу против турок². Они откликнулись на его призыв и в самый трудный для русской армии момент Прутского похода оттянули на себя часть турецких войск. Эта помощь впоследствии обернулась для черногорцев карательным походом со стороны Порты, во время которого был полностью разрушен и сожжен знаменитый Цетинский монастырь³. Впоследствии, в 1715 г., на его восстановление и уплату долгов Петр I выделил черногорскому владыке весьма

1 Справка Н. М. Потапова о необходимости денежных сумм на военные нужды Черногории на 1910–1912 гг. 4 (17) июля 1909 г. // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Подгорица; М., 2003. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. С. 380–381.

2 Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 29–33, 37–42; Черногорско-русские отношения, 1711–1918. Подгорица; М., 1992. Књ. 1: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С. 43–47.

3 Монастырь Рождества пресвятой Богородицы был построен в 1484 г. Иваном Црноевичем (Черноевичем), или Иван-бегом, в Цетинском поле, которое географически было более неприступным местом, нежели тогдашняя столица черногорских земель (называемых Зетой) — Риэка Црноевича. Вскоре в Цетине была перенесена столица черногорских земель. Монастырь в первый раз был сожжен турками в 1692 г., затем восстановлен, но снова сожжен в 1714 г., в ходе карательного похода османских войск на территорию Черногории, которая *de jure* считалась турецким вилайетом, а *de facto* никогда Порте не подчинялась и постоянно вела боевые действия против нее, также отказываясь от уплаты дани.

В Цетинском монастыре по сей день хранятся десница Иоанна Крестителя, частицы Святого Креста, мощи черногорского митрополита Петра I Петровича-Негоша и другие реликвии.

значительную в те времена сумму 5 тыс. руб. одновременно, а также подарил церковную утварь и книги. Русский царь повелел раздать еще 5 тыс. руб. особо пострадавшим от турецкой мести черногорцам, а также 160 золотых портретов со своим изображением отличившимся в боях воинам. Тогда же и была учреждена субсидия в размере 500 руб. Цетинскому монастырю, которая выплачивалась раз в три года⁴. Мы обнаружили в документах упоминание и о другой субсидии — «в пользу черногорского народа» — в размере 700 червонных золотых монет⁵, что равнялось около 2 тыс. руб., но эта субсидия не носила постоянного характера.

Важно отметить, что как с самого начала установления русской денежной помощи, так и в дальнейшем она направлялась на разные цели: 1. постоянная денежная помощь Цетинскому монастырю, поступавшая в безотчетное распоряжение митрополита; 2. государственная субсидия, предназначавшаяся для внутреннего благоустройства страны, — эта часть субсидии с годами постоянно росла; 3. единовременные субсидии на покупку хлеба, которые не носили постоянного характера и выделялись по запросу черногорской стороны, как правило, во время неурожаев в Черногории (а случались они почти ежегодно).

В 1799 г. российский император Павел I повелел, помимо помощи Цетинскому монастырю, ежегодно выплачивать денежную субсидию «для общенародных надобностей» в 1 тыс. червонных монет⁶ (3 тыс. руб.)⁷, а также распорядился отправить черногор-

4 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 146 (Славянский стол). Д. 9152 (Черногория. Пособие от русского правительства). Л. 169–173 — Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П. А. Ровинского. 1908 г.; Политические и культурные отношения. С. 51–53, 64–66, 378–379; Черногорско-русские отношения. С. 44.

5 Политические и культурные отношения. С. 64–66.

6 1 тыс. червонцев = 3 тыс. руб. = 1 тыс. цекинов = 4 тыс. австрийских флоринов (см.: Политические и культурные отношения. С. 386). Как уже отмечалось выше, ранее эта субсидия составляла 700 червонных и не носила постоянного характера.

7 Грамота Павла I черногорскому народу о защите русскими дипломатическими представителями интересов Черногории перед Портой и австрийским двором и о назначении ежегодной денежной субсидии для общенародных надобностей. 11 января 1799 г. // Политические и культурные отношения. С. 385–386; Рескрипт Павла I государственному казначею Васильеву о назначении Черногории ежегодной субсидии. 11 января 1799 г. // Там же. С. 386; АВПРИ. Ф. 146. Д. 9152. Л. 170.

ским церквям богослужебные книги и утварь (общей стоимостью 2 тыс. руб.)⁸.

С 1830-х гг. правительство Николая I стало придавать черногорским землям всё большее значение как российской опорной базе в западной части Балканского полуострова⁹. Это также выразилось в денежной субсидии, которая в 1837 г. выросла до 22 тыс. 857 руб. сер.¹⁰

Несмотря на то, что сумма русских дотаций постоянно увеличивалась, Черногория по-прежнему ощущала нехватку средств¹¹. В период правления в Княжестве первого светского «господаря» из рода Петровичей-Негошей — князя Данилы (1851–1860) — денежные выплаты из России были приостановлены: как читаем в документе, «вследствие размолвки с князем Даниилом, и субсидию Черногории давала Франция»¹². После его смерти на черногорский престол взошел его племянник Никола (1860–1918), поспешивший продемонстрировать свою прорусскую ориентацию. Это способствовало возобновлению выплат. Невыплаченная за время правления Данилы сумма была выдана его преемнику в два приема в 1865–1869 гг.¹³

После визита князя Николы в Петербург в 1868 г. в русско-черногорских отношениях наступил новый этап, что также выразилось в материальном плане — одна лишь государственная субсидия составила 20 тыс. руб.¹⁴ Кроме того, «по высочайшему повелению» к ней была добавлена субсидия в 8 тыс. руб. на богословскую мужскую семинарию (сумма проходила по смете Святейшего Синода¹⁵) и 5,5 тыс. руб.¹⁶

8 Политические и культурные отношения. С. 388–389, 391–392.

9 Черногорско-русские отношения. С. 25.

10 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 831. Л. 137–139 // Политические и культурные отношения. С. 386.

11 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 171об.

12 Там же. Л. 172.

13 Там же. Л. 172об.

14 Там же. Л. 109.

15 Там же. Л. 109–113. — Секретная записка Департамента государственного казначейства в Первый департамент министерства иностранных дел от 19 февраля 1903 г. № 60.

16 Вульфсон Э. С. Черногория и черногорцы. М., 1909. С. 152; Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. 3. Государственная жизнь (1851–1907). С. 287; Хитрова Н. И. Россия и Черногория: русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1. С. 111–125.

на Женский институт имени императрицы Марии Александровны¹⁷ (сумма отпускалась из средств ее личного двора). Оба учебных заведения были открыты в следующем, 1869 году.

А в 1872 г. произошло и увеличение государственной субсидии — она возросла до 46 тыс. руб.¹⁸

Следующим этапом российско-черногорских «денежных отношений» стал период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. С началом восстания в Герцеговине летом 1875 г. на территорию Черногории хлынули толпы беженцев и повстанцев, которые искали здесь приют и поддержку. Лишь по официальным черногорским данным, до 23 октября 1875 г. в Черногории насчитывалось свыше 32 тыс. беженцев и 300 раненых¹⁹, а к началу 1878 г., в соответствии с отчетами российского МИД, число беженцев достигло 78 тыс. человек²⁰. Их содержание полностью велось за счет России — помимо официальных выплат петербургского кабинета²¹, огромные средства отчислялись Славянским благотворительным обществом, куда стекались пожертвования частных лиц. Немалые средства собирались по всей Империи в результате разрешенных правительством добровольных народных кружечных сборов в храмах, заводах, учебных заведениях и множестве государственных учреждений — в пользу герцеговинцев, черногорцев, сербов и болгар²². Решением вопроса о возвращении беженцев в пределы Герцеговины также занималось российское правительство²³.

17 Императрица Мария Александровна (1824–1880) — жена императора Александра II.

18 Политические и культурные отношения. С. 386.

19 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 65–68 — Донесение А. С. Ионина А. А. Мельникову о тяжелом положении герцеговинских беженцев в Черногории и с просьбой об оказании им помощи. 23 сентября (5 октября) 1875 г. Рагуза.

20 Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903) / приред. Л. В. Кузмичова, ред. Ч. Попов. Нови Сад, 1996. Књ. 1. С. 168.

21 Там же.

22 Российское общество Красного Креста (до 1876 г. — Общество попечения о раненых и больных воинах) в начале октября 1875 г. выделило «10 тыс. руб. в пользу раненых и больных жертв восстания в Герцеговине и Боснии». См.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 69–70.

23 Там же.

Отметим, что начиная с Восточного кризиса и вплоть до 1890-х годов, помимо ежегодной русской субсидии и всех издержек по беженцам, в Цетине регулярно направлялись единовременные пособия в пользу черногорского народа «по случаю голода»²⁴.

После начала сербо-черногоро-турецкой войны в июне 1876 г. российское правительство предоставило Сербии и Черногории единовременные субсидии — по 1 млн руб. каждой²⁵. Помимо этого, Петербург продолжал оказывать Черногории финансовую помощь на различные нужды в военные годы²⁶. Общая сумма расходов «по Черногории с Герцеговиной», согласно документам, составила 4 млн 829 тыс. 639 руб. 48 коп.²⁷ При этом расходы на Болгарию составили 4 млн 334 тыс. 12 руб., на Сербию — 1 млн 665 тыс. 260 руб.²⁸ Как видим, на Черногорию отпускалось больше всего средств, что свидетельствует об особом к ней отношении.

С 1879 г. к общей сумме «черногорской» субсидии добавился еще один пункт — расходы на цетинский госпиталь в размере 2,5 тыс. руб.²⁹

По Берлинскому договору 1878 г. Черногория получила новые земли, однако на их закрепление за Княжеством ушли непростые пять лет, в течение которых неоднократно происходили даже вооруженные столкновения черногорцев с местным албанским населением, не желавшим считаться с решением дипломатов и покидать «свои» территории³⁰. В августе 1879 г. в Петербург отправился известный черногорский воевода Божидар Петрович — с просьбой посодествовать вооружению черногорцев и помочь голодающему из-за неурожая на-

24 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 172–172 об.; Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. С. 23, 57, 62, 69, 75–78, 84–92, 98, 109–114, 139, 154, 162, 184–186; Годишњи извештаји. С. 167–182.

25 Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. С. 203–205.

26 Там же. С. 364–366, 368–373, 397–413.

27 Из ведомости о чрезвычайных кредитах, открытых во время последней турецкой войны для надобностей союзных княжеств и для Турции. Не ранее 17 мая 1879 г. // Там же. С. 401–411.

28 Там же.

29 Хитрова Н. И. Россия и Черногория. С. 41.

30 Хитрова Н. И. Русско-черногорские политические отношения после Берлинского конгресса 1878 г. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 149–150; Искендеров П. А. Пробуждение «албанского фактора» (1878–1908 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017. С. 138–156.

роду. Результатом этой поездки было предоставление Княжеству Российским государственным банком ссуды в 900 тыс. руб. под 5% ставки с условием ее погашения в течение 20 лет. Однако спустя 10 лет было выплачено лишь 300 тыс. руб., а остаток долга был прощен³¹. В конце 1885 г. по личному указу императора Александра III черногорскому князю было выдано 400 тыс. руб. на личные расходы³². В 1886 г. вновь встал вопрос о вооружении черногорской армии. Чтобы не допустить неправильного толкования действий России ввиду шедшей в то время сербо-болгарской войны, российское правительство решило не отсылать оружие в Черногорию, а выделило 1 млн руб. на его покупку в Австро-Венгрии³³. Такая «благосклонность» и постоянные денежные вливания со стороны России были вызваны подготовкой к династическому союзу Романовых и Петровичей-Негошей.

1889 год явился важной вехой в истории Черногории — в этот год черногорская династия Петровичей-Негошей, имевшая всего 200-летнюю историю, породнилась с династией Романовых. Это событие возвысило черногорскую династию, открыло ей двери в дома других именитых европейских династий и укрепило в целом авторитет князя Николы.

В отношении черногорского «родственника» в очередной раз были проявлены особое внимание и милость — на этот раз по указу Александра III Николе было оказано «содействие к урегулированию имеющихся на Черногории обязательств по уплате государственных долгов»³⁴. Под этой ничем не примечательной фразой подразумевалось полное закрытие ВСЕХ долговых обязательств, имевшихся у Княжества. А их на тот момент было уже немало: австрийскому банку Länderbank по двум займам (541 тыс. 500 гульденов под 6,5%; 229 тыс. 500 гульденов под 5,5%) в общей сложности 771 тыс. австрийских гульденов; Константинопольскому частному банку 600 тыс. франков (под 9% с обязательством погасить в течение двух лет); Российскому государственному банку 900 тыс. руб.^{35*} (выдано 10 сентября 1879 г.); Государственному казначейству России с остатком неуплаты в 113 тыс. 333 руб. 33 коп. из общей суммы ссуды в 440 тыс. руб. Было

31 Хитрова Н. И. Россия и Черногория. С. 42.

32 Там же. С. 122.

33 АВПРИ. Ф. ПА. Д. 3332. Л. 4–5об. — Н. К. Гирс — П. С. Ванновскому, 25 февраля 1886 г. // Цит. по: Хитрова Н. И. Россия и Черногория. С. 116.

34 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 1.

35 Выше уже говорилось о поездке воеводы Б. Петровича в Петербург в августе 1879 г., в результате которой и была получена ссуда в 900 тыс. руб.

решено выплатить черногорские долги австрийскому и константинопольскому банкам и простить их Княжеству. Относительно миллионного долга Российскому государственному банку и Казначейству было постановлено следующее: увеличить ежегодную государственную черногорскую субсидию с 46 до 100 тыс. руб. (без учета других выплат на школы, церковь и больницу, которые отчислялись вне зависимости от государственной субсидии Черногории. — *Н. С.-Б.*) и из нее удерживать 80 тыс. руб. в счет долга (5% ставки — то есть 50 тыс. руб.; и 3% на погашение кредита — то есть 30 тыс. руб.), а «на руки» черногорскому правительству выдавать 20 тыс. руб. Таким образом, через 20 лет Черногория могла бы избавиться и от долга Российской империи³⁶.

Помимо решения вопроса о кредитах, Никола Петрович снова просил своих российских покровителей выделить средства на покупку хлеба для черногорского народа. В своем обращении к главе МИД России Н. К. Гирсу в августе 1889 г. князь писал, что выделенные «с высочайшего соизволения» в апреле 1889 г. с этой целью 50 тыс. руб. уже израсходованы, и ходатайствовал о новой субсидии, объясняя, что в течение еще двух-трех лет в Черногории будут продолжаться работы по осушению некоторых земель и обращению их в пахотные для решения проблемы голода. По этой просьбе из российской казны было выделено 46 тыс. 827 руб. 83 коп.³⁷

В 1895 г. император Николай II учредил специальную ежегодную субсидию на содержание черногорской регулярной армии в размере 82 тыс. руб.³⁸

В конце 1900 г. Никола Петрович в очередной раз посетил Петербург с целью получения финансовой помощи, на этот раз для погашения вновь взятых им в австрийском и константинопольском банках крупных кредитов³⁹, покрыть которые Черногория не имела возможности⁴⁰. В конце 1900 г. по распоряжению императора князю была выдана

36 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 1–4, 8–9.

37 Там же. Л. 6–7.

38 Там же. Л. 109.

39 В 1890 г. Черногории был одобрен кредит в австрийском Ленденбанке на 250 тыс. гульденов, в 1892 г. — в константинопольском банке взят кредит на 650 тыс. гульденов, в 1893 г. — в австрийском Боденкредите 1 млн гульденов (см. подробнее *Хлебникова В. Б.* Черногория после Берлинского конгресса. С. 116).

40 *Хлебникова В. Б.* Черногория после Берлинского конгресса. С. 116.

ссуда Государственного банка в размере 750 тыс. руб.⁴¹, на погашение которой должны были удерживаться 60 тыс. руб. из разных субсидий, а именно: 20 тыс. руб. из пособия черногорскому правительству и 40 тыс. руб. от суммы в 82 тыс. руб., отпускаемой на черногорскую армию⁴². Однако уже в следующем, 1902 г. по личному указанию Николая II выплата ежегодных 60 тыс. руб. по этой ссуде была переложена на Департамент государственного казначейства⁴³.

Специальным указом императора от 19 апреля 1902 г. общая сумма всех российских субсидий была с 222 тыс. 938 руб. увеличена до 500 тыс. руб.⁴⁴ По смете Главного штаба к выплатам в 82 тыс. руб. (по указу от 24 июня 1895 г.⁴⁵), которые вновь выдавались Черногории в полном объеме на один батальон регулярного войска, была также выделена сумма в 249 тыс. руб. на второй батальон, что составило в целом 331 тыс. руб., или около 1 млн 45 тыс. крон, на военные расходы Княжества⁴⁶. По смете МИД остались выплаты в 100 тыс. руб. (указом от 5 августа 1889 г.) и 20 тыс. руб. (указом от 13 декабря 1869 г.)⁴⁷. По смете министерства народного просвещения — 9 тыс. 375 руб. (по указу от 6 октября 1889 г.) и 2 тыс. 363 руб. (по указу от 8 декабря 1902 г.). По смете Святейшего Синода проходили суммы в 8 тыс. руб. (по указу от 28 февраля 1869 г.) и 750 руб. (по указу от 30 мая 1869 г.)⁴⁸. По смете Департамента государственного казначейства выдавались 28 тыс. 62 руб. (по указу от 19 апреля 1902 г.)⁴⁹. Итого: 499 тыс. 550 руб. Сверх этого по смете Департамента государственного казначейства отчислялись 60 тыс. руб. на погашение ссуды, данной российским Государственным банком Черногории в 1900 г. в размере 750 тыс. руб.⁵⁰

Как значительные денежные вливания, производимые Россией в пользу Черногории в конце 1880-х гг., так и удивительная «податливость» императорского правительства в финансовом вопросе в 1900–1902 гг. были связаны с заключением брачных союзов черно-

41 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152. Л. 99–99об.

42 Там же. Л. 101об.–103об.

43 Там же. Л. 109об.

44 Там же. Л. 113–113об.; Политические и культурные отношения. С. 386.

45 АВПРИ. Л. 109.

46 Там же. Л. 172об.

47 Там же. Л. 109.

48 Там же. Л. 109об.

49 Там же.

50 Там же.

горской династией. В 1889 г. Петровичи-Негоши посредством двух династических браков породнились с Романовыми, а в 1900 г. речь шла о бракосочетании наследного черногорского принца Данилы и принцессы Мекленбург-Стрелицкой Ютты⁵¹. Для этого брака необходимо было еще повысить статус черногорской династии, что и было сделано с одобрения российского императора — Никола Петрович принял титул королевского высочества, приурочив эту акцию к 40-летней годовщине своего правления⁵².

Именно установление родственных связей между правящими домами России и Черногории способствовало, на наш взгляд, такому неудержимому росту денежной помощи⁵³, которая к началу Балканских войн 1912–1913 гг. была близка к 1 млн руб. в год.

Имея в своей основе единую веру и этническую принадлежность, русско-черногорские отношения в XIX веке базировались на политических интересах и прагматизме обеих сторон. Петербург, помимо постоянной традиционной финансовой помощи Черногории, вкладывал средства в обучение и вооружение черногорских войск, чтобы в случае возможной войны с Австро-Венгрией российский Генеральный штаб мог воспользоваться этой армией (что было закреплено Военной конвенцией России и Черногории, подписанной в 1910 г. Численность народного войска Черногории составляла около 36 тыс. человек⁵⁴). Княжество (Королевство) представляло собой барьер проникновению Габсбургской монархии в глубь Балкан — Ново-Пазарский санджак, Старую Сербию и Македонию⁵⁵. Для Цетиния же была очевидной необходимостью иметь сильного и щедрого покровителя для решения

51 Августа Шарлотта Ютта Мекленбург-Стрелицкая (1880–1946) — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, родилась в столице германского герцогства-государства Мекленбург-Стрелиц, г. Нойштрелиц (современная Германия), в семье наследного принца Мекленбург-Стрелицкого Адольфа Фридриха V и его супруги Елизаветы Ангальтской (саксонской принцессы). С 1899 г. — в браке с черногорским наследным принцем Данилой Петровичем-Негошем.

52 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3322 — Принятие князем Николаем титула королевского высочества. Л. 7об.–8.

53 *Хлебникова В. Б.* К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский Дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 281–302.

54 *Хитрова Н. И.* Предисловие к сборнику документов «Н. М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Т. I: Донесения, рапорты, телеграммы, письма, 1902–1915 гг.». Подгорица; М., 2003. С. 22.

55 Там же. С. 15–21.

многочисленных государственных задач и регулярно получать все-стороннюю помощь по главному направлению — модернизации и обучению черногорской армии для расширения территории страны⁵⁶.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Вульфсон Э. С. Черногория и черногорцы. М.: А. С. Панафидина, 1909. 160 с.: илл.

Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903) / приред. Кузмичова Људмила В., Ковачевић Душко М., ред. академик Чедомир Попов. Српска академија наука и уметности (САНУ). Нови Сад: Фелтон, 1996. Књ. 1. 240 с.

Искендеров П. А. Пробуждение «албанского фактора» (1878–1908 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 391–412.

Н. М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Т. I: Донесения, рапорты, телеграммы, письма, 1902–1915 гг. / сост. Н. И. Хитрова, Р. Распопович, Л. И. Цвижба, С. Распопович, Л. П. Колодникова. Подгорица; М.: Sanus, 2003. 800 с.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы / сост. А. П. Бажова, К. К. Миронова, В. М. Хевролина, Н. И. Хитрова; отв. ред. А. Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М.: Наука, 1984. 430 с.

Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг.: Типография императорской Академии наук, 1915. Т. 3. Государственная жизнь (1851–1907). 510 с.

Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М.: Наука, 1978. 455 с.

Хитрова Н. И. Русско-черногорские политические отношения после Берлинского конгресса 1878 г. // Россия и Юго-Восточная Европа / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Кишинев: Штиинца, 1984. С. 149–155.

Хитрова Н. И. Россия и Черногория: русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М.: Институт российской истории РАН, 1993. Ч. 1. 183 с.

Хитрова Н. И. Предисловие к сборнику документов / Н. М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Подгорица; М.: Sanus, 2003. Т. I: Донесения, рапорты, телеграммы, письма, 1902–1915 гг. С. 15–25.

⁵⁶ Там же. С. 23.

Хлебникова В. Б. К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. // Императорский Дом Романовых и Балканы: [сб. ст.] / отв. ред. В. Б. Каширин. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 281–302.

Хлебникова В. Б. Черногория после Берлинского конгресса // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 110–137.

Црногорско-руски односи, 1711–1918. Књ. 1: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека / отв. ред. Јован Р. Бојовић, Ирина С. Достјан. Подгорица; М.: Стручна књига, 1992. 432 с.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (Moscow).

Crnogorsko-ruski odnosi, 1711–1918., red. Jovan R. Bojović, Irina S. Dostjan. Podgorica; Moscow: Stručna knjiga, 1992, knj. 1: Ruski izvori o Crnoj Gori od kraja XVII do sredine XIX vijeka, 432 s.

Godišnji izveštaji ministarstva inostranih dela Ruske imperije o Srbiji i Bosni i Hercegovini (1878–1903), prired. Kuzmičova Ljudmila V., Kovačević Duško M., red. akademik Čedomir Popov. Novi Sad: Srpska akademija nauka i umetnosti (SANU), Feljton, 1996, knj. 1, 240 s.

Hitrova, N. I. “Russko-černogorskie politicheskie otnosheniia posle Berlinskogo kongressa 1878 g.” *Rossiiā i Īugo-Vostochnaiā Evropa*, отв. ред. А. L. Нарочникий. Kishinev: Shtiinca, 1984, s. 149–155.

Hitrova, N. I. “Predislovie k sborniku dokumentov.” *N. M. Potapov: russkii voennyi agent v Chernogorii*. TPodgorica; Moscow: Sanus, 2003, t. I: Doneseniia, raporty, telegrammy, pis'ma, 1902–1915 gg., s. 15–25.

Hitrova, N. I. *Rossiiā i Chernogoriā: russko-černogorskie otnosheniia i obshchestvenno-politicheskoe razvitie Chernogorii v 1878–1908 godah*. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 1993, ch. 1., 183 s.

Hlebnikova, V. B. “Chernogoriia posle Berlinskogo kongressa.” *Istoriā Balkan. Na perelome epoch (1878–1914 gg.)*, отв. ред. К. В. Никифоров. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, s. 110–137.

Hlebnikova, V. B. “K voprosu o meste dinasticheskikh sviazei Rossii i Chernogorii vo vnutrennei i vneshnei politike na rubezhe XIX–XX vv.” *Imperatorskii Dom Romanovyh i Balkany: [sb. st.]*, отв. ред. V. B. Kashirin. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, s. 281–302.

Iskenderov, P. A. “Probuzhdenie «albanskogo faktora» (1878–1908 gg.)” *Istoriā Balkan. Na perelome epoch (1878–1914 gg.)*, отв. ред. К. В. Никифоров. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, s. 391–412.

N. M. Potapov: russkii voennyi agent v Chernogorii, sost. N. I. Hitrova, R. Raspopovich, L. I. Cvizhba, S. Raspopovich, L. P. Kolodnikova. Podgorica; Moscow: Sannus, 2003, t. I: Doneseniia, raporty, telegrammy, pis'ma, 1902–1915 gg. 800 s.

Politicheskie i kul'turnye otnosheniia Rossii s yugoslavianskimi zemliami v XVIII v.: Dokumenty, sost.: A. P. Bazhova, K. K. Mironova, V. M. Hevrolina, N. I. Hitrova; otv. red. A. L. Narochnickii, N. Petrovich. Moscow: Nauka, 1984, 430 s.

Rossiia i nacional'no-osvoboditel'naia bor'ba na Balkanah. 1875–1878. Moscow: Nauka, 1978, 455 s.

Rovinskiĭ, P. A. *Chernogoriia v ee proshlom i nastoiashchem. Gosudarstvennaia zhizn' (1851–1907)*. Ptg.: Tipografiia imperatorskoĭ Akademii nauk, 1915, t. 3, 510 s.

Vul'fson, E. S. *Chernogoriia i chernogorcy*. Moscow: A. S. Panafidina, 1909. 160 s.: ill.

Nataliia G. Strunina-Borodina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

On the Russian financial assistance to Montenegro: From the origins of Russian-Montenegrin relations to the beginning of the 20th century

In 1711, official relations were established between Russia and Montenegro. Since 1715, Russia began to pay a constant financial subsidy to Montenegro. Over the years, its amount was growing, more and more new items of expenditure were added to the main subsidy. Based on documents, we note a special increase in these payments at the period of the Great Eastern Crisis of 1875–1878, during the Montenegrin-Turkish War of 1876–1877 and the Russian-Turkish war of 1877–1878. Because of the latter, the Berlin Treaty was signed, officially securing the independence of Montenegro and its territorial expansion. In the post-war decade, Russia repeatedly provided loans to Montenegro for various needs, including military ones, and helped, almost annually, by sending foodstuffs. In 1889, two dynastic marriages were contracted between the Russian Empire and the Montenegrin principality. Before this, Petersburg had covered all the external debts of the Principality. Since 1895, Russia took upon itself the financing of one battalion of the Montenegrin army, and since 1902 of two battalions with a total cost of 331 thousand rubles. In our opinion, financial “injections” were an important measure of Russian-Montenegrin relations, which can be used to judge the interest of the Russian Empire in Montenegro, as well as the significance of this small Balkan country for the Russian Foreign Ministry’s policy plans. Keywords: *Russian empire, Montenegrin principality (kingdom from 1910), Russian subventions to Montenegro, Nikola Petrovich-Negosh*.

**От Боснийского кризиса до начала Первой мировой:
Российское общество Красного Креста
и подготовка сестер милосердия**

В статье рассматривается проблема пополнения кадров сестер милосердия Российским обществом Красного Креста (далее РОКК, Красный Крест) в 1908–1914 гг. Сестер милосердия необходимо было в случае войны направить в лечебные учреждения военного ведомства и в учреждения Красного Креста. В военном министерстве разрабатывался мобилизационный план, в состав которого входил план развертывания лечебных учреждений. Министерство направляло в главное управление Красного Креста этот план на разных этапах его разработки. РОКК в соответствии с запросом ведомства усилило работу по привлечению новых кадров сестер милосердия. Эта деятельность привела к определенным результатам. Накануне войны имелось то количество сестер, которое требовалось для пополнения лечебных учреждений Красного Креста и военного ведомства. То есть, согласно довоенному плану, в вопросе создания кадров сестер милосердия РОКК было готово к войне. Однако начавшаяся Великая война приобрела широкие масштабы, к чему не были готовы армия, промышленность, медицинская служба. Красный Крест вынужден был спешно открывать новые лечебные учреждения, срочно готовить новые кадры. Порой обязанности сестер милосердия выполняли те, кто не имел необходимого образования.

Ключевые слова: *сестры милосердия, Российское общество Красного Креста, общины сестер милосердия, Первая мировая война, мобилизационный план, военное министерство, военные округа.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.08

Начало Боснийского кризиса 1908–1909 гг.¹ выявило неготовность Российской империи к возможной войне. Последовало назначение но-

¹ В октябре 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Данное событие вызвало недовольство в Сербии и Черногории, а затем привело к международному кризису. Сербия призвала европейские

вого военного министра², под руководством которого проводились различные преобразования, направленные на укрепление боеспособности армии. В том числе в главном управлении Генерального штаба разрабатывался новый мобилизационный план. Данные преобразования привели к ограниченным результатам, что выяснилось при первых неудачах российской армии в Первой мировой войне.

Вопрос о подготовке к войне Российского общества Красного Креста³ является составной частью более общей проблемы готовности России к Первой мировой войне. Именно Красный Крест руководил организацией обучения сестер милосердия, которые в дальнейшем поступали в состав лечебных учреждений военного министерства. РОКК также могло создавать и собственные лечебные учреждения на театре военных действий. Тема подготовки РОКК к Первой мировой войне изучена лишь в общих чертах в работах, посвященных более широкому кругу проблем⁴. Однако работа с архивными материалами позволяет подробнее раскрыть некоторые важные вопросы в рамках этой обширной темы. В данной статье рассматривается один из вопросов, связанных с подготовкой Красного Креста к Первой мировой

державы не признавать аннексию. Германия, поддержав Австро-Венгрию, заставила Россию признать законность случившегося путем ультиматума. См.: *Никифоров К. В.* Боснийский кризис 1908–1909 // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1879571 (дата обращения: 24.01.2020).

2 Сухомлинов В. А. (1848–1926), государственный и военный деятель. Во главе военного министерства состоял 11 марта 1909 — 12 июня 1915 г. См.: *Нестёркин В. Д.* Сухомлинов // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4175286 (дата обращения: 27.01.2020).

3 Российское общество Красного Креста (первоначально «Общество помощи больным и раненым воинам») было создано в 1867 г. после присоединения Российской империи к Женевской конвенции 1864 г. Основной целью Общества являлось оказание помощи войскам во время военных действий.

4 Подробнее см.: *Беляева М. В.* Российское общество Красного Креста в истории России 1867–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002; *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Оксенюк Е. В.* Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX в. (1903–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

войне. Конкретно, ставится цель выяснить, была ли проведена работа по подготовке необходимого количества сестер милосердия.

Важно отметить, что подготовка сестер велась в соответствии с запросами военного министерства. Среди архивных материалов была найдена ранее не изученная исследователями секретная переписка главного военно-санитарного управления (до 22 декабря 1909 г. главное военно-медицинское управление) военного министерства и главного управления Красного Креста. Военно-санитарное управление составляло мобилизационный план лечебных учреждений и в связи с этим отправляло «наряды» (т. е. планы, какое количество сестер необходимо этим заведениям)⁵. Изучение журналов заседаний главного управления Красного Креста⁶, состоящей при нем мобилизационной комиссии⁷, отчетов о проведении курсов сестер милосердия⁸ и нормативных документов РОКК⁹ позволяет проследить, как руководство Российского общества Красного Креста реагировало на запросы военного министерства и как готовилось к выполнению мобилизационного плана. Проследить, как были осуществлены планы РОКК в ходе войны, позволяют материалы делопроизводства Красного Креста и Всероссийского союза городов¹⁰.

5 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Переписка с главным военно-санитарным управлением о назначении сестер милосердия в военно-лечебные заведения при мобилизации.

6 Там же. Оп. 1. Д. 1059, 1094, 1096. Журналы заседаний главного управления РОКК.

7 Там же. Оп. 3. Д. 347. Заключение мобилизационной комиссии о передовых отрядах Красного Креста. Доклад мобилизационному совету о деятельности курсов запасных сестер милосердия Красного Креста военного времени. 4 января 1914 — 9 июля 1914 года; Там же. Д. 348. Доклады главному управлению об открытии больницы и амбулатории в Монголии, о формировании и командировании врачебно-санитарных отрядов в Персию, об организации курсов для подготовки старших сестер милосердия и т. д. 9 января 1914 — 10 июля 1914 года.

8 Там же. Д. 327. Отчеты и сведения о деятельности курсов запасных сестер милосердия, организованных при разных общинах. Сентябрь — декабрь 1913 года.

9 Там же. Оп. 1. Д. 1040. Сборник законоположений РОКК, уставы, положения, правила и формы отчетности и пр.

10 Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 1777. Оп. 1. Д. 52. Тбилисский городской комитет Всероссийского союза городов. 1914–1918; РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Журналы заседаний главного управления РОКК.

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно работы по подготовке необходимого количества сестер милосердия перед войной, следует кратко описать те факторы, которые ограничивали пополнение кадров.

Российское общество Красного Креста являлось единственной в Российской империи организацией, которая в начале XX в. проводила подготовку сестер милосердия. В уставе организации обеспечение военно-санитарных учреждений сестрами милосердия выделялось в качестве одной из основных задач РОКК. При этом важно учесть, что звание сестры милосердия — это не только свидетельство того, что его носительница получила медицинское образование. В дореволюционной России данное звание накладывало немалые обязательства на его носительницу. Те требования, которым должны были отвечать сестры милосердия, отчасти препятствовали привлечению новых кадров.

Курсы на звание сестры милосердия проходили в общинах Российского общества Красного Креста¹¹. В мирное время на получение такого образования и вступление в общину могли претендовать незамужние и вдовы всех сословий от 18 до 40 лет, христианского вероисповедания, «вполне здоровые и грамотные»¹². Немало претенденток на звание сестер милосердия «отсеивалось» во время обучения¹³.

Сестры милосердия, получившие два года теоретической и практической подготовки¹⁴ и успешно сдавшие выпускные экзамены, принимались в общину, находились на ее обеспечении и служили по «распределению» в медицинских учреждениях (военные госпитали, частные лечебные учреждения и проч.). Жалованье за труд сестер в мирное

11 Накануне Первой мировой войны в России действовала 121 община сестер милосердия. См.: Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. М., 2019. С. 176.

12 Нормальный устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста, утв. 13 мая 1903 г. Казань, 1912. С. 28.

13 Так, в 1911 году из 316 поступивших на годичные курсы сестер милосердия звания были удостоены 139 сестер (по другим сведениям 133 или 149 запасных сестер милосердия); в 1912 году из 1785 поступивших окончило годовые курсы и было удостоено звания запасной сестры Красного Креста военного времени 722 человека.

14 Действующая в начале XX века программа подготовительного курса для сестер милосердия Российского общества Красного Креста была утверждена главным управлением 8 октября 1896 года. См.: РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1059. Л. 77.

время поступало в кассу общины и тратилось на ее текущие расходы¹⁵. Этим сестер, которые жили при общинах, называли «кадровыми» (данная категория особенно высоко ценилась в военное время¹⁶).

Остальные сестры, которым не подходил особый уклад жизни в общине, возвращались «в мир», переходя во вторую категорию — «запасных» сестер милосердия Красного Креста. В случае войны они должны были приступить к своим обязанностям. Подобные обязательства сестер, а также в целом положение женщин в обществе ограничивали круг тех лиц, кто был готов нести бремя сестры милосердия.

После Русско-японской войны в главном управлении Красного Креста был поднят вопрос о необходимости создания значительного резерва сестер, который можно было бы использовать в том случае, если Россия вновь станет участником войны. В связи с этим необходимо было изыскать способы привлечения новых кадров. Исходя из опыта последней войны, руководство Красного Креста решило не делать ставку на возможность увеличения численности кадров во время войны за счет ускоренных курсов: по свидетельству современников, шестинедельная подготовка сестер во время японской кампании не принесла очевидных положительных результатов¹⁷.

Одновременно главное управление Красного Креста, председателем которого в то время был А. А. Ильин¹⁸, пришло к выводу о необходимости составления мобилизационного плана Общества, в котором были бы указаны имеющиеся ресурсы РОКК и их назначение в случае войны. Важным толчком к активизации подготовки новых сестер милосердия стали секретные письма из военного ведомства, которое заинтересовалось кадровыми возможностями Красного Креста.

15 Нормальный устав общин... С. 28.

16 Так, например, в своих воспоминаниях сестра милосердия военного времени Александра Львовна Толстая писала, что во время Первой мировой войны ее, окончившую краткие курсы военного времени, приняли в 7-й передовой отряд Земского союза лишь «по протекции», так как «туда принимали только кадровых краснокрестных сестер»: *Толстая А. Л., Розанова С. А. Дочь (Воспоминания)*. М., 2000. С. 230.

17 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 17.

18 Ильин Алексей Алексеевич (1857–1942), картограф, нумизмат и музейный деятель, гофмейстер (1911), предприниматель, член-корреспондент АН СССР (1928). В 1909 году стал председателем главного управления Российского общества Красного Креста. См.: *Калинин В. А. Ильин* // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2005213 (дата обращения: 24.01.2020).

Показательно, что первый запрос об имеющемся количестве сестер милосердия пришел в главное управление Красного Креста почти одновременно с началом Боснийского кризиса — 29 октября 1908 г. Военное ведомство, не исключавшее возможность неблагоприятного развития последних международных событий, решило выяснить, может ли оно рассчитывать на указанное в «наряде» количество кадров¹⁹.

Всего в случае мобилизации в военно-санитарные учреждения требовалось 4320 сестер милосердия, из них в учреждения, мобилизующиеся в первую очередь²⁰, — 1471 (около 34%), и в учреждения, мобилизующиеся во вторую очередь²¹ — 2849 сестер (около 66%) соответственно (см. Приложение № 1)²².

Из Красного Креста лишь 29 апреля 1909 г. пришел ответ с приложением — списком общин Красного Креста и указанием количества сестер в них, запасных и обучающихся на курсах по состоянию на 1 июля 1908 г. (см. Приложение № 2). Оказалось, что при единовременной мобилизации всех военных округов общины Красного Креста смогут направить из своего состава «не более одной трети всего количества сестер, необходимого для пополнения военных лечебных заведений, мобилизующихся в первую очередь». Согласно ведомости, при общинах состояло 2114 сестер милосердия, запасными числились 568 человек, обучение проходило 870 человек. И при этом часть из этих сестер должна была поступить в состав лечебных учреждений Красного Креста. В главном управлении заверили, что Красный Крест разрабатывает вопрос «о наиболее правильной и рациональной системе образования запаса сестер милосердия» и планирует подготовить сестер милосердия в таком количестве, которое было бы необходимо в случае войны для пополнения военных госпиталей и лечебных заведений РОКК²³.

Со временем мобилизационные планы военного министерства поменялись. В 1910 г. под руководством В. А. Сухомлинова был разработан новый мобилизационный план, который предполагал мобилизацию меньшего количества военных (это было сделано после новых подсчетов во избежание некомплекта подразделений армии) и перераспределение войск по территориальному принципу, что должно было со-

19 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 4–4об.

20 То есть не позднее 15-го дня с объявления мобилизации.

21 То есть не позднее 25-го дня с объявления мобилизации.

22 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 5.

23 Там же. Л. 7–7об.

кратить сроки мобилизации²⁴. Главное военно-санитарное управление 11 октября 1910 г. в письме оповестило руководство Красного Креста о введении нового мобилизационного расписания, прислав новый наряд на сестер милосердия²⁵. По новым требованиям в сравнении с нарядом от 29 октября 1908 г. в учреждения военного ведомства следовало направить немного меньше сестер милосердия — 4062 сестры за две мобилизационные очереди (вместо 4320 сестер милосердия). Из них в первую очередь 3150 человек (примерно 77,5%) и во вторую очередь — 912 сестер (примерно 22,5% от общего количества соответственно). Таким образом, в новом плане резко изменилось соотношение требуемого персонала в первую и вторую очереди²⁶. Если по расписанию 1908 г. в первую очередь по всем округам требовалась примерно 1/3 штата, то по расписанию 1910 г. в первую очередь предполагалось мобилизовать почти уже 77,5% (см. Приложение № 3).

Приходившие из военного министерства наряды убедили руководство Красного Креста в необходимости искать новые способы привлечения слушательниц на курсы сестер милосердия. Заручившись поддержкой ведомства православного исповедания, главное управление распорядилось о проведении курсов запасных сестер для послушниц и монахинь. Затем в 1911 г. даже появляется новая категория сестер милосердия — запасных военного времени с годичной подготовкой. Получение звания сестры милосердия по новой категории не предполагало, что в мирное время его носительница должна жить в общине. На курсы запасных военного времени могли поступить те, кому ранее был закрыт доступ на курсы сестер. И замужние, и уже имеющие основную работу могли окончить курсы и получить звание сестры милосердия военного времени. Это обязывало их поступить в распоряжение РОКК лишь в случае войны. В том же году пять общин (Кауфманская, Московская Иверская, Киевская, Читинская и Верхнеудинская) провели курсы запасных сестер по годичному курсу обучения, которые успешно окончили 139 сестер из 316 поступивших (по другим данным, курсы проходили при четырех общинах и выпустили 133 или 149 запасных сестер милосердия²⁷).

24 Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. М., 1926. С. 113–121.

25 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 14–14об.

26 Это было связано с тем, что по новому мобилизационному плану удалось сократить сроки мобилизации.

27 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1040. Л. 106.

Одновременно в военном министерстве велась работа по редактированию имевшегося мобилизационного плана²⁸. 11 апреля 1912 г. из главного военно-санитарного ведомства вновь поступила бумага с новым нарядом на сестер милосердия (см. Приложение № 4)²⁹. В этот раз уже требовалось 3827 сестер, однако из них 3323 (примерно 87% от общего количества) должны были явиться в учреждения первой мобилизационной очереди и 504 сестры (примерно 13%) во вторую.

Главное управление Красного Креста вновь медлило с ответом, 1 мая 1912 г. сообщив, что послало запрос общинам³⁰. Между тем планы военного министерства снова поменялись, и 30 октября 1912 г. главное военно-санитарное управление составило очередной наряд. Общее количество необходимых в учреждениях ведомства сестер милосердия оставалось прежним (3827 человек), но изменилось соотношение требуемого количества по очередям: на этот раз 2243 (примерно 59%) сестер в первую очередь и 1584 сестры (примерно 41%) во вторую (см. Приложение № 5)³¹.

Руководство РОКК собрало информацию от общин только к ноябрю 1912 г. и установило, что Красный Крест всё еще не располагает таким количеством кадров сестер милосердия, которое являлось бы достаточным для пополнения учреждений и военного ведомства в случае мобилизации. В заседании главного управления Красного Креста обсуждалась проблема нехватки персонала, и было отмечено, что общее количество сестер милосердия не может потребоваться одновременно, так как не могут быть мобилизованы одновременно все военные округа. Поэтому Красный Крест 20 ноября 1912 г. предложил военному ведомству составить расписание для командирования сестер милосердия в военно-лечебные заведения при одновременной мобилизации европейских Санкт-Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов³².

28 На основе мобилизационного расписания от 1910 г. был разработан и утвержден 1 мая 1912 г. проект стратегического развертывания. На основе этого проекта русские армии были развернуты в начале Первой мировой войны. См.: *Зайончковский А. М.* Подготовка России... С. 275.

29 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 25–25об.

30 Там же. Л. 31.

31 Там же. Л. 36–36об.

32 Данное мнение совпадает с позицией разработчиков мобилизационного плана от 1910 г., согласно которому наиболее вероятна война с Германией и Австро-Венгрией.

В таком случае, согласно расчетам РОКК, в военно-врачебные учреждения понадобилось бы отправить 2756 сестер (в первую очередь 1402, во вторую — 1354), а в краснокрестные учреждения первой очереди 1192 сестры. Всего в первую мобилизационную очередь потребовалось бы то количество кадров (2594 сестры), которое уже имелось на тот момент (ноябрь 1912 г.) в общинах РОКК Красного Креста. В военно-лечебные учреждения второй очереди и в резерв РОКК имевшегося штата не хватало, и руководство Красного Креста решило с началом войны организовать краткосрочные шестинедельные курсы. Основываясь на таких расчетах, 22 декабря 1912 г. главное управление РОКК сообщило в военное ведомство, что мобилизационный наряд по комплектованию лечебных учреждений военного ведомства будет выполнен³³.

Видимо, после этого военное министерство сообщило на места, что мобилизационный план по комплектованию сестрами милосердия военно-лечебных заведений будет выполнен. Именно после заявления Красного Креста о готовности выполнить мобилизационный план и отправить в учреждения военного ведомства необходимое количество сестер милосердия в главное управление РОКК из военных округов стали поступать просьбы прислать пофамильные списки сестер, которые в случае мобилизации будут присланы в военные учреждения. На это главное управление Красного Креста сообщило, что не имеет возможности присылать пофамильные перечни³⁴.

Руководство РОКК осознавало необходимость продолжать привлекать новые кадры. В 1912–1913 учебном году курсы запасных сестер военного времени были организованы уже при 38 общинах, по итогам экзаменов звание сестры милосердия получили 722 человека³⁵. В 1913–1914 учебном году курсы были открыты при 43 общинах³⁶.

В главном военно-санитарном управлении продолжалась работа по составлению мобилизационного плана. 9 февраля 1913 г. в главное управление Российского общества Красного Креста пришел наряд сестер милосердия в военно-врачебные заведения Кавказского и Сибирских округов, а также в военно-врачебные заведения Казанского и Московского округов, формируемые при мобилизации Сибирских

33 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 37–41, 45–51.

34 Там же. Л. 20, 21, 22, 55.

35 Там же. Д. 348. Л. 140–141.

36 Там же. Д. 347. Л. 107–112.

округов (см. Приложение № 6). В эти округа требовалось 1187 сестер милосердия, из них 718 в первую очередь и 469 во вторую³⁷.

Еще один вопрос, который решался в ходе переписки главного военно-санитарного управления и главного управления РОКК, касается комплектования сестрами милосердия эвакуационных комиссий, на которых проходил осмотр эвакуируемых раненых и больных воинских чинов. По просьбе военного ведомства в письме от 25 января 1914 г. Красный Крест должен был выделить 297 сестер милосердия в состав комиссий³⁸.

В начале 1914 г. в мобилизационной комиссии Красного Креста обсуждался вопрос о введении курсов старших сестер милосердия. Старшие прежде назначались из числа наиболее опытных сестер, но так как появилось большое количество новых запасных кадров, важно было провести специальную подготовку старших сестер милосердия³⁹. Руководство РОКК запланировало проведение таких курсов в 1914–1915 учебном году, однако начавшаяся война прервала эти планы⁴⁰.

Незадолго до начала Первой мировой главное управление РОКК направило в общины сестер милосердия измененный мобилизационный наряд, перераспределив направления некоторых сестер. В архивном деле сохранилась недатированная ведомость всех общин сестер милосердия с указанием количества сестер милосердия в них, также указывается, сколько сестер должно быть отправлено в лечебные учреждения военного ведомства первой и второй очереди и в учреждения Красного Креста. Есть все основания считать, что она составлена именно накануне войны⁴¹.

37 Там же. Д. 268. Л. 63–66.

38 Там же. Л. 68.

39 Там же. Д. 347. Л. 24–24об., 88(а)–88(а)об., 90–90об.

40 Там же. Оп. 1. Д. 1096. Л. 66об.

41 В данной ведомости сестры милосердия Тифлисской Надеждинской общины назначены в лечебные учреждения военного ведомства второй очереди (до этого они были предназначены для учреждений РОКК). Этот наряд упоминает главноуполномоченный Кавказского фронта в телеграмме от 6 ноября 1914 г., сообщая, что по последнему наряду 60 сестер милосердия Надеждинской общины были отправлены на западный фронт: «Полученное Тифлисской Надеждинской общиной формирование госпиталей и подвижного лазарета по мобилизационными нарядам 11, 13а, 13б и 15 отменено распоряжением главного управления от 15 июля 1914 г. № 128, уничтожившим помянутые наряды, замененные

На последней довоенной ведомости есть пометки карандашом — данные и расчеты, в которых также приведено общее количество сестер милосердия, которое имелось в распоряжении РОКК. Так, для учреждений военного ведомства первой очереди Красный Крест должен был предоставить 1402 сестер милосердия, для учреждений второй очереди — 1370 сестер, для эвакуационных комитетов — 54 сестры, для собственных лечебных учреждений военного времени требовалось 1228 сестер милосердия (в том числе 20 сестер в штат передовых отрядов). Еще 200 сестер милосердия предполагалось оставить в резерве РОКК. Всего же нужно было 4 254 сестер милосердия. Рядом на листе подписано, что в распоряжении РОКК имеется 4139 сестер милосердия и не хватает 115 сестер (при условии наличия резерва в 200 человек)⁴². Именно по этому плану были мобилизованы сестры милосердия с началом Первой мировой войны.

Таким образом, на основе данного исследования есть основания утверждать, что Российское общество Красного Креста в 1908–1914 гг. провело успешную работу по подготовке сестер милосердия. В этой связи интересно, что Красный Крест действовал в соответствии с запросом военного министерства. То есть, формально являясь общественной организацией, РОКК должно было ориентироваться на требования государства в вопросе подготовки к войне.

Начавшаяся на фоне Боснийского кризиса в 1908 г. секретная переписка главного военно-санитарного ведомства с главным управлением Красного Креста повлияла на деятельность РОКК по подготовке сестер милосердия. Руководство Красного Креста, получив запрос от военного министерства, опросило общины сестер милосердия и выяснило, что имеющееся количество сестер милосердия в случае войны не будет достаточным. Чтобы решить эту проблему, главное управление нашло способы привлечения новых слушательниц на курсы, в том числе была создана новая категория сестер милосердия военного времени, по новым правилам проводились годичные (вместо двух лет) курсы. Предпринятые меры позволили получить накануне войны необходимое количество кадров сестер милосердия для учреждений военного ведомства и собственных лечебных учреждений (при этом состав резерва был меньше нормы). Проект специальной подготовки старших сестер милосердия реализовать не удалось. После того как началась война,

нарядом № 14, согласно которому выслано 60 сестер на западный фронт». См.: РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1099. Л. 48об.

42 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1096. Л. 98–99.

Российское общество Красного Креста выполнило свое обязательство перед военным министерством, отправив необходимое количество сестер милосердия в лечебные учреждения ведомства.

Однако вскоре выяснилось, что подготовленных в мирное время силами Красного Креста ресурсов не хватало в условиях неожиданных масштабов новой войны. Были организованы срочные двухмесячные курсы. Многие частные благотворительные учреждения, учреждения Земского союза и Союза городов вынуждены были принимать на службу по уходу за ранеными так называемых «добровольцев», не имеющих звания сестер милосердия⁴³. При этом число сестер милосердия быстро увеличивалось. Так, во время общего собрания РОКК 26 июня 1916 г. было заявлено, что всего на тот момент количество сестер милосердия достигло 15 325 человек⁴⁴.

Приложения

*1. Ведомость потребности военно-санитарных учреждений в сестрах милосердия в военное время. По состоянию на 29 октября 1908 г.*⁴⁵

Название округов	Требуется сестер милосердия		
	В учреждения, мобилизующиеся в первую очередь	В учреждения, мобилизующиеся во вторую очередь	Всего
Варшавский	328	320	648
Виленский	133	268	401
Киевский	156	367	523
Одесский	74	218	292
Петербургский	97	156	253
Московский	179	440	619
Казанский	56	224	280
Кавказский	96	322	418
Туркестанский	58	95	153
Омский	16	56	72
Иркутский	80	150	230
Приамурский	198	233	431
Всего	1 471	2 849	4 320

43 ЦИАГ. Ф. 1777. Оп. 1. Д. 52. Л. 61–62об.

44 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1178. Л. 318об.

45 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 5.

2. *Количество сестер милосердия по военным округам (по состоянию к 1 июля 1908 г.). Составлено по «Списку общин сестер милосердия и других отделов Российского Общества Красного Креста, при которых имеется женский санитарный персонал общества Красного Креста»*⁴⁶.

Округ	Сестер милосердия	Испытуемых	Запасных сестер
Варшавский	142	33	
Виленский	134	60	6
Киевский	196	39	60
Одесский	206	93	70
Санкт-Петербургский	578	308	85
Московский	346	122	172
Казанский	184	75	136
Кавказский	171	53	14
Туркестанский	23	26	
Омский	21	22	20
Иркутский	43	29	5
Приамурский	70	10	
Всего	2 114	870	568

3. *Ведомость потребности учреждений военно-санитарного ведомства в сестрах милосердия в военное время. На 11 октября 1910 г.*⁴⁷

Название округов	Требуется сестер милосердия		
	В учреждения, мобилизующиеся в первую очередь	В учреждения, мобилизующиеся во вторую очередь	Всего
Варшавский	48	216	264
Виленский	826	116	942
Киевский	370	42	412
Одесский	186	18	204
Петербургский	243	42	285
Московский	580	24	604
Казанский	175	64	293
Кавказский	216	86	302

⁴⁶ Там же. Л. 8–10 об.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 14–14об.

Туркестанский	142	38	180
Омский	54	12	66
Иркутский	161	98	259
Приамурский	149	156	305
Всего	3 150	912	4 062

4. Ведомость потребности в сестрах милосердия в военное время.
На 11 апреля 1912 г.⁴⁸

Пункты назначения сестер	Название округов	Требуется сестер милосердия		
		В учрежде- ния, мобили- зующиеся в первую оче- редь	В учрежде- ния, мобили- зующиеся во вторую очередь	Всего
Петербург	Петербургский	188	36	260
Выборг		18	2	
Свеаборг		16	—	
Брест-Литовск	Варшавский	144	6	352
Варшава		184	18	
Двинск	Виленский	240	12	584
Ковно		298	34	
Киев	Киевский	256	42	346
Харьков		20	28	
Кременчуг	Одесский	208	12	270
Севастополь		18	—	
Одесса		14	18	
Москва	Московский	414	30	676
Воронеж		232	—	
Казань	Казанский	228	26	268
Оренбург		4	10	
Тифлис	Кавказский	188	28	322
Карс		64	24	
Ростов-на-Дону		6	12	
Ташкент	Туркестанский	50	20	118
Асхабад		34	14	
Омск	Омский	52	14	66

48 Там же. Л. 25–25об.

Иркутск	Иркутский	90	48	246
Чита		56	52	
Хабаровск	Приамурский	139	10	319
Николаевск		16	—	
Владивосток		146	8	
	Всего	3 323	504	3 827

5. Ведомость потребности в сестрах милосердия в военное время.
На 30 октября 1912 г.⁴⁹

Пункты назначения сестер	Название округов	Требуется сестер милосердия		
		В учреждения, мобилизующиеся в первую очередь	В учреждения, мобилизующиеся во вторую очередь	Всего
Петербург	Петербургский	108	116	260
Выборг		18	2	
Свеаборг		16	—	
Брест-Литовск	Варшавский	144	6	352
Варшава		184	18	
Двинск	Виленский	80	172	584
Ковно		218	114	
Киев	Киевский	136	162	346
Харьков		20	28	
Кременчуг	Одесский	88	132	270
Севастополь		18	—	
Одесса		14	18	
Москва	Московский	214	230	676
Воронеж		72	160	
Казань	Казанский	68	186	268
Оренбург		4	10	
Тифлис	Кавказский	188	28	322
Карс		64	24	
Ростов-на-Дону		6	12	
Ташкент	Туркестанский	50	20	118
Асхабад		34	14	
Омск	Омский	52	14	66

49 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 36–36об.

Иркутск	Иркутский	90	48	246
Чита		56	52	
Хабаровск	Приамурский	139	10	319
Николаевск		16	—	
Владивосток		146	8	
	Всего	2 243	1 584	3 827

6. Наряд сестер милосердия в военно-врачебные заведения Кавказского и Сибирских округов, формируемых в первую и вторую очереди, а также в военно-врачебные заведения Казанского и Московского округов, формируемых при мобилизации Сибирских округов⁵⁰. От 9 февраля 1913 г.⁵¹

Военный округ	Необходимое число сестер милосердия		В том числе старших	
	1-я очередь	2-я очередь	1-я очередь	2-я очередь
Кавказский	130	192	27	45
Туркестанский	84	34	21	7
Омский	36	30	9	7
Иркутский	106	60	27	14
Приамурский	222	97	38	22
Московский	84	40	21	6
Казанский	56	16	14	3
Всего	718	469		

Источники и литература

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ).

Беляева М. В. Российское общество Красного Креста в истории России 1867–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002.

⁵⁰ Таблица представлена в сокращенном варианте. В оригинале указаны все пункты формирования военно-лечебных заведений. В данном варианте представлены только военные округа.

⁵¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 268. Л. 63–64.

Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне (планы войны). М.: Воениздат, 1926. 440 с.

Калинин В. А. Ильин // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2005213 (дата обращения: 24.01.2020).

Нестёркин В. Д. Сухомлинов // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4175286 (дата обращения: 27.01.2020).

Никифоров К. В. Боснийский кризис 1908–1909 // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1879571 (дата обращения: 24.01.2020).

Нормальный устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста, утв. 13 мая 1903 г. Казань, 1912.

Общины сестер милосердия Российской империи в 1844–1917 гг.: Энциклопедический справочник / под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. М.: Изд. ПСТГУ, 2019. 608 с.

Оксенюк Е. В. Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX в. (1903–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Толстая А. Л., Розанова С. А. Дочь (Воспоминания). М.: ВАГРИУС, 2000. 571 с.

Чистяков О. В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (Moscow).

Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii (Tbilisi).

Beliaeva, M. V. *Rossiiskoe Obshchestvo Krasnogo Kresta v istorii Rossii 1867–1921 gg.*: dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol', 2002.

Chistiakov, O. V. *Organizatsionnoe ustroistvo i deiatel'nost' Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2009.

Kalinin, V. A. “Il'in.” *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2005213 (accessed: 24.01.2020).

Nestyorkin, V. D. “Sukhomlinov.” *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/4175286 (accessed: 27.01.2020).

Nikiforov, K. V. “Bosniiskii krizis 1908–1909.” *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1879571 (accessed: 24.01.2020).

Normal'nyi ustav obshchin sester miloserdii Rossiiskogo Obshchestva Krasnogo Kresta utv. 13 maia 1903 g. Kazan', 1912.

Obshchiny sester miloserdii Rossiiskoi imperii v 1844–1917 gg.: Entsiklopedicheskii spravochnik / pod obshch. red. sviashch. A. V. Posternaka. Moscow: PSTGU publisher, 2019, 608 p.

Okseniuk, E. V. *Deiatel'nost' Rossiiskogo Obshchestva Krasnogo Kresta v nachale XX v. (1903–1914 gg.): dis. ... kand. ist. nauk.* Moscow, 2012.

Tolstaia, A. L.; Rozanova, S. A. *Doch' (Vospominaniia).* Moscow: VAGRIUS, 2000, 571 p.

Zaionchkovskii, A. M. *Podgotovka Rossii k mirovoi voine (plany voiny).* Moscow: Voenizdat, 1926, 440 p.

Elizaveta E. Polianskaia

The State Historical Museum (Moscow, Russia)

The Russian Red Cross Society and staff replenishment
of sisters of mercy on the eve of the First World War (1908–1914)

This article deals with the problem of recruiting sisters of mercy by the Russian Red Cross Society (also RRCS, Red Cross) in 1908–1914s. In case of war, Red Cross had to send sisters of mercy to its own institutions

and to medical institutions of the military Department. The war ministry was developing a mobilization plan, which included a plan for the deployment of medical facilities. The ministry sent this plan to the administration of the Red Cross. In accordance with the request of the ministry, the RRCS strengthened its efforts to attract new staff of sisters of mercy. This activity led to certain results. On the eve of the war, there was a number of sisters of mercy that were required to replenish the medical institutions of the Red Cross and the military Department. That means that according to the pre-war plan, in the matter of creating a cadre of sisters of mercy, the RRCS was ready for the war. However, the Great War took on a wide scale, a situation which the army, the industry, and the medical service were not prepared for. The Russian Red Cross Society was forced to quickly open new medical institutions and to urgently train new personnel. Sometimes the duties of nurses were performed by those who did not have the necessary education.

Keywords: *sisters of mercy, the Russian Red Cross Society, community of sisters of mercy, the First World War, mobilization plan, ministry of war, military districts.*

Из эпистолярного наследия редакторов журнала «Украинская жизнь» (1912–1917)

В статье дан обзор писем редакторов журнала «Украинская жизнь» А. Ф. Саликовского и С. В. Петлюры, хранящихся в Архиве Российской академии наук (РАН) и федеральных архивах. Письма содержат сведения о деятельности редакции журнала, сотрудничестве с редакторами московского журнала «Голос минувшего» и газеты «Русские ведомости», редакторской деятельности А. Ф. Саликовского до переезда в Москву. Особый интерес представляют письма, адресованные академику В. И. Вернадскому, академику Ф. Е. Коршу, «другу украинцев», сотрудничавшему с редакцией, П. Н. Милюкову, председателю фракции партии «Народная свобода» Государственной Думы. В статье использованы как опубликованные, так и неопубликованные письма за 1908, 1910, 1912–1915 гг. Публикация вводит в научный оборот новые документальные источники о деятельности редакторов «Украинской жизни» и может представлять интерес для историков, исследователей биографии А. Ф. Саликовского и С. В. Петлюры.

Ключевые слова: *Архив РАН, федеральные архивы, журнал «Украинская жизнь», эпистолярный, документальный источник.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.09

«Украинская жизнь» — ежемесячный научно-популярный, общественно-политический и литературно-критический журнал, который издавался на русском языке в Москве в 1912–1917 гг. Идея создания этого издания возникла среди членов Украинской секции Общества славянской культуры¹. Примером послужил украинский ежемесячник «Ukrainische Rundschau», издававшийся в Вене².

Редакторами и соредакторами журнала «Украинская жизнь» были

1 Отчет Украинской секции при Обществе славянской культуры за 1911 год // Известия Общества славянской культуры. 1912. Т. 1. Кн. 2. С. 94.

2 Наши задачи (от редакции) // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 8.

Александр Фомич Саликовский³ (1912, 1915–1917) и Симон Васильевич Петлюра⁴ (1912–1915), редактором-издателем — Яков Андроникович Шеремецинский (1912–1917).

Задачи журнала «Украинская жизнь» были сформулированы в первом номере издания: «ознакомление русского общества и русской прессы с национальными интересами малорусского племени, с культурой украинского народа в ее прошлом и настоящем, с украинской литературой, искусством и наукой, с современным состоянием украинского национального движения, с существующими в нем течениями, с очередными его запросами, чаяниями и надеждами»⁵.

Во втором номере «Украинской жизни» в статье «Больной вопрос»⁶ по инициативе Саликовского была опубликована анкета с целью выяснения отношения российского общества к украинскому национальному движению. Кроме того, редакция рассылала письма представителям

3 Саликовский Александр Фомич (1866–1925) — украинский общественно-политический и государственный деятель, журналист, публицист. Родился в семье священника. Образование получил в Шаргородской духовной школе и Каменец-Подольской духовной семинарии. Работал сельским учителем, советником Подольского губернского земства. В 1904–1906 гг. был редактором газеты «Киевские отклики». На протяжении 1906–1907 гг. издавал газету «Киевский голос». В 1910 г. переехал в Москву. С 1913 по 1915 г. проживал в Ростове-на-Дону, где редактировал газету «Приазовский край». Во времена Директории работал в Министерстве внутренних дел, редактировал газету «Трибуна» (1918–1919), сотрудничал в «Літературно-науковому віснику», «Новій Раді», «Промені», «Нашому минулому», издавал неперіодический сборник «Нова Україна». Умер в Праге в 1925 г.

4 Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — украинский государственный, военный и политический деятель, публицист, организатор украинских вооруженных сил, член Генерального секретариата Украинской Центральной Рады, Главный атаман войск Украинской Народной Республики (УНР), председатель Директории УНР. Родился в бедной многодетной семье. Учился в Полтавской духовной семинарии. В 1906 г. редактировал в Петербурге газету «Вільна Україна», с июля 1906 г. — секретарь киевского ежедневника «Рада»; в 1907–1908 гг. — соредaktor журнала «Слово». В 1908–1910 гг. жил в Петербурге, в начале 1911 г. переехал в Москву. Убит в Париже 25 апреля 1926 г.

5 Наши задачи (от редакции) // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 9.

6 Саликовский А. Больной вопрос (Несколько мыслей об украинской идее и русской интеллигенции) // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 22–31.

российских политических партий, историкам, писателям, журналистам с просьбой ответить на вопросы анкеты. Часть писем сохранилась в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)⁷ и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)⁸. Письма адресованы П. Н. Милюкову, члену Государственной Думы, председателю фракции партии «Народная свобода» (кадеты); П. А. Кропоткину, историку, теоретику анархизма, публицисту; В. Г. Короленко, писателю, журналисту; В. Я. Богучарскому (Яковлеву), писателю, общественному и политическому деятелю. К письму редакция прикладывала февральский номер журнала за 1912 г. и изготовленный типографским способом на редакционном бланке текст: «М[илоственный] Г[осударь]! В случае Вашего желания ближе ознакомиться с современным состоянием украинского вопроса и текущими нуждами украинской жизни, просим заявить редакции о дальнейшей высылке Вам журнала, и оно будет производиться бесплатно. Редакция»⁹.

В Архиве Российской академии наук (РАН) и ГАРФ хранится статья В. И. Вернадского¹⁰ «Украинский вопрос и русское общество»¹¹, которая, по предположению составителей сборника статей ученого, возможно, была написана им в связи с анкетой, распространенной журналом «Украинская жизнь» в 1912 г.¹²

Среди корреспонденции редакции особый интерес представляют письма, адресованные академику Ф. Е. Коршу¹³, председателю Обще-

7 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 1936. Л. 1, 2; Ф. 1129. Оп. 2. Д. 391. Л. 1, 1об.; Ф. 63. Оп. 50. Д. 106 (1912 год). Л. 3.

8 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1696. Оп. 1. Ед. хр. 155.

9 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1936. Л. 3.

10 Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — ученый-естествоиспытатель, химик, минералог и кристаллограф, мыслитель и общественный деятель, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1912) и АН СССР, академик АН УССР (с 1919) и ее первый президент (1919–1921).

11 ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Подлинник. Копия: РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 2206. Опул.: *Вернадский В. И.* Украинский вопрос и русское общество // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 212–218.

12 См. примеч. к ст.: *Вернадский В. И.* Украинский вопрос и русское общество // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 219.

13 Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) — русский филолог, славист, востоковед, поэт-переводчик, академик Императорской Санкт-

ства славянской культуры, участнику заседаний Украинской секции Общества славянской культуры, активно сотрудничавшему с редакцией журнала «Украинская жизнь». По содержанию опубликованного письма А. Ф. Саликовского, написанного 1 февраля 1912 г. Ф. Е. Коршу, определяется дата выхода первого номера журнала «Украинская жизнь» — 31 января 1912 г.: «Первая книжка “Украинской жизни” сильно запоздала и вышла только вчера. Вчера же она должна была быть доставлена Вам. Февральскую книжку нам хотелось бы выпустить пораньше — не позднее 20 февраля. Об этом редакция считает долгом сообщить Вам, помня любезно выраженное Вами согласие дать для этой книжки статью, посвященную последнему выступлению Струве¹⁴ против украинцев¹⁵. К 10–12 февраля необходимо будет сдать в типографию весь материал для № 2, и редакция была бы бесконечно обязана Вам, если бы получила к этому времени Вашу статью¹⁶. С глубоким уважением и преданностью, всегда готовый к услугам Ал[ександр] Саликовский»¹⁷.

В фонде академика Ф. Е. Корша, хранящемся в Архиве РАН (Ф. № 558), находится телеграмма редакции газеты «Украинская жизнь» Ф. Е. Коршу в связи с его 70-летним юбилеем, письмо редактора А. Ф. Саликовского о текущих делах редакции, публикациях по холмскому вопросу, критических статьях оппонентов журнала; визитная карточка редактора-издателя Я. А. Шеремецинского¹⁸.

В фонде академика В. И. Вернадского в Архиве РАН (Ф. № 518) значительное место занимает переписка, насчитывающая более 2000 писем. Среди писем, адресованных В. И. Вернадскому учеными,

Петербургской академии наук (1900), председатель Общества славянской культуры (1909–1911).

14 Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — экономист, социолог, историк, публицист. Член ЦК партии кадетов (1905–1915). Редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль», «Русская свобода» и др.

15 *Струве П. Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. № 1. С. 65–86.

16 *Корш Ф. Е.* К спору об украинской культуре (П. Струве. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу («Русская мысль»). 1912 г., кн. 1) // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 32–47.

17 *Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: к истории русской филологической науки. М., 1989. С. 107–108.

18 Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 558. Оп. 2. Д. 45, 101; Оп. 4. Д. 438, Л. 19.

видными деятелями науки и культуры, сохранилось письмо редактора журнала «Украинская жизнь» С. В. Петлюры. Письмо было написано после публикации в петербургских и московских газетах информации о первом заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил России¹⁹ 11 октября 1915 г. в Петербурге²⁰. В частности, Петлюра писал: «Нам, украинцам, тоже необходимо “познать” нашу родную землю; мы любим ее, но недостаточно знаем; в особенности эти знания недостаточны в области природоведения Украины и, частное²¹, производительных сил ее. [...] Мне, как редактору “Украинской жизни”, хотелось бы просить Вас посвятить этому вопросу статью на страницах редактируемого мною журнала; потребность в ней — огромная. Я надеюсь, что Ваш призыв к украинским исследователям в указанном выше направлении нашел бы созвучный отклик и углубил бы, расширив и оплодотворив, любовь украинцев к нашей земле»²².

Ответил ли академик на письмо редактора — неизвестно, но статьи В. И. Вернадского на страницах журнала не публиковались.

В РГАЛИ сохранились письма А. Ф. Саликовского и С. В. Петлюры, адресованные С. П. Мельгунову, редактору журнала истории и истории литературы «Голос минувшего», редакции газеты «Русские ведомости», писателям И. А. Белоусову, К. А. Треневу, личные письма А. Ф. Саликовского писателю Л. Ф. Копыловой²³.

Письмо А. Ф. Саликовского из Киева от 25 февраля 1910 г. С. П. Мельгунову содержит биографические данные автора письма

19 Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) создана в 1915 г. по предложению В. И. Вернадского как научно-общественная организация, которая взяла на себя всестороннее и систематическое исследование природных ресурсов России и создание целой сети исследовательских учреждений, необходимых для решения этой важной и неотложной проблемы в условиях военного времени.

20 Академия наук о производительных силах России // Петроградский курьер. 12.10.1915; О развитии производительных сил России // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 13.10.1915; О развитии производительных сил России // Петроградские ведомости. 13.10.1915.

21 В частности.

22 АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1251. Л. 1, 1об. Оpubл.: Избранные научные труды академика В. И. Вернадского. Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Переписка: Д — Я. Киев, 2012. Т. 2. Кн. 2. Ч. 2. С. 99–100.

23 РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 848; Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 602, 683, 1093, 1333; Ф. 1398. Оп. 2. Ед. хр. 468; Ф. 1084. Оп. 1. Ед. хр. 17.

и причины его переезда в Москву: «Около 6-ти лет тому назад я стал пайщиком и сотрудником “Киевских откликов”²⁴, пережил все их метаморфозы и злоключения до тюремного отделения включительно, три года руководил “Киевскими вестями”²⁵, а теперь вынужден капитулировать. Совершенно лишённый оборотных средств, добываемая штрафами, газета близка к агонии. [...] Кое-что мне обещали в Москве (нелитературное)²⁶, и я собираюсь туда переселиться. В Москве я рассчитываю быть в конце первой недели поста»²⁷.

Ранее, в письме от 2 апреля 1908 г. редактору газеты «Русские ведомости» А. В. Зарембе, А. Ф. Саликовский жаловался на тяжелое финансовое положение газеты «Киевские вести» и цензуру: «В Киеве у нас скверно — сквернее, пожалуй, чем у вас в Москве, несмотря на то, что у вас чрезвычайная, а у нас только усиленная охрана. В наших обязательных постановлениях нет статьи о “восхвалении преступных деяний”, под которую с грехом пополам можно было подвести корреспонденцию [нрзб] из Парижа о похоронах [нрзб], и, тем не менее, нас оштрафовали за эту корреспонденцию, подведя ее под тот пункт обязательных постановлений, который карает за распространение ложных сведений о действиях и распоряжениях начальства! Это уже совсем по-щедрински: (помнишь ст[атью] “о раскольниках, не приемлющих священства”²⁸, примененную к пискарю?²⁹)»³⁰.

В РГАЛИ в фонде С. П. Мельгунова хранятся четыре письма С. В. Петлюры за 1913–1914 гг.³¹ В письмах С. В. Петлюра предлагает к опубликованию свои «заметки о новостях украинской исторической

24 «Киевские отклики» (1903–1906) — ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета, после запрета в 1906 г. издавалась под названием «Киевские отголоски», позднее — «Киевские вести».

25 «Киевские вести» (1907–1911) — ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета.

26 А. Ф. Саликовский служил делопроизводителем Московского районного комитета по урегулированию грузов. См.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 год. М., 1911. С. 499.

27 РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 683. Л. 9.

28 Щедрин Н. Современная идиллия. Гл. XXII–XXIV // Отечественные записки. 1883. Т. CCLXI. № 1. С. 279.

29 Так у Н. Щедрина согласно правописанию XIX в.

30 РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 1333. Л. 1–2.

31 Там же. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 602, 1093.

литературы, имеющие интерес для русского читателя»³²: о переписке украинского историка, фольклориста, публициста Н. П. Драгоманова (1841–1895); об украинском ученом-лингвисте и общественном деятеле К. П. Михальчуке (1841–1914), а также об исторических материалах, опубликованных в украинских журналах.

В письме С. П. Мельгунову от 10 января 1914 г. С. В. Петлюра пишет: «Посылаю для “Голоса минувшего” заметку “Былое в украинских журналах”. Как видите, я сузил тему, предложенную Вами: для более или менее полного обзора исторического материала, помещенного в украинских журналах, у меня не стало³³ времени. Если посылаемая заметка окажется приемлемой для Вашего журнала, не откажите уведомить о времени напечатания ее; в противном случае я использую ее для “Укр[аинской] ж[изни]”, где, к стыду моему, на тему об украинском “былом”, в украинских же журналах, почти не упоминалось»³⁴.

В одном из писем С. В. Петлюра жаловался С. П. Мельгунову на недостаток времени: «По мере сил и возможностей, которых у меня не так много, ибо невеселая служебная работа³⁵ поглощает $\frac{3}{4}$ рабочего дня, я буду давать информационные заметки»³⁶.

В ГАРФ хранится письмо С. В. Петлюры от 22 июля 1915 г., адресованное П. Н. Милюкову, председателю Президиума фракции партии «Народная свобода» (кадеты) в Государственной Думе, касающееся украинского вопроса³⁷. Фрагмент письма С. В. Петлюры П. Н. Милюкову опубликован исследователем С. Брейяр³⁸. Петлюра в письме осуждает кадетскую партию за нерешительность в разрешении украинского национального вопроса: «Я должен с горечью отметить, что В[аше] выступление при открытии Государственной Думы дает как

32 Там же. Ед. хр. 602. Л. 1.

33 Не было (укр.).

34 Там же. Л. 2–2об.

35 С. В. Петлюра служил бухгалтером в конторе Восточного общества товарных складов (ВОТС), жил в доме страхового общества «Россия» на Лубянской площади. См.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. М., 1914. С. 511.

36 РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 602. Л. 1.

37 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1891. Л. 1, 1об.

38 *Брейяр С.* Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Сб. статей. М., 1995. Сер. *Ucrainica et belorossica* Вып. 1. С. 89–110.

бы косвенное доказательство беспочвенности, зыбкости той позиции, какую отстаивает вот уже четвертый год «Украинская жизнь» по вопросу об украинско-русских отношениях. Не выступив в защиту попранных прав целого народа, умолчав о вопиющем факте запрещения говорить на родном языке и общаться при помощи его сознательному в национальном отношении обществу, Вы как бы санкционировали создавшееся положение вещей. [...] Видимо сытые³⁹ в национальном отношении русские, хотя бы они юридически и отстаивали права угнетенных народностей, в трудную для этих народностей минуту не хотят им помочь и не хотят облегчить положение голодного, обобранного и униженного — национально народа»⁴⁰.

Реквизиты официальных бланков редакции, на которых были написаны письма, хранящиеся в московских архивохранилищах, позволяют определить точное местонахождение редакции журнала «Украинская жизнь» в Москве в разные годы: ул. Тверская, дом 75, кв. 39; ул. Б. Дмитровка, дом 14, кв. 1; Б. Полянка, 32; Новинский бульвар, дом 103, кв. 39.

Известны московские адреса, где жили сотрудники редакции журнала: последний адрес редакции «Украинской жизни» (Новинский бульвар, дом 103, кв. 39) был местом проживания редактора-издателя Я. А. Шеремецинского⁴¹. Один из московских адресов, где жил С. В. Петлюра, зафиксирован в записной книжке академика Ф. Е. Корша: М. Самотёка, 2-й Волконский пер., дом 3, кв. 30⁴².

Говоря об эпистолярном наследии, можно сделать вывод, что письма С. В. Петлюры и А. Ф. Саликовского являются не только ярким образцом эпистолярного жанра начала XX в., но и документальным источником, отражающим развитие украинской публицистики и цензуры в начале XX в., позицию авторов писем к происходившим событиям, и, кроме того, позволяют составить объективный портрет авторов эпистолярия в исторической реальности.

Следует отметить, что письма редакторов журнала «Украинская жизнь» как средство коммуникации позволяют выявить как деловые связи редакции журнала, так и межличностные связи самих редакторов.

39 Правильно — «сытые», а не «сырые», как в публикации С. Брейяр.

40 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1891. Л. 1об.

41 Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1916. С. 563.

42 АРАН. Ф. 688. Оп. 5. Д. 28. Л. 31об.

Представленный обзор эпистолярия А. Ф. Саликовского и С. В. Петлюры позволяет ознакомиться с документами о деятельности редакции и редакторов журнала «Украинская жизнь», хранящихся в трех московских архивах: Архиве РАН, РГАЛИ, ГАРФ. Кроме того, он вводит в научный оборот новые документы: обнаруженное в Архиве РАН письмо А. Ф. Саликовского, адресованное академику Ф. Е. Коршу, и записную книжку академика с домашним адресом С. В. Петлюры. Данный обзор дает возможность использовать представленные документы в рамках исследований по изучению истории Украины и украинской публицистики первой четверти XX в., а также публикаторской деятельности редакторов и корреспондентов журнала «Украинской жизни».

Источники и литература

Архив Российской академии наук (АРАН)

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Академия наук о производительных силах России // Петроградский курьер. 12.10.1915.

Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А. Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: к истории русской филологической науки. М.: Наука, 1989. 277 с.

Брейяр С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905–1917) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Сб. статей. М.: ЦУБ в МГУ, 1995. Сер. *Ucrainica et belorossica*. Вып. 1. С. 89–110.

Вернадский В. И. Украинский вопрос и русское общество // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 212–222.

Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Переписка: Д — Я. Киев: Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского, 2012. Т. 2. Кн. 2. Ч. 2. (Избранные научные труды академика В. И. Вернадского.) 692 с.

Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1911 год. М.: издание А. С. Суворина, 1911. 872 с. 2627 стб. разд. паг.

Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. М.: т-во А. С. Суворина «Новое время», 1914. 1013 с. 2765 стб. разд. паг.

Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 год. М.: т-во А. С. Суворина «Новое время», 1916. 737 с. 2583 стб. разд. паг.

Корш Ф. Е. К спору об украинской культуре (П. Струве. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу («Русская мысль»). 1912 г., кн. 1) // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 32–47.

Наши задачи (от редакции) // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 5–10.

О развитии производительных сил России // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 13.10.1915.

О развитии производительных сил России // Петроградские ведомости. 13.10.1915.

Отчет Украинской секции при Обществе славянской культуры за 1911 год // Известия Общества славянской культуры. 1912. Т. 1. Кн. 2. С. 91–95.

Саликовский А. Большой вопрос (Несколько мыслей об украинской идее и русской интеллигенции) // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 22–31.

Струве П. Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. № 1. С. 65–86.

Щедрин Н. Современная идиллия. Гл. XXII–XXIV // Отечественные записки. 1883. Т. CCLXI. № 1. С. 251–258.

References

Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (Moscow).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (Moscow).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (Moscow).

“Akademiia nauk o proizvoditel'nykh silakh Rossii.” *Petrogradskii kur'er*. 12.10.1915.

Baskakov, N. A.; Baskakov, Nik. A. *Akademik F. E. Korsh v pis'makh sovremennikov: k istorii russkoi filologicheskoi nauki*. Moscow: Nauka, 1989, 277 s.

Breiiar, S. “Partiia kadetov i ukrainskii vopros (1905–1917).” *Issledovaniia po istorii Ukrainy i Belorussii. Sb. statei*. M.: TsUB v MGU, 1995, s. 89–110. *Ser. Ucraina et belorossica*. Vyp. 1.

Korsh, F. E. “K sporu ob ukrainskoi kul'ture (P. Struve. Obshcherusskaia kul'tura i ukrainskii partikuliarizm. Otvet Ukraintsu («Russkaia mysl'»). 1912 g., kn. 1).” *Ukrainskaia zhizn'*. 1912, № 2, s. 32–47.

“Nashi zadachi (ot redaktsii).” *Ukrainskaia zhizn'*. 1912, № 1, s. 5–10.

“O razvitiu proizvoditel'nykh sil Rossii.” *Birzhevye vedomosti*. Vechernii vypusk. 13.10.1915.

“O razvitiu proizvoditel'nykh sil Rossii.” *Petrogradskie vedomosti*. 13.10.1915.

“Otchet Ukrainskoi sektsii pri Obshchestve slavianskoi kul'tury za 1911 god.” *Izvestiia Obshchestva slavianskoi kul'tury*. 1912, t. 1, kn. 2, s. 91–95.

Salikovskii, A. “Bol'noi vopros (Neskol'ko myslei ob ukrainskoi idее i russkoi intelligentsii).” *Ukrainskaia zhizn'*. 1912, № 2, s. 22–31.

Shchedrin, N. "Sovremennaia idilliia". Gl. XXII–XXIV. *Otechestvennye zapiski*. 1883, t. CCLXI, № 1, s. 251–288.

Struve, P. B. "Obshcherusskaia kul'tura i ukrainskii partikuliarizm. Otvet Ukraintsu." *Russkaia mysl'*. 1912, № 1, s. 65–86.

Vernadskii, V. I. "Ukrainskii vopros i russkoe obshchestvo." *Vernadskii V. I. Publitsisticheskie stat'i*. Moscow: Nauka, 1995, s. 212–222.

Vladimir Ivanovich Vernadskii. Perepiska s ukrainskimi uchenymi. Perepiska: D — Ia. Kiev: Natsional'naia biblioteka Ukrainy im. V. I. Vernadskogo, 2012, 692 s. T. 2, kn. 2, ch. 2. (*Izbrannye nauchnye trudy akademika V. I. Vernadskogo*.)

Vsia Moskva. Adresnaia i spravochnaia kniga na 1911 god. Moscow: A. S. Suvorin, 1911, 872 s.

Vsia Moskva. Adresnaia i spravochnaia kniga na 1914 god. Moscow: t-vo A. S. Suvorina «Novoe vremia», 1914, 1013 s.

Vsia Moskva. Adresnaia i spravochnaia kniga na 1916 god. Moscow: t-vo A. S. Suvorina «Novoe vremia», 1916, 737 s.

Tatyana A. Kuz'menko

The Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

From the Epistolary Heritage of the Editors
of "Ukrainskaya zhizn" magazine (1912–1917) (Moscow)

The article provides an overview of the letters of the editors of "Ukrainskaya zhizn" ("Ukrainian Life") magazine (1912–1917) (Moscow) A. Salikovskiy and S. Petlyura, stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS) and federal archives. The letters contain information about the activities of the editorial, cooperation with the editors of a Moscow magazine called "Golos Minuvshego" and the newspaper "Russkie Vedomosti", as well as the editorial activities of A. Salikovskiy before moving to Moscow. Of particular interest are the letters addressed to academician V. Vernadskiy, academician F. Korsh, "a friend of Ukrainians", who collaborated with the editorial, to P. Milyukov, the chairman of the fraction in the party Narodnaya Svoboda ("People's Freedom") in the State Duma. The article uses both published and unpublished letters from 1908, 1910, 1912–1915. The publication introduces new documentary sources about the activities of the editors of "Ukrainskaya zhizn" magazine into scientific circulation and may be of interest to historians, researchers of the biography of A. Salikovskiy and S. Petlyura.

Keywords: *Archive of the Russian Academy of Sciences, federal archives, "Ukrainskaya Zhizn" magazine, epistolary, documentary source.*

Решение вопроса об организации первых чешско-словацких транспортов из России во Францию (вторая половина 1917 — начало 1918 г.)

Статья посвящена истории организации и отправки из России во Францию двух первых чешско-словацких эшелонов. В ней прослежено зарождение у лидеров созданного в Париже в феврале 1916 г. Чешско-Словацкого национального совета идеи перебросить на Западный фронт часть имеющихся в распоряжении российских военных властей пленных чехов и словаков. Данное решение возникло в связи с нехваткой людских резервов, которую испытывали армия и военная промышленность Третьей республики. В связи с этим в исследовании были затронуты основные аспекты переговоров, проводившихся в данной области между Й. Дюрихом, М. Р. Штефаником, Т. Г. Масариком и российскими военными учреждениями. Представлено и детальное описание обстоятельств отъезда из России осенью 1917 — весной 1918 г. первых двух чешско-словацких транспортов — через Архангельск и Мурманск. Изучена и совместная деятельность Отделения Национального совета для России и французских военных миссий по организации проезда отправлявшихся во Францию добровольцев через территорию страны и обеспечению их снабжения. Статья основана на документах, обнаруженных в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном историческом архиве и Центральном военном архиве Чешской Республики.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Франция, Западный фронт, Чешско-Словацкий национальный совет, Т. Г. Масарик, А. А. Ниссель, военнопленные, чешско-словацкие добровольцы.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.10

История Чешско-Словацкого корпуса, одного из крупнейших воинских формирований, созданных в составе русской армии в годы Первой мировой войны, начала привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей уже в первой половине XX в. В исторической науке существует значительное количество работ, посвященных

процессу организации его частей. Исследователями предпринимаются и попытки осветить роль, которую играл корпус в планах союзников по организации интервенции в Россию. При этом в тени зачастую остается освещение вопроса о возникновении идеи отправки эшелонов с чешско-словацкими добровольцами из России на Западный фронт. Не получили специального освещения в отечественной, чешской и словацкой историографии обстоятельства, в которых была произведена транспортировка первых двух чешско-словацких эшелонов через северные российские порты — Архангельск и Мурманск¹.

Идея частичной переброски военнопленных чехов и словаков из России во Францию зародилась еще в 1916 г. В это время начался процесс концентрации усилий лидеров зарубежных чешских и словацких колоний по координации действий. Особую активность в этом направлении проявили представители эмиграции — лидер партии реалистов Т. Г. Масарик, депутат австрийского рейхсрата от чешской аграрной партии Й. Дюрих, Э. Бенеш и М. Р. Штефаник. В феврале 1916 г. существовавший к тому моменту в Париже политический орган чешского сопротивления — основанный ими в октябре 1915 г. Чешский заграничный комитет — был переименован в Чешско-Словацкий национальный совет (ЧСНС)². В первой половине 1916 года лидеры ЧСНС начали проводить активную политику, направленную на расширение своего влияния среди представителей чешской и словацкой эмиграции в Европе, России, США и Канаде. Они стремились поставить под свой контроль все эмигрантские организации чехов и словаков³. Одним из наиболее насущных вопросов, которые пытались решить лидеры ЧСНС, стала проблема формирования чешско-сло-

¹ История отъезда первых двух чешско-словацких эшелонов из России во Францию затрагивается, например, в работах следующих исследователей: *Ненашева З. С.* Введение // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М., 2013. Т. 1. С. 5–28; *Fic V. M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918. Praha, 2006. Díl 1. 342 s.; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996. 282 s. Единственной работой, полностью посвященной эвакуации чешских и словацких добровольцев через Архангельск и Мурманск, является брошюра Алоиза Бабки «За полярный круг», выпущенная в межвоенный период. См.: *Babka A.* Za Polární kruh. Kus historie československého vojska za hranicemi. Praha, 1924. 30 s.

² *Ненашева З. С.* Введение... С. 15.

³ *Holotík L.* Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958. S. 140.

вацкой армии. Примечательно, что Масарик заявил о необходимости организации войска как важного шага в развитии чешско-словацкого национально-освободительного движения, способного существенно укрепить его политические позиции⁴.

Свою военную акцию лидеры ЧСНС начали в момент, когда острая нехватка людских ресурсов, возникшая в результате значительных потерь в личном составе французской армии после кампаний 1914 — начала 1916 г., побудила правительство Третьей республики начать поиск людских резервов в странах — союзницах по Антанте, прежде всего в Российской империи. Французской стороне были необходимы как солдаты, так и рабочие для обеспечения нормального функционирования военной промышленности и сельского хозяйства. Проведенные ее представителями в декабре 1915 — мае 1916 г. с правительством и высшими военными учреждениями Российской империи переговоры о переброске на Западный фронт около 400 000 солдат не привели к ожидаемым результатам. К моменту начала активизации деятельности ЧСНС во Франции находилось лишь около 16 тысяч военнослужащих русской армии⁵. В этих условиях лидеры ЧСНС начали проводить в жизнь идею отправки вместе с русскими военными формированиями на Западный фронт части военнопленных чешского и словацкого происхождения. Французская сторона проявила интерес к данной акции.

Первоначально миссия по набору военнопленных была поручена Й. Дюриху, направившемуся с этой целью в Россию в июле 1916 г.⁶ 4 августа 1916 г. в Ставке состоялась его встреча с императором Николаем II и начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым. Во время нее заместитель председателя ЧСНС ходатайствовал об отправке из России во Францию около 150.000 военнопленных «для образования на французском фронте особых чешских отрядов»⁷.

Параллельно с Дюрихом проблему отправки чехов и словаков во Францию пытались решить и представители Третьей республики в России. Французское посольство в Петрограде обратилось в министерство иностранных дел с просьбой о передаче в его распоряжение как

4 *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha, 1935. Díl 1. S. 181.

5 *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 142–143.

6 *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři... S. 79.

7 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 323. Оп. 617. Д. 93. Л. 87.

можно большего количества военнопленных славянского происхождения. Их труд предполагалось использовать «на заводах, работающих на оборону в пользу как французских, так и союзнических армий»⁸. Однако российская сторона признала невозможным удовлетворить просьбу французского правительства. Сокращение количества славяновоеннопленных, занятых в качестве рабочих в военной промышленности Российской империи, могло бы привести к ее кризису⁹.

Несмотря на отрицательный ответ российских правительственных кругов, на данном направлении все же были сделаны некоторые шаги. Они были связаны с деятельностью, проведенной в России прибывшим в августе 1916 г. вслед за Дюрихом М. Р. Штефаником. Ему удалось получить поддержку разрабатываемых чешско-словацкой стороной планов у начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева, а в начале 1917 г. — и у замещавшего его В. И. Ромейко-Гурко. Они выразили неформальное согласие на будущую отправку на Западный фронт части чешско-словацких формирований после окончания процесса их создания в России¹⁰.

Достигнутые Штефаником договоренности стали важным основанием для дальнейшего продвижения данного вопроса во время приезда Т. Г. Масарика в Россию в 1917 г. К тому моменту в национальном движении проживавших в России чехов и словаков и их военнопленных соотечественников произошли серьезные изменения¹¹. Упразднение монархии в результате Февральской революции и приход к власти 2 (15) марта 1917 г. Временного правительства обозначили собой изменение политической обстановки в стране. Стала крайне необходима корректировка проводившейся Союзом чешско-словацких обществ в России политической линии. С этой целью 23 апреля (6 мая) 1917 г. — 1 (14) мая в Киеве представителями чешских и словацких организаций в России и военнопленными был проведен его Третий съезд¹². Он при-

8 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 217. С. 416.

9 Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1540. Л. 1–1об.

10 *Holotík L. Štefánikovská legenda... Dok. 30. S. 409–417; Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha, s. d. S. 14–17.*

11 *Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922. М., 1965. С. 60.*

12 *Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920. Praha, 1925. Kn. 1. S. 719.*

знал ЧСНС высшим органом заграничного национального движения и единственным выразителем политических взглядов чехов и словаков. 25 апреля (8 мая) было принято решение об основании его Отделения для России (ОЧСНС). С этого момента все национальное движение чехов и словаков в России перешло под руководство парижского центра заграничного сопротивления¹³.

Т. Г. Масарик прибыл в Петроград в ночь с 15 на 16 мая. Основной целью его поездки стало добиться у нового правительства разрешения на создание в России чешско-словацкой национальной армии. В связи с этим он установил контакты с рядом членов Временного правительства, дипломатическими и военными представителями стран Антанты¹⁴.

Наибольшую помощь Масарик мог получить от пребывавшего на тот момент в России французского министра вооружений А. Тома. Ему предстояло заниматься поиском рабочих рук для французских заводов и необходимых людских резервов для понесшей серьезные потери армии Третьей республики¹⁵. В ходе переговоров с российской стороной по данному вопросу министр предложил перевезти во Францию в течение лета 1917 г. 30 000 чешских и словацких добровольцев. Их он предполагал набирать из числа военнослужащих формируемых на территории Российской империи чешско-словацких частей и военнопленных¹⁶. Главное управление Генерального штаба согласилось удовлетворить ходатайство французского министра¹⁷. Одобрил возможность участия чешско-словацких частей в боевых действиях на Западном фронте и Т. Г. Масарик¹⁸. Одним из факторов, повлиявших на принятие такого решения, стала крайне негативная позиция по вопросу об их формировании в России, занятая командующим Киевского военного округа полковником К. М. Оберучевым и военным и морским министром А. Ф. Керенским. В связи с этим в

13 *Ведерников М. В.* Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. историч. наук. 07.00.03. М., 2016. С. 237–238.

14 *Masaryk T. G.* Světová revoluce za války a ve válce. Praha, 1925. S. 159–160.

15 *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 185; *Holotík L.* Štefánikovská legenda... S. 185; *Vergé A.* Avec les Tchecoslovaques: invraisemblable et véridique épopée. Paris, 1926. P. 23.

16 АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 224. Л. 244–245.

17 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 354. С. 693–694.

18 Там же. № 357. С. 698–699.

конце мая 1917 г. процесс формирования чешско-словацких частей был приостановлен¹⁹.

Однако вскоре ситуация коренным образом изменилась. Пришли известия об успешных действиях Чешско-Словацкой стрелковой бригады в сражении у Зборова (19 июня (2 июля) 1917 г.). В ходе него она зарекомендовала себя в глазах командования русской армии как одна из немногих надежных частей. Теперь российские военные власти не имели никаких возражений против возобновления работы по расширению их личного состава и организации дальнейшего набора добровольцев²⁰.

Это обстоятельство способствовало пересмотру Т. Г. Масариком занимаемых им ранее позиций. В деле организации чешско-словацкого войска он вновь начал отдавать приоритет России и приступил к активной деятельности в этом направлении. Благодаря содействию российских военных учреждений продолжилось расширение личного состава чешско-словацких частей. Сами подразделения совершенствовались не только в количественном, но и в техническом плане. При этом вопрос о перевозке чешских и словацких добровольцев во Францию по-прежнему оставался неразрешенным, поскольку зависел от сроков одобрения французским правительством проекта организации чешско-словацких частей. Принимая во внимание эти обстоятельства, в июле 1917 г. ОЧСНС принял решение отложить их переброску на неопределенный срок²¹.

Переговоры об отправке чешско-словацких контингентов на французский фронт были возобновлены лишь в конце августа 1917 г., когда ОЧСНС вновь поставил вопрос о сроках отправки из России транспортов с военнопленными и их количестве, принимая во внимание сезонность навигации в Архангельске. 12 (25) сентября 1917 г. на заседании Президиума ОЧСНС Масарик сообщил своим коллегам, что проект набора добровольцев для армии Третьей республики был согласован французской стороной²². Он проинформировал их о прибытии в Россию для этих целей специальной миссии, состоящей из шести французских офицеров во главе с майором А. Верже. Им предстояло проводить сам процесс набора пленных чехов и словаков,

19 Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты... С. 84; Baerlein H. The March of the Seventy Thousand. London, 1926. P. 68–69.

20 Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты... С. 94.

21 Ненашева З. С. Введение // Там же. С. 26; Kudela J. Profesor Masaryk a československé vojsko na Rusi. Praha, 1923. S. 66.

22 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 432. С. 824.

произвести их обучение, а также подготовить отправку транспортов с добровольцами во Францию²³.

16 (29) сентября 1917 г. французская сторона заявила ОЧСНС о своей готовности осуществить в конце месяца перевозку первого контингента численностью в 1200 человек²⁴. Все расходы на его реализацию, включая предоставление отбывающим из России добровольцам соответствующего обмундирования, снаряжения, их транспортировку, должна была взять на себя Франция²⁵. На следующий день, 17 (30) сентября, профессор Масарик направил в Ставку отношение, адресованное исполняющему должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонину. В нем был определен порядок составления первого контингента добровольцев, предназначенного для переброски во Францию. Для этих целей следовало провести специальный опрос среди военнослужащих дислоцированного в г. Житомире запасного батальона Чешско-Словацкой стрелковой бригады и выделить из их числа 1100 добровольцев. Набор остальных 100 человек, так называемых «кандидатов на офицерские должности», был поручен начальнику еще действующей Комиссии по формированию чешско-словацких частей в России генералу Я. Червинке. Им предписывалось присоединиться к отправляемому в Архангельск эшелону²⁶. Предполагалось, что его транспортировке в порт будут способствовать российские учреждения. Уполномоченным «по французской экспедиции» был назначен председатель Комиссии по делам военнопленных штабс-капитан В. Халупа²⁷.

К концу сентября 1917 г. российским военным ведомством были подготовлены соответствующие документы. 22 сентября (5 октября) 1917 г. начальник Отдела эвакуационного и по заведыванию военно-

23 *Vergé A.* Avec les Tchecoslovaques... P. 26.

24 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 432. С. 824.

25 *Каржанский Н.* Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам. М., 1918. С. 72.

26 Все 100 чехов и словаков, направленных в Житомир, являлись бывшими офицерами австро-венгерской армии, сохранившими свои звания после захвата в плен. Однако для скорейшего прибытия во Францию им пришлось отказаться них. Именно поэтому в официальных документах они числились в качестве «кандидатов на офицерские должности». См.: *Husák O.* Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka. Praha: Československá oběť legionářská, 2017. Kn. 1. S. 318.

27 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 1. № 425. С. 795–796.

пленными ГУГШ генерал-майор А. И. Калишевский направил начальнику французской военной миссии в России генералу А. А. Нисселю телеграмму. В ней он официально подтвердил согласие Ставки и российского МИД с «французской» экспедицией чехов и словаков²⁸.

Казалось бы, все необходимые приготовления для отправки первого контингента чехов и словаков из России во Францию были осуществлены. 24 сентября (7 октября) 1917 г., после исполнения генералом Яном Червинкой и начальством Киевского военного округа данных им директив, в 6 часов 47 минут вечера из Житомира отправился первый эшелон чешско-словацких добровольцев. В составе первого эшелона числилось 9 офицеров: командир эшелона О. Гусак, В. Шидлик, Коуклик; 5 бывших военнослужащих Сербского добровольческого корпуса — Ингер, Власак, Копал, Беднарж, Воцу; еще один офицер, Мицко, ранее проходил службу в житомирском запасном батальоне. Передвижение транспорта заняло 8 дней. Его путь пролегал через Коростень, Калинкин, Жлобин, Могилев, Оршу, Витебск, Великие Луки, Бологое, Рыбинск, Ярославль и Вологду²⁹. Дорога была сопряжена с рядом трудностей. Вскоре после отъезда эшелона заведующий Комиссией по формированию чешско-словацких войск генерал Я. Червинка получил из ОЧНС телеграмму, в которой сообщалось об отсутствии у союзников в Архангельске необходимых морских судов для транспортировки чехов и словаков.

Не был тщательно продуман российскими и французскими военными представителями и вопрос о снабжении добровольцев. Выехавшие из Житомира чехи и словаки были исключены из состава своих полков и фактически лишились права на содержание со стороны российских военных учреждений. Между тем, на тот момент чешско-словацкие части еще находились под юрисдикцией российского верховного командования. Ситуацию спасло лишь вмешательство Червинки, приказавшего начальству 1-го чешско-словацкого стрелкового полка организовать снабжение продвигавшегося в Архангельск эшелона³⁰.

В конечном счете первый транспорт с 1200 чешско-словацкими добровольцами, отправлявшийся во Францию на основании соглашений, достигнутых между Т. Г. Масариком и представителями Третьей республики, добрался до Архангельска 15 (28) октября 1917 г. На сле-

28 *Каржанский Н.* Чехо-словаки... С. 81–82.

29 *Husák O.* Jdi! Кн. 1. С. 318–319.

30 *Červinka J.* Cestou našeho odboje: příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914–1918. Praha, 1920. S. 134–135.

дующий день, 16 (29) октября 1917 г., солдаты и офицеры вступили на борт парохода «Курск», который доставил их 29 октября (11 ноября) 1917 г. в британский порт Ньюкасл. 12 (25) ноября 1917 г. добровольцы прибыли во французский порт Гавр³¹.

Вскоре после отъезда первого транспорта из Архангельска А. Верже, назначенный А. А. Нисселем французским военным представителем при ОЧСНС, поставил вопрос о ведении переговоров с Генеральным штабом и Ставкой о подготовке следующего транспорта чешско-словацких добровольцев и его транспортировке во Францию. Было принято решение отправить в составе второго отряда приблизительно 500 человек.

Его судьба оказалась намного сложнее. Всеобщая дезорганизация в России не позволяла осуществить быструю транспортировку на Западный фронт второго эшелона волонтеров. Во время переговоров с направленной из Житомира в Петроград делегацией офицеров I-й дивизии Чешско-Словацкого корпуса и представителями ОЧСНС, состоявшихся 4 (17) — 5 (18) ноября, А. Верже сообщил о невозможности осуществления концентрации отряда в Череповце ввиду отсутствия необходимого количества казарм для размещения его личного состава и провизии. Более того, французский офицер не мог точно ответить, возможна ли организация его транспортировки во Францию в ближайшее время³².

Вскоре в связи с неопределенностью политической ситуации в России ОЧСНС было вынуждено переключить свое внимание на проблемы, связанные с поддержанием дисциплины в Чешско-Словацком корпусе и сохранением его целостности как военного формирования. Решение вопроса о судьбе второго транспорта осталось в стороне. Тем временем, по решению генерала Я. Червинки, но без какой-либо санкции со стороны Отделения, из Житомира около 12 (25) — 13 (26) ноября 1917 г. выехал эшелон, состоящий из 126 офицеров и 350 солдат. Его начальником был назначен подполковник Г. Гибिश. Первоначально транспорт прибыл в Киев. Затем добровольцы вернулись обратно в Коростень, после чего отправились на север России через Брянск, Москву, Ярославль и Вологду.

22 ноября (5 декабря) они оказались в Череповце. Здесь обнаружилось, что французская военная миссия не организовала в городе

31 *Husák O.* Jdi! Kn. 1. S. 320–321.

32 *Babka A.* Za Polární kruh. S. 3–4; Vojenský ústřední archiv — Vojenský historický archiv (далее — VÚA–VHA). F. OČSNR. Karton 6. Čj. 2574.

сборного пункта, а о прибытии чешско-словацкого эшелона местные военные власти не были оповещены, ввиду чего они категорически отказались расквартировать волонтеров. В конечном счете добровольцев приютил в своих казармах находившийся в городе 282-й запасной пехотный полк. Однако ситуация оставалась достаточно сложной: они не были прикреплены ни к одной воинской части, в связи с чем не обеспечивались жалованьем и продовольствием³³.

Именно поэтому сразу после приезда в Череповец подполковник Гибиш связался с ОЧСНС, а также выслал в Петроград делегатов от эшелона, поручика Майзла и стрелка Бенеша. По прибытии они вместе с секретарем ОЧСНС Я. Шебой направились во французскую военную миссию. Здесь состоялась их беседа с А. Верже. Во время нее делегаты от эшелона и Шеба настаивали на скорейшей организации дальнейшего продвижения отряда.

Французы пошли навстречу требованиям ОЧСНС. 25 ноября (8 декабря) у А. А. Нисселя состоялось слушание по проблемам, связанным с отправкой второго транспорта. Чешско-словацкую сторону на нем представлял Шеба. Он заявил о возможных негативных последствиях неосуществления отправки эшелона и возвращения его в Житомир для планов транспортировки волонтеров из России во Францию в целом. Наибольшую опасность в таком случае могла представлять деморализация среди согласившихся отправиться на Западный фронт чехов и словаков. Сообщил он и о тяжелом финансовом и административном положении, в котором очутились его соотечественники.

Выслушав доклад Шебы, генерал Ниссель подтвердил невозможность осуществления в ближайшее время выезда чешско-словацкого эшелона через Архангельск. Тем не менее он поручил майору Верже принять все возможные меры для осуществления его скорейшей транспортировки. Начальник французской военной миссии посоветовал, чтобы группа чешско-словацких добровольцев находилась в Череповце еще около двух недель. В течение этого времени предстояло принять окончательное решение о способе их отправки из России. Среди возможных вариантов была названа транспортировка чехо-словаков небольшими группами через Мурманск. Не исключалась Нисселем и возможность возвращения эшелона обратно на Украину. Согласно результатам переговоров, добровольцы должны были быть готовы либо к погрузке на пароход (что было маловероятно), либо к возвращению в Житомир.

33 Babka A. Za Polární kruh. S. 5–6; VÚA–VHA. F. OČSNR. Karton 6. Čj. 2708.

На заявление Шебы о проблемах, связанных со снабжением эшелона, начальник французской военной миссии ответил, что согласно договоренностям, достигнутым с российским правительством, французская сторона могла осуществлять содержание добровольцев лишь после их посадки на корабли. До этого момента все расходы по финансированию эшелона возлагались на российские власти. Ввиду этого Ниссель пообещал, что военное представительство Третьей республики проведет соответствующие переговоры с военными учреждениями. С целью контроля за снабжением отряда Шеба просил генерала отправить в Череповец французского офицера³⁴.

Одновременно вопрос о судьбе чешско-словацких добровольцев пыталось решить и ОЧСНС для России. Его Президиум направил в ГУГШ ходатайство об отправке в военные учреждения на местах приказов об оказании содействия военнослужащим второго эшелона³⁵. Кроме того, его члены распорядились отправить в качестве особого займа подполковнику Гибишу 1000 рублей, которые ему предстояло использовать исключительно «в крайних случаях». Впоследствии, после получения жалованья, добровольцы должны были вернуть Отделению предоставленную им сумму³⁶.

Приняла участие в оказании помощи чехам и словакам и французская военная миссия. Она обещала финансировать содержание эшелона, предоставив в распоряжение ОЧСНС 10 000 рублей для передачи добровольцам. Им предстояло подготовить подробный отчет об их использовании, который должен был быть направлен французской стороне. Относительно вопросов, касающихся зимнего обмундирования, Г. Гибиш должен был связаться с комитетом 282-го запасного полка; в том случае, если бы последний не мог оказать помощь, ему предстояло обратиться к начальнику военного округа в Вологде. Со своей стороны военное представительство Третьей республики могло предоставить волонтерам лишь необходимое количество теплых одеял из запасов, хранившихся на военном складе в Архангельске³⁷.

Несмотря на принятые меры, положение об отправке «второго эшелона» оставалось неопределенным. Сроки его отъезда из России вновь были оговорены секретарем Шебой и делегатом от находившегося в Череповце отряда поручиком Печей во время встречи с ге-

34 Ibid. Сј. 2740.

35 Ibid. Сј. 2834.

36 Ibid. Сј. 2845.

37 Ibid. Сј. 2985.

нералом Нисселем и майором Верже, состоявшейся 3 (16) декабря. А. А. Ниссель сообщил о том, что уже отправил во Францию телеграмму с просьбой предоставить пароход для волонтеров.

Одновременно при поддержке французов был предпринят ряд мер, направленных на решение вопроса о снабжении «череповецкого эшелона». 4 (17) декабря Шеба, Печа и Верже посетили ГУГШ, где подали прошение о выплате жалованья добровольцам. В этот же день они встретились с главным врачом французской военной миссии в России Ф. Е. Крессоном. Последний пообещал снабдить эшелон необходимыми медикаментами. Данное ходатайство было вызвано распространением среди военнослужащих эшелона кожных заболеваний³⁸.

Тем временем чехо-словаки, обеспокоенные долгим ожиданием, продолжали находиться в Череповце. Приходившие туда сведения относительно дальнейших их действий были весьма противоречивы. Так, 16 (29) декабря 1917 г. ОЧСНС передал второму эшелону информацию, полученную от французской военной миссии. А. А. Ниссель не видел возможным отправить чешско-словацкий транспорт через Мурманск, ввиду недостатка морских судов. Генерал поставил вопрос о его отъезде через Владивосток, совместно с оставшейся частью сербских добровольцев, направляемых в Салоники. До получения дальнейших инструкций им предстояло оставаться на месте³⁹.

В начале января 1918 г. ситуация кардинальным образом изменилась: французская миссия получила сообщение об отправке в Мурманск парохода. Было принято решение направить эшелон в этот порт. Началась подготовка к его отъезду. 8 (21) января ОЧСНС, после совещаний с французской военной миссией, направил в ГУГШ письмо, в котором ходатайствовал о предоставлении начальником череповецкой железнодорожной станции необходимого количества теплушек, 1 классного и 1 санитарного вагонов ко дню отъезда, который первоначально был назначен на 12 (25) января. Одновременно предполагалось направить соответствующее распоряжение руководству продовольственных складов Череповца и Вологды о предоставлении чешско-словацким добровольцам возможности закупить продовольствие на 10 дней пути. Все необходимые инструкции о ходе движения эшелона в сторону Мурманска его начальник должен был получать от офицера из группы французских артиллеристов, майора Морльера. Кроме того, все важные вопросы, касающиеся эшелона,

38 Ibid. С. 2845.

39 Ibid. С. 2938.

подполковнику Гибишу предстояло решать коллегиально с направлявшимися вместе со вторым транспортом на Западный фронт Я. Шебой и В. Халупой⁴⁰.

22 января (4 февраля) чешско-словацкие добровольцы выехали из Череповца в сторону Мурманска. С целью избежать каких-либо недоразумений со стороны местных советов 28 января подполковник Гибиш, получив соответствующие указания от Шебы и Халупы, издал приказ о предоставлении эшелону официального названия «Первый французский транспорт». Отряд должен был сохранять свой «французский характер», продвигаясь под видом группы рабочих, предназначенных для военных заводов Третьей республики.

Движение чешско-словацкого эшелона продолжалось недолго. Следующей длительной остановкой стал город Кола: отряд находился здесь еще в течение 50 дней. Его командование сразу же по прибытии установило связь с местными правительственными учреждениями и французской военной миссией в Мурманске. Последняя с момента прибытия эшелона снабжала его дровами, а с 20 февраля 1918 г. взяла на себя обеспечение его провиантом. 4 марта ее начальник, капитан де Легантинери, провел смотр отряда. Начиная с 10 марта 1918 г. солдаты и офицеры так называемого «череповецкого» эшелона по договоренности с действовавшими в регионе военными миссиями союзников и Мурманским советом приступили к охране расположенного в часе езды от Колы железнодорожного моста от возможного нападения на город с юга.

19 марта 1918 г. состоялся второй смотр эшелона. Он был произведен бывшим французским военным комиссаром в Украинской Народной Республике генералом Жоржем Табуи⁴¹. На следующий день, в шесть часов вечера, поезд выехал из Колы. Через час он прибыл в Мурманск⁴².

21 марта 1918 г., после длительного вынужденного пребывания на территории России, чешско-словацкие добровольцы вступили

40 Ibid. Čj. 2985; 3338; 4113.

41 Ж. Табуи занимал пост военного комиссара Французской Республики на Украине с 15 (28) декабря 1917 г. по 26 января (6 февраля) 1918 г. 10 (23) февраля вместе с другими военными представителями союзников он выехал в Москву, а затем — в Мурманск, куда прибыл 3 (16) марта. См.: *Tabouis G. Comment je devins comissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs // Праці українського наукового інституту. Варшава, 1932. Т. 8: Спогади. С. 141–161.*

42 *Babka A. Za Polární kruh. S. 10; 13–14; 18–19.*

на борт парохода «Хантсенд», следовавшего в Англию. Проводить участников «череповецкого» эшелона прибыл сам генерал Ниссель. В 4 часа 35 минут корабль отправился в плавание. Командование над всеми воинскими частями, находившимися на его борту⁴³, взял на себя Ж. Табуи, выехавший вместе с ними из России. 29 марта 1918 г. «Хантсенд» прибыл в Ньюкасл. В этот же день по железной дороге добровольцы были перевезены в Саутгемптон, откуда 30 марта на военном судне «Цезаря» переправлены через Ла Манш во Францию. Утром 31 марта 1918 г. волонтеры прибыли в Гавр. Здесь они были встречены членами Чешско-Словацкого национального совета — Л. Сыхравой и М. Плесингер-Божиновым. Через два дня военнослужащие второго транспорта из России по железной дороге направились в город Коньяк, где происходила концентрация прибывающих во Францию чешско-словацких добровольцев и военнопленных, предназначенных для организации национальных войсковых единиц. К месту назначения они прибыли утром 3 апреля⁴⁴.

«Череповецкий» эшелон стал последним чешско-словацким транспортом, направленным во Францию северным путем. Иная судьба ожидала сформировавшийся на территории России Чешско-Словацкий корпус. Планы по использованию его частей для возобновления военных действий на Восточном фронте, разрабатывавшиеся военными представителями союзников в России, Румынии и на Украине и лидерами Белого движения на Дону в конце 1917 — начале 1918 г., оказались несостоятельны и неосуществимы на практике. Заключение правительствами Украинской Народной Республики (27 января (9 февраля) 1918 г.) и Советской России (3 марта 1918 г.) в Брест-Литовске сепаратных мирных договоров с Центральными державами показало, что единственно возможным вариантом сохранения боеспособности корпуса является его отправка на Западный фронт. На сей раз ее предполагалось осуществить через Владивосток ввиду плохого технического состояния железной дороги, ведущей к Мурманску, и прекращения навигации через Архангельск. В конце февраля — начале марта 1918 г. началось продвижение эшелонов Чешско-Словацкого корпуса на восток бывшей Российской империи.

43 Помимо чешско-словацкой группы, на «Хантсенде» присутствовали медицинская часть, подразделение французских летчиков, отряды эльзасцев и поляков. См.: *Ibid.* S. 23.

44 *Ibid.* S. 20–31.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Vojenský ústřední archiv — Vojenský historický archiv (VÚA—VHA).

Ведерников М. В. Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. канд. историч. наук. 07.00.03. М., 2017. 273 с.

Каржанский Н. Чехо-словаки в России. По неизданным официальным документам / [Н. С. Каржанский (Качанов), предисл. авт.]. М.: Змий, 1918. 95 с.

Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922 / отв. ред. Я. Б. Шмераль. М.: Наука, 1965. 395 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920. Документы и материалы. [Т. 1]: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 / [вступит. ст. З. С. Ненашевой, отв. сост. К. А. Абрамян, А. Р. Ефименко, З. С. Ненашева, Н. С. Тархова]. М.: Новалис, 2013. 1016 с.

Babka A. Za Polární kruh. Kus historie československého vojska za hranicemi. Praha: Památník Odboje, 1924. 30 s.

Baerlein H. The March of the Seventy Thousand. London: Leonard Parsons, 1926. 370 p.

Beneš E. Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha: Orbis a Čin, 1935. Díl 1. 537 s.

Červinka J. Cestou našeho odboje: příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914–1918. Praha: F. Žďarský, 1920. 195 s.

Fic V. M. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918. Praha: Academia, 2006. Díl 1. 342 s.

Holotík L. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. 513 s.

Husák O. Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka / red. M. Rak. Praha: Československá obec legionářská, 2017. Kn. 1. 357 s.

Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: Nakladatelství J. Otto, s. d. 381 s.

Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce. Praha: Orbis a Čin, 1928. 650 s.

Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha: Mladá fronta, 1996. 282 s.

Tabouis G. Comment je devins commissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs // Праці українського наукового інституту. Варшава: б. и., 1932. Т. 8: Спогади. С. 141–161.

Vergé A. Avec les Tchecoslovaques: invraisemblable et véridique épopée. Paris: René Guillon, 1926. 201 p.

Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920 / vrchní red. R. Medek. Praha: Nákladem vlastním, 1925. Kn. 1. 841 s.

References

Arkhiv vneshnei politiki Rossijskoj imperii (Moscow).

Rossiiskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv (Saint Petersburg).

Vojenský ústřední archiv — Vojenský historický archiv (Prague)

Babka, A. *Za Polární kruh. Kus historie československého vojska za hranicemi.* Praha: Památník Odboje, 1924, 30 s.

Baerlein, H. *The March of the Seventy Thousand.* London: Leonard Parsons, 1926, 370 p.

Beneš, E. *Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa.* Díl 1. Praha: Orbis; Čin, 1935, 537 s.

Cheshsko-Slovatskiĭ (Chekhoslovatskiĭ) korpus, 1914–1920. Dokumenty i materialy. [T. 1]: Cheshsko-slovatskie vojskie formirovaniia v Rossii. 1914–1917. Vstupit. st. Z. S. Nenashevoi, otv. sost. K. A. Abramian, A. R. Efimenko, Z. S. Nenasheva, N. S. Tarkhova. Moscow: Novalis, 2013, 1016 s.

Červinka, J. *Cestou našeho odboje: příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914–1918.* Praha: F. Žďarský, 1920, 195 s.

Fic, V. M. *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa, 1914–1918.* Díl 1. Praha: Academia, 2006, 342 s.

Holotík, L. *Štefánikovská legenda a vznik ČSR.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958, 513 s.

Husák, O. *Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husáka,* red. M. Rak. Kn. 1. Praha: Československá obec legionářská, 2017, 357 s.

Janin, M. *Moje účast na československém boji za svobodu.* Praha: Nakladatelství J. Otto, s. d., 381 s.

Karzhanskiĭ, N. *Chekho-slovaki v Rossii. Po neizdannym ofitsial'nym dokumentam,* N. S. Karzhanskiĭ (Kachanov), predisl. avt. Moscow: Zmiĭ, 1918, 95 s.

Klevanskiĭ, A. Kh. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannij korpus. Chekhoslovatskie političeskije organizatsii i vojskie formirovaniia v Rossii, 1914–1922,* otv. red. Ia. B. Shmeral'. Moscow: Nauka, 1965, 395 s.

Masaryk, T. G. *Světová revoluce za války a ve válce*. Praha: Orbis a Čin, 1928, 650 s.
Pichlík, K., Klípa, B., Zabloudivá J. *Českoslovenští legionáři (1914–1920)*. Praha: Mladá fronta, 1996, 282 s.

Tabouis, G. Comment je devins commissaire de la République Française en Ukraine. Quelques notes et souvenirs. *Pratsy ukraïns'koho naukovoho ynstitutu*, vol. 8: *Spohady*. Warszawa: b. y., 1932, s. 141–161.

Vedernikov, M. V. *Organizovannoe politicheskoe dvizhenie chekhov v Rossii nakamne i v gody Pervoï mirovï voïny: dis. kand. istorich. nauk. 07.00.03*. Moscow, 2017. 273 s.

Vergé, A. *Avec les Tchecoslovaques: invraisemblable et véridique épopée*. Paris: René Guillon, 1926, 201 p.

Za svobodu: obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920, vrchní red. R. Medek. Kn. 1. Praha: Nákladem vlastním, 1925, 841 s.

Petr V. Moshechkov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The solution for the problem of the transportation
of the first Czechoslovak transports to France
(second half of 1917 — the beginning of 1918)

The article is concerned with the history of organization and transportation of the first two Czechoslovak echelons from Russia to France. It is aimed at tracing the idea of sending of a part of Czech and Slovak prisoners of war to the Western front. This intention was for the first time expressed by leaders of the Czechoslovak National Council founded in Paris in February 1916. This decision appeared in connection with the shortage of soldiers in the French army and of workers in the war industry of the Third Republic. In this respect, the research touches upon the basic aspects of the negotiations conducted by J. Dürich, M. R. Štefánik and T. G. Masaryk with the Russian governmental and military institutions. The article also dwells on the preparation of departure of these Czechoslovak units by the northern route — via Arkhangelsk and Murmansk and the co-operation between the Branch of the Czechoslovak National Council and the French military missions in Russia in supplying for the volunteers. The article is based on the documents from the collections of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Russian State Historical Archive, Military Central Archive of Czech Republic and published materials.

Keywords: *World War I, Russia, France, Western Front, Czechoslovak National Council, T. G. Masaryk, H. A. Niessel, prisoners of war, Czechoslovak volunteers.*

**Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России
в труде «Мировая революция»
(к 170-летию со дня рождения политика)**

В статье обосновывается ответ на вопрос, в силу каких причин происходили события, названные Т. Г. Масариком мировой революцией, а в этом ракурсе — какие практические шаги и дальнейшие выводы для строительства чехословацкой государственности он предпринимал как будущий президент страны — идеал- и реал-политик XX века. Отмечается, что эта государственность осмысливалась Масариком с опорой на старую (до февраля 1917 г.) Россию, а создавалась она в ходе сложных взаимодействий с Россией новой. Предпринята попытка показать, что именно чутье реал-политика не позволило Масарику отказываться от некоторых положений идеал-политика — если под таковыми признавать уважение к свободному выбору народов. Масарик адекватно и, можно сказать, релевантно излагает ключевые моменты русской революции — мотора революции мировой, в ходе которой «малые» народы получили (или восстановили) свою государственность. Отсюда почтительное отношение — на фоне идеологически ангажированных суждений — и к самому факту революции, и к выбору русского народа. Прочтение труда «Мировая революция» под этим углом зрения побуждает адекватно оценивать государственную мудрость мыслителя и политика, президента новой страны. Аргументируется настоятельность нового прочтения труда Т. Г. Масарика, отмечается, что ряд его положений значим для современности, когда идеальные побуждения к политической активности отводятся не на вторые и даже не на третьи планы. Это же прочтение может помочь в понимании причин не только того, как возникло Чехословацкое государство, но и того, почему оно распалось.

Ключевые слова: *Европа, СССР, Россия, Чехословакия, Т. Г. Масарик, мировая революция, русская революция, гуманизм, демократия, реал-политик, идеал-политик.*

7 марта 2020 г. исполнилось 170 лет со дня рождения Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) — первого президента Чехословацкой республики (ЧР), идеи и политические проекты которого до сих пор обсуждаются не только историками, но также политологами и государствоведами, психологами и экономистами, представителями всего комплекса социальных наук. Особое внимание привлекает к себе книга Т. Г. Масарика «Мировая революция»¹, вышедшая в 1925 г. в Праге на чешском и русском языках. Приступая к рассмотрению данного труда, своеобразным преддверием которого можно считать его трехтомник «Россия и Европа»², следует заметить, что между ними существует определенная преемственность и даже комплементарность, то есть взаимодополняемость. Она заключается в том, что настоятельность проблемы соотношения старой России и Европы, заявленная во втором произведении, вылилась в обоснования решений революционного характера относительно России в ходе становления государственности Чехословакии — в произведении первом. Характера, как раз осуждавшегося иногда Масариком в качестве идеал-политика, неоднократно подчеркивавшего свою приверженность эволюционным, а не революционным путям развития социума и культуры³. Но он был и незаурядным реал-политиком, то есть понимал возможность и неизбежность именно революционных решений, включая решение о создании новой страны в центре Европы.

Идеал-политик — государственный деятель, руководствующийся в своей деятельности идеальными мотивами, в случае Масарика — идеалами гуманизма и демократии, так или и иначе, по его убеждению, призванными победить реалии теократических режимов. В чем-то сходно с ним мыслил еще один идеал-политик — президент США В. Вильсон. Оба были профессорами⁴. Оба выводили Европу

1 *Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания / авторизованный перевод Н. Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага: Пламя; Орбис, 1926. Т. I. 245 с.; 1927. Т. II. 390 с. В 2018 г. в Москве, в издательстве «Вече», это произведение Масарика было переиздано, но без предисловия, комментариев, именного указателя и даже без упоминания переводчика.*

2 *Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2000. Т. I. 448 с.; 2004. Т. II. 720 с.; 2003. Т. III. 576 с.*

3 См.: *Задорожнюк Э. Г. «Подлинная революция — это революция реформистская» (Из книги Т. Г. Масарика «Россия и Европа»). Главы «Демократия и революция» и «Святая Русь» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 100–107.*

4 Профессором Масарик именует и П. Н. Милюкова, хотя тот был лишь приват-доцентом Московского университета.

из Первой мировой войны, не зная, а то и пренебрегая негативными последствиями ряда своих решений; оба стояли за укрепление новых государств в центре Европы, появившихся после распада Австро-Венгерской империи; оба подвергались критике, причем президент США даже в большей мере. В целом же основной итог взглядов Масарика на мировую революцию включает не только ее трактовку как продвижение идей гуманизма и демократии, но и признание итогов революции русской как ключевого ее звена, равно как легитимацию де-факто того выбора, который сделали народы России в пользу республики перед монархией. И этот итог можно оценить, сочетая лишь диалектически его позиции как идеал- и реал-политика⁵.

Термин «реал-политика» (от немецкого *die Realpolitik*, введен в 1853 г. историком Л. фон Рохау) употребляется достаточно часто. В качестве классического представителя такой политики упоминается фон Бисмарк, превративший Германию в империю. Конечно, и он руководствовался высокими ценностями, одна из которых — единение Германии (как для Масарика высшей ценностью являлась единая Чехословакия); идеалом же государственного устройства («поэмой», по слову Масарика) для Бисмарка была монархия — как для Масарика республика, хотя он не пренебрегал диктаторскими полномочиями и не опасался признаваться в этом. Но в историю вошли действия создателя Германской империи именно как реал-политика.

Что касается термина «идеал-политик», то он встречается гораздо реже. Им может быть означен такой политик, который руководствуется, причем не сугубо декларативно, в своей профессиональной деятельности высшими ценностями или идеалами. Таковыми для Масарика были гуманизм и демократия. Понятие «идеал-политик» не идентично

⁵ Размышляя фактически о соотношении идеал-политика и реал-политика, Т. Г. Масарик в беседах с К. Чапеком убедительно замечает: «И в политике важно равновесие разума и чувства. Когда в политике складывается тревожная, опасная ситуация, люди должны внимательно наблюдать и комбинировать, что и как, с чем они непременно обязаны считаться; и этот расчет должен быть точным, как в математике; чувство не смеет вводить нас в заблуждение. Однако цель, идеал устанавливаются не только разумом, но и чувством; согласно своей цели мы можем изменить ситуацию, внести в нее нечто новое, нечто свое. И это творчество, это — поэзия жизни... метод должен быть абсолютно конкретен, разумен, реалистичен, но цель, целостность, концепция — это вечная поэма» (*Чанек К. Беседы с Т. Г. Масариком // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 92*).

понятию «идеальный политик» в соответствии с моделями, которые разрабатываются зарубежными и отечественными обществоведами. К примеру, некоторые исследователи видят такого политика как целеустремленного и честного лидера с политической силой воли⁶ — но ведь эти качества во многом присущи и реальным политикам.

Конечно, идентифицировать Масарика как предельно приближающегося к идеальному типу реал- или идеал-политика сложно. Но в содержании труда «Мировая революция» эта конструкция помогает разобраться, равно как и признать его авторитет деятеля, который в текущей политике постоянно держал в поле своего зрения высшие ценности — и признавал право других на их истолкование. Этим и объясняется его видение реальных перспектив тех или иных процессов, влиявших на практические решения, что особенно видно в его оценках мировой революции и ее ключевого события — революции 1917 года в России⁷. Впервые этот труд Масарика был опубликован в июле 1925 г., вызвав широкие отклики⁸. В межвоенный период вышли

6 Захаров Н. Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // <http://www.ecsocman.hse.ru/786/Zakharov.pdf>

7 Отдельные аспекты проблемы см.: *Ведерников М. В.* Место России во внешнеполитической концепции Т. Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // *Современная Европа*. 2015. № 6. С. 122–130; *Задорожнюк Э. Г.* «Россия и Европа» Т. Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 27–35; *Задорожнюк Э. Г.* Штрихи к портрету Т. Г. Масарика // *Новая и новейшая история*. 2012. № 5. С. 151–163; *Инов И. В., Порочкина И. М.* Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2004. Серия 9. Вып. 3–4. С. 99–113; *Крючков И. В.* Т. Масарик и Э. Бенеш: Мировая революция и крах империй Габсбургов и Романовых // *Революция 1917 года в судьбах мира: уроки столетия*. Ставрополь, 2018. С. 41–45; *Ненашева З. С.* Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // *Современная Европа*. 2017. № 7. С. 88–97; *Серационова Е. П.* Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // *До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М., 2009. С. 322–340; *Серационова Е. П.* К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в.* СПб., 2011. С. 120–136.

8 *Masaryk T. G.* Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918. Praha, 1925. 650 p.

еще два чешских (в 1930 и 1936 гг. — с доизданием в 1938 г.) издания; следующее увидело свет лишь в 2005 г.⁹ Перевод книги на русский язык в середине 1920-х гг. осуществила богемист Н. Ф. Мельникова (1891–1978) — супруга личного секретаря президента Масарика, историка и дипломата Я. Папоушека (1890–1945).

Характеризуя свое произведение, Масарик утверждал, что пишет «не записки о путешествии, а политическую работу» (Т. I. С. 225)¹⁰. Труд состоит из 10 глав. *Первая* глава носит реал-политический и нарративный характер. Хотя она именуется «Завет Коменского», однако ее подзаголовок таков: «Прага, 1914, август — декабрь»; Коменский же в ней упоминается однажды — и как бы вскользь. Но это упоминание не только подтверждает верность Масарика его заветам — духом великого гуманиста и примирителя пронизана и вся политическая активность этого пока что депутата австрийского парламента.

Вторая глава «Roma Aeterna (Рим, декабрь 1914 — январь 1915)» о двух месяцах пребывания Масарика в Италии, *третья* «На родине Руссо. (Женева. январь-сентябрь 1915)», а также *четвертая* «На Западе (Париж и Лондон: сентябрь 1915 — май 1917 г.)» тоже почти целиком нарративны.

Глава *пятая* «Панславизм и наша революционная армия (Петроград — Москва — Киев — Владивосток. Май 1917 — апрель 1918 г.)» характеризует ключевое событие мировой революции — «большевистский переворот» — его предысторию, ход и первичные результаты для дела чехословацкой государственности. В ней есть объемный очерк по идеологии большевизма с естественным его осуждением, но и с признанием того, что он — разрешение внутреннего кризиса России, которая «нуждалась в столь насильственном пробуждении от царского сна» (Т. I. С. 205). Далее идет повествование о том, какими способами и приемами российские и зарубежные политики побуждали Масарика благословить это вмешательство, а большевики — привлечь его в союзники к борьбе с немцами.

В *шестой* главе «На Дальнем Востоке (Токио, 6–20 апреля 1918 года)» дается описание пребывания Масарика в Японии, в ней содержится меморандум о России и большевизме В. Вильсону. Эта глава самая краткая,

9 Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918 / ed. J. Srovnal. Praha, 2005. 640 s.

10 Здесь и далее: ссылки на пражское русскоязычное издание труда Т. Г. Масарика «Мировая революция». Т. 1–2 (см. перечень источников и литературы).

но и одна из самых весомых в плане отношения Масарика к будущему преобразованию Европы с учетом фактора большевизма.

Второй том труда открывается главой *седьмой* «Американская демократия. *Finis Austriae* (Вашингтон: 29-го апреля — 20-го ноября 1918 г.)»; она особо примечательна в плане изложения и реальной политики, и воплощения в ее ходе идеальных ценностей, каковыми Масарик считал религиозно-моральные основы государственности. Почему этот гимн Америке помещен в главе, посвященной гибели Австрии — ведь едва ли не большинство чехов (и словаков) ненавидели последнюю? Есть ли не поверхностные, а существенные изъяны в самой американской демократии? Что может воплотиться из ее основ в новой Чехословакии? Обо всем этом в главе или не говорится, или упоминается вскользь.

Восьмая глава «Мировая революция и Германия (Из Вашингтона в Прагу через Лондон, Париж, Падую. 20 ноября — 21 декабря 1918 г.)» носит в основном нарративный характер, хотя и предваряется небольшими рассуждениями о телеологии (целеполагании) в жизни отдельного человека и общества. То же можно сказать и о главе *девятой* «Возникновение нашей республики», в которой суждения философского характера были высказаны в конце.

Наконец, глава *десятая* «Демократия и гуманизм» наиболее полно выражает политические идеалы Масарика, а ее завершающая часть затрагивает феномен веротерпимости в Чехословакии и в мире.

Итак, вторую, третью и четвертую главы можно считать сугубо нарративными и почти полностью посвященными реал-политике, глава десятая посвящается идеал-политике, а остальные можно отнести к нарративным с элементами изложения высших ценностей Масарика-политика. В целом же книга — важный источник о «былом и думам» (если вспомнить название романа почитаемого Масариком русского автора). Она в этом плане — ничем не заменимый источник, правда, нуждающийся в современных оценках и комментариях. Начальная и большая часть ее заключительных глав посвящены мировоззренческим вопросам, выражая, можно сказать, заветные мысли Масарика — о демократии, государственности, малых народах, этике и пр. Как раз на этом фоне нарратив и мемуарные свидетельства обладают некой специфической чувствительностью. Так, Масарик стремится избегать жестких моралистических оценок, подчеркивая как крайнюю противоречивость революционных событий в России, так и сложность мотивации каждого из его исторических противников и соратников. Представляя же в чем-то моралистично как идеал-политик борьбу за государственную

независимость Чехословакии, он время от времени пишет как реал-политик, который ради достижения своих целей идет на контакты с любыми лицами и принимает неожиданные решения.

Если читать книгу под этим углом, то и нарратив, и изображенные в ней лица часто предстают в некоем двойственном свете. Но Масарик не случайно был великим реал-политиком. Так, его неприязнь к марксизму и особенно ленинизму, зафиксированная еще в труде «Россия и Европа», не помешала ему рассмотреть реальную ситуацию: народ России предпочел власть большевиков любой другой — и в этом предпочтении он оказался непобедимым. Правда, отношения с большевистской властью были Масариком заморожены на весьма продолжительный срок, причем некоторая мотивация такой заморозки просматривается как раз в труде «Мировая революция».

Уже предыстория этих отношений крайне сложна. Воцарение в 1916 г. Карла I, именовавшегося как императором Австро-Венгрии, так и королем Чехии, было связано, в частности, с амнистией, включая родных Масарика и приговоренного к смертной казни К. Крамаржа. Естественно, открылись новые возможности и для достижения государственной независимости чехов (и словаков), пока с опорой на царскую Россию. Важными становились как оформление идеи нового государства, так и рост конкуренции проектов политических сил в ее воплощении в жизнь. Меморандум Масарика французскому правительству в феврале 1916 г., провозглашавший конец Австро-Венгерской империи («без пяти двенадцать»), как бы намекал: надо готовиться произносить тост, связанный с появлением нового государства, — и важно, кто его первым произнесет.

Ожидания начались еще весной 1917 г. 5 мая 1917 г. с согласия властей Великобритании Масарик с британским паспортом на имя Томаса Джорджа Марсдена (с сохранением инициалов Т. Г. М.) отплыл из шотландского порта Абердин в Скандинавию, откуда на поезде через Берген, Христианию (Осло) и Стокгольм в ночь с 15 на 16 мая 1917 г. прибыл в Петроград¹¹. Ситуация как раз к этому времени кардинально изменилась. Сам Масарик еще в 1916 г. стал почетным профессором Петербургского университета, но его друг, приват-доцент Миллюков, подал в отставку с поста министра иностранных дел Временного правительства 16 мая. Зато уже месяц действовал другой интеллеktуал — В. Ульянов-Ленин, реализовывавший положения своих «Апрельских тезисов».

¹¹ Подробнее см.: *Rychlík J.* 1918. *Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Česko-Slovenska.* Praha, 2018. S. 143.

С первых же дней пребывания в Петрограде Масарик начал выступать перед соотечественниками, публиковаться в газете «Чехословак» и местных изданиях, одновременно отправлять корреспонденции в лондонскую Times и другие газеты. Нужно продолжать войну до победного конца, постоянно утверждал он, видя в таком исходе начало демократической реорганизации Европы (хотя относительно тогдашней новой России Масарик утверждал, что ей-де недостает «сильных лидеров» — вскоре они в лице Ленина и Троцкого и появились в России еще более новой...).

В петроградских газетах в мае — июне выходят его статьи о «малых народах», но вскоре Масарик вовлекается в практическую деятельность: признанная всеми после Зборовского сражения 7 июля победа боеспособного чехословацкого легиона над немецко-австрийскими войсками побудила его заниматься организационными делами по превращению легиона в корпус, а там и в армию — ее могли составить 40 000 плененных чехов и словаков.

Вот что пишет профессор о своем переключении на реал-политику в труде «Мировая революция»: «Нашей задачей было создать армию, или, как мы говорили в России, “корпус”, из первоначальной дружины, переделанной в бригаду, потом в дивизию, и из ядра второй дивизии. План был таков — создать вначале один корпус и потом готовить другой, ибо пленных, идущих добровольцами в армию, было достаточно. Я продолжал там, где кончил Штефаник. Против русского плана создания пропагандистского войска, войска политического, Штефаник выставлял наш план, доказывавший необходимость настоящего, как можно большего войска, которое должно было быть послано во Францию. Об этом мы договорились сейчас же после признания Брианом нашей антиавстрийской программы» (Т. I. С. 185). Получается, что «русский план» был нацелен на создание всего лишь «пропагандистского» войска. Не совсем понятно, что и как оно намеревалось «пропагандировать», но воевать ему на восточном направлении, по логике приведенного здесь суждения Масарика, не стоило. Но где есть не пропагандистское, а реальное войско, там оно не может не влиять на ситуацию. Тем более что под Зборовом чехословацкие части показали, что они умеют воевать, нанося поражения высокопрофессиональным немецким войскам.

Поэтому небезосновательно современный чешский историк Я. Рыхлик пишет, что Масарик прекрасно понимал значимость чехословацкой армии в России. В ходе петроградского собрания соотечественников на вопрос, что являлось на тот момент первоочередной

задачей, он ответил: «Параграф первый: армия. Как можно большее чехословацкое войско, как можно большую чехословацкую армию! Чтобы мир видел, что чехословацкий народ действительно против Австро-Венгрии... Параграф второй: заботиться о нас, о самих себе. Этим я совершенно четко хочу сказать: *не вмешиваться в русские дела* (курсив мой. — Э. З.)... В первую очередь, нам нельзя допустить, чтобы наше войско можно было использовать для установления какого-то порядка. Пусть русские сами его наведют»¹². В любом случае Россия должна продолжать войну с Германией — при любом «порядке», а его, в свою очередь, должны признать Англия и Франция. Как подчеркивалось в труде «Мировая революция»: «Союзники должны Россию поддерживать во что бы то ни стало и всевозможными средствами. Если немцы покорят Восток, то позднее покорят и Запад» (Т. I. С. 228).

Революция 25 октября (по старому стилю) 1917 г. сменила приоритеты активности Масарика: о «войне до победного конца» на восточных фронтах пришлось забыть после Декрета о мире, и в то же время продолжать ее на других фронтах. Масарик перебрался в Москву, а затем в Киев, но налаживать контакты теперь пришлось уже не с Милюковым, а с Г. Плехановым, Л. Троцким, И. Сталиным и даже В. Лениным, хотя и не напрямую. «Величайший радикал, пришедший к власти» (Т. II. С. 323) — так Масарик именуется Ленина во втором томе, но в томе первом называет его человеком, который «часто признавал, что делаются ошибки и что нужно учиться» (Т. I. С. 201) (к слову, Ленин упоминается в первом томе 9, а во втором — всего 2 раза). Перечитывать характеристики Ленина как человека подлинно рискованного (каковым был и сам Масарик, а если учитывать его тогдашний возраст — то даже более рискованным) в желании устроить революцию и ввести систему советов, которая «есть не что иное, как расширение примитивных русского мира и артели» (Т. I. С. 204), крайне интересно. Правда, следов ни переписки, ни прямых контактов с вождем русской революции в книге о революции мировой обнаружить не удалось...

Итак, по Масарику, «большевизм означает внутренний кризис России — его нельзя лечить вмешательством извне» (Т. I. С. 205). Это значит, что лидерам чаемой чехословацкой государственности надо считаться с новыми реалиями как в России, так и на ее окраинах. К примеру, 12 января 1918 г. Украина была признана независимой Центральными державами. «Я, — пишет Масарик, — считал невозможным оставаться на Украине, совершенно оторванной от России...

12 Цит. по: Ibid. S. 143–144.

без России же мы не могли попасть в Сибирь, а оттуда во Францию» (Т. I. С. 208). На тот момент «дружбы» между двумя странами, добившимися независимости от империй, — соответственно Российской и Австро-Венгерской — не получилось.

И Масарик решает: путь на родину боеспособных легионеров должен идти не в ближайшем западном (от Киева — всего полтысячи километров, но власти Киева начинали свою игру с Центральными державами, первыми заключив свой вариант Брестского мира) и не в среднем по протяженности северном (через Мурманск) направлениях. Через Румынию же Масарик не направил войско по двум причинам: нехватка довольствия и необходимость считаться с мирными переговорами большевиков с Германией. В итоге корпус отбыл в наиболее протяженном — в десятки тысяч километров — направлении: восточном. Позднее Масарик называл прошедших этот путь легионеров братьями; именно они составляли первый караул Пражского града и были личными охранниками президента.

Как этот выбор анабазиса мотивирован в труде «Мировая революция»? Думается, как смешение начал идеал- и реал-политики: «Путешествие во Францию из Киева через Сибирь — вот фантастический план, говорил иногда я сам себе; но когда я взвесил все условия, то увидел, что это все же самый практичный, хотя и требующий длинного пути, план» (Т. I. С. 209). И как раз по этому, наиболее протяженному, пути осуществляет свой личный анабазис уже 68-летний профессор.

Страницы труда «Мировая революция» не содержат описания тягот этого путешествия, хотя о территориальных перемещениях в книге говорится достаточно подробно. Переписка же с вождями революции, особенно с Лениным, почти не упоминается.

А что же дальше с независимостью? «Пролетарская революция» в России — шанс для «национального освобождения» или препятствие для него? Как она соотносится с мировой революцией, или, как ее именует Масарик, «демократической»? Фактически ответы на эти вопросы и составляют основное содержание труда «Мировая революция» — и они таковы, что их надо постоянно держать в поле внимания из-за их двойственности. В этих ответах, скорее, ощущается вера в некую миссию и надежда на то, что свобода в новую Чехословакию придет с Запада, а не с Востока, а ее пророком будет Вильсон, а не Ленин. При осознании того, что это позиция скорее идеал-политика, Масарик же как реал-политик куда адекватнее оценивал роль как раз Востока в осуществлении своих надежд, хотя не писал об этих надеждах внятно.

И как реал-политик он не принял линии на союз чехословаков-мятежников с контрреволюционными генералами, выступавшими за «единую и неделимую Россию», обремененную «союзническими обязательствами». Реальность диктовала: нужно использовать шанс, представленный крушением монархии, а затем и Временного правительства с его «слабыми лидерами», — но особо не признаваться в этом.

Данная ситуация отражается на страницах труда «Мировая революция» с учетом следующего, пожалуй, ключевого момента — нежелания Масарика вовлекать чехословацкие части в Гражданскую войну в России. «Я был главным начальником, даже диктатором армии, как меня провозгласили солдаты в России, но, конечно, ни в коем случае не главнокомандующим», — констатирует Масарик (Т. II. С. 88). Им стал генерал М. Жанен, с которым Масарик встречался и в Вашингтоне, и на своем пути через Сибирь к океану (тот ехал в обратном направлении). Как раз он ввел в чехословацких войсках французский военный устав. При этом, хотя Масарик подчеркивал, что «генерал Жанен исполнял свою тяжелую задачу лояльно и обдуманно» (Т. II. С. 89), все же его намерение перевезти чехословацкие части через Туркестан и Средиземное море во Францию оценивалось критически. Остается добавить, что Жанен не сдерживал чехословацкий мятеж. Если учесть, что он проходил одновременно с мятежами в Ярославле и Рыбинске, Владимире и Муроме, то француза волновало свержение новой власти в России, по его убеждению, как предпосылки победы над немцами.

Конечно, повествование о «сибирском анабазисе» — без акцента на том, что мятеж чехословацкого корпуса увеличил масштабы, причем не только территориальные, гражданской войны в России, — не лишено мудрого лукавства. И все же видно, что раздувание «рокового челябинского инцидента» им осуждается (Т. II. С. 77). Относительно «большевистской пропаганды» выражаются опасения, а вопрос о том, «кто был виноват в том, что в Сибири начались бои — мы или большевики» (Т. II. С. 81), — замалчивается.

Оценивая же внешние факторы, влиявшие на возникновение нового государства, с осторожностью реал-политика, его будущий лидер не питал иллюзий относительно не только побеждаемых, но и победителей в войне. Масарик допускал, что делу независимости Чехословакии могут, помимо немцев и австрийцев, помешать, скорее, славяне — при этом не только русские, но также поляки и украинцы, — хотя союзники по Антанте тоже не вызывали у него однозначно позитивного отношения. Так, вину за ненужное удержание

чехословацких войск на Волге он — конечно же, с должной осторожностью — возлагал на храброго французского майора А. Гинэ, который «усиленно поддерживал фронт на Волге, ожидая помощи от мифической союзнической армии у Вологды. Нашим же казалось, что внутренний чешско-русский фронт является обновлением борьбы с немцами и австрийцами» (Т. II. С. 83–84). Уместно, думается, было бы заменить слово «казалось» на «внушалось», ибо Масарик не соглашался с тем предрассудком, что-де большевиков к преследованиям чехов и словаков побуждали немцы.

И немногим выше: «Взятие волжских городов было, кажется, стратегической ошибкой» (Т. II. С. 79). Таких «кажется» в описании славы чехословацкой независимости — легионеров — в книге Масарика немало. Не без этого «кажется» Масарик приводил в своей книге выдержки из писем американских и английских политиков; в одном из них, от Ллойд-Джорджа 11 сентября 1918 г., говорилось об анабазисе легионеров как «одной из величайших эпопей истории» (Т. II. С. 79). Реал-политик Масарик воспринимал такого рода риторику с должной долей здравомыслия. Остается заметить, что он всего лишь года не дождал до времени, когда под весьма схожую риторику бывшие союзники по Антанте отдали Чехословакию по власть все тех же немцев...

В целом же сквозное прочтение в книге темы формирования вооруженных сил будущей Чехословакии, остовом которых не могли стать легионеры, особенно интересно. История их движения вокруг земного шара и продвижения их лидеров в новой стране описана неоднократно. Хотелось бы добавить, что Масарик, видя крайности фракций в движении к независимости — от протофашиста Р. Гайды до коммуниста Я. Гашека, — сумел не привести их к прямым столкновениям и в ходе движения в Чехословакию, и в самой стране. Знаменитая легионерская фуражка, которую он носил, став президентом, в этом плане — некий символ, объединявший силы самой разнородной политической направленности, если они прошли школу легионерства.

В труде «Мировая революция» об этом говорится следующими вдохновенными — на фоне довольно скупого эмоционального стиля Масарика — словами: «Количество и качество легионов объясняет, почему союзнические правительства и армии признавали наше войско и нашу деятельность и почему они наше движение принимали с уважением и с симпатиями. А наше заграничное войско имеет и будет иметь значение дома: если сосчитать семейные, родственные и дружественные связи легионеров, то получается по крайней мере миллион лиц, которые непосредственно связаны с легионерами, —

легионы являются для нашего государства значительной и важной политической силой» (Т. II. С. 91).

С самого начала войны Масарик дистанцировался от той позиции, что она есть столкновение славян с германцами, в частности исходя из «невозможности дальнейшего существования старого царского режима. Но всегда и постоянно я рассчитывал на помощь России и старался добиться этой помощи» (Т. II. С. 238). Ее, эту помощь, по убеждению Масарика, предоставляло не в должной мере царское правительство; Временное правительство начало ее оказывать активнее (в частности, через генерала Н. Духонина). Оказалось, что лишь большевики, даже будучи «кровными детьми царизма», а во внешней политике выступая «по традиции рабочего интернационала», «признавали нашу армию и право на вооруженный нейтралитет» (Т. II. С. 240). Да, при этом Масарик все же констатирует: «Они не понимали ни нас, ни наших стремлений» (Т. II. С. 240). Но путь через свою страну — Россию — в Европу они все же гарантировали, хотя эти гарантии осуществлялись с большим трудом.

Может, как раз из-за подобного взаимонепонимания чехословацкий корпус и поднял мятеж? Масарик не утверждал это напрямую, более того: он предостерегал — даже на расстоянии — от вмешательства в русские дела.

В этом плане уместно привести слова Р. Б. Локкарта, который, как известно, прибыл из Великобритании с миссией задушить и революцию, и советскую власть. Но мятеж чехословацкого корпуса не мог закончиться успехом — что бы ни говорили местные контрреволюционные силы, а тот же Локкарт из западных аналитиков понял это одним из первых. «В конце концов, — спустя годы писал он, — чехи были причиной нашего окончательного разрыва с большевиками... Как я желал бы теперь, чтобы президент Масарик находился в России в то тяжелое время! Убежден, что он никогда бы не дал санкций на сибирское восстание. Союзники послушались бы его, и мы бы избежали этой чудовищной авантюры, которая обрекала на смерть тысячи русских и стоила миллионы фунтов золота британским налогоплательщикам»¹³. Конечно, это суждение *post factum*, конечно, в английском политикуме были те, кто поставил бы отсутствие таких санкций Масарику в вину. Но к мнению разведчика-профессионала, пытавшегося неудачно свергнуть власть Советов, все же следует присмотреться.

¹³ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера английской разведки. М., 2016. С. 287.

Локкарт встречался с Масариком, в мемуарах которого отмечается, причем неоднократно, что «английскому торговому атташе в Москве» (так он его называл; Т. I. С. 219) эта миссия не удалась, и он задумался о причинах ее невыполнимости. Надо сказать, что необходимость в этом Локкарт осознал не в малой степени под влиянием взглядов Масарика на истоки и ход русской революции как части революции мировой. Действительно, будущий президент Чехословакии как реал-политик не желал России того же, чего и своей стране. А именно, вмешательства в ее внутренние дела. Он раньше других понял, что революция 1917 г. неотвратима и в чем-то безальтернативна. Отсюда взвешенная позиция Масарика относительно и права народов России на революцию, которое он косвенно обосновывал еще в своем трехтомном труде «Россия и Европа». Отсюда и убеждение в безуспешности попыток подавить ее. Отсюда же нежелание будущего президента страны втягивать чехословацкие бригады, дивизии, корпуса, наконец, армию в русские дела, что все же в конце концов произошло провокационным путем. Мятеж все-таки состоялся, хотя он не мог закончиться успехом — что бы ни твердили местные контрреволюционные силы.

Мятеж проходил в мае — августе 1918 г., а Масарик покинул Россию в марте этого же года, ранее узнав и одоблив совместное выступление чехословацких частей и частей Красной армии против немцев близ Бахмача (и получив одобрение от «комиссара Сталина»; Т. I. С. 225). Но до полного взаимопонимания и тогда, и позднее было далеко.

Масарик постоянно утверждал, что он противопоставляет демократию теократии, особенно сильной в старой России, констатируя, что человечество находится в переходной эпохе от теократии к демократии на основах гуманизма. Но вот путь к ней шел через войну, к которой привели, по убеждению Масарика, не сугубо экономические причины, не национализм или другие единичные причины: «друг против друга стояли идеи и взгляды на мир и жизнь» (Т. II. С. 157). В результате мировой революции, вытекавшей из мировой войны, изменились и те и другие взгляды, а новая Россия, как и старая, оказалась силой, обеспечивавшей существование независимой Чехословакии.

Во многих трудах указанные взгляды маркировались Масариком как демократия (на западе) и теократия (на востоке Европы); так, в частности, было в его «России и Европе». Эта маркировка подверглась изменениям в середине 1930-х гг., когда президент Чехословакии, спасаясь от плода «демократии» на Западе — германского нацизма, — обратился к прямому наследнику теократии — большевистской

России. Прежние представления Масарика встали с ног на голову; правда, если учесть его раннее русофильство, то, наоборот, все стало на свои места.

В главе девятой о возникновении «нашей республики» отмечено: «Россия не могла нас освободить... Россия, царская и официальная Россия, была не славянской, а византийской. Наше русофильство относилось прежде всего к русскому народу — это русофильство не было ослаблено войной; наоборот, оно усилилось» (Т. II. С. 242). Надо сказать, что и в первой главе Масарик как раз выступил «против некритического русофильства» (Т. I. С. 19), но значимость фактора русофильства без сверхпозитивных или сверхнегативных коннотаций он все же признавал — и русофобом не был никогда, включая отношение к новой России.

В целом по его логике получается, что «западная часть» делала **практические** ошибки при **теоретическом** благословении независимости Чехии, а вот «русская часть», осуществляя революцию, делала нечто большее для нее **практически**, может и ошибаясь **в теории**. Ибо Масарик недвусмысленно подчеркивает: «Что касается убеждений, то я был во многом гораздо большим противником большевизма, чем некоторые господа в Париже и в Лондоне» (Т. I. С. 216).

Следует особо подчеркнуть, что Масарик, которого часто именуют одним из первых марксологов, теоретически опровергал установки большевизма в самом конце XIX в., еще в 1898 г., в книге «Философские и социологические основания марксизма», которая вышла в 1898 г. на чешском, в 1899 г. — на немецком, а уже в 1900 г. — на русском языке¹⁴, даже с учетом того, что собственно большевизм появился пять лет спустя, после II съезда РСДРП, в 1903 г. Не обошел он их своим вниманием и в труде «Россия и Европа» (имя Ленина упоминается там более 10 раз), правда, трактуя эту силу как в общем-то маргинальную.

Однако! «В конце концов, — утверждал Масарик, — большевики были тоже русскими, для меня Ленин был не менее русским, чем Николай; несмотря на его монгольское происхождение, в нем было больше русской крови, чем у царя» (Т. I. С. 216). В то же время одно из ключевых мест труда: «Большевизм означает внутренний кризис России — его нельзя лечить вмешательством извне» (Т. I. С. 205). В связи с этим и упомянутый выше вывод о весе «русской части» в освобождении Чехии нужно приводить в сочетании с другим: «Русская

14 См.: Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. II. С. 595. Прим. 8.

революция 1917 года была для нас и для нашего освобождения скорее плюсом, чем минусом» (Т. I. С. 220).

В заключение отметим: мировая революция в трактовке Масарика — скорее революция всеевропейская. Но все же, проезжая в 1918 г. через Китай и Корею в Японию, Масарик так или иначе не мог не ощущать гул революционных перемен здесь, когда еще в 1911 г. была свергнута Цинская династия и учредилась Китайская Республика. Как раз в Японии он готовил материалы для встречи с Вильсоном — американским побудителем европейских революций и создателем Версальской системы. Но об этой революции он не говорит ничего.

В последней главе книги говорится о ценностях демократии и гуманизма: «Моральной основой всей политики должен быть гуманизм, а гуманизм это наша национальная политика» (Т. II. С. 308). Заключительные же слова и главы, и книги таковы: «Повторяю, Христос, а не Кесарь — вот смысл нашей истории и демократии» (Т. II. С. 358). Как раз ко времени выхода книги оформлялись идейные позиции очередного кандидата в кровавые «кесари». Уроженец Австро-Венгерской империи и будущий фюрер «третьего рейха» свою книгу «Моя борьба» писал в тюрьме в 1924 г., а первый том выпустил в свет в 1925 г. (второй — в 1926 г.).

Остается привести заключительные слова и о России — слова доверия ей как стране, пережившей развал, но способной к восстановлению. «Мы, — подчеркивал Т. Г. Масарик, — должны желать укрепления России, но это укрепление может прийти из ее же недр, оно произойдет при помощи самих же русских, оно не может быть проведено извне, иными народами; в кризисе, в котором оказалась Россия, она может помочь себе лишь сама — России можно помочь денежным займом, торговлей, всеми внешними средствами европейской цивилизации, но спасти ее этим нельзя. И Франция, и иные народы — среди них и мы — пережили революцию и такой же кризис, как и Россия, но помогали и помогли лишь самим себе. Мы лично можем очень мало помочь России; то, что мы можем, мы делали уже во время и после войны; *в своей политике невмешательства* (курсив мой. — Э. З.) я руководствовался проникновением в глубокий политический кризис России. Я верю, что Россия опамтается и укрепитя и будет снова играть большую политическую роль, еще большую, чем при царизме: Россия нужна не только нам и остальным славянам, но и всему свету. Мы были русофилами до войны и во время войны, ими мы и останемся, но будем лучшими русофилами, мыслящими и практически, — мы пойдем за Гавличеком, который первый из наших политиков сумел правильно отличать царизм от народа» (Т. II. С. 273).

Еще раз о композиции книги: между начальной ее главой «Завет Коменского» и заключительной «Демократия и гуманизм» — седьмая, срединная, названная, можно сказать, не без парадоксальной причудливости: «Американская демократия. *Finis Austriae*», — как будто именно американским гуманизму и демократии пришлось обеспечить и констатировать смерть Австро-Венгерской империи.

Но при этом — вольно или невольно — на переднем крае повествования о достижении независимости страны выступает Россия и состоявшийся там анабазис чехословацкого корпуса, позднее материализовавшего мечту о свободной стране на осколках поверженной империи. Эта мысль проходит в книге, даже если ее автор недвусмысленно отмечает вторичную роль революционных событий, имевших место у мощного восточного соседа: «Нашему освобождению мы обязаны прежде всего Западу и менее России» (Т. II. С. 272).

Практически и заключительные слова второго тома труда Масарика об этом говорят еще более убедительно: «Таким образом, ответ на вопрос, поскольку нас освободила Россия и поскольку западные союзники, не может быть неясным. Русская часть в освобождении меньше, гораздо меньше западной» (Т. II. С. 241). Повторно приведя эту ключевую фразу, остается добавить, что в данном контексте слово «поскольку» нужно трактовать: «в какой мере». Эти и другие суждения Масарика в его труде о мировой революции едва ли могут быть оценены однозначно. Но учесть его идеологические позиции стоило бы.

Так, страницей ниже Масарик озвучивает один из тезисов, столь тщательно препарированный ранее в трехтомнике «Россия и Европа», того что «Россия официальная была не славянской, а, скорее, византийской» (Т. II. С. 242), поэтому и революция здесь якобы не могла быть демократической. Тем самым навязывается мнение: с какой-де стати России было заботиться о появлении демократических славянских государств на территории бывших империй? Вот профессор В. Вильсон с его 14 пунктами — совсем другое дело, тем более что он тщательно советовался по этому поводу с другим профессором — самим Масариком...

Такое смещение акцентов обнаружить нетрудно и в других частях книги, связанных с осуждением революции 1917 г. в России. Правда, человеку, который столь строго и убедительно разоблачал самодержавие в канун его 300-летия в труде «Россия и Европа», как-то негоже было разоблачать народ, его свергнувший. Даже если этот народ в ходе революции выбрал большевиков — В. Ленина с Л. Троцким,

а не эсеров и В. Чернова с Б. Савинковым, партия которых одержала победу на выборах в Учредительное собрание («Учредилку», как его уничижительно именовали в массах города и деревни). И с этим, убеждал Масарик, тоже надо считаться.

Прошло 20 лет после начала Первой мировой войны и 17 — после 1917 г. Теперь Советский Союз снова понадобился Чехословакии — уже как хранитель ее независимости, а не только гарант ее достижения. В 1934 г. состоялась встреча первого чехословацкого президента Т. Г. Масарика с первым послом СССР в Чехословакии С. Александровским — помимо всего прочего, представителем большевистской идеологии. Вот как описывает ее обстоятельства личный секретарь президента: Масарик принял его, еще не оправившись от очень тяжелой болезни, ему врачи не разрешали вставать, и была достигнута договоренность, что он будет говорить с Александровским не вставая с постели. Однако для 84-летнего политика, всегда державшего в поле зрения весомость и России, и СССР, это казалось недопустимым. «Масарик, — записал Шенк, — отказался оставаться в постели, оделся и за полчаса до аудиенции спустился на лифте в рабочий кабинет. С одной стороны его поддерживал камердинер, а с другой — сиделка. В кабинете он не без усилия сел в кресло и стал ждать. Аудиенция продолжалась в целом около двадцати минут... Когда его ввел Штримпл, Масарик уже стоял, подал Александровскому руку и произнес несколько слов. Всю дальнейшую беседу вел министр Бенеш»¹⁵. Выказывая такого рода уважение советскому послу, Масарик признавал, что СССР как плод мировой революции оказался оплотом против процессов форсированного создания единой Европы под эгидой набиравшего силу национал-социализма, весьма далекого от ценностей гуманизма и демократии. Хотя бы по этой причине — определения более точного «веса» России и Запада в образовании и дальнейшей истории Чехословакии — книгу Масарика перечитывать надо.

Таким образом, сплав мыслей Масарика как идеал-политика и реал-политика просматривается в труде «Мировая революция» с достаточной определенностью. В главах книги излагаются его воззрения на политические идеалы вновь возникшей страны — применимые, по его мнению, и к другим странам Европы. Не случайно его прочили в президенты Соединенных Штатов Европы — если они состоялись бы

¹⁵ *Smetanová J.* TGM: «Proč se někde pravda?». Ze vzpomínek dr. Antónína Schenka, osobního tajemníka prezidenta T. G. Masaryka v letech 1928–1937. Praha, 1996. S. 188.

в те времена. Дебаты же о судьбах такого трансгосударственного объединения в формате Евросоюза идут и сегодня, и здесь обращение к некоторым мыслям Масарика вполне правомерно. Сам же он стремился избегать жестких моралистических оценок и подчеркивал крайнюю противоречивость революционных событий в России — своеобразного мотора революции мировой. В чем-то как идеал-политик он представлял и ситуацию, связанную на этом фоне с борьбой за государственную независимость Чехословакии, тоже события революционного. Но время от времени в его изложении просматриваются черты и реал-политика, который ради достижения своих целей идет на контакты с любыми силами при решении конкретных проблем; об этом в книге написано с честностью, присущей как раз идеал-политику. В целом же он признавал право народа на строительство нового общества, даже если этот процесс будет носить крайне противоречивый характер.

К концу его жизни оказалось, что именно новая Россия (СССР) встанет на защиту Чехословакии от натиска со стороны Германии при попустительстве Англии и Франции — стран, которые Масарик считал носителями идеалов гуманизма и демократии.

Источники и литература

Ведерников М. В. Место России во внешнеполитической концепции Т. Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6. С. 122–130.

Задорожнюк Э. Г. «Подлинная революция – это революция реформистская» (Из книги Т. Г. Масарика «Россия и Европа». Главы «Демократия и революция» и «Святая Русь») // Славяноведение. 1997. № 5. С. 100–107.

Задорожнюк Э. Г. «Россия и Европа» Т. Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 27–35.

Задорожнюк Э. Г. Штрихи к портрету Т. Г. Масарика // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 151–163.

Захаров Н. Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // <http://www.ecsocman.hse.ru/786/Zakharov.pdf>

Инов И. В., Порочкина И. М. Петроградский этап в борьбе Томаша Гаррига Масарика за создание самостоятельной Чехословацкой республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Серия 9. Вып. 3–4. С. 99–113.

Крючков И. В. Т. Масарик и Э. Бенеш: Мировая революция и крах империй Габсбургов и Романовых // Революция 1917 года в судьбах мира: уроки столетия. Ставрополь, 2018. С. 41–45.

Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера английской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 367 с.

Масарик Т. Г. Мировая революция. Воспоминания / авторизованный перевод Н. Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага: Пламя; Орбис, 1926. Т. I. 245 с.; 1927. Т. II. 390 с.

Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб.: РХГИ, 2000. Т. I. 448 с.; 2004. Т. II. 720 с.; 2003. Т. III. 576 с.

Ненашева З. С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. 2017. № 7. С. 88–97.

Серапионова Е. П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб.: Алетейя, 2011. С. 120–136.

Серапионова Е. П. Первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик // До и после Версаля. Политические лидеры и национальные государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Индрик, 2009. С. 322–340.

Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 82–103.

Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918. Praha: Čin a Orbis, 1925. 650 p.

Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918 / ed. J. Srovnal. Praha: Masarykův ústav AV ČR, Ústav T. G. Masaryka, 2005. 1. vyd. 640 s.

Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Česko-Slovenska. Praha: Vyšehrad, 2018. 280 s.

Smetanová J. TGM: «Proč se někde pravda?». Ze vzpomínek dr. Antónína Schenka, osobního tajemníka prezidenta T. G. Masaryka v letech 1928–1937. Praha: Primus, 1996. 325 s.

References

Chapek, K. Besedy s T. G. Masarikom. *Voprosy istorii*. 1998, № 1, s. 82–103.

Inov, I. V.; Porochkina, I. M. “Petrogradskii etap v bor’be Tomasha Garriga Masarika za sozdanie samostoiatel’noi Chekhoslovatskoi respublikii.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2004, seriia 9, vyp. 3–4, s. 99–113.

Kriuchkov, I. V. "T. Masarik i E. Benesh: Mirovaia revoliutsiia i krakh imperii Gabsburgov i Romanovykh." *Revoliutsiia 1917 goda v sud'bach mira: uroki stoletia*. Stavropol', 2018, s. 41–45.

Lokkart, R. B. *Agoniia Rossiiskoi imperii. Vospominaniia oftsera angliiskoi razvedki*. Moscow: Algoritm, 2016, 367 s.

Masarik, T. G. *Mirovaia revoliutsiia. Vospominaniia*. Avtorizovannyj perevod N. F. Mel'nikovoj-Papoushek. Prague: Plamya; Orbis, 1926, t. I. 245 s.; 1927, t. II, 390 s.

Masarik, T. G. *Rossiia i Evropa. Esse o dukhovnykh techeniakh v Rossii*. T. I. Saint Petersburg: RXGI, 2000, 448 s.; t. II. Saint Petersburg: RXGI, 2004, 720 s.; t. III. Saint Petersburg: RXGI, 2003, 576 s.

Masaryk, T. G. *Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918*. Praha: Čin a Orbis, 1925, 650 p.

Masaryk, T. G. *Světová revoluce za války a ve válce, 1914–1918* / ed. J. Srovnal. Praha: Masarykův ústav AV ČR, Ústav T. G. Masaryka, 2005, 1. vyd., 640 s.

Nenasheva, Z. S. "Chekhi v Rossii mezhdru dvukh revoliutsii: mechty, illiuzii i real'nost'." *Sovremennaiia Evropa*. 2017, № 7, s. 88–97.

Rychlík, J. 1918. *Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Česko-Slovenska*. Praha: Vyšehrad, 2018, 280 s.

Smetanová, J. *TGM: "Proč se neřekne pravda?". Ze vzpomínek dr. Antonína Schenka, osobního tajemníka prezidenta T. G. Masaryka v letech 1928–1937*. Praha: Primus, 1996, 325 s.

Serapionova, E. P. "K istorii formirovaniia chekhoslovatskikh vojskikh chastei na rossiiskoi territorii v gody Pervoi mirovoi voiny." *Slavianskii mir v epokhu vojn i konfliktov XX v*. Saint Petersburg: Aleteiia, 2011, s. 120–136.

Serapionova, E. P. "Pervyi prezident Chekhoslovakii Tomash Garrig Masarik." *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i natsional'nye gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*. Moscow: Indrik, 2009, s. 322–340.

Vedernikov, M. V. "Mesto Rossii vo vneshnepoliticheskoj kontsepcii T. G. Masarika nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny." *Sovremennaiia Evropa*. 2015, № 6, s. 122–130.

Zadorozhniuk, E. G. "«Podlinnaia revoliutsiia – eto revoliutsiia reformistskaia» (Iz knigi T. G. Masarika «Rossiia i Evropa»). Glavy «Demokratii i revoliutsiia» i «Sviataia Rus'»." *Slavianovedenie*. 1997, № 5, s. 100–107.

Zadorozhniuk, E. G. "«Rossiia i Evropa» T. G. Masarika: novye podkhody k staroi idee evropeiskogo edineniia." *T. G. Masarik i Rossiya*. Saint Petersburg, 1997, s. 27–35.

Zadorozhniuk, E. G. "Shtriki k portretu T. G. Masarika." *Novaia i noveishaia istoriia*. 2012, № 5, s. 151–163.

Zakharov, N. L. *Sotsiokul'turnye i professional'nye reguliatory povedeniia rossiiskogo chinovnika*. URL: <http://www.ecsocman.hse.ru/786/Zakharov.pdf>

Ella G. Zadorozhnyuk

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tomáš Garrigue Masaryk on the old and the new Russia
in his work “The World Revolution” (on occasion on his 170th anniversary)

The article justifies the answer to the question: which were reasons for events T. G. Masaryk called the world revolution, and in this perspective — what practical steps and further conclusions for the construction of the Czechoslovak statehood he took as the future president of the country — the great ideal and real-politician of the 20th century. It is noted that this statehood was conceived by Masaryk on the basis of the old (until February 1917) Russia, and it was created in the course of complex interactions with the new Russia. An attempt was made to show that it was the flair of real politics that prevented Masaryk from renouncing certain provisions of ideal politics — if one recognizes among them the respect for the free choice of peoples. Masaryk adequately and, it can be said, relevantly describes the key moments of the Russian Revolution — the motor of the world revolution, during which “small” peoples received (or returned) their statehood. Hence the respectful attitude to the very fact of the revolution against the background of ideologically engaged judgements, and to the almost unopposed choice of the Russian people. Reading the work “The World Revolution” from this perspective encourages an adequate assessment of the state wisdom of the thinker and politician, the real president of the new country. The urgency of a new reading of T. G. Masaryk’s work is argued, it is noted that a number of its provisions are significant for modern times, when ideal inducements to political activity are not allocated to second or even third plans. This same reading can help in understanding the reasons not only for the originating of the Czechoslovak state, but for its breaking up as well. Keywords: *Europe, USSR, Russia, Czechoslovakia, T. G. Masaryk, World Revolution, Russian Revolution, humanism, democracy, Real-politician, Ideal-politician.*

Проекты российских воинских мемориалов Первой мировой войны в Королевстве СХС / Королевстве Югославия: идеи, символика, реализация

Статья посвящена анализу деятельности русской эмиграции по увековечиванию памяти погибших во время Первой мировой войны солдат российской императорской армии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия, в частности установкой памятников. Их возведение было связано с плохим состоянием могил умерших и погибших российских солдат и военнопленных, которых во время войны хоронили на военных участках, составлявших часть православных городских кладбищ, или на местах их гибели, а также с желанием достойно отметить места погребения российских воинов. Инициаторами и исполнителями этих мемориальных акций являлись русские беженцы, которые начали прибывать в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) с 1919 г. Почти сразу после приезда в Королевство СХС русские изгнанники стали организовывать акции, целью которых являлись приведение в порядок могил и установка памятников русским. В этих акциях, которые проводились на протяжении всего межвоенного периода, приняли участие и русские архитекторы, разработавшие проекты памятников. Эти мемориалы установили в нескольких городах страны, в том числе в столице. Ключевые слова: *памятник, мемориал, проект, русская эмиграция, памятник Русской славы, Королевство СХС, Королевство Югославия.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.12

Российская помощь Сербии в годы Первой мировой войны была разнообразной — от политической, военной, военно-экономической до медико-санитарной и гуманитарной¹. Так, передовая часть рус-

¹ Подробнее о российской помощи Сербии в годы Первой мировой войны: *Поповић Н. Б.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд, 1977; *Поповић Н. Б.* Србија и царска Русија. Београд,

ского морского отряда, вооруженная торпедами и минами, начала расставлять мины на Дунае недалеко от Белграда уже 25 августа 1914 г. — менее чем через месяц после начала военных действий против Сербии. И именно действия русских инженеров, минеров, моряков и артиллеристов, оказавших австро-венгерским войскам достойное сопротивление, имели особое значение для сербской армии. Несомненный и существенный вклад внесли как русские батареи, так и отряды минеров, которые участвовали и в обороне Белграда в октябре 1915 г., когда объединенные силы Германии, Австро-Венгрии и Болгарии напали на Сербию, а также 2-я и 4-я особые русские пехотные бригады на Салоникском фронте². Многие из этих российских воинов похоронены в Сербии и Греции.

На территории сегодняшних Сербии, Боснии и Герцеговины, Словении, Хорватии были похоронены и другие российские солдаты — те, кто попал в плен³ на русско-австрийском фронте⁴. В российской армии потери пленными с августа 1914 по 31 декабря 1917 г. составили

1994; *Шевцова Г. И.* Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917. Београд, 2010; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Зборник грађе. Београд, 2014; *Вишняков Я. В., Тимофејев А. Ю., Милорадович Г.* Битва двуглавих орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. М., 2016.

2 *Вишняков Я. В., Тимофејев А. Ю., Милорадович Г.* Битва двуглавих орлов. С. 30–32, 43. Подробнее о русской помощи Сербии на Салоникском фронте: *Писарев Ю. А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 109–138; *Живојиновић Д. Р.* Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд, 2008; *Болтаевский А. А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Зборник грађе. Београд, 2014.

3 *Арсењев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ... С. 50.

4 О положении русских военнопленных в годы Первой мировой войны: *Сергеев Е. Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78; *Симонова Т.* Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. 2006. № 5. С. 72–89; *Сенявская Е. С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 1. С. 64–83.

более 3,4 миллионов человек, т. е. 74,9% всех боевых потерь. Из них 56,9% содержались на территории Австро-Венгрии⁵. Российских воинов, попавших в австрийский плен, правительство и командование двуединой монархии распределяли по поселениям на территориях Австро-Венгрии, по окончании войны ставших частью Королевства сербов, хорватов и словенцев, — в Банате, Среме, Бачке, Словении, Славонии. Их размещали в лагерях, казармах, бараках, условия содержания в которых были очень суровыми, а также привлекали к тяжелым физическим работам. Они умирали от голода, ран, болезней, изнеможения, изнурительного труда⁶. Также они работали на строительстве дорог и стратегически важных объектов⁷.

Во время войны умерших и погибших российских солдат и военнопленных хоронили на военных участках, составлявших часть городских кладбищ, или на местах их гибели. В основном места захоронения военнопленных отмечали деревянными крестами или металлическими знаками. Такие участки выделялись в городах на севере Сербии, в Воеводине — в г. Нови-Сад, Вршац, Велики-Бечкерек (нынешний Зренянин), Велика-Кикинда, Сомбор, Панчево, Сента, Бела-Црква. На периферии кладбища в г. Бела-Црква установили кресты из металлического прута⁸.

Однако со временем состояние этих участков и могил постепенно ухудшалось. Об этом свидетельствуют слова одного русского, зафиксированные им в воспоминаниях в межвоенный период: «Во всех краях Воеводины на православных кладбищах есть забытые уголки, в которые никто не заедет, и ничья заботливая рука не касается любовно всеми забытых и никому не нужных могил. Тут похоронены русские военнопленные»⁹. Именно плохое состояние этих могил, а также желание достойно отметить места погребения российских воинов стали катализаторами акции русских беженцев, которые начали

5 *Сенявская Е. С.* Положение русских военнопленных... С. 65.

6 *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ... С. 50; *Арсењев А.* Самовари у равници; *Арсењев А.* Руси у Бачкој // Бачка кроз векове: Слојеви културе Бачке. Зборник радова. Београд, 2014. С. 717–751; *Арсењев А.* Руси у Банату // Банат кроз векове. Слојеви културе Баната: Зборник радова. Београд, 2010. С. 663–712.

7 *Познановић Р.* Пругом преко Шаргана. Ужице, 2006.

8 *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ... С. 286–290; *Арсењев А.* Самовари у равници.

9 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 462. Л. 135.

прибывать в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) с 1919 г.¹⁰

Почти сразу после приезда в Королевство СХС русские изгнанники стали организовывать акции, целью которых являлись приведение в порядок могил и установка памятников соотечественникам. В этих акциях, которые проводились на протяжении всего межвоенного периода, приняли участие и русские архитекторы, разработавшие проекты памятников¹¹.

Из-за того, что беженцы располагали небольшими денежными средствами, в Королевстве СХС / Королевстве Югославия в основном устанавливались памятники скромного вида. По разработанным проектам можно определить, какие формы были самыми распространенными. Одной из них была колонна. Такого вида памятник был возведен в г. Сента на севере Сербии. В память о русских воинах была построена четырехметровая каменная колонна, сверху украшенная шестиконечным крестом. На ней была сделана надпись: «Братьям русским, здесь почивающим. 1914–1924 гг.» Установлением этого памятника местная русская колония благополучно завершила акцию по увековечиванию памяти похороненных на местном кладбище нескольких десятков русских, попавших в плен. Поскольку со временем их деревянные кресты сгнили и рухнули, могильные холмики заросли

10 О русской эмиграции в Югославии см.: Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. 1–2; *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006; *Арсенјев А.* Руси у Банату. С. 663–712; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011; *Арсенјев А.* Самовари у равници.

11 В Югославии с 1919 по 1941 гг. работало не менее 150 архитекторов (*Миленковић Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 112, 175–215). В 1921 г. в Министерство строительства в Белграде было принято 90 русских инженеров и архитекторов, распределенных по всем отделениям (*Кадичевић А.* Допринос руских неимара-емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994. С. 246–247). Также архитектурные отделения технических факультетов в Белграде и Загребе закончили около 130 русских студентов (*Арсенјев А. Б.* Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шртер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. Сборник докладов международной научной конференции. СПб., 2008. С. 349).

деревьями и бурьяном, в начале 1920-х гг. русские начали работу по созданию памятника, разработав его проект вместе с мастерами¹².

Очень распространены были и памятники в форме креста. В 1929 г. было установлено два таких памятника, одинаковых по виду. Их возведение было связано с деятельностью организации «Русская матица»¹³. По инициативе этого культурно-национального общества в 1929 г. в Нови-Саде и в Петроварадине были открыты два памятника русским военнопленным. Их установка являлась результатом исследования, проведенного в 1928 г. председателем новисадского отделения этого общества Дмитрием Васильевичем Скрынченко, который начал собирать сведения об умерших в г. Нови-Сад и его окрестностях русских военнопленных¹⁴. Торжественное открытие памятника 66 российским военнопленным, погибшим во время Первой мировой войны, состоялось 7 июля на городском Успенском кладбище, на могиле¹⁵ российских воинов¹⁶. Несколько месяцев спустя на военном кладбище в Петроварадине (недалеко от г. Нови-Сад, на сегодняшний день — община города) «Русской матицей» был установлен памятник в честь 96 русских солдат, умерших в 1915–1918 гг.¹⁷ Его освятил митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей¹⁸. Автором

12 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Ед. хр. 462. Л. 135.

13 Русская матица — культурно-национальное общество, созданное в 1924 г. в Любляне с целью поддержания и развития национального сознания среди русских людей; содействия народному просвещению; объединения русских людей на почве национально-культурной работы. Ее отделения основаны в разных городах Югославии, в том числе в Нови-Саде. См.: Русская матица (1924–1934): Отчет о деятельности. Любляна, 1935; *Билимович А. Д.* Русская матица. Любляна, 1924.

14 Царский вестник. 1929. 21 июля. С. 2.

15 Царский вестник. 1929. 14 июля. С. 2.

16 *Арсеньев А.* Самовари у равнины.

17 Там же.

18 О Русской православной церкви за границей и расколе см.: *Jovanović M.* «Sveštenik i društvo: eto parole» — Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. S. 67–100; *Jovanović M.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). С. 316–325; *Јовановић М.* Руска православна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // Српска теологија у двадесетом веку — истраживачки проблеми и резултати: Зборник радова научног скупа. Београд, 2008. С. 160–178; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат... С. 92–106.

памятников был русский архитектор Юрий Николаевич Шретер¹⁹. Они представляли собой мемориальные восьмиконечные кресты из камня, находящиеся на пьедестале, на который были поставлены артиллерийские снаряды²⁰.

В стране строились и памятники в виде пирамиды. В 1923 г. в г. Зеница в Боснии, на местном кладбище, где было похоронено 53 русских военных, на средства русской колонии и ее стараниями был воздвигнут двухметровый памятник русским воинам в форме бетонной пирамиды, сверху увенчанной крестом. На нем была надпись: «За веру, царя и отечество жизнь свою положившим. Вечная память 1914–1915»²¹.

Примечателен вид памятника, находящегося в г. Горажде в Боснии. В честь русских военнопленных, которых расстреляли австрийцы во время Великой войны в г. Меджеджа (Босния), потому что они отказались грузить снаряды, посылаемые на фронт, в 1934 г.²² Донским кадетским корпусом²³ был сооружен памятник — богатырский шлем на каменном постаменте. Их останки были временно погребены в том же месте во дворе одного мусульманина, который охранял их могилу. Потом их торжественно перенесли на кладбище в г. Горажде²⁴. На памятнике была надпись: «Унтер-офицер и трое рядовых Российской армии, расстрелянные врагами за любовь к Родине и верность долгу. Взятые в плен австрийцами в мировую войну и вынужденные грузить снаряды на станции Меджеджа, они отказались выполнить работу на пользу неприятеля и предпочли смерть. Имена им Ты, Господи, веши...»²⁵

Особый интерес представляет памятник в долине семи Триглавских озер, в Словении. Его установили по инициативе редактора выходившей в Любляне газеты «Словенский народ» в 1923 г. недалеко

19 О Юрии Николаевиче Шретере см.: *Арсеньев А. Б.* Петербургские архитекторы. С. 348–365.

20 *Арсеньев А.* Самовари у равнины.

21 Новое время. 1923. 26 октября. С. 3.

22 Русский голос. 1934. 2 сентября. С. 5.

23 О Донском кадетском корпусе см.: Кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945. Нью-Йорк, 1970. С. 177–320; Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса / ред. М. К. Бугураев. Madrid, 1974; *Гурковский В. А.* Российские кадетские корпуса за рубежом. М., 2009. С. 107–153.

24 Часовой. 1939. 5 июня. С. 31.

25 Там же.

от Дома туристов, у могилы с крестом. Он был посвящен «Русским мученикам — здесь расстрелянным». В 1915 г. австрийцы, захватив двух русских военных, заставили их выкопать себе могилы и на том же месте, на Триглавских озерах, вблизи итальянской границы, затем расстреляли²⁶. Памятник был изготовлен из камня. В нише находилась плита с вышеупомянутой надписью²⁷.

В тот же самый период — после окончания Великой войны — в большинстве европейских стран, в том числе Королевстве СХС, сформировался культ «неизвестного солдата», символом которого стал памятник / могила неизвестного солдата²⁸. Это явление, нацеленное на увековечение памяти погибших воинов, возникло и в среде русской эмиграции в Королевстве СХС, почти сразу после воздвижения памятника неизвестному сербскому солдату на горе Авала, недалеко от Белграда²⁹. Идея сооружения памятника «неизвестному русскому солдату» принадлежала³⁰ Георгиевскому кавалеру, генералу Александру Павловичу Кутепову, активному участнику Белого движения, замысел этот родился у него во время восхождения на гору Авала. На этой горе во рву была обнаружена могила российских воинов. Эта за-

26 Новое время. 1923. 6 сентября. С. 3.

27 *Mihelič M.* Ruski grob pri Triglavskih jezerih ter z njim povezani dogodki, razmišljanja in občutja // *Vojni ujetniki carske Rusije v prvi svetovni vojni na slovenskem ozemlju*. Ljubljana, 2018. S. 57–100.

28 О культе неизвестного солдата в Европе в межвоенный период см.: *Mosse G.* National Cemeteries and National Revival: The cult of the Fallen Soldiers in Germany // *Journal of Contemporary History*. 1979. № 1. P. 1–20; *Mosse G.* *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford, 1990; *Winter J.* *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, 1995.

29 О памятнике неизвестному герою на горе Авала: *Manojlović Pintar O.* *Ideološko i političko u spomeničkoj arhitekturi Prvog i Drugog svetskog rata na tlu Srbije: doktorska disertacija*. Beograd, 2005. S. 140–145; *Ignjatović A.* *Od istorijskog sećanja do zamišljanja nacionalne tradicije: spomenik neznanom junaku na Avali (1934–1938) // Istorija i sećanje: Studije istorijske svesti*. Beograd, 2006. S. 229–252.

30 Идея сооружения памятника «неизвестному русскому солдату» распространилась и в некоторых других странах Европы. Например, в середине 1930-х гг. она появилась в Праге. См.: *Cohen A. J.* ‘Our Russian Passport’: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39 // *Journal of Contemporary History*. 2014. № 4. P. 636; *Возрождение*. 1934. 13 августа. С. 2.

бытая могила была в запустении и почти сровнялась с землей. Чтобы привести ее в порядок и хоть как-то отметить место их упокоения, во второй половине 1923 г. русские офицеры артиллерийского кубанского дивизиона и казаки приступили к действию — они навалили на могилу груды камней и поставили скромный крест. Как удалось выяснить из разговора с русскими офицерами, на Авале были погребены российские инструкторы-артиллеристы, отправленные на помощь сербской армии. Достоверность этого предположения была подтверждена обнаруженными пуговицами от русских артиллерийских мундиров и целым рядом других вещей, принадлежавших убитым. Тогда Кутепов принял решение об установке на вершине Авалы, рядом с сербским памятником, хотя бы скромного памятника русским солдатам³¹. Вскоре приступили к реализации этой идеи.

По поручению Общества галлиполийцев³² в середине октября 1923 г. Обществом русских архитекторов в Королевстве СХС был объявлен конкурс проектов памятника³³. В условиях конкурса была определена цель инициаторов установления памятника — «отметить и сохранить для потомства место погребения нескольких российских воинов (фамилии неизвестные), убитых во время Великой войны в составе сербской армии на горе Авала»³⁴. Это было первым пунктом. Вторым предусматривались источники финансирования памятника. Было принято решение открыть через выходившую в Белграде русскую газету «Новое время»³⁵ сбор пожертвований, в результате которого предполагалось собрать 8000 динаров (инициаторы рассчитывали, что именно столько и будет стоить памятник). Ввиду того, что организаторы не рассчитывали на большую сумму, конкурсом предусматривалась постройка монумента из серого камня, «без значительного применения ценных материалов»³⁶. Место для памятника было также точно определено — «на гребне старинного вала, окружающего

31 Новое время. 1923. 13 сентября. С. 3.

32 Общество галлиполийцев — русская воинская организация, созданная в ноябре 1921 года чинами 1-го армейского корпуса Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Галлиполи.

33 Вестник Общества галлиполийцев. 1923. 31 декабря. С. 15.

34 Новое время. 1923. 16 октября. С. 3.

35 Впоследствии был открыт прием пожертвований через выходившую в Софии русскую газету «Русь». См.: Вестник Общества галлиполийцев. 1923. 31 декабря. С. 15.

36 Новое время. 1923. 16 октября. С. 3.

развалины замка, венчающие вершину горы Авала»³⁷. К этому месту с шоссе поднималась крутая дорожка, и памятник предполагалось установить «на фоне развалин, возвышающихся над гребнем вала почти на 10 метров»³⁸. Также, согласно условию конкурса, каждый проект должен был содержать крест, поскольку памятник сооружался на месте упокоения. Проекты следовало представить секретарю Общества русских архитекторов, Мишковскому, не позднее 30-го октября того же года, т. е. в течение двух недель после объявления конкурса. Представленные на конкурс проекты рассматривались комиссией судей, состоявшей из двух представителей Общества русских архитекторов и одного представителя Общества галлиполийцев. В конкурсе могли принять участие как русские, так и подданные Королевства СХС. Представителем правления Общества русских архитекторов являлся архитектор В. В. Сташевский³⁹, представителем правления Общества галлиполийцев — генерал-майор Баумгартен⁴⁰.

Спустя две недели после окончания конкурса его результаты были опубликованы в газете «Новое время». На конкурс было подано 11 проектов (до опубликования результатов они были представлены на выставке на обозрение публики⁴¹). Первая премия конкурса, по единогласному постановлению жюри, утвержденному затем общим собранием Общества русских архитекторов, была присуждена проекту «Плеяды», вторая — эскизу «Крест с диагональными лучами», изображающему группу из четырех колонн на общем пьедестале, на-

37 Там же.

38 Там же.

39 По проекту Валерия Владимировича Сташевского была построена русская церковь св. Троицы в Белграде и Иверская часовня. О В. В. Сташевском см.: *Ђурђевић М.* Прилог проучавању делатности архитекте Валерија Владимировича Сташевског у Београду // *Годишњак града Београда*. 1998–1999. № 45–46. С. 151–171; *Латинчић О.* Валериј Владимирович Сташевски (1882–?) у Београду, Подаци из архивске грађе Историјског архива Београда // *Наслеђе*. 2011. № 12. С. 169–196.

40 Новое время. 1923. 16 октября. С. 3. Василий Федорович Баумгартен разработал проекты Русского дома и Генштаба в Белграде. О В. Ф. Баумгартене см.: *Ђурђевић М.* Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // *Годишњак града Београда*. 2004. № 51. С. 183–190; *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // *Наслеђе*. 2008. № 9. С. 211–220; *Кадичевић А.* Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // *Годишњак града Београда*. 2002–2003. № 49–50. С. 137.

41 Новое время. 1923. 4 ноября. С. 3.

крытую массивной плитой, увенчанной крестом. К реализации жюри рекомендовало проект «Крест с буквами» — два варианта каменного креста на пьедестале. Автором победившего проекта являлся художник Иван Афанасьевич Рык⁴², второго — Виктор Иванович Рыбаков, доцент Института гражданских инженеров⁴³. Рекомендованный проект принадлежал архитектору Николаю Петровичу Краснову⁴⁴. Проект⁴⁵, получивший первую премию, представлял собой четырехугольный параллелепипед из серого рваного камня, украшенный древнерусским шлемом и мечом. На лицевой стороне памятника на мраморной доске была надпись: «Русскому Воину верные сыны России». Монумент украшал и «русский» восьмиконечный крест. Проект был представлен на утверждение правительству Королевства СХС⁴⁶. Однако еще до его утверждения, уже в декабре того же года, начались подготовительные работы к сооружению памятника⁴⁷.

К сожалению, до сих пор неизвестно, почему проект не был реализован. Также неизвестна и судьба поступивших пожертвований. К концу 1923 г. общая сумма денег составляла 10776 динаров, и в декабре того же года даже рассматривалась возможность создания памятника из черного полированного мрамора⁴⁸. Однако в 1926 г. в рапорте генералу от пехоты Егелову упоминалась сумма 2413 динаров⁴⁹. Известно, что инициаторы акции стремились путем установки

42 О Иване Афанасьевиче Рыке: *Kadijević A.* Рад архитекте Ивана Афанасјевича Рика у Југославији између два светска рата // Саопштења Републичког завода за заштиту споменика културе. 1998–1999. № 30–31. С. 233–237.

43 Новое время. 1923. 15 ноября. С. 3.

44 Новое время. 1923. 17 ноября. С. 3. О Н. П. Краснове: *Шкаламера Ж.* Архитекта Никола Краснов (1864–1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. 1983. № 14. С. 109–129; *Kadijević A.* Прилог проучавању дела архитекте Николаја Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења РЗЗСК. 1994. № 26. С. 190–191; *Kadijević A.* Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922. до 1939. // Годишњак града Београда. 1997. № 44. С. 221–254.

45 Премированный проект потом был представлен на русской выставке в Белграде, организованной в апреле 1924 г. Земским союзом. См.: Вестник правления Общества галлийполийцев. 1924. 27 апреля. С. 12.

46 Вестник Общества галлиполийцев. 1923. 31 декабря. С. 15.

47 Новое время. 1923. 11 декабря. С. 3.

48 Там же.

49 ГАРФ. Ф. 5843. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

памятника неизвестному русскому солдату на горе Авала недалеко от воздвигнутого там же памятника неизвестному сербскому герою⁵⁰ подчеркнуть роль солдат российской императорской армии как в Первой мировой войне, так и в помощи сербской армии.

Реализовать этот проект не удалось. Тем не менее идея увековечения памяти известных и неизвестных русских героев Великой войны сохранилась в среде русских в Югославии, и в середине 1930-х гг. ее осуществила одна русская эмигрантская организация.

«Русское народное ополчение» было правой организацией русских эмигрантов в Югославии. Она была создана Георгиевским кавалером, участником Первой мировой и Гражданской войн, полковником (позднее — генералом) Михаилом Федоровичем Скородумовым⁵¹ в апреле 1934 г.⁵² Организация стремилась к продолжению борьбы с большевиками («борьбы со злом во всех его разновидностях и вместе взятом, т. е. коммунизмом, до полного его истребления») и «возрождению обновленной великой царской России»⁵³. Ее девиз — «За веру, царя и отечество». Она имела и особый знак — он представлял собой белый ополченский крест, на лицевой стороне которого, в круглой розетке, было изображение двуглавого орла со скипетром и державой. На крыльях находилась надпись — «За веру, царя и отечество»⁵⁴.

Катализатором акции по увековечению памяти русских героев в Югославии стал тот факт, что в столице страны не было русского кладбища. До середины 1930-х гг. в Белграде были возведены или приведены в порядок кладбища всех стран — участниц войны — французское, итальянское, австрийское, венгерское, немецкое⁵⁵. В отличие от них, могилы русских были заброшены, забыты и разбросаны по всей стране. Во время войны некоторых хоронили без отпевания и церковных молитв, иногда даже без установления креста

50 Новое время. 1923. 11 декабря. С. 3.

51 *Никифоров К. В.* Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 37. В мае 1941 г. он был назначен начальником «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии», единой организации русских эмигрантов в Сербии (*Тимофеjev А.* Руси и Други светски рат... С. 34–37).

52 *Огороков А. В.* Знаки русской эмиграции (1920–1990). М., 2005. С. 66.

53 Царский вестник. 1934. 25 марта. С. 2; *Тимофеjev А.* Руси и Други светски рат... С. 36.

54 *Огороков А. В.* Знаки русской эмиграции... С. 67.

55 *Костић Б.* Ново гробље у Београду. Београд, 1999. С. 16.

на могиле покойного, причем где-то в селах или просто у дорог⁵⁶. По сведениям «Русского народного ополчения», на территории Королевства Югославия находились останки 10 000 убитых, умерших от ран и расстрелянных российских воинов. Из них при обороне Белграда в 1915 г. пали 106 русских, а также 30 неизвестных воинов, погребенных вместе с сербскими солдатами, — всего 136 офицеров и солдат. По этой причине «Русским народным ополчением» был поднят вопрос об установке памятника-усыпальницы русским солдатам.

Эта мемориальная акция, инициатором и реализатором которой был Михаил Федорович Скородумов⁵⁷, включала уточнение места захоронения российских военнослужащих на территории Югославии, эксгумацию и перевозку их останков в столицу Королевства, возведение памятника-усыпальницы в Белграде — ее целью было, можно сказать, объединение останков всех погибших на территории Югославии во время Первой мировой войны русских. И не только. Эта акция была нацелена и на подтверждение роли российской армии в Первой мировой войне. С этой точки зрения следует трактовать и выбор места для установления монумента.

В апреле 1934 г. городские власти г. Белграда — Община города Белграда — подарили «Русскому народному ополчению» землю на Новом кладбище напротив Иверской часовни⁵⁸, вблизи русских участков, на которых хоронили русских беженцев⁵⁹, и, что еще важнее, —

56 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 2.

57 *Маевский В. А.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 38; *Кадичевић А.* Београдски опус архитекте Романа Николајевича Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. 1999. № 2. С. 37.

58 Копия московской Иверской часовни была сооружена на белградском Новом кладбище в 1931 г. О Иверской часовне см.: *Маевский В. А.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932; *Тарацјев А.* Четири капеле Иверске божије мајке // Светигора. 1997. № 56–57. С. 46–49.

59 О русских участках на Новом кладбище см.: *Тарацјев В.* Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије: Српски Руси. Београд, 1994. С. 353–354; *Обреновић В.* Руси на Новом гробљу у Београду // Ново гробље у Београду. Отворено сведочанство историје — поводом 125 година од оснивања. Београд, 2011. С. 210; *Живанович М.* Смерть на чужбине: Сербия как последний приют русских беженцев // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Международная научно-просветительская конференция. Москва, 26–28 октября 2017 года. М., 2017. С. 657–658.

недалеко от памятника защитникам Белграда⁶⁰ 1915 г.⁶¹ Таким образом была подчеркнута роль русской армии в Великой войне. Но получение этого участка не обошлось без трудностей. По словам секретаря сербского патриарха Варнавы Владислава Альбиновича Маевского, Михаил Федорович «с большим трудом получил от Белградского городского управления только двадцать квадратных метров. Но он рискнул и построил памятник, который занял больше ста, будучи уверен, что ни у кого не хватит храбрости этот памятник разрушить»⁶². О проблемах, связанных с выделением участка, свидетельствует и следующая формулировка: сербский патриарх Варнава дал свое «благословение на перевозку и погребение посмертных останков наших братьев русских, которые погибли и умерли во время Первой мировой войны, если наконец-то решили вопрос с землей, на которой будет сооружена братская могила»⁶³.

Работу по сооружению памятника-усыпальницы вело правление Ополчения в составе генерала М. Ф. Скородумова, полковника Николая Леонидовича Неелова, полковника Н. М. Матюшина, полковника Б. А. Степанковского (казначей), капитана Л. В. Новицкого (секретарь), при сотрудничестве редактора выходившей в Белграде русской эмигрантской газеты «Царский вестник: Орган народного движения за восстановление Престола православного царя-самодержца» (далее — «Царский вестник») Н. П. Рклицкого. Руководство всей работой по сооружению памятника принял на себя почетный председатель «Русского народного ополчения» Н. Богданович. Почетным председателем Комитета по сооружению памятника-усыпальницы являлся М. Богданович, заместитель председателя городского управления г. Белграда⁶⁴.

60 О памятнике защитникам Белграда: Споменици и гробља из ратова Србије 1912–1918. Београд, 1976. С. 176; *Костућ Б.* Ново гробље... С. 15; *Кадужевић А.* Београдски опус... С. 35–37; *Обреновић В.* Српска меморијална архитектура 1918–1955: докторска дисертација. Београд, 2013. С. 264–271.

61 *Костућ Б.* Ново гробље... С. 16; *Ignjatović A.* Razlika u funkciji sličnosti: arhitektura ruskih emigranata u Srbiji između dva svetska rata i konstrukcija srpskog identiteta // *Tokovi istorije.* 2011. № 1. S. 72; Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 1.

62 *Маевский В. А.* Русские в Югославии... С. 40.

63 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 1.

64 Царский вестник. 1934. 15 июля. С. 3.

По словам членов Комитета по сооружению памятника, он являлся памятником не только лежавшим под его сводами останкам русских героев, но и всем 2 000 000 жертвам Великой войны во главе с государем императором Николаем II⁶⁵. Его название — «Усыпальница российских солдат, павших во время Великой войны на территории Югославии»⁶⁶. В призыве, опубликованном в июле 1934 г., Скородумов писал об «общем памятнике русскому солдату»⁶⁷, а два года спустя говорил о «русском склепе-памятнике», «памятнике погибшим русским офицерам и солдатам во время Великой войны»⁶⁸. В день открытия памятника в январе 1936 г. он назывался «памятником императору Николаю II и погибшим русским офицерам и солдатам во время Великой войны»⁶⁹. В начале 1937 г. в русской эмигрантской прессе писали, что памятник — это музей русской славы⁷⁰. В призыве «Русского народного ополчения», опубликованном в этом же году, упомянули «памятник-славу императорской России» (в 1960-е годы В. А. Маевский тоже писал о памятнике русской славы⁷¹)⁷². Члены той же организации считали его символом «скрытой борьбы с неприятелями России»⁷³.

Кроме места, весьма показательным был и эскиз усыпальницы. Проект памятника-усыпальницы разработал русский архитектор-скульптор Роман Николаевич Верховской, на тот момент уже известный в Югославии по сооружению памятника защитникам Белграда на Новом кладбище в 1931 г.⁷⁴

Первый вариант проекта памятника был представлен на обозрение как русской, так и югославской публики в июле 1934 г. Эскиз с пояснениями символики монумента был опубликован в газете «Царский вестник». Согласно приведенным в ней сведениям, он должен был

65 Царский вестник. 1935. 14 июля. С. 2.

66 *Межински Миловановић Ј.* Историјско-уметнички значај руског некропоља // Руски некропољ у Београду — знамење историјског пријатељства. Београд, 2014. С. 195.

67 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 2.

68 Царский вестник. 1936. 26 января. С. 1.

69 Време. 1936. 13 января. С. 5.

70 Царский вестник. 1937. 14 февраля. С. 4.

71 *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 38.

72 Царский вестник. 1937. 7 ноября. С. 3.

73 Там же.

74 *Никифоров К. В.* Русский Белград. С. 37. О Верховском см.: *Кад-ијевић А.* Београдски опус... С. 37.

символизировать смерть, страдания, борьбу и воскресение России. Основа памятника — скала — символизировала Россию, «о которую разбились волны всех русских несчастий»⁷⁵. Вокруг скалы были изображены все этапы жизни России — внизу смерть, выше раненый воин, который упал на колено, но продолжил борьбу, защищая русское знамя с вековым девизом «За веру, царя и отечество». На вершине скалы был изображен ангел-воин, завершающий борьбу: одной рукой он разбивает мечом голову змеи, а в другой держит «символ грядущего русского царства и мира — двуглавого орла»⁷⁶. В этом варианте также предусматривалось вырезать в центральной части памятника слово «Россия»⁷⁷. Сама же идея принадлежала Скородумову⁷⁸.

Второй вариант памятника, и, следовательно, небольшие изменения в его символике, были представлены общественному мнению в мае 1935 г. — за несколько дней до торжественного открытия усыпальницы. Центральная часть памятника — это каменный массив высотой в 10 метров, увенчанный фигурой Архангела Михаила. Этот массив представлял собой усеченную пирамиду из трех мощных террас ассиро-египетского типа, окруженную широкими лестницами и имевшую на своей верхней платформе монументальную полуколонну. В основании массива находился глубокий портал, ведущий в подземную усыпальницу в стиле древних храмов. На колонне, изображавшей Россию, был высечен крест с государственным гербом «как символ ее страдания»⁷⁹. В основании колонны, по сведениям «Царского вестника», на фоне «вихря революции» был расположен «в энергичном движении» русский воин, «символизирующий борьбу и защиту русского знамени с государственным девизом»⁸⁰. Архангел, стоящий на земном полушарии, левой рукой разил мечом змею, лежащую у его ног. Согласно трактовке той же газеты, жестом правой руки посол неба умиротворяет землю, возвращая ей русскую державу в виде ширококрылого двухглавого государственного орла. В газете было написано: «Посол неба умиротворяет землю, возвращая ей русскую державу в виде ширококрылого двухглавого государственного орла». Пророческий облик Архангела представлял собой неумолимую

75 Царский вестник. 1934. 8 июля. С. 1.

76 Там же.

77 Там же.

78 Там же.

79 Там же. 1935. 19 мая. С. 1.

80 Там же.

суровость Провидения, проводившего свою волю на земле подвигом русского народа-богоносца»⁸¹. Два месяца спустя эта же газета писала о символической фигуре ангела, разящего большевистскую змею и символизирующего воскресение России⁸².

Памятник из серого камня сооружали в течение 15 месяцев⁸³. Усыпальница была торжественно открыта в конце мая 1935 г., памятник — несколько месяцев спустя, в январе 1936 г.⁸⁴

Высота памятника-усыпальницы — 19 метров, пять из которых — высота фигуры Архангела Михаила, венчавшей усыпальницу⁸⁵. По словам В. А. Маевского, памятник имел форму артиллерийского снаряда, наверху которого стоял большой ангел с поднятыми вверх крыльями⁸⁶. Архистратиг Михаил мечом в левой руке закалывал змею, а в правой руке держал разорванные цепи, символизирующие освобождение⁸⁷. У подножия того же снаряда / каменного массива полулежал на знамени, в шинели, фуражке и во всем снаряжении, русский офицер, замахнувшийся шашкой⁸⁸, как бы защищая знамя⁸⁹. В центр памятника были помещены российский государственный герб — двуглавый орел и дата — 1914 год. На левой стороне монумента было написано по-русски: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». На задней стороне была расположена надпись по-сербски: «Храбро павшим братьям-русским на Салоникском фронте. 1914–1918». В склепе были похоронены останки 387 солдат и офицеров, погибших на Салоникском фронте, 136 павших при обороне Белграда, четырех военнопленных, расстрелянных австрийцами в г. Горажде, двух моряков с корабля «Тирасполь», около 100 солдат, умерших от ран в госпиталях на территории Югославии⁹⁰.

81 Там же.

82 Там же. 1935. 14 июля. С. 2.

83 Там же. 1936. 19 января. С. 1.

84 *Костић Б.* Ново гробље... С. 16.

85 *Межински Миловановић Ј.* Историјско-уметнички значај... С. 200.

86 *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 39; *Никифоров К. В.* Русский Белград. С. 37.

87 *Межински Миловановић Ј.* Историјско-уметнички значај... С. 200–201.

88 По сведениям выходящей в Брюсселе русской эмигрантской прессы, офицер, «хотя изнемогший», продолжал борьбу. См.: Возрождение. 1936. 19 января. С. 5.

89 *Маевский В. А.* Русские в Югославии. С. 39.

90 *Никифоров К. В.* Русский Белград. С. 37.

Акциями по увековечению памяти погибших и умерших во время Первой мировой войны на территории Сербии (и Австро-Венгрии) российских солдат в большинстве случаев руководили представители русской эмиграции в Королевстве СХС / Королевстве Югославия. Они являлись и инициаторами, и исполнителями этих мемориальных работ. Несмотря на скромные средства, им удалось построить несколько памятников в стране, а с помощью министерств — и большую усыпальницу в ее столице. Таким образом они сохранили память о своих соотечественниках.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Арсеньев А. Б. Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шретер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. Сборник докладов международной научной конференции. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. С. 348–365.

Арсеньев А. Руси у Банату // Банат кроз векове. Слојеви култура Баната: [зборник радова]. Београд: Вукова задужбина, 2010. С. 663–712.

Арсеньев А. Руси у Бачкој // Бачка кроз векове: Слојеви културе Бачке: [зборник радова]. Београд: Вукова задужбина, 2014. С. 717–751.

Арсеньев А. Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад: Змај, 2011. 291 с.

Билимович А. Д. Русская матица. Люблина: Русской матицы, 1924. 14 с.

Болтаевский А. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 184 с.

Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса / ред. М. К. Бугураев. Madrid, 1974. 590 с.

Вишняков Я. В., Тимофеев А. Ю., Милорадович Г. Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны. М.: РИСИ, 2016. 454 с.

Гурковский В. А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М.: Издательство «Белый берег», 2009. 440 с.

Ђурђевић М. Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // Годишњак града Београда. 2004. № 51. С. 183–190.

Ђурђевић М. Прилог проучавању делатности архитектке Валерија Владимировича Сташевског у Београду // Годишњак града Београда. 1998–1999. № 45–46. С. 151–171.

Живанович М. Смерть на чужбине: Сербия как последний приют русских беженцев // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Международная научно-просветительская конференция. Москва, 26–28 октября 2017 года. М., 2017. С. 657–658.

Живојиновић Д. Р. Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд: Завод за уџбенике, 2008. 349 с.

Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.

Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006. 559 с.

Јовановић М. Руска православна загранична црква у Југославији током двадесетих и тридесетих година 20. века // Српска теологија у двадесетом веку — истраживачки проблеми и резултати: [зборник радова научног скупа]. Београд: Православни богословски факултет, 2008. С. 160–178.

Кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945. Нью-Йорк: Объединение кадет российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. 502 с.

Кадидјевић А. Београдски опус архитекте Романа Николајевича Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. 1999. № 2. С. 33–40.

Кадидјевић А. Допринос руских неимара-емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. Српски Руси. Београд: Дунај; Беочин: Ефект, 1994. С. 243–254.

Кадидјевић А. Прилог проучавању дела архитекте Николаја Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења. 1994. № 26. С. 181–192.

Кадидјевић А. Рад архитекте Ивана Афанасјевича Рика у Југославији између два светска рата // Саопштења Републичког завода за заштиту споменика културе. 1998–1999. № 30–31. С. 233–237.

Кадидјевић А. Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922. до 1939. // Годишњак града Београда. 1997. № 44. С. 221–254.

Кадидјевић А. Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // Годишњак града Београда. 2002–2003. № 49–50. С. 131–142.

Костић Б. Ново гробље у Београду. Београд: Погребне услуге, 1999. 319 с.

Латинчић О. Валериј Владимирович Сташевски (1882–?) у Београду: Подаци из архивске грађе Историјског архива Београда // Наслеђе. 2011. № 12. С. 169–196.

Маевский В. А. Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград: Русская типография, 1932. 64 с.

Маевский В. А. Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка, 1966. Т. 2. 361 с.

Межински Миловановић Ј. Историјско-уметнички значај руског некропоља // Руски некропољ у Београду — знамење историјског пријатељства. Београд: Фондација за обнављање, подршку и очување комплекса историјско-меморијалних споменика у Републици Србији «Руски некропољ»; Институт за политички и економски дијалог, 2014. С. 186–209.

Миленковић Т. Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд: Савез инжењера и техничара Србије, 1997. 217 с.

Никифоров К. В. Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44.

Обреновић В. Руси на Новом гробљу у Београду // Ново гробље у Београду. Отворено сведочанство историје — поводом 125 година од оснивања. Београд: ЈКП Погребне услуге, 2011. С. 210.

Обреновић В. Српска меморијална архитектура 1918–1955: докторска дисертација. Београд, 2013. 593 с.

Огороков А. В. Знаки русской эмиграции (1920–1990). М.: Collector's Book, 2005. 176 с.

Писарев Ю. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 109–138.

Познановић Р. Пругом преко Шаргана. Ужице: Р. В. Познановић, 2006. 206 с.

Поповић Н. Б. Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд: Институт за савремену историју: Народна књига, 1977. 510 с.

Поповић Н. Б. Србија и царска Русија. Београд: Службени лист СРЈ, 1994. 327 с.

Просен М. 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. 2008. № 9. С. 211–220.

Руска емиграција у српској култури XX века: [зборник радова]. Т. 1–2. Београд: Филолошки факултет, Катедра за славистику и Центар за научни рад, 1994. 314 с.

Русская матица (1924–1934): Отчет о деятельности. Люблина: Русская матица, 1935. 35 с.

Сенявская Е. С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2013. № 1. С. 64–83.

Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78.

Симонова Т. Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. 2006. № 5. С. 72–89.

Споменици и гробља из ратова Србије 1912–1918. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1976. 195 с.

Тарасјев А. Четири капеле Иверске божије мајке // Светигора. 1997. № 56–57. С. 46–49.

Тарасјев В. Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије: Српски Руси. Београд: Дунај; Беочин: Ефект, 1994. С. 353–354.

Тимофејев А. Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији: 1941–1945. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. 464 с.

Тимофејев А., Кремић Д. Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата: [зборник грађе]. Београд: Институт за новију историју Србије, 2014. 352 с.

Шевцова Г. И. Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917. Београд: Инфинитас, 2010. 249 с.

Шкаламера Ж. Архитекта Никола Краснов (1864–1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. С. 1983. № 14. С. 109–129.

Cohen A. J. ‘Our Russian Passport’: First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39 // Journal of Contemporary History. 2014. № 4. P. 627–651.

Ignjatović A. Od istorijskog sećanja do zamišljanja nacionalne tradicije: spomenik neznanom junaku na Avali (1934–1938) // Istorija i sećanje: Studije istorijske svesti. Београд: Институт за нову историју Србије, 2006. С. 229–252.

Ignjatović A. Razlika u funkciji sličnosti: arhitektura ruskih emigranata u Srbiji između dva svetska rata i konstrukcija srpskog identiteta // Tokovi istorije. 2011. № 1. С. 63–75.

Jovanović M. «Sveštenik i društvo: eto parole» — Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. С. 67–100.

Manojlović Pintar O. Ideološko i političko u spomeničkoj arhitekturi Prvog i Drugog svetskog rata na tlu Srbije: doktorska disertacija. Београд, 2005. 292 с.

Mihelič M. Ruski grob pri Triglavskih jezerih ter z njim povezani dogodki, razmišljanja in občutja // Vojni ujetniki carske Rusije v prvi svetovni vojni na slovenskem ozemlju. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije, 2018. С. 57–100.

Mosse G. National Cemeteries and National Revival: The cult of the Fallen Soldiers in Germany // Journal of Contemporary History. 1979. № 1. P. 1–20.

Mosse G. Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford: Oxford University Press, 1990. 272 p.

Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 320 p.

References

Gosudarstvennyĭ arkhiv Rossijskoĭ Federatsii (Moscow).

Arsen'ev, A. B. "Peterburgskie arkhitektory Novi-Sada: K. P. Parizo de la Valett i Iu. N. Shreter." *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie Russkogo zarubezh'ia*, [sbornik dokladov mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii]. Saint Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2008, s. 348–365.

Arsenjev A. "Rusi u Banatu." *Banat kroz vekove. Slojevi kultura Banata: [zbornik radova]*. Beograd: Vukova zadužbina, 2010, s. 663–712.

Arsenjev A. "Rusi u Bačkoj." *Bačka kroz vekove: Slojevi kulture Bačke: [zbornik radova]*. Beograd: Vukova zadužbina, 2014, s. 717–751.

Arsenjev A. *Samovari u ravnici. Ruska emigracija u Vojvodini*. Novi Sad: Zmaj, 2011. 291 s.

Bilimovich, A. D. *Russkaia matitsa*, Ljubljana: Russkoj matitsy 1924, 14 s.

Boltaevskiĭ, A. A. *Russkie voĭska na Salonikskom fronte v 1916–1918 gg.: dis. ... kand. ist. nauk*. Moscow, 2009, 184 s.

Cohen, A. J. "'Our Russian Passport': First World War Monuments, Transnational Commemoration, and the Russian Emigration in Europe, 1918–39." *Journal of Contemporary History*, no. 4, 2014, p. 627–651.

Đurđević, M. "Arhitekt Vasilij (Vilhelm) Fjodorovič Baumgarten." *Godišnjak grada Beograda*, no. 51, 2004, s. 183–190.

Đurđević, M. "Prilog proučavanju delatnosti arhitekte Valerija Vladimiroviča Staševskog u Beogradu." *Godišnjak grada Beograda*, no. 45–46, 1998–1999, s. 151–171.

Gurkovskiĭ, V. A. *Rossijskie kadetskie korpUSA za rubezhom*, Moscow: Izdatel'stvo "Belyĭ bereg", 2009, 440 s.

Ignatović, A. "Od istorijskog sećanja do zamišljanja nacionalne tradicije: spomenik neznanom junaku na Avali (1934–1938)." *Istorija i sećanje: Studije istorijske svesti*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2006, s. 229–252.

Ignatović, A. "Razlika u funkciji sličnosti: arhitektura ruskih emigranata u Srbiji između dva svetska rata i konstrukcija srpskog identiteta." *Tokovi istorije*. 2011, № 1, s. 63–75.

Jovanović, M. *Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevini SHS 1919–1924*. Beograd: Stubovi kulture, 1996, 386 s.

Jovanović, M. *Ruska emigracija na Balkanu (1920–1940)*. Beograd: Čigoja štampa, 2006, 559 s.

Jovanović, M. "Ruska pravoslavna zagranična crkva u Jugoslaviji tokom dvadesetih i tridesetih godina 20. veka." *Srpska teologija u dvadesetom veku – istraživački problemi i rezultati: zbornik radova naučnog skupa*. Beograd: Pravoslavni bogoslovski fakultet, 2008, s. 160–178.

Jovanović, M. “‘Sveštenik i društvo: eto parole’ – Ruska pravoslavna zagranična crkva na Balkanu 1920–1940.” *Tokovi istorije*, no. 3–4, 2005, s. 67–100.

Kadetskie korpusa za rubezhom: 1920–1945, New York: Ob'edinenie kadet rossiiskikh zarubezhnykh kadetskikh korpusov, 1970, 502 s.

Kadijević, A. “Doprinos ruskih neimara-emigranata srpskoj arhitekturi između dva svetska rata.” *Rusi bez Rusije. Srpski Rusi*. Beograd: Dunaj; Beočin: Efekt, 1994, s. 243–254.

Kadijević, A. “Prilog proučavanju dela arhitekte Nikolaja Krasnova u Jugoslaviji (1922–1939).” *Saopštenja Republičkog zavoda za zaštitu spomenika*, no. 26, 1994, s. 181–192.

Kadijević, A. “Rad arhitekte Ivana Afanasjeviča Rika u Jugoslaviji između dva svetska rata.” *Saopštenja Republičkog zavoda za zaštitu spomenika*, no. 30–31, 1998–1999, s. 233–237.

Kadijević, A. “Rad Nikolaja Krasnova u Ministarstvu građevina Kraljevine SHS/ Jugoslavije u Beogradu od 1922. do 1939.” *Godišnjak grada Beograda*, no. 44, 1997, s. 221–254.

Kadijević, A. “Uloga ruskih emigranata u beogradskoj arhitekturi između dva svetska rata.” *Godišnjak grada Beograda*, no. 49–50, 2002–2003, s. 131–142.

Kostić, B. *Novo groblje u Beogradu*. Beograd: Pogrebne usluge, 1999, 319 s.

Latinčić, O. “Valerij Vladimirovič Staševski (1882–?) u Beogradu, Podaci iz arhivske građe Istorijskog arhiva Beograda.” *Nasleđe*, no. 12, 2011, s. 169–196.

Maevskiĭ, V. A. *Iverskaia Bogomater' na Afone, v Moskve i v Belgrade*. Belgrade: Russkaia Tipografia, 1932, 64 s.

Maevskiĭ, V. A. *Russkie v Jugoslavii: Vzaimootnosheniia Rossii i Serbii, t. 2*. New York: Izdanie Istoricheskogo kruzhka, 1966, 361 s.

Manojlović Pintar, O. *Ideološko i političko u spomeničkoj arhitekturi Prvog i Drugog svetskog rata na tlu Srbije: doktorska disertacija*. Beograd, 2005, 292 s.

Mežinski Milovanović J. Istorijsko-umetnički značaj ruskog nekropolja. “*Ruski nekropolj u Beogradu – znamenje istorijskog prijateljstva*”, Beograd: Fondacija za obnavljanje, podršku i očuvanje kompleksa istorijsko-memorijalnih spomenika u Republici Srbiji “Ruski nekropolj”; Institut za politički i ekonomski dijalog, 2014, s. 186–209.

Mihelič, M. “Ruski grob pri Triglavskih jezerih ter z njim povezani dogodki, razmišljanja in občutja.” *Vojni ujetniki carske Rusije v prvi svetovni vojni na slovenskem ozemlju*. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije, 2018, s. 57–100.

Milenković, T. *Ruski inženjeri u Jugoslaviji 1919–1941*. Beograd: Savez inženjera i tehničara Srbije, 1997, 217 s.

Mosse, G. *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford: Oxford University Press, 1990, 272 p.

Mosse, G. “National Cemeteries and National Revival: The cult of the Fallen Soldiers in Germany.” *Journal of Contemporary History*, no. 1, 1979, p. 1–20.

Nikiforov, K. V. "Russkiĭ Belgrad (k voprosu o deiatel'nosti russkikh arkhitekto-rov-ëmigrantov)." *Slavianovedenie*, no. 4, 1992, s. 33–44.

Obrenović V. "Rusi na Novom groblju u Beogradu." *Novo groblje u Beogradu. Otvoreno svedoĉanstvo istorije – povodom 125 godina od osnivanja*. Belgrade: JKP Pogrebne usluge, 2011, s. 210.

Obrenović V. *Srpska memorijalna arhitektura 1918–1955: doktorska disertacija*. Beograd, 2013, 593 s.

Okorokov, A. V. *Znaki ruskoĭ ëmigratsii (1920–1990)*, Moscow: Collector's Book, 2005, 176 s.

Pisarev, Iu. A. "Russkie vojska na Salonikskom fronte v 1916–1918 gg." *Istoricheskie zapiski*, vol. 79, 1966, s. 109–138.

Popović, N. B. *Odnosi Srbije i Rusije u Prvom svetskom ratu (1914–1918)*, Beograd: Institut za savremenu istoriju: Narodna knjiga, 1977, 510 s.

Popović, N. B. *Srbija i carska Rusija*, Beograd: Službeni list SRJ, 1994, 327 s.

Poznanović, R. *Prugom preko Šargana*. Užice: R. V. Poznanović, 2006, 206 s.

Prosen, M. "75 godina Ruskog doma u Beogradu." *Nasleđe*, no. 9, 2008, s. 211–220. *Ruska emigracija u srpskoj kulturi XX veka. Zbornik radova*, t. 1–2, Beograd: Filološki fakultet, Katedra za slavistiku i Centar za naučni rad, 1994, 314 s.

Russkaia matitsa (1924–1934): Otchet o deiatel'nosti. Ljubljana: Russkaia matitsa, 1935, 35 s.

Seniavskaia, E. S. "Polozhenie russkikh voennoplennykh v gody Pervoĭ mirovoĭ voĭny: ocherk povsednevnoĭ real'nosti." *Vestnik Rossiĭskogo universiteta družby narodov*, no. 1, 2013, s. 64–83.

Sergeev, E. Iu. "Russkie voennoplennye v Germanii i Avstro-Vengrii v gody Pervoĭ mirovoĭ voĭny." *Novaia i novejšaia istoriia*, no. 4, 1996, s. 65–78.

Simonova, T. "Russkie v germanskom i avstrijskom plenu v period Pervoĭ mirovoĭ voĭny." *Zhurnal Moskovskoĭ patriarkhii*, no. 5, 2006, s. 72–89.

Spomenici i groblja iz ratova Srbije 1912–1918, Beograd: Beogradski izdavaĉko-grafiĉki zavod, 1976, 195 s.

Ševtsova, G. I. *Ruska dobrotvorna pomoć Srbiji u ratovima 1912–1917*, Beograd: Infinitas, 2010, 249 s.

Škalamera, Ž. "Arhitekta Nikola Krasnov (1864–1939)." *Sveske Društva istoričara umetnosti Srbije*, no. 14, 1983, s. 109–129.

Tarasjev, A. "Četiri kapele Iverske božije majke." *Svetigora*, no. 56–57, 1997, s. 46–49.

Tarasjev, V. "Čuvati sećanje o onima koji su otišli." *Rusi bez Rusije, Srpski Rusi*. Beograd: Dunaj; Beočin: Efekt, 1994, s. 353–354.

Timofejev, A., Kremić, D. *Ruska vojna pomoć Srbiji za vreme Prvog svetskog rata: [zbornik građe]*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2014, 352 s.

Timofejev, A. *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011, 464 s.

Verny zavetam stariny: Vospominaniia kadet Donskogo korpusa, red. M. K. Buguraev. Madrid, 1974, 590 s.

Vishniakov, Ia. V., Timofeev, A. Iu., Miloradovich, G. *Bitva dvuglavykh orlov. Oчерki po istorii rusско-serbskikh otnoshenii v gody Pervoї mirovoї voїny*. Moscow: RISI, 2016, 454 s.

Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 320 p.

Živanović, M. "Smert' na chuzhbine: Serbiia kak poslednii priiut russkikh bezhentshev." *1917 god v istorii i sud'be rossiiskogo zarubezh'ia. Mezhdunarodnaia nauchno-prosvetitel'skaia konferentsia, Moskva, 26–28 oktiabria 2017 goda*, Moscow, 2017, s. 657–658.

Živojinović, D. R. *Nevoljni ratnici, velike sile i Solunski front 1914–1918*. Beograd: Zavod za udžbenike, 2008, 349 s.

Milana Živanović

Institute for the Recent History of Serbia (Belgrade, Serbia)

The designs of the Russian war memorials from the World War I in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia: Ideas, symbols, realization

The paper deals with the actions undertaken by the Russian emigration aimed to commemorate the Russian soldiers who have been killed or died during the World War I in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia. The focus is on the erection of the memorials dedicated to the Russian soldiers. During the World War I the Russian soldiers and war prisoners were buried on the military plots in the local cemeteries or on the locations of their death. However, over the years the conditions of their graves have declined. That fact along with the will to honorably mark the locations of their burial places have become a catalyst for the actions undertaken by the Russian émigré, which have begun to arrive in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Kingdom of SCS) starting from the 1919. Almost at once after their arrival to the Kingdom of SCS, the Russian refugees conducted the actions aimed at improving the conditions of the graves were in and at erecting memorials. Russian architects designed the monuments. As a result, several monuments were erected in the country, including one in the capital.

Keywords: *monument, memorial, design, Russian emigration, monument of the Russian Glory, Kingdom of SCS, Kingdom of Yugoslavia.*

Украинизация: возникновение и распространение понятия (первая четверть XX в.)

В статье анализируются происхождение понятия «украинизация», его толкование в общественно-политическом лексиконе первой четверти XX в., а также его оценочные характеристики сторонниками и противниками украинского национального движения. Об украинизации лидеры украинского движения активно заговорили в начале XX в., настаивая на создании условий для реализации прав украинской нации на самостоятельное развитие. Понятие неоднократно употребляли М. С. Грушевский, Е. Чикаленко, а с началом революции в России о необходимости украинизации постоянно говорили деятели Украинской Центральной Рады. Понятие употреблялось как в узком смысле (украинизация школы, украинизация органов местного самоуправления и т. п.), так и в широком (украинизация всей жизни). Понятие «украинизация» было связано с представлением о политике строительства национального украинского государства и сопряженном с ним процессе развития национального самосознания. Противники украинского движения настаивали на искусственности процесса украинизации. Например, С. Н. Щеголев считал ее «экспериментом над народом». Однако эмоциональное восприятие явления, обозначаемого словом «украинизация», было связано с отношением к «украинскому вопросу» и способу его разрешения, но не с его смыслом. Для сторонников украинского проекта украинизация являлась одним из методов достижения целей национального движения, политикой, направленной на утверждение украинского характера социокультурного пространства определенной территории.

Ключевые слова: *украинизация, Грушевский, «украинский вопрос», национальное движение.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.13

Истории возникновения и распространения понятия «украинизация» в современной историографии уделяется не так много внимания. В 1999 г. появились две статьи на эту тему украинских специалистов

Я. В. Верменич и Д. В. Бачинского, в которых, наряду с историей происхождения понятия, анализируется содержание советской национальной политики¹. Однако терминологический аспект проблемы не получил дальнейшего развития: основное внимание ученых сосредоточено на анализе содержания политики украинизации, но не на появлении самого понятия. Между тем данный вопрос заслуживает разработки, поскольку проливает свет на актуальные аспекты этнонациональных и этнополитических процессов на украинских землях в первую четверть XX в.

Как указывают украинские исследователи, авторство понятия «украинизация», очевидно, принадлежит известному украинскому историку и политическому деятелю М. С. Грушевскому, употребившему его в сборнике «Освобождение России и украинский вопрос» (1907) в отношении украинизации высшей школы на Украине («украинизация высшей школы на Украине вредно отразится на научной жизни»²). В известной коллективной монографии Института истории Украины об украинизации 1920–1930-х гг., одним из авторов которой является Я. В. Верменич, содержится такое же утверждение³, которое затем распространилось в украинской историографии.

Следует уточнить, что хотя, действительно, именно Грушевский чрезвычайно популяризовал понятие «украинизация», однако одно из первых его упоминаний можно найти в «Письмах на Надднепрянскую Украину» М. П. Драгоманова. Рассуждая об украинской шляхте XVII в. («были в ней и украинцы, и поляки, волохи, татары, сербы, даже греки и жида, а потом москали») и разнородности этого класса, Драгоманов писал: «Для украинизации его надо было больше времени и демократических идей»⁴.

1 Верменич Я. В., Бачинський Д. В. «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. 1999. Вип. 3. С. 140–155; Верменич Я. В. Поняття «українізації» в історичному контексті // Науковий збірник Ін-ту політичних і етнонаціональних досліджень. Київ, 1999. Вип. 9. С. 129–131.

2 Верменич Я. В., Бачинський Д. В. «Українізація»: походження і зміст поняття. С. 143.

3 «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Колективна монографія / За ред. В. А. Смолія. Київ, 2003. С. 15.

4 Драгоманов М. П. Листи на Наддніпрянську Україну Михайла Драгоманова. Коломия, 1894. С. 22.

Возвращаясь к сборнику «Освобождение России и украинский вопрос», напомним, что, как указывает сам Грушевский, там были собраны «статьи за два года, с весны 1905 г.»⁵. В частности, статья «Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки», цитату из которой приводят Я. В. Верменич и Д. В. Бачинский, была издана в 1907 г. в «Литературно-научном вестнике», издававшемся Научным обществом им. Т. Шевченко. В статье украинских ученых приведена часть фразы, которая полностью звучит следующим образом: «Требование допущения украинского языка в университетском преподавании является настолько органической составной частью украинского культурного развития, что бороться с этим требованием — значит выступать против стремлений украинцев к культурному самоопределению, культурно-национальному развитию. Можно утверждать, как это и утверждают, что введение украинских дисциплин, украинизация высшей школы на Украине вредно отразится на научной жизни, на культуре “общерусской” (т. е. великорусской), т. к. отвлечет от нее украинские силы»⁶. Таким образом, конкретный смысл понятия, на который указывают украинские ученые (перевод части учебных заведений на украинский язык преподавания), тесно увязывался с культурно-национальным развитием украинцев⁷.

В вышеупомянутый сборник вошла еще одна статья Грушевского — «Из польско-украинских отношений Галиции (несколько иллюстраций к вопросу: автономия областная или национально-территориальная)», которая первоначально печаталась в газете «Киевские отклики» в 1905 г.; написание этой работы Грушевского вдохновил ученый и публицист, литературовед С. А. Ефремов⁸. Грушевский, в частности, указывал: «Так, польские сферы, администрация и представительство раз навсегда приняли принцип, что русинские учебные заведения могут учреждаться только в городах, где уже имеются та-

5 *Грушевский М. С.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб, 1907. С. IV.

6 Там же. С. 178.

7 В том же году в статье «Утраквизация или раздел университета», опубликованной в газете «Діло», Грушевский писал о борьбе за украинизацию университета во Львове. См.: *Грушевський М. С.* Утраквізація чи розділ університету? // *Грушевський М. С.* Твори: у 50 т. Львів, 2005. Т. 3. С. 17.

8 См.: *Гирич І. Б.* М. Грушевський і С. Єфремов (до історії наукових, літературних і особистих взаємин) // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки.* 1994. Вип. 3. С. 66, 73–74.

кие же польские учебные заведения. Этот принцип [...] имеет в виду не допустить того, чтобы поляки и евреи, за неимением польского учебного заведения, отдавали своих детей в русинское, где они были бы принуждены учиться по-украински (русински) и попадали бы украинизации, *ruszczeniu*, как принуждены подпадать полонизации (*polszczeniu*) русинские и еврейские дети в польских средних учебных заведениях»⁹. В этом случае смысл, который вкладывал Грушевский в понятие «украинизация», шире, нежели просто введение обучения на украинском языке: термин «украинизация, *ruszczenie*» сопряжен с термином «полонизация (*polszczenie*)» и затрагивает проблему внутренней и внешней идентификации, самосознания населения.

В «Литературно-научном вестнике» за 1906 г. была опубликована статья М. С. Грушевского «Галичина и Украина», в которой также употреблялось понятие «украинизация». В одном случае он употребил его в отношении языка (когда писал о борьбе за «украинизацию галицкого языка, галицкой культуры»¹⁰); во втором — в отношении Галичины (когда писал о необходимости борьбы за «украинизацию Галичины» всеми сознательными украинцами)¹¹. Таким образом, Грушевский употреблял понятие не только в узком смысле, применительно к языку и культуре¹², но и в широком, имея в виду общественную жизнь в целом. Так, в 1907 г. в вышеупомянутом вестнике Грушевский писал «о необходимости более тесного сближения Галичины и Украины и более сильной украинизации Галичины», причем Галичина «действительно сознательно шла к такому сближению, к украинизации»¹³; наконец, он упоминает «призыв к украинизации Галичины и более тесному культурному сближению ее с российской Украиной»¹⁴.

9 Грушевский М. С. Освобождение России и украинский вопрос. С. 234.

10 Грушевський М. С. Галичина і Україна: [Із збірника статей «3 біжучої хвили. Статті й замітки на теми дня 1905–1906 років»] // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Львів, 2002. Т. 1. С. 377.

11 Там же. С. 380.

12 В 1910 г. Грушевский использовал прилагательное «украинизированный», когда упоминал об участии В. Н. Доманицкого «в издании “Украины”, то есть “Киевской старины” в новой украинизированной форме». См.: Грушевський М. С. Василь Доманицький // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Львів, 2005. Т. 2. С. 416.

13 Грушевський М. С. Крячуть ворони: На українські теми // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Львів, 2005. Т. 2. С. 10.

14 Там же. С. 13.

С началом революции понятие «украинизация» стало употребляться весьма активно. Часто речь шла об украинизации школы¹⁵ и об украинизации органов местного самоуправления¹⁶. Кроме того, это понятие употреблялось и в отношении человека. Например, Грушевский писал об «украинизированном офицерстве»¹⁷ в контексте проблемы украинизации военных подразделений: «переформировать армию по национальному составу, выделить украинцев в особые части и придать украинский характер этим частям»¹⁸.

Фактически, как заявила Центральная Рада на своей второй сессии в апреле 1917 г., речь шла о «принципе украинизации всей жизни на Украине»¹⁹. В работе 1918 г. «На пороге новой Украины» Грушевский писал об этом довольно подробно. Разбирая ситуацию, сложившуюся в городах, он подчеркивал, что «среди московской буржуазии на Украине» есть как денационализированные украинцы, так и великороссы, которые родились на Украине и прочно связаны с ее жизнью. Грушевский призывал не обострять отношения «насильственной украинизацией», «поступая рассудительно и возможно более мягко в проведении тех требований, которые действительно являются принципом украинской государственности»²⁰. Фактически речь шла об «украинизации жизни как одном из проявлений признания новых форм жизни и укрепления их престижа»²¹. Таким образом, в данном случае украинизация выступала в качестве национального требования, признака украинской государственности, национального

15 Например: *Грушевський М. С.* [Звернення] «До українців — професорів і преподавачів вищих шкіл» [21 березня 1917 р.] // *Грушевський М. С.* Твори у 50 т. Львів, 2007. Т. 4. Кн. 1. С. 5; *Грушевський М. С.* Треба ясніше! // *Грушевський М. С.* Твори: у 50 т. Львів, 2007. Т. 4. Кн. 1. С. 44.

16 Например: *Грушевський М. С.* Від слова до діла! // *Грушевський М. С.* Твори: у 50 т. Львів, 2007. Т. 4. Кн. 1. С. 17; *Грушевський М. С.* Українська Центральна Рада й її Універсали: Перший і Другий // *Грушевський М. С.* Твори: у 50 т. Львів, 2007. Т. 4. Кн. 1. С. 187, 189.

17 *Грушевський М. С.* Чорна пляма // *Грушевський М. С.* Твори: у 50 т. Львів, 2007. Т. 4. Кн. 1. С. 57.

18 *Грушевський М. С.* Українська Центральна Рада й її Універсали. С. 186.

19 Матеріали другої сесії Центральної Ради 22–23 квітня 1917 р. // Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: у 2 т. Київ, 1996. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. С. 70.

20 *Грушевський М. С.* На порозі Нової України: Гадки і мрії // *Грушевський М. С.* Твори: у 50 т. Львів, 2007. Т. 4. Кн. 1. С. 256.

21 Там же. С. 266.

чувства. О последнем аспекте очень ярко выразился другой деятель украинского национального движения, глава Генерального секретариата Центральной Рады и Директории Украинской Народной Республики В. К. Винниченко в работе «Возрождение нации», увидевшей свет в 1920 г.: «...проявление пробужденного национального чувства не могло ограничиться той или иной сферой общественно-политической жизни. В каждой сфере были украинцы, и в каждой сфере они хотели, они должны были проявлять себя как украинцы, утвердить свое “я”, распространить его, закрепить определенными нормами. Фабричные рабочие, учителя, кооператоры, студенты, приказчики, чиновники — все объединялись национально, все стремились свою сферу деятельности украинизировать...»²².

Понятие «украинизация» прочно вошло в лексикон приверженцев украинской национальной идеи и употреблялось не только в публицистике, но и в документах личного происхождения. Ярким примером тому могут служить дневниковые записи украинского общественного деятеля, писателя и публициста Е. Х. Чикаленко, где понятия «украинизация» и производные от него встречаются часто. Так, 18 апреля 1918 г. он указывал, что «в городах надо, не раздражая меньшинств, твердо вести дело украинизации государства»²³; 15 ноября того же года подчеркивал, что «если бы украинцы были мудрее, то можно было бы за это время много сделать для украинизации нашей жизни»²⁴. При этом он признал, что противников украинизации было довольно много. 17 апреля 1918 г. он писал, что «меньшинства не могут примириться с мыслью, что нет уже “единой, неделимой” дорогой России, а вместо нее какая-то “шовинистическая” Украина, которая пытается их “насильственно украинизировать”»²⁵. В своих воспоминаниях он часто употреблял слово «украинизация», «украинизировать» и «украинизироваться» в отношении людей, имея в виду приобретение национального самосознания. Например, о супруге И. Карпенко-Карого он писал, что она была «очень симпатичной женщиной и под влиянием своего мужа украинизировалась»²⁶. Вспоминая о 1883–1885 гг., Чика-

22 *Винниченко В.К.* Відродження нації: у 3 ч. Київ; Відень, 1920. Ч. 1. С. 126.

23 *Чикаленко Є.* Щоденник (1918–1919). Київ, 2011. С. 56.

24 Там же. С. 200.

25 Там же. С. 53.

26 *Чикаленко Є.* Зібрання творів: у 7 т. Київ, 2003. Т. 1. Спогади. 1861–1907. С. 71.

ленно писал о фельдшере Якиме Зубенко, который был свободным слушателем в Харьковском университете, «но он был таким обмосковленным, что никак не поддавался украинизации»²⁷. В воспоминаниях о событиях 1890–1894 гг. он упоминал молодого инженера П. К. Кондрацкого, очень разумного и приятного человека, «но как я ни пытался украинизировать его, ничего из этого не вышло»²⁸.

Понятию «украинизация» не удалось избежать оценочной характеристики в условиях «борьбы украинца с малороссом»²⁹. В качестве примера отрицательной оценки украинизации обычно приводят работу известного киевлянина, действительного статского советника С. Н. Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» (1912), в которой отрицательно оценивались «украинизаторские подкопы» «под южнорусское народное строительство» и попытки «украинизации южнорусского населения»³⁰. «Если мы условимся работу украинской партии называть, ради краткости выражения, украинизацией, то можно сказать, что эти почтенные жрецы науки не сидели в Харькове сложа руки. Они украинизировали историко-филологическое общество при университете...»³¹, — писал Щеголев. Он замечал, что «слова “украинофил” и “украинофильство” с 1900 г. не только отброшены партизанами украинства, но и звучат в их устах как порицание, как пренебрежительная кличка для сторонников культурного южнорусского возрождения, не связываемого с политической автономией малорусского племени»³².

Деятелей, занимающихся украинизацией, Щеголев именовал «украинизаторами»: «Становясь на точку зрения нашей академии наук, не предоставить ли украинизаторам свободу экспериментов над народом: если они свободного соревнования с русской культурой не выдержат, пусть сами на себя пеняют; если же выдержат, то создадут новую культуру, новую ценность; на том дело и кончится»³³. Украин-

27 Там же. С. 107.

28 Там же. С. 152.

29 См.: *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* «Малоросс». Эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. С. 9–27.

30 *Щеголев С. Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 333, 398.

31 Там же. С. 73.

32 Там же. С. 124.

33 Там же. С. 334.

ские национальные общества определялись как «украинствующие» («украинских или, правильнее говоря, “украинствующих” научных обществ есть в России несколько...»)³⁴.

Понятие «украинизация» употреблялось как сторонниками, так и противниками данного процесса, причем в пику сторонникам украинской идеи употреблялись наименования «малороссы» и «Малороссия». Например, русский общественный деятель, публицист, монархист В. В. Шульгин призывал присоединиться к протесту «против насильственной украинизации Южной Руси» в одной из своих газетных публикаций 1917 г., доказывая: «Не подлежит также никакому сомнению, что значительная часть сознательного южнорусского населения определенно называет себя малороссами, т. е. русскими малой Руси (так в оригинале. — *Е. Б.*), горячо привязано к этому русскому имени, и более того — гордится им, считая, что оно преемственно связует его с величественной эпохой древней Киевской Руси. Это население будет в высшей степени оскорблено зачислением его в украинцы»³⁵. В другой статье, написанной на тему украинского языка обучения, он заявлял, что «интеллигенция Киева, которая является духовным центром всей Малороссии, не желает украинизировать своих детей»³⁶.

В качестве примера можно также привести публикацию в «Киевлянине» в апреле 1917 г. письма в редакцию за подписью «гражданка-мать», в котором речь шла о планах введения украинского языка в учебных заведениях: «24 апреля на собрании родителей и педагогов в 8 гимназии мы выслушали несколько ораторов об украинизации низшей и средней школы в Киеве и провинциях. Автор пренебрежительно упоминала о предложении обучать «малороссов на “украинской мове”»³⁷.

Помимо этнонима «малороссы», употреблялось и название «хохол». Например, в августе 1917 г. петроградское «Новое время», как и консервативный «Киевлянин», отреагировало на инициативы Центральной Рады статьей «Хохлы не желают украинизации»: «Попытки

34 Там же. С. 286.

35 Шульгин В. Протест против насильственной украинизации Южной Руси // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 18 июля. № 170. С. 1–2.

36 Шульгин В. Украиноведение // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 15 июня. № 143. С. 1.

37 Письма в редакцию // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 26 апреля. № 103. С. 2.

“украинизации” начальной школы, особенно в Подольской губернии, вызвали протест народа. Хохлы не желают украинизации, справедливо полагая, что это... полонизация»³⁸. Любопытно, что в данной статье слово «украинизация» пишется как в кавычках, так и без них.

В публикациях революционного времени понятие «украинизация» часто соседствовало с определением «насильственная». Например, в сентябре 1917 г. «Киевлянин» поместил на своих страницах интервью с историком, членом Научного общества им. Шевченко во Львове, политическим деятелем Н. П. Василенко, который подчеркнул, что «украинские школы необходимо основывать, по мере назревающей потребности, не трогая уже существующих русских школ», поскольку «такая искусственная украинизация школы была бы в значительной мере культурным насилием»³⁹.

Таким образом, в личных документах термин «украинизация» и производные от него встречались весьма часто, причем оценка зависела от личной точки зрения на «украинский вопрос». Гетман Украинской Державы, генерал российской императорской армии П. П. Скоропадский, по словам Е. Х. Чикаленко, хваставшийся, «что он быстрее, чем Винниченко и Голубович, украинизирует Киев»⁴⁰, использовал термин без дополнительных эмоциональных определений. Например, он писал: «Помню, как пришлось потратить много слов для депутации, которая настаивала на украинизации университета Св. Владимира»⁴¹. Часто слова «украинизация» и «украинизировать» встречаются, когда речь идет о военной деятельности Скоропадского: «...боюсь, как бы украинизация не расстроила окончательно мой корпус»⁴², «если мне прикажут, я могу украинизировать корпус»⁴³.

В воспоминаниях его соратников по гетманскому правлению термин также упоминался довольно часто. Например, товарищ министра торговли и промышленности Украинской Державы В. А. Ауэрбах, оце-

38 Хохлы не желают украинизации // Новое время. 1917, 20 августа (2 сентября). № 14858. С. 5.

39 У товарища министра народного просвещения Н. П. Василенко (беседа) // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 7 сентября. № 210. С. 2.

40 Чикаленко Е. Щоденник (1918–1919). С. 69.

41 Павло Скоропадський: спогади (кінець 1917 — грудень 1918). Київ; Філадельфія, 1995. С. 52.

42 Там же. С. 57–58.

43 Там же. С. 59.

нивая деятельность своего коллеги, министра-украинца Б. А. Бутенко, писал, что «при всяком удобном и неудобном случае он заявлял о своей “щирости”, спешил перекрашивать станционные наименования (“Харків” вместо Харькова) и переводить предназначенные для публики правила и объявления на непонятную для нее “мову”, выдвигая по службе железнодорожников, знающих малороссийский язык, выработывал украинскую железнодорожную терминологию, составил для не знающих “мовы” служащих учебник украинского языка, образовал украинские ячейки по линиям железных дорог, для слежки за враждебно настроенными к украинизации служащими он назначил тысячи явных и тайных комиссаров...»⁴⁴. Из данной цитаты видно, что Ауэрбах видел в украинизации как языковую сторону, так и кадровый аспект, причем подчеркивал, что не обнаружил в Бутенко «искренней, бескорыстной преданности украинской идее»⁴⁵. В другом случае он употреблял слово «украинизация» и производные от него в кавычках, причем слово приобретало эмоциональный оттенок: «“Украинцы” нужны немцам только для придания желто-голубого колорита фасаду “независимой Украины”. Борьба с этим по обстоятельствам времени бесполезно, но отсюда вовсе не следует необходимость в действительности все и вся “украинизировать”, подавляя исконную русскую культуру и русский язык. Сельское население этого не требует, тогда как большую часть городского и фабричного населения “украинизация” раздражает до крайности, вызывая к тому же значительные затруднения в государственном управлении»⁴⁶. Подобная оценка встречалась у генерал-майора, харьковского генерал-губернатора в период Украинской Державы П. И. Залесского: «По-видимому, немцы лучше разбирались в обстановке, чем русские офицеры и чиновники, загипнотизированные идеей “украинизации” областей, еще вчера не помышлявших ни о какой “Украине”!»⁴⁷

44 Воспоминания В. А. Ауэрбаха о его пребывании в должности товарища министра торговли и промышленности в составе правительства гетмана П. П. Скоропадского. 1923 г. // Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: сборник документов. М., 2014. С. 159.

45 Там же.

46 Там же. С. 188.

47 Воспоминания ген. П. И. Залесского о его пребывании в должности харьковского губернского старосты в период правления гетмана П. П. Скоропадского. 1926 г. // Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: сборник документов. М., 2014. С. 507.

Как видим, отрицательная эмоциональная нагрузка понятия «украинизация» была связана с восприятием этого явления как искусственного. Впрочем, современники нередко указывали на торопливость при ее проведении. Например, философ, священнослужитель, министр исповеданий в гетманском правительстве В. В. Зеньковский писал о «ретивых украинцах», пытавшихся «“одним взмахом” создать то, что созируется десятилетиями». В частности, речь шла о выработке украинской научной терминологии: «Знаю только, что те статьи и книги, которые в мое время спешно вырабатывали “украинизацию” научной терминологии, часто возбуждали одно лишь чувство сожаления...»⁴⁸.

Таким образом, оценка «украинизации» как понятия, описывающего явление, зависело во многом от позиции автора, его отношения к «украинскому вопросу». Если противники украинского проекта использовали понятие для выражения своего отрицательного отношения к нему, то для деятелей украинского движения украинизация являлась объективной необходимостью, тесно связанной с правом нации на самостоятельное государственное существование. В этой связи весьма характерна попытка увязать понятия «украинизация» и «национализация», сделанная М. С. Грушевским в статье «Наша школа», появившейся еще в 1909 г. Вместо термина «украинизация» по отношению к школе был употреблен термин «национализация»: «только национализация школы в украинских землях может дать украинскому населению основания для успешного культурного, общественного и экономического развития»⁴⁹, «для украинского общества становится жгучей задачей, основной проблемой современной жизни решение школьного вопроса в украинских землях в направлении национализации школы»⁵⁰.

Любопытно, что на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) термин «национализация государственных и партийных учреждений» использовал генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин для объяснения

48 Воспоминания В. В. Зеньковского о его пребывании в должности министра вероисповеданий в составе правительства гетмана П. П. Скоропадского. 1931 г. // Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: сборник документов. М., 2014. С. 335.

49 *Грушевський М. С. Наша школа* // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Львів, 2005. Т. 3. С. 70.

50 Там же. С. 71.

сути новой линии партии в национальной политике, провозглашенной на состоявшемся перед этим, в апреле того же года, XII съезде⁵¹. Эта политика, получившая в последующем наименование «коренизация» (на съезде термин «коренизация» не употреблялся), на республиканском уровне стала называться «украинизацией». Понятие это настолько прочно вошло в жизнь, что использование его не вызывало удивления. На том же XII съезде в записке Х. Г. Раковскому (в то время — председатель СНК и нарком иностранных дел УССР) говорилось: «Крестьяне и рабочие Украины сами и во многих районах протестуют против украинизации, и только интеллигенция Украины, настроенная мелкобуржуазно, требует этой украинизации...»⁵²

Термин «украинизация» к тому времени уже прочно вошел в лексикон социалистических и коммунистических деятелей. Как указывает В. Ф. Шевченко, 9 сентября 1920 г. на заседании политбюро ЦК КП(б)У рассматривался проект постановления, носивший название «Об украинизации». Как считает украинский историк, именно с этого времени понятие появляется в советских официальных документах⁵³. В сентябре 1920 г. бывший боротьбист, а потом — член КП(б)У В. М. Блакитный отправил в ЦК КП(б)У записку под наименованием «С чего начинать “украинизацию” Украины», в которой предлагал объявить мобилизацию партийных и советских работников, знающих украинский язык и условия Украины, принять меры к обучению советских и партийных работников украинскому языку, назначить срок для изучения советскими служащими украинского языка, особое внимание уделить прессе на украинском языке⁵⁴. Мы видим, что Блакитный, как и упоминавшийся выше Ауэрбах, выделял в украинизации два направления — языковое и кадровое.

В марте 1921 г., на X съезде, слово «украинизированный» употребил Сталин, когда возражал коллегам, не уверенным в существовании украинской нации: «Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины

51 См.: *Верменич Я. В., Бачинський Д. В.* «Українізація»: походження і зміст поняття. С. 147.

52 РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 57. Л. 47.

53 *Шевченко В. Ф.* Процеси українізації революційної доби та Гетьманат Павла Скоропадського // *Національна та історична пам'ять*. 2013. Вип. 7. С. 275.

54 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 159. Л. 45.

до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город. Но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига — чисто латышский город. Лет 50 назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же можно сказать о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня — это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент»⁵⁵.

В 1922 г. на октябрьском пленуме ЦК КП(б)У слово «украинизация» звучало как вполне обыденное для коммунистического лексикона. Второй секретарь ЦК КП(б)У Д. З. Лебедь заявил о несомненном уклоне «в сторону украинизации» Главполитпросвета, о случаях «насиленной украинизации» в школах⁵⁶. К XII съезду Э. И. Квиринг, избранный вскоре первым секретарем ЦК КП(б)У, опубликовал статью «Национальные моменты», в которой высказался против торопливости и искусственности в межнациональных отношениях: «Некоторые товарищи выдвигают принцип усиленной украинизации, и в частности украинизации городского пролетариата и города вообще, чтобы тем самым облегчить связь между пролетариатом и украинским селом. Несмотря на добрые намерения указанных товарищей, их предложение все же сильно отдаёт украинским шовинизмом»⁵⁷.

Поэтому не удивительно, что на пленуме ЦК КП(б)У, состоявшемся в июне 1923 г., при обсуждении комплекса мер по выполнению решений XII съезда слово «украинизация» также прозвучало, уже применительно к провозглашенной коренизации. В частности, Э. И. Квиринг, сделавший доклад по национальному вопросу, говорил о том, что «украинизация должна пойти по линии укрепления связи с широкими крестьянскими массами». Кроме того, в его речи звучали слова об активном введении украинского языка, в частности в области делопроизводства («предложено соответствующим наркоматам, наиболее связанным с населением, переходить на его украинизацию»), в сфере

55 Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 213.

56 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 11.

57 *Квиринг Э. И.* Национальные моменты (к XII съезду партии — в порядке обсуждения) // Э. И. Квиринг. Избранные речи и статьи. Киев, 1988. С. 105.

образования («в школьном деле Украина, безусловно, успела в смысле украинизации — отстают Харьков и Донбасс»)⁵⁸. Другой деятель КП(б) У, бывший боротьбист А. Я. Шумский, заявил о том, что неприятное впечатление вызывает «форсирование в области украинизации»: «Принудительность, в области как партийной, так и советской, не годится, и мы можем пойти по пути “гетмановской украинизации”, курс на создание крестьянской интеллигенции неправильный. Нам нужно создавать украинскую интеллигенцию из рабочей среды»⁵⁹.

Понятие «украинизация» официально закрепилось за наименованием региональной формы коренизации не только в республике, но и в центре. Справка Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б), написанная 2 апреля 1925 г. после анализа состояния партийного и государственного аппаратов УССР, была озаглавлена «Об украинизации». В ней употреблялись словосочетания: «вопросу украинизации уделялось недостаточное внимание», «меры к усилению украинизации», «достижения в области украинизации», «украинизация аппаратов»⁶⁰. В письме И. В. Сталина «Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У» 1926 г. слово «украинизация» звучало как вполне принятое в большевистской среде понятие. Например, описывая свою беседу с А. Я. Шумским, генсек писал о том, что украинский нарком просвещения «считает, что украинизация идет туго, на украинизацию смотрят как на повинность, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой»⁶¹. Передавая слова Шумского по поводу кадровых перестановок в республике, Сталин указывал: «Он думает, что для исправления этих недочетов необходимо прежде всего изменить состав партийной и советской верхушки под углом зрения украинизации...»⁶²

Под украинизацией большевики понимали метод национального строительства, включавший в себя специальную языковую, культурную и кадровую политику. Одновременно лидеры Советской Украи-

58 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 24.

59 Там же. Л. 25.

60 Справка Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о ходе украинизации партийного и государственного аппарата в УССР. 2 апреля 1925 г. // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М., 2005. С. 274–276.

61 Сталин И. В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // Сталин И. В. Сочинения. М., 1948. Т. 8. С. 149.

62 Там же. С. 150.

ны противопоставляли советскую украинизацию прежней, которую именовали, как выше было указано, «гетмановской», но чаще всего — «петлюровской». Например, в письме Д. З. Лебеда по поводу разработки мероприятий национальной политики, написанном в июне 1923 г., четко проводится разделение советской и несоветской («петлюровской») украинизации: «Украинизация петлюровская в свое время, помимо ее классовый неприемлемости, вызвала и среди рабочих недовольство по самой своей форме»⁶³. Далее следует любопытное сравнение «петлюровской» украинизации с «украинопляской»: «Усиление украинопляски в среде петлюровски настроенной общественности, имеющей сейчас место, меня еще больше убеждает в том, что раздувать вопросы национальной политики на Украине — это значит ослаблять себя самих»⁶⁴.

Таким образом, понятие «украинизация» первоначально употреблялось деятелями украинского национального движения, причем как в узком смысле (украинизация школы, украинизация органов местного самоуправления и т. п.), так и в широком (украинизация всей жизни). Однако и в первом и во втором случае речь шла о реализации национальных устремлений украинского народа, т. е. о строительстве национальной государственности. Понятие увязывалось и с самосознанием человека. Например, у Е. Х. Чикаленко — тот или иной человек украинизировался, т. е. осознавал себя как украинца. У С. Н. Щеголева процесс получения украинского самосознания описывался как искусственный, насильственный, как результат деятельности украинских организаций. В дальнейшем, когда термин стали использовать большевики, он стал применяться в качестве наименования политики советской власти, направленной на повышение статуса украинского языка и культуры, продвижение украинских кадров на советские и партийные должности и т. п.

В целом в 1910–1920-х гг. понятие «украинизация» было связано с представлением о политике строительства национального украинского государства и сопряженном с ним процессе развития национального самосознания. Я. В. Верменич и Д. В. Бачинский, анализируя события 1917 г., указывают, что смысл понятия далеко выходил за языковые рамки. «Вряд ли употребляемое в таком широком контексте понятие “украинизация” было безупречным с точки зрения отражения тех задач, которые стоят перед украинским национальным дви-

63 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1660. Л. 14.

64 Там же. Л. 16.

жением на переломном этапе его истории. Ведь в подобных по форме понятиях “германизация”, “полонизация”, “русификация” отчетливо просматривался привкус принудительности, навязывание чужеземных эталонов. На то, что точнее был бы термин “дерусификация”, указывал, к примеру, И. Огиенко»⁶⁵. В данной связи стоит обратить внимание на употребление Грушевским понятий «украинизация» и «полонизация» в одном смысловом поле. Без сомнения, проблема «украинизации/дерусификации» непростая, и в данном случае стоит напомнить о сложности интерпретации таких общих понятий, как «русификация», которые зачастую не описывают явление, а оценивают его, как подчеркивает А. И. Миллер. В своей известной работе он указывает на необходимость определить критерии формирования оценочных суждений, различать, «оцениваем ли мы интенции властей или “объективное” содержание процесса», наконец, «определять, идет ли речь об ассимиляции, аккультурации, колонизации или каких-то других процессах»⁶⁶.

В данном случае весьма показательным стало употребление слова в прямом значении, без кавычек. Тем самым подчеркивалось, что украинизация является одним из методов достижения целей национального движения, политической, направленной на утверждение украинского характера социокультурного пространства определенной территории. Их противники под влиянием идеи единого русского народа применяли термин с иронией, иногда в кавычках, как это делал В. А. Ауэрбах или автор заметки в газете «Новое время». Однако употребление понятия с эмоциональной нагрузкой было связано с отношением автора к «украинскому вопросу» и способу его разрешения, но не со смыслом данного понятия. Большевики, использовавшие данный термин для обозначения региональной формы коренизации, также использовали его в прямом смысле — без кавычек. Слово «украинизация» фактически должно было заменить слово «национализация», тем самым большевики демонстрировали, что речь идет не просто об укреплении советской власти в республиках, а о реализации декларируемых после октябрьских событий 1917 г. прав народов бывшей Российской империи.

65 *Верменич Я. В., Бачинський Д. В.* «Українізація»: походження і зміст поняття. С. 144.

66 *Миллер А. И.* Русификация или русификации? // Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 55.

Следует заметить, что употребление кавычек для передачи отрицательного отношения к украинизации характерно и для современной украинской историографии. Однако здесь уже речь идет не о принятии или отрицании украинского национального проекта, а об оценке «правильности» проведения политики украинизации теми или иными политическими силами. Поэтому это понятие может употребляться без кавычек при обозначении деятельности национальных правительств и, напротив, в кавычках — политики советской власти⁶⁷, тем самым подчеркивается различие между «настоящей» украинизацией национальных лидеров и «лицемерной» политикой советской власти.

Таким образом, слово «украинизация», как справедливо отмечают украинские историки, было образовано по образцу сходных по форме понятий «русификация» и «полонизация». Тем не менее с самого начала слово употреблялось не только в отношении перевода учебных заведений на украинский язык преподавания. Я. В. Верменич и Д. В. Бачинский подчеркивают использование в 1907 г. Грушевским понятия именно в этом значении, в противовес более широкому и с негативным подтекстом пониманию Щеголева⁶⁸. В то же время двумя годами ранее Грушевский употреблял слово как раз в широком смысле, соотнося его с процессом выработки национального самосознания молодым поколением украинцев. С самого начала слово «украинизация» употреблялось в контексте нациестроительства, что и вызывало негативную реакцию противников украинского проекта. Недаром это понятие использовали большевики для обозначения своей национальной политики.

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ).

67 *Боровик А. М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернівці, 2008; «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

68 *Верменич Я. В., Бачинський Д. В.* «Українізація»: походження і зміст поняття. С. 143.

Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернігів: Чернігівські береги, 2008. 368 с.

Верменич Я. В., Бачинський Д. В. «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 1999. Вип. 3. С. 140–155.

Верменич Я. В. Поняття “українізації” в історичному контексті // Науковий збірник Ін-ту політичних і етнонаціональних досліджень. Київ, 1999. Вип. 9. С. 129–131.

Винниченко В. К. Відродження нації. У 3 ч. Київ; Відень: Дзвін, 1920. Ч. 1. 348 с.

Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: сборник документов / отв. ред. и отв. сост. О. К. Иванцова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1087 с.

Грушевський М. С. Твори: у 50 т. / редкол.: П. Сохань (голов. ред.), Я. Дашкевич, І. Гирич та ін. Львів: Видавництво «Світ», 2002– .

Грушевский М. С. Освобождение России и украинский вопрос. СПб.: Общественная польза, 1907. 291 с.

Гирич І. Б. М. Грушевський і С. Єфремов (до історії наукових, літературних і особистих взаємин) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 1994. Вип. 3. С. 64–75.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. XVIII, 915 с.

Драгоманов М. П. Листи на Наддніпрянську Україну Михайла Драгоманова. Коломия: Вид. ред. «Народа», 1894. 199 с.

Э. И. Квириг. Избранные речи и статьи. Киев: Политиздат Украины, 1988. 484 с.

Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс». Эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. С. 9–27

Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: у 2 т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. / упоряд.: В. Ф. Верстюк (керівник) [та ін.]; редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.). Київ: Наукова думка, 1996. 587 с.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

Письма в редакцию // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 26 апреля. № 103. С. 2.

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос: сборник документов в 2 тт. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Т. 1: 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М.: Издательство политической литературы, 1946–1952.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Колективна монографія / В. М. Даниленко, Я. В. Верменич, П. М. Бондарчук та ін.; В. А. Смолій (відп. ред.). Київ: Інститут історії України, 2003. 392 с.

У товарища министра народного просвещения Н. П. Василенко (беседа) // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 7 сентября. № 210. С. 2.

20. Хохлы не желают украинизации // Новое время. 1917, 20 августа (2 сентября). № 14858. С. 5.

Шевченко В. Ф. Процеси українізації революційної доби та Гетьманат Павла Скоропадського // Національна та історична пам'ять. 2013. Вип. 7. С. 267–276.

Шульгин В. Протест против насильственной украинизации Южной Руси // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 18 июля. № 170. С. 1–2.

Шульгин В. Украиноведение // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 15 июня. № 143. С. 1.

Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев: Т-ва И. Н. Кушнерев и К, Караваевская, 1912. 592 с.

Чикаленко Є. Щоденник (1918–1919). Київ: Темпора, 2011. 480 с.

Чикаленко Є. Зібрання творів: у 7 т. Київ: Рада, 2003. Т. 1. Спогади. 1861–1907. 432 с.

Скоропадський П. Спогади (кінець 1917 — грудень 1918) / гол. ред. Я. Пеленський. Київ; Філадельфія: [б. в.], 1995. 492 с.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (Moscow).

Tsentral'nyy derzhavnyy arkhiv hromads'kykh ob"yednan' Ukrainy (Kiev).

Borovyk, A. M. *Ukrayinizatsiya zahal'noosvitnikh shkil za chasy vyboryuvannya derzhavnosti (1917–1920 rr.)* Chernihiv: Chernihivs'ki oberehy, 368 s.

Chykalenko, Ye. *Shchodennyk (1918–1919)*. Kiev: Tempora, 2011, 480 s.

Chykalenko, Ye. *Zibrannia tvoriv: u 7 t. T. 1. Spohady. 1861–1907*. Kiev: Rada, 2003, 432 s.

Desyat' s"ezd RKP(b). Mart 1921 g. Stenograficheskij otchet. Moscow: Gospolitizdat, 1963, XVIII, 915 s.

Drahomanov, M. P. *Lysty na Naddnipyrians'ku Ukrayinu Mykhayla Drahomanova*. Kolomyja: Ed. "Naroda", 1894, 199 s.

Tagatova, L. S., Kosheleva, L. P., Rogovaja, L. A. (eds). *TsK RKP(b) — VKP(b) i nacional'nyj vopros: sbornik dokumentov: v 2 t. T.: 1918–1933*. Moscow: ROSSPEN, 2005, 784 s.

Grushevsky, M. S. *Osvobozhdenie Rossii i ukrainskij vopros*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1907, 291 s.

Hrushevsky, M. S. *Tvory: u 50 t*. Lviv: Svit, 2002.

Hyrych, I. B. M. Hrushevsky i S. Yefremov (Do istoriyi naukovykh, literaturnykh i osobystykh vzayemyn). *Problemy istoriyi Ukrayiny: fakty, sudzhennya poshuky*, 1994, No. 3, s. 65–75.

Ivancova, O. K. (ed.). *Getman P. P. Skoropadsky. Ukraina na perelome. 1918: sbornik dokumentov*. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2014, 1087 s.

"Khokhly ne zhelajut ukrainizatsii." *Novoe vremja*, 1917, August 20.

Kotenko, A. L.; Martynjuk, O. V.; Miller, A. I. "«Maloross». Jevoljucija ponjatija do Pervoj mirovoj vojny". *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011, No. 2, s. 9–27.

Kviring, Je. I. *Izbrannye rechi i stat'i*. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1988, 484 s.

Miller, A. I. *Imperija Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovanija*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, 248 s.

"Pis'ma v redakciju." *Kievljanin: literaturnaja i politicheskaja gazeta Yugo-Zapadnogo kraja*. 1917, April 26.

Shchegolev, S. N. *Ukrainskoe dvizhenie kak sovremennyj jetap juzhnorusskogo separatizma*. Kiev: T-va I. N. Kushnerev i K; Karavaevskaja, 1912, 592 s.

Shevchenko, V. F. "Protsey ukrayinizatsiyi revolyutsiyanoi doby ta Het'manat Pavla Skoropadskoho". *Natsional'na ta istorychna pam'jat'*, 2013. No. 7, s. 267–276.

Shul'gin, V. "Protest protiv nasil'stvennoj ukrainizatsii Juzhnoj Rusi". *Kievljanin: literaturnaja i politicheskaja gazeta Yugo-Zapadnogo kraja*. 1917, July 18.

Shul'gin, V. "Ukrainovedenie". *Kievljanin: literaturnaja i politicheskaja gazeta Yugo-Zapadnogo kraja*. 1917, June 15.

Skoropadsky P. *Spohady. Kinets 1917 — hruden' 1918* / Ed. Ja. Pelenski. Kiev; Philadelphia, 1995, 443 s.

Smoliy, V. A., Danylenko, V. M., Vermenych, Ya. V., Bondarchuk, P. M., et al. *«Ukrayinizatsiya» 1920–30-kh rokov: peredumovy, zdobutky, uroky. Kolektyvna monohrafiya*. Kiev: Instytut istoriyi Ukrayiny, 2003, 392 s.

Stalin, I. V. *Sochinenija: v 13 t*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1946–1952.

U tovarishcha ministra narodnogo prosveshchenija N. P. Vasilenko (beseda). *Kievljanin: literaturnaja i politicheskaja gazeta Yugo-Zapadnogo kraja*. 1917, September 7.

Vermenych, Ya. V.; Bachynsky, A. D. "«Ukrayinizatsiya»: pokhodzhennya i zmist ponyattya". *Ukrayina XX st.: kul'tura, ideolohiya, polityka*, 1999, No. 3, s. 140–155.

Vermenych, Ya. V. "Ponyattya «ukrayinizatsiy» v istorychnomu konteksti." *Naukovyy zbirnyk In-tu politychnykh i etnonatsional'nykh doslidzhen'*, 1999, No. 9, s. 129–131.

Verstiuk, V. F. (Main comp.); Smoliy, V. A. (Main red.). *Ukrayins'ka Tsentral'na Rada. Dokumenty i materialy: u 2 t. T. 1: 4 bereznia — 9 hrudnia 1917 r.* Kiev: Naukova dumka, 1996, 587 s.

Vynnychenko, V. K. *Vidrodzhennya natsiyi: u 3 ch. Ch. 1.* Kiev; Vienna: Dzvyn, 1920, 348 s.

Elena Yu. Borisyonok

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Ukrainization: the emergence and dissemination of the concept
(first quarter of the twentieth century)

The article analyzes the origin of the concept "Ukrainization" and the interpretation of the word in the socio-political lexicon of the first quarter of the 20th century. Attention is paid to the assessment of the Ukrainization by supporters and opponents of the Ukrainian national movement. The leaders of the Ukrainian movement actively talked about the Ukrainization in the early twentieth century. They insisted on creating conditions for the realization of the rights of the Ukrainian nation to independent development. The concept has been repeatedly used by M. Hrushevsky and Ye. Chykalenko. With the beginning of the revolution in Russia, the need for the Ukrainization was constantly discussed in the Ukrainian Central Rada. The concept was used both in a narrow sense (the Ukrainization of the school, the Ukrainization of local governments, etc.) and in a broad sense (the Ukrainization of all life). The concept of "Ukrainization" was associated with the idea of the policy of building a national Ukrainian state and the process of development of national consciousness. Opponents of the Ukrainian movement insisted on the artificiality of the process of the Ukrainization. For example, S. N. Shchegolev considered it "an experiment on the people". The emotional perception of the Ukrainization was associated with the attitude to the "Ukrainian question" and the way it was resolved, but not with its meaning. For the supporters of the Ukrainian project, the Ukrainization was a method of achieving the goals of the national movement. The Ukrainization was a policy aimed at establishing the Ukrainian character of the socio-cultural space of a certain territory.

Keywords: *Ukrainization, Hrushevsky, "the Ukrainian question", the national movement.*

«Большой друг белорусского народа»: Ойген фон Энгельгардт и его одиссея

В статье рассматривается биография Ойгена фон Энгельгардта (1899–1948), германо-балтийского аристократа, автора первой немецкоязычной монографии о Белоруссии. Человек авантюрного склада, Энгельгардт успел побывать солдатом, помещиком, специалистом по лесному хозяйству и совершить кругосветное путешествие, прежде чем выбрать карьеру академического исследователя. Интерес к белорусской проблематике связан с происхождением Энгельгардта, который родился и вырос на юго-востоке Курляндии, в местах компактного проживания белорусов. Тесно связанный с нацистским движением, в годы Второй мировой войны Энгельгардт выступил одним из теоретиков так называемой «мягкой линии» восточной оккупационной политики. Она предусматривала ряд экономико-политических преференций для белорусов с целью дальнейшего привлечения их на сторону немцев. В своей концепции Энгельгардт, выходец из земельной аристократии, во многом исходил из домодерной модели взаимоотношений «вассал — сюзерен», которая не сочеталась с характером нацистской политики на Востоке. Кроме того, подход Энгельгардта к изучению белорусов содержал ряд серьезных изъянов. Тем не менее его главная работа, «Белоруссия: страна и ее народ», долгое время оставалась в Германии единственной обобщающей работой по указанному региону. Ключевые слова: *Германия, Белоруссия, балтийские немцы, германо-белорусские отношения.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.14

В последние дни 1948 г. в белорусской газете «Отчизна», выходящей в Мюнхене, появился обширный некролог, посвященный «выдающемуся ученому, одаренному писателю и большому другу белорусского народа» Ойгену фон Энгельгардту. Автор текста, известный в диаспоре интеллектуал Витовт Тумаш, отмечал, что покойный «с самого детства глубоко познал и полюбил белорусский язык, обычаи и белорусский народ». Именно эта связь, как следовало из некролога,

подтолкнула Энгельгардта «к терпеливой и усердной работе по научному изучению Белоруссии». Как писал автор, в знак признания заслуг Энгельгардта «каждый белорус склоняет сегодня свою голову с почтением и великим сожалением»¹.

Стоит отметить, что Энгельгардт, умерший осенью 1948 г. в туберкулезном санатории в Баварии, был сведущ не только в белорусских делах. За свои неполные пятьдесят лет он, как и многие представители его поколения, прожил сразу несколько разных жизней, а все вместе они напоминали настоящую одиссею. При этом, в полном соответствии с эпосом, Энгельгардт всякий раз, физически или мысленно, возвращался в свои владения — пограничье нынешних Латвии, Литвы и Белоруссии, ставшее его судьбой.

Жизнь первая: Маленький принц (1899–1918)

Барон Ойген фон Энгельгардт появился на свет в Сочельник 1899 г. в семейном поместье Шёнхайден, затерянном в лесах между Иллукстом и Двинском. Он происходил из курляндской ветви именитого и знатного рода, чьи представители столетиями занимали ведущие посты в Российской империи. Как известно, Курляндия вошла в состав российского государства в 1795 г., значительно позже двух других балтийских провинций, и даже сто лет спустя сохраняла выраженное своеобразие. В свое время герцогство Курляндское долго находилось в орбите влияния Речи Посполитой. Из-за этого на его территории бок о бок с немцами, помимо латышей, жили поляки, литовцы и белорусы.

Историческая память о польско-литовских временах наложила глубокий отпечаток на сознание местных дворян. Как вспоминал дальний родственник Ойгена, писатель Алексей фон Энгельгардт, их семьи были в большей степени связаны дружескими и родственными узами с польскими помещиками соседней Ковенской губернии, чем с другими балтийцами². Первым Энгельгардтом в Шёнхайдене стал прадед Ойгена — Роберт (1798–1840), мать которого была польской дворянкой. До этого родовым именем в течение столетий был Альт-Борн, располагавшийся в старом Задвинском герцогстве, когда-то совместном владении Польши и Литвы. Даже перебравшись в соседнюю

1 Максимович В. [Тумаиш В.] Аўген фон Энгельгардт // Бацькаўшчына. 1948. № 41 (44). С. 2.

2 Engelhardt A. v. Die Kavaliers von Illuxt: Erinnerungsblätter aus dem Gottesländchen gesammelt von einem alten Kurländer. München, 1949. S. 25–35.

Курляндию, Энгельгардты жили в той ее части, которую занимала историческая Селония, также долгое время входившая в состав Великого княжества Литовского. С другой стороны, на фоне более урбанизированных Эстляндии и Лифляндии Курляндия в значительной степени сохраняла сельский облик. Жизненный уклад Энгельгардтов носил выраженные патриархальные черты, и в этой картине мира они выступали покровителями своих «добрых подданных». Иллуцетский уезд, в котором располагался Шёнхайден, в шутку, хотя и не без оснований, именовали «герцогством Энгельгардтским»³.

Именно в такой идиллической атмосфере рос юный Ойген. Как настоящий принц, он много времени проводил вне дома, исследуя фамильные владения. В этническом многообразии этой части Курляндии он особо выделял для себя белорусов. В его родных местах они по переписи 1897 г. составляли вторую по численности группу населения после латышей, обогнав великороссов и сравнявшись с поляками⁴. Как вспоминал Энгельгардт, «дети белорусских крестьян были его первыми товарищами по играм», а значительная часть лесничих, рабочих и слуг в родительском хозяйстве была белорусского происхождения⁵.

Здесь сразу же возникает интересный вопрос, кого Энгельгардт «воображал» белорусами. По его словам, он впервые столкнулся с белорусами на основной территории их расселения только осенью 1918 г., когда служил в Минске и Орше, а «белорусским вопросом» начал основательно заниматься лишь в 1930-е гг. В этом смысле представляется очень сомнительным, что Энгельгардт, выросший в регионе длительного межкультурного взаимодействия, мог с уверенностью отделять одну культуру от другой. Очевидно, для категоризации окружавших его сообществ он пользовался теми же инструментами, что и имперские власти, а именно принципами религии и языка. При этом, насколько можно видеть, второй принцип оказывался превалирующим. Так, в своих мемуарах Энгельгардт, наряду с латышами, которые в его краю были главным образом католического исповедания, упоминал о специфической группе *мухобродов* — тоже католиков, по одной из версий, потомков белорусских переселенцев, давно смешавшихся с местным латышским населением, но сохранивших восточнославянский язык. Местные краеведы так и не пришли к единому

3 Ibid. S. 5.

4 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 19. Курляндская губерния. С. 186.

5 *Engelhardt E. v. Weissruthenien: Volk und Land.* Berlin, 1943. S. 9.

мнению, отождествлять их с белорусами или нет. Симптоматичным, однако, являлось то, что таких «белорусов» впоследствии призывали как раз в Латышский легион СС⁶.

Таким образом, Энгельгардт включил эту переходную группу в воображаемое белорусское пространство, которое возникло, когда научные исследования переплелись с впечатлениями разных периодов его жизни и романтической ностальгией по ушедшим временам. Тем не менее эти сюжеты выявляют важную особенность его сознания. Как и положено «человеку имперскому», Энгельгардт считал этничность следствием культурно-языковой традиции, а не наоборот, как полагало в то время большинство балтийцев. В этом отношении он фактически отказывался от дистиллированного немецкого характера Балтики, который продвигался местными национал-консерваторами, в пользу выраженных культурных различий, демонстрируя свою приверженность принципам домодерной империи.

Между тем ситуация на Балтике стремительно менялась. Ревизия традиционной административной автономии балтийских губерний со стороны центральных властей, а также рост национализма среди ненемецких групп способствовали возникновению у местных немцев своеобразного представления о «балтийской родине» (*baltische Heimat*). Согласно ему, все немецкое население края воображалось как некое единое сообщество потомков германских колонистов, объединенное особым культурным и духовным наследием. В ходе этого конструирования, однако, возникла серьезная проблема. Выраженное региональное своеобразие немцев Балтики поставило перед ними вопрос — сохранять ли его, оставаясь особой этнокультурной группой (балтийцами), или же влиться в состав «большой германской нации», став просто немцами, проживающими в балтийском регионе⁷.

Как представляется, ответ на этот вопрос лежал сразу в двух плоскостях. Во-первых, речь шла о готовности допустить, что «родину» формируют и другие, ненемецкие группы, для которых немец остается культурным ориентиром. С другой стороны, это подразумевало поддержание диалога с империей с целью сохранения соб-

6 *Bielenstein A.* Reiseskizzen aus dem Oberlande. Kurland. Nerft bis Gross-Born // *Baltische Monatsschrift*. 1882. Н. 8. S. 639–642; *Dokumentsammlung des Herder-Instituts (DSHI)*. 110 Engelhardt 68. Heimaturlaub. Juni 1943. Bl. 3–4.

7 *Weiß H.* *Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert* // *Wir Balten*. München, 1951. S. 326–327.

ственного элитного статуса. На практике, однако, это часто приводило к взаимному отрицанию. Так, значительная часть балтийских немцев не признавала участие иноэтничных сообществ в создании культурно-исторического облика края. Напротив, со стороны не-немецкого населения все чаще звучали высказывания о «немецком засилье». Столь же энергично балтийцы в массе своей отторгали общероссийские порядки, считая их внедрение нарушением своих исконных прав. Правительство же, балансируя между империей и нацией, склонялось к тому, чтобы лишить немецкие элиты их прежнего статуса и маркировать их как «чужих», реально связанных с Германией, а не с Россией.

Случай Энгельгардта при ближайшем рассмотрении оказывается нетипичным на фоне многих балтийцев. Прежде всего это проявлялось в том, что он был готов делить свою «родину» с ненемецкими соседями. Любопытно, что таким образом выходец из консервативной Курляндии фактически солидаризировался с либеральной идеей «судьбоносной общности» (*Schicksalgemeinschaft*), подразумевавшей, что балтийская неповторимость не является делом рук одних лишь немцев⁸. Вместе с тем локальный патриотизм Энгельгардта все же роднил его с консерваторами. В его представлении «балтийский край» (*Baltenland*) складывался из таких «хранимых Богом уголков» (*Gottesländchen*), как его Шёнхайден. В этом отношении немецкое общество представлялось молодому человеку объединением патриотов, готовых в случае необходимости выступить на защиту родного уголка и, следовательно, общей родины.

Размеренная жизнь в средневековой патриархальности, как оказалось, не была спасением от политических столкновений, свойственных этому времени. Одной из наиболее конфликтных точек стал вопрос наполнения понятия «балтиец». Как уже говорилось, для Энгельгардта это значило быть покровителем для местных «туземцев» и защитником своего края, признанным империей. Сохранение немецкой культуры здесь тоже играло значимую роль, но не было политизированным. Напротив, для множества его земляков сама декларация своей принадлежности к балтийскому сообществу означала неприятие правительственной политики. Это было обусловлено тем, что в условиях русификации и национализации империи немцы Ост-

⁸ Taube A. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19 // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg, 1977. S. 112–113.

зейского края переходили от сословного к этнокультурному сознанию. Выразителем этой тенденции стал ровесник Ойгена — Теодор Адриан фон Рентельн.

Стоит отметить, что судьбы этих двух персонажей были удивительно похожи и нередко шли параллельно друг другу. Кроме того, удивительным образом оба балтийца оказались связаны с Белоруссией. При этом если Энгельгардт соприкасался с белорусами лишь периодически, то Рентельн родился в имении Ходцы Сенненского уезда Могилевской губернии⁹ и рос в непосредственном окружении белорусского большинства¹⁰. К тому моменту Рентельны уже поколениями жили в этих краях, а отец семейства занимал должность гласного уездного земства в Сенно¹¹. Очевидно, Рентельн, одинаково хорошо говоривший по-немецки и по-русски, понимал и местные белорусские говоры. По крайней мере, в своей университетской автобиографии он указал в качестве родного города *Mohilew*, а не *Mogilew*, как это название транскрибировалось с русского¹².

Несмотря на подобные параллели, каждый раз личный политический выбор балтийского немца и его соотнесение себя с общей «родиной» диктовались целым рядом факторов. Если Энгельгардт вырос на Балтике, то для Рентельна она долгое время находилась в разряде ментальных карт. Более того, собственно «балтийские» Рентельны не поддерживали контактов со своими «белорусскими» родственниками, которые уже не считались балтийцами¹³. Из-за этого после переезда в Ригу Теодору пришлось фактически заново социализироваться в немецких школах¹⁴. Кроме того, представители рода Энгельгардтов даже в начале XX в. продолжали занимать значимые должности как у себя дома, так и в высших эшелонах власти. Рентельны же давно превратились в мелкопоместных дворян, которых с империей не связывали вопросы даже чисто экономического благополучия: при всей интен-

9 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 11. Оп. 1. Д. 3309. Л. 4.

10 *Аникиевич К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907. С. 101.

11 Памятная книжка Могилевской губернии на 1913 год. Могилев, 1913. С. 8.

12 Universitätsarchiv Rostock (UAR). Juristenfakultät. Promotionsakte Theodor von Renteln (1924).

13 DSHI. 190 Krusenstjern. Bl. 06816v.

14 UAR. Juristenfakultät. Promotionsakte Theodor von Renteln (1924).

сивности ведения хозяйства Ходцы давали в среднем всего 700 рублей в месяц¹⁵. В этом смысле, если для Энгельгардта белорусские работники были неотъемлемой частью его бытия, то в аналогичной картине мира Рентельна они сковывали и привязывали к России.

Здесь мы можем видеть, как противоборство центра и провинции способствовало превращению идентичности в политическое кредо. В таком случае местный патриотизм отодвигался на задний план или вообще нивелировался, а само соотнесение себя с балтийским сообществом становилось формой протеста против имперской власти. Зачастую такой подход подразумевал и отказ от сотрудничества с русской стороной. Иногда это принимало радикальные формы (эмиграция в Германию), хотя большая часть выбирала более мягкие пути сопротивления. К примеру, наследники знатных балтийских семей, желая избежать призыва в армию, стремились поступить в престижный Александровский лицей, делая вид, что хотят сделать карьеру на государственной службе. Так же хотел поступить и Рентельн¹⁶, однако уже после сданного экзамена он все же был призван и направлен в офицерское училище. Примечательно, что в годы национал-социализма он скрывал факт службы в русской армии и указывал, что еще в школе якобы подвергался преследованиям за свои «пронемецкие» взгляды¹⁷.

Таким образом, в действительности Рентельн скорее хотел быть уже просто «немцем», нежели чем «балтийским немцем». Его декларируемая «балтийскость» была лишена двух важнейших компонентов этой идентичности — привязанности к «малой родине» и имперского элемента в виде династической лояльности, чего нельзя сказать об Энгельгардтах. Так, в сентябре 1915 г. они, подобно ряду курляндских помещиков, не стали дожидаться прихода германских войск и эвакуировались в Ригу¹⁸. Можно не сомневаться, что, если бы его год призывался в армию, Энгельгардт-младший не стал бы уклоняться от воинской службы. В конце 1918 г. он одним из первых вступил в Балтийский ландесвер (местное немецкое ополчение) и больше года участвовал в боях против Красной армии. Напротив, Рентельн уже в начале 1919

15 Аникиевич К. Т. Сенненский уезд... С. 118, 124.

16 ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3.

17 Starcke G. NSBO und Deutsche Arbeitsfront. Berlin, 1934. S. 238–240; Der Großdeutsche Reichstag 1938. Berlin, 1938. S. 359.

18 Engelhardt E. v. Ritt nach Riga: Aus den Kämpfen der Baltischen Landeswehr gegen die Rote Armee 1918–20. Berlin, 1938. S. 17.

г. перебрался в Германию и не вернулся на Балтику, чтобы воевать с большевиками, как это сделало множество его бывших земляков.

Примечательно, что, вспоминая о событиях 1918–1920 гг. на Балтике, Энгельгардт особо отмечал латгальских белорусов, в чьих «тесных избах» были расквартированы бойцы ландесвера. Описывая белорусскую «любовь к родному наделу» (*Scholle*), автор, очевидно, соотносил эти ощущения со своими¹⁹. В каком-то смысле для Энгельгардта принцип территории и общности исторических судеб превалировал над культурными и даже этническими факторами. Такая позиция, нечастая среди балтийцев, роднила Энгельгардта с белорусскими «краёвыми» патриотами. Как известно, сторонники идеи «краёвости» исходили из того, что все жители исторической Литвы, независимо от их этнокультурной и социальной принадлежности, составляли одну нацию. По их мнению, этому способствовали местная самобытность и проистекавший из нее локальный патриотизм, когда каждый человек становился «гражданином края»²⁰.

Существенным отличием здесь, однако, было то, что Энгельгардт подразумевал наличие над подобным сообществом некоего наднационального регулирующего механизма. До революции им была правящая династия (в широком смысле — империя). В новых условиях наследник балтийских феодалов, как это будет показано ниже, пытался увидеть аналогичную силу в «государстве фюрера». Нет сомнений, что на протяжении всей оставшейся жизни Энгельгардт пытался адаптировать свой «край» и его разномастное население к тем реалиям, которые в принципе не предполагали его существования. Напротив, живым выражением новой эпохи как раз становился Рентельн. В качестве генерального комиссара оккупированной Литвы он проводил «четкую и неуклонную линию» на «утверждение германского превосходства» в регионе, «получившем для немецкого народа судьбоносное значение»²¹.

Жизнь вторая: Годы странствий (1918–1934)

Вихрь Первой мировой войны и революции вырвал юного Энгельгардта из размеренного бытия. Ликвидация монархии и последовавший распад Российской империи стали для него, как и для всех местных немцев, неким психологическим рубежом. С одной стороны, закончи-

19 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 9.

20 Смелянчук А. Ф. «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск, 2017. С. 10–11.

21 Deutsche Zeitung im Ostland. 1941. № 83. S. 3–4.

лось многолетнее противоборство с центром и связанная с ним внутренняя напряженность в балтийском сообществе. Тем не менее немецкие элиты, в особенности земельная аристократия, искали того, кто бы мог обеспечить их права²². В этом смысле обращение к «германскому отечеству» нисколько не противоречило старой имперской лояльности и носило больше инструментальный, чем моральный характер.

На момент происходящего Ойгену фон Энгельгардту едва минуло 18 лет. Поскольку текущая неопределенность не располагала к далеко идущим планам на будущее, молодой барон выбрал традиционную для своей семьи военную стезю. Для этого в феврале 1918 г. он получил в Рижской реальной гимназии, которую посещал последние шесть лет, так называемый «аттестат военного времени» (*Notabitur*)²³. По немецким законам он досрочно выдавался тем, кто хотел поступить на службу в армию, для чего выпускные экзамены принимались в облегченной форме. Через неделю после окончания школы молодой Энгельгардт поступил в престижный 1-й гвардейский полк прусских улан²⁴, однако строевую службу ему нести не пришлось. Дело в том, что еще до того, как немцы оккупировали всю территорию Белоруссии, в военном и политическом руководстве Германии шли оживленные дискуссии о том, как в будущем будет структурировано пространство на Востоке. В условиях повсеместного экономического и культурного доминирования поляков германская сторона, как и ранее российские власти, стремилась по возможности артикулировать те отличия, которые бы выделили польские сообщества из общей массы населения.

Здесь военная администрация сразу же столкнулась с рядом серьезных проблем. Первая из них состояла в соотношении этнографических и языковых областей, границы которых часто не совпадали друг с другом. Как писал непосредственный участник событий Ханс Цемке, ареалы распространения литовского, польского и белорусского языков не были замкнутыми и порой настолько переплетались между собой, что невозможно было определить языковую принадлежность многих уездов. Это существенно затрудняло реализацию германской образовательной и национальной политики на оккупированной территории²⁵.

22 *Taube A. v.* Von Brest-Litovsk... S. 119–120.

23 *Rigasche Zeitung.* 1918. № 46. S. 4.

24 *Bundesarchiv Berlin (BArch).* R 16/6379. Personalakten über Eugen v. Engelhardt. Bl. 1v.

25 *Zemke H.* Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges. Berlin, 1936. S. 50–53.

С другой стороны, различные политические группы интересов пытались трактовать историческое наследие края в свою пользу. В частности, между литовцами и белорусами происходили серьезные столкновения относительно территориальной принадлежности Гродно²⁶.

В этом отношении Энгельгардт оказался в нужное время и в нужном месте. Привлечение местной немецкой молодежи к решению военных задач было повсеместной практикой кайзеровских военных на занятых территориях. Так, Райнхарт Маурах (1902–1976), один из лучших знатоков Восточной Европы своего времени, 16-летним подростком был переводчиком и консультантом германской армии в оккупированном Крыму²⁷. Этот сценарий был актуален и для Энгельгардта. Помимо того, что он был местным уроженцем и прекрасно разбирался в локальном многообразии, у него обнаружился талант к языкам. Так, молодой солдат свободно владел русским, хорошо знал польский, мог читать на идиш²⁸ и, вероятно, также понимал латышский и литовский. Насчет белорусского языка Энгельгардт делает любопытное замечание в своей автобиографии 1938 г., указывая, что использует «исключительно литературную версию» (*vollkommen dialektfrei*)²⁹. Таким образом, непонятно, имелась ли в виду уже кодифицированная к тому времени белорусская языковая норма или же Энгельгардт, как и в случае с мухобродами, считал, что уже в юности говорил именно по-белорусски.

Благодаря своим способностям Энгельгардт сперва был направлен в штаб Главного командования «Восток» (*Ober Ost*) в Ковно, откуда совершил служебную поездку к месту дислокации полка — в Потсдам, впервые побывав на исторической родине. В начале октября 1918 г. он получил новое назначение, в так называемое «зарубежное вспомогательное подразделение» (*Auslandshilfsstelle*) в Орше. Очевидно, подобные структуры были одновременно призваны пропагандировать новый строй и заниматься разведывательной работой. Хотя в ту пору между Германией и советской Россией существовали дипло-

26 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня, 1998. Т. 1. С. 316–327.

27 *Nerlich V. A Baltico ad Euxinum: Reinhart Maurach und die Frühzeit der deutschen Ostrechtsforschung*. Berlin, 2015. S. 183.

28 ВArch. R 16/6379. Bl. 13v; DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 1.

29 ВArch. R 16/6379. Bl. 4.

матические отношения, Энгельгардт не скрывал, что «был прикомандирован к разведслужбе на большевистском фронте»³⁰.

Следует отметить, что с этим коротким, около месяца, пребыванием на демаркационной линии связан важный, во многом определяющий этап биографии Энгельгардта. На фоне критического положения Германии по ту сторону границы происходило усиление большевиков, сумевших в экстремальных условиях не только удержаться у власти, но и укрепить ее. Одновременно с этим в печати стали появляться первые свидетельства очевидцев, бежавших из советской России, согласно которым русская революция на самом деле носила еврейский характер. Так началось распространение аффекта «еврейского большевизма», разрушительной стихии, готовой в любой момент обрушиться на Европу. Масла в огонь добавило и то, что 6 ноября 1918 г. советский полпред в Германии Адольф Иоффе, по обвинению в подготовке революции был выслан за пределы страны и интернирован в оккупированном Минске.

Как представляется, к тому моменту в сознании Энгельгардта, переживавшего крушение уже второй империи за последние два года, тоже возникло конспирологическое представление об участии в этих процессах некой злонамеренной внешней силы. В массовом сознании она зачастую связывалась с евреями. Много лет спустя, уже в годы работы в Берлине, Энгельгардт указывал, что царское правительство было единственным правительством в мире, которое сумело распознать истинную опасность еврейства и стремилось всеми средствами защитить население от его «разлагающего влияния». Более того, все подрывные движения в России, по мнению Энгельгардта, также финансировались евреями³¹. Большевики, соответственно, тоже не были здесь исключением. На ярко антисоветский характер высказываний Энгельгардта, очевидно, повлияло и то, что в апреле 1920 г. латышский коммунист совершил покушение на его отца, от последствий которого тот скончался³².

С другой стороны, в условиях наступившего хаоса, когда русские разделились на белых и красных, а вчерашние соседи — латыши, литовцы и поляки — формировали свои национальные государства, ряд образов, связанных с «балтийской родиной», стал для Энгель-

30 Ibid. Bl. 3v–4, 14.

31 *Engelhardt E. v. Jüdische Weltmachtpläne: die Entstehung der sogenannten Zionistischen Protokolle.* Leipzig, 1936. S. 8.

32 *Engelhardt E. v. Ritt nach Riga...* S. 148–149.

гардта своего рода духовной константой. Его тяготение к ней было настолько сильным, что, уже будучи партийным функционером в Берлине, он при первой возможности вернулся в родные края, чтобы заниматься родительским именем. Те, кого Энгельгардт рассматривал как белорусов, тоже занимали здесь важное место и выступали своеобразным символом стабильности и неизменности³³. Даже спустя годы, воображая Белоруссию, он отталкивался от своих юношеских представлений.

Дальнейшая судьба Энгельгардта тоже во многом оказалась определена этим комплексом образом и событий. В течение полутора лет, с ноября 1918 до мая 1920 г., он сражался за свой край, а вместе с ним и за уходящую в прошлое эпоху, в составе немецких добровольческих соединений — сперва Железной дивизии, а затем кавалерийского отряда своего отца. После того как большая часть семейных владений была национализирована латвийским правительством, Энгельгардт выехал в Германию. Воспоминания о детстве, проведенном среди курляндских лесов, привели его в 1922 г. в Высшую лесную школу в Эберсвальде под Берлином, которую он окончил три года спустя лучшим в своем выпуске. После стажировки в Институте природных ресурсов в Вене Энгельгардт ровно год, с февраля 1926 по февраль 1927 г., проработал в лесном управлении Силезской палаты сельского хозяйства в Бреслау³⁴, чтобы затем отправиться на другой конец света — в Австралию.

Доподлинно неизвестно, что подвигло Энгельгардта совершить столь далекий вояж. Среди наиболее очевидных причин было ухудшение экономического положения и безработица в Германии. Как бы то ни было, 27 декабря 1927 г. дипломированный лесовод поднялся на борт парохода «Крефельд» в Бремене, чтобы почти через два месяца, 18 февраля 1928 г., сойти на австралийский берег в Аделаиде. Уже через две недели Энгельгардт приступил к работе в горах Лофти Ренджес, продолжив ее в Куипо, большом рукотворном лесу³⁵. Начав как обычный вальщик деревьев, вчерашний эмигрант быстро стал специалистом по лесоустройству в местном департаменте лесного хозяйства и по долгу службы много путешествовал по стране. Консерватор лесов штата Южная Австралия характеризовал Энгельгардта как «лесовода высочайшей категории» и очень сожалел, когда тот оставил

33 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 10.

34 BArch. R 16/6379. Bl. 4, 7.

35 The Register. 1928. № 27224. P. 11.

свое место³⁶. Прожив в Австралии неполных два года, Энгельгардт отправился на Самоа, а оттуда — на Таити, где провел в общей сложности полгода, прежде чем в конце 1930 г. вернуться в Латвию.

В первые дни нового 1931 г. в Немецком охотничьем клубе в Риге прошло выступление Энгельгардта, посвященное его поездке в южные моря. Как сообщал корреспондент газеты «Рижское обозрение», докладчик, имевший возможность «заняться вопросами колониальной политики и расовыми исследованиями», указывал на малочисленность населения Австралии и ее незащищенность перед внешними вызовами. Ссылаясь на мнение известного немецкого географа Альбрехта Пенка, Энгельгардт указывал, что уже в ближайшее время может начаться «ожесточенная борьба между отдельными нациями и расами» за жизненное пространство. Перед австралийцами в этом смысле вставала альтернатива: либо заполнить свой малонаселенный континент «белыми» колонистами (прежде всего немцами), либо пасть жертвой азиатского нашествия³⁷. Сложно однозначно судить, насколько австралийские впечатления повлияли на предыдущие конспирологические представления Энгельгардта. Тем не менее вскоре после своего возвращения он вступил в контакт с представителями нацистской партии — главой штурмовиков Восточной Пруссии Карлом Литцманом и референтом Имперского управления по аграрной политике Карлом Мотцом. Закономерным стало и выступление Энгельгардта в НСДАП в марте 1931 г. Как следует из его досье, следующие три года он «работал для партии на Балтике»³⁸.

В данном контексте, однако, нас интересует не эта размытая формулировка, а те тенденции, которые лежали в ее основе. Прежде всего следует отметить, что после образования национальных государств в балтийском регионе местные немцы потеряли свой элитный статус и многие имущественные преференции, по сути превратившись в проблемное меньшинство. Это актуализировало общественные дискуссии о собственной идентичности, в результате которых германобалтийское сообщество раскололось. Старшее поколение призывало к умеренности и поиску компромисса с латышами, тогда как молодежь была настроена куда более решительно. В представлении радикалов балтийским немцам следовало рассматривать себя как часть «большой германской нации», которая с приходом к власти Гитлера сделала

36 BArch. R 16/6379. Bl. 11.

37 Rigasche Rundschau. 1931. № 13. S. 22.

38 BArch. R 16/6379. Bl. 3v.

первый шаг к «национальному возрождению». Одновременно с этим балтийцам надлежало вернуть себе прежнее социальное положение³⁹. Так сформировалось национал-социалистическое движение немцев Латвии. Его главным действующим лицом стал молодой рижский адвокат Эрхард Крёгер (1905–1987), будущий генерал СС. По совпадению, он ходил с Энгельгардтом в одну школу, а его отец родился и вырос в Витебской губернии.

С другой стороны, в условиях военно-политического и идеологического противостояния Германии и Польши вопрос обеспечения безопасности границ рейха на «дальнем Востоке» приобретал стратегическое значение. Следуя этой парадигме, Берлин стремился нащупать наиболее уязвимые места польского государства. Таким образом ряд территорий, в том числе Латвия, Литва и Белоруссия, оказались в зоне особого внимания германских правительственных структур. В этой связи общепринятой практикой стало привлечение интеллектуалов (чаще всего из «восточных» университетов — Кёнигсберга и Бреслау) для разработки экспертных заключений по данному региону. Известно, что с 1936 по 1938 г. восточное пограничье Речи Посполитой, в первую очередь Виленский край, неоднократно посещали специалисты по соответствующей тематике, такие как Вернер Конце (1910–1986), Петер Шайберт (1915–1995) и Готхольд Роде (1916–1990). Не был обойден вниманием и белорусский вопрос, которому был посвящен ряд публикаций названных авторов⁴⁰. Помимо чисто научных изысканий, ими изучались возможности взаимодействия с непольскими сообществами для внутреннего ослабления польского государства.

Очевидно, в своей «работе» Энгельгардт имплицитно склонялся ко второй тенденции. По его словам, уже в 1932 г. он сопровождал Литцмана и Мотца в поездке по Курляндии и выступал для них экспертом по «вопросам Востока»⁴¹. В общественных дебатах Энгельгардт, скорее всего, не смог бы отнести себя ни к одному, ни к другому лагерю. Так, «старые» консерваторы были для него слишком инертны, а «молодые» радикалы, в отличие от него, не были активными

39 *Schröder M.* Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov, 1942–1945. Paderborn, 2001. S. 21–28.

40 *Conze W.* Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938; *Scheibert P.* Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. 1938. Bd. 2. S. 335–354; *Rhode G.* Die Weißruthenen // Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau. 1941. Bd. 2. S. 52–77.

41 *Engelhardt E. v.* Weissruthenien... S. 10.

участниками событий 1918–1920 гг. Тем не менее его активность не осталась незамеченной для властей. В 1934 г. Энгельгардт был выслан из Латвии и переехал в Берлин.

Жизнь третья: Интеллектуал (1934–1942)

Вновь оказавшись в Германии, Энгельгардт решил придать своим изысканиям институциональную форму. С июля 1934 г. он начал работать в Объединении германских антикоммунистических организаций, более известном как Антикоминтерн, работавшем при ведомстве Геббельса. Специализируясь на изучении «взаимосвязей еврейства и большевизма», Энгельгардт в качестве директора соответствующего института считался «одним из лучших и наиболее объективных знатоков» в своей теме. Под его руководством, несмотря на нехватку средств, был налажен выпуск книг и брошюр, а также организована тематическая картотека и собраны библиотечные фонды⁴².

Тем не менее уже в ноябре 1935 г. Энгельгардт неожиданно ушел со всех своих постов. Ни в документах, ни в личных записях причины этого шага не прослеживаются. Как можно предположить, на поле своей деятельности Энгельгардт столкнулся с острой конкуренцией, исходившей, как представляется, от Германа Грайфе (1902–1945) и Теодора Адамхайта (1899–1942). Первый занимался изучением «мировоззренческих связей большевиков и мирового еврейства», второй — Красной армии как «орудия советского империализма», то есть именно теми сюжетами, на изучение которых безраздельно претендовал Энгельгардт. Отличительной чертой Грайфе и Адамхайта было то, что они, будучи «имперскими немцами», родились и выросли в Москве. Исходя из этого, они считали, что разбираются в русской специфике лучше не только своих «коллег по цеху», но и других «русских» немцев. Оба персонажа имели тот же административный вес: Грайфе возглавлял Институт по научному изучению Советского Союза, Адамхайт впоследствии встал во главе Русского научного института — и, в отличие от усердного, но незаметного администратора Энгельгардта, были живыми символами своих организаций.

Воспользовавшись разрешением латвийского правительства вернуться обратно, Энгельгардт в начале 1936 г. уехал из Берлина. Следующие два года он провел в своем имении и в Германии вновь появился лишь осенью 1938 г. В карьерном плане ему пришлось начинать всё практически с нуля. Благодаря содействию своего рижского земляка,

42 ВArch. R 16/6379. Bl. 13–13v.

профессора Берлинского университета Герхарда фон Менде (1904–1963), в январе 1939 г. Энгельгардту удалось устроиться на полставки в отдел по планированию поселений на Востоке аппарата имперского руководителя по делам крестьян⁴³. Очевидно, Менде также довел до сведения непосредственного начальника Энгельгардта, что последний, в силу своего происхождения, мог бы быть полезен в качестве эксперта. В результате Энгельгардту, учитывая его владение русским и «знание текущей ситуации в рассматриваемых им областях», действительно была поручена не чиновная работа, а сбор и обработка источников по методам поселенческой политики⁴⁴.

Очевидно, именно в это время Энгельгардт вообразил, что его подлинной задачей является исследование белорусской проблематики. Еще будучи служащим, он познакомился с Карлом фон Лёшем, директором Института пограничных и зарубежных исследований. По его просьбе Энгельгардт подготовил большую статью о белорусах Августовского района, ставшую его первой научной публикацией. Говоря об актуальности темы, автор отмечал, что лишь немногие в Германии знают о северо-западной группе восточных славян, именующей себя «белорусы» несмотря на то, что их территория непосредственно граничит с немецкой⁴⁵. Вместе с тем это был как раз тот случай, когда заголовок плохо коррелировал с содержанием. По большей части текст представлял собой сумбурный пересказ исторических событий и отдельных географических, статистических и иных фактов, связанных с белорусами. Непосредственному предмету исследования была посвящена буквально пара страниц в конце статьи. По ходу повествования Энгельгардт воспроизводил некоторые элементы национального нарратива, характерного для белорусской диаспоры того времени. Так, среди прочего он подчеркивал, что у белорусов лучше всего сохранился изначальный древнеславянский расовый тип⁴⁶.

Между тем актуальность работы Энгельгардта только возросла после образования общей германо-советской границы: то, что до этого было «дальним», стало «ближним» Востоком. Именно эта метафора стала названием сборника, в котором вышла указанная статья.

43 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 10–11.

44 BArch. R 16/6379. Bl. 16.

45 Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem nahen Osten. Berlin, 1940. S. 31.

46 Engelhardt E. v. Die Weißrussen... S. 32. Ср.: Чужыловіч А. [Зуземіль Э.] Мова, народ, раса // Крывіч. 1923. № 4. С. 33.

Воодушевленный первоначальным успехом, Энгельгардт решил продолжить свои изыскания. Как ни парадоксально, повод для этого дала тяжелая болезнь. В конце апреля 1939 г. Энгельгардт по собственному желанию уволился из своего ведомства и вновь уехал в свои курляндские владения⁴⁷, где его застало начало Второй мировой войны. По словам Энгельгардта, узнав об этом, он сразу же выехал на машине в Кёнигсберг. Там он явился в окружной военкомат и получил назначение переводчиком в штаб 3-й армии, которая двигалась на Варшаву с севера через Польский коридор. После окончания кампании Энгельгардт участвовал в организации лесного ведомства, откуда был направлен в Седлецкое лесничество, где местный врач установил у него начинающийся туберкулез легких. Следующие полтора года, до мая 1941 г., Энгельгардт провел в различных имениях, которыми управлял его брат, и на горном курорте в Закопане, пока вновь не вернулся в армию в качестве офицера для особых поручений⁴⁸.

Очевидно, как раз в период лечения Энгельгардт смог вернуться к своим занятиям. В конце 1940 — начале 1941 г. он подготовил обширную (порядка 150 страниц) рукопись, посвященную Белорусской ССР. До наших дней сохранилось не менее дюжины экземпляров этой работы, три из которых автор этих строк держал в руках в Берлине и Москве. Во всех случаях она являет собой размноженную на копировальном аппарате машинопись, сшитую под ярко-красной обложкой. Помимо современных библиотечных штампов, экземпляры не несут никаких владельческих пометок. Из этого можно заключить, что рукопись либо носила черновой характер, либо была выполнена для служебного пользования, то есть в любом случае предназначалась узкому кругу лиц. Заказчик текста также неизвестен. Судя по его основной направленности (землепользование и продовольственное снабжение), им могло быть одно из подразделений Имперского управления по делам крестьян, где Энгельгардт работал до этого. Впрочем, это могла быть и его частная инициатива.

Любопытно, что, помимо страноведческой информации, в тексте содержались и практические рекомендации. В преддверии вторжения вермахта в Советский Союз Энгельгардт подчеркивал, что немцы возвращаются в Белоруссию как «освободители от ненавистных большевиков». Белорусов он характеризовал как пассивных, не слишком сообразительных и аккуратных, однако преданных, усердных и привыч-

47 BArch. R 16/6379. Bl. 32.

48 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 1–4.

ных к тяжелой работе людей, которыми при правильном обращении легко руководить. По словам Энгельгардта, следовало воздерживаться от проявления грубости, так как в противном случае белорус хотя и будет подчиняться, но без почтения, поскольку не будет рассматривать своего начальника как «истинного господина»⁴⁹. Подобные высказывания не были лишь умозрительными наблюдениями, а соотносились с политической позицией Энгельгардта. В той же работе он указывал, что поскольку в своем текущем виде советская республика как единое целое «относится к области расселения белорусского народа», то разделять ее следует лишь по экономическим соображениям. Кроме того, как считал автор, белорусскую территорию лучше было бы сохранить и в политическом отношении как отдельный субъект, который уже можно было бы соотнести с экономическими потребностями рейха⁵⁰.

Эти идеи Энгельгардт развил уже в своей монографии «Белорусия: страна и ее народ». Материал для своего *opus magnum* он начал собирать еще до войны в Берлине, главным образом в Прусской государственной библиотеке. Помимо этого, Энгельгардт, несомненно, пользовался книжными фондами университетских структур — Славянского и Русского институтов⁵¹. В библиотеке последнего, в частности, были собраны издания белорусских организаций, действовавших в довоенной Литве. Работу над книгой Энгельгардт продолжал и после начала войны на Востоке. Из-за невозможности находиться в действующей армии по состоянию здоровья, он был переведен в Восточное министерство, занимавшееся оккупированными территориями, и направлен в Минск. Там Энгельгардт находился по крайней мере до конца весны 1942 г.⁵²

Несмотря на то, что рукопись, судя по датировке предисловия, была завершена уже к февралю 1942 г., прошло больше года, прежде чем она увидела свет. Примечательно, что книга в итоге была выпущена издательством *Volk und Reich*, которое специализировалось на актуальной политической, а не научной литературе. Поскольку сам автор находился на Востоке, текст редактировал и готовил к печати

49 Engelhardt E. v. Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik. [Berlin], [1940]. S. 73–74.

50 Ibid. S. 3.

51 Biełarusika ŭ berlinskich biblijatekach // Biełaruski Student. 1942. № 2. S. 7–10.

52 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 5.

его берлинский коллега Вернер фон Гарпе⁵³. Основная часть 350-страничной книги распалась на две примерно одинаковые части по три раздела в каждой. Первая была посвящена истории Белоруссии и национального развития белорусов, вторая касалась географических, экономических и демографических особенностей рассматриваемой территории.

Как показывает текстологический анализ, экономико-географические сюжеты были практически без изменений взяты Энгельгардтом из предыдущей работы. Лишь кое-где в них заметны следы редакторской правки и политическая актуализация — так, к примеру, словосочетание «Белорусская ССР» заменено на идеологически верное «белорусское пространство»⁵⁴. Для написания раздела про этнорасовые характеристики белорусов Энгельгардт, наряду со старой рукописью, использовал материал своей статьи 1940 г., заостряя его на нужных моментах. Те фрагменты, которые отсутствовали в двух протографах, Энгельгардт дописал в Минске, используя служебные документы⁵⁵.

В первой части Энгельгардт воспроизводил концепцию Всеволода Игнатовского, популярную у национально ориентированных белорусских авторов. Согласно ей, история Белоруссии делилась на пять периодов: полоцкий (IX–XIII вв.), литовско-белорусский (XIII–XVI вв.), польский (XVI–XVIII вв.), российский (XVIII в. — 1917 г.) и современный, начавшийся после крушения Российской империи⁵⁶. При этом Энгельгардт умудрялся сочетать несочетаемое. Используя в качестве методологии концепцию Игнатовского, фактуру он брал из идейно противопоставленных ему работ «западнорусистов» Алексея Сапунова и Помпея Батюшкова. Стоит отметить, что этот момент ярко характеризует мышление Энгельгардта как балтийца, допускавшего широкую автономию сообществ в рамках имперской модели.

Как признавал сам автор, его труд носил компилятивный характер и имел множество недостатков. По его словам, он хотел бы выпустить книгу после войны, и только отсутствие релевантной ли-

53 *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 12.

54 *Engelhardt E. v. Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik. Einleitung.* S. 19; *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 281.

55 *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 277; *Der Generalbezirk Weißruthenien. Raumplanungsentwurf.* Berlin, 1941. S. 5.

56 *Игнатовский В. М. Белоруссия: Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории.* Минск, 1926. С. 25–45; *Engelhardt E. v. Weissruthenien...* S. 27.

тературы по тематике подвигло его сделать это немедленно⁵⁷. Тем не менее следует сказать, что в научном плане книга Энгельгардта в принципе не представляла собой ничего новаторского. Он опирался на давно известные публикации по теме, а многие разделы либо уже устарели, либо теряли актуальность в быстро менявшейся реальности. Это отмечал и белорусский рецензент, указывая, помимо прочего, на большое количество фактических ошибок и плохое знакомство Энгельгардта с новейшей литературой. Вместе с тем книге придавалось «особенное значение» как единственной в своем роде и открывавшей Белоруссию западноевропейскому читателю. Как было сказано в рецензии, автор вспоминал, как белорусы помогали его семье в критические минуты, и теперь вернул «старый долг признательности белорусскому народу»⁵⁸.

Таким образом, работа Энгельгардта имела скорее символическое значение. Насколько можно полагать, автор изначально рассматривал ее как нечто большее, чем просто информирование публики о белорусской проблеме. Еще до войны он настаивал на сохранении Белоруссии как единого политического целого, апеллируя к чистоте «расовой сущности» белорусов. Несомненно, для Энгельгардта рейх представлял своеобразной федерацией «расово полноценных» сообществ, где национал-социалистическая идеология играла роль имперской лояльности. В этом смысле подобный регионализм белорусов, которые могли бы занять свое место в освобожденном от большевизма «крае», в представлении Энгельгардта был вполне допустим.

Стоит заметить, что, помимо подготовки книги, им были сделаны определенные шаги и в политической плоскости. Перед самым началом войны Энгельгардт подготовил для экономического штаба «Ост» меморандум, который предлагал использование белорусов для обеспечения интересов Германии. Очевидно, он не знал, что Белоруссия уже была отнесена к так называемой «голодной зоне», то есть должна была давать продовольствие за счет ограничения потребления местных жителей. На тот момент и военные, и административные структуры согласились с таким подходом⁵⁹. По справедливому замечанию немецких историков, книга Энгельгардта, безотносительно к ее достоинствам и доброжелательному отношению к белорусам, до сих пор находится

57 Engelhardt E. v. Weissruthenien... S. 11.

58 Загорны П. Книга аб Беларусі // Раница. 1944. № 188/189. С. 3.

59 Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 56–58.

«в тени поисков жизненного пространства на Востоке»⁶⁰.

Поскольку текущая политика шла вразрез с представлениями Энгельгардта, он в итоге предпочел удалиться из Минска в Новогрудок. Один из активистов Белорусской партии независимости, местный уроженец Борис Рогуля, указывал, что Энгельгардт не поехал туда добровольно, а был сослан за свою позицию⁶¹. Впрочем, скорее всего, это был обдуманый выбор: с одной стороны, Энгельгардт хотел вернуться в близкую ему лесную среду, а с другой — попытаться перейти от слов к делу.

Жизнь четвертая: Ополченец (1942–1945)

К моменту первого прихода немцев в 1915 г. Новогрудок, когда-то важный польско-литовский город, представлял собой небольшое местечко, в основном населенное евреями. Вместе с тем он являл собой знаковое место для поляков и белорусов. В первом случае он символизировал «старосветскую шляхетскую традицию», во втором был одним из центров, вокруг которого формировалось Великое княжество Литовское. Как указывает белорусский историк Александр Быстрик, в условиях нейтральной позиции немецких властей усилилось соперничество этих двух национальных проектов в борьбе за лояльность местного населения⁶². Хочется добавить, что это противостояние в том или ином виде пережило и первую оккупацию, и межвоенный период. После небольшого перерыва, связанного с приходом советской власти, оно разгорелось вновь.

60 Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen, 2001. S. 20–21.

61 Юрэвіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. Менск, 1999. С. 148.

62 Быстрик А. Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Города империи в годы Великой войны и революции. М., 2017. С. 239–241, 267.

Можно лишь гадать, был ли Новогрудок выбран Энгельгардтом намеренно или речь идет о простом совпадении. Как бы то ни было, начало его службы (лето 1942 г.) ознаменовалось заметным подъемом партизанской активности — как советской, так и польской. Ситуация осложнялась тем, что диверсанты из Армии Крайовой (АК) не только пользовались советским оружием и обмундированием, но и говорили между собой по-русски. Из-за этого и местные жители, и немцы были уверены, что это действия советских партизан, в том числе отряда имени Чапаева, дислоцированного в районе Налибокской пущи⁶³. Позиции АК усиливало и то, что на Новогрудчине вся низовая администрация была по-прежнему представлена поляками. Учитывая, что большинство белорусского населения бывшей Речи Посполитой было представлено малоземельными крестьянами, активистам белорусского движения было попросту неоткуда набирать командные кадры⁶⁴. Более того, АК удалось внедрить своих агентов как в немецкие органы власти, так и в структуры организованного немцами белорусского самоуправления. Этому способствовало то, что 90% личного состава было опять же набрано из местных уроженцев⁶⁵.

Такое положение не могло не вызывать озабоченности в нацистском руководстве. Чтобы избежать усиления польского элемента в тылу действующей армии, в мае 1942 г. была начата так называемая «польская акция», нацеленная на репрессии чиновников и интеллигенции из числа поляков. Массовые аресты в Новогрудском районе начались в ночь с 28 на 29 июня 1942 г. По версии польской стороны, центральную роль в их организации сыграли, наряду с другими, Борис Рогуля и его дядя Василий Рогуля, бургомистр Дятловского района. В результате Новогрудок и его окрестности стал тем регионом, где победило «белорусское влияние»⁶⁶. Одновременно с этим в июле 1942 г. по распоряжению генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе была организована белорусская самооборона — вспомо-

63 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 6; *Krajewski K.* Der Bezirk Nowogródek der Heimatarmee. Nationalitätenkonflikt und politische Verhältnisse 1939 bis 1945 // Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. München, 2003. S. 570.

64 *Грыбоўскі Ю.* Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941–1944 гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* 2006. № 25. S. 117–118.

65 *Krajewski K.* Der Bezirk... S. 568–569.

66 *Грыбоўскі Ю.* Польшка-беларускі канфлікт... S. 127–128.

гательные соединения, призванные помогать местной полиции уже в борьбе с советскими партизанами.

Примечательно, что эти события совпали с приездом Энгельгардта в Новогрудок. В этом смысле можно предположить, что он был послан туда, что называется, «для усиления кадров». Здесь возникает очень любопытный вопрос, насколько белорусские активисты воспринимали Энгельгардта как представителя оккупационной власти. Судя по всему, он пользовался у них гораздо большим уважением, чем обыкновенный немецкий функционер. Так, Борис Рогуля упоминает, что Энгельгардт тесно дружил с его дядей Василием и был с ним откровенен⁶⁷. Непонятно, однако, насколько сам бурмистр вникал в текущие задачи национального движения. В мемуарах он подробно описывал военную повседневность, перечисляя своих сотрудников-белорусов и их личные качества, однако не останавливался именно на политической стороне вопроса. Помимо этого, в повествовании Энгельгардта ощущается сильная саморомантизация. Нередко он именуется себя «командиром разбойников» (*Räuberhäuptling*), который ночью вместе с верными соратниками отправляется испытать удачу⁶⁸. Это является очевидной отсылкой к такому средневековому явлению, как «барон-разбойник» (*Raubritter*), то есть рыцарю, который осуществлял власть в своем уделе путем грабежа путешественников. С другой стороны, Энгельгардта вдохновлял пример его отца, в конце 1918 г. организовавшего немецкую самооборону в родном уезде.

Как можно видеть, в саморепрезентации Энгельгардта центральную роль по-прежнему играл принцип «доброего господина», который видел себя ответственным за свой «край» и одновременно изъяслял лояльность высшей власти. При этом подобное феодальное сознание причудливо сочеталось в нем с актуальной повесткой дня. С целью самообороны Энгельгардт создал в зоне своей ответственности некое подобие ополчения, которое получило название «отряд охраны лесных угодий» (*Forstschutzkommando*). Помимо прочего, он также нес вахту на лесопилках и деревообрабатывающих предприятиях. В общей сложности отряд Энгельгардта просуществовал два года — с лета 1942 по лето 1944 г. Он насчитывал 120 человек (50 активных и 70 резервистов), вооруженных, помимо стрелкового оружия, 12 пулеметами и противотанковой пушкой⁶⁹. По мере усиления партизанской

67 Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём... С. 149.

68 DSHI. 110 Engelhardt 68. Hundegebell in der Nacht. Bl. 1–3.

69 DSHI. 110 Engelhardt 68. Brief vom 7. März 1948.

активности подразделение Энгельгардта перешагнуло рамки лесной стражи, 3–4 раза в месяц устраивая ночные вылазки против партизан. Как указывал сам бурмистр, подобный подход был вдохновлен рассказами о событиях революции 1905 г. (видимо, речь шла о латышских «лесных братьях») и Кавказской войны. Впоследствии Энгельгардт с гордостью отмечал, что за все это время он не потерял ни одного человека убитым или тяжелораненым. Впрочем, там же он указывал, что отряд в основном участвовал в мелких стычках⁷⁰.

С другой стороны, так и остается неясным, против кого же воевали егеря Энгельгардта — «настоящих» советских партизан или бойцов АК, которые выдавали себя за них. На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Следует начать с того, что взаимоотношения между «аковцами» и советской стороной были неравномерными. В некоторых случаях они могли выступать против немцев единым фронтом, как это было, к примеру, летом 1943 г. в районе Налибокской пуши. В это же время ближе к Лиде между польскими и советскими отрядами шли жестокие бои, причем «аковцы» сумели одержать верх. В дальнейшем они заняли ряд населенных пунктов, в том числе Ивьё и Юратишки. Показательно, что, описывая в мемуарах неудачный бой под Юратишками, Энгельгардт отмечает, что его команда сражалась именно с «чапаевцами»⁷¹, хотя в этом районе их по идее уже не было. Очевидно, на его восприятие оказали влияние вышеописанные провокации со стороны поляков. Вместе с тем в другом очерке Энгельгардт повествует о более ранних событиях, относившихся к апрелю 1943 г. Тогда под Новогрудком его подчиненные столкнулись с небольшим подразделением, которое по косвенным признакам (наличие среди бойцов выходцев из восточной части Белоруссии) могло быть советским⁷².

Описывая боевые действия своего отряда, Энгельгардт не упускал ни малейшей подробности. Тем не менее, из-за своей малочисленности в условиях «войны всех против всех» он фактически остался незамеченным. Учитывая, что в научной литературе уже высказывались сомнения относительно реальной самостоятельности Новогрудского белорусского эскадрона под командованием Бориса Рогули⁷³, отряд Энгельгардта можно было бы считать первым собственно белорусским

70 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 5–7.

71 DSHI. 110 Engelhardt 68. Die Tschapajew-Bande. Bl. 1–3.

72 DSHI. 110 Engelhardt 68. Hundegebell in der Nacht. Bl. 1, 6–7.

73 *Грыбоўскі Ю.* Наваградскі эскадрон Барыса Рагулі: вядомае і невядомае // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* 2008. № 30. S. 114.

соединением, если бы мы могли судить о его политических настроениях. Как бы то ни было, в ходе советского наступления в июне 1944 г. большая часть «лесной охраны» организовано отступила в рейх — через Слоним и Волковыск до Белостока, а оттуда через всю Польшу до Позена. Там Энгельгардт оставался до ноября 1944 г.⁷⁴

К этому времени военное поражение Третьего рейха уже было очевидным. Как отмечал Борис Рогуля, первые сомнения в успешном исходе кампании появились у Энгельгардта еще летом 1942 г.⁷⁵ В одном из своих последних писем бывший бурмистр уже прямо говорил, что «всё испортили несколько грубых ошибок: обращение с русскими военнопленными, недалекие партийные бонзы, глупое хвастовство Адольфа»⁷⁶. Несмотря на это, Энгельгардт думал, что еще не все потеряно. Он пытался поддерживать связь со своими бывшими солдатами⁷⁷ и надеялся использовать опыт, полученный во время службы в Белоруссии. Так, в феврале 1945 г. он подготовил для Верховного командования вермахта методичку по партизанской войне и даже сочинил боевую песню для будущих диверсионных отрядов на мотив мелодии «Среди лесов дремучих»⁷⁸. Однако внезапное обострение болезни привело Энгельгардта в госпиталь, откуда он был переведен на лечение в Австрию, где и встретил окончание войны.

Эпилог

Вскоре после капитуляции Германии австрийское правительство постановило выслать из страны всех военнообязанных немецкого происхождения. Так летом 1945 г. Энгельгардт оказался в Баварии. Три года он кочевал по санаториям, пока в августе 1948 г. не оказался в Зимбахе. Туберкулез прогрессировал, не оставляя Энгельгардту никаких шансов. Материально его поддерживали родственники и бывшие подчиненные, присылавшие ему продуктовые посылки из лагерей перемещенных лиц⁷⁹. По совпадению, в непосредственной близости от Зимбаха располагался белорусский лагерь Остерхофен.

Прикованный к постели, Энгельгардт посвятил себя переложению на немецкий язык белорусской поэзии, прежде всего Максима

74 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 7–8.

75 Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём... С. 149.

76 DSHI. 110 Engelhardt 68. Brief vom 7. März 1948.

77 Раница. 1944. № 203.

78 DSHI. 110 Engelhardt 68. Brief vom 9. September 1948.

79 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 9.

Богдановича. Очевидно, переводчик сопоставлял себя и автора не только потому, что тот рано умер от чахотки. Их обоих роднила ностальгическая тоска по родине — об этом говорила сама подборка стихов, причем в немецкой версии она была еще более заострена. Так, переводя безымянное стихотворение Богдановича («Даўно ўжо целама я хварэю...»), Энгельгардт озаглавил его «Мое последнее желание»⁸⁰. Далее он уподобил свое нахождение в Баварии ссылке и отметил, что с радостью примет «вечный покой» в качестве награды от родной земли, хотя в оригинале таких строчек не было, и вообще его характер скорее сентиментален, чем трагичен. Сборник переводов Богдановича был издан Витовтом Тумашем уже после смерти Энгельгардта, в декабре 1949 г.⁸¹

Последние месяцы жизни «барон-разбойник» провел в обществе русских эмигрантов «за оживленными разговорами о прошлых временах и неясном будущем»⁸². Его не стало в ночь с субботы на воскресенье 7 ноября 1948 г. Похоронен он был на маленьком деревенском кладбище недалеко от Зимбаха. В качестве воинских почестей и одновременно в память о страстном увлечении покойного баварский горнист протрубил над могилой «халали» — сигнал об успешном окончании охоты.

* * *

Кем же, собственно, был Ойген фон Энгельгардт? Вероятно, на этот вопрос он бы и сам затруднился дать ответ. Очевидно, указанная «дружба» с белорусами сама по себе не была главным элементом в его самоощущении. Дело в том, что даже на фоне множественной идентичности балтийцев Энгельгардт являл собой нетипичный пример. Так, выраженный феодальный партикуляризм сочетался в нем с представлением о «балтийской родине для всех», а воспитание в «германском духе» — с убежденностью в том, что культура определяет этничность, а не наоборот. Подобные парадоксы, сплавленные с аристократической кастовостью, сформировали противоречивую натуру Энгельгардта. В рамках империи — сначала царской, а потом и гитлеровской — он всякий раз выступал в роли условного «сюзерена»

80 Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim, 1949. S. 12.

81 *Панькоў М.* Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Менск, 2001. С. 52.

82 DSHI. 110 Engelhardt 68. Erinnerungen. Bl. 15.

для своих «верных подданных». Белорусы, образ из далекого детства, проведенного в родительских владениях, возникали на этом месте чаще других. В этом смысле показательно высказывание Энгельгардта о том, что организация белорусской «лесной охраны» была тем «воинским деянием», которым он, как «представитель балтийского дворянства шпаги», гордится больше всего⁸³.

Здесь возникает вопрос, в какой степени Энгельгардт мыслил политически и делал ли он это вообще. Действительно, в своих работах он указывал на необходимость существования Белоруссии как «жизненного пространства» для сообщества, не менее развитого и «расово чистого», чем сами немцы. Тем не менее речь здесь шла больше о воображаемом конструкте, который лишь косвенно соотносился с реальностью. Более того, картина мира Энгельгардта фактически состояла из трех слоев. В основе лежало представление о сообществе его «подданных», которое вместе с другими подобными сообществами и их «сюзеренами» формировало «общую родину», которая, в свою очередь, входила в систему лояльности некой верховной власти. В этом отношении идеальной моделью государства для Энгельгардта стала бы домодерная монархия. Если на минуту представить на этом месте Великое княжество Литовское / Первую Речь Посполитую, то все становится на свои места, причем сюда причудливым образом вписывались как «рыцарские» представления Энгельгардта, так и национальная концепция белорусских активистов. В этом смысле не стоит удивляться, что он попал под их влияние.

Эпоха, тем не менее, неумолимо диктовала свои правила. Наступало время «тотальных государств», которые формировали стандартизованные идентичности, в лучшем случае вытесняя «отклонения от нормы» в сферу частного. Очевидно, Энгельгардт ощущал, что ему суждено быть маргиналом. Скорее всего, именно с этим связан его своеобразный эскапизм, когда всем карьерным соображениям он предпочитал уединенность «малой родины». Кроме того, его саморомантизация затмевала самую мрачную реальность. Вспоминая о событиях партизанской войны на Новогрудчине, Энгельгардт описывал их как самые яркие и захватывающие впечатления в своей жизни⁸⁴, которые с ним разделяли его верные белорусы.

83 Ibid.

84 DSHI. 110 Engelhardt 68. Die Tschapajew-Bande. Bl. 5.

Источники и литература

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Bundesarchiv Berlin (BArch).

Dokumentensammlung des Herder-Instituts (DSHI).

Universitätsarchiv Rostock (UAR).

Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев: Могилевский губернский статистический комитет, 1907. 148 с.

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня; Менск: Наша Ніва, 1998. Т. 1. 850 с.

Быстрик А. Новогрудок в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Города империи в годы Великой войны и революции. М.: Нестор-История, 2017. С. 238–271.

Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941–1944 гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. № 25. S. 116–167.

Грыбоўскі Ю. Наваградскі эскадрон Барыса Рагулі: вядомае і невядомае // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2008. № 30. S. 101–114.

Загорны Р. Кніга аб Беларусі // *Раніца*. 1944. № 188/189.

Игнатовский В. М. Белоруссия: Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории. Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1926. 96 с.

Максімовіч В. Аўген фон Энгельгардт // *Бацькаўшчына*. 1948. № 41 (44). С. 2.

Памятная книжка Могилевской губернии на 1913 год. Могилев: Могилевский губернский статистический комитет, 1913. 450 с.

Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Менск: Беларускі гістарычны агляд, 2001. 330 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 19. Курляндская губерния. 233 с.

Смялянчук А. Ф. «Краёвая ідэя» ў беларускай гісторыі. Мінск: Зміцер Колас, 2017. 458 с.

Чужыловіч А. Мова, народ, раса // *Крывіч*. 1923. № 4. С. 31–34.

Юрэвіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. Менск: Arche, 1999. 254 с.

Bielarusika ů berlinskich biblijatekach // *Bielaruski Student*. 1942. № 2. S. 7–10.

Bielenstein A. Reiseskizzen aus dem Oberlande. Kurland. Nerft bis Gross-Born // Baltische Monatsschrift. 1882. Heft 8. S. 611–644.

Conze W. Die weißrussische Frage in Polen. Berlin: Bund Deutscher Osten, 1938. 12 s.

Der Generalbezirk Weißruthenien. Raumplanungsentwurf. Berlin, 1941. 38 s.

Der Großdeutsche Reichstag 1938. Berlin: Decker, 1938. 624 s.

Engelhardt A. v. Die Kavaliere von Illuxt: Erinnerungsblätter aus dem Gottesländchen gesammelt von einem alten Kurländer. München: Heimeran, 1949. 78 s.

Engelhardt E. v. Jüdische Weltmachtpläne: die Entstehung der sogenannten Zionistischen Protokolle. Leipzig: Hammer-Verlag, 1936. 103 s.

Engelhardt E. v. Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten // Aus dem nahen Osten. Berlin: Institut für Grenz- und Auslandstudien, 1940. S. 31–64.

Engelhardt E. v. Ritt nach Riga: Aus den Kämpfen der Baltischen Landwehr gegen die Rote Armee 1918–20. Berlin: Volk und Reich, 1938. 152 s.

Engelhardt E. v. Die Weissrussische Sozialistische Sowjet-Republik. [Berlin], [1940]. 75 s.

Engelhardt E. v. Weissruthenien: Volk und Land. Berlin: Volk und Reich, 1943. 358 s.

Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 s.

Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. 543 s.

Krajewski K. Der Bezirk Nowogródek der Heimatarmee. Nationalitätenkonflikt und politische Verhältnisse 1939 bis 1945 // Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. München: Oldenbourg, 2003. S. 563–584.

Nerlich V. A Baltico ad Euxinum: Reinhart Maurach und die Frühzeit der deutschen Ostrechtsforschung. Berlin: E. Schmidt, 2015. 552 s.

Rhode G. Die Weißruthenen // Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau. 1941. Bd. 2. S. 52–77.

Scheibert P. Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. 1938. Bd. 2. S. 335–354.

Schröder M. Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov, 1942–1945. Paderborn: Schöningh, 2001. 258 s.

Starcke G. NSBO und Deutsche Arbeitsfront. Berlin: Hobbing, 1934. 258 s.

Taube A. v. Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19 // Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten. Marburg: Herder-Institut, 1977. S. 70–236.

Weiß H. Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert // Wir Balten. München: Akademischer Gemeinschaftsverlag, 1951. S. 326–339.

Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovič. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim: Lax, 1949. 13 s.

Zemke H. Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges. Berlin: Junker & Dünnhaupt, 1936. 120 s.

References

Bundesarchiv Berlin.

Dokumentensammlung des Herder-Instituts (Marburg).

Tsentral'nyĭ gosudarstvennyĭ istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga (Saint Petersburg).

Universitätsarchiv Rostock.

Anikievich, K. T. *Sennenskii uezd Mogilevskoi gubernii*. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheskii komitet, 1907, 148 s.

Arkhivy Belaruskai Narodnai Respubliki, t. 1. Vil'nia; Mensk: Nasha Niva, 1998, 850 s.

“Bielarusika ŭ berlinskich biblijatekach.” *Bielaruski Student*, № 2, 1942, s. 7–10.

Bielenstein, A. “Reiseskizzen aus dem Oberlande. Kurland. Nerft bis Gross-Born.” *Baltische Monatsschrift*, Heft 8, 1882, s. 611–644.

Bystrik, A. “Novogrudok v gody Pervoĭ mirovoi voĭny (1914–1915 gg).” *Goroda imperii v gody Velikoĭ voĭny i revoliutsii*. Moskva: Nestor-Istoriia, 2017, s. 238–271.

Conze, W. *Die weißrussische Frage in Polen*. Berlin: Bund Deutscher Osten, 1938, 12 s.

Chuzhylovich, A. “Mova, narod, rasa.” *Kryvich*, № 4, 1923, s. 31–34.

Der Generalbezirk Weißruthenien. Raumplanungsentwurf. Berlin, 1941, 38 s.

Der Großdeutsche Reichstag 1938. Berlin: Decker, 1938, 624 s.

Engelhardt, A. v. *Die Kavaliers von Illuxt: Erinnerungsblätter aus dem Gottesländchen gesammelt von einem alten Kurländer*. München: Heimeran, 1949, 78 s.

Engelhardt, E. v. *Jüdische Weltmachtpläne: die Entstehung der sogenannten Zionistischen Protokolle*. Leipzig: Hammer-Verlag, 1936, 103 s.

Engelhardt, E. v. “Die Weißrussen und die Vielvölkerecke von Augustowo-Wystiten.” *Aus dem nahen Osten*. Berlin: Institut für Grenz- und Auslandstudien, 1940, s. 31–64.

Engelhardt, E. v. *Ritt nach Riga: Aus den Kämpfen der Baltischen Landeswehr gegen die Rote Armee 1918–20*. Berlin: Volk und Reich, 1938, 152 s.

Engelhardt, E. v. *Die Weisrussische Sozialistische Sowjet-Republik*. [Berlin], [1940], 75 s.

- Engelhardt, E. v. *Weissruthenien: Volk und Land*. Berlin: Volk und Reich, 1943, 358 s.
- Gerlach, Ch. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944*. Hamburg: Hamburger Ed., 1999, 1231 s.
- Gryboŭski, Iu. "Poł'ska-belaruski kanflikt u General'naŭ akruze «Belarus'» (1941–1944 gg.)." *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, № 25, 2006, s. 116–167.
- Gryboŭski, Iu. "Navagradski ęskadron Barysa Raguli: viadomae i neviadomae." *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, № 30, 2008, s. 101–114.
- Handbuch der Geschichte Weißrußlands*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001, 543 s.
- Ignatovskii, V.M. *Belorussia: Territorii, naselenie, ękonomika, vazhnejšhie momenty istorii*. Minsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Belorussii, 1926, 96 s.
- Iuręvich, L. *Zhyts' tsę pad agnęm. Partrę belaruskaga voenachal'nika i palitychnaga dzieiacha Barysa Raguli na fone iago ępokhi*. Minsk: Arche, 1999, 254 s.
- Krajewski, K. "Der Bezirk Nowogródek der Heimarmee. Nationalitätenkonflikt und politische Verhältnisse 1939 bis 1945." *Die polnische Heimarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg*. München: Oldenbourg, 2003, s. 563–584.
- Maksimovich, V. "Aęgen fon ęngęlgardt." *Bats'kaęshchyna*, № 41 (44), 1948, s. 2.
- Nerlich, V. *A Baltico ad Euxinum: Reinhart Maurach und die Frühzeit der deutschen Ostrechtsforschung*. Berlin: E. Schmidt, 2015, 552 s.
- Pamiatnaia knizhka Mogilevskoę gubernii na 1913 god*. Mogilev: Mogilevskii gubernskii statisticheski komitet, 1913i 450 s.
- Pan'koę, M. *Xronika belaruskaga zhyts' tsia na chuzhyne (1945–1984)*. Minsk: Belaruski gistorychny agliad, 2001, 330 s.
- Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossięskoę imperii 1897 g.*, t. 19, Kurliandskaia guberniia. SPb., 1905, 233 s.
- Rhode, G. "Die Weißruthenen." *Jahrbuch des Osteuropa-Instituts zu Breslau*. Bd. 2, 1941, s. 52–77.
- Scheibert, P. "Der weißrussische politische Gedanke bis 1919". *Jomsburg*, Bd. 2, 1938, s. 335–354.
- Schröder, M. *Deutschbaltische SS-Führer und Andrej Vlasov, 1942–1945*. Paderborn: Schöningh, 2001, 258 s.
- Smalianchuk, A.F. "Kraęvaia idęia" ű belaruskai gistoryi. Minsk: Zmitser Kolas, 2017, 458 s.
- Starcke, G. *NSBO und Deutsche Arbeitsfront*. Berlin: Hobbing, 1934, 258 s.
- Taube, A. v. "Von Brest-Litovsk bis Libau. Die baltisch-deutsche Führungsschicht und die Mächte in den Jahren 1918/19." *Von den baltischen Provinzen zu den baltischen Staaten*. Marburg: Herder-Institut, 1977, s. 70–236.
- Weiß, H. "Baltische Selbstbehauptung im 20. Jahrhundert/" *Wir Balten*. München: Akademischer Gemeinschaftsverlag, 1951, s. 326–339.

Weißruthenische Heimat-Lyrik von Maksim Bahdanovic. Übertragen von Eugen Freiherrn von Engelhardt. Hildesheim: Lax, 1949, 13 s.

Zagorny, R. "Kniga ab Belarusi". *Ranitsa*, № 188/189, 1944, s. 3.

Zemke, H. *Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsreich Litauen während des Weltkrieges*. Berlin: Junker & Dünhaupt, 1936, 120 s.

Igor' I. Barinov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

"A big Friend of the Belarusian people":
Eugen von Engelhardt and his Odyssey

The paper examines the life and legacy of Eugen von Engelhardt (1899–1948), a German-Baltic aristocrat, author of the first German-language monograph on Belarus. A truly adventurous person, Engelhardt had been a soldier, landowner, forestry specialist and he traveled around the world before choosing an academic career. Born and raised in the southeast of Courland, in the places of compact residence of Belarusians, he developed an early interest to the Belarusian problem. Deeply involved in the Nazi movement, Engelhardt was one of the theorists of the so-called "soft line" of occupation policy during the War in the East. It envisaged a number of economic and political preferences for Belarusians, with the aim of fostering collaboration between them and Germans. In his concept, Engelhardt, a native landlord, used a Pre-Modern pattern of feudal relationship between the benevolent German nobles and obedient Belarusian serves, which was in no way compatible with the nature of Nazi politics in the East. Moreover, Engelhardt's approach contained a number of serious flaws. Nevertheless, his main work, "Weissruthenien: Volk und Land", for a long time remained the only work on this region.

Keywords: *Germany, Belarus, Baltic Germans, German-Belarusian relations.*

Еврейское население и «арийство» в Независимом государстве Хорватия (1941–1944 гг.)

В статье рассматриваются представления хорватских националистов (усташей) об «арийстве» и «еврейском вопросе» в годы Второй мировой войны. Именно эти два аспекта легли в основу хорватской национальной идентичности в рамках идеологии усташей в межвоенный период. Немаловажную роль в обозначении теоретических установок сыграли факторы, связанные с историческим прошлым Хорватии, — ее политические связи с Австро-Венгерской империей и культурное взаимодействие с другими регионами Восточной Европы в XIX в. Главное внимание уделяется истокам и трансформации идейных установок, которые нашли отражение в правовых и программных положениях усташского правительства. Целостное представление усташских идеологов было сложным и противоречивым явлением. Сложность восприятия также была связана с присутствием и влиянием немецкого фактора на территории хорватского государства в 1941–1944 гг. Отчасти правовые основы усташей были заимствованы из «Нюрнбергских законов», которые определили специфическое отношение как к евреям на Балканах, так и к «арийцам». Однако, идеологические разработки расовых теоретиков хорватского происхождения придавали структурное оформление и особенность идеологическим изыскам, которые нашли свое отражение в деятельности ведущих лидеров усташского движения.

Ключевые слова: *Независимое государство Хорватия, Германия, «арийцы», еврейский вопрос, усташки.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.15

Вторжение нацистской Германии и ее союзников в Югославию в апреле 1941 г. сопровождалось появлением на карте Европы Независимого государства Хорватия (далее — НГХ). Его правительство было сформировано местными радикальными националистами (усташами) во главе с Анте Павеличем. Это был уже не первый случай, когда при поддержке германской стороны на территории поверженного поли-

тического противника создавался альтернативный государственный проект. Так, за два года до югославских событий в результате раздела Чехословакии была образована Словацкая республика, которую возглавил лояльный Германии Йозеф Тисо.

Следует отметить, что оба случая представляли собой первый реальный опыт по формированию национальной государственности для словаков и хорватов. Историческое развитие этих народов определило те специфические черты, которые проявились в ходе данного процесса. С одной стороны, территории Словацкой республики и НГХ столетиями входили в состав империи Габсбургов. Это способствовало артикуляции национализма и антицентрализма в рамках доктрины собственной исключительности. Вместе с тем заметную роль продолжало играть общее австрийское наследие. Тисо и Павелича роднили стремление к государственному величию и религиозно окрашенный консерватизм. Оба лидера были бывшими соотечественниками и ровесниками Гитлера, что, по их мнению, создавало особую доверительность в отношениях с ним (впрочем, без особой взаимности). В каком-то смысле можно говорить о том, что и Тисо, и Павелич рассматривали фюрера как эманацию австрийского императора, только на новом уровне.

Именно это представление, наряду с соображениями прагматического характера, способствовало тому, что словацкое и хорватское правительства стремились унифицировать свои общественные практики с нацистскими. В этом смысле неудивительно, что одним из ключевых моментов государственной доктрины усташей было решение вопроса статуса евреев в НГХ и развитие концепции «арийства» в рамках хорватской национальной идентичности.

Евреи и «арийцы»: балканская специфика

Исторически положение евреев на Балканах было достаточно своеобразным. Долгое время они сохраняли свою традиционную культуру и стремились к самоизоляции: среди них не наблюдалось переходов в христианство, а смешанные браки были редки. Тем не менее еврейское население испытало заметное влияние окружающих народов, особенно в языковом плане. Так, например, еврейские общины в Загребе и на территории Славонии относительно быстро освоили язык своего окружения и за короткое время частично прошли культурно-религиозную, политическую и национальную ассимиляцию. На территории Боснии и Герцеговины представители сефардов (этнической группы евреев — выходцев с Пиренейского полуостро-

ва) считались коренными жителями и благодаря четырем столетиям жизни в регионе приобрели особые права¹.

Противоречия усилились с распадом Австро-Венгрии и образованием в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее — СХС, с 1929 г. — Королевство Югославия). С одной стороны, власти были лояльны к тем евреям, которые воевали в сербской армии в годы Первой мировой войны. С другой, укоренившиеся предрассудки местного нееврейского населения и натянутые отношения еврейской общины с государством, а также с католической и православной церквями способствовали развитию антисемитизма. Нападки на евреев оставались популярной темой в прессе. К примеру, в газете «Народная политика» («Narodna politika») отмечалось, что «евреи хотят быть привилегированным классом, который накапливает капитал, а затем откачивает его из страны, чтобы использовать его для основания своего империализма»². По мнению автора газеты, «югославские евреи атаковали славян везде, где только могли», обуславливая претензией: «Где жертва еврейской крови за Югославию?»³ Газета «Молодая Хорватия» («Mlada Hrvatska»), известная широкой пропагандой идей «хорватизма», подчеркивала, что евреи «были повинны в разразившемся кризисе экономики в Хорватии»⁴.

Свою роль здесь сыграли и печально известные «Протоколы сионских мудрецов». Этот подложный документ, повествующий о мнимом еврейском заговоре, в межвоенный период получил массовое распространение в мире, в том числе и в Югославии. Так, с 1925 по 1928 г. «Протоколы» печатались в католическом журнале «Новое обозрение» («Nova Revija»), выходившем в далматинском городе Маркарска. В 1929 г., одновременно с основанием усташской партии, они были изданы в Сплите отдельной книжкой, причем переводчиком, под псевдонимом «М. Томич», выступил редактор «Нового обозрения», священник-францисканец Анте Црница⁵.

Рука об руку с антисемитизмом развивалась расовая теория. Как известно, вопросы правоприменения понятий «еврейский» и «арийский» обсуждались в правой публицистике еще в австрийские време-

1 *Loker C. Sarajevski spor i sefardski pokret u Jugoslaviji // Zbornik Jevrejskog istorijskog muzeja. Beograd, 1997. № 7. S. 72–79.*

2 *Cionistička sabotaža u Jugoslaviji // Narodna politika. 28.06.1919.*

3 *Ibid.*

4 *Mlada Hrvatska. Zagreb, 1936. № 1.*

5 *Krvave osnove ili Protokoli Sionskih mudraca. Split; Šibenik, 1929.*

на. Так, в 1896 г. в Вене был напечатан памфлет «Австрийство: арийский меморандум», впоследствии запрещенный цензурой. Его автор, юрист и писатель Антон Вессельский, подчеркивал, что единственными крупными вопросами его времени являются расовый вопрос и проблема организации солидарности «полноценных» граждан⁶. Примечательно, что Вессельский выдвинул и само понятие «расового государства», в котором нет инородцев, отмечая, что австрийский антисемитизм является «признаком внутреннего благородства»⁷. Другой австрийский автор, бывший католический монах Йорг Ланц фон Либенфельс, отмечал в издававшемся им журнале «Остара» («Ostara»), что «низшие расы, как и животные, не нуждаются в праве», в то время как целью арийского права является «укрепление собственной расы»⁸.

Теоретическое обозначение природной сущности хорватов испытало на протяжении долгого периода времени сложную трансформацию. Обоснование представления о своих корнях осуществлялось за счет объяснения «хорватской государственности на этнолингвистической и расовой основе». Подобным образом усташи стремились определить некий подлинный «хорватский расовый тип», который дополнил бы представление о «чистокровном хорвате»⁹. Поиски этого расового «идеального типа», как уже отмечалось, строились на более ранних исследованиях интеллектуалов, расовых антропологов и ученых. Тезис главного идеолога усташского движения Миле Будака о том, что хорватскую идентичность определяют физические и духовно-ментальные характеристики, был использован в противовес идее об общем происхождении южнославянских народов в рамках концепции югославизма. Однако, не имея под собой четкой доказательной базы, идея не была поддержана Павеличем и не нашла одобрительного отклика со стороны нацистов.

В дальнейшем строительство так называемой «национальной идентичности «хорватского арийства»¹⁰ сопровождалось некоторыми особенностями. В первую очередь усташская идеология использовала для

6 *Wesselsky A.* Österreichertum. Eine arische Denkschrift. Wien, 1896. S. 5.

7 *Ibid.* S. 7, 18.

8 *Ostara.* Heft 22–23 (1908). S. 3–5.

9 *Goldstein I.* Antisemitism in Croatia // *Antisemitism, Holocaust, Antifascism.* Zagreb, 1997. P. 12–52.

10 *Banac I.* *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics.* Ithaca and London, 1984. P. 37.

обозначения «чистокровного хорвата»¹¹ этнолингвистические теории о происхождении хорватского народа (в конечном итоге на вооружение было принято ирано-готское происхождение хорватов). Попытка доказать арийство хорватов была сопровождается и отрицанием славянских элементов в хорватской крови. Расовый теоретик Владимир Дворникович (1888–1956) упоминал «динарский расовый тип»¹², подчеркивая такие его черты, как мужественность, воинственность, грубость и сила. Другим компонентом в обозначении арийского духа была практика заимствования расовых идей югославизма в противовес политике «великосербизма» короля Александра Карагеоргиевича.

Идеология усташей исходила из того, что хорваты являлись как этнической группой (определяемой как обладающая общим происхождением и общей культурой), так и отдельной нацией (обладающей как историческим государственным правом, так и соответствующим современным национальным сознанием)¹³. В представлении усташских идеологов хорватская нация определялась особыми биологическими и духовными особенностями, которые также обуславливали черты европейских расовых типов¹⁴. Помимо этого, признавался тот факт, что формированию хорватской этничности способствовала принадлежность к белой индоевропейской расе, именованной «арийской» (правда, ничем не обоснованной)¹⁵.

Типаж идеального «арийского» хорвата пытался определить хорватский социолог и историк Иво Пилар. Так, он указывал, что, в отличие от сербов, хорваты сумели сохранить нордическое и арийское наследие своих славянских предков, поскольку не скрещивались с темнокожими цыганскими племенами¹⁶. Им также была предпринята попытка идентифицировать «арийского» хорвата с антропологической точки зрения, а именно, определить хорватское «арийство» за счет наличия светлых волос и голубых глаз, однако подобного рода аргументация не соответствовала антропологическим положениям.

11 *Gross M. Ravnopravnost bez jednakovrijednosti (Prilog pitanju mentaliteta i ideologije hrvatskih Cionista na početku 20. stoljeća) // Dva stoljeća povijesti i culture Židova u Zagrebu i Hrvatskoj. Zagreb, 1998. P. 106–126.*

12 *Ibid.* P. 122.

13 *Gross M. Ravnopravnost bez jednakovrijednosti. S. 109.*

14 *Ibid.* S. 33.

15 *Narodna politika. 15.01.1920. S. 3.*

16 *Pilar I. Južnoslavensko pitanje: Prikaz cjelokupnog pitanja / prijevod F. Pucek. Varaždin, 1990. S. 122.*

Центральной фигурой, занимавшейся разработкой вопросов «расовой идеи» в самой Хорватии, был общественный деятель и основатель Хорватской партии права (партия «правашей») Анте Старчевич. Развитые им идеи и программные положения хорватского национализма уделяли особое внимание таким понятиям, как «расовая чистота» и «еврейский вопрос»¹⁷. По мнению Старчевича, хорватский народ не может достичь национальной свободы и государственной независимости по двум причинам: 1) «ростовщический гнет и главенствующее положение в хозяйственной деятельности евреев душит экономику Истрии и Далмации»; 2) «из-за присутствия в регионе масонских, еврейских и сербских элементов хорватский народ не представляет из себя единого культурно-политического пространства»¹⁸.

Полемизируя с «правашами», Миле Будак заявлял, что ведущий функционер этой партии, Йосип Франк, не мог надлежащим образом придать хорватскому национальному освобождению расовый характер по причине того, что был крещеным евреем¹⁹. В этой связи лидеры усташей проявляли особое внимание к нормативно-правовой системе, которая была имплементирована в нацистской Германии в рамках Нюрнбергских расовых законов 1935 г. Согласно им, гражданством рейха мог обладать лишь тот, кто имел «германскую» или «родственную» ей кровь.

Стремясь солидаризироваться с Германией, уже в следующем, 1936 г. Павелич направил министру иностранных дел Германии меморандум «Хорватский вопрос»²⁰. В нем Павелич обосновывал необходимость поддержки усташей нацистским руководством, подчеркивая наличие «общих целей и общих врагов»²¹. Тем не менее поскольку усташское движение к тому времени не представляло собой четко оформленной политической силы, меморандум был проигнорирован как германским министерством иностранных дел (МИД), так и лично Гитлером²². Впоследствии Павелич учел свою ошибку. После прихода

17 *Беляков С. С.* Усташа. Между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009. С. 266.

18 *Starčević A.* Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 152.

19 *Budak M.* Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. Ohio, 1934. S. 67.

20 *Pavelić A.* Hrvatsko pitanje. NDH, 1942. S. 13–32.

21 Там же. S. 17

22 *Беляков С. С.* Усташа. Между фашизмом и этническим национализмом. С. 123.

к власти усташей в НГХ он, имея перед глазами германский образец, начал планомерно выстраивать аналогичную систему у себя, соответственно местным условиям.

Из-за этого содержание вопросов, касавшихся положения «евреев» и «арийцев», несмотря на выявленные сходства с прототипом, имело определенные отличия. Основным источником для анализа рассматриваемых сюжетов стало периодическое издание под общим заголовком «Законы, правовые положения и приказы в Независимом государстве Хорватия»²³, выходившее между 1941 и 1944 гг.

Правовое положение «арийцев» и «неарийцев» в НГХ

Как следует из документов, понятие «ариец» идентифицировалось в НГХ иначе, чем в Германии. Под этим термином подразумевались либо немцы по крови, либо выходцы из Германии, которые находились под защитой так называемой «Немецкой народной группы» в Хорватии²⁴. В эту «группу» входили немцы, которые жили в Хорватии, но не являлись гражданами рейха²⁵. Статус членов «Немецкой народной группы» определялся неограниченным правом деятельности в области культурно-политических и социально-экономических мероприятий, а также в решении административных дел. Кроме того, члены «Немецкой народной группы в Независимом государстве Хорватия» во всех отношениях были равны с хорватским народом, поскольку объявлялись публично-правовым лицом в государстве. Показателем широких прав и свобод является тот факт, что немцы из Германии, будучи полноправными членами общества в НГХ, получали гарантию на сохранение своего немецкого гражданства. Любопытно отметить, что привилегированное положение и статус «Немецкой народной группы» определялся несколькими дублирующими себя законами и поправками²⁶. При этом «Немецкая народная группа» как субъект публичного права и «особая часть» НГХ не была обязана предоставлять отчет о своем финансовом положении и платить государственную пошлину, как того требовало законодательство²⁷.

23 Zakoni, zakonske odredbe i naredbe: NDH / ur. A. Mataić, 1941–1942. Kn. I–V.

24 Ibid. Kn. I. S. 15.

25 Ibid. Kn. I. S. 15.

26 Ibid. Kn. I. S. 45

27 Ibid. Kn. II. S. 31

В отношении населения, которое не принадлежало ни к хорватам, ни к немцам, устанавливались два понятия — «еврей» и «неариец»²⁸. На примере соответствующих законов НГХ можно особенно рельефно проследить, насколько близко они стояли к германским аналогам и как стали отклоняться от них под влиянием местных особенностей. Так, первоначально «евреям по расе» было запрещено влиять «на построение национальной и арийской культуры»²⁹, то есть участвовать в общественной, молодежной, спортивной и культурной жизни хорватского народа. Данные ограничения в особенности распространялись на литературу, средства массовой информации, изобразительное искусство и музыку, а также театр и кино. Были и ограничения в повседневной жизни: евреям запрещалось носить хорватскую символику и «арийские» эмблемы. Более того, с 14 лет еврей должен был носить положенную ему робу, одежду и остальные атрибуты отличия³⁰. Очевидно, все эти моменты тоже было заимствованы из германского законодательства.

Запреты накладывались и на хозяйственную деятельность евреев. Так, предприятия, принадлежавшие евреям, или те предприятия, в которых был хотя бы один совладелец еврейского происхождения, считались еврейским бизнесом. Соответственно, такой бизнес считался незаконным и передавался в управление министерства экономики и хозяйства НГХ³¹. Одним из важных актов, резко ограничивающих имущественное положение евреев, стал закон «О национализации богатств евреев и еврейских предприятий»³². В целях восстановления национальной экономики Государственное управление Хорватии могло своим решением национализировать имущество каждого еврея или любое еврейское предприятие, вне зависимости от того, получает оно компенсацию после изъятия или нет. Стоит отметить, что формы и методы передачи еврейского имущества под управление государства четко не были обозначены. Так, комиссия управления определяла «по своему усмотрению вопрос о национализированной еврейской собственности или еврейском предприятии, а также об обязанности по уплате, ее сумме и способе оплаты»³³.

28 Ibid. Кн. II. S. 86

29 Ibid. Кн. IV. S. 28

30 Ibid. Кн. III. S. 6.

31 Ibid. Кн. II. S. 107

32 Ibid. Кн. II. S. 174.

33 Ibid. Кн. V. S. 57.

Тем не менее положение еврейского населения регулировалось не только данными узаконениями. Существовали исключения из правил, которые предоставляли небольшому числу евреев статус «почетных арийцев», то есть предусматривали наделение еврейского населения законными правами «арийских граждан». Поскольку ни один еврей в Хорватии формально не мог быть определен как «ариец», данное обозначение утвердилось в разговорной речи применительно к тем, кто сумел получить такие права³⁴. Шестая статья «Декрета о расовой принадлежности» от 30 апреля 1941 г. давала право главе государства предоставлять законные права арийцев неарийским людям только в том случае, если они до 10 апреля 1941 г. показали себя «достойными сынами хорватского народа, особенно в деле его освобождения»³⁵. Наряду с почетными арийцами-евреями в НГХ была также группа еврейских промышленников, врачей, юристов и инженеров, которым были предоставлены временные «арийские права», но не формальное признание в качестве арийских граждан³⁶. Оценки их числа варьируются от нескольких сотен до нескольких тысяч, при этом их подавляющее большинство было депортировано из Хорватии к маю 1943 г.³⁷

Что касается «полуевреев» (людей с двумя еврейскими дедушками и бабушками), в НГХ они также были признаны арийцами. Наполовину еврей или наполовину еврейка могли получить юридическое признание в качестве «арийца», если он / она не были членами еврейской религиозной общины до 10 апреля 1941 г. и не были женаты на евреях или еврейках. Так, существовало предположение, что Мара Павелич (урожденная Ловренчевич), жена диктатора («поглавника»), не была почетным арийцем-евреем. Посланник Германии в НГХ Зигфрид Каше отметил в своем первом докладе в Берлин 3 мая 1941 г., что у жен Павелича и Славко Кватерника, главнокомандующего хорватской армией, были «примеси еврейской крови», но наличие «еврейской примеси крови» было не то же самое, что определение в расовом отношении еврея в юридическом смысле³⁸.

34 Ibid. Kn. II. S. 40.

35 Ibid. Kn. III. S. 69.

36 *Gitman E.* When Courage Prevailed: The Rescue and Survival of Jews in the Independent State of Croatia 1941–1945. St. Paul (MN), 2011. P. 68.

37 *Brandl N. M.* Djelatnost Židovske bogoštovne općine u Zagrebu od 1945. do 1946. godine // *Radovi — Zavod za hrvatsku povijest.* 2015. № 47. S. 686.

38 *Krišto J.* The Catholic Church and the Jews in the Independent State of Croatia // *Review of Croatian History.* 2007. Vol. 3.

Будучи дочерью хорватского отца-католика и еврейской матери, Мара Павелич была наполовину еврейкой (или, как это называлось, «арийско-еврейского происхождения»³⁹), но, поскольку она была католичкой и вышла замуж за арийца, она также была по закону арийкой. То же относится и к Ольге, урожденной Фрэнк, жене Славко Кватерника; их сын, Евгений Дидо Кватерник, начальник полиции усташей (домобранства) до конца 1942 г., также был арийцем. Мара Павелич, Ольга и Евгений Кватерники не должны были претендовать на почетный арийский статус, но представляли исключение из правил.

Любопытно, что при прохождении определенных формальных процедур евреям даже можно было «избавиться от своего происхождения»⁴⁰. Так, одним из способов стать полноправным членом хорватского общества была смена фамилии, возможная при следующих условиях: а) еврей являлся незаконнорожденным ребенком и носил фамилию своего отца; б) еврей был усыновленным и носил фамилию приемного отца⁴¹. Это исключение позволяло евреям избегать преследования, поэтому спустя год закон был пересмотрен и была принята поправка к нему⁴², которая отменяла ранее предоставленные возможности.

Как показывала практика, признание «арийского статуса» еврея было достаточно сложной процедурой. Только «в самых исключительных случаях» еврей мог быть признан арийцем, особенно если это был «человек с более сильными примесями еврейской крови или чистый еврей»⁴³. Из всего еврейского населения в НГХ, которое варьировалось от 36 000 до 39 000 человек, только около 100 евреев фактически достигли правового статуса арийских граждан⁴⁴. Общее число «почетных арийцев» вместе с их ближайшими родственниками составляло приблизительно 500 человек⁴⁵. К таким «заслуженным» евреям относились те, кто имел личные связи с властями усташей, кто

39 Цит. по: *Krizman B. Pavelić između Hitlera i Mussolinija*. Zagreb, 1980. S. 27.

40 *Zakoni, zakonske odredbe i naredbe*. Kn. II. S. 76.

41 *Ibid.* Kn. III. S. 19.

42 *Ibid.* Kn. III. S. 42.

43 *Greble E. Sarajevo, 1941–1945: Muslims, Christians, and Jews in Hitler's Europe*. Ithaca and London, 2011. P. 94.

44 *Ibid.* S. 96.

45 *Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration*. Stanford, 2001. P. 593.

принял католическую веру еще до войны, и евреи, состоящие в браке с арийцами⁴⁶. При этом крещеные евреи все равно рассматривались как расовые и в конечном итоге депортировались в концентрационные лагеря, несмотря на письменные протесты со стороны католической церкви⁴⁷. Объяснялось это тем, что, согласно правительственному циркуляру от 30 июля 1941 г., любая попытка перехода в католицизм евреев рассматривалась как сопротивление закону⁴⁸. В связи с этим переход евреев в католическую веру не оказывал влияния на их категоризацию как «арийцев». Подобного рода ограничение укрепилось в принятом в конце октября 1941 г. запрете на обращение в католичество не только евреям, но и цыганам, влахам, а также сербам мусульманского вероисповедания⁴⁹.

Примечательно, что правовые меры усташей отчасти дублировали антиеврейские законы словацкого президента Тисо. Несмотря на то, что в Словакии первый документ против евреев был принят в апреле 1939 г., определение понятия «еврей» строилось на религиозной основе. Об этом говорит тот факт, что расовое определение еврейства было юридически закреплено законом только в сентябре 1941 г. Таким образом, если проведение мероприятий в Словакии заняло около двух лет, то в Хорватии имплементация законов, аналогичных германским, заняла чуть более трех недель⁵⁰.

В целом стоит заметить, что усташские законы в сфере правового положения евреев и «арийцев» только частично копировали аналогичные германские. В значительной степени они были вдохновлены идеями хорватских мыслителей XIX–XX вв., в том числе Анте Старчевича. Помимо этого, они использовали и более новые теории, в частности идеи Бориса Зарника, словенского биолога и эксперта в области антропологии. По его мнению, «если еврей или полуеврей жертвовал собой в течение многих лет, страдал от нищеты на родине или в изгнании и рисковал своей жизнью ради возвышенной идеи вместо того, чтобы жить комфортно и приобретать материальные блага, то он обладал моральными качествами, которые отличают арийскую

46 *Grbešić G.* Prijelazi Židova u Katoličku crkvu u Đakovačkoj i Srijemskoj biskupiji od 1941. do 1945. // *Croatica Christiana Periodica.* 2003. Br. 27. S. 155–169.

47 Цит. по: *Falconi C.* The Silence of Pius XII. P. 285.

48 Ibid.

49 *Greble E.* Sarajevo... P. 94–96.

50 *Hilberg R.* Destruction of the European Jews. Chicago, 1961. P. 768–769.

общину, поэтому он является таким человеком, в котором объединено большое количество унаследованных арийских факторов, смешанных с еврейской расовой общиной»⁵¹. Впрочем, это не оправдывало расовое происхождение евреев.

Усташи и «окончательное решение еврейского вопроса»

Как известно, нацисты исключили евреев из германского общества, чтобы затем изолировать их и уничтожить. Напротив, усташи предлагали растворить еврейское население в хорватском большинстве. Как отмечалось в газете «Хорватский народ» («Hrvatski narod»), судьбой «почетных арийцев» и евреев с примесью хорватской крови была полная биологическая ассимиляция с целью «очищения» от тех «неарийских элементов», которые уже были «биологически смешаны с хорватским народом»⁵². В свою очередь это означало, что человеку со смешанной кровью и его потомкам необходимо будет постоянно «скрещиваться» с лицами «чистой расы», пока «чужеродные расовые признаки» не рассеются путем последовательного скрещивания, чтобы от них «практически ничего не осталось»⁵³.

Подобного рода «расовая гигиена» использовалась в НГХ для оправдания биологической ассимиляции «почетных арийцев», которые считались, по крайней мере частично, «расово полноценными». В этом отношении освобождение нескольких сотен евреев и их законное признание в качестве арийских граждан не может поставить под сомнение тот факт, что усташи таким образом стремились устранить все следы еврейской этнической, культурной, религиозной и экономической жизни в НГХ. «Почетные арийцы» НГХ не могли жить как «евреи» или «хорваты Моисеевой веры»⁵⁴, поскольку они и их потомки должны были ассимилироваться с арийским хорватским большинством.

Особое место занимает вопрос депортации евреев. Он возник еще в первые месяцы существования Королевства СХС. Правительство и лично король Александр I находили депортацию необходимой, так как евреи считались «чужеродным элементом»⁵⁵ из других

51 Zakoni, zakonske odredbe i naredbe. Kn. III. S. 54.

52 Ibid. S. 55.

53 Ibid. S. 67.

54 *Bartulin N.* Honorary Aryans National-Racial Identity and Protected Jews in the Independent State of Croatia. New York, 2013. P. 25–40.

55 *Freidenreich H. P.* The Jews of Yugoslavia. A Quest for Community. Philadelphia, 1979. P. 182–183.

частей Австро-Венгрии. Наряду с этим, в их адрес высказывались и другие обвинения, в частности «нелояльность новому государству и экономическая эксплуатация хорватов и сербов»⁵⁶, а также отмечалось пагубное влияние сионистского движения на народ и государство. Несмотря на то, что большая часть еврейского населения жила в Хорватии, Воеводине и Боснии в течение нескольких десятилетий, новые югославские власти считали, что они не имели право на получение гражданства.

Первыми пострадали боснийские евреи, небольшое число которых было выслано в Италию, Австрию или Венгрию без какой-либо надежды вернуться обратно. Другим было разрешено вернуться домой после нескольких месяцев перемещения с места на место, но они сильно пострадали в материальном отношении. Особенно остро стоял вопрос выселения евреев из Загреба и Воеводины, где планировалось выслать около 600 семей в течение суток⁵⁷. Югославские и международные еврейские организации безуспешно пытались предотвратить такое развитие событий на Парижской мирной конференции⁵⁸. Тем не менее уже в 1930-е гг. депортации еврейского населения не имели прежнего масштаба.

Таким образом, политика усташей по отношению к евреям была сформирована еще довоенными идеологическими принципами. С другой стороны, мероприятия против евреев также были частично мотивированы желанием заслужить благосклонность рейха, «выразить благодарность немцам» за признание НГХ и обозначить «лояльное отношение к фюреру»⁵⁹. Еще в конце августа 1941 г. Павелич заявил, что «в отношении еврейского вопроса можно сказать только то, что он будет окончательно решен в течение очень короткого времени»⁶⁰. В рамках этой политики режим усташей проводил планомерную экспроприацию большинства принадлежащих евреям предприятий, а также депортировал тысячи хорватских и боснийских евреев в концлагеря НГХ⁶¹. На запрос нацистского руководства из Берлина, «планируется

56 Spomenica Saveza jevrejskih opština Jugoslavije 1919–1969. Beograd, 1969. S. 37.

57 Goldstein I. Antisemitism in Croatia. P. 12–51.

58 Freidenreich H. P. The Jews of Yugoslavia. P. 182–183.

59 Goldstein I. Holokaust u Zagrebu. Zagreb, 2001. S. 591.

60 Der Poglavnik zur Innenpolitik // Neue Ordnung. 24.08.1941. S. 2.

61 Jelinek Y. A. Yugoslavia // The Holocaust Encyclopedia. New Haven, 2001. P. 708.

ли отзыв своих евреев (проживающих в рейхе. — А. Н.) обратно в Хорватию или депортация согласно политике немецкого государства», Павелич отметил, что «был бы признателен за депортацию хорватских евреев на Восток»⁶². В результате около 20 000 хорватских евреев были депортированы из рейха в Освенцим в ходе двух депортаций, произведенных в августе 1942 и апреле 1943 г.

Судьба хорватских евреев была решена во время встречи, состоявшейся 19 января 1943 г. между немецким полицейским атташе в Загребе, оберштурмбанфюрером войск отрядов защиты Германии (СС) Хансом Хельмом, гауптштурмфюрером Францем Абромайтом, директором Главного управления общественного порядка НГХ и безопасности Филипом Црвенковичем и начальником его еврейского отдела Вилко Кюнелем. На этой встрече было достигнуто «полное согласие» относительно необходимости арестовать всех оставшихся евреев в НГХ (за исключением почетных арийцев и «евреев-полукровок») «без учета возраста, пола и религиозной принадлежности»⁶³. Оставшиеся евреи были депортированы из НГХ в Освенцим в апреле — мае 1943 г.

Стоит отметить, что нацисты внимательно следили за регулированием положения евреев и «арийцев» в НГХ. Германские представители в Хорватии с каждым годом оказывали все большее давление на усташей касательно «окончательного решения еврейского вопроса». Опасения у немцев вызывало также поведение итальянских фашистов, которые отказывались выдавать «своих евреев» и не следовали политике «уничтожения каждого еврея»⁶⁴. Более того, в целом спокойная позиция итальянцев в отношении еврейского населения разделялась хорватскими властями в таких крупных еврейских центрах, как Дубровник и Мостар.

Офицеры СС и службы безопасности (СД) в НГХ еще в 1944 г. сообщали в Берлин, что «еврейское влияние» на хорватское население по-прежнему «необычайно велико»⁶⁵. В частности, это следует из отчета, направленного Каше и немецким полицейским атташе в Загребе, оберштурмбанфюрером СС Хансом Хельмом в МИД Германии в апреле 1944 г. В этом отчете Каше отмечал, что «еврейский вопрос»

62 Hilberg R. Destruction of the European Jews. P. 455–456.

63 Цит. по: Bartulin N. The Question of the “Honorary Aryans” in the NDH. S. 85.

64 Steinberg J. All or Nothing, The Axis and the Holocaust 1941–1943. London, 1990. P. 46–47.

65 Goldstein I. Holokaust u Zagrebu. S. 536.

в НГХ был решен, кроме случаев «почетных арийцев» и евреев в смешанных браках. Хельм, однако, подчеркнул, что проблема смешанных браков не была решена и в Германии⁶⁶, и посоветовал рекомендовать хорватскому правительству применять более строгие критерии при предоставлении «почетного арийского статуса».

Формально еврейская религиозная община в Загребе продолжала существовать до конца войны. Она полностью контролировалась властями, и единственной ее функцией была отправка помощи евреям, депортированным в усташские лагеря, а также уход за немногими евреями, оставшимися в Загребе⁶⁷. Большая синагога в Загребе была полностью снесена в период между октябрём 1941 и весной 1942 г. по распоряжению правительства⁶⁸. Два последних лидера еврейской общины в Загребе, Роберт Глюксталь и Оскар Ашер Кишицки, смогли пережить весенние депортации 1943 г. только потому, что они были женаты на арийских женщинах и благодаря этому защищены.

Таким образом, усташская политика в сфере «окончательного решения еврейского вопроса» была неравномерной, а отношение к евреям — не совсем однозначным. Изначальное подражание нацистам наталкивалось на собственную идеологию, которая подразумевала не физическое уничтожение евреев, а их постепенную ассимиляцию. Открытая антисемитская риторика усташей на практике превращалась в балансирование между расовыми и религиозно-культурными критериями антисемитизма. Противоречия между Берлином и Загребом также вызывало присвоение евреям статуса «почетного арийца», которое фактически выносило за скобки этническую (биологическую) составляющую вопроса, столь важную в антиеврейской политике рейха. Очевидно, неприятие нацистами подобного «умеренного» подхода обусловило усиление давления на руководство НГХ. Это привело к тому, что хорватские евреи фактически стали той символической валютой, при помощи которой Павелич покупал расположение нацистов.

* * *

Подводя итог, стоит отметить следующее. Представления о статусе и положении евреев и «арийцев» на территории НГХ были сложными и противоречивыми. Их определял комплекс внутренних

66 *Krizman B.* Ustaše i Treći Reich. Zagreb, 1983. Vol. 1; *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. P. 765.

67 *Brandl M.* Djelatnost Židovske bogoštovne općine... S. 681.

68 *Goldstein I.* Holokaust u Zagrebu. S. 385.

и внешних факторов. К первым следует отнести специфическое отношение к евреям в довоенной Югославии, особенности местного антисемитизма и политические дискуссии хорватских националистов о формировании «идеального хорвата». Свою роль здесь сыграло австрийское наследие, прежде всего «имперская ностальгия» и религиозно окрашенный консерватизм, следы которых ощущались в мировоззренческой парадигме хорватских «правых». Среди внешних факторов определяющим было влияние Третьего рейха. В ряде вопросов, связанных с «расовым» законодательством, нацистские концепции служили образцом для аналогичных усташских установлений.

Как показала практика, именно этот момент существенно осложнил в НГХ реализацию мероприятий, нацеленных на разграничение «арийцев» и «неарийцев». Во-первых, хорватское общество исторически было куда менее монолитным, чем немецкое, и состояло из самых разных этнокультурных групп. В этом смысле такие жесткие рамки едва ли подходили для категоризации населения. К примеру, по хорватскому законодательству «полуевреи» признавались «арийцами», тогда как в рейхе они имели статус «мишлинге» (лиц смешанного происхождения) и были существенно ограничены в правах по сравнению с гражданами «арийского происхождения». Усташа предполагали биологическую ассимиляцию евреев, тогда как нацисты целенаправленно изолировали их. Кроме того, в НГХ существовали и такие экзотические дефиниции в отношении евреев, как «почетный ариец», что в нацистской Германии было невозможно по определению.

С другой стороны, подобное положение способствовало тому, что разделение по «арийскому» / «неарийскому» признаку с самого начала стало политическим инструментом. Так, глава государства по закону мог предоставлять «неарийцам» законные права «арийцев». При соблюдении определенных юридических процедур или благодаря связям с усташским руководством евреи могли «избавиться» от своего происхождения. Как уже говорилось, стремясь сохранить полноту власти, усташа применяли собственные «расовые законы» в зависимости от ситуации. Из-за этого евреи (как, впрочем, и другие нехорваты) часто становились заложниками актуальной ситуации. В этой связи сложно говорить о том, что в НГХ существовало четкое структурированное определение статуса евреев и «арийцев».

Источники и литература

Беляков С. С. Усташи. Между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 324 с.

Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1984. 452 p.

Bartulin N. Honorary Aryans National-Racial Identity and Protected Jews in the Independent State of Croatia. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 99 p.

Brandl N. M. Djelatnost Židovske bogoštovne općine u Zagrebu od 1945. do 1946. godine // Radovi — Zavod za hrvatsku povijest. 2015. Vol. 47. S. 675–710.

Budak M. Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. Ohio: Hrvatsko kolo, 1934. 110 s.

Falconi C. The Silence of Pius XII. Trans. Bernard Wall. London: Faber & Faber, 1970. 430 p.

Freidenreich H. P. The Jews of Yugoslavia: A Quest for Community. Philadelphia, 1979. 453 p.

Gitman E. When Courage Prevailed: The Rescue and Survival of Jews in the Independent State of Croatia 1941–1945. St. Paul, MN: Paragon House, 2011. 300 p.

Goldstein I. Antisemitism, Holocaust, Antifascism. Zagreb, 1997. 255 p.

Goldstein I. Holokaust u Zagrebu. Zagreb: Novi Liber, 2001. 177 p.

Greble E. Sarajevo, 1941–1945: Muslims, Christians, and Jews in Hitler's Europe. Ithaca and London: Cornell University Press, 2011. 304 p.

Grbešić G. Prijelazi Židova u Katoličku crkvu u Đakovačkoj i Srijemskoj biskupiji od 1941. do 1945. // Croatica Christiana Periodica. 2003. Vol. 52. S. 155–169.

Gross M. Ravnopravnost bez jednakovrijednosti (Prilog pitanju mentaliteta i ideologije hrvatskih cionista na početku 20. stoljeća) // Dva stoljeća povijesti i culture Židova u Zagrebu i Hrvatskoj. Zagreb, 1998. S. 106–126.

Hilberg R. Destruction of the European Jews. Chicago: Quadrangle Books, 1961. 1388 p.

Jelinek Y. A. Yugoslavia // The Holocaust Encyclopedia / ed. by W. Laqueur. New Haven: Yale University Press, 2001. P. 702–714.

Krizman B. Pavelić između Hitlera i Mussolinija. Zagreb: Globus, 1980. 617 s.

Krizman B. Ustaše i Treći Reich. Zagreb: Globus, 1983. Vol. 1. 338 s.

Krišto J. The Catholic Church and the Jews in the Independent State of Croatia // Review of Croatian History. 2007. Vol. 3. P. 13–47.

- Krvave osnove ili Protokoli Sionskih mudraca. Split; Šibenik, 1929. 91 s.
- Loker C. Sarajevski spor i sefardski pokret u Jugoslaviji // Zbornik Jevrejskog istorijskog muzeja. Belgrade, 1997. Br. 7. S. 13–27.
- Mataić A. Nezavisna Država Hrvatska: Zakoni, zakonske odredbe i naredbe. Zagreb: Tisak i naklada knjižare St. Kugli, 1941–1942. Kn. I–VI. 430 s.
- Mlada Hrvatska. Zagreb. 1936.
- Narodna politika. 1919.
- Neue Ordnung. 1941.
- Ostara. Heft 22–23. 1908.
- Pavelić A. Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1941. 47 s.
- Pilar I. Južnoslavensko pitanje: Prikaz cjelokupnog pitanja. Varaždin: Hrvatska demokratska stranka, 1990. 215 s.
- Starčević A. Politički spisi. Zagreb, 1971. 630 s.
- Steinberg J. All or Nothing, The Axis and the Holocaust 1941–1943. London: Routledge, 1990. 364 p.
- Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration. Stanford: Stanford University Press, 2001. 821 p.
- Wesselsky A. Österreichertum. Eine arische Denkschrift. Wien, 1896. 60 s.

References

- Banac, I. *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1984, 452 s.
- Bartulin, N. *Honorary Aryans National-Racial Identity and Protected Jews in the Independent State of Croatia*. New York: Palgrave Macmillan, 2013, 99 s.
- Beliakov, S. S. *Ustashi. Mezdu fashizmom i etnicheskim natsionalizmom*. Ekaterinburg: Gumanitarnij un-t, 2009, 324 s.
- Brandl, N. M. “Djelatnost Židovske bogoštovne općine u Zagrebu od 1945. do 1946. Godine”. *Radovi — Zavod za hrvatsku povijest*, vol. 47, 2015, s. 675–710.
- Budak, M. *Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu*. Ohio: Hrvatsko kolo, 1934, 110 s.
- Falconi, C. *The Silence of Pius XII*. London: Faber & Faber, 1970, 430 s.
- Freidenreich, H. P. *The Jews of Yugoslavia: A Quest for Community*. Philadelphia, 1979, 453 s.
- Gitman, E. *When Courage Prevailed: The Rescue and Survival of Jews in the Independent State of Croatia 1941–1945*. St. Paul, MN: Paragon House, 2011, 300 s.
- Goldstein, I. *Antisemitism, Holocaust, Antifascism*. Zagreb, 1997, 255 s.
- Goldstein, I. *Holokaust u Zagrebu*. Zagreb: Novi Liber, 2001, 177 s.

Greble, E. *Sarajevo, 1941–1945: Muslims, Christians, and Jews in Hitler's Europe*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2011, 304 s.

Grbešić, G. Prijelazi Židova u Katoličku crkvu u đakovačkoj i srijemskoj biskupiji od 1941. do 1945. *Croatica Christiana Periodica*. Vol. 52, 2003, s. 155–169.

Gross, M. Ravnopravnost bez jednakovrijednosti (Prilog pitanju mentaliteta i ideologije hrvatskih cionista na početku 20. stoljeća). *Dva stoljeća povijesti i culture Židova u Zagrebu i Hrvatskoj*. Zagreb, 1998, s. 106–126.

Hilberg, R. *Destruction of the European Jews*. Chicago: Quadrangle Books, 1961, 1388 s.

Jelinek, Y. A. "Yugoslavia". *The Holocaust Encyclopedia*. Ed. by W. Laqueur. New Haven: Yale University Press, 2001, s. 702–714.

Krizman, B. *Pavelić između Hitlera i Mussolinija*. Zagreb: Globus, 1980, 617 s.

Krizman, B. *Ustaše i Treći Reich*. Vol. 1, Zagreb: Globus, 1983, 338 s.

Krišto, J. "The Catholic Church and the Jews in the Independent State of Croatia". *Review of Croatian History*, vol. 3, 2007, s. 13–47.

Krvave osnove ili Protokoli Sionskih mudraca. Split-Šibenik, 1929, 91 s.

Loker, C. Sarajevski spor i sefardski pokret u Jugoslaviji. *Zbornik Jevrejskog istorijskog muzeja*, vol. 7, Belgrade, 1997, s. 13–27.

Mataić, A. *Nezavisna Država Hrvatska: Zakoni, zakonske odredbe i naredbe*. Kn. I–VI. Zagreb: Tisak i naklada knjižare St. Kugli, 1941–1942, 430 s.

Mlada Hrvatska. Zagreb. 1936.

Narodna politika. 1919.

Neue Ordnung. 1941.

Ostara. Heft 22–23. 1908.

Pavelić, A. *Hrvatsko pitanje*. Zagreb, 1941, 47 s.

Pilar, I. *Južnoslavensko pitanje: Prikaz cjelokupnog pitanja*. Varaždin: Hrvatska demokratska stranka, 1990, 215 s.

Starčević, A. *Politički spisi*. Zagreb, 1971, 630 s.

Steinberg, J. *All or Nothing, The Axis and the Holocaust 1941–1943*. London: Routledge, 1990, 364 s.

Tomasevich, J. *War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration*. Stanford: Stanford University Press, 2001, 821 s.

Wesselsky, A. *Österreicherthum. Eine arische Denkschrift*. Wien, 1896. 60 s.

Aleksei S. Nikiforov
Northern (Arctic) Federal University named
after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

The Status of Jews and the Concept of “Aryanism”
in the Independent State of Croatia (1941–1944)

The article focusses on the representation of “Aryanism” and the “Jewish Question” by the Croatian nationalists (the *Ustaša*) during the Second World War. It is these two aspects that formed the basis of the Croatian national identity in the framework of the ideology of the *Ustaša* in the interwar period. An important role in the designation of theoretical principles was played by factors related to the historical past of Croatia — its political ties with the Austro-Hungarian Empire and cultural interaction with other regions of Eastern Europe in the 19th century. The main attention is paid to the origins and the transformation of ideological attitudes, which are reflected in the legal and programmatic provisions of the *Ustaša* government. However, a holistic view of the *Ustaša* ideologies was a complex and controversial phenomenon. The complexity of their perception was also associated with the presence and influence of the German factor on the territory of the Croatian state in 1941–1944. In part, the legal foundations of the *Ustaša* were borrowed from the Nuremberg Laws, which determined the specific attitude towards both Jews in the Balkans and «Aryans». However, the ideological developments of racial theorists of Croatian origin gave a structural design to ideological inventions, which were reflected in the activities of the leaders of the *Ustaša* movement, and made them special.

Keywords: *the Independent State of Croatia, Germany, “Aryans”, Jewish question, Ustaša.*

УДК 811.163.3
ББК 81.416.3

Н. И. Кикило
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Особенности оптативной модальности в македонском языке (на примере функционирования независимой *да*-конструкции)

В македонском литературном языке аналитическая *да*-конструкция в позиции независимого предиката имеет широкий спектр модальных значений, центральными из которых являются императивное и оптативное. В данной статье представлен подробный анализ семантики и функций оптативных *да*-конструкций на материале современных (с 1945 г.) македонских художественных, публицистических текстов. В первой части работы описываются особенности оптатива как эгоцентрической категории, которая подразумевает наличие субъекта желания. Эти особенности предопределяют использование оптативных конструкций в тех дискурсивных режимах текста, в которых ясно обозначены участники коммуникации (самый естественный для оптативных конструкций — диалогический режим). На македонском материале предпринята попытка анализа нетипичных случаев употребления оптативных *да*-конструкций, в которых субъект желания на первый взгляд неочевиден.

В работе описываются македонские конструкции с глагольной формой презенса *да* + *praes* и имперфекта *да* + *imprf*, которые формально обозначают гипотетический и контрфактивный статус оптативной ситуации соответственно. Такое распределение зависит от того, насколько, по мнению говорящего, вероятно осуществление желаемого.

Вторая часть работы посвящена перформативным оптативным *да*-конструкциям, которые маркируют формулы речевого этикета, благопожелания, проклятия. Анализ примеров показывает, как данный тип коммуникативных клише теряет свои «магические» функции в обыденной речи и приобретает междометный характер. Ключевые слова: *македонский язык, да-конструкция, оптатив, ирреальная модальность, диалогический режим текста.*

Введение¹

Семантическая категория опатива как составляющая многоаспектной категории модальности активно описывается лингвистами на материале разных языков, в том числе и славянских². В этих исследованиях систематизируются лексические и грамматические средства для выражения опативного значения. Их спектр очень широк, однако в славянских языках, как и во многих других европейских, значение опатива обычно не грамматикализовано — не представлено формой специализированного наклонения³. Для выражения семантики опатива чаще всего используются или аналитические формы условного наклонения в независимой синтаксической позиции, или сочетание модальных частиц с индикативными/неиндикативными формами глагола⁴. В работе будет рассмотрена независимая аналитическая *да*-конструкция (далее ДАК) в современном македонском языке, которая помимо императивных значений регулярно выражает и опативные.

Опативные высказывания обозначают «чистое» желание говорящего без попытки каузировать действие, тем самым отличаясь от императива⁵. Говорящий не имеет контроля над желаемым действием или его предполагаемыми исполнителями, поэтому не может его каузировать. Также опативные конструкции, включающие глагольные формы, не имеют лакун в лично-числовой парадигме: говорящий может высказываться о желаниях, направленных как на него самого, так и на других лиц.

1. Взаимосвязь опатива и дискурсивного режима текста. Семантическая категория опатива в македонском языке: гипотетические и контрфактивные типы ситуаций

1 Выражаю искреннюю благодарность рецензентам и редактору журнала «Славянский альманах» О. В. Трефиловой за множество ценных замечаний и рекомендаций к первой версии работы.

2 См., например, (Ананьева 2005).

3 Семантическая категория опатива и закономерности ее формальных реализаций в европейских и отдельно — славянских языках представлены в работе (Корди 1990).

4 О модальных конструкциях в славянских языках см. (Молошная 1990).

5 Данное определение категории опатива встречается в работах: (Гусев 2013: 247; Плуноян 2011: 327).

Оптатив по своей семантической природе категория эгоцентрическая⁶, т. е. ориентирован на фигуру говорящего. В оптативных высказываниях обязательно должен идентифицироваться субъект желания. Поэтому данным конструкциям свойствен диалогический режим, когда говорящий и слушающий взаимодействуют напрямую (пример 1). Также они встречаются в текстах, где повествование имеет сильную эгоцентрическую доминанту, а именно ведется от первого лица. В художественных произведениях в роли говорящего может выступать рассказчик — персонаж, который приоткрывает читателям свои мысли и желания, непосредственно наблюдая и участвуя в событиях мира текста (пример 2); в публицистических текстах повествование от первого лица имитирует непосредственную коммуникацию автора и читателя, максимально приближая данные роли к канонической речевой ситуации общения (пример 3)⁷.

1) Си го миеме лицето, вратот, но без сапун, не се турка ирата. Ех, да ни е нашана вода, си велиме, таа фаќа и без сапун. Оваа вода може вода да ѝ носи на нашана вода, вели Оливера, може вода да ѝ потура (Моем лице, шею, но без мыла грязь не сходит. Эх, вот бы нам нашу воду, приговариваем мы, она и без мыла отмое. Этой воде до нашей далеко, говорит Оливера, куда ей до нашей воды). *Андреевски П. М. «Небеска Тимјановна».*

2) Таа за мене беше суштество од друга планета кое заслужува посебен третман. Ах, да беше моја. Не знам дали ја импонираше фактот што тој идиот ја третираше како сите други, или пак ѝ беше предизвик (Она была для меня существом с другой планеты, которое требует особого отношения. Ах, если бы она была моей! Не знаю, было ли ей по вкусу, что тот идиот никак не выделял ее, или это было для нее вызовом). *Николова К. «Идиотски приказни».*

3) Откако лудациве прскаа демек против комарци, комарциве ме навасаа како никогаш до сега. Ги има милиони, милијарди... ма какви, илјадници ги има. *Само да ми е да знам* со што тоа прскаа

6 Эгоцентрические семантические категории, в которых фигура говорящего имеет ключевое значение, описывает Е. В. Падучева (Падучева 1996).

7 Источниками примеров послужили произведения македонской художественной литературы (с 1945 г. по настоящее время), публицистические тексты, а также тексты, опубликованные на форумах и в блогах сети Интернет. Перевод примеров на русский язык выполнен автором статьи.

надлежните (С тех пор, как эти сумасшедшие опрыскали тут всё вокруг якобы от комаров, комары стали досаждают мне как никогда. Их миллионы, миллиарды... да что уж там, тысячи. Только бы вот узнать, чем же таким прыскали соответствующие службы). *Мацановски С. «Трендоленд».*

Также представляют интерес для анализа случаи, когда в повествование вводятся оптативные конструкции как несобственно-прямая речь персонажа произведения:

4) Вчерашних осамен истрел пак ги разгоре неговите мисли и ги подгреа неговите надежи Дедо Иван е жив и здрав! Бојан гореше од желба да испука еден, два фишека, да му јави на старецот дека го чул, но гневот, омразата што ја чувствуваше кон волците, го спречуваа. Оваа ноќ требаше да биде негова борба, негова одмазда. Само нека дојдат! *Само да дојдат.* Се намести до малата вратичка, се завитка убаво во чергите и целиот се претвори во чекање (Вчерашний одинокий выстрел снова взбудоражил его мысли, подарив надежду. Дед Иван цел и невредим! Боян горел желанием дать один-два залпа, подать знак старику, что он услышан, но гнев и злость на волков остановили Бояна. Эта ночь должна быть только его схваткой, его мстью. Пусть только подойдут! Пусть только подойдут! Он устроился у калитки, хорошенько закутался в покрывало и весь обратился в слух). *Поповски Г. «Бојан».*

Таким образом, вводя в текст эгоцентрические оптативные конструкции, автор использует дополнительные выразительные средства языка, чтобы повысить эмоциональную тональность повествования.

Семантика оптатива ограничивает употребление оптативных конструкций в нарративном режиме, поскольку они не описывают объективное состояние ситуации, а выражают личное отношение говорящего к ней. Их функционирование находится в тесной взаимосвязи с дискурсивным режимом текста⁸.

В данной статье материал оптативных ДАК описан с учетом семантической классификации оптативных ситуаций Н. Р. Добрушиной⁹:

8 О сфере употребления некоторых коммуникативных конструкций в дискурсивном режиме текста см.: (Добрушина 2008: 135–160).

9 Классификацию оптативных ситуаций Н. Р. Добрушина описывает в работах (Добрушина 2009; 2014).

а) контрфактивный статус ситуации — говорящий знает, что желаемая ситуация не имела места в действительности и уже не имеет шансов осуществиться в настоящем или будущем;

б) гипотетический статус ситуации — говорящий считает, что желаемая ситуация, которая не реализована в действительности, может иметь место в настоящем или будущем.

Контрфактивные и гипотетические оптативные ситуации в македонском языке выражаются двумя типами независимой ДАК¹⁰, которые различаются глагольной формой после модальной частицы *да*:

- конструкция с формой имперфекта *да + impf* (пример 5);
- конструкция с формой презенса *да + praes* (пример 6)¹¹.

5) Меморијалниот центар на холокаустот на Евреите од Македонија изникна како феникс на просторот на некогашното Еврејско маало во Скопје. [...] *Да не се случеше, да не се изградеше! Но, се случи и се изгради* (Центр памяти жертв холокоста в Македонији возродился, как феникс, на месте бывшего еврейского квартала в Скопье. [...] Эх, если бы не было холокоста, и не нужно было строить! Но он был, и Центр построен). *Статья «Еврейско маало», Интернет-портал «Порта 3»*¹².

6) Нормално, додека тетките се корнат за виклерите, а «Танушевици на камерите не им верува», народот се распоредува во старите табори: во дамарите на едни се буди Илија Чворовиќ, стариот Балкански шпиун. Тие мислат дека е крајно време да се стави македонска пушка на македонско раме па да се расчисти со бандата. Кај втори никнуваат гандиевски хромозоми. Таквите постојано ја повторуваат мантрата: «*Само мир да има*» (Оно и јасно, пока тетките врвот на себе бигуди, а село Танушевици «камерам не верит», народот се разбива на давно известни два лагера: во жилах одних пробужда се Илија Чворовиќ, старыи балканскии шпион. Они думают, что пришло время вскинуть македонское ружье на македонское плечо и покончить с бандой. У вторых пробуждаются хромосомы Ганди.

¹⁰ Два типа *да*-конструкций с кратким пояснением их функций выделены в грамматике македонского языка (Конески 2004: 429).

¹¹ Также встречаются одиночные употребления *да*-конструкций с глаголом в плюсквамперфектной форме, однако их сложно отнести к регулярным способам выражения оптативного значения.

¹² http://www.porta3.com.mk/index.php?option=com_content&task=view&id=2939&Itemid=74 (дата обращения: 05.03.2015).

Такие постоянно повторяют как мантру: «Только бы был мир»). *Мачановски С. «Трендоленд».*

Формы глагола теряют свое временное значение, модифицируют его в составе конструкций с нефактивной¹³ частицей *да*.

Контрфактивные оппозитивные ситуации всегда выражаются с помощью конструкции *да + impf* в том случае, если речь идет о действии, которое не произошло в определенный момент в прошлом, и говорящий точно знает и сожалеет об этом:

7) Кујнскиот: Калинка, калинка мајаааа... Ах, тогаш да го имав сегашниов ум! (Шеф-повар: Калинка, калинка моя... Ах, кабы мне тогда теперешний ум!) *Чинго Ж. «Работници».*

8) На клупата под мојот балкон три момчиња со бебешка кожа и со гелосана коса виткаат тревка, си ја подаваат со таква леснотија и безгрижност, божем е компјутерска игра. Излегов на балконот да ги собирам сувите алишта и не сакајќи погледот премногу го задржав на нивните долги трепки. «Сакате?» ми довикна момчето што седеше во средината. Им се насмеваав и одмавнаа со глава. *Да речеше барем «Сакаш?»* Момчето од левата страна го подбутна со лакотот, нешто промрмореа и станаа (На лавочке под моим балконом трое парнишек с кожей младенцев и напомаженными гелем волосами скручивают косячок и передают друг другу так легко и беззаботно, как будто это компьютерная игра. Я вышла на балкон снять высохшее белье, и мой взгляд невольно задержался на их длинных ресницах. «Хотите?» — крикнул сидевший посередине. Я улыбнулась им и мотнула головой. Хоть бы сказал: «Хочешь?» Парень слева толкнул его локтем, они что-то пробормотали и поднялись). *Димковска Л. «Скриена камера».*

В данных контрфактивных контекстах очень важно то, что говорящий относит желаемое событие к какому-либо моменту в прошлом (пример 7) или сопоставляет с реально произошедшим фактом (пример 8). В примере (5) контрфактивность желаемой ситуации подтверждается аористными формами, подчеркивающими, что действие уже осуществилось и ничего исправить нельзя: «Но, се случи и се изгради». Данный тип значения может выражаться только ДАК с имперфектными формами.

¹³ О нефактивности модальной частицы *да* см.: (Тополињска 2000; 89–137; Ницолова 2008: 425).

Конструкция *da + praes* прежде всего функционирует в сфере гипотетических оптативных ситуаций, которые не имеют места в действительности, но, по мнению говорящего, имеют некоторый шанс осуществиться:

9) Камо јас *да можам да ослабнам!* — воздивна Ержбет (Вот бы мне похудеть! — вздохнула Эржбет). *Бужаровска Р. «Осмица».*

10) Не цабе еден мој колега на времето им викаше на оние од спортска редакција: *да ви го имам мозокот на еден ден, да одморам малку* (Не зря один мой коллега говорил тем людям из спортивной редакции: вот бы мне ваши мозги, я бы денек отдохнул). *Мацановски С. «Трендоленд».*

11) — Па што е толку шокантно? — се зачудив. — Како што е? Има две свои слаткарници и «фабрика» за колачи, а јаде на друго место. Повеќе ѝ се допаѓале тие, од нивните! Ех, *да сум* на нејзино место! (А что тут такого удивительного? — не понял я. — Как что? У нее свои две кондитерские и фабрика сладостей, а ест она в другом месте. Дескать, ей больше нравятся те, их! Эх, быть бы мне на ее месте!). *Михајловска-Георгиева Ј. «Игбал, мојата тајна».*

Стоит оговориться, что вероятность реализации желательной ситуации в настоящем и будущем не может быть оценена объективно. Формами *da + praes* могут обозначаться даже не реализуемые с точки зрения здравого смысла ситуации (как в примерах 10, 11). Отнесенность желаемого события к будущему дает право говорящему оценивать событие как осуществимое вне зависимости от действительного положения дел.

В македонском языке в целом прослеживается тенденция четкого распределения конструкций *da + impf* и *da + praes* для описания контрфактивных и гипотетических оптативных ситуаций соответственно. Однако существует зона пересечения этих употреблений, когда действие, выраженное конструкцией *da + impf*, относится к настоящему и будущему и оптативные ситуации имеют шанс реализоваться, ср. употребление двух конструкций (пример 12 vs. примеры 13, 14) в схожих контекстах.

12) — Ако се вратиме, вели Коста, дамите канат. — Молчи, велам, не сме на игранка. — Море, ќе удриме еден валцер, вели, и дрвјата да се кренат по нас. Стоиме на работ од една чистинка, а треба и таа да се помине, да се претрча. — *Да има сега една ракија*, вели Цветан, и

една здробена марула со варено јајце и сушени маслинки (— Если вернемся, — говорит Коста, — дамы приглашают. — Молчи, — отвечаю ему я, мы не на танцах. — Эх, как закружимся в вальсе, — говорит, — да так, что деревья за нами следом. Мы стоим перед полянкой, и ее нужно как-то пройти, перебежать. — Сейчас бы ракии, — говорит Цветан, — покрошить листья салата и с вареным яичком, с сушеными маслинами...). *Андреевски П. М. «Небеска Тимјановна».*

13) Доне талкаше од оган на оган, се загледуваше во сите жени надевајќи се дека во некоја ќе ја препознае мајката на девојчето, ама наместо неа надраба на старецот токму кога туфна: «Туф бре да ми беше веленцето!» (Доне плелся от костра к костру, заглядывал в лица женщин в надежде узнать в одной из них мать девочки, но вместо нее набрел на старика, когда тот вздохнул: «Эх, вот бы мне сейчас мое одеяльце!») *Георгиевски Т. «Време на молчење».*

14) «Цел ден те немаше!» рече старецот. «Се уплашив да не си заминал така...» додаде оти Доне ништо не рече. И се раскашла. Додуша тој кашлаше и пред тоа, ама сега дури се засркна. Дали од плунката или од воздухот што го влечеше низ празната лула? Одвај си го поврати здивот. [...] «Бре бре прст тутун да се имаше!» си рече повеќе за себе сакајќи да се оправда што кашлаше [...] (— Целый день ты где-то пропадал! — сказал старик. — Я испугался, не ушел ли ты насовсем... — добавил он, так как Доне ничего не ответил. Старик зашелся в кашле. Он и раньше кашлял, но сейчас чуть не задохнулся. От слюны или от воздуха, который он потягивал из пустой трубки? Он насилу раздышался. [...] — Эх, эх, вот бы сейчас чуток табака! — сказал старик скорее самому себе, пытаясь оправдаться за приступ кашля [...]). *Георгиевски Т. «Време на молчење».*

В примерах (13, 14) говорящий хочет, чтобы произошла некоторая ситуация в настоящем, изменилось положение дел, но, маркируя свое желание контрфактивной ДАК, он показывает, что, по его мнению, вероятность осуществления данного желания сводится к нулю. Оптативное значение сохранится, если в примерах (13, 14) заменить конструкцию *да + impf* на конструкцию *да + praes*, ср.: «...старецот туфна: “Туф бре да ми е веленцето сега овде” / “Бре бре прст тутун да се има!”», однако при этом не будет выражено то, что говорящий субъективно оценивает вероятность реализации желаемой ситуации как низкую. В этом случае контрфактивная оптативная ДАК доносит информацию не только о том, что говорящий желает, чтобы ситуация реализовалась, но и о том, что, по его мнению, ситуация вряд ли будет

иметь место в настоящем или будущем¹⁴. Благодаря этому задается и соответствующая эмоциональная тональность высказывания, отличная от нейтральной, которая в данном случае может быть выражена при помощи конструкции *da + praes*.

В зону колебания употреблений двух типов ДАК часто попадают оптативные высказывания, в составе которых присутствует модальный глагол *може*. Если оптативная ситуация относится к плану настоящего или будущего, то выбор между двумя типами ДАК также зависит от субъективной оценки говорящим вероятности осуществления ситуации:

15) Тој стисна очи и се мачеше да се занесе, да не мисли за ништо. Но тоа беше залуден напор. Се почна една бескрајна и луда виулица на раскинати парчиња од преживеаното. *Да можеше барем сево ова одеднаш да помине во сон!* (Он сомкнул глаза и мучительно пытался забыться, не думать ни о чем. Но его попытки были напрасны. Закружила бесконечная шальная метель из кусочков воспоминаний. Если бы только можно было переждать ее во сне!) *Конески Б. «Крчмите», зб. «Лозје».*

16) Млада сум сеуште, но немам желба за живот затоа што знам како живеам, не сум веќе слепа и не сакам да затворам очи повеќе пред се и да се правам дека не гледам. *Камо да можев да легнам, да затворам очи* и само една песна *да ми свони* во глава, само еден стих кој ќе ме потсеќа на него, на пријателите, на семејството, на мајка ми, на убавите моменти и за миг да заборавам каде сум и која сум, да не чувствувам ништо повеќе, да не ме боли толку многу, да заборавам се па дури и него. Само еднаш, бар еднаш *да можам да бидам далеку* од се, да си ги средам мислите, да го заборавам него, да не ме боли веќе, да имам едно жарче желба за живот за да продолжам понатаму од каде што застанав, за да можам повторно да сакам како пред некое време (Я еще молода, но во мне нет желания жить, потому что я знаю, как я живу, я уже не слепа и не хочу больше закрывать глаза на все и делать вид, что ничего не замечаю. Если б только я могла лечь, закрыть глаза, и тогда бы только одна песня звучала в моей голове, один стих, который будет напоминать мне о нем, о друзьях, о семье, о матери, обо всех прекрасных моментах, и на миг я забудусь, где я и кто я, не буду чувствовать больше ничего, и уже не будет так болеть

¹⁴ О похожем значении *да*-конструкции в болгарском языке см.: (Ницолова 2008: 422).

внутри, я забуду обо всем, и даже о нем. Только раз, только бы раз оказаться вдалеке от всего, чтобы привести мысли в порядок, чтобы забыть его, чтобы боль ушла, чтобы сохранилась хоть искра жизни во мне, чтобы продолжить с того места, где я остановилась, чтобы снова любить как прежде). *Ориѓанска С. «Живот»*¹⁵.

В примере (15) герой не верит, что хотя бы раз мучительные воспоминания пройдут быстро, во сне (в примере использован прием несобственно-прямой речи, о котором говорилось выше). В примере (16) особенно ярко проявляется эмоциональная составляющая двух оптативных конструкций. Девушка пишет о своих переживаниях в настоящий момент, но при этом две в равной степени гипотетические ситуации выражены с помощью конструкций *да + impf* и *да + praes*. Очевидно, что первая оптативная ситуация (*Камо да можев да легнам, да затворам очи...*) не является в данном контексте контрфактивной (желание альтернативного развития событий в прошлом), а конструкция *да + impf* повышает эмоциональную тональность текста.

В примерах встретился один контекст, в котором оптативная ДАК содержит глагольную форму плюсквамперфекта:

17) Презаситени сте веќе, се збогативте веќе и се зацаривте без нас; *камо да се бевте зацариле*, та и ние да царуваме со вас (Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!) (1 Кор. 4:8, синодальный перевод).

Плюсквамперфект при его включении в оптативную конструкцию указывает на результат желаемого действия, который, в случае его осуществления, имел бы место в прошлом, но который отсутствует. Ср. перифраз этого места Священного Писания: «И что значит полученное вами — в сравнении с тем, что получили апостолы? Уже при малых дарах, полученных вами, вы насытились и обогатились и без нас, то есть при нас (при нашей жизни) царствуете. Хорошо бы вам царствовать с ними (апостолами), дабы и нам, имеющим эти дары, с вами царствовать»¹⁶.

¹⁵ <http://kazi.mk/zivot/> (дата обращения: 07.05.2014).

¹⁶ *Ефрем Сирин*. Творения / издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. [Репринт. изд.]. Т. 7. М.: Отчий дом, 1995. [Толкование св. Ефрема на послания ап. Павла: К Коринфянам 1-е: с. 59–110]. Цит. по: <https://predanie.ru/book/68300-tolkovaniya-na-novuyu-zavet/#/toc19> (дата обращения: 1.04.2020).

II. Оптативные ДАК с перформативным значением. Формулы благопожеланий и проклятий

В работах по типологии оптатива выделяется еще один его подтип — перформативный оптатив¹⁷, который включает в себя формулы речевого этикета, благопожелания, проклятия. Такие оптативные высказывания сами по себе являются действиями, т. е. обладают перформативными свойствами (в терминах Дж. Остина [Остин 1986]), в отличие от дезидеративного оптатива гипотетических и контрфактивных ситуаций.

Главная особенность перформативного оптатива в том, что он обладает иллюкутивной силой, приближенной к императивной (особенно в форме 2 sg): говорящий самим высказыванием пытается воплотить желание в жизнь. Как отмечает В. Ю. Гусев, «цель высказывания состоит в том, чтобы каузировать названное действие, разве что контроль над действием менее прямой, каузация происходит менее явным способом и, в отличие от обычной императивной ситуации, отсутствует исполнитель искомого действия» (Гусев 2013: 253). В македонском языке группа перформативных оптативов выражается ДАК с презентным, а не имперфектным глаголом, что обусловлено ее семантикой. В примере (18) использована формула приветствия *здравје да имаш*, которая была характерна для речевого этикета XIX — начала XX в. (как и обращение *ти* к собеседнику с более высоким статусом, поскольку вежливое *вие* в тот период еще не вошло в обиход), ср. русское *здравствуй*:

18) Одејќи по патот Патенталија за кај другата планина, еве ти на пато еден поп кај си оди некаде. — Помози Бог, момче му рекол попо, — ако даи Госпо, каде вака? — *Здравје да имаш*, оче, — му одгоорил Патенталија, — и благослове. Јас одам по к’смет да барам (Идет себе Патенталија по дороге к другой горе, и тут навстречу ему поп. — Бог помочь, чадо, — говорит ему поп, — куда с Божьей помощью путь держишь? — Дай Бог тебе здоровья, батюшка, — отвечает Патенталија, — и благословите. Иду, куда глаза глядят, счастья искать). *Цепенков М. «Дуња Ѓузели и царскиот син».*

Устойчивые коммуникативные клише с оптативным компонентом используются в разных перформативных функциях:

¹⁷ См., например: (Добрушина 2009: 73).

а) приветствие (например, *Господ да те поживее* [пусть Господь даст тебе долгую жизнь]);

б) благодарность (*да си [ми] жив и здрав* [будь жив-здоров]); *аир и берикет да имаши* [добра и благополучия тебе];

в) поздравление (*за многу години да е* [многих лет!]; *да си жив* [будь жив-здоров]);

г) пожелание добра (*од добро да не куртулите* [чтобы от добра не избавиться]), пожелание на именины (*да ти е вечно името* [пусть твое имя будет вечным]);

д) прощание (*Господ да е со тебе* [Да пребудет с тобой Господь! С Богом!]);

е) реакция на весть о смерти (*Бог да го прости* [пусть Господь его (покойника) простит]) и т. д.

Коммуникативные клише с пожеланием зла используются в функции проклятия (обычно форма 2 sg) или для выражения негативных эмоций, вызванных неудачей, а также недовольством поведением адресата проклятия (*аир да не видиши* [чтоб тебе добра не видать]; *проклет да си* [будь ты проклят!]; *ѓавол да те земе* [черт тебя побери!]; *Господ нозете да им ги прекрши* [чтоб Господь им ноги переломал]). Формулы благопожеланий и проклятий¹⁸ фольклористы относят к малым фольклорным жанрам, они свидетельствуют о вере человека в магическую силу слова. Многочисленные этикетные формулы с компонентом благопожелания, сохранившиеся с древних времен, часто содержат обращение к Богу как высшей силе: *Господ да те чува* [храни тебя Господь!]; *Бог да те милуе сос некое машко дете* [пусть пошлет тебе Бог сына]; *Бог да ти поможе* [помоги тебе Господь!]; *Бог да чува* [упаси Бог]; *Господ да ве дарува / да ве поживее / да те благослови* [пусть вас Господь одарит / хранит / благословит]¹⁹. Формы перформативного оптатаива часто встречаются и в неканонических молитвах:

19) Султана: [...] Боже. Сите ги мразам. Сите ми се грди, гадни и туѓи. Светот ми е нејасен и мачен. Лебот горчлив. Смилуј се господи, поништи нè. Направи ја оваа година 1878 последна. Што ќе сме ти вакви? Сврти ја земјата наопаку, истури ги сите води, дупките наполни ги со сè што е живо, пушти оган да ги претвори во мрши, да ги засмрди, да ги сврти во пепел, па ветер да го развее пепелот

18 О функциях благопожеланий и проклятий в традиционной культуре см.: (Агапкина, Виноградова 1995; Виноградова, Седакова 2009).

19 Примеры взяты из сборника (Китевски 2011).

по црни неба. Па наврати води да ги измијат трагите дека некогаш нешто лазело по земјава. И така *да биде крај*. *Да останат* само камен и вода, *да се тријат* еден од друг, бесконечно, во вековите што идат. И така *да биде мир и волја твоја*. Амин (Султана: [...] Господи. Ненавижу их всех. Все они мне чужие, все гнусные, мерзкие. Этот непонятный мир для меня невыносим. Хлеб мне горек. Смилуйся, Господи, сотри нас с лица земли. Сделай так, чтобы 1878 год стал последним. Зачем мы тебе такие? Переверни землю, разлей все воды, ввергни всех живущих в могилу, жги их огнем, пусть станут они тленом смердящим, обрати их в пепел, пусть его ветер развеет по черному небу. А потом смой водой следы всего, что ползало по земле. И пусть это будет конец. Пусть останутся только вода и камень, и пусть они трутся друг о друга, вечно, во веки веков. Да будет мир и воля твоя. Аминь). Стефановски Г. «Лет во место».

20) Михајло: (Се крсти. Ја става раката на чело.) *Ова да не мисли*, (На левото и на десното рамо), *овие да не работат*, (На стомакот), *ова да е полно* (Ја повторува молитвата уште еднаш) (Михајло: [Крестится. Подносит руку ко лбу.] Она пусть не думает, [к левому и правому плечу], они пусть не работают, [к животу] он пусть будет полон. [Повторяет молитву еще раз]). Стефановски Г. «Лет во место».

В настоящее время формулы благопожеланий и проклятий уже не воспринимаются как призывание «магической» силы, в которую люди верили прежде. В результате коренных социальных изменений в македонском обществе, которые происходили на протяжении всего XX века (формирования государственности, кодификации македонского литературного языка, процессов глобализации и т. д.), изменился и речевой этикет, некоторые функции благопожеланий остались в прошлом, например в формулах приветствия или прощания; другие активно употребляются до сих пор, например формулы благопожеланий в коммуникативной ситуации поздравления. Ее можно определить как один из самых живых и естественных контекстов употребления оптативных ДАК, поскольку сам акт поздравления в большинстве случаев (за исключением формальных ситуаций общения в деловой коммуникации) подразумевает естественное включение благопожеланий в его состав. В современных поздравлениях благопожелания обычно не имеют твердой устоявшейся формы, говорящий может «нанизывать» добрые слова в любой комбинации, давая волю фантазии в творческом порыве. В примере (21) на основе оптативной

ДАК выстроена композиция стихотворения в честь праздника Нового года, в которой автор с помощью плеоназмов фольклорного типа рисует картину идеального следующего года. В примере (22), взятом с женского интернет-форума, в одном поздравлении встречаются и народная формула с лексическим диалектизмом «од здравје да не куртулите», что дословно означает «чтоб вам от здоровья не избавиться», и пожелания современного типа:

21) Новогодишна здравица

*Да е здрава како дрен,
да е светла како ден,
да е стројна како бор,
да е топла како збор,
да е цветна како цвет,
да е медна како мед,
да е појна како пој,
да е ројна како рој,
да е дрочна како клас,
да е крилна како глас,
да е вирна како вир,
да е родна како мир...*

Кој тоа?

Годината што иде — среќна да ни биде!

Новогоднее благопожелание

Пусть как кизил он будет крепким,
Пусть словно день он будет светлым,
Пусть как сосна он будет стройным,
Как слово доброе, спокойным,
Пусть как цветок он расцветет,
Пусть сладким будет, словно мед,
Певуч, как пенье вольной птицы,
Как рой пчелиный пусть роится,
Пусть спелым будет он, как колос,
Пусть будет он крылат, как голос,
Как омут пусть глубоким будет,
Родным, как близкие нам люди.

Кто ж он? —

Год, что настанет, — счастливым пусть для нас он станет!²¹

Стојан Тарануза²⁰

22) Среќна и берикетна нова година. Од здравје *да не куртулите*, во кревет само со саканиот *да легнувате*, солзи *да не пуштите* и образи *да ве болат* од смеење цела година!! (Счастья и благополучия в новом году. Пусть здоровья будет много, а постель — только для любимого, пусть не будет слез, а щеки пусть болят от смеха целый год!) *Женский интернет-форум forum.femina.mk²²*.

²⁰ <http://www.reper.net.mk/2013/12/20/pesni-za-deca/> (дата обращения: 27.04.2016).

²¹ Использован перевод О. В. Трефиловой.

²² <https://forum.femina.mk/threads/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D1%9C%D0%BD%D0%B0-%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%93%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0.4506/page-4> (дата обращения: 03.04.2013).

В современном узусе оптативные формулы благопожеланий и проклятий приобретают междоветный характер, с их помощью выражается широкий спектр эмоциональных состояний. Эту тенденцию подтверждают примеры из современных литературных произведений, в которых авторы часто используют устоявшиеся структуры формул для своих стилистических экспериментов в качестве языковой игры (примеры 23, 24, 25, 26):

23) Види мајката, си зборува сам на себе, што ујдурма ми врти Труба, *труби да му свират*. Вика вака. Раководството ќе се борело само за себе (Ну ты глянь, говорит он сам себе, какую свинью мне подкладывает Труба, чтоб его с трубами проводили. Рассказывает тут. Руководство, мол, будет бороться только за себя). *Кујунџиски Ж. «Скопје и сè е можно»*.

24) Во меѓувреме смислувам апдејтирани верзии на клетвите од типот «на комшијата да му цркне кравата»: на Њујорк да му се поебе урбанистичкиот план; Пентагон нема коше; кој рано рани — лета на сите страни (А я в это время выдумываю усовершенствованные версии проклятий вроде пресловутого «чтоб у соседа корова сдохла»: чтоб городской план Нью-Йорка похерили; чтоб у Пентагона угла не осталось; кто рано встает — тому полный пролет). *Мацановски С. «Трендоленд»*.

25) Слика прва: 31-ви декември, стрелките се соединуваат на 12-ката, таа нежно го бакнува својот сопруг и тивко му посакува: Бане бејби, *годинава пак премиер да ми станеш* (Картинка первая: 31 декабря, стрелки соединяются на двенадцати, она нежно целует своего супруга и тихо ему желает: «Бане, котик, в этом году чтобы ты у меня снова стал премьером»). *Мацановски С. «Трендоленд»*.

26) Околу мене стојат куп деца и долго гледаат во моите чевли. Потоа сите копиљаци (не претерано нежно) ги газат моите «ганц» нови чевли со традиционална честитка: «*Со здравје да си ги кинеш!*» (Возле меня толпятся дети и смотрят на мои ботинки. Потом все пацаны (не особенно нежно) наступают на мои новехонькие новые туфли с традиционным пожеланием: «Рви на здоровье!»). *Димитров Б. «Симни го малку небо то за да се качам»*.

Устареваящие в своей изначальной функции конструкции благопожеланий и проклятий становятся материалом для языковой игры, которая раскрывает творческий потенциал автора высказывания. Но придуманная им для конкретной ситуации формула едва ли станет узуальной для остальных участников языкового сообщества.

Интерпретируя значения перформативных оптативов, можно отметить, что в них категория лица глагола играет такую же большую роль, как и в императивных высказываниях. В частности, говорящий употребляет формулы проклятий в форме 1 sg очень редко, при исключительных обстоятельствах. Если же такие примеры встречаются, то, скорее всего, они представляют собой трансформацию формулы проклятия в формулу клятвы, которая содержит условие верификации слов говорящего. Для таких примеров перифраз будет следующим: «Будь я проклят, если я говорю неправду / если я не выполню обещанного». На русский эти формулы переводятся конструкцией с союзом «чтобы»:

27) Гарант читателот ќе помисли дека се фолирам, и згора на сè, дека не сум ни оригинален. А, да пукнам на место, сè е вистина! (Ручаюсь, читатель подумает, будто я привираю и, что еще хуже, что я даже не оригинален. А разрази меня гром, так оно и есть!) *Петрушевски-Фили В. «Колумнистот».*

28) *Проклет да бидам, се сеќавам како вчера да беше, а еве скоро деценија помина. Тоа беше еден ден, што траеше цела година (Будь я проклят, я всё помню, как будто это было вчера, а ведь прошло почти десять лет. Это был день длиною в год). Анасиев Д. «Како станав левичар»²³.*

Хотя формулы благопожеланий и проклятий с течением времени меняют свои функции в македонском языке, их использование не теряет своей актуальности. В отдельных случаях эти конструкции являются главным или одним из главных текстообразующих элементов целого художественного произведения. Как пример можно привести стихотворение «Писмо до внуката» современного македонского драматурга Горана Стефановского, написанное в честь рождения внуки:

29) *Да имаш срце / Срце-на срца срцата / цел свет да збере па да је за тија гради малечко / Манданата те имал и тебе во предвид, секако, / во оној благослов, во снегот, на Пирин Планина / Бреј луѓе, дете ни се роди во четава. / Ај да ми бидеш здраво и живо детуле, да пораснеш големо, на лице бело и црвено тетовско јаблоко, на снага вита ела Пиринска, грлото бисер да ти рони, гласот да ти биде /*

23 <https://www.mkd.mk/kolumni/kako-stanav-levichar> (дата обращения: 03.04.2017).

како славејче (Пусть твое сердце будет / лучшим из всех сердец, / и будет этому сердцу целого мира мало. / В снегах на горах Пиринских благословенье Манданы / сказано и для тебя: / Братцы, родился младенец, у нас, в нашем отряде! / Малышка, расти здоровой, белая да румяная, словно яблочко в Тетове. Высокой расти и стройной, станом как ель пиринская, речью — как нитка жемчужин, а голосом — как у соловушки). *Личная страница Г. Стефановского в сети Facebook*²⁴.

В приведенном отрывке известный драматург цитирует один из самых ярких монологов фильма «Мисс Стоун» («Мис Стон», 1958 г.), в котором участник партизанского отряда старый Мандана благословляет новорожденную. Горан Стефановский не просто использует традиционную для македонцев формулу благопожелания, но наполняет ее аллюзиями на знаменитую кинокартину, которая без сомнения имеет особый статус в македонской культуре, отчего благословение становится еще и своего рода передачей «культурного кода» от деда к внучке.

В произведении Живко Чинго «Большая вода» («Големата вода», 1971 г.) важным элементом, организующим текст, является повторение формулы *проклет да бидам* (будь я проклят). Повествование ведется от первого лица, главный герой рассказывает историю своего детства, проведенного в детдоме. Герой на протяжении всего повествования навязчиво повторяет *проклет да бидам*, что выглядит как клятва в подтверждение собственных слов:

30) Кејтеновата болест сосема ме зароби. Не ги видов ниту пролетта, ниту летото, ниту зимата, кога дошле. Чинам заедничка беше таа болест. *Проклет да бидам*, з а е д н и ч к а. Очевидно, некоја лоша, страшна треска, страв, ја изгоре неговата душа. Целото лице, глава, раце, нозе, насекаде по телцето му беа исфрлани темни, црни, малечки болчиња. Толку векови не го отвори своето светло око. Лежеше во сон, во некој чуден, долг сон. *Проклет да бидам*, илјада векови траеше неговата болест (Болезнь Кейтена поработила меня. Я не заметил ни весны, ни лета, ни осени, когда они пришли. Мне кажется, эта болезнь была одна на двоих. Будь я проклят, о д н а н а д в о и х. Ясно, что неизвестная страшная лихорадка, страх спалили его душу. По всему его лицу, голове, рукам, ногам, по всему тельцу

24 https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=534960273181047&id=140668289276916 (дата обращения: 17.03.2015).

высыпали темные, черные маленькие пятнышки. Целые столетия он не открывал своих светлых глаз. Он спал странным долгим сном. Будь я проклят, тысячи веков длилась его болезнь). Чинго Ж. «Големата вода».

В конце романа читатель узнает, что герой предал своего лучшего друга. Этот факт меняет читательское восприятие повторяющейся формулы, в конце романа она переосмысливается как раскаяние и проклятие самому себе, которого герой, по его собственному мнению, заслуживает.

В македонском языке основным морфологическим средством передачи оптативного значения является сочетание нефактивной частицы *da* с презентной или имперфектной формой глагола, занимающее независимую синтаксическую позицию. Данные конструкции формально можно разделить на две группы:

1) конструкция *da + impf* используется для описания контрфактивных ситуаций, когда говорящий упоминает желаемое событие, которое не произошло в определенный момент прошлого;

2) конструкция *da + praes* в зависимости от контекстуальных условий используется для описания гипотетических ситуаций, когда желаемое событие имеет какой-то шанс произойти в будущем.

Оптативные ситуации не всегда строго распределяются в соответствии с указанной классификацией, иногда имперфектные ДАК отсылают к ситуации, которая объективно может иметь место в будущем, а гипотетические ДАК описывают объективно невозможные ситуации. Существование такой «переходной зоны» объясняется тем, что оптатив выступает как эгоцентрическая категория, которая предполагает, что говорящий субъективно оценивает, может ли желаемая ситуация иметь место в будущем или же она невозможна в принципе, по его мнению. В литературных произведениях это придает особую эмоциональную тональность высказываниям героя, способствует раскрытию его внутреннего мира и характера.

В македонском языке отдельную группу составляют перформативные оптативы, которые выражаются конструкцией *da + praes*. Сюда входят благопожелания и проклятия, которые изначально имели магические функции, а в современном македонском языке употребляются в основном как этикетные формулы или выполняют междометные функции. Трансформация функций оптативных благопожеланий и проклятий никак не отразилась на частотности их употребления, и некоторые стандартные формулы становятся платформой для языковой игры.

Такие формальные характеристики, как выбор лично-числовой формы глагола в перформативных формулах, также будут влиять на их значение. Например, использование формы 1 sg глагола трансформирует формулы проклятия в формулы клятвы («будь я проклят, если я лгу / если я не сделаю...»).

Последовательное распределение гипотетических, контрфактивных и перформативных значений оптативных конструкций *da + impf* и *da + praes* (за некоторыми исключениями, описанными в статье) демонстрирует постепенный процесс их грамматикализации и модальный потенциал частицы *da*, способной выражать ирреальные значения в македонском языке. Как следует из рассмотренных примеров, *da*-конструкция имеет тенденцию выражать значения, которые типичны для канонической ситуации речевого общения, где четко разделены адресант и адресат сообщения. Рассмотренные функции ДАК показывают высокую коммуникативную нагрузку данного типа конструкции, особенно в ситуациях непосредственного живого общения (которые также могут быть смоделированы в художественных и публицистических текстах).

Источники

- Андреевски Петре М.* Небеска Тимјановна. Скопје: ЗУМПРЕС, 1996. 360 с.
- Бужаровска Румена.* Осмица. Скопје: Блесок, 2016. 171 с.
- Георгиевски Ташко.* Змиски ветар; Црно семе; Време на молчење. Скопје: Мисла, 1984. 395 с.
- Димитров Братислав.* Симни го малку небого за да се качам. Скопје: Планета прес, 2005. 97 с.
- Димковска Лидија.* Скриена камера. Скопје: Магор, 2004. 235 с.
- Кујунџиски Жарко.* Скопје и сè е можно. Скопје: Антолог, 2013. 304 с.
- Маџановски-Трендо Сашо.* Трендоленд. Скопје: Табернакул, 2011. 680 с.
- Михајловска-Георгиева Јагода.* Игбал, мојата тајна. Тетово: Напредок, 2000. 284 с.
- Николова Ксенија.* Идиотски приказни. Скопје: Галерија 8, 2014. 218 с.
- Петрушевски-Фили Владимир.* Колумнистот: (философистичка тетратка). Скопје: ТРИ, 2011. 167 с.
- Поповски Глигор.* Бојан. Скопје: Детска радост, 2004. 260 стр. [1-е изд.: 1973].
- Стефановски Горан.* Собрани драми во две книги. Кн. 1: Јане Задрогаз; Диво месо; Лет во место; Хај Фај; Дупло дно; Тетовирани души. Скопје: Табернакул, 2002. 368 с.

Цепенков Марко. Дуња Ѓузели и царскиот син // *Цепенков М.* Волшебни приказни / избор и редакција Д-р Кирил Пенушлиски. Скопје: Македонска книга, 1968. С. 38–53.

Чинго Живко. Големата вода; Сребрените снегови. Скопје: Култура, 1992. 336 с.

Чинго Живко. Образов; Кенгурски скок; Макавејските празници; Сурати; Под отворено небо; Работници. Скопје: Култура, 1992. 722 с.

Литература

Агапкина, Виноградова 1995 — *Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н.* Благопожелание // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 188–191.

Ананьева 2005 — *Ананьева Н. Е.* Концепт «желание» в польском и русском языках (И. польск. *chęć* — *chcieć*, русск. желание — хотеть) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 109–124.

Виноградова, Седакова 2009 — *Виноградова Л. Н., Седакова И. А.* Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286–294.

Гусев 2013 — *Гусев В. Ю.* Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.

Добрушина 2008 — *Добрушина Н. Р.* Наклонения и дискурсивный режим текста на примере употреблений частицы *пусть* // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / ред. В. А. Плулгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. С. 135–160.

Добрушина 2009 — *Добрушина Н. Р.* Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 48–75.

Добрушина 2014 — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи // Русская корпусная грамматика. Сослагательное наклонение. М., 2014. URL: http://rusgram.ru/%D0%A1%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 30.03.2020).

Китевски 2011 — *Говорни народни умотворби* / избор, редакција, предговор и белешки Марко Китевски. Скопје: Камелеон, 2011. 343 с.

Конески 2004 — Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Просветно дело АД, 2004. 552 с.

Корди 1990 — Корди Е. Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 170–185.

Молошная 1990 — Молошная Т. Н. Об аналитических формах составительного склонения в славянских языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М.: Институт славяноведения, 1990. С. 114–130.

Ницолова 2008 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Софийски университет «Св. Климент Охридски», 2008. 523 с.

Остин 1986 — Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Тополињска 2000 — Тополињска З. Има ли субјунктив во македонскиот и/или во полскиот глаголски систем? // Полски – македонски: граматичка конфронтација. Т. 3: Студии од морфосинтакса. Скопје: МАНУ, 2000. С. 89–137.

References

Agapkina, T. A., Vinogradova, L. N. “Blagopozhelanie.” *Slavianskie drevnosti: ètnolingvističeskij slovar'*, 5 vols., ed. by N. I. Tolstoy, t. 1, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, s. 188–191.

Ananyeva, N. E. “Kontsept “zhelanie” v pol'skom i russkom iazykakh (I. pol'sk. čeć — chćieć, russk. zhelanie — khotet').” *Iazyk, soznanie, komunikatsia: sb. stateĭ*, ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, Moscow: MAKS Press, 2005, s. 109–124.

Austin, John L. “Slovo kak deĭstvie.” *Novoe v zarubeznoi lingvistike*, vyp. 17, *Teoriia rečevykh aktov*, Moscow: Progress, 1986, s. 22–129.

Gusev, V. Yu. *Tipologija imperativa*. Moscow: LRC Publishing House, 2013, 336 s.

Dobrushina, N. R. “Nakloneniia i diskursivnyĭ rezhim teksta na primere upotrebleniĭ chastitsy *pust'*.” *Issledovaniia po teorii grammatiki*, vyp. 4, *Grammaticheskie kategorii v diskurse*, ed. by V. A. Plungian, V. Yu. Gusev, A. Yu. Urmanchieva, Moscow: Gnozis, 2008, s. 135–160.

Dobrushina, N. R. “Semanticheskaia zona optativa v nakhsko-dagestanskikh iazykakh.” *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 5, Moscow, 2009, s. 48–75.

Dobrushina, N. R. “Soslagaatel'noe naklonenie. Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoj grammatiki.” *Russkaia korpusnaia grammatika. Soslagaatel'noe naklonenie*. Moscow, 2014, http://rusgram.ru/%D0%A1%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5. Accessed 30 March 2020.

Kitevski, Marko, editor. *Govorni narodni umotvorbi*. Izbor, redakcija, predgovor i beleški Marko Kitevski, Skopje: Kameleon, 2011, 343 s.

Koneski, B. *Gramatika na makedonskiot literaturnen jazik*. Skopje: Prosvetno delo AD, 2004, 552 s.

Kordi, E. E. “Optativnost'.” *Teoriia funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*, Leningrad: Nauka, 1990, s. 170–185.

Moloshnaia, T. N. “Ob analiticheskikh formakh soslagaatel'nogo nakloneniiia v slavianskikh iazykakh.” *Problemy sopostavitel'noj grammatiki slavianskikh iazykov*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 1990, s. 114–130.

Nitsolova, R. *Bulgarska gramatika. Morfologija*. Sofia: Sofia University “St. Kliment Ohridski”, 2008, 523 s.

Paducheva, E. V. *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*. Moscow: LRC Publishing House, 1996, 464 s.

Plungian, V. A. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku. Grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011, 672 s.

Topolinjska, Z. “Ima li subjunktiv vo makedonskiot i/ili vo polskiot glagolski sistem?” *Polski — makedonski: gramatička konfrontacija*, t. 3, *Studii od morfosintaksa*, Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2000, s. 89–137.

Vinogradova, L. N., Sedakova, I. A. “Prokliatie.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvističeskii slovar'*, 5 vols., ed. by N. I. Tolstoy, t. 4, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, s. 286–294.

Natalia I. Kikilo
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Features of optative modality in Macedonian language
(with emphasis on the functionalities of independent *da*-construction)

In the Macedonian literary language the analytic *da*-construction used in an independent clause has a wide range of possible modal meanings, the most common of which are imperative and optative. The present article offers a detailed analysis of the semantics and functions of the Macedonian optative *da*-construction based on fiction and journalistic texts. The first part of the article deals with the specificities of the optative as a category which primarily considers the subject of a wish. In accordance with the semantic characteristics of this category, optative constructions are used in those discourse text types where the speakers are explicitly designated (the most natural context for the optative is the dialogue). The analysis of the Macedonian material includes instances of atypical usage of the optative *da*-construction, in which the wish of the subject is not apparent and thereby produces new emotional tonalities perceptible to the reader of a fiction/journalistic text.

The study describes Macedonian constructions involving two different verb forms: 1) present tense form (*da* + praes) and 2) imperfective form (*da* + impf). These constructions formally designate the hypothetical and counterfactual status of the optative situation, respectively. Thus, the examples in the analysis are ordered according to two types of constructions, which reflect the speaker's view on the probability of the realisation of his/her wish. Unrealistic wishes can be communicated through the present *da*-construction, while the imperfective construction denotes situations in which the wish can be realised in the future. The second part of the article is devoted to performative optative *da*-constructions, which express formulas of speech etiquette, wishes and curses. The analysis demonstrates that these constructions lose their magical functions, when used outside of the ritual context, and begin to function as interjections.

Keywords: *Macedonian language, da-construction, optative, irrealis modality, dialogue.*

Сравнительный анализ словенских частиц *še* и *že* на фоне русского языка

В статье сопоставляются словенские частицы *še* и *že* главным образом с русскими частицами *еще* и *уже*. В отличие от русской *уже* словенская *že* не может сочетаться с отрицательной формой глагола: вместо нее в такого рода контекстах используется наречие *več*. Наиболее тонкие различия между словенским и русским языками обнаруживаются в сочетаниях *še* и *že* с обстоятельствами времени, где для словенского языка оказывается характерным так называемое «сюжетное время». Событие трактуется как локализованное на временной оси, а не с позиции «времени говорящего», что проявляется в возможности использования *že* в таких контекстах, как *umrl je že v devetnajstem stoletju* (умер еще в девятнадцатом веке). При этом лексема *že* не способна выражать значение ‘не раньше / не позже, чем’: в данной функции вместо нее употребляется частица *šele*. Автор приходит к выводу, что словенские частицы шире употребляются как модальные, чем их русские аналоги. Частица *še* обладает рядом интенсифицирующих функций, соотносящихся с функциями русских частиц *даже*, *еще* и *и*, частица *že* может употребляться так же, как русские лексемы *уже* и *уж*. В отличие от *уж*, *že* не всегда выражает недовольство и может вносить в высказывание значение уступки.

Ключевые слова: *словенский язык, русский язык, лексическая семантика, частицы, модальность.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.2.02

В словенистике достаточно подробно изучался вопрос выделения частиц как части речи и их типов (см., например, Toporišič 1991; Smolej 2004; Šekli 2017; Krvina, Žele 2018), а также анализировалась семантика отдельных из них в сопоставлении с русским языком, см., например, (Uhlik 2018; Uhlik, Žele 2018). Между тем слабо изученными остаются многие важные вопросы, представляющие интерес в типологическом и лингводидактическом аспектах, и один из них связан с особенностями функционирования частиц *še* и *že*.

В качестве самостоятельной части речи словенского языка частицы впервые выделил Й. Топоришич в статье «Краткая морфология словенского литературного языка» (Торогиšič 1974). До этого частицы рассматривались в составе наречий. Это можно проследить по эволюции квалификации *še* и *že* в «Словаре словенского литературного языка»: в первом издании 1970–1991 гг. они маркированы как наречия (SSKJ) — поскольку, как пишет М. Смолей, словарь тогда ориентировался на «Словенскую грамматику» 1956 г. (Smolej 2015: 130), а в 2014 г. — уже как частицы (SSKJ-2). В том же году вышел первый словарь словенских частиц (SSČ), в который также были включены данные лексемы. Как таковой вопрос частеречной принадлежности и семантической специфики квазисинонимов *še* и *že* в словенистике до настоящего времени не поднимался.

В русистике частеречная принадлежность лексем *еще* и *уже*, напротив, неоднократно становилась предметом научных споров и обсуждений (см. работы А. А. Остроумова (Остроумов 1954), А. Моисеева (Моисеев 1978), А. Мустайоки (Мустайоки 1988) и многих других). На данный момент большинство лингвистов считает их частицами (Николаева 1985; Перцов 2002; Труб 2003; Урысон 2007 и др.), и мы согласны с данной позицией, признавая при этом, что определенные контексты их употребления близки к наречным. Например, В. В. Бабайцева рассматривает *еще* и *уже* как своеобразные омокомплексы (комплексы омонимичных лексем, относящихся к разным частям речи), которые могут быть представлены в виде шкалы переходности от наречий к частицам (Бабайцева 2000). Автор приводит примеры употребления *еще* и *уже*, в которых обнаруживаются признаки наречий: актуализация интонацией и наличие лексического значения (там же: 373–374):

(1) Он *еще* продолжал говорить, хотя все перестали его слушать (М. Горький).

(2) Ранняя осень *уже* засыпала лесные дороги мокрыми листьями (К. Паустовский).

Мы не будем подробно рассматривать вопрос частеречной принадлежности анализируемых лексем в обоих языках, сосредоточившись на функционально-семантических аспектах, являющихся ключевыми для описания специфики словенских единиц на фоне их русских соответствий.

1. Темпоральные контексты употребления словен. *še* и *že* в сравнении с рус. *еще* и *уже*

Именно темпоральные смысловые оттенки у лексем *еще* и *уже* служат одним из главных критериев дифференциации их семантики. Ю. Д. Апресян использует понятие «время говорящего», являющееся ключевым для проведения границы между *еще* и *уже* (Апресян 1986):

(3) *Еще* вчера я с ним разговаривал, а сегодня его *уже* нет в живых.

(4) *Уже* сейчас ясно, что он проиграл.

В предложении (3) точка отсчета, к которой отсылает частица *еще* (я с ним разговаривал), отличается от времени говорящего, а в предложении (4) точка отсчета, связанная с частицей *уже*, совпадает с «временем говорящего», при этом взаимозаменяемость данных лексем в приведенных контекстах невозможна.

Несмотря на семантическую близость, в темпоральном аспекте частицы *еще* и *уже* могут вступать фактически в антонимические отношения, входя в состав так называемых канонических конструкций¹ «*еще не Р ... уже Р*», «*еще Р ... уже не Р*» (Труб 2003: 675). Например:

(5) Он *еще не* пришел. Он *уже* пришел.

(6) Она *еще* студентка. Она *уже не* студентка.

Концептуальное различие между *еще* и *уже* в рамках данных конструкций заключается в ориентации *еще* на будущее, на предстоящее начало новой ситуации, и связи *уже* с прошлым, с окончанием предшествующей ситуации.

Наибольшую трудность для анализа представляют собой случаи употребления лексем *еще* и *уже* в сочетании с обстоятельствами времени или обстоятельствами другого типа, обладающими контекстуально обусловленной темпоральной семантикой (о чем писал еще М. П. Погодин в 1826 г., см: Перцов 2002: 147–148). Здесь следует выделить две ситуации. Первая из них подразумевает наличие на

¹ Термин «каноническая конструкция» здесь и далее используется вслед за В. М. Трубом для обозначения конструкций «*еще не Р ... уже Р*», «*еще Р ... уже не Р*». Канонические конструкции могут иметь как внешний, так и внутренний (имплицитный) характер.

временной оси как минимум трех точек, причем «время говорящего», по сути, выносится за скобки. Приведем классический пример, неоднократно цитируемый во многих работах (Богуславский 1996: 241; Труб 2003: 675):

(7) *Еще* в Твери я понял, что еду зря.

(8) *Уже* в Твери я понял, что еду зря.

Логико-семантическая структура высказывания может быть представлена на временной оси, на которой можно отметить три точки: время отправления, остановку в Твери, время прибытия. Однако в первом случае говорящий описывает время остановки в Твери как далекое по отношению ко времени прибытия, а во втором — как близкое ко времени отправления. В данной ситуации можно усмотреть аналогию с вышеупомянутым концептуальным различием *еще* и *уже* в рамках канонических конструкций (ориентация на будущее и прошлое соответственно).

Иной тип ситуации связан с присутствием на оси времени говорящего, как, например, в следующих высказываниях (Богуславский 1996: 238):

(9) *Еще* Щерба обращал внимание на необходимость изучения языковых ошибок.

(10) *Уже* Щерба обращал внимание на необходимость изучения языковых ошибок.

Интерпретация данных высказываний отличается от примеров (7) и (8), поскольку здесь мнение Щербы рассматривается сквозь призму «времени говорящего» или «мира говорящего», в терминах И. М. Богуславского (там же: 239), и Щерба воспринимается как личность, жившая в прошлом (9), или как современник говорящего (10). При этом в подобных ситуациях возможна иная трактовка, предполагающая, что на временной оси становления языкознания Щерба может быть представлен как исследователь, далекий от современного говорящему этапа развития науки (9) или как близкий к ее истокам (10). В таком случае высказывания (9) и (10) фактически ставятся в один ряд с (7) и (8). Второй тип интерпретации является доминирующим в предложениях следующего рода:

(11) Дом старый, его построил *еще* мой дед.

Замена *еще* на *уже* в данном контексте невозможна. Следовательно, дед «мыслится не как вошедший в круг времени говорящего, а скорее как не вышедший из круга времени своего отца» (Богуславский 1996: 240). В целом же нельзя не отметить, что по сравнению с примерами (7) и (8) время говорящего играет в высказываниях (9), (10) и (11) более существенную роль: вопрос лишь в ее конкретизации. О различии данного рода трактовок писал А. Мустайоки: в его терминологии речь идет о **сюжетном** (связанном с линией времени события) и **несюжетном** времени (относящемся к линии времени субъекта) (Мустайоки 1988: 131).

Перейдем к анализу словенских частиц *še* (буквально ‘еще’) и *že* (буквально ‘уже’) в темпоральном аспекте с учетом вкратце рассмотренных разработок, сделанных на материале русского языка. Изучив вышеупомянутые лексикографические источники и материал национального корпуса словенского литературного языка (Gigafida), мы пришли к выводу, что в рамках вышеупомянутых канонических конструкций семантика *še* и *že* обнаруживает как сходства, так и различия с *еще* и *уже* соответственно. Если внутренняя конструкция «*еще не Р... уже Р*» на внешнем уровне реализуется аналогично тому, как это происходит в русском языке (*še ne Р... že Р*), см. (12), (13), то во второй конструкции «*еще Р... уже не Р*» фигурирует исключительно наречие *več* в сочетании с отрицательной формой глагола (буквально ‘больше не’), см. (14), (15):

(12) *Luka še ne hodi v šolo* (Лука *еще не* ходит в школу).

(13) *Luka že hodi v šolo* (Лука *уже* ходит в школу).

(14) *Marija še živi v Ljubljani* (Мария *еще* живет в Любляне).

(15) *Marija ne živi več v Ljubljani* (Мария *уже не* живет в Любляне).

Сочетание словенской частицы *že* в темпоральном значении² с отрицательной формой глагола невозможно: **Luka že ne hodi v šolo* (0 из 100 первых употреблений *že ne* в «Gigafida»). При этом, как и в русском языке, лексема *še* отсылает к началу ситуации, *že* — к ее концу. По этой же причине в словенском языке невозможны сочетания *še* с обстоятельством, связанными со скорым завершением ситуации, см. (16) и (17):

² О прочих значениях частицы *že* см. в разделе 2 настоящей статьи.

(16) *Vlak ima že čez pet minut* (У него / нее поезд уже через пять минут).

(17) **Vlak ima še čez pet minut* (*У него / нее поезд еще через пять минут³).

Интересно, что семантика ситуации, продолжающей иметь место, в случае *že* реализуется в более широком наборе контекстов, содержащих форму настоящего времени глагола, нежели в случае *ešte*, и это позволяет провести аналогию *že* с русской частицей *и*:

(18) *Še danes ne vem, zakaj sem po tem dogodku dolge mesece o bolečini molčala in si pri sebi mislila — bo boljše* (Я и сегодня не знаю, почему после этого случая я долгие месяцы молчала о боли и думала, что мне станет лучше). *Naša lekarna, 2006.*

(19) *Česa podobnega ne pomnijo niti najstarejši domačini in se že zdaj čudijo, kako močno lahko narava pokaže zobe* (Ничего подобного не помнят даже самые старые местные жители, которые и сейчас удивляются, насколько мощно природа может показать зубы). *Nedelo, 2008.*

(20) *V Sloveniji je še zmeraj največ diplomiranih ekonomistov med vsemi nazivi* (В Словении дипломированных экономистов до сих пор выпускается больше, чем других специалистов). *Интернет, 2017.*

Все вышеперечисленные примеры сочетания *še* с наречиями (*danes* ‘сегодня’, *zdaj* ‘сейчас’, *zmeraj* ‘всё время, постоянно’) можно перевести на русский язык как *до сих пор*, *всё еще*, что свидетельствует о наличии у данных сочетаний имплицитной семантики канонических конструкций (ситуация продолжает иметь место) и ее доминировании: *še* не усиливает значение наречий *danes*, *zdaj*, *zmeraj*, которые в примерах (18), (19) и (20) взаимозаменяемы, а является основным носителем смысла.

Несколько иное соотношение наблюдается при сравнении сочетаний словенских частиц *še* и *že* и русских *еще* и *уже* с обстоятельствами времени, отсылающими к прошлому. С одной стороны, в словенском языке присутствуют высказывания, аналогичные русским (7) и (8), где происходит сопоставление трех точек на временной оси и время говорящего эксплицитно не обозначено:

3 При этом возможно: *Ima še pet minut do odhoda vlaka* (У него / нее еще пять минут до отправления поезда) — времени еще достаточно.

(21) Problemi, s katerimi so bili še zjutraj pred seminarjem obremenjeni, so se razblinili (Проблемы, которые их тяготили *еще* утром, перед началом семинара, исчезли). *Celjan, 2005.*

В примере (21) с помощью лексемы *še* промежуток между утром и моментом избавления от проблем характеризуется как значительный.

(22) Za vaše otroke je najbolje, da jih zdravo nahranite že zjutraj. Če bodo šli od doma siti, ne bodo čutili potrebe po praznih kalorijah (Лучше всего накормить детей полезной пищей *уже* с утра. Если они выйдут из дома сытыми, они не будут чувствовать необходимость в потреблении «пустых» калорий). *Skrivnost srečnega otroštva.*

Употребление частицы *že* в примере (22), напротив, указывает на то, что интервал между началом дня и утренним завтраком небольшой. Как видно, в данных высказываниях словенские *še* и *že* соответствуют русским *еще* и *уже* (хотя в (21) возможна замена русского *уже* на *еще*, которая в этом случае сместит акцент на утро по отношению ко всему остальному дню).

Теперь приведем несколько примеров контекстов, в которых время говорящего обозначено на временной оси. Во всех контекстах обстоятельства времени, с которыми сочетаются частицы, соотносятся с глаголами в прошедшем времени:

(23) Za današnji slovenski prostor so bili že v srednjem veku značilni leseni izdelki (На территории современной Словении *еще* в Средневековье производились изделия из дерева). *Raziskujem preteklost 7: Učbenik za zgodovino v sedmem razredu osnovne šole.*

(24) Zanimivo, da so se že pred stotimi leti dogajale turistom podobne nevšečnosti, kot so dobro znane tudi sodobnim turističnim nomadom (Интересно, что *еще* сто лет назад с туристами происходили подобные неприятности, хорошо знакомые современным «кочевникам»). *Jana, 2007.*

(25) [...]Šport ima pri nas kar dolgoletno tradicijo. Odlični športniki so bili že v nekdanji Jugoslaviji (Спорт в Словении имеет давнюю традицию. Высококласные спортсмены были *еще* во времена бывшей Югославии). *Vestnik, 2006.*

(26) Dejal je, da so antidopinška določila tako zastarela, da bi jih bilo že v prejšnjem stoletju treba spremeniti. (Он заявил, что антидопинговые правила настолько устарели, что их нужно было поменять *еще* в прошлом веке). *Интернет, 2011.*

При переводе высказываний (23)–(26) в качестве аналога лексеме *že* мы использовали частицу *еще*, поскольку в русском языке использование *уже* менее характерно из-за отсутствия связи ситуации со «временем говорящего», ведь обстоятельства времени, с которыми сочетаются частицы, относятся к давно прошедшим событиям:

(27) На территории современной Словении *уже* в Средневековье производились изделия из дерева.

(28) Интересно, что *уже* сто лет назад с туристами происходили подобные неприятности, хорошо знакомые современным «кочевникам».

И т. д.

Возможна ли в словенском языке соответствующая замена *že* на *še* в сочетании с подобными обстоятельствами времени? Если сравнить сугубо статистические данные, учитывая, что они содержат определенный процент нерелевантных контекстов, то они демонстрируют, что соответствующие сочетания с *še* возможны, но менее частотны: *že v srednjem veku* (443 вхождений в корпус «Gigafida») — *še v srednjem veku* (57), *že pred stotimi leti* (186) — *še pred stotimi leti* (136), *že v prejšnjem stoletju* (236) — *še v prejšnjem stoletju* (141), *že v nekdanji Jugoslaviji* (63) — *še v nekdanji Jugoslaviji* (59). Семантические же различия, как нам представляется, зависят от интерпретации ситуации либо в рамках общей хронологии процесса, например производства изделий из дерева, туризма, развития спорта и т. п., либо с учетом «времени говорящего» (см. примеры (9) и (10)).

Обратим внимание, что число словосочетаний с *še* и *že* существенно различается в пользу *že* в случае указания Средневековья и гораздо менее значительно — в случае указания разницы в сто лет, прошлого века и бывшей Югославии. Дело в том, что в последних ситуациях отсылка к времени говорящего гораздо более вероятна: оно задается в качестве точки отсчета в словосочетаниях *že v prejšnjem stoletju* и *že pred stotimi leti*, равно как и в *že v nekdanji Jugoslaviji*, подразумевающим, что на смену данному государству пришли другие. Ориентация на текущий момент очевидна, например, в следующем контексте:

(29) *Še v prejšnjem stoletju je bilo puščanje »slabe« krvi iz telesa zelo pogost način zdravljenja, pa čeprav je George Washington zaradi tega umrl (Еще в прошлом веке выпускание «плохой» крови из организма было весьма распространенным способом лечения, хотя из-за него умер Джордж Вашингтон). Ivan Burnell. Moč pozitivnega delovanja.*

Существуют ли подобные высказывания, в рамках которых употребление *уже* в русском переводе в принципе невозможно? Мы проанализировали использование словосочетания *že v srednjem veku* в корпусных текстах и обнаружили следующие примеры:

(30) Irski jelen, ki je izumrl *že* v srednjem veku, se je lahko pohvalil z velikanskimi rogovi (Ирландский олень, вымерший *еще* в Средневековье, мог похвастаться гигантскими рогами). *Nedeljski dnevnik*, 2009.

(31) [...]Šesto let je stal ob cerkvi benediktinski samostan, ki je *že* v srednjem veku propadel brez sledi ([...]Рядом с церковью шестьсот лет стоял монастырь бенедиктинцев, бесследно исчезнувший *еще* в Средневековье). *Delo*, 2007.

(32) Verjetno le elektrika in ostanki sovjetske agitatorske umetnosti določajo, v katero časovno obdobje sodijo naselja; če odmislimo to, se zdi, kakor da se je čas v stepi ustavil *že* v srednjem veku (Наверное, лишь электричество и остатки советского агитационного искусства свидетельствуют о том, к какой эпохе относятся поселения; иначе кажется, будто время в степи остановилось *еще* в Средневековье). *Mladina*, 2003.

В контекстах (30)–(32) связи со «временем говорящего» быть не может, поскольку описываются события, которые окончательно завершились или могли завершиться очень давно, и замена в переводе русского *еще* на *уже* лишает высказывание смысла. Таким образом, мы можем утверждать, что для словенского языка весьма характерна трактовка события как локализованного на временной оси, на которой время говорящего представляет собой лишь одну из точек, но не является основной «призмой», сквозь которую происходит наблюдение за событием («сюжетное время» в терминологии А. Мустайоки, см. выше).

Следует упомянуть еще один темпоральный аспект употребления словенской частицы *že* и русской *уже*. Как пишут А. Мустайоки (Мустайоки 1988: 125–130) и И. М. Богуславский (Богуславский 1996: 248–252), русская частица *уже* может выступать как квазисиноним частицы *только* ‘не раньше / не позже, чем’⁴. Приведем примеры:

4 В частности, в немецком и финском языках перед лексемами со значением ‘после, потом, затем’ употребляется исключительно лексема со значением ‘только’, но не ‘уже’.

(33) Настя приехала *уже* после похорон.

(34) Настя приехала *только* после похорон.

Для словенского языка, судя по корпусным данным, использование *že* в контекстах, подобных (33)–(34), нехарактерно: например, словосочетание *že potem* имеет 147 вхождений в корпус «Gigafida», большая часть которых относится к употреблению *potem* в значении ‘следовательно, в таком случае’. Вместо *že* в данных контекстах, как правило, фигурирует особая частица *šele*, указывающая на ограничение действия во времени, противопоставленная лексемам *le* и *samo*, которые имеют модальные функции. Таким образом, примеры (33) и (34) следует перевести на словенский язык как:

(35) *Nastja je prišla šele po pogrebu.*

См. также примеры (36), (37):

(36) *Po jedi si izperemo prste v skodelici s toplo vodo in koščkom limone, šele potem jih obrišemo s prtičkom* (После еды мы моем пальцы в чашке с теплой водой и кусочком лимона и *лишь* потом вытираем их салфеткой). *Ana Nuša Kneževič. Se znamo obnašati?*

(37) *Kot pravijo strokovnjaki, so se spremembe v naši družbi zgodile šele po prvi svetovni vojni* (Как утверждают эксперты, изменения в нашем обществе произошли *уже* после Первой мировой войны). *Dnevnik, 1997.*

Примеры употребления *še* и *že* и *еще* и *уже* в темпоральном значении мы сравнили в следующей таблице:

Таблица 1

	Русский язык	Словенский язык
Каноническая конструкция № 1	Лука <i>еще</i> не ходит в школу — Лука <i>уже</i> ходит в школу.	Luka <i>še</i> ne hodi v šolo — Luka <i>že</i> hodi v šolo.
Каноническая конструкция № 2	Мария <i>еще</i> живет в Любляне — Мария <i>уже</i> не живет в Любляне.	Marija <i>še</i> živi v Ljubljani — Marija <i>ne</i> živi več v Ljubljani.

Сочетание с темпоральным наречием (событие продолжает иметь место)	Я <i>и сегодня</i> не знаю, почему после этого случая я долгие месяцы молчала о боли и думала, что будет лучше.	<i>Še danes</i> ne vem, zakaj sem po tem dogodku dolge mesece o bolečini molčala in si pri sebi mislila – bo bolje.
Сочетание с обстоятельством времени	Высококласные спортсмены были <i>еще</i> во времена бывшей Югославии / Высококласные спортсмены были <i>уже</i> во времена бывшей Югославии (менее характерно).	Odlični športniki so bili <i>že</i> v nekdanji Jugoslaviji / Odlični športniki so bili <i>še</i> v nekdanji Jugoslaviji (менее характерно).
Сочетание с обстоятельством времени (давно завершившееся событие)	Ирландский олень, вымерший <i>еще</i> в Средневековье, мог похвастаться гигантскими рогами.	Irski jelen, ki je izumrl <i>že</i> v srednjem veku, se je lahko pohvalil z velikanskimi rogovi / Irski jelen, ki je izumrl <i>še</i> v srednjem veku, se je lahko pohvalil z velikanskimi rogovi (менее характерно).
‘Не раньше, не позже, чем’ + обстоятельство времени	Настя приехала <i>уже</i> после похорон / Настя приехала <i>только</i> после похорон.	Nastja je prišla <i>še</i> le po pogrebu.

2. Нетемпоральные контексты употребления словен. *še* и их русские эквиваленты

Частица *še* обнаруживает сходства с русской *еще* не только в темпоральной, но и в следующих функциях (SSKJ-2; SSČ)⁵:

1) аддитивность:

(38) Ni nama preostalo drugega, kot da izbereva postrv. Naročila sva *še* krompirček in solato (Нам ничего не оставалось, кроме как выбрать форель. Мы заказали *еще* картошечку и салат). *Интернет*, 2017;

⁵ Здесь и далее при анализе функций частиц *še* и *že* мы опираемся на лексикографический материал, на который ссылаемся выше (SSKJ-2; SSČ). В то же время отдельные формулировки были нами изменены или дополнены.

2) маркирование повторяемости одного и того же события или действия (частица используется при глагольной форме)

(39) *Z njim moram še govoriti* (С ним я должен *еще* (раз) поговорить). *Интернет, 2016*;

3) интенсификация признака (частица используется при сравнительной степени прилагательного):

(40) *Goriška Brda so postala še lepša* (Регион Горишка Брда стал *еще* красивее). *Интернет, 2018*.

Однако лексема *še* имеет более широкий спектр усилительных значений, чем *еще*. Во многих контекстах употребления она соотносится с русскими частицами *даже*, *еще* *и*, *и*:

4) усиление непредвиденной реакции, указание на разрешение ситуации:

(41) *Še vesela bom, če se je bom znebila* (Я *даже* рада буду от нее избавиться). *Vitan Mal. Na ranči veranda*;

5) интенсификация, как правило, неблагоприятного развития событий (частица используется при глагольной форме):

(42) *Najprej se je v slovenskih gorah izgubil, nato pa še padel* (Сначала он потерялся в словенских горах, а потом *еще* и упал). *Интернет, 2010*;

6) расширение существующих границ:

(43) *Še odraslim se zdijo te vrste reklam privlačne* (*Даже* взрослым такие виды рекламы кажутся привлекательными). *Mladina, 1995*;

7) маркирование полного несоответствия количеству или норме (обычно частица употребляется с отрицательной формой глагола):

(44) *Od česa pa naj bi živeli, saj še za hrano nimamo?* (На что же нам жить, если у нас *и* на еду-то денег нет?). *Nedeljski dnevnik, 2002*;

Богатый интенсифицирующий потенциал данной лексемы виден и при анализе составных частиц и наречий, включающих компонент *še*, например:

pa še kaj! ‘еще чего! еще бы!’:

(45) V starih časih Gabru ne bi bilo treba tako senzacionalno odstopiti. *Pa še kaj!* Objavili bi čisto kratko novičko, da je odšel na novo dolžnost (В прежние времена Габеру не пришлось бы так внезапно уходить в отставку. *Еще чего!* Опубликовали бы коротенькую заметку о том, что он перешел на новый пост). *Dnevnik*, 1999.

še kako ‘еще как, как нельзя’:

(46) Točka ali celo dve nam bi prišli *še kako* prav (Один-два балла оказались бы для нас *как нельзя* кстати). *Dnevnik*, 2008.

še posebej (še zlasti) ‘в особенности, особенно’:

(47) V ajurvedski kuhinji so začimbe *še posebej* pomembne (В аюрведической кухне *особенно* важны пряности). *Интернет*, 2015.

še več ‘более того, мало того’:

(48) Ne strinjam se z njim, *še več*, preziram ga (Я с ним не согласен, *более того*, я его презираю) (SSKJ-2).

Отметим, что подобного рода составные частицы актуализируют не только усилительную функцию *še*: например, частица *še kar* вносит в высказывание дополнительное значение «допущение в рамках нормы»: в данном случае компонент *še* является ключевым для понимания данной единицы в целом с учетом весьма разнообразных функций *kar*:

še kar ‘вполне, нормально’:

(49) Je zadovoljna sama s sabo, s svojim življenjem? Ja, *še kar* (Она довольна сама собой, своей жизнью? Да, *вполне*). *Obrazi*, 2006.

Пример (49) представляет собой, пожалуй, единственный случай сходства нетемпоральной семантики *še* и *že*, поскольку значение

допущения или уступки свойственно также частице *že*, см. раздел 3, пример (56). Однако и здесь прослеживаются определенные аналогии с дифференциацией темпоральных контекстов употребления частиц: *še* в составе *še kar* (49) маркирует незавершенность ситуации (сейчас она довольна, но в будущем, вероятно, захочет перемен), *že* в (56) указывает на примирение с положением дел (вопрос закрыт, следовательно, вновь возникает ориентация на прошлое).

3. Нетемпоральные контексты употребления *že*

Частица *že* соотносится с русской *уже* не только в вышеупомянутых темпоральных контекстах, но и как интенсифицирующая частица. Как усилительные можно рассматривать следующие функции частицы *že*:

1) выделение:

(50) *Že sama ideja, da bi lahko v slovenskem parlamentu sedel ta poslanec, je Zagrebu gotovo neprijetna* (Загребу наверняка неприятна *уже* сама идея о том, что в словенском парламенте может сидеть этот депутат). *Mladina, 2004.*

Интенсифицирующая семантика может выражаться также при введении оппозиции *že... kaj šele* (переход от выделения к противопоставлению). В таком случае функция *že* сходна с функцией русских частиц *даже, и*:

2) противопоставление с усилением:

(51) *Očitno jim dela težave že matematika, kaj šele izdelava progajuna* (Очевидно, у них *и* с математикой проблемы, что уж говорить о составлении бюджета). *Интернет, 2010.*

(52) *Ta luknja je bila za nas otroke strašljiva že podnevi, kaj šele ponoči* (Нас, детей, эта яма пугала *даже* днем, а ночью — тем более). *Kmečki glas, 2000.*

Наряду с этим частица *že* вносит в высказывание усилительные оттенки значений, совпадающие с теми, которые выражаются при помощи русской лексемы *уж*. Последняя представляет собой отдельную частицу, а не разговорный вариант *уже*, «правда, со схожей семантикой и схожей структурой полисемии» (Урысон 2007: 541), поскольку в определенных контекстах эти лексемы взаимозаменяемы: «Дом наш

уже сгнил» — «Дом наш уж сгнил». Рассмотрим модальные оттенки *že*, соотносимые со значениями, которые выражаются при помощи лексемы *уж* (как видно из примеров (56), (57), при маркировании уступки или отказа возможно ее сочетание с отрицательной формой глагола, что несвойственно этой лексеме в темпоральном значении):

3) допущение при соблюдении минимальных условий:

(53) *Starejši otroci bodo že utegnili kaj prebrati* (Дети постарше *уж* смогут что-то прочитать). *Ciciban za starše, 2000.*

4) готовность, примирение:

(54) *Sam bom že preživel, dobro vem, kaj in kako je bilo* (Сам-то я *уж* выживу: я хорошо знаю, что и как было). *Nedeljski dnevnik, 2002.*

5) побуждение (*že* при форме императива):

(55) *Pojdi že, saj veš, da te čaka* (Иди *уж*: знаешь же, что тебя ждут). *Naša žena, 2006.*

6) (нежелательное) допущение, уступка (в условных придаточных):

(56) *Če že ne moremo biti z mladimi fanti zmagovalci Lige prvakov, sem pa prepričan, da smo lahko najboljša rokometna akademija v Evropi* (Если *уж* мы с молодыми ребятами не можем стать победителями «Лиги чемпионов», я уверен, что мы можем быть лучшей гандбольной академией в Европе). *Интернет, 2017.*

7) отказ, отрицание (*že* при отрицательной форме глагола):

(57) *Jaz tega že nisem naredil* (*Уж* этого я не делал). *Интернет, 2008.*

8) угроза (*že* с формой будущего времени глагола):

(58) *Te bom že naučil, kako se govori s starejšimi!* (Я *уж* тебя научу, как разговаривать со старшими!) *Alan Ford, 1999.*

По словам Е. В. Урысон, основное отличие *уж* от *уже* заключается в том, что происходит имплицитное противопоставление не двух следующих друг за другом событий, а ожидаемого и реальности

(Урысон 2007: 534). Действительно, при глубинном анализе всех вышеперечисленных функций выясняется, что такого рода оппозиция прослеживается везде. Кроме того, в примерах (53), (55), (57), (58) присутствует определенный, где-то менее, где-то более явный оттенок значения, связанный с выражением некоторого недовольства. Тем не менее достаточно частотны примеры с *že* (особенно в значении примирения или уступки), где мы обнаруживаем смягчение, а не недовольство, что ставит под сомнение возможность их перевода с помощью *уж*. Как правило, данные контексты содержат форму будущего времени глагола:

(59) *Tanja se je sprijaznila, da bo v kampanji naše zasebno življenje predmet javnih vprašanj. Pa sva si rekla, da bova že pojasnila, da živiva tako, kot hočeva, in to pustiva tudi drugim* (Таня смирилась с тем, что во время кампании наша личная жизнь станет публично обсуждаться. Но мы договорились, что дадим понять: мы живем так, как хотим, оставляя и другим это право). *Интернет, 2010* (пойдем на уступку, поскольку это часть нашей профессиональной деятельности).

(60) *Ni problema, bom že našla koga, ki bo šel namesto tebe* (Без проблем, я найду человека, который пойдет вместо тебя). *Lisa, 2005* (легкое примирение с ситуацией, умение найти быстрый выход).

(61) *»Ah, če boste hoteli, vam bo že uspelo,« sem bila namenoma optimistična* («Ах, если вы захотите, у вас получится», — я намеренно сохраняла оптимизм). *Bianta Minte-König. Preskus ljubezni* (соблюдение лишь одного условия приводит к успеху).

Частица *že*, семантически маркирующая окончание ситуации, в сочетании с формой будущего времени глагола как будто подчеркивает, что обеспечена гарантия ее благополучного разрешения несмотря на препятствия.

Компонент *že* входит также в состав нескольких частиц, которые не соответствуют *уже* или *уж* в русском языке:

že v redu / že dobro ‘в порядке, нормально’. Данная частица также входит в состав устойчивого выражения «*Je že v redu*» (Сдачи не надо).

(62) — *Oprosti... — Je že dobro ... Kar govori* (— Прости... — Все в порядке. Говори). *Интернет, 2014*.

(63) *Urbana je že v redu toda vedno pa ne moreš do nje ali pa jo pozabiš* (Хорошо, что есть карточка «Урбана», однако ее вечно не можешь достать или забываешь). *Интернет, 2010*.

že res ‘(ведь) действительно, (ведь) правда’:

(64) *Je že res, da vedno ne moremo pisati le lepega, dobrih novic* (Мы *ведь действительно* не можем всё время писать лишь о прекрасном, о хороших новостях). *Novice, 2007.*

Кроме того, данная частица может выражать другое значение — ‘уж точно, и вправду’, см. (65):

(65) *Če ona tako reče, potem je že res!* (Если она так говорит, значит это *и вправду* так!) *Lea, 2007.*

že / že že (ближе к междометию) ‘да-да, так-то оно так’:

(66) — *Videl si ga lani. — Že že, toda ne spomnim se vseh detajlov* (— Ты с ним встречался в прошлом году. — *Да-да*, однако всех подробностей не припомню). *Интернет, 2011.*

Все приведенные высказывания, кроме (65), где представлено второе значение *že res*, содержат семантический оттенок уступки: скажем, если рассмотреть первый пример, то подразумевается следующая ситуация: ты меня перебил, но я уступаю тебе право говорить, я примиряюсь с этим ходом событий, так как для меня оно в порядке вещей. Компонент *že* в данных составных единицах, как и в примерах (59)–(61), употребляется не для усиления, а напротив, для смягчения резких суждений или негативной реакции. Что касается второго значения *že res* — ‘уж точно, и вправду’ (65), то, на наш взгляд, трактовка здесь имеет отношение к оппозиции «ожидание — реальность»: его можно трактовать как указание на несоответствие результата ожиданию, см. пример (65): нам бы хотелось владеть всей информацией, но реальность такова, что у нас есть лишь намеки на нее, однако эти намеки достаточно достоверны. Неслучайно в одном из русских вариантов перевода данной частицы присутствует компонент *уж*.

Таким образом, в словенском языке, в отличие от русского, не произошло разделения на две частицы *уже* и *уж*, обладающие различными функциями. К этому имеет отношение один любопытный факт: у словенской частицы *že* не встречается контекстов, аналогичных русским: «*Уж* очень здесь грязно», — возможно, отчасти по причине возникновения интерференции у нее нетемпоральной функции

с темпоральной. Частица *že* совмещает функции лексем *уже* и *уж*, кроме того, при реализации в высказывании значения примирения или уступки она, в отличие от *уж*, может смягчать негативный смысл.

4. Заключение

Итак, темпоральные функции словенских частиц *še* и *že* обнаруживают сходства, однако в нетемпоральных контекстах функции этих частиц сильно различаются. В модальном аспекте данные частицы объединяет только то, что они вносят в предложение значение допущения или уступки.

Различия между словенскими лексемами *še* и *že* и русскими *еще* и *уже* проявляются как в темпоральном, так и в иных семантических аспектах. Темпоральные различия заключаются в невозможности частицы *že* употребляться с отрицательными глагольными формами, а также в специфике сочетания ее с обстоятельствами времени. При использовании словенских частиц *še* и *že* характерна трактовка события как локализованного на временной оси и отсутствие связи с «временем говорящего». В целом же *še* и *že* обладают более широким набором функций, нежели их русские соответствия: *še* отличается бóльшим потенциалом как интенсифицирующая частица, *že* выступает в качестве аналога частиц *уже* и *уж*, однако, в отличие от *уж*, не всегда вносит оттенок недовольства и, напротив, может смягчать негативный смысл.

Литература

Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: ВИНТИ РАН, 1986. С. 5–32.

Бабайцева 2000 — *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996. 466 с.

Моисеев 1978 — *Моисеев А.* Частицы *уже* и *еще* в современном русском языке // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1978. Roczn. 27. № 3. С. 357–360.

Мустайоки 1988 — *Мустайоки А.* О семантике русского темпорального «ЕЩЕ» // Доклады финской делегации на X съезде славистов / под ред. А. Мустайоки и др. София, 1988. (*Studia Slavica Finlandensia*, t. 5). С. 99–141.

Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.

Остроумов 1954 — Остроумов А. А. Наречие *еще* и его безударный двойник // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Вып. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 67–73.

Перцов 2002 — Перцов Н. В. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *еще* // Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 137–144.

Труб 2003 — Труб В. М. О специфике семантической интерпретации предложений с заполненными темпоральными валентностями частиц *еще* и *уже* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии = Computational linguistics and intellectual technologies. Труды международной конференции «Диалог 2003» (Москва — Протвино, 11–16 июня 2003 г.) / [отв. ред.: И. М. Кобозева и др.]. М.: Наука, 2003. С. 673–680.

Урысон 2007 — Урысон Е. В. *Уже* и *уж*: вариативность, полисемия, омонимия? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня, 2007) / под ред. Л. Л. Иомдина [и др.]. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 531–541.

Gigafida — Gigafida 2.0. Korpus pisne standardne slovensščine. Режим доступа: <https://viri.cjvt.si/gigafida/> (дата обращения: 27.09.2019).

Krvina, Žele 2018 — Krvina D., Žele A. O členkih, zlasti o njihovih razločevalnih lastnostih: poudarjen slovarski vidik // Jezik in slovstvo. Ljubljana, 2018. Letn. 63, št. 1. S. 39–64.

Smolej 2004 — Smolej M. Členki kot besedilni povezovalci // Jezik in slovstvo. Ljubljana, sep.–okt. 2004. Letn. 49, št. 5. S. 45–57.

Smolej 2015 — Smolej M. Particle clauses // Slovenski jezik — Slovene linguistic studies. [T.] 10. Ljubljana etc., 2015. S. 127–137.

SSČ — Žele A. Slovar slovenskih členkov. Ljubljana: Založba ZRC, 2014. 76 s.

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska objava. Режим доступа: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html> (дата обращения: 27.09.2019).

SSKJ-2 — Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Elektronska objava. Режим доступа: <https://fran.si> (дата обращения: 27.09.2019).

Šekli 2017 — Šekli M. Členek med prislovom in veznikom: (na gradivu jezika Brižinskih spomenikov) // Jezikoslovni zapiski. Ljubljana: Založba ZRC, 2017. [Letn.] 23, št. 2: Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine. S. 301–318.

Toporišič 1974 — *Toporišič J. Kratko oblikoslovje slovenskega knjižnega jezika* // Seminar slovenskega jezika, literature in kulture: informativni zbornik. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1974. S. 29–50.

Toporišič 1991 — *Toporišič J. Členki in njihovi stavčni ustrezniki* // XXVII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1991. S. 3–16.

Uhlik 2018 — *Uhlik M. O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi* // Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede. Ljubljana, 2018. Letn. 66, št. 4. S. 403–419.

Uhlik, Žele 2018 — *Uhlik M., Žele A. Da-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке* // Вопросы языкознания. М., 2018. № 5. С. 87–113.

References

Apresian, Yu. D. “Deĭksis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira.” *Semiotika i informatika*, vyp. 28, Moscow: Institute for Scientific and Technical Information, Russian Academy of Sciences, 1986, s. 5–32.

Babaytseva, V. V. *Iavlennia perekhodnosti v grammatike russkogo iazyka*. Moscow: Drofa, 2000, 640 s.

Boguslavsky, I. M. *Sfera deĭstviia leksicheskikh edinits*. Moscow: Iazyki russkoĭ kul'tury [LRC Publishing House], 1996, 466 s.

Gigafida 2.0. Korpus pisne standardne slovenščine. <https://viri.cjvt.si/gigafida/>. Accessed 27 Sept. 2019.

Krvina, D., Žele, A. “O členkih, zlasti o njihovih razločevalnih lastnostih: poudarjen slovarski vidik.” *Jezik in slovstvo*, letn. 63, št. 1, Ljubljana, 2018, s. 39–64.

Moiseev, A. “Chastitsy uzhe i eshche v sovremennom russkom iazyke.” *Slavia orientalis*, roc. 27, no. 3, Warszawa, 1978, s. 357–360.

Mustajoki, A. “O semantike russkogo temporal'nogo eue (eshchë).” *Doklady finskoĭ delegatsii na X s'ezde slavistov*, ed. by A. Mustajoki et al. Sofia, 1988, (Studia Slavica Finlandensia, t. 5), s. 99–141.

Nikolaeva, T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavianskikh iazykov)*. Moscow: Nauka, 1985, 170 s.

Ostroumov, A. A. “Narechie eshche i ego bezudarnyi dvoĭnik.” *Doklady i soobshcheniia Instituta iazykoznanii AN SSSR*, vyp. 6, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954, s. 67–73.

Pertsov, N. V. “O vozmozhnom semanticheskom invariance russkikh frazovykh chastits uzhe i eshchë.” *Semantika nachala i kontsa*, ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Indrik, 2002, s. 137–144.

Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska objava, <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>. Accessed 27 Sept. 2019.

Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Elektronska objava, <https://fran.si>. Accessed 27 Sept. 2019.

Šekli, M. "Členek med prislovom in veznikom: (na gradivu jezika Brižinskih spomenikov)." *Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine. Jezikoslovni zapiski*, [letn.] 23, št. 2, Ljubljana: Založba ZRC, 2017, s. 301–318.

Smolej, M. "Členki kot besedilni povezovalci." *Jezik in slovstvo*, letn. 49, št. 5, Ljubljana, sep.-okt. 2004, s. 45–57.

Smolej, M. "Particle clauses." *Slovenski jezik — Slovene linguistic studies*, [vol.] 10, Ljubljana etc., 2015, s. 127–137.

Toporišič, J. "Kratko oblikoslovje slovenskega knjižnega jezika." *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture: informativni zbornik*, Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1974, s. 29–50.

Toporišič, J. "Členki in njihovi stavčni ustrezniki." *XXVII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1991, s. 3–16.

Trub, V. M. "O spetsifike semanticheskoi interpretatsii predlozhenii s zapolnennymi temporal'nymi valentnostiami chastits *eshche* i *uzhe*." *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii = Computational linguistics and intellectual technologies. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2003» (Moskva — Protvino, 11–16 iunija 2003 g.)*, ed. by I. M. Kobozeva et al., Moscow: Nauka, 2003, s. 673–680.

Uhlik, M. "O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi." *Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede*, letn. 66, št. 4, Ljubljana, 2018, s. 403–419.

Uhlik, M., Žele, A. "Da-predlozheniia pri glagolakh zhelaniia i pobuzhdeniia v slovenskom iazyke." *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, no. 5, Moscow, 2018, s. 87–113.

Uryson, E. V. "*Uzhe* i *uzh*: variativnost', polisemiia, omonimiia?" *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007» (Bekasovo, 30 maia — 3 iunija, 2007)*, ed. by L. L. Iomdin et al. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007, s. 531–541.

Žele, A. *Slovar slovenskih členkov*. Ljubljana: Založba ZRC, 2014, 76 s.

Maria L. Kuleshova
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A comparative analysis of the Slovenian particles *še* and *že* against the background of the Russian language

The article compares the Slovenian particles *še* and *že* mainly with the Russian particles *еще* and *уже*. Unlike the Russian particle *уже*, the Slovenian particle *že* cannot be combined with the negative form of the verb: instead of it, the adverb *več* is used in such contexts. The most subtle differences between the Slovenian and Russian languages are found in the combinations of *še* and *že* with temporal modifiers, where the so-called “plot time” is characteristic of the Slovenian language. The event is interpreted as localized on the time axis, not from the perspective of the «speaker’s time», which is manifested in the possibility of using *že* in such contexts as *umrl je že v devetnajstem stoletju* (he died in the nineteenth century already). Moreover, *že* is not able to express the meaning ‘no earlier / no later than’, because the particle *še* replaces it in this function. The author comes to the conclusion that Slovenian particles are more widely used as modal than their Russian equivalents. The particle *še* has numerous intensifying functions, correlating with the functions of Russian particles *даже*, *еще* *и*, *и*. The particle *že* can be used in the same way as two Russian words *уже* and *уж*. In contrast to *уж*, *že* does not always express displeasure and can add the meaning of a concession to the statement.

Keywords: Slovenian language, Russian language, lexical semantics, particles, modality.

Культурно-этническое двуязычие на Украине как результат длительного контактирования украинского и русского языков

В статье рассматриваются особенности функционирования русского и украинского языков в современном украинском обществе. В настоящее время на Украине сложилась интересная с точки зрения лингвистики и социолингвистики ситуация. Считается, что характерной особенностью украинской языковой ситуации является массовое двуязычие. Практически все граждане страны являются билингвами, а значит, в той или иной степени владеют не только украинским и русским языками, но также органично воспринимают социокультурную самобытность как украинского, так и русскоязычного мира. Это становится возможным благодаря общению с близкими и друзьями и обращению к таким источникам информации и культурного контента, как книги, газеты, журналы, радио и телевидение. Долгое время преобладающим языком всех видов средств массовой информации и книгоиздания на Украине был русский. Однако языковая ситуация в стране постепенно меняется: одним из основных направлений современной государственной политики является установка на формирование украинского одноязычия. В статье представлены факты, демонстрирующие то, как двуязычность украинского общества соотносится с выбором того или иного языка в таких сферах, как печатные СМИ, радио, телевидение, книгоиздание и Интернет.

Ключевые слова: *украинский язык, русско-украинское двуязычие, язык СМИ, язык в Интернете, выбор языка.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.2.03

В современном мире осталось очень мало народов, живущих изолированно. Свободное взаимодействие между представителями различных этносов является важным элементом социокультурного, политического, экономического развития любого этноса, что, разумеется, влечет за собой необходимость решения проблемы, связанной с потребностью взаимопонимания. Эта потребность является естественной и требует от контактирующих либо использования какого-либо

третьего языка-посредника, понятного всем членам коммуникации, либо освоения родного языка собеседника. В обоих случаях речь идет о формировании двуязычия.

Несмотря на пристальное внимание лингвистов к билингвизму и признание этого явления весьма распространенным в современном мире, существуют ученые, «рассматривающие одноязычие как правило, а многоязычие — как нечто исключительное» (Вайнрайх 1972: 26). Сегодня же не оставляет сомнений тот факт, что билингвизм был обычным явлением для многих государственных образований и сейчас является неотъемлемым признаком многих языковых сообществ. В связи с различными подходами к анализу билингвизма формируются и разные принципы выделения его видов для каждого двуязычного сообщества. Исследователи пользуются различными критериями для их описания и систематизации двуязычия: учитываются социальные, культурно-исторические, психологические, лингвистические факторы, влияющие на распространение и характер конкретной языковой ситуации.

В представленной статье предлагается взглянуть на специфику украинско-русского двуязычия, рассмотрев причины его возникновения и характерные особенности современной языковой ситуации. Прежде чем углубляться в данную тематику, необходимо уделить внимание такой важной проблеме, как определение критериев билингвизма, до сих пор вызывающей споры среди ученых. Понятие «билингвизм» принято рассматривать в широком и в узком смысле. Широкое понимание этого явления мы встречаем, к примеру, еще в работах Г. Пауля, немецкого лингвиста рубежа XIX–XX вв., который считал двуязычием любое влияние чужого языка, независимо от его проявления, будь то просто контакт между языками или же реальное владение двумя языками (Paul 1920: 391). Такое же широкое толкование этого понятия встречается у чешского филолога-слависта Б. Гавранека. Ученый не дает точного определения данного понятия, он рассматривает это явление как «особый случай языкового контакта» и уточняет, что использование этого термина уместно только в ситуации коллективного двуязычия, при котором в одном языковом коллективе используются две разные грамматические системы и два разных словаря (Гавранек 1972: 96). Подобная точка зрения развивалась в работах лингвистов, исследовавших это языковое явление во второй половине XX в. К примеру, К. Х. Ханазаров, занимавшийся проблематикой двуязычия в советских республиках, писал, что о наличии двуязычия можно говорить «там, где люди владеют вторым

языком в степени, достаточной для общения и обмена мыслями с носителями второго языка» (Ханазаров 1972: 123). При этом он отмечал, что знание двух языков может быть неодинаковым по глубине, богатству и совершенству, главное, чтобы при языковом контакте говорящие понимали друг друга. Схожее мнение высказывает в своих работах и А. П. Майоров: «Отличительной чертой языковой ситуации в современном обществе является групповой и массовый билингвизм: иностранные языки преподаются в школах и вузах, многие языки служат средством межнационального и международного общения, для многих билингвизм является атрибутом профессиональной подготовки (переводчики, дипломаты и т. д.)» (Майоров 1998: 5). Если опираться на эту точку зрения, билингвами можно считать большую часть населения планеты, включая тех, кто изучал иностранный язык в школе и обладает крайне ограниченными навыками общения на втором языке.

Противоположное мнение относительно того, кто может считаться билингвом, высказывают такие лингвисты, как В. А. Аврорин, Л. Блумфилд, М. Сигуан и У. Макки. Эти ученые предлагают рассматривать как ситуацию двуязычия только те случаи билингвизма, при которых индивид владеет двумя или более языками в равной степени, на уровне родного. Так, В. А. Аврорин утверждает, что «двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка вплотную приближается к степени знания первого» (Аврорин 1972: 50). Однако подобный подход к двуязычию значительно сужает рамки изучения билингвизма, поскольку в таком случае к числу билингвов можно отнести лишь некоторых индивидов из числа преподавателей иностранных языков, дипломатов и переводчиков. Известным же фактом является то, что говорить и мыслить одинаково свободно на родном и выученном языке может лишь незначительный процент людей, поэтому нам кажется, что подобный вид двуязычия может скорее существовать в теории, нежели в реальной жизни. В то же время именно такая точка зрения на двуязычие доминировала в советском языкознании. Теоретические работы, появившиеся в период с 1950-х по 1980-е гг., подчинялись жестким априорным схемам, которые зачастую не соответствовали реальному положению дел, поскольку нередко использовались для обоснования проводившейся в то время языковой политики. Поэтому дефиниции двуязычия в работах советских социолингвистов мало чем отличались от процитированного выше определения В. А. Аврорина. Так, к примеру, Ю. Д. Дешериев, определяя двуязычие как «свободное владение или просто

владение двумя языками» (Дешериев 1976а: 22), отмечает, что подобная точка зрения встречается также в работах других исследователей того времени, таких как Т. А. Бертагаев, К. М. Мусаев, С. М. Оненко (Дешериев 1976б: 10–11).

В современной лингвистике отношение к двуязычию кардинально изменилось, значительно расширился круг тем в исследовании этого явления: от проблем теоретических ученые перешли к его практическому рассмотрению с привлечением большого объема языкового материала. Неудивительно, что в настоящее время понимание билингвизма как редкого явления постепенно отмирает. Анализ типических языковых ситуаций свидетельствует о том, что билингвизм присутствует почти в любой стране мира, во всех социальных и возрастных группах; считается, что половина населения мира двуязычна (Grosjean 2001: 10). Но если в одних языковых сообществах дву- или даже многоязычие не вызывает никаких разногласий и проблем, то в других сообществах языковой вопрос порождает жаркие дискуссии и ожесточенные споры.

Сосуществование украинского и русского языков всегда вызывало острую полемику как в лингвистических, так и в социально-политических кругах украинского общества. В настоящее время не утихают споры относительно статуса русского языка на Украине, необходимости его изучения и в целом использования в различных сферах общественной жизни страны. Звучат голоса как в поддержку сохранения существующего русско-украинского двуязычия, так и призывающие к тому, чтобы украинский язык был единственным государственным языком и предпочтительным языком общения. Поэтому уже многие годы изучение и решение проблем, связанных с русско-украинским двуязычием, не теряет своей актуальности.

В зависимости от причин, приведших к сосуществованию двух языков в одном социуме, исследователи различают этническое и культурное двуязычие. *Этнический* билингвизм связан с совместным проживанием двух этносов в одной стране, городе или на пограничье двух соседних государств. В условиях этнического двуязычия билингвы внутри своих этнических групп общаются на своем родном языке, а при межэтническом контакте один из собеседников переходит на второй язык социума, неродной для него. *Культурное* (его еще называют *функциональным*) двуязычие обусловлено причинами социального и культурного характера. При культурном билингвизме представители одного народа могут общаться между собой как на родном языке, так и на втором языке социума, который является неродным для обоих

собеседников и используется в специальной функции или особых ситуациях общения. В этом случае за языками закреплены определенные сферы употребления: родной язык используется в повседневном общении, а также в некоторых жанрах письменности; неродной язык имеет более высокий статус и используется, например, в сфере образования и в высоких литературных жанрах. Примером культурного двуязычия (и даже многоязычия) могут служить языковые ситуации в некоторых странах африканского континента, в бывших британских и французских колониях, в которых наряду с арабским и/или другими местными языками распространены языки бывших колонизаторов.

Наряду с этническим и культурным двуязычием белорусский лингвист Н. Б. Мечковская выделяет еще смешанный тип — *культурно-этнический*, который характерен, например, для языковой ситуации в Республике Беларусь (Мечковская 2004: 192). Русский язык в Белоруссии используется в качестве основного не только русскими, но и представителями других этносов (белорусами, поляками, евреями и др.), проживающими на данной территории. Подобная ситуация характерна также и для украинско-русского двуязычия, которое формировалось на протяжении долгого времени и имеет определенные культурно-исторические причины.

Большинство ученых полагает, что становление украинско-русского двуязычия связано с вхождением восточных земель Украины в состав Российской империи в XVII в.¹ Продолжительное взаимодействие культур, активные политические и экономические отношения способствовали постоянному контактированию украинского и русского языков. В то время, когда большая часть населения, проживающая на территории Левобережной Украины, входившей в состав Российской империи, использовала в общении украинские говоры, военные, чиновники и другие представители образованного населения либо были русскоязычными, либо их речь подвергалась интенсивному процессу русификации и они были вынуждены осваивать новый языковой код, чтобы не быть исключенными из общественной жизни страны. В результате жесткой языковой политики сначала Российской империи, а потом Советского Союза, способствовавшей развитию национально-русского двуязычия², функционирование украинского языка долгое

1 Об этом пишут, например, Ю. Шевелёв (Шевельев 1998), Л. Масенко (Масенко 2008).

2 О том, как рассматривали национально-русское двуязычие в советской лингвистике, см., например, (Грамматическая интерференция 1990).

время было ограничено его разговорно-обиходным использованием³, тогда как русский язык на Украине имел высокий престиж и выполнял функции официального языка.

В настоящее время наблюдается обратная тенденция. Одним из основных направлений современной государственной политики в стране является установка на формирование украинского одноязычия. Язык титульной нации внедряется во все сферы общественной жизни, тогда как русский язык теряет свой высокий социальный статус и постепенно становится языком межличностного, неформального общения, но полностью свои позиции пока не сдает. Такая ситуация естественна, учитывая этнический состав населения страны. В определенной степени это подтверждается и статистическими данными, полученными в результате последней переписи населения (2001 г.): доля этнических русских на Украине на тот период составляла 17,3%, этнических украинцев — 77,8%⁴; около трети населения (29,6%) отметило русский язык как свой родной (67,5% населения Украины указало в качестве родного языка украинский). Несмотря на явное преобладание украиноязычного населения, русский язык до сих пор является основным языком общения для большей части населения (т. е. даже в тех случаях, когда он не является родным) — согласно данным исследования языкового поведения населения Украины КМИС⁵, 68% населения страны владеют русским языком свободно и предпочитают его использовать в повседневной жизни. Чуть меньший процент (57%) владеет свободно украинским языком, но про предпочтение в использовании именно украинского языка в повседневном общении в исследовании ничего не говорится (Хмелько б. г. [после 2004]).

Несмотря на произошедшее в последнее десятилетие изменение статуса украинского языка и расширение сфер его функционирования, русский язык всё еще остается основным для значительной части населения страны. Исторически так сложилось, что основной характеристикой языковой ситуации на Украине является наличие

3 Процесс кодификации украинского национального литературного языка и стандартизации его норм длился более века и завершился только к 1930-м гг. XX столетия. Более подробно о формировании и развитии литературного стандарта украинского языка см. (Остапчук 2013).

4 Приведены данные за 2001 г., которые взяты с официального сайта Государственного комитета статистики Украины: <http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/>.

5 КМИС — Киевский международный институт социологии.

неоднородных в культурно-языковом отношении регионов, что объясняется продолжительным периодом разрозненности этнических украинских земель и длительной русификацией их значительной части. Вот уже долгое время география распространения украинского и русского языков на территории Украины остается практически неизменной: в западных регионах страны преобладает украинский язык, в центральных районах русский и украинский используются приблизительно в равной степени (чем западнее, тем больше распространение украинского), восточная и южная часть Украины в основном русскоязычна. Исходя из предпочтений в использовании конкретного языка в повседневной жизни, исследователи украинской этнической идентичности выделяют три лингвистические группы, в каждой из которых свои особенности: украиноязычные украинцы, русскоязычные украинцы и русскоязычные русские (Синельников, Богрова б. г. [после 2010]). Однако благодаря генетическому родству украинского и русского языков, позволяющему без усилий понимать речь и тексты на неродном языке, представители всех трех групп в той или иной степени являются билингвами.

Факт наличия массового двуязычия в стране не вызывает сомнений. Наблюдения за изменениями языковой ситуации во всех сферах украинской общественной жизни являются одной из приоритетных задач многих украинских лингвистов и социологов: проводится большое количество опросов среди населения с целью установить факторы, влияющие на выбор того или иного языка при общении или при других обстоятельствах. В нашей работе мы используем данные опросов, а также результаты, полученные органами государственной статистики, сравнивая их с собственными наблюдениями.

Любопытно, например, взглянуть, как двуязычность населения коррелирует с количеством выпускаемых периодических изданий. Согласно статистическим данным, опубликованным на сайте Госкомтелерадио за 2017 г.⁶, на украинском языке выходит 1474 издания, на русском языке — более чем в два раза меньше — 654 издания, однако интересно, что суммарно тираж русскоязычных изданий преобладает над общим тиражом украиноязычных (441,4 млн экземпляров на русском языке против 410,5 млн экземпляров на украинском языке), что

6 Випуск періодичних друкованих видань у 2017 року // Державний комітет телебачення і радіомовлення України. [Електронний ресурс]: http://comin.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=135701&cat_id=85717 (дата обращения: 07.08.2019).

свидетельствует о высокой востребованности русскоязычных изданий. Ненамного меньше, чем русскоязычных изданий, выходит двуязычных печатных СМИ, а именно 532 издания с общим тиражом более 54 млн экземпляров. Однако, как отмечает О. Руда, если СМИ зарегистрировано как двуязычное, это вовсе не означает, что его контент будет двуязычным, чаще всего он русскоязычный (Руда 2014). По мнению исследовательницы, издатели экономят на переводчиках, считая, что в украинском билингвальном обществе читатели, по крайней мере на рецептивном уровне, владеют обоими языками. Эта специфическая черта, характерная для близкородственного двуязычия, является одной из основных причин такого стабильного массового двуязычия, которое мы имеем в настоящее время на Украине и которое тормозит процесс украинизации многих сфер общественной жизни.

Рассмотрим другой вид печатной продукции — книги. Согласно статистике, на украинском книжном рынке в последние годы отмечается значительный рост числа украиноязычных изданий, тогда как количество литературы на русском языке постепенно становится меньше⁷. Но нельзя однозначно утверждать, что в украинском книгопечатании всё настолько радужно, как заявляет статистика. Сами издатели подтверждают, что уменьшение объема ввозимой литературы из России повлияло на рост количества украиноязычных изданий, однако имеются проблемы с их реализацией, а также ощущается нехватка специалистов, переводящих на украинский язык (Нагорная 2017). Украинские издатели также подтверждают, что основной объем печатающихся изданий приходится на литературу для школ, учебники, пособия и методички; неплохо обстоят дела в нише художественной литературы (собственно украинской и переводной). Вместе с тем жанры специализированной (медицинской, технической, финансовой и т. п.) и научной литературы на украинском языке практически не развиваются⁸. Однако, несмотря на запрет ввозить литературу из России, на украинском книжном рынке продолжают появляться русскоязычные издания. Речь идет не только о книжной продукции, получившей лицензию на сбыт на территории Украины,

7 Более подробную статистику можно посмотреть на сайте Книжной палаты Украины: http://www.ukrbook.net/statistika_.html.

8 Подробнее об этом см.: Хмельовська О. Книговидання — 2018: стоп-криза й перерозподіл лідерства // Читомо. 04.03.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chytomo.com/knyhovydannia-2018-stop-kryza-j-pererorozpodil-liderstva/> (дата обращения: 30.03.2020).

но и о книгах, провезенных в страну нелегально, а также о контрафактной литературе, изданной уже на Украине (Демуз 2018). Поэтому не вызывает удивления наличие широкого ассортимента литературы на русском языке в украинских книжных интернет-магазинах. Стоит добавить, что на Украине до сих пор имеется ряд авторов, пишущих по-русски. Один из наиболее известных русскоязычных писателей Украины Андрей Курков в своих интервью часто говорит о существовании на Украине русскоязычной литературы и отмечает, что о ней мало пишут и широко не афишируют, она живет своей жизнью: «То есть живет параллельная литература, про которую знают те, кто ее читает, знают в регионах. Харьков, Днепр, Одесса — это очень активные регионы русскоязычной литературы» (Казарін 2018; перевод с укр. яз. наш. — Т. К.).

По данным социологического опроса, проведенного в 2018 г. при поддержке Украинского культурного фонда, 28,3% опрошенных выбирают литературу на русском языке, тогда как на украинском читает 24,2%; 33,3% респондентов предпочитают читать на языке оригинала⁹. Интересно, что в топ-10 книг самых популярных украинских авторов за 2018 г. (по данным, предоставленным Книжной палатой Украины) входит 7 наименований на русском языке¹⁰. Таким образом, видим, что, несмотря на запреты и ограничения, русскоязычная литература пользуется стабильным спросом среди читающей публики на Украине.

В последнее время интересно наблюдать за изменениями в теле- и радиоэфире. Еще несколько лет назад на украинском телевидении в большом количестве транслировались программы и фильмы исключительно на русском языке (только на некоторых государственных каналах фильмы и сериалы шли в сопровождении украинских субтитров). Едва ли не единственными украиноязычными передачами были выпуски новостей; рекламные ролики также были в украин-

9 Якою мовою читають і спілкуються українці // Ukrainian reading and publishing data 2018 [Электронный ресурс]: <http://data.chytomo.com/knyzhka-za-tsinoyu-obidu-skilky-ukrayintsi-gotovi-platyty-za-chytannya-ukrayintsi-3/> (дата обращения: 07.08.2019).

10 Хмельовська О. Книговидання-2018: стоп-криза і перерозподіл лідерства // Українська асоціація видавців та книгорозповсюджувачів. 04 березня 2019 [Электронный ресурс]: <http://www.upba.org.ua/index.php/uk/vydavnytstva/item/75-knyhovydannia2018-stopkryza-i-pererозpodil-liderstva> (дата обращения: 07.08.2019).

ской озвучке. Многие специалисты уже давно указывали на необходимость использования СМИ в качестве одного из самых доступных и действенных средств влияния на культурно-языковое сознание населения страны. Благодаря языковой политике государства в настоящее время наблюдаются существенные сдвиги в языке украинских масс-медиа. С октября 2017 г. на Украине действует закон о языковых квотах на телевидении и радио, согласно которому в телевизионном эфире должно быть не менее 75% передач на украинском языке, а на радио украинская музыка должна занимать не менее 35% эфирного времени. Стоит отметить, что этот закон исполняется практически повсеместно, и если верить экспертам Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания, то украинский телевизионный контент в эфире общенациональных каналов составляет 79%, тогда как русскоязычный упал до 7%¹¹. Тем не менее даже сами эксперты отмечают, что некоторые критерии определения украиноязычности передач позволяют отнести к числу таковых передачи, где основным языком является русский, но представлены также спикеры, говорящие на украинском языке¹². В принципе, подобная коммуникативная ситуация, где собеседники общаются друг с другом на двух языках, не переключаясь на какой-то один, не просто обычна для Украины, а является характерной особенностью русско-украинского двуязычия, которая объясняется близостью контактирующих языков. Об этом пишут многие украинские лингвисты, изучающие проблемы, связанные с выбором языка коммуникации. В своих работах исследователи также подчеркивают толерантность населения по отношению как к русскоязычным, так и к говорящим на украинском языке. Участники многочисленных опросов, проводимых в рамках исследований современной языковой ситуации в стране, указывают на то, что вопрос языка для них является второстепенным и используется политиками как

11 Квоти в дії: скільки ефірного часу на телебаченні зайняла українська мова. [Електронний ресурс:] https://24tv.ua/kvoti_v_diyi_skilki_efirnogo_chasu_na_telebachenni_zauynyala_ukrayinska_mova_n1088951 (дата обращения: 07.08.2019).

12 Об особенностях языкового поведения участников и ведущих украинских телевизионных программ пишет, в частности, Л. Биланюк. Ситуации, в которых собеседники ведут беседу на разных языках (украинском и русском), она определяет как «неподстраивающийся билингвизм» (“non-accomodating bilinguism”). Подробнее об этом см. (Bilaniuk 2010).

«отвлекающий маневр, а не как важная проблема» (Матвеева 2017). В исследованиях также отмечается, что украинофоны во время коммуникации с говорящим на русском языке предпочитают переключаться на язык собеседника, тогда как русскоязычные собеседники реже переходят на украинский¹³. В целом рассматриваемые нами работы украинских лингвистов указывают на относительно бесконфликтное сосуществование украинского и русского языков в украинском языковом сообществе. Однако сами исследователи в таком спокойном, толерантном восприятии русского языка в украинском коммуникативном пространстве видят угрозу для языка титульной нации и высказывают пожелания о принятии более радикальных мер против русского языка для «переориентации нынешнего русско-украинского двуязычия в сторону постепенного увеличения количества одноязычных украинцев» (Матвеева 2017: 170).

Говоря о двуязычности населения Украины, лингвисты единогласно приходят к выводу о необходимости проведения серьезных мероприятий со стороны власти для укрепления украинского языка во всех областях общественной жизни страны. В особенности это относится к такой сравнительно новой сфере коммуникативного, информационного и рекреационного пространства, как Интернет. Очевидно, что Интернет играет важную роль в жизни современного человека, открывая практически безграничные возможности для его пользователей. В рамках нашего небольшого исследования языковая ситуация в украинском сегменте всемирной паутины позволяет получить дополнительную информацию о специфике русско-украинского двуязычия. Украинский лингвист Ю. С. Макарець в своей статье об украинском языке в Интернете (Макарець 2018) приводит данные интернет-рейтингов украинского языка в Сети. Согласно интернет-статистике¹⁴, более половины сайтов (52–66%) украинского сегмента Интернета (Уанета) являются русскоязычными, тогда как к украиноязычным относят, по разным данным, от 11 до 28% наиболее посещаемых уанет-порталов. Вполне предсказуемо, что полностью украиноязычными являются сайты администрации, страницы, связанные с наукой, литературой,

13 О предпочтениях в использовании языков при межличностном общении пишут, например, П. Левчук, Н. Р. Матвеева, Т. Ткачук: (Левчук 2017; Матвеева 2017; Ткачук 2017).

14 В качестве источника информации использовались данные рейтингов, представленных следующими сайтами: www.top.bigmir.net; www.top.i.ua; www.liveinternet.ru.

образованием и политикой. Русский язык преобладает на сайтах, связанных с финансами и бизнесом, развлечениями, общением на форумах и в чатах; интересно, что большинство украинских интернет-магазинов также русскоязычные (или имеют русский интерфейс в качестве основного и в большинстве случаев более информативного, чем его параллельный украиноязычный вариант). Разнообразие сочетаний русского и украинского языков на сайтах Уанета представляет собой особый интерес. Так, к примеру, есть полностью двуязычные сайты: информацию на них можно получить как на русском, так и на украинском языках. К ним относится большинство новостных сайтов (например, *correspondent.net*, *segodnya.ua*) и некоторые крупные интернет-магазины (например, *rozetka.com.ua*). Тем не менее есть много интернет-порталов, на которых предусмотрена возможность переключения языков, но информация на украинском и русском языках представлена в разных объемах, русский язык на таких сайтах является основным. Например, на популярном новостном портале *www.i.ua*, позиционирующем себя как «украинский портал нового поколения», при переключении на украинский язык меняется только язык интерфейса, остальной контент практически весь русскоязычный. Похожая ситуация наблюдается на страницах интернет-магазина *bigl.ua*: несмотря на то что главные страницы в меню сайта переведены на украинский, подробное описание товаров имеется только на русском языке. Довольно большой процент сайтов Уанета (мы рассматриваем только наиболее популярные по рейтингу указанных выше интернет-порталов) в принципе не имеет опций переключения языков. Вероятнее всего, на них появляются материалы как на русском, так и на украинском языке, но количество украиноязычных статей настолько мало, что складывается впечатление, что эти сайты одноязычны, причем это ощущение подкрепляется тем, что они используют исключительно русскоязычный интерфейс. Среди таких сайтов есть и новостные порталы (*strana.ua*, *liga.net*), и развлекательные (*gloss.ua*, *kolobok.ua*), и магазины (*prom.ua*).

Выше речь шла о наиболее посещаемых сайтах украинского Интернета. На них, как было отмечено, основная доля контента размещена на русском языке. Собственно украинские сайты, содержание которых полностью одноязычно или на которых имеется возможность переключения на другой европейский язык (чаще всего английский), составляют, как уже упоминалось выше, не более трети¹⁵ всех сайтов

15 По данным портала *top.i.ua*, 28% интернет-порталов используют украинский язык в качестве основного.

Уанета и относятся к общественно-политической или научно-образовательной сфере. По рейтингу популярности среди пользователей Интернета эти порталы значительно уступают страницам, имеющим русскоязычную версию как основную: лишь 10% украиноязычных веб-ресурсов входят в число 100 самых популярных сайтов среди украинцев (Свідлов 2018).

Как видно из нашего небольшого анализа, в настоящее время русский язык занимает прочные позиции в украинском сегменте интернет-пространства. Ю. С. Макарець объясняет этот факт в первую очередь коммерческой выгодой, поскольку считается, что использование русского языка позволяет охватить наибольшее количество пользователей, к тому же создание украиноязычных версий сайтов финансово невыгодно (Макарець 2018). Очевидно, что со временем будет появляться всё больше украиноязычных порталов и сайтов с возможностью переключения языков и получения исчерпывающей информации на двух и более языках. Но пока ситуация в Уанете весьма ярко и правдоподобно отражает существующую в настоящее время языковую ситуацию на Украине, когда говорящий всё чаще оказывается перед выбором языка.

На выбор языка в соответствии с конкретной ситуацией влияют многие факторы: место происхождения и проживания говорящего, его ближайший круг общения, уровень образования и в целом культурная среда, в которой человек живет и развивается. Социально-исторические условия и культурное взаимодействие между носителями украинского и русского языков создало почву для формирования особого типа украинской этноязыковой идентичности. Украинский исследователь языковой политики и этнополитики В. Кулик в одной из своих работ пишет об этой особенности украинской языковой действительности следующее: «Учитывая, что различные обстоятельства навязывают использование как украинского, так и русского языка и потребление продуктов как украинской, так и русской культуры как наиболее удовлетворительную модель, само общество считается двуязычным и двукультурным не в том смысле, что оно состоит из двух относительно однородных частей, а скорее в том, что каждый индивид сочетает два элемента в своей личности и поведении» (Kulyk 2006: 309–310).

Язык, являясь одним из важнейших элементов культуры, несет в себе важные черты национального самосознания, поэтому массовое двуязычие на Украине представляет собой очень интересную, специфическую ситуацию, не похожую ни на одну другую языковую ситуацию в мире. Овладение жителями страны русским и

украинским языком происходит спонтанно, естественным путем: уже с детского возраста они органично впитывают в себя культурно-языковые особенности как украинского, так и русскоязычного мира, формируя тем самым совершенно особый тип билингвальной личности, о которой и пишет В. Кулик. Причем в этот процесс вовлечены и представители других этносов, проживающих на территории страны (это и белорусы, и молдаване, и венгры, и румыны, и многие другие нации). Картина мира личности, сформировавшейся в условиях культурно-этнического билингвизма, весьма самобытна, поскольку индивид имеет возможность естественным образом общаться, воспринимать социально-культурные особенности сразу нескольких этносов. При этом происходит некий симбиоз и трансформация воспринимаемых культур, в результате чего рождается уникальный тип языковой личности, с которым мы имеем дело при описании двуязычия на Украине и который требует дальнейшего глубокого изучения.

Источники и литература

Аврорин 1972 — *Аврорин В. А.* Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 49–62.

Вайнрайх 1972 — *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Изд-во иностранной литературы, 1972. С. 25–60.

Гавранек 1972 — *Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Изд-во иностранной литературы, 1972. С. 94–111.

Грамматическая интерференция 1990 — Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия / под ред. В. В. Иванова. М.: Наука, 1990. 203 с.

Демуз 2018 — *Демуз І. О.* Національний книжковий ринок у контексті реалізації гуманітарної державної політики // Економічний випуск університету. 2018. Вип. 1 (37). С. 69–74. [Электронный ресурс]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/есву_2018_37%281%29__12 (дата обращения: 07.08.2019).

Дешериев 1976а — *Дешериев Ю. Д.* Введение // Развитие национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1976. С. 3–34.

Дешериев 1976б — *Дешериев Ю. Д.* Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании // Методы билингвистических исследований. М.: Наука, 1976. С. 20–33.

Казарін 2018 — *Казарін П.* Андрій Курков: «Я б не звалював у купу всіх російськомовних» // Крим. Реалії. 15 июня 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ua.krymr.com/a/29292322.html> (дата обращения: 07.08.2019).

Левчук 2017 — *Левчук П.* Вибір мови комунікації в ситуації українсько-російського білінгвізму // Мова: класичне — модерне — постмодерне. 2017. Вип. 3. С. 46–52. [Электронный ресурс]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Langsmr_2017_3_7 (дата обращения: 20.05.2019).

Майоров 1998 — *Майоров А. П.* Взаимодействие языков в двуязычном коммуникативном пространстве: (социальные аспекты): дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 1998. 355 с.

Макарець 2018 — *Макарець Ю. С.* Українська мова в інтернет-просторі: соціально-правовий та лінгвальний виміри // Science and Education a New Dimension. Philology. Issue 159. 2018. [№] 6 (46). С. 38–43. [Электронный ресурс]. URL: <https://seanewdim.com/uploads/3/4/5/1/34511564/httpsdoi.org10.31174send-ph2018-159vi46-09.pdf> (дата обращения: 07.08.2019).

Масенко 2008 — *Масенко Л.* Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization* / ed. by G. Hentschel, S. Zaprudski. Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. 133 с. (Studia Slavica Oldenburgensia).

Матвєєва 2017 — *Матвєєва Н. Р.* Мовна ситуація Києва (на матеріалі фокус-групових опитувань 2017 року) // *Studia Philologica = Філологічні студії: зб. наук. праць / редкол.: І. Р. Буніятова, Л. І. Белехова, О. Є. Бондарева та ін.* Вип. 9. Київ, 2017. С. 166–171.

Мечковская 2004 — *Мечковская Н. Б.* Общее языкознание: структурная и социальная типология языков: учебное пособие. Минск: Амалфея, 2004. 368 с.

Нагорная 2017 — *Нагорная А.* В Украине возрождается книгоиздание // *Сегодня.* 30 октября 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:fnMmVMoWrPgJ:https://www.segodnya.ua/ukraine/v-ukraine-vozrozhdaetsya-knigoizdanie-1066469.html+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 07.08.2019).

Остапчук 2013 — *Остапчук О. А.* Украинский литературный язык в свете социолингвистической типологии славянских языков // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов, Минск, 2013 г. Доклады российской делегации.* М.: Индрик, 2013. С. 633–655.

Руда 2014 — *Руда О.* Двомовність засобів масової комунікації в оцінках майбутніх журналістів // *Українська мова.* 2014. № 3. [Электронный

ресурс]: URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=njuu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21COLORTERMS=0&S21P03=I=&S21STR=%D0%9624030%2F2014%2F3 (дата обращения: 07.08.2019).

Свідлов 2018 — *Свідлов С.* Українська мова в інтернеті // Портал мовної політики. 8 октября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://language-policy.info/2018/10/ukrajinska-mova-v-interneti/> (дата обращения: 07.08.2019).

Синельников, Богрова б. г. [после 2010] — *Синельников В. М., Богрова К. Б.* К проблеме этнической идентичности в условиях украинско-русского билингвизма. [Б. г. (после 2010)]. [Электронный ресурс]. URL: <http://fund-issled-intern.esrae.ru/pdf/2014/3/35.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

Ткачук 2017 — *Ткачук Т.* До питання про мовну толерантність (результати опитування, проведеного у Вінницькій області) // Мова: класичне — модерне — постмодерне. Вип. 3. Київ: Дух і літера, 2017. С. 68–76. [Электронный ресурс]. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Langcmp_2017_3_10 (дата обращения: 07.08.2019).

Ханазаров 1972 — *Ханазаров К. Х.* Критерии двуязычия и его причины // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 119–124.

Хмелько б. г. [после 2004] — *Хмелько В. С.* Лінгвоетнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності. [Б. г. (после 2004)]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kiis.com.ua/materials/articles_HVE/16_linguaethnical.pdf (дата обращения: 07.08.2019).

Шевельов 1998 — *Шевельов Ю.* Українська мова у першій половині ХХ ст. (1900–1941). Стан і статус. Чернівці: Рута, 1998. 208 с.

Bilaniuk 2010 — *Bilaniuk L.* Language in the balance: the politics of non-accomodation on bilingual Ukrainian-Russian television shows // International Journal of the Sociology of Language. 2010. № 201. P. 105–133.

Grosjean 2001 — *Grosjean F.* Bilingualism, Individual // Concise encyclopedia of sociolinguistics / ed. by Rajend Mesthrie. Amsterdam; New York: Elsevier, 2001. P. 10–16.

Kulyk 2006 — *Kulyk V.* Constructing common sense: language and ethnicity in Ukrainian public discourse // Ethnic and racial studies. Vol. 29. March 2006. № 2. P. 281–314.

Paul 1920 — *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Heidelberg, 1920.

References

- Avrorin, V. A. "Dvuiazychie i shkola." *Problemy dvuiazychiia i mnogoiazychiia*, Moscow: Nauka, 1972, s. 49–62.
- Bilaniuk, L. "Language in the balance: the politics of non-accomodation on bilingual Ukrainian-Russian television shows." *International Journal of the Sociology of Language*, no. 201, 2010, s. 105–133.
- Demuz, I. O. "Natsional'nyi knyzhkovyi rynek u konteksti realizatsii humanitarnoi derzhavnoi polityky." *Ekonomichnyi vypusk universytetu*, vyp. 1 (37), 2018, p. 69–74, [http://nbuv.gov.ua/UJRN/ecvu_2018_37\(1\)_12](http://nbuv.gov.ua/UJRN/ecvu_2018_37(1)_12). Accessed 07 Aug. 2019.
- Desheriev, Iu. D. "Vvedenie." *Razvitie natsional'no-russkogo dvuiazychiia*, Moscow: Nauka, 1976, s. 3–34.
- Desheriev, Iu. D. "Problema sozdaniia sistemy bilingvisticheskikh poniatii i vo-prosy metodiki ee primeneniia v issledovanii." *Metody bilingvisticheskikh issledovaniï*, Moscow: Nauka, 1976, s. 20–33.
- Gavranek, B. "K problematike smesheniia iazykov." *Novoe v lingvistike*, vyp. 6, Moscow: Izdatel'stvo inostrannoï literatury, 1972, s. 94–111.
- Grammaticheskaiia interferentsiia v usloviakh natsional'no-russkogo dvuiazychiia*, ed. by V. V. Ivanov. Moscow: Nauka, 1990, 203 s.
- Grosjean, F. "Bilingualism, Individual." *Concise encyclopedia of sociolinguistics*, ed. by Rajend Mesthrie, Amsterdam, New York: Elsevier, 2001, s. 10–16.
- Kazarin, P. "Andrii Kurkov: "Ia b ne zvaliuvav u kupu vsikh rosiis'komovnykh?"" *Krym. Realii*. 15 june 2018, <https://ua.krymr.com/a/29292322.html>. Accessed 07 Aug. 2019.
- Khanazarov, K. Kh. "Kriterii dvuiazychiia i ego prichiny." *Problemy dvuiazychiia i mnogoiazychiia*, Moscow: Nauka, 1972, s. 119–124.
- Khmel'ko, V. Ie. *Lingvoetnichna struktura Ukraïni: regional'ni osoblivosti ta tendentsii zmin za roki nezalezhnosti*. [after 2004] https://www.kiis.com.ua/materials/articles_HVE/16_linguathnical.pdf. Accessed 07 Aug. 2019.
- Kulyk, V. "Constructing common sense: language and ethnicity in Ukrainian public discourse." *Ethnic and racial studies*, vol. 29, no. 2, March 2006, s. 281–314.
- Levchuk, P. "Vybir movy komunikatsii v situatsii ukraïns'ko-rosiis'koho bilin-hvizmu." *Mova: klasychne — moderne — postmoderne*, vyp. 3, 2017, s. 46–52, http://nbuv.gov.ua/UJRN/Langcomp_2017_3_7. Accessed 20 May 2019.
- Makarets', Iu. S. "Ukraïns'ka mova v internet-prostori: sotsial'no-pravovyï ta linhval'nyi vymiry." *Science and Education a New Dimension. Philology*, iss. 159, no. 6 (46), 2018, p. 38–43, <https://seanewdim.com/uploads/3/4/5/1/34511564/httpsdoi.org10.31174send-ph2018-159vi46-09.pdf>. Accessed 07 Aug. 2019.
- Masenko, L. "Surzhyk: istoriia formuvannia, suchasnyi stan, perspektyvy funktsionuvannia." *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Surzhyk. Structural and social as-*

pects of their description and categorization (Studia Slavica Oldenburgensia), ed. by G. Hentschel, S. Zaprudski, Oldenburg: BIS-Verlag, 2008, 133 s.

Matveeva, N. R. “Movna sytuatsiia Kyieva (na materialy fokus-hrupovykh opytuvan' 2017 roku).” *Studia Philologica = Filolohichni studii*: zb. nauk. prats', ed by I. R. Bunyatova, L. I. Belekhova, O. E. Bondareva et al, vyp. 9, Kyiv, 2017, s. 166–171.

Mayorov, A. P. *Vzaimodeistvie iazykov v dvuiazыchnom kommunikativnom prostranstve: (sotsial'nye aspekty)*, PhD dissertation. Ufa, 1998, 355 s.

Mechkovskaya, N. B. *Obshchee iazykoznanie: strukturnaia i sotsial'naia tipologii iazykov: uchebnoe posobie*. Minsk: Amalfeia, 2004, 368 s.

Nagornaia, A. V. “Ukraine vozrozhdaetsia knigoizdanie.” *Segodnia*, 30 Okt. 2017, <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:fnMmVMoWrPgJ:https://www.segodnya.ua/ukraine/v-ukraine-vozrozhdaetsya-knigoizdanie-1066469.html+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>. Accessed 07 Aug. 2019.

Ostapchuk, O. A. “Ukrainskii literaturnii iazyk v svete sotsiolingvističeskoj tipologii slavianskikh iazykov.” *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov, Minsk 2013 g. Doklady Rossijskoj delegatsii*, Moscow, Indrik, 2013, s. 633–655.

Paul, H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Heidelberg, 1920.

Ruda, O. “Dvovovnist' zasobiv masovoi komunikatsii v otsinkakh maibutnikh zhurnalistiv.” *Ukraïns'ka mova*, no. 3, 2014, http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=njuu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21COLORTERMS=0&S21P03=F&S21STR=%D0%9624030%2F2014%2F3. Accessed 07 Aug. 2019.

Sinel'nikov, V. M., Bogrova, K. B. *K probleme etničeskoj identičnosti v usloviiakh Ukraïnsko-russkogo bilingvizma*. [after 2010]. <http://fund-issled-intern.esrae.ru/pdf/2014/3/35.pdf>. Accessed 20 March 2019.

Shevel'ov, Iu. *Ukraïns'ka mova u pershij polovini XX st. (1900–1941). Stan i status*. Chernovtsi: Ruta, 1998, 208 s.

Svidlov, S. “Ukraïns'ka mova v internet.” *Portal movnoi politiki*, 8 Okt. 2018, <http://language-policy.info/2018/10/ukrajinska-mova-v-interneti/>. Accessed 07 Aug. 2019.

Tkachuk, T. “Do pitannia pro movnu tolerantnist' (rezul'tati opituvannia, provedenogo u Vinnits'kij oblasti).” *Mova: klasichne — moderne — postmoderne*, vip. 3, Kiiv: Dukh i litera, 2017, s. 68–76, http://nbuv.gov.ua/UJRN/Langcmp_2017_3_10. Accessed 07 Aug. 2019.

Weinreich, U. “Odnoiazychie i mnogoiazychie.” *Novoe v lingvistike*, vyp. 6, Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1972, s. 25–60.

Tatiana N. Kurokhtina

Ethnocultural bilingualism in Ukraine as a result of a durable contact between the Ukrainian and Russian languages

The article discusses the features of the functioning of the Russian and Ukrainian languages in nowadays Ukrainian society. The present language situation in Ukraine is of a great interest for the linguistics and sociolinguistics. The mass bilingualism in Ukraine is considered to be the most characteristic feature of today's language situation. Almost all citizens of the country are bilingual, which means that they speak and understand, more or less, the Ukrainian and Russian languages. At the same time they also naturally perceive the sociocultural distinctive character of both the Ukrainian and Russian-speaking world. The communication with friends and relatives and getting access to sources of information and cultural content such as books, newspapers, magazines, radio and television creates necessary conditions for this kind of bilingualism. For a long time Russian was the main language of all types of mass media and book publishing industry in Ukraine. However, the language situation in the country is gradually changing. One of the main directions of modern state policy is to establish the formation of Ukrainian monolingualism. The article presents the facts that demonstrate how the bilingualism of Ukrainian society correlates with the choice of a particular language in such spheres as print media, radio, television, book publishing and the Internet.

Keywords: Ukrainian language, Ukrainian-Russian bilingualism, mass media language, language on the Internet, language choice.

УДК [398.49+393.05]:811.161.2
ББК 63.529(47)*81.411.4

Л. Н. Виноградова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Маркеры демонического в облике и поведении мифологических персонажей (полесские и карпатоукраинские поверья об умерших некрещеных детях)

Представления об умерших некрещеных детях как мифологизированных существах в той или иной степени распространены во всех славянских традициях, но эти персонажи занимают в разных региональных мифологиях разное место. В одних верованиях они воспринимаются как относительно безвредные души из числа своих родственников, с которыми нужно считаться, своевременно поминать, соблюдать определенные запреты в поминальные дни и т. п. В других отражается более негативное отношение к ним как к весьма опасным духам, способным спровоцировать разные неприятности, болезни и стихийные бедствия. В третьих эти мифические существа вообще не выделяются из общего числа «нечистых» покойников. Соответственно, не везде эти духи образуют в общенациональной персонажной системе самостоятельный класс демонологических образов, далеко не повсеместно обозначаются специфическими терминами и имеют набор устойчивых мифологических характеристик. В статье рассматриваются зафиксированные в Полесье и в Украинских Карпатах народные поверья о степени демонизации душ некрещеных детей, а также предпринимается попытка охарактеризовать эту категорию умерших с точки зрения их речевого поведения, которое указывает на обретение персонажем статуса нечистой силы. Характерное для карпатоукраинской традиции активное речевое поведение этих духов может свидетельствовать о высоком уровне разработки их мифологических характеристик в народной демонологии карпатского региона, сохраняющей многочисленные архаические этнокультурные черты. Ключевые слова: *народная демонология, полесская и карпатская народная мифология, стереотипы речевого поведения, некрещеные дети, демонизация умерших людей.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.3.01

Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20–012–00300 «Низшая мифология славян: новые методы и подходы к исследованию».

По мнению многих специалистов-этнологов, одним из наиболее продуктивных механизмов формирования мифологических образов является во всех этнокультурных традициях демонологизация умерших людей (Зеленин 1991: 410–411; Седакова 2004: 32–34; Moszyński 1967: 320). Народные поверья о возвращающихся с того света беспокойных душах составляют наиболее устойчиво сохраняющийся во времени, чрезвычайно значимый фрагмент славянской народной культуры, носители которой различали две разные категории покойников. С одной стороны, это почитаемые предки («праведные душеньки», «святые родители»), приход которых в свои прежние дома в установленные обычаем сроки воспринимался как ожидаемый и дозволенный. А с другой стороны, границу между миром живых и миром мертвых могли нарушать «нечистые» покойники (умершие преждевременной, насильственной смертью либо похороненные с нарушением принятых в данном сообществе правил), вторгавшиеся в земное пространство во внеурочное время и считавшиеся опасными для живых, вредоносными духами. К числу последних, в частности, относятся души мертворожденных либо умерших до акта крещения детей (не успевших получить личного имени), души вытравленных беременными женщинами зародышей или новорожденных детей, погубленных своими матерями.

Представления об умерших некрещеных детях как о мифологизированных существах в той или иной степени распространены во всех славянских традициях, но эти персонажи занимают в разных региональных мифологиях разное место. В одних верованиях они воспринимаются как относительно безвредные души из числа своих родственников, с которыми нужно считаться, своевременно помнить, соблюдать определенные запреты в поминальные дни и т. п. В других отражается более негативное отношение к ним как к весьма опасным духам, способным спровоцировать разные неприятности, болезни и стихийные бедствия. В третьих эти мифические существа вообще не выделяются из общего числа «нечистых» покойников. Соответственно, не везде эти духи образуют в общенациональной персонажной системе самостоятельный класс демонологических образов, далеко не повсеместно они наделяются специфической терминологией и набором устойчивых мифологических характеристик. Показательно, что души умерших младенцев не упоминаются в списках типичных для русской и белорусской традиции персонажей; см., например: (Померанцева 1975; Зиновьев 1987; Власова 1998; Черепанова 1995; Корепова 2007; Легенды 2005; ПЭЗ 2011; МБЭС 2011).

Одним из свидетельств, доказывающих слабую степень разработанности поверий об этих духах, может служить отсутствие в русской и белорусской демонологии общепринятого народного термина, используемого для их обозначения. Исключением можно признать редко встречаемые мифонимы типа рус. (без уточнения места) *игóша* или рус. вят. *ичéтики*. Сохранились поверья, что *игóша* — это «дух младенца, умершего некрещеным. Уродец без рук и без ног. Проживает в разных местах дома, проказит, как кикиморы или домовые, мстит тем, кто не хочет признать его за домового...» (РДС 1995: 207; СРНГ 12: 65); рус. вят. *ичéтики* — маленькие мохнатенькие человечки, духи утопленных матерями младенцев (Черепанова 1983: 50). Кроме того, по некоторым русским и белорусским поверьям, *кикиморы* произошли от младенцев, умерших некрещеными. Они появляются и пугают людей вблизи тех домов, где тайно сокрыт трупик загубленного младенца (Зеленин 1995: 60). Но свидетельства подобного рода являются единичными.

Принципиально иначе обстоит дело с кругом рассматриваемых поверий в южнославянской мифологии, где души умерших новорожденных младенцев составляют обособленную, весьма значительную категорию злокозненных персонажей народной демонологии, для обозначения которых используется специфическая терминологическая лексика (зафиксированная в разных региональных традициях) и которые имеют набор многообразных мифологических признаков. Согласно южнославянским поверьям, души мертворожденных или загубленных матерью детей — именуемых у болгар *нави*, *навяци*, *свирици*; у сербов *некрштенци*, *нави*, *дрекавце*; у словенцев *pavje*, *tavje*; у хорватов *невидинчићи*, *невидимићи* — становятся опасными демонами, которые появляются в виде черных птиц, летящих и издающих пронзительные крики, преследуют своих матерей, нападают на рожениц, лишая их грудного молока, насылают болезни на новорожденных младенцев или высасывают у них кровь. Считалось, что человек, услышавший их крики, мог заболеть и погибнуть; у беременных женщин от этих криков случался выкидыш; особенно они мучают своих родителей, вредят грудным детям и т. п. (Плотникова 2004: 240–243, 689–693; Плотникова 2013: 245–246; Раденковић 2001: 376–378; Полонијо, Шешо 2002: 102–130).

Определенные параллели к этим южнославянским поверьям могут быть обнаружены (в рамках восточнославянских данных) лишь в украинской мифологии, где подобные персонажи обозначаются специфической терминологической лексикой и наделяются целым

рядом вредоносных функций. На территории Украины их называли: *потерча́та*, *потерчу́кі* (от глаголов со значением ‘потерять, произвести выкидыш’); *стра́чче*, *страччу́кі* ‘потерянные или погубленные дети’, *неки́ченики* или *не́христи* ‘умершие без крещения’, *зро́нки* (от глагола ‘уронить, скинуть’ — о выкидыше), *збі́гленя́* (от глагола «убежать» — о выкидыше); *безпі́рні діти*, т. е. ‘не дожившие своего века, умершие преждевременно, не в свою пору’ (Гнатюк 1912: 286, 378; Зубрицкий 1909: 261; Буйських 2014: 103–104; Войтович 2015: 80; Галайчук 2016: 187). Хотя самым распространенным у восточных славян считается определение «некрещеные дети», в народных названиях часто актуализируется значение ‘недоношенный’ или ‘вытравленный плод, выкидыш’: ср. укр. полтав. *недоні́с*, *скы́нута дытына* (Зеленин 1995: 72). Во многих украинских поверьях об этих душах, а также в их терминологии отмечаются мотивы внезапно прерванной жизни и недожитого века, объясняющие причины их вторжения в земной мир: «У 12 годині вночі ходили [*безпірні діти*] так, як живі, бо в’ни мали жити ще. Бо душа ходит, бо в’на мала жити ще» [В 12 часов ночи ходили так, как бы живые, потому что они еще должны были жить. Душа ходит, потому что она еще должна была жить] (Войтович 2015: 84).

Однако чаще невозможность для душ умерших детей обрести покой на том свете объяснялась тем, что их не принимает на небесах Бог, поскольку они не прошли обрядов крещения и имянаречения, т. е. не обрели законного статуса человека. Именно с этим связана высокая степень популярности на Украине, в Полесье и на западе Белоруссии одного из главных сюжетов, устойчиво соотносимых с этими мифическими существами: «души умерших младенцев, летая в виде ночных птиц, просят людей окрестить их и дать имя». Былички и поверья на этот сюжет бытуют во множестве вариантов повсюду, где сохраняют свою актуальность рассматриваемые нами демонологические представления (Кабакова 1994: 312–317; Крачковский 1874: 168–170; Federowski 1897: 55, 264; Шейковский 1860: 6–7; Галайчук 2016: 187–199; НДП 2012: 239–249).

В карпатоукраинском регионе в обряде крещения присутствует обычай, при котором крестная мать должна принять младенца после купели на подготовленный ею в подарок новый отрез домотканого полотна, называемого *крыжмо*, из которого в дальнейшем шили первую сорочку для ребенка. Соответственно, при символическом акте имянаречения душ умерших младенцев считалось необходимым кроме произнесения крестильной формулы бросить кусок ткани

или платка в ту сторону, где слышался детский плач или птичий писк: «То колись так казали, шо просять хрещення, і треба їм кинути платок свій і сказати: “Якщо пан — то Іван, якщо панна — то Іванна”. А той платок — то як *крижма*, то ше як його кидаеш, то треба перехрестити» [Когда-то рассказывали, что просят они окрестить, и нужно им кинуть свой платок и сказать: «Если ты пан — то Иван, если ты панна — то Иванна». А этот платок — это как *крижма*, и еще как бросаешь, нужно перехрестить] (Ивано-Франковская обл.) (Галайчук 2016: 192).

Сохранился ряд украинских и западнополесских свидетельств о том, что предпринятый человеком акт символического крещения открывал душам путь в рай, где они становились ангелами, в противном случае они превращались в злых духов. Ср. следующие сообщения: «...вже як ніхто не вхрестит ту дитину, воно вже переходить у беси, в чурті» [если никто не окрестит этого ребенка, то он превращается в бесов, в чертей] (Галайчук 2016: 196 — волын.). В Сколевском районе на Львовщине популярными были поверья о том, что умерший некрещеный младенец становится чертом, приходит к родителям под окно и кричит: «Тату, мамо! Охрестіт мене!» [Папа, мама, окрестите меня!]. Если душу окрестят, то она станет ангелом и улетит на небо, если же нет, то так и останется навсегда чертом (Гнатюк 1912: 230). Аналогичное сообщение удалось записать в 1920-е гг. в Закарпатье (район Прислопа) известному русскому фольклористу П. Г. Богатыреву: «Ребенок, умерший некрещеным, *змітча*, считается чертом и причиняет родителям беспокойство [...] Семь лет он кричит, требуя у матери и отца: “Мама, дай мне имя”» (Богатырев 1971: 249). Похожие представления были зафиксированы в западных районах Полесья: «Коли помрє нєхрїшчене дитя и ему їмья нє дадуть, — его надо перєхрєстїть умэрлого. Сáмы люди перєхрєшчáють и называют Евою чы Адамом. Если не перєхрєстят, то воно стане злым духом» [Когда умрет некрещеное дитя и ему не дадут имени, его надо окрестить, умершего. Сами люди крестят и называют Евой или Адамом. Если не окрестят, то он станет злым духом] (НДП 2019: 558, № 314). По широко известным гуцульским поверьям, все разновидности злых духов — *чорти, дітьки, пекуни, юди, невмиті* — произошли от душ убитых новорожденных детей, которых в течение семи лет никто из людей так и не окрестил (Шухевич 1908: 6). В Березовском районе Брестской области (с. Спорово) среди названий умерших некрещеных детей встречается антропоним *одáмчык*, который, по-видимому, является отголоском суеверной практики наделять этих духов лич-

ными именами ради того, чтобы они благополучно попали в рай, а не сделались бы злыми духами (ПА).

В приведенной выше цитате из закарпатских материалов П. Г. Богатырева ощущается некоторая смысловая неувязка: в ней говорится о том, что душа некрещеного младенца становится чертом, который причиняет беспокойство родителям (?), требуя дать ему имя. Здесь как будто нарушена логическая связь: душа умершего ребенка (имеющего живых родителей) становится чертом (не имеющим родителей среди людей), поэтому странно, что уже ставшее абстрактным демоном существо обращается к человеку, используя термин родства («мама»). Вместе с тем за этим сообщением (вполне адекватно записанным собирателем) скрывается важный мифологический концепт, связанный с представлениями о том, что душа «нечистого» покойника может стать злым духом. Дело в том, что в данном случае слова *черт*, *злой дух* понимаются в несколько ином смысле, чем семантически близкие к ним лексемы *дьявол*, *сатана*, *бес*. Когда речь идет о ночных визитах душ умерших родственников, которые нуждаются в помощи своих живых сородичей и наказывают их за невыполнение каких-либо установленных правил коммуникации между тем и этим светом, то таких потусторонних пришельцев называют либо по их прижизненным именам, либо обобщенными словами типа «душенька», «покойничек», «родитель» и т. п. Если же все законные требования умершего родственника семья выполнила, а он продолжает «ходить» и уже не только наказывает сородичей за нарушение установленных норм поведения, но и немотивированно вредит им, тогда считается, что умершим человеком уже завладели черти, и сам он приобрел свойства злого духа. В этом случае приходится предпринимать действия для отгона и защиты от нечистой силы. У славян кое-где сохранились свидетельства того, что «нечистые» покойники сначала ходят только к своим родственникам и вредят лишь им, а затем (если не принять срочных апотропейных мер) они могут стать опасными для всех односельчан. Например, у кашубов Польского Поморья различались два типа вампиров, по-разному именуемых: один из них назывался *opi* ‘упырь’, второй — *vešču* ‘вещун, умерший колдун’. О последнем из них говорили, что он ходит только к своим родственникам и пьет у спящих домочадцев кровь, а *opi* гораздо опаснее, так как он доводит до смерти также чужих людей и способен уничтожать целые села (Sychta SGK 3: 330). По-видимому, имелись в виду разные стадии демонологизации умерших людей: второй тип вампирического существа — умерший

колдун — еще помнил своих живых сородичей и посещал лишь свой собственный дом, а тот, кто именовался словом *opi*, приобрел статус опасного демона (упыря) и мог уже вредить всем людям.

Таким образом, под словом *черт* (по отношению к умершим некрещеным детям) понимается не нашедший упокоения на том свете покойник, который начинает утрачивать признаки конкретной личности с ее прижизненными кровно-родственными связями, поэтому вредит всем людям без разбора. Такие «черти» — как считали жители Волынской обл. — «робляцця з людий» [происходят от людей] (Галлайчук 2016: 196), в отличие от чертей-бесов, которые произошли из падших ангелов в народно-христианской мифологии. Аналогичные представления зафиксированы у гуцулов: «Некоторые усматривают разницу между собственно чертом [...] и чертями, в которых якобы превращаются некрещенные дети» (Кайндль 2003: 93).

Подобный процесс демонологизации блуждающих в земной сфере человеческих душ зафиксирован в мифологии западных и восточных славян на той стадии, когда (к моменту массового сбора фольклорных данных в XIX–XXI вв.) эти персонажи осмыслились еще как души конкретных умерших родственников, а не как абстрактная злокозненная нечистая сила. Достаточно сослаться на широко известные представления о том, что некрещенные дети мстят только своим родителям (за неисполнение обряда крещения), а для всех остальных людей не представляют опасности.

Рассмотрим теперь наиболее характерные стереотипы поведения, приписываемые этим персонажам в мифологии Полесья и в Украинских Карпатах. Полесские данные об умерших некрещеных детях в сопоставлении с южнославянскими аналогичными представлениями рассмотрены А. А. Плотниковой в специальной работе (Плотникова 2013: 233–253). Мы же предпримем попытку охарактеризовать эту категорию умерших с точки зрения их речевого поведения, которое помогает раскрыть процесс смены статуса души конкретного умершего человека, приобретающей статус персонажа нечистой силы. Судя по многочисленным свидетельствам Полесского архива, на пограничной территории южных областей Белоруссии и северных областей Украины души некрещеных детей вполне определенно выделяются в особую персонажную группу. При этом приходится констатировать, во-первых, довольно слабую степень их мифологизации (отмечается их принадлежность скорее к классу «душ умерших», чем к классу «демонов»), а во-вторых, отсутствие общего (для обозначенной территории) названия. Обычно для именованя этих духов используется

неспецифическая бытовая лексика: *душа, шо нэхрэшчэнэ* (ровен.); *дэ-тына бэз имя* (брест.); *дети нехришчаные* (полес.) (Левкиевская 2012: 226). Весьма невелик и набор характерных для них мифологических признаков: ничего не говорится об их внешнем виде (они невидимы в ночной темноте и выдают себя лишь звуками плача, стоны, писка); в числе их вредоносных функций упоминается лишь то, что они пугают ночных путников, когда преследуют их своими стонами и просьбой окрестить. Именно эти мотивы — просьба духа наделить его личным именем и описание акта символического крещения, совершаемого случайным прохожим, — являются самыми устойчивыми признаками комплекса полесских поверий об умерших младенцах. Таким образом, в полесской традиции эти мифические существа воспринимались прежде всего как несчастные существа, страдающие от своего «нечистого» статуса, не позволяющего им попасть в рай, а не как агрессивные демоны (Левкиевская 2012: 226).

Более многообразные признаки и функции этих персонажей отмечаются в карпатоукраинской мифологии, где умершим некрещеным детям (потерчатам) приписываются некоторые свойства демонов стихий: они вместе с чертями крутят вихри, толкут град в тучах, их преследуют громовые удары: «Нехрещені і жертви аборту йдуть до злого, вихорь крутять разом із злим, і недоношені дітки, як їх не ум'янить» [Некрещенные дети и жертвы аборта переходят во власть черта, вихрь крутят вместе с чертом, и недоношенные детки тоже, если не дать им имени] (Галайчук 2016: 36). Главной опасностью, которую несли в себе «нечистые» покойники (в том числе и *потерчата, стратчата*), считалась их способность насылать мор и эпидемии, а также влиять на погодное равновесие (Левкович 2012: 247; Войтович 2015: 93). Считалось, что в домах, рядом с которыми был закопан погубленный женщиной недоношенный ребенок, «не ведутся» (не выживают) дети, умирают один за другим новорожденные (Гнатюк 1912: 223). Жители Прикарпатского Подгорья (Дрогобычский, Коломыйский, Стрыйский повіты) верили, что если окрестить *страччукá*, то он станет ангелом, если же не найдется среди людей такая добрая душа, то «з такого страччука робить ся злий дух, страшит по ночах і робить усякі пакости в тім місці, де лежить його тіло» [из такого *страччукá* образуется злой дух, пугает по ночам и делает всякие пакости в том месте, где лежит его тело] (Франко 1898: 216). В народных поверьях Турковского района Львовской области упоминаются еще более вредоносные действия этих духов: если погубленное сразу после родов дитя закопают где-нибудь в саду, под

яблоней, то потом оно бродит повсюду, цепляется к человеку, высасывая из него соки, и тогда человек чернеет и заболевает (Левкович 2010: 83). О вампирических склонностях умерших некрещеных младенцев находим также сообщения из Подольской губернии, на которые ссылается Д. К. Зеленин: считалось, что «потырчата» могут при встрече с человеком *пидтяты* его, т. е. одним взглядом «подрезать его жизненную силу», после чего этому человеку жить остается уже недолго (Зеленин 1995: 56).

Вместе с тем в этой же региональной традиции встречаются представления о сравнительной безвредности этих персонажей, о которых говорили, что, не дождавшись символического обряда крещения, ребенок-*потерча* становится нечистым духом и «робить людям збитки, але звичайно не шкодить», т. е. доставляет людям беспокойство, но не вредит им (Гнатюк 2000: 134).

Поверье о том, что «ребенок, умерший некрещеным, принимает вид вихря или носится в вихре», зафиксировано также в полесских материалах (ровенские и киевские свидетельства): «Выхор робыцьця от тых дытэй, шо ны хрышчаны, тийи, шо матыри скидають, то у выхор пырыворучають, а подвие под чоловика, можэ чоловика зробыты калікою» [Вихрь происходит от тех детей, которые некрещены, из тех, что матери их «скидывают», то они в вихрь превращаются, а если поддует он под человека, то человек может стать калекой] (НДП 2012: 234).

Яркой особенностью рассматриваемой группы персонажей-покойников в мифологии всех славян является их акустическая характеристика. Считалось, что, невидимые в ночной темноте, некрещеные дети проявляют себя резкими птичьими криками, совиным уханьем, писком либо жалобными стонами, междометными возгласами: «Гу-гу!», «Ух, ух!», «Ох-ох-ох!»; звукоподражаниями детскому плачу: «Куа, куа!», «Кве, кве, кве!», «Ку-ва-а!», «Коў-оў!» (НДП 2012: 241–249). По сравнению с другими категориями умерших (преимущественно молчаливых) некрещеных детей отличает специфическое речевое поведение. Среди приписываемых им реплик самыми распространенными можно признать формулы, содержащие просьбу окрестить (либо дать имя, либо дать «крыжму»). Это могли быть предельно короткие выкрики: «Хреста, хреста!», «Ксту, ксту, ксту-у-у!», «Кшту, кшту!» (т. е. «Креста! Креста!»), — либо лаконичные просьбы: «Перэхрэсті меня!», «Дайты хрестик!», «Хреста прошу!», либо более развернутые просительные формулы: «Хто в Бога вірус, дайте мені хреста!» (Гнатюк 1912: 286). Изредка приводятся и

благодарственные приговоры «потерчат», произносимые ими в ответ на совершенный человеком акт крещения: «Біг за́плать! Біг за́плать!» [Да вознаградит тебя Бог] (Галайчук 2016: 192).

Обращает на себя внимание тот факт, что именно в речевом поведении наиболее явно обнаруживается характеристика персонажей восточнославянской мифологии, происходящих из некрещеных детей, как невинных жертв, духов — страдальцев за чужой грех; как существ, преданных Богу, ищущих спасения и заслуживающих сострадания со стороны людей. В украинских закарпатских обычаях для распознавания «чистых» либо «нечистых» покойников (при встрече с ними) принято было использовать в качестве пароля церковнославянскую формулу «Всякое дыхание да хвалит Господа!». Если встреченный призрак ответит: «И я хвалю!», то следовало спросить духа, в чем он нуждается, и помочь ему искупить прижизненные грехи; если же тот промолчит, то считалось, что это нечистая сила и от нее надо спастись общепринятыми оберегами; см. подробнее: (Толстая 2019: 96–106; Виноградова 2019). Судя по речевому поведению некрещеного ребенка, вступившего в этот диалог, он относится к числу «чистых» духов, ибо в ответ на реплику человека «Кожне хрещене Бога хвалить!» отзывается: «І я хвалю́» (Хмельницкая обл.) (Галайчук 2016: 192). А в одной белорусской (гродненской) быличке раскрываются подробности того, как именно бесприютная блуждающая душа младенца хвалит Господа Бога. В ней рассказывается, как ехавший ночью человек встретил на пути маленького ребенка и догадался спросить: «Чаго душа потребу́я?» — «Креста!» — ответило дитя. Человек осенил младенца крестным знамением и дал ему имя «Ева», и оно отошло, говоря: «Свят, свят, свят Господь, наш заступник, земля полна славы Его!» (Шейн 1902: 318).

Особый интерес представляют такие приговоры некрещеных детей, в которых используются термины родства («папа», «мама»), позволяющие обнаружить следы не разорванных окончательно кровнородственных связей между умершими младенцами и их живыми родителями. В карпатоукраинских быличках «потерчатам» приписываются рифмованные приговоры (иногда называемые «песнями»), содержащие упреки в адрес родителей, не окрестивших умершего ребенка: «Про нехрещену дитину кажут, що то летит такий якийсь птах і каже: “Бодай моя мама була не прощена, шо я вмерла нехрещена”» [Про некрещеного ребенка рассказывают, что это летит такая какая-то птица и говорит: «Пусть не будет моей маме прощения за то, что я умерла некрещеной»] (Галайчук 2016: 193). По другим сви-

детельствам, умершие новорожденные девочки проклинали подобными словами свою мать, а мальчики — отца: «Якщо *стратче* було дівчинкою, воно промовляє: “Бодай мама не прощена, що я вмерла нехрещена”, — якщо ж хлопчиком: “Бодай тато не прощен, що я умер нехрещен”» [Если *стратче* было девочкой, то оно говорит: «Пусть не будет мама прощенной, что я умерла некрещеной», — а если мальчиком: «Пусть не будет отец прощенным, что я умер некрещеным»] (там же: 193).

Еще одна типичная словесная формула, содержащая осуждение матери, закопавшей новорожденного без обряда крещения, — приписывается в украинской демонологии русалкам, которые произошли от душ умерших детей: «Мене маты народыла, нехрещену положила» (Маркевич 1991: 115; Гнатюк 2000: 130; ВСЭС 2001: 418). Вариантами этой формулы служат следующие приговоры, записанные в Купянском уезде Харьковской губ.: «Мене мати породила, на свит билый не пустила...» или: «Мене мати народыла, некрещену схоронила» (Иванов 1893/5: 69–70). В этом же уезде записана быличка о мертворожденных младенцах-близнецах, которые не только упрекают свою мать, но и преследуют ее в ржаном поле, пугают, угрожают мстью:

У одной женщины родились близнята мертвыми; она похоронила их под хатним порогом. Через некоторое время, может, через год или больше, на Клечальных праздниках пошла она в поле посмотреть хлеб. Походила, устала и села на земле около нивы отдохнуть. Вдруг из ржи выскакивают двое малюток, бросаются к ней и кричат: «Породыла мене мате, породыла та не охрестыла!» Баба испугалась, вскочила и пустилась бежать, а оне за нею, да все кричат: «Навищо ты нас породыла та не охрестыла?» Начала баба на бегу креститься да читать молитвы, тогда они отстали и исчезли (Иванов 1893/5: 71).

Судя по рассказам жителей этого региона (Харьковщина), среди умерших детей-русалок различались «именные» (наделенные при рождении именем) и «безыменнные» (*безименные* в написании П. В. Иванова, без имени). Живут те и другие в воде, и первые бьют вторых, «безыменнных», приговаривая: «У вас батько проклятый, у вас мате проклята! Воны вас родылы, а меня не дали!» (там же: 41). Здесь подчеркивается отсутствие имени как признак неполноценности умершего человека.

Матери умерших без обряда крещения младенцев строго соблюдали запрет на полевые работы в Троицын день, когда природным пространством якобы завладевали души безвременного скончавшихся детей (в том числе русалки). Считалось, что нарушители этого запрета подвергаются преследованию со стороны духов-мстителей. В одной из полесских (ровенских) быличек сообщается, что женщина вопреки запрету пошла в поле полоть пшеницу и услышала, как кто-то бегал по меже и кричал: «Гух, гух, гух! Соломняний дух! Мене мати породила, в вінці на лаві положила» [Меня мать породила, в веночке на лавке положила] (Галайчук 2016: 199). В этой реплике отразился широко известный у всех славян обычай хоронить маленьких детей в свадебном облачении (в веночке). Другая женщина шла мимо кладбища и слышала детские голоса: «...а мы деточки нехрїшчаны, то нас не принимают хрїшчаны!» (Ветковский р-н Гомельской обл.) (НДП 2012: 254 № 121).

Таким образом, содержанием текстов, произносимых умершими детьми, являются чаще всего: просьба окрестить; благодарность за акт посмертного символического крещения; упреки или проклятия в адрес родителей, не окрестивших или не давших имени младенцу; жалобы на то, что души младенцев не принимают в сообщество праведных душ, и т. п. Все эти речевые стереотипы характеризуют рассматриваемых нами персонажей как невинных жертв чужих грехов, как духов-страдальцев, приверженцев христианской веры, стремящихся попасть в Царство Божие. Однако по прошествии определенного срока (7, 12 лет) эти существа — если они не дождались от людей ритуала имянаречения — приобретали, по народным поверьям, свойства вредоносных духов, которые уже представляли серьезную опасность для людей. Умершие мальчики якобы становились чертями, а девочки — *русалками, мавками, нявками, повітрулями, лісницями* (карпатоукр.). И тогда люди защищались от них (как и от всей нечистой силы) общепринятыми в местной традиции растительными оберегами — луком, чесноком, полынью, тоей¹, тимьяном и т. п. Соответственно, изменялось и речевое поведение персонажей, генетически связанных с душами умерших некрещеных младенцев: они сетовали, что люди носят при себе растения-обереги; не будь этих апотропеев, они непременно навредили бы роженицам и их новорожденным детям. У гуцулов и бойков сохраняется поверье, что *мавки* гуляют в четверг на Русальной неделе и приговаривают: «Ск би ни лук, чеснок, ни

1 Травянистое растение, аконит сборный (*Aconitum Napellus* L.).

одилен зіле, мати синка породила, ми би его взели!» [Если бы не лук, чеснок, не «одилен-трава», то, как только мать сыночка родила, мы бы его забрали] (Гнатюк 2000: 127). В Верховинском районе Ивано-Франковской области похожая формула приписывалась «страченим дітям», т. е. загубленным матерями детям: «Якби не лук, цісок, не одолен-зілле, мамка синка породила, ми би його із'їли» [Если бы не лук, чеснок, не «одолен-зелье», то, как только мамка сыночка родила, мы бы его съели!] (Буйських 2014: 104). Множество вариантов этой же формулы-угрозы, произносимой женскими мифологическими персонажами, записывали этнографы на территории Закарпатской области. Вот один из текстов этого типа: «Якби не чеснок та не одолян-зілля, та не виділа би мамка синкове весілле» [Если бы не чеснок и не «одолян-зелье», не видать бы мамке сыновней свадьбы] (Король 2019: 259). По сообщению В. Шухевича, нявки во время своих совместных сборищ на Троицкой неделе водят хороводы и поют: «Йик би ни цибульи, ни чиснок та ни кидрове зільи, ані юдове зільи, то би був наш сьвіток» [Если бы не лук, не чеснок и не «кедровое» зелье, и не чертово зелье, то нашим стал бы весь свет] (Шухевич 1908: 200).

Рассмотренные нами стереотипы речевого поведения умерших без обряда крещения (имянаречения) детей позволяют сформулировать следующие выводы. Во-первых, эти формулы зафиксированы преимущественно на территории Украинских Карпат и — в меньшей степени — на западе Полесья. Во-вторых, в содержательном аспекте они демонстрируют разные эволюционные уровни мифологизации человеческой души, жаждущей попасть в рай, а в случае неудачи приобретающей признаки злого духа. В вербальных формулах — просьбах окрестить и дать имя часто используются термины родства («папа», «мама»), тогда как в репликах демонизированных персонажей, произошедших от некрещеных детей, высказываются прямые угрозы в адрес рожениц забрать у них новорожденных, съесть их, подчинить себе весь белый свет. В-третьих, та степень агрессии, которая проявляется в речевых стереотипах карпатоукраинских «потерчат», заметно сближает их с аналогичными южнославянскими персонажами, которые выделяются в славянской мифологии большей степенью демонизации по сравнению с западно- и восточнославянскими умершими младенцами. Наконец, само по себе активное речевое поведение этих духов может свидетельствовать о высоком уровне разработки их мифологических характеристик именно в народной демонологии Карпатского региона, сохраняющего многочисленные архаические этнокультурные черты.

Источники и литература

ПА — Полесский архив. Институт славяноведения РАН, Отдел этнолингвистики и фольклора.

Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.

Буйських 2014 — *Буйських Ю.* Система традиційних міфологічних вірувань та уявлень гуцулів у вимірі сучасності // Народна творчість та етнографія. 2014. № 1. С. 98–107.

Виноградова 2019 — *Виноградова Л. Н.* Особая категория мифологических персонажей: души-«покутники» // Живая старина. 2019. № 2. С. 19–21.

Власова 1998 — *Власова М. Н.* Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998. 669 с.

Войтович 2015 — *Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. Львів: СПОЛОМ, 2015. 228 с.

ВСЭС 2001 — Восточнославянский этнолингвистический сборник. М.: Индрик, 2001. 495 с.

Галайчук 2016 — *Галайчук В.* Українська міфологія. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2016. 288 с.

Гнатюк 1912 — *Гнатюк В.* Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. У Львові: Накладом наукового товариства імени Шевченка, 1912. Т. 31–32. С. 131–424.

Гнатюк 2000 — *Гнатюк В.* Нарис української міфології. Львів: Інститут народознавства НАНУ, 2000. 263 с.

Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 430 с.

Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 401 с.

Зубрицький 1909 — *Зубрицький М.* Селянські будинки в Мшанці Старосамбірського повіту // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1909. Т. 11. Ч. 1. С. 1–22.

Иванов 1893/5 — *Иванов П. В.* Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского историко-филоло-

гического общества. Харьков, 1893. Т. 5. (Труды Педагогического отдела Историко-филологического общества; вып. 1). С. 23–74.

Кабакова 1994 — *Кабакова Г. И.* Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії. Київ: Наукова думка, 1994. С. 312–317.

Кайндль 2003 — *Кайндль Р. Ф.* Гуцули: їхнє життя, звичаї та народні перекази. 2-е видання, випр. і доп. / переклад з німецької Зиновивії Пенюк; наукове редагування і післямова Олександра Масана. Чернівці: Молодий буковинець, 2003. 200 с.

Корепова 2007 — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 495 с.

Король 2019 — *Король В. В.* Народна демонологія гуцулів Закарпаття: дис. ... канд. філол. наук / [место защиты Львов]. Ужгород; Львів, 2019 (на правах рукописи).

Крачковский 1874 — *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина. М., 1874. 212 с. (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1873 г.; кн. 4).

Левкиевская 2012 — *Левкиевская Е. Е.* Дети некрещенные // Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 225–227.

Левкович 2010 — *Левкович Н.* Народна демонологія Бойківщини (Турківський район Львівської області) // Міфологія і фольклор. Загальноукраїнський науково-освітній журнал. Львів, 2010. № 1 (5). С. 71–87.

Левкович 2012 — *Левкович Н.* Традиційні уявлення бойків про душі померлих дітей (За польовими матеріалами) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2012. Вип. 47. С. 236–252.

Легенды 2005 — Легенды і паданні. Мінск: Беларуская навука, 2005. 552 с. (Беларуская народная творчасць).

Маркевич 1991 — *Маркевич Н. А.* Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ: Либідь, 1991. С. 52–170.

МБЭС 2011 — Міфалогія беларусаў: энцыклапедычны слоўнік / [склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка]. Мінск: Беларусь, 2011. 605 с.

НДП 2012 — Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост.: Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2012. 800 с. (Studia philologica).

НДП 2019 — Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). Т. 4: Духи домашнего и природного

пространства. Нелокализованные персонажи / сост.: Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2019. 829 с. (Studia philologica).

Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 767 с.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Полесье как архаическая зона Славии: Этнолингвистический аспект // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов, Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 233–253.

Полонијо, Шешо 2002 — *Полонијо И., Шешо Л.* «Дијете пред рајским вратима»: Народна вјеровања Јужних Славена у наднаравну манифестацију душа мртве дјече // Кодови словенских култура. № 7 (Деца). Београд, 2002. С. 102–130.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.

ПЭЗ 2011 — Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 частках. Ч. 1–2 / Полацкі дзярж. ун-т; [уклад., прадм. У. А. Лобача]. Наваполацк: Полацкі дзярж. ун-т, 2011. Ч. 1. 291 с. Ч. 2. 368 с.

Раденковић 2001 — *Раденковић Љ.* Некрштенац // Словенска митологија: енциклопедијски речник / ред. Светлана М. Толстој, Љубинко Раденковић; [прев. с рус. Радмила Мечанин, Љубинко Раденковић, Александар Лома]. Beograd: Zepet book world, 2001. С. 376–378.

РДС 1995 — Русский демонологический словарь / автор-составитель Т. А. Новичкова. СПб.: Петербург. писатель, 1995. 639 с.

Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.

СРНГ 12 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 12. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1977. 368 с.

Толстая 2019 — *Толстая М. Н.* Две церковнославянские формулы в мифологии украинского Закарпатья // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2019. С. 96–113. DOI: 10.31168/91674-564-1.17.

Франко 1898 — *Франко Ів.* Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 160–218.

Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

Черепанова 1995 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с.

Шейковский 1860 — *Шейковский К.* Быт подолян. Т. 1. Вып. 2. Киев: Губ. тип., 1860. [2], IV, 3–74 с.

Шейн 1902 — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: тип. Акад. наук, 1887–1902. Т. 1–3 (4 т.). Т. 3: Описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. 1902. IV, 535 с.

Шухевич 1908 — *Шухевич В.* Гуцульщина: фізіографічний, етнольогічний і статистичний огляд: у 5 т. Т. 5. Львів: Загальна друкарня, 1908. 300 с.

Federowski 1897 — *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Kraków: Wydawn. Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie, 1897. 509 s.

Moszyński 1967 — *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. T. 2: Kultura duchowa, cz. 1. Warszawa: Książka i wiedza, 1967. 835 s.

Sychta SGK 3 — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1967–1976. T. 1–7. T. 3: Ł–O. 1969. 386 s.

References

Bogatyrev, P. G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva*. Moscow: Iskusstvo, 1971, 544 s.

Buīs'kykh, Iu. “Systema tradytsiinykh mifolohichnykh viruvan' ta uiaвлен' hutsuliv u vymiri suchasnosti.” *Narodna tvorchist' ta etnohrafia*, no. 1, Kyiv, 2014, s. 98–107.

Cherepanova, O. A. *Mifologicheskaia leksika Russkogo Severa*. Leningrad: Leningrad State University Publishing, 1983, 169 s.

Cherepanova, O. A., editor. *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing, 1996, 212 s.

Halaichuk, V. *Ukrains'ka mifolohiia*. Kharkov: Knyzhkovyi Klub “Klub Simeinoho Dozwillia”, 2016, 288 s.

Kabakova, G. I. “Deti, umershie do kreshcheniia.” *Problemy suchasnoï arealohii*, Kiev: Naukova dumka, 1994, s. 312–317.

Klimkovich, I., and V. Aūtushka, editors. *Mifalohiia belarusaŭ: ěnsyklopedychny sloŭnik*. Minsk: Belarus', 2011, 605 s.

Korepova, K. E., and N. B. Khromova, and Iu. M. Shevarenkova, editors. *Mifologicheskie rasskazy i pover'ia Nizhegorodskogo Povolzh'ia*. Saint Petersburg: Tropa Troianova, 2007, 495 s.

Korol', V. V. *Narodna demonolohiia hutsuliv Zakarpattia*: PhD dissertation. Uzhhorod, Lvov, 2019 (manuscript).

Lehendy i padanni. Minsk: Belaruskaia navuka, 2005, 552 s.

Levkievskaya, E. E. "Deti nekreshchenye." *Narodnaia demonologiia Poles'ia (Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka)*, t. 2: *Demonologizatsiia umershih liudei*, ed. by L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaya, Moscow: LRC Publishing House, 2012, s. 225–227.

Levkovich, N. "Narodna demonolohiia Boikivshchyny (Turkivs'kyi raion L'vivs'koï oblasti)." *Mifolohiia i fol'klor. Zahal'noukraïns'kyi naukovo-osvitniï zhurnal*, no. 1 (5), Lvov, 2010, s. 71–87.

Levkovich, N. "Tradytisni uivlennia boikiv pro dushi pomerlykh ditei (Za pol'ovymy materialamy)." *Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriia istorychna*, vyp. 47, Lvov, 2012, s. 236–252.

Lobach, U. A., editor. *Polatski etnagrafichny zbornik*, vyp. 2: *Narodnaia proza belarusai Padzvinnia*, u 2 chastkakh, ch. 1–2. Novopolotsk: Polatski dziarzh. un-t, 2011.

Markevich, N. A. "Obychai, pover'ia, kukhnia i napitki malorossiian." *Ukraïntsi: Narodni viruvannia, povir'ia, demonolohiia*, Kiev: Lybid', 1991, s. 52–170.

Moszyński, K. *Kultura ludowa Słowian*, t. 2: *Kultura duchowa*, cz. 1. Warszawa: Książka i wiedza, 1967, 835 s.

Novichkova, T. A. *Russkii demonologicheskii slovar'*. Saint Petersburg: Peterburg. pisatel', 1995, 639 s.

Plotnikova, A. A. *Ėtnolingvisticheskaia geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 767 s.

Plotnikova, A. A. "Poles'e kak arkhaischeskaia zona Slavii: Ėtnolingvisticheskiï aspekt." *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov, Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, ed. by A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2013, s. 233–253.

Polonijo, I., Šešo, L. "Dijete pred rajskim vratima: Narodna vjeronanja Južnih Slavena u nadnaravnu manifestaciju duša mrtve djece." *Kodovi slovenskih kultura*, no. 7 (Deca), Beograd, 2002, s. 102–130.

Pomerantseva, Ė. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klora*. Moscow: Nauka, 1975, 191 s.

Radenković, Lj. "Nekrštenac." *Slovenska mitologija: enciklopedijski rečnik*, ed. by Svetlana M. Tolstaya, Ljubinko Radenković, Beograd: Zepter book world, 2001, s. 376–378.

Sedakova, O. A. *Poëtika obriada: Pogrebal'nai obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian*. Moscow: Indrik, 2004, 319 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, vyp. 12. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1977, 368 s.

Sychta, B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. 3, Ł–O. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1969, 386 s.

Tolstaya, M. N. “Dve tserkovnoslavianskie formuly v mifologii ukrainskogo Zakarpat'ia.” *Slavianskie arkhaischeskie arealy v prostranstve Evropy*, ed. by S. M. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2019, s. 96–113. DOI: 10.31168/91674-564-1.17.

Vinogradova, L. N. “Osobaia kategoriiia mifologicheskikh personazheĭ: dushi-pokutniki.” *Zhivaia starina*, no. 2, 2019, s. 19–21.

Vinogradova, L. N., and E. E. Levkievskaya, editors. *Narodnaia demonologiia Poles'ia (Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka)*, t. 2: *Demonologizatsiia umerskikh liudeĭ*. Moscow: LRC Publishing House, 2012, 800 p.; t. 4: *Dukhi domashnego i prirodnogo prostranstva. Nelokalizovannye personazhi*, Moscow: LRC Publishing House, 2019, 829 s.

Vlasova, M. N. *Russkie sueveriiia: ětsiklopedicheskiĭ slovar'*. Saint Petersburg: Azbuka, 1998, 669 s.

Voitovych, N. *Narodna demonolohiia Boĭkivshchyny*. Lvov: SPOLOM, 2015, 228 s.

Vostochnoslavianskiĭ ětnolingvistichekii sbornik. Moscow: Indrik, 2001, 495 s.

Zinoviev, V. P., editor. *Mifologicheskije rasskazy russkogo naseleniia Vostochnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1987, 401 s.

Lyudmila N. Vinogradova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Markers of demonism in the appearance and behavior
of mythological characters

(Polesye and Carpatho-Ukrainian beliefs about deceased unbaptized children)

Representations of deceased unbaptized children as mythologized beings are more or less common in all Slavic traditions, but these characters occupy a different place in different regional mythologies. In some beliefs, they are perceived as relatively harmless souls from among their relatives, who must be considered, remembered in a timely manner, observe certain prohibitions on memorial days, and so on. In others beliefs, they are very dangerous spirits that can provoke various troubles, diseases and natural disasters. In some beliefs, these mythical creatures do not stand out from the total number of “unclean” dead. Accordingly, not everywhere these spirits form an independent class of demonological

images in the general ethnic character system, they are not universally designated by specific terms and have a set of stable mythological characteristics. The article examines folk beliefs recorded in Polesye and in the Ukrainian Carpathians about the demonization of the souls of unbaptized children, and also attempts to characterize this category of the dead in terms of their speech behavior, which indicates the character's acquisition of the status of evil spirits. The active speech behavior of these spirits characteristic of the Carpathian-Ukrainian tradition may indicate a high level of development of their mythological characteristics in the folk demonology of the Carpathian region, which preserves numerous archaic ethnocultural features.

Keywords: folk demonology, Polesye and Carpathian folk mythology, speech behavior stereotypes, unbaptized children, demonization of dead people.

УДК 398.4(=163.41)(045)
ББК 82.3(3)

А. А. Плотникова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Народная мифология Пчини в южнославянском контексте

Статья посвящена анализу народной мифологии из региона Пчиня, который находится на сербско-македонском пограничье и в местной традиции которого на рубеже столетий, когда была осуществлена этнолингвистическая экспедиция в село Ябланица (1998 г.), сохранились архаические черты. Показано, что специфика народных представлений из сферы народной мифологии обусловлена положением региона на пересечении основных традиций восточной части Южной Славии. Вместе с тем ряд зафиксированных мифологических номинаций связывает регион с центральной и западной частью Южной Славии. Подробно проанализированы особенности традиции, находящие параллели в народной культуре восточной, юго-восточной и южной Сербии (в том числе сербских косовских сел), Македонии и западной Болгарии. В работе применен этнолингвистический метод исследования, нацеленный на изучение языковых явлений в тесной взаимосвязи с экстралингвистическим контекстом, что особенно важно для анализа народных мифологических представлений, когда один и тот же демонологический образ может иметь разные наименования, а неоднородный по генезису и функциям персонажный ряд — связываться с единым названием демона. К исследованию привлечены этимологические и диалектные словари, этнолингвистический Косовский архив, а также этнографические работы из разных регионов Южной Славии. Ключевые слова: *этнолингвистика, народная мифология, фольклорная лексика, южная Сербия, сербско-македонское пограничье, западная Болгария, Косово.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.3.02

На юго-востоке Сербии, в районе пограничья с Республикой Северная Македония, расположен регион Пчиня, обследовавшийся авто-

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

ром статьи более двадцати лет назад, в 1998 г., по этнолингвистической программе, созданной для изучения балканославянских языков и традиций, см. краткую хронику экспедиции: (Плотникова 2013: 334–336)¹. Собранные полевые материалы по народной мифологии до сих пор не получили подробного освещения, хотя и представляют большой интерес для этнолингвистической географии Южной Славии. Важно подчеркнуть, что сегодня имеется возможность более четко определить место пчиньской традиции на этнокультурной карте Южной Славии: к настоящему времени появился ряд этнолингвистических исследований балканославянского ареала с картами, показывающими распространение не только этнокультурной лексики, но и самих изучаемых реалий народной духовной культуры на территории Южной Славии (см., например: Седакова 2002; Плотникова 2004; Плотникова 2013: 9–142). Это позволяет проанализировать более тщательно данную локальную традицию Пчини в южнославянском контексте.

В юго-восточной Сербии встречается немало изолексов и изодоксов², характерных для так называемого балканского центра, который находится на перекрестке рассматриваемых культур — сербской, болгарской и македонской. Наиболее яркие черты этой традиции имеют непосредственные сходства и параллели в сербской традиции в ее юго-восточной и южной частях (особенно в косовских селах), в традиции сербско-болгарского пограничья (подчеркнем, что речь идет прежде всего о сходствах в южной части сербско-болгарского пограничья) и македонско-западноболгарского ареала.

Мифологический персонаж *вила* / *самовила*. Для Ябланицы характерно аналогичное македонским и западноболгарским наименованию *самовила* для персонажей типа серб. *вила*. Как и севернее, в южноморавских селах Лесковацкого края Сербии (Власотинцы), в Ябланице фиксируется термин *самовилске виле* (с редупликацией

¹ Экспедиция 1998 г. в с. Ябланица на Пчине проводилась совместно с коллегой из Сербской академии наук и искусств, доктором наук Билянй Сикимич, которой автор данной статьи выражает сердечную благодарность за активную помощь и поддержку. Этой экспедиции предшествовало обследование с. Равна-Гора в районе г. Власотинцы в Лесковацком Поморавье (юго-восточная Сербия) также совместно с Б. Сикимич (лето 1998 г.).

² Термин «изодокс», принятый в этнолингвистической литературе по аналогии с принятым в лингвогеографии термином «изоглосса», принадлежит Н. И. Толстому и относится к линии, разграничивающей отдельные явления или элементы духовной культуры, см.: (Толстой 1995: 21).

корня общеизвестного в Южной Славии термина) для наименования персонажей, причиняющих людям вред в облике вихря, сильного ветра. Реже встречается верование в существ, помогающих людям в ясновидении, магическом лечении больных, в этом случае название персонажей несколько трансформируется — их называют *самовилске сестре*, т. е. в наименование включается термин родства, что связано с широко распространенным в восточной части Южной Славии побратимством (посестримством), играющим определяющую роль для позитивной оценки взаимоотношений между людьми (а также между человеком и мифологическим персонажем³). Известны запреты лежать под любимым деревом демонических существ (называемом, как и в селах Южного Поморавья, *самовилско дрво*), иначе человеку не избежать болезни. Мотив принадлежности дерева самовилам фиксируется и Т. Вукановичем в районе Призрена (Косово): человек, срубивший *самовилско дрво*, заболает (Vukanović 1986: 446). Подтверждения этого мотива находим и в Косовском архиве Института балканистики в Белграде, а именно в записях начала нынешнего столетия: например, нельзя рубить одиноко стоящее дерево, которое считается деревом самовил, — отмечена быличка о том, как срубленное *самовилско дрво* принесло несчастье сразу двум семьям, которые его погубили; и наоборот, водой из источника около такого дерева лечат все болезни (DABI, 18-K-SEVCE-3-RM); в таком дереве обитают самовилы (*већином самовиле туј живу*, DABI, 25-K-JAŽINCE-1-RM), под ним нельзя сидеть, спать и т. д. В обследованном в том же 1998 году селе Равна-Гора (район г. Власотинцы в Лесковацком крае) нам довелось записать сходные рассказы о персонажах, называемых там *самовилке*. Местами их обитания считались деревья со спутанными в виде большого гнезда ветками (*самовилско дрво* ‘дерево самовил’, *самовилска сљива* ‘слива самовил’, *аљава сљива* ‘дерево, где живут самовилке, ветер, нечистая сила’). Человек, как-либо осквернивший такое дерево (а также попавший под действие вихря; в с. Равна-Гора вихрь также называется *самовилке*), заболевает. В этом случае «дерево самовил», чтобы задобрить «самовилок», украшают ленточками, вешают на него части одежды, поливают сладкой водой, обращаясь при этом к его обитательницам со словами: «Сестры милые, отпустите...» И здесь, как и на сербско-македонском пограничье, известны рассказы о женщинах-знахарках, которых «самовилки» забирают с собой в воздух: «сестер» обычно восемь, а девятой они берут к себе реальную жен-

3 Далее — МП.

щину, которая после этого «знает» всё и умеет лечить людей. «Самовилки» всегда молоды, поэтому со временем им приходится брать с собой другую, более молодую, женщину из села. Такие лексические и экстралингвистические параллели, касающиеся народных поверий, показывают общность рассматриваемых традиций на юго-востоке и юге Сербии. Аналогии встречаются и севернее — в восточной Сербии (Горни-Висок), где, например, обозначение *самовилска круша* ‘груша самовил’ относится к дереву без верхушки (собственные записи, с. Еловица); таким же плоским сверху деревом или кустом (похожим на «стол»), где обитают рассматриваемые персонажи, может оказаться и шиповник, боярышник, слива и пр., ср. *столовата круша* «груша как стол», *столоват глог* «боярышник как стол»⁴.

Наименование *самовила* для персонажей типа «вила» известно на востоке и юге Сербии (включая косовское пограничье с Македонией), в юго-западной Болгарии и практически повсеместно на территории Македонии (см. Плотникова 2004: 614–624). Зафиксированное в Пчиньском крае наименование *самовилске виле* как вариант с повтором корня *вил-* также встречается именно в юго-восточной Сербии, например в Пиротском крае: *виле-самовиле* (Горни-Висок, собственные записи, 1998 г.).

Распространенным в регионе Пчиня является мотив демонической свадьбы, подробно исследованный на славянском фоне Л. Раденковичем (Раденковић 1998). Типично балканский сюжет такого ночного видения кратко можно описать следующим образом: прохожий неожиданно видит свадьбу (невесту с женихом в сопровождении веселящейся процессии), слышит музыку, участники заставляют его присоединиться к свадьбе, дают кубок с вином, а наутро бедолага обнаруживает вокруг себя болото (или другое труднопроходимое место) и череп вместо кубка в руках⁵. Л. Раденкович выделяет целую парадигму возможных персонажей такой свадьбы у балканских

4 Ср. также работу Д. Златковича (Златковић 1998), в которой автор справедливо ссылается на материал, собранный в 1998 г. совместно с автором настоящей статьи. К сожалению, в этой работе Д. Златкович рассматривает весь богато представленный материал народной мифологии как связанный по происхождению лишь с душами умерших некрещеными детей, что только отчасти соответствует записанным в регионе Горни-Висок поверьям о персонажах типа «вила».

5 Ср. также идентичную быличку о мельнике Милко, к которому в гости зашла «свадьба», но сватами оказались дьяволы или *самовили* (здесь как существа мужского пола) (Филиповић, Томић 1955: 104).

славян (дьяволы, привидения и пр.). Именно персонажи типа «вила» характерны в этой роли для сербских областей (*виле*) и болгарских регионов (*самодиви*), а в окрестностях Пловдива такое видение ночной свадьбы демонов называют *видявкина*, *нидявкина*, *дяфкина сватба* в соответствии с наименованием мифологических персонажей типа «вила» *видяфка*, *нидяфка*, *дяфка*) (Раденковић 1998: 154). Полевое обследование Ябланицы на Пчине позволяет добавить в этот ряд мифологических персонажей — участников мнимого свадебного шествия — и выражение *самовилске виле*: «...прођеш у ниједно време, па некое може се учини, али и може и претвори се. Као снашка, као оној, то је самовилске виле» [...пройдешь в «никакое время», и может показаться кому-нибудь, но может и превратиться. В невесту как будто бы, это «самовильские вилы»] (ББ). Как и во многих других южнославянских регионах, в таком рассказе возможна отсылка к более общим персонажам: дьяволам, сатане.

Особого рассмотрения заслуживают МП, зафиксированные только в области Пчиня (в так называемой Верхней Пчине) М. Филиповичем и П. Томич: *андре*, *андришта* (pl.) (Филиповић, Томић 1955: 104–106)⁶. Авторы описывают их как невидимых существ женского пола, которых люди могут определить по голосу и встречающимся следам на траве. Они появляются в облике вихря, уносящего предметы: если кто-то работает в праздничный день и его сено разметает сильный ветер, то говорят: *андришта му однели* [«андришта у него унесли»] (Филиповић, Томић 1955: 105). Эти и другие признаки сближают данных МП с «вилами» в других областях Сербии: например, «андры» приходят ночью в конюшню и заплетают коням гривы, могут наказать человека, превратив его в камень; они обитают на деревьях, рядом с которыми растет шиповник, у воды около мельниц; на месте, где они танцуют ночью под дудку некоего мужского персонажа (их предводителя), остается вытопанная трава и круг из грибов — *колиште*, *игриште*, опасное для всех, кто на него наступит (Филиповић, Томић 1955: 105), ср. также в словаре М. Златановича (с. Радовница): «Куде су андре играле, трава не ница» [Там, где «андры» танцевали, трава не растет] (Златановић 2014: 22). Фонетически сходные названия, обозначающие дьявола, черта, встречаются в разных других областях Сербии: *андрак* (Воеводина), *кондрак* (Алексинач, Левач и Темнич в центральной Сербии) (ЕРСЈ: 160–161). Использование термина, которым называют дьявола или не-

6 В Ябланице и окрестных хуторах представления об этих МП нами, однако, не были зафиксированы.

чистую силу в целом, для обозначения самовил особенно характерно для пчиньской мифологической традиции, где вредоносные действия «вил», «самовил» часто идентифицируются как проявление дьявольского воздействия на человека, а сами наименования *вила*, *самовила* заменяются на *сатана*: так, если кто-то видел «дьявольскую свадьбу», ему говорят, что на него напали либо *виле*, либо *сатана*: «Виделе смо то, она вика баба: “А, тој виле ве носиле!” Самовилске виле то. Па каже: “Сатана те нека носила!”, каже зато се каже. Као сатана те нека носила, па си то видела, каже» [Видели мы это, а бабушка говорит: «А, это вас “вилы” носили!» Это «самовильские вилы». И говорит: «Сатана тебя какая-то носила», — так про это говорит. Будто какая-то сатана тебя носила, вот ты это и видела] (ББ).

Мифологический персонаж, предрекающий судьбу новорожденного. В конце XX в., когда проводилось этнолингвистическое исследование села Ябланица на Пчине (1998 г.), представления о «самовилах» контаминировались и с верованиями в существ женского пола, предрекающими судьбу ребенка на третью ночь после его рождения, например: «Самовилске виле, синко, што ти донесе судбину, то ће да ти буде до краја живота» [*Самовилске виле*, дочка, какую судьбу они тебе принесут, то с тобой и будет до конца жизни] (СМ). Чаще, однако, в этом значении фиксировалось иное, более традиционное для сербских диалектов название *суђенице*. По сообщениям информантов, в ожидании «предсказательницы» под голову ребенка кладут чеснок, спички, чтобы те ему не навредили. Как и в других балканославянских регионах, рассказывали, что это три женщины, причем первая определяет судьбу новорожденного как счастливую, вторая предсказывает несчастья, третья снова возвращается к позитивному предопределению, и слово последней становится решающим. Сам термин народной духовной культуры — *суђеница* — слабо фиксируется на македонской территории (исключение представляет регион Скопья). Наименования *суђеница* и подобные от *суд-* характерны для сербскохорватского лингвистического пространства в сторону запада (тогда как на востоке, на пограничье с Болгарией, распространены наименования типа *одурисница* от ⁺(*o/y*) *рис-* по типу образований от греческого в северной части Болгарии, см. (Плотникова 2004: 694–711). Устойчивы и частотны отмеченные в Ябланице выражения типа *суђеница суди* [«судженица» судит] (т. е. «судженица» определяет дальнейшую судьбу человека)⁷.

⁷ Ср. также краткие сведения о «судженицах» в монографии (Филиповић, Томић 1955: 72).

Ведьма. Представления о ведьме, называемой в пчиньских селах *мађешница*, в основном сходны с теми, которые фиксируются в других частях Сербии (она отбирает урожай, седлая ночью в голом виде навои и совершая на нем объезд полей; отнимает молоко у коров; насылает болезнь на людей; может поссорить супругов), например: «Жене које правив мађије па јаав вратила голе, тако идев, фађав ги много. Фађале су ги голе» [Женщин, которые совершали магические действия и ездили голыми на навоях, так ездили, их много ловили. Ловили их голыми] (МБ). Вместе с тем сам термин характерен для юго-восточной и восточной Сербии, в отличие от наименования *вештица*, известного во всех других частях Сербии, а также *чинилица* и под. от *čip-*, характерного для западных областей, см. карту (Плотникова 2004: 646–657)⁸.

Мифологический персонаж «змей» и его противник. Важное место в рассказах из сферы народной мифологии занимает мотив рождения необычного младенца (*змеј, змај*), в будущем имеющего возможность бороться с демоном непогоды (называемым здесь *ала*), на что указывает особый знак — крылышки под мышками («Као крилица се то створи испод руке, вика, и родија се змеј» [Будто крылышки это возникает под руками, говорят, и родился змей], ББ). Записано лишь от одного информанта рассуждение о силе змея, противостоящего «але»: «То ако има те але, рецимо, змај је много да уништава њих, мислим. Е, сад његову силу — он је био јачи од тег, од те але, да» [Это, если есть эта «ала», к примеру, змей много их уничтожает, думаю. Ну, про его силу — он был сильнее ее, сильнее, чем эта «ала», да] (СтМ)⁹. Подобные сюжеты о воздушной битве змея и противостоящей ему прожорливой, уничтожающей урожай «алы» практически повсеместно известны в восточной Сербии и юго-западной Болгарии, Македонии, см. (Плотникова 1998; Плотникова 2004: 223–224, 658–665); более редким можно считать мотив рождения младенца с крылышками, хотя упоминания об этом также фиксируются на востоке и юго-востоке Сербии (см., например, Зечевић 1981: 72). На Пчине указывается и способ сохранения жизни такому новорожденному:

8 Важным дополнением к ареалу наименования ведьмы на юге Сербии могут служить соответствующие лексические данные Косовского архива: *мађижарка* (DABI, 106-R-Vitina-6-MI), *мађушница*, *мађижарка*, *мађеушница* (DABI, 15-K-DRAJKOVCE-2-RM) и т. д.

9 Гораздо более частотен в Ябланице термин *аламуња* в значении ‘буря, сильный ветер, гром, град, снег’ (BA, CA, CM).

девять¹⁰ женщин за один вечер должны сшить ему рубашечку, в противном случае младенец умрет. Впоследствии, по словам собеседников, такой человек-змея улетает из дома («И оно, вика, после оде, то одлети») [И оно <дитя>, говорят, после уходит, оно улетает], ББ)¹¹.

В народной мифологии, а именно в связи с представлениями о непогоде, грозе и граде, наблюдается немалое число соответствий традиции рассматриваемого ареала и с традицией западной Болгарии. Для Пчини (в отличие от других сербских областей) не характерны верования в то, что черными тучами предводительствуют умершие несправедливой смертью покойники (ср., например, Плотникова 2018: 250–251), однако регулярно фиксируются поверья о белом орле или черном вороне, которые «ведут» градоносные тучи на село: «Бел орал и куда он иде и град тепа» [Белый орел, и куда он движется, там град бьет] (ББ). Или: «Штом се види гавран испред облак, каже се: град иде. И гавран црн лети» [Как только увидят ворона перед тучей, говорят: град приближается. И ворон черный летит] (ББ). Подобные представления известны в южной Сербии, Македонии и Болгарии (Раденковић 1996: 143). Нельзя обойти вниманием и замечание Л. Раденковича об амбивалентной функции орла в традиции указанных областей: и как предводителя черных туч, и как защитника села от града (Раденковић 1996: 143), ср. то же (Гура 1997: 611)¹²; последнее в

10 Для народной традиции рассматриваемого региона характерна особая роль числа 9 (видимо, как усиление в трехкратном повторении числа три, см. Толстая 2012: 345): так, фиксируются рассказы о девяти сестрах-самовилах, помогающих обычной женщине. Часто встречается предписание девять раз кормить кур в Рождественский сочельник в круге из веревки, чтобы они не разбегались в будущем году, или разжигать до девяти костров на Масленицу; мартовские дни *Бабе* занимают календарный отрезок в девять дней. Именно в центральной части балканославянского ареала (особенно в Косове, восточной и юго-восточной Сербии) число 9 чаще всего фигурирует в текстах и ритуалах лечебной магии, подробнее см. (Раденковић 1996: 341–343).

11 Аналогичные поверья о ребенке с крылышками под мышками, которому за одну ночь прядут, снуют, ткуют и шьют рубашечку 9 женщин, отмечались и ранее в XX в. (Филиповић, Томић 1955: 104).

12 Подобные представления об орле как предводителе града и защитнике от него какого-либо села отмечаются и у македонцев, в частности в работах Т. Вражиновского, но, к сожалению, в самом общем виде и без указаний на конкретные места фиксации подобных поверий, см., например, (Вражиновски 1998: 133).

Ябланице не фиксируется: защитником выступает человек-змей (который борется с «алой»), что еще раз подтверждает в определенной степени смешанный характер народной культуры на сербско-македонском пограничье. Авторы словаря «Болгарская мифология», обобщая материал, пишут о повсеместном распространении у болгар представления о том, что орел приводит за собой град (БМ: 245–246). Наиболее последовательно такие поверья фиксировались в западной и южной Болгарии (Пирин, Софийский край, Кюстендилский край, Родопы и т. д.) (Георгиева 1983: 45–46; Гура 1997: 611).

Вампир и его вредоносные функции. Поверья о возвращении умершего после смерти в дом с целью пугать людей, устраивать беспорядок в хозяйстве широко распространены в рассматриваемом регионе Пчини. Во многом они сходны с аналогичными верованиями из восточной и юго-восточной Сербии. В такого МП, называемого здесь, как и большинстве областей Сербии, *вампир*, превращается умерший, через которого перепрыгнула кошка (МБ) или любое другое животное; сходные представления о причинах превращения в вампира известны у всех балканских славян и на Карпатах. В Ябланице полагают, что в этом случае «его душа остается в доме» 40 дней после смерти, в течение которых может задушить того, кого больше всех любил (СМ). Вампир громыхает предметами на чердаке, выпускает из загонов скот, наваливается на спину людям и ездит на них верхом. По поверьям, от вампира можно избавиться несколькими способами. Он не может перейти через воду, поэтому для него пекут булочки и бросают в реку, чтобы он прыгнул за ними, после чего он погибает, исчезает (*истрови*, МБ), — тогда на другом берегу появляется пятно некой густой жидкости («как желток»), это остатки МП, называемые *истровиште* (ср. серб. *травати* ‘отравлять’) и используемые как оберег от злых сил (СМ). Считается, что можно также повесить на другом берегу флягу с вином, заманивая вампира на угощение, но нельзя самому переходить реку, иначе он запрыгнет человеку на спину и переправится на другую сторону (ВА). По другим поверьям, достаточно отослать его в другой дом: «Иди тамо и тамо, тије су те људи звали, треба да идеш» [Иди туда и туда, эти люди тебя звали в гости, тебе нужно пойти] (СМ). Все эти способы изгнания вампира из пространства своего дома обнаруживают аналогии в македонских областях, ср. (Вражиновски 1995: 93–125), отчасти в косовских материалах ДАВІ (например, представление об остатках вампира, называемых (*и*)*истровиште*).

По местным поверьям, вампир, которого не уничтожили в первые 40 дней, приобретает плоть и кости (*укости се* ‘костенеет’),

превращаясь в то животное, которое перепрыгнуло мертвеца в гробу: «Мислим, кад прође његових четерес дана што га је, мислим, прескочило, прерипило, кад је био мртав, он се од тога претвара у маче ил куче...» [Думаю, когда пройдут его сорок дней, то, что его перескочило, перепрыгнуло, когда он был мертвым, вот он и превращается в кошку или собаку...] (СМ). Закостеневшего вампира называют *костеник*. Тогда он начинает пить кровь у скота, чтобы набраться сил и жить дальше, ср. также подобные представления в северо-западной Болгарии (Плотникова 2004: 216) и восточной Сербии (Плотникова 1998: 54).

В этом регионе с вампиром нередко ассоциируется МП, представляющий собой персонификацию состояния удушения во сне, называемый здесь также и *мора*: «Па мора је, исто кажу као вампир, то је тешко, исто, а она сваког не напада, мора» [Ну, мора — это то же самое, говорят, что и вампир, это тоже тяжелое, но она не на каждого нападает] (СМ). «Мора», по поверьям, происходит от умершего по соседству человека, нападает на людей выборочно, особенно на тех, кто ночует в чужих домах; если человек перекрестится, МП убежит. В других южнославянских регионах образ «моры», как правило, связывается не с вампиром, а с молодой ведьмой, мстящей молодым мужчинам, см. например, (Плотникова 2016: 193–195).

Нечистая сила в «зимнее время»: *караконцул(а)*. В этом регионе представления о вампире нередко контаминируются с мифологическим образом сезонного демона, называемого здесь *караконцул(а)*. Основные характеристики МП и корпус его наиболее известных наименований и функций в Болгарии, Македонии, Сербии описаны в статье И. А. Седаковой (Седакова 2002)¹³. В пчиньском регионе из основных характеристик демона осталась, пожалуй, «сезонность» его появления: это зимнее время, причем оно заметно удлинено — верят, что МП является не только в святочные дни, когда он наиболее опасен

¹³ Большой объем дополнительных сведений об особенностях данного сезонного демона находится в Косовском архиве Института балканистики в Белграде: в частности, находим наименования *калаканџурке*, *каланџурке*, *калаконџура* / *калаконџура*, *калаконџурка*, *калаконџер* и т. д.; функции и ипостаси: *каланџурке* могут превращаться в огонь (DABI, 3-K-G.BITINJA-1-RM) или зубами высекают искры (*из зубе ги ишле искре*, DABI, 25-K-JAŽINCE-1-RM), а также бросаются / плюются огнем (DABI, 24-K-VRBEŠTICA-4-RM); *калаконџура* ездит верхом на человеке (DABI 319-R-TALINOVAC-1-SM) и т. д.

в других балканославянских регионах, но и в любое время до конца Масленицы, и только в последний день Масленицы (*Прочка* 'Прощеное воскресенье') их («караконджулов») изгоняют, перепрыгивая через обрядовые костры и сжигая нить, на которой висело масленичное яйцо для обрядовой игры *лајање јаје* (букв. «гавканье на яйцо»: яйцо пытаются схватить зубами, не помогая себе руками). Удлинение периода появления МП свидетельствует о его постепенном исчезновении из памяти носителей традиции. Все другие функции «караконджулы» здесь сходны с теми, которые приписываются вампиру: ночью стучит на чердаке (*чука на таван*; МБ), пугает людей. Встречаются утверждения, что «это то же самое, что и вампир» или что *караконцула* происходит от вампира: «Па не знам, ал од вампира сам чула да је то од вампира караконцула. Која има јаке нокте, која, то већином у воду иде, то је водна нека животиња, кад се претвори у животињу» [Ну не знаю, но от вампира, я слышала, эта караконджула. Которая имеет сильные ногти, которая в воду стремится, это водное какое-то существо, когда в животное превратится] (СМ). В мифологических рассказах оба персонажа взаимозаменяются и идентифицируются, например: «... караконцул ил' вампир» [караконджул или вампир] (СА). Подобное слияние двух мифологических образов характерно для македонских областей, где считается, что если вампир не исчезает до шестой недели после смерти, то становится *караконциол*, после чего его невозможно уничтожить (Вражиновски 1995: 135–136).

* * *

Как показали наши исследования в области народной духовной культуры, которая отражается в соответствующих тематических пластах лексики, исследуемая традиция характеризует своего рода пересечение юго-восточносербской, македонской и западноболгарской традиций. Изолексы и изодоксы «восток / запад» по-разному проходят на территории Поморавья в Сербии, включая рассматриваемую традицию Ябланицы (и шире — Пчини) в «западную» или «восточную» зоны в зависимости от того или иного рассматриваемого культурного явления и его обозначения в языке. С одной стороны, названия женских мифологических персонажей *суђеница*, *вила* (например: *виле те смлатиле* [букв. вилы тебя «перемололи»] (ББ) — говорят о болезни человека, прилегшего под дерево, где они обитают) ориентируют нас на западную часть Южной Славии. С другой стороны, название мифических существ *самовиле*, наименование ведьмы *мађешница* или поверья о людях со свойствами змея-дракона, о предводителях черных

туч в облике крупных птиц (белый орел, черный ворон) указывают на принадлежность традиции Пчини, наряду со всеми другими регионами южного Поморавья, к восточной (балканославянской) части Южной Славии, которая охватывает также находящуюся южнее македонскую и западнее — болгарскую традиции.

Список информантов

ББ — Благоица Бойкович (Благоица Бојковић), родом из с. Брлевац (Брљевац), 12 км от Ябланицы, хутор Орляк (Орљак), 1943 г. р.

ВА — Верица Анастасиевич (Верица Анастасијевић), родом из с. Магленцы (Магленци), 10 км от Ябланицы (на территории Северной Македонии, 42 км от Куманова), 1949 г. р.

МБ — Мирко Бойкович (Мирко Бојковић), с. Ябланица (Јабланица), 1912 г. р.

СА — Стоядин Анастасиевич (Стојадин Анастасијевић), с. Ябланица (Јабланица), хутор Орляк (Орљак), 1953 г. р.

СМ — Слободанка Монасиевич (Слободанка Монасијевић), родом из с. Трговиште, 13 км от Ябланицы, 1967 г. р.

СТМ — Станимир Монасиевич (Станимир Монасијевић), с. Ябланица (Јабланица), 1928 г. р.

Источники и литература

ДАВІ — электронный архив Института балканистики Сербской Академии наук и искусств (Digitalni arhiv Balkanološkog Instituta SANU).

БМ — Българска митология. Енциклопедичен речник. София: Издателска група 7М + ЛОГИС, 1994. 400 с.

Вражиновски 1995 — *Вражиновски Т.* Народна демонологија на Македонците. Скопје; Прилеп: Матица македонска, 1995. 161 с.

Вражиновски 1998 — *Вражиновски Т.* Народна митологија на Македонците. Кн. 2. Етнографски и фолклорни материјали. Скопје; Прилеп: Културно наследство, 1998. 323 с.

Георгиева 1983 — *Георгиева И.* Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1983. 210 с.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.

ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика. Св. 1: А–Аш. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2003. 257 с.

Зечевић 1981 — *Зечевић С.* Митска бића српских предања. Београд: «Вук Караџић», 1981. 227 с.

Златановић 2014 — *Златановић М.* Речник говора југа Србије. Врање: Учительски факултет, 2014. 812 с.

Златковић 1998 — *Златковић Д.* Душе умрлих као митолошка бића у Горњем Високу // *Расковник*. Год. 14. № 93–94. 1998. С. 44–62.

Плотникова 1998 — *Плотникова А. А.* Мифологические рассказы из восточной Сербии // *Живая старина*. М., 1998. № 1. С. 53–55.

Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 767 с.: карты.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М.: [Институт славяноведения РАН], 2013. 384 с.

Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: [Институт славяноведения РАН], 2016. 319 с.: карты.

Плотникова 2018 — *Плотникова А. А.* Человек против непогоды (по данным центрального ареала Южной Славии) // *Образ человека в языке и культуре*. М.: Индрик, 2018. С. 241–258.

Раденковић 1996 — *Раденковић Љ.* Символика света у народној магији Јужних Словена. Ниш: Просвета, 1996. 386 с.

Раденковић 1998 — *Раденковић Љ.* Демонска свадба // *Кодови словенских култура*. № 3. Београд: Издавачко предузеће Змаја од Ноћаја, 1998. С. 154–162.

Седакова 2002 — *Седакова И. А.* К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 483–510.

Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Число // *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого*. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 544–547.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Филиповић, Томић 1955 — *Филиповић М., Томић П.* Горња Пчиња // *Српски етнографски зборник*. Књ. 68. Београд: Графичко предузеће «Академија», 1955. 153 с.

Vukanović 1986 — *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Т. 2. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986. 480 с.

References

- Bŭlgarska mitologija. Entsiklopedičen rechnik.* Sofia: Izdatelska grupa 7M LOGIS, 1994, 400 s.
- Etimološki rečnik srpskog jezika*, sv. 1: A–Aš. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2003, 257 s.
- Filipović, M., Tomić, P. “Gornja Pčinja.” *Srpski etnografski zbornik*, knj. 68, Beograd: Grafičko preduzeće “Akademija”, 1955, 153 s.
- Georgieva, I. *Bŭlgarska narodna mitologija*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1983, 210 s.
- Gura, A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoj narodnoj traditsii*. Moscow: Indrik, 1997, 910 s.
- Plotnikova, A. A. “Mifologicheskie rasskazy iz vostočnoj Serbii.” *Zhivaia starina*, no. 1, Moscow, 1998, s. 53–55.
- Plotnikova, A. A. *Ėtnolingvističeskaja geografija Iuzhnoj Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 767 s.
- Plotnikova, A. A. *Iuzhnye slaviane v balkanskom i obshchoslavianskom kontekste: ėtnolingvističeskie očerki*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2013, 384 s.
- Plotnikova, A. A. *Slavianskie ostrovnnye arealy: arkhajka i innovatsii*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016, 319 s.
- Plotnikova, A. A. “Chelovek protiv nepogody (po dannym tsentral'nogo areala Iuzhnoj Slavii).” *Obraz cheloveka v iazyke i kul'ture*, Moscow: Indrik, 2018, s. 241–258.
- Radenković, Lj. *Simbolika sveta u narodnoj magiji Južnih Slovena*. Niš: Prosveta, 1996, 386 s.
- Radenković, Lj. “Demonška svadba.” *Kodovi slovenskih kultura*, no. 3, Beograd: Izdavačko preduzeće Zmaja od Noćaja, 1998, s. 154–162.
- Sedakova, I. A. “K probleme zaimstvovaniĭ v balkanoslavianskikh iazykovykh i ėtnokul'turnykh sistemakh.” *Slavianskaia iazykovaia i ėtnoiazykovaia sistemy v kontakte s neslavianskim okruženiem*, Moscow: Iazyki slavianskoj kul'tury, 2002, s. 483–510.
- Tolstaya, S. M. “Chislo.” *Slavianskie drevnosti: ėtnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, 5 t, t. 5, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, s. 544–547.
- Tolstoy, N. I. *Iazyki i narodnaia kul'tura. Očerki po slavianskoj mifologii i ėtnolingvistike*. Moscow: Indrik, 1995, 512 s.
- Vražinovski, T. *Narodna demonologija na Makedoncite*. Skopje, Prilep: Matica makedonska, 1995, 161 s.
- Vražinovski, T. *Narodna mitologija na Makedoncite*, knj. 2, Etnografski i folklorni materijali. Skopje, Prilep: Kulturno nasledstvo, 1998, 323 s.
- Vukanović, T. *Srbi na Kosovu*, t. 2. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986, 480 s.
- Zečević, S. *Mitska bića srpskih predanja*. Beograd: Vuk Karadžić, 1981, 227 s.

Zlatanović, M. *Rečnik govora juga Srbije*. Vranje: Učiteljski fakultet, 2014, 812 s.
Zlatković, D. "Duše umrlih kao mitološka bića u Gornjem Visoku." *Raskovnik*,
god. 14, no. 93–94, 1998, s. 44–62.

Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Folk mythology in the region Pchinia in South Slavic context

The article is devoted to the analysis of folk mythology from the region of Pčinja, located on the Serbian-Macedonian border and preserving the archaic features in the local tradition at the turn of the 21st century, when we have an ethnolinguistic expedition in the village of Jablanica (1998). It is shown that the specificity of folk mythological representations is related to the location of the region at the intersection of the main traditions of the Eastern part of South Slavia. However, a number of recorded mythological names connect the region with the Central and Western parts of Southern Slavia. The features of the tradition that have parallels in Eastern, South-Eastern and Southern Serbia (including Serbian Kosovo villages), Macedonia and Western Bulgaria are analyzed in detail. The paper uses an ethnolinguistic research method aimed at studying language phenomena in close relationship with the extralinguistic context, which is especially important for the analysis of folk mythological representations, when the same demonological image may have different names, and vice versa, heterogeneous in genesis and functions mythological characters are designated by one common name for the demon. The study uses etymological and dialect dictionaries, the ethnolinguistic Kosovo archive, as well as ethnographic works from different regions of South Slavia.

Keywords: *ethnolinguistics, folk mythology, folk vocabulary, southern Serbia, Serbian-Macedonian border, Western Bulgaria, Kosovo.*

УДК 398.3(=163.2/=512.161)
ББК 82.3(3)

А. А. Леонтьева, Е. Н. Струганова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Особенности духовной культуры и историческая память жителей болгаро-турецкого села Славяново

Экспедиционное исследование с. Славяново (община Попово, область Тырговиште, Болгария) было проведено в августе 2019 г. Село было выбрано исходя из специфики его смешанного национального состава: основу славянского населения составляют потомки болгар, прибывших сюда после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Турецкое население Славянова делится на коренных жителей, чьи предки проживали здесь еще в османское время, и переселенцев из Кырджали (юго-восточная Болгария) и других традиционно турецких регионов Болгарии, появившихся в селе во второй половине XX в., при этом существует несколько народных версий истории переселений.

Задачей экспедиции был сбор языкового, этнографического и исторического материала для дальнейшего изучения основных ценностей в жизни современного турецко-болгарского села, а именно: языка и коммуникации, толерантности, родовой памяти, истории родной земли, веры и конфессии, обрядов, фольклора и пр. В связи с этим в ходе работы исследовались история села и историческая память его жителей, языковая ситуация, обрядовая жизнь. Анализ собранного материала позволяет сделать вывод о постепенном сглаживании культурных различий и отсутствии противоречий между болгарами и турками, т. е. ценность коммуникации и толерантности очень велика. Во многом это базируется на знании обычаев и обрядов соседей. При этом наблюдаются проникновение языковых элементов из турецкого в болгарский и из болгарского в турецкий (при доминировании государственного болгарского языка). Турки заимствуют в первую очередь наиболее частотные бытовые слова и клишированные выражения из болгарского языка.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 18–512–76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED–SW). Руководитель И. А. Седакова.

Ключевые слова: *Балканы, ценности, народная религиозность, духовная и материальная культура, билингвизм, болгары, православие, турки, ислам, мусульмане.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.3.03

Экспедиционное исследование с. Славяново (община Попово, область Тырговиште, Болгария) было проведено в августе 2019 г.¹ Село было выбрано исходя из специфики его национального состава, который является смешанным, в нем проживают болгары и турки. Общая численность жителей села — 850 человек (согласно описи 2015 г.), данных о соотношении численности турецкого и славянского населения в официальных источниках найти не удалось.

Задачей исследования стал сбор языкового, этнографического и исторического материала для дальнейшего изучения основных ценностей в жизни современного турецко-болгарского села. В ходе работы было опрошено 18 респондентов, записано 14 часов аудио. В беседах поднимались темы наследования материальных и духовных ценностей в семье и родовой памяти, отношения к религии и обрядности, обсуждалось межконфессиональное общение.

Основу славянского населения составляют потомки переселенцев из различных регионов Болгарии, прибывших сюда после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии от турецкой власти. Турецкое население Славянова делится на коренных жителей, чьи предки проживали здесь еще в османское время, и переселенцев из Кырджали и других традиционно турецких регионов Болгарии, появившихся в селе во второй половине XX в. По их словам, они переезжали в Славяново как в более богатый и плодородный регион.

Сведения о селе

О Поповской общине, и селе Славянове в частности, есть сведения в научной и краеведческой литературе, касающейся вопросов истории (Глушков 1997; Събев 1997; Тошев 2003), этнографии (Витанов 1994) и топонимики (Радев 1997; Тодорова-Димитрова 1997; Тодорова-Димитрова 2006) этого своеобразного историко-географического микрорегиона. Обобщающего исследования языковой ситуации, истории и культуры села не проводилось.

¹ Участники исследования благодарят Вильдане Озкан (Шабанову) (Бурса, Турция) за помощь в организации экспедиции.

История Славянова описана в рукописных анонимных источниках конца XX — начала XXI в., хранящихся в сельской администрации (*кметстве*) и сельском доме культуры (болг. *читалище*) и воспринимаемых местными жителями как достоверные. В сельской администрации нам дали возможность ознакомиться с архивной рукописной тетрадью (АИ 1), в которой собраны разрозненные сведения о географии, истории и демографии села. Рукопись, хранящаяся в доме культуры (АИ 2), написана анонимным автором от первого лица в более эмоциональной стилистике. Повествование о селе заканчивается упоминанием об избрании нового сельского главы в 1979 г., что позволяет предположить, что текст был написан не позднее 1980 г.

Первые упоминания о поселении на этом месте зафиксированы в османских налоговых регистрах в 1524 и 1541 гг.; село упоминается под историческим названием Кара-Агач (Кара-Агадж, Кара-Агач-Кёй, Караач, тур. *Kara ağaç*), что переводится как «черный вяз». По сведениям анонимного автора, название села связано с 20–30 вязами, которые росли на месте появления первых домов — на современной площади у школы «между чешмой [выведенным источником воды] и Векильским колодцем» (АИ 2: 1) (здесь и далее перевод с болгарского авторов статьи. — А. Л., Е. С.). По воспоминаниям автора, некоторые из этих вязов росли там еще в 1930-е гг. (АИ 2: 1). Однако среди информантов, опрошенных летом 2019 г., этот факт никто не упомянул. Согласно легенде, рассказанной одной из респонденток, в этих местах прежде были поселения, однако случилась эпидемия чумы и они были покинуты жителями. Спустя некоторое время власти отправили туда одного человека, чтобы он прожил в этой местности год. Он не умер и перевез туда семью, землю он получил в дар и стал приглашать и нанимать людей для ведения хозяйства. Так возникло село (М. М.). Выбор места под вязами символичен. Болгарская исследовательница И. Георгиева пишет, что «вяз прогоняет злые силы. Когда возводят ограду для нового гумна, ее делают из вяза — тогда уже не входит зло» (Георгиева 1993: 46). Также она упоминает другое село — Драгалиште в Разложском районе (юго-западная Болгария), где росли 12 вязов, они охраняли село от чумы (там же: 228). Это позволяет предположить, почему после эпидемии чумы новое село Кара-Агач было основано именно рядом с этими деревьями. Выбор места строительства исключительно важен, поскольку определяет всю последующую жизнь в новом доме или новом селе (Николов 1996).

Сама М. М. объяснила выбор места около вязов рационально: «...под вязами формировались водоносные пласты почвы, они собирают подпочвенные воды и дают хорошую тень», — а также она упомянула, что недалеко от этого места проходил торговый путь (Стара-Планина — Тырговиште с ответвлением к Русе и к Черному морю). Таким образом, можно сделать вывод, что выбор места для основания села был обусловлен и социально-экономически, и символически.

Название Векильского колодца, который, по легенде, находится недалеко от места основания села, происходит от тур. *vekil* 'заместитель, уполномоченный'. По предположению М. М., колодец получил такое название оттого, что был выкопан по приказу кого-то из векилов — представителя османской власти (М. М.). Ссылаясь на воспоминания «старых людей», женщина рассказала, что, по местным поверьям, недалеко от этого колодца была «самодивская поляна» — люди верили, что по ночам с небес туда спускаются «самодивы». Вода в этом колодце считалась целебной. В социалистический период на месте колодца была построена *чешма*, и по сей день многие предпочитают брать воду именно оттуда, хотя за последние десятилетия это место стало окраиной села.

Интересно, что в анонимной рукописи, повествующей об истории Славянова, составленной местным жителем, османский период практически не описывается, поскольку, по словам ее автора, «мы располагаем достаточным числом сведений, связанных с развитием моего родного села Славяново после Освобождения. Однако исторические сведения о жизни села в темное и далекое турецкое рабство достаточно скудны» (АИ 1). Отправной точкой и датой основания поселения в этом тексте назван 1857 год, почему именно и какое событие относится к этому году, не указано.

С момента основания и на протяжении всего османского периода население села было исключительно турецким. Без ссылки на исторические источники в АИ 1 указано, что, согласно налоговым документам, в эти годы в селе было 12 налогоплательщиков, все они мусульмане. К 1555 г. их число сократилось до шести, однако далее наблюдался постоянный рост численности населения, и оно оставалось исключительно мусульманским. По данным АИ 2, к концу османского периода в селе было 220–250 домов (АИ 2: 1). Основным занятием жителей было скотоводство, в первую очередь разведение коз, и земледелие (АИ 2: 2). Население было этнически неоднородным: здесь проживали болгары, турки, также некоторое время здесь жили

татары (в 1857 г. в Славянове поселяются две татарские семьи [Димитрова-Тодорова 2006: 167]) и недолго — черкесы, но «они поспешили его покинуть, поскольку здесь было слишком мало болгар, которых можно было бы грабить» (АИ 2).

После освобождения Болгарии (1878) значительная часть турок покинула село, с 1882 г. сюда стали переселяться болгары из окрестностей Тырнова, Габрова, Трявны и Елены, к осени 1882 г. сюда переселилось 12 болгарских семейств. В настоящее время в сельском доме культуры хранится рисунок: древо болгарских родов Славянова. По оценке анонимного автора истории села, это были «прогрессивные роды — свидетели зверств и бесчинств турецких аг, пашей и беев, перенесшие много страданий и несчастий» (АИ 2: 1). По словам одной из местных жительниц (Ц. Б.), это были болгары, сбежавшие в горы в первые годы османского завоевания и вернувшиеся в родные края после изгнания турок. Другая коренная жительница Славянова (М. М.), ссылаясь на воспоминания своей бабушки, родившейся в Славянове в 1896 г., рассказала, что ее предки из Оряховицы занимались отхожим промыслом — работали строителями в Добрудже и каждый раз по пути в Добруджу проходили мимо этих мест. Когда закончилась Русско-турецкая война и турецкое население покинуло село, они приняли решение переселиться в эти более благодатные земли. Таким образом, первыми болгарскими переселенцами села стали молодые, готовые к переменам люди 20–30 лет, решившиеся на такой трудный шаг. Важной чертой, по мнению М. М., этого нового периода в истории села является, в частности, отсутствие традиционных народных костюмов — она объяснила это тем, что болгары, во-первых, переселялись из различных регионов, во-вторых, это происходило уже в период европеизации традиционной культуры — таким образом, уже с начала 1880-х гг. жители Славянова носили исключительно городские костюмы.

Как показывают наши материалы, существует несколько народных версий истории переселений, которые значительно различаются и в значительной степени мифологизируются. Жительница села, представительница коренного турецкого населения (З. С.), на вопрос, куда переселились турки после Освобождения, ответила, что они никуда не переселялись, а продолжили жить в селе. М. М., ее ровесница, предположила, что после Освобождения турки всё же бежали в Анатолию, а мусульмане, оставшиеся в Славянове, — на самом деле потомки татар, которые скрывают свое татарское происхождение. Ссылаясь на воспоминания своей бабушки и отца, М. М. рассказала, что татары жили в Славянове с османских времен. После Русско-турецкой

войны турецкое население уехало в Анатолию, а татары остались. Их потомки не похожи на тех турок, которые приехали из Кырджали после 1944 г., эти две группы мусульман значительно различаются между собой. М. М. отметила, что кырджалийские переселенцы обладают более темным цветом волос и кожи, что сближает их с жителями Анатолии, они более религиозны и консервативны, менее образованы, не всегда в совершенстве владеют болгарским языком. В то время как коренные турки Славянова (которых она считает потомками татар) более высокого роста, светловолосые, лучше интегрированы в общество — образованны, хорошо и свободно говорят на болгарском языке. При этом респондентка особенно подчеркнула свою терпимость и добрососедские отношения с приезжими.

Языковая ситуация в Славянове

Вкратце опишем языковую ситуацию в селе. Основным языком общения в селе является государственный, болгарский. Турки говорят на родном языке в основном в кругу семьи или при неформальном общении с соседями-соплеменниками. Рассказывая об этом, они подчеркивают, что болгарский язык — язык страны, в которой они живут, поэтому его знание обязательно (Ш. М., И. К). Турок родом из турецкого села под Русе, но уже много лет живущий в Славянове (Ю. М.), подчеркнул, что в присутствии болгар переходит с турецкого языка на болгарский, поскольку это неуважительно по отношению к ним — говорить на турецком, они могут подумать, что он обсуждает их или что-то скрывает. Коренной житель Славянова, болгарин 1960 г. р. И. рассказал, что примерно до 8 лет мог говорить на турецком, поскольку среди его друзей было много турецких мальчиков и они вместе играли с раннего детства. Потом язык он забыл, но, если в его присутствии говорят на турецком, он понимает отдельные слова и фразы. Отличие коренных турок, выросших в этом селе с исторически смешанным населением, и людей, приехавших из этнически однородных турецких сел, заключается в возрасте, с которого начинают изучать болгарский язык. Так, О. М., приехавший с родителями из Кырджали школьником, пойдя в Славянове в школу, не знал болгарского. Его родители не говорили на болгарском до конца жизни, поскольку большую ее часть прожили в турецкоязычной среде и их взаимодействие с болгарскими было минимальным. Респондент, в частности, вспомнил случай, когда в его родное село в Кырджалийской области приехала по распределению молодая болгарская учительница и всё село собралось, чтобы на нее посмотреть, поскольку люди ни-

когда раньше не видели девушек в светской городской одежде. В свою очередь турки, родившиеся в Славянове, находились в билингвальной среде с самого детства, взаимодействуя с болгарским населением как минимум с трех лет — с детского сада.

В турецкий язык жителей села, особенно молодого поколения, проникают болгарские слова разных лексических групп, но в основном из повседневной коммуникации. Так, например, можно услышать: «Salatka uarasağiz» [Сейчас мы сделаем салат] (Ш. М.). Интересной иллюстрацией заимствований стал диалог матери (С. Х.) с трехлетней дочкой — во время семейного застолья она просила девочку чокнуться со всеми чашкой на прощанье: «Yar “наздраве”² ve gideceğiz» [Сделай “наздраве”, и мы пойдем]. Интересное смешение болгарского и турецкого языков можно наблюдать и в социальных сетях на страницах болгарских турок: так, поздравляя в Фейсбуке свою дочь с днем рождения, С. Х. написала на турецком (при этом не используя специфические турецкие буквы, что, видимо, объясняется отсутствием турецкой раскладки на клавиатуре): «Doum Gunun Kutlu olsun Prensesim»³ [С днем рождения, моя принцесса!]. На фотографии же с семейного торжества мы видим торт с надписью «ЧРД!» — болг. «Честит рожден ден!» [С днем рождения!]. Из этих примеров видно, что заимствуются в первую очередь наиболее частотные бытовые слова и клишированные выражения.

Турецкий язык болгарских турок также отличается от того турецкого языка, на котором говорят жители Турции в Стамбуле. Эту разницу подчеркнула Вильдане, уехавшая в Турцию ребенком в середине 1980-х гг. Ее семья также родом из кырджалийского села, в Славяново она приехала в гости к дальним родственникам. По ее словам, ее родители до сих пор говорят как болгарские турки. Этот говор характерен и узнаваем до такой степени, что в современной массовой культуре Турции существует гротесковый собирательный образ балканского турка, переселившегося в Турцию в 1980-е гг. (В. Ш). Тем не менее турецкий язык остается в Славянове в активном употреблении — как в устной, так и в письменной форме (см. ниже о турецких надгробиях).

Более подробный анализ языковой ситуации: описание реалий, связанных с обучением турецкому и болгарскому, уточнение специфики контактов и взаимных влияний двух языков и др. — требует дополнительных исследований.

2 Болг. *наздраве* — короткий тост (наподобие рус. *ваше здоровье!*), который произносится, когда люди чокаются.

3 Верное написание: *Doğun günün kutlu olsun prensesim*.

Религиозная ситуация в Славянове

В Славянове есть православная церковь Св. Иоанна Рыльского и мечеть. Стоят они недалеко друг от друга, поблизости от исторического центра села, и построены были почти в одно время. Православный храм был заложен в 1898 г., но затянулось строительство колокольни, и освящена церковь была лишь в 1921 г. (АИ 1: 3).

Строительство мечети также относится к первым десятилетиям XX в., предположительно к 1920-м гг. По рассказу М. М., до этого местные мусульмане молились в небольшой комнате одного из домов. Как отметила наша собеседница, «вопреки тому, что в те годы официальные власти не были особо внимательны к турецкому населению», они выделили землю и построили новое здание мечети. Минарет был пристроен недавно, около 15 лет назад, при участии сельской администрации и мусульманской общины села.

Говоря о религиозности, турки-мусульмане Славянова отмечают, что на пятничную молитву обычно в мечеть приходит мало людей, не более трех человек. Есть несколько причин этого. Так, О. М. сказал, что не знает молитв и не знает арабского языка, поэтому ему трудно назвать себя религиозным человеком. В. Ш., большую часть жизни прожившая в Турции, отметила, что это важная проблема, касающаяся не только болгарских турок: «Люди верят, не понимая во что», — значительная часть турок не знает арабского, не может читать на этом языке; заучивая наизусть молитвы, не понимает их смысл. Еще одно объяснение, почему на пятничную молитву в мечети собирается так мало людей, — это рабочий день, и, как отметили некоторые респонденты, только пенсионеры имеют возможность утром в пятницу пойти не на работу, а в мечеть (О. М., И. К.). Как сообщила М. М., приехавшие из турецких сел мусульмане отличаются большей религиозностью по сравнению с коренными турками Славянова. Так, в доме у Ш. М. хранятся четки, которые, по ее словам, принадлежали ее прадеду, и она привезла их с собой, переселившись в Славяново из Кырджали. В мечеть она ходит редко, только по праздникам, с этими четками, хотя в мечети на колоннах висят четки для прихожан, которые не принесли свои. В то же время дома они не хранятся на почетном месте, как семейная реликвия, а висят на летней кухне среди других бытовых предметов. Ш. М. рассказала, что ее отец был очень набожным человеком и воспитывал детей в строгости — учил читать молитвы, *бисмиллях*⁴ и

⁴ *Бисмиллях* (*басмала, тасмия*) — фраза, с которой начинается каждая сура Корана (кроме девятой): «Во имя Аллаха Милостивого милосердного».

мог выгнать ребенка из-за стола, если он забыл слова молитвы. Сейчас, уже будучи взрослой, Ш. М. обязательно читает про себя *бисмиллях* после еды, а также считает нужным произносить эти слова перед тем, как начать что-либо делать, идти куда-то и проч.

Книги играют важную роль в народной культуре как христиан, так и мусульман (Белова 1999; Леонтьева 2019). В ходе экспедиции одним из важных вопросов мусульманам села был вопрос об их отношении к Корану. Поскольку у многих респондентов есть родственники в Турции, в домах нередко хранятся издания Корана на современном турецком языке. Одной из респонденток родственники подарили Коран, содержащий наравне с каноническим арабским текстом его перевод на современный турецкий и комментарии на болгарском языке (И. Ю.). Та же женщина рассказала, что Коран должен быть в каждом доме — это семейная реликвия, которая охраняет дом и должна передаваться из поколения в поколение, даже если в семье некому его читать (*Книгите не трябва да стоят въкъщи затворени. Коранът може да стои. Всяка къща да си има Коран, Коранът е силата в един дом* [Книги не должны стоять дома закрытыми. Коран может стоять. В каждом доме должен быть Коран. Коран — это сила дома]). По ее словам, завернутая в платок священная книга должна быть убрана и храниться высоко над головой (*Коранът се държи на една над главата стоянка. [...] В къщата си го завиваш хубаво и го слагаш на такава височина да е над главата ти. Значи всичко над тебе е Коранът* [Коран держат на полке над головой. [...] В платок заворачиваешь его хорошенько и ставишь высоко над головой. Значит, Коран — это всё, что над тобой]). При этом ее дети не знают, где в доме хранится Коран, И. Ю. считает своей обязанностью перед смертью сообщить им это.

Местные мусульмане рассказывают, что, хотя Пасху не празднуют, принимают от соседей-христиан в подарок пасхальные яйца, а некоторые расписывают их дома с детьми (О. М., Н. О., И. Ю.). В подобных случаях пасхальные яйца не имеют сакрального значения, детям, в том числе в мусульманских семьях, приносит удовольствие расписывание яиц и традиция христосования пасхальными яйцами в честь праздника. Таким образом, в жизни мусульман пасхальные яйца играют скорее социализирующую роль.

В христианской традиции с пасхальными яйцами связано множество поверий (Агапкина, Белова 2012), многие из которых известны жителям Славянова. Так, яйцо используется для обеспечения плодородия: его можно закопать в поле или в саду, чтобы был хороший

урожай. Также по яйцу гадают, будет ли грядущий год изобильным: на Пасху разбивают прошлогоднее яйцо и смотрят, испортилось ли оно. Если яйцо не испортилось, то год будет урожайным (Р. Г.).

Знахарство и народная магия

Сведения о знахарстве широко распространены в селе. В целом можно выделить несколько способов лечения, о которых нам удалось узнать:

- 1) лечение с помощью земли;
- 2) наведение порчи с помощью земли;
- 3) наведение и снятие порчи с помощью Корана;
- 4) литье свинца (лечение от «испуга», сглаза);
- 5) чтение заговоров.

Что касается последних двух способов лечения, следует уточнить, что информанты четко отделяли один от другого. Одна бабка «читает», а другая совершает магические действия — льет расплавленный свинец (болг. *лее курум*).

Также в окрестностях г. Попово существует интересная практика лечения с помощью камня. Более подробно она описана в статье, посвященной данному способу лечения у капанского населения Поповского района (Витанов 1994). Стоит отметить, что Славяново входит в число сел Поповского района, в которых болгарские коллеги проводили исследование. Мы ограничимся сравнением нашего материала и материала статьи (Витанов 1994).

Информантка (М. М.) рассказывает: «Помня само като бях дете, нагрываха тухла, наръсваха я със студена вода леко и я огъваха, покрываха я като пакет с някаква памучна кърпа, парче плат. После я слагаша на краката, особено когато бяхме настинали. [...] Сега си спомням, че съм чувала, но не съм виждала да нагриват малък камък от реката, объл, кръгъл, гладък, и да разтриват болно място, предимно костно заболяване, на кръста, гръбнака, колената» [Помню, когда была ребенком, нагревали кирпич, слегка поливали его холодной водой и заворачивали, закрывали его хлопковым полотенцем, куском ткани как сверток. И потом клали его в ноги, особенно когда мы простывали. [...] Сейчас вспоминаю, что я слышала, но не видела, что нагревают маленький камень из речки, округлый, круглый, гладкий, и растирают больное место, по большей части при заболеваниях костей, спины, позвоночника, коленей].

Этот монолог дополняет сведения, представленные в указанной выше статье. Ее автор перечисляет шесть способов, один из которых

схож с описанным нашей информанткой: «...берут три камня из реки. Нагревают на огне. Но немного! Тому, кто писается, парят половые органы (болг. *слабинките*)» (Витанов 1994: 34). Заболевания, для лечения которых используется камень, отличаются, но и сведения по воспоминаниям сейчас уже могут быть неточными

Похоронно-поминальный обрядовый комплекс. Кладбище

С кладбищем связан один из важнейших для традиционной народной культуры комплекс ритуалов — похоронно-поминальный. Из многочисленных работ по болгарским обрядам отметим фундаментальный труд Хр. Вакарельского (Вакарелски 1990). Эмпирический материал представлен во множестве опубликованных и архивных источников. Отдельной работы о Славянове, как уже было сказано выше, еще нет.

В селе похоронно-поминальный обрядовый комплекс приобретает черты обеих культур — турецкой и болгарской. Перечислим основные для обоих обрядовых комплексов компоненты.

Одной из важных для сравнения практик является поливание могилы; здесь существуют некоторые отличия, обусловленные религиозными причинами, но сам факт поливания является общим. Женщины в смешанном турецко-болгарском хоре Славянова упоминали, что могилу поливают, чтобы напоить умершего, а также есть версия, что покойный видит того, кто к нему пришел, если полить могилу. Различаются жидкости, которыми поливают могилу: христиане используют и вино, и воду, мусульмане поливают только водой. Способ поливания также может отличаться: христиане поливают могилу в форме креста, мусульмане — с головы до ног (И. Ю.) или вокруг могилы.

Поминальные обряды каждая община проводит в свой праздник: болгары — в родительские субботы (*задушници*), турки режут жертвенное животное (*колят курбан*) в день перед Курбан-байрамом, называемый *Аркве* (И. Ю.), также в этот день ходят на кладбище и не выполняют домашнюю работу.

Турки за два дня до Байрама готовят поминальную еду — *мекици* (вид хлеба), кутью (болг. *жито*), кунжутную халву (*тахан-халву*), покупают конфеты и раздают всем соседям. Христиане также раздают еду за упокой — *баницу* (слоеный пирог с начинкой из брынзы), хлеб, коливо. Дни поминовения и посещения кладбища сразу после смерти человека также частично совпадают у турок и болгар; турки посещают могилу умершего первые три дня, в седьмой, сороковой и пятьдесят первый дни, христиане (по мнению мусульманки И. Ю.) —

каждый день до истечения 40 дней со дня смерти погребенного. Но все эти традиции, по словам информантов, отмирают. Мусульмане читают на кладбище молитву «фатиха»⁵, а дома — «ясима»⁶. Один из информантов считает, что у турок на кладбище ходят только мужчины (Ю. М.), но многие другие женщины (например, Ш. М.) отмечали, что и они ходят туда в дни поминовения.

В похоронной обрядности с. Славяново важную роль играют могильщики, задача которых — вырыть могилу 2 м в длину и 90 см в ширину (Ю. М.). Обычно этим занимаются сразу несколько человек. Также считается, что только сами могильщики могут определить, кто будет начинать копать и заканчивать. И болгары, и турки нанимают могильщиков, не обращая внимания на их вероисповедание. Также наша информантка-турчанка подробно рассказывала нам, что ее зовут обмывать покойников и болгары, и турки. Могильщикам дарят полотенце, угощают и, когда пьют, вместо традиционного *Наздраве!* говорят: *Бог да прости!* [букв. Пусть Бог простит (покойника)!] — и обязательно платят.

Мусульмане покойника заворачивают в специальную ткань, называемую *тензух* 'тонкая полупрозрачная ткань, батист, марля'. При захоронении тело связывают в трех местах и так опускают, а также делают покойнику «подушку» из земли. Потом покойника обязательно развязывают, так как считают, что всегда есть вероятность, что человек проснется и попытается выбраться. Нам удалось записать нарратив о таком чудесном пробуждении (еще до похорон): «Един ял яйца, обаче туй, жълтъка, сварено яйце, задавил се човека и умрял. Обаче една бабичка не спи и го пази. Нали, умре ли един човек, трябва да пази. Една вечер, там трябва да има хора. Обаче тоз, хайдутин, дето краде, отворил прозореца и не знай, че е умрял човека, и скочил от прозореца отгоре му, то излязло туй, яйцето. Бабата избягала вънка, уплашила се» [Один человек ел яйца, это, желток, вареное яйцо, подавился и умер. Одна старушка не спала и его «сторожила». Ведь если кто-то умирает, нужно сторожить. Одну ночь должны быть люди (при покойнике). Но этот, гайдук, вор, открыл окно и, не зная, что умер человек, прыгнул с подоконника на него, и вышло яйцо. Старуха убежала, испугалась] (Ю. М.).

Тот же информант рассказал, что при повторных захоронениях в ту же могилу в ней находили кости, по которым было видно, что

5 Аль-Фатиха — первая сура Корана.

6 Ясин (Йа Син) — тридцать шестая сура Корана.

человек перевернулся, — это значит, что его похоронили заживо. Здесь стоит отметить, что при повторном захоронении кости предыдущего погребенного вынимают, складывают в мешочек в ногах нового покойника и говорят: «Будет N на месте там» («Ще бъде N на мястото там»).

Интересный материал всегда дают местные кладбища. В Славянове кладбище состоит из двух частей: христианской и мусульманской. Христианскую часть кладбища никогда не перемещали, там можно встретить памятники, относящиеся к первым десятилетиям XX в. Многие из них запущены и заросли травой и деревьями, но при близком рассмотрении еще можно прочитать имена умерших.

Мусульманская часть кладбища четко делится на старую и новую. Старая часть полностью заброшена и находится в запущенном состоянии. Она отделена от новой части дорогой и представляет как бы отдельное кладбище в поле, которое не выкашивается, поэтому высокая трава почти полностью скрывает могильные камни. Запущенность этого участка местные жители объяснили тем, что никого из потомков похороненных там людей в селе не осталось и ухаживать за этими могилами некому (Ш. М., Ю. М.).

Самые ранние захоронения в новой части мусульманского кладбища относятся к 1960-м гг. В период социализма надгробия мусульман и христиан практически не отличались друг от друга. Религиозные символы на надгробиях отсутствовали, имя покойного писалось кириллицей. На памятниках последних десятилетий преимущественно вся информация о покойном пишется на современном турецком языке. На мусульманских надгробиях выгравированы звезда и полумесяц, в последние десятилетия на них также нередко пишут *Ruhuna Fatiha* (тур. *Ruh* 'душа, дух', *Fatiha* (Аль-Фатиха) — первая сура Корана, читаемая в том числе на кладбище), выражение *Ruhuna Fatiha* дословно переводится как «Фатиха его духу». Также в последние десятилетия всё чаще (но по-прежнему не всегда) на мусульманских надгробиях помещают фотографии умерших, что противоречит мусульманской традиции, поскольку изображение человека в исламе запрещено.

Традиционная мусульманская могила представляет собой два камня, которые показывают границы захоронения. Сначала для обозначения границ ставят деревянные столбики, называемые *гьондер*⁷

⁷ От тур. *gönder* — 1. Древяк, флагшток. 2. Стрекало, заостренная палка (которой погоняют волов).

(Ю. М.). На столбик повязывают либо полотенце (если умер мужчина), либо платок (если умерла женщина). Потом на месте столбика должен появиться памятник. Наступать на землю в пределах этих столбиков считается грехом (Ю. М.).

На некоторых турецких могилах были замечены плодовые деревья, растущие прямо посередине захоронения. Обычай сажать плодовые деревья на могилах присутствует у всех славян (Агапкина 2019: 548); учитывая смешанный характер села, можно сказать, что символические характеристики дерева на могиле применимы и к турецким захоронениям. Такие деревья нельзя рубить и срывать их плоды, иначе покойные «накажут» нарушителя (там же: 549 и далее).

Клады

По словам жителей, многие из них слышали легенды о том, как кто-то закапывал или находил сокровища.

Так, на месте современной железнодорожной станции в Славянове был закопан клад одной из семей (И. Ю.), но выкопал его кто-то посторонний. Согласно народным верованиям, выкопавшему чужой клад человеку и его семье грозит проклятье, поскольку считается, что клад охраняет «хозяин» (*стопанин* — обычно это мифологический персонаж в виде змеи). Рассказывают, что первый, кто коснется заговоренного золота, немеет, или у человека умирают дети, так как закопавший проклял клад. Например, золото можно защитить от чужих, положив на него ремень и сказав: «Как змея будешь охранять золото» (И. Ю.). Информантка также сообщила, что взять золото можно, если сказать: «Вчера был ремень, сегодня змея», — так клад станет безопасным. Считается, что в определенный день года (в какой точно, не помнят) над золотом горит огонь: так оно посылает сигнал тому, кому выпала удача (болг. *късмет*, тур. *kismet*) его раскопать.

Золоту необходимо принести жертву (также это присутствует и в верованиях других славян: Левкиевская 1999: 500) и соблюдать многочисленные запреты. Так, нам рассказывали историю о двух братьях: они вместе откопали золото, но второй схитрил и дал первому дотронуться до него, и тот онемел. Когда первый брат умирал, он просил второго, показывая знаками, поделиться золотом с его детьми, но тот сделал вид, что ничего не понимает (И. Ю.).

Записанные в селе представления и поверья о кладах соответствуют общебалканским.

Сопоставление рассказов местных жителей о происхождении кладов позволяет сделать вывод об актуализации исторической памяти и представлений об инородцах. Так, турок О. М. объяснил наличие кладов тем, что во время Русско-турецкой войны 1877–1978 гг. и после освобождения Болгарии турецкое население вынуждено было бежать из этих мест, люди не могли взять с собой всё и закапывали сокровища в надежде вернуться. Аналогичное, но относящееся уже к болгарам объяснение мы услышали от одной пожилой болгарской женщины: когда османы напали на болгарские земли и местное население вынуждено было бежать из родных мест от завоевателей, люди не могли унести с собой всё и закапывали клады (Н. С.).

Это единственный случай актуализации памяти об османском владычестве. Полученные в результате экспедиции материалы позволяют сделать вывод, что нынешние турки не воспринимаются односельчанами-болгарами как потомки османов — завоевателей Болгарии. Все опрошенные в ходе экспедиции респонденты подчеркивали свою доброжелательность по отношению к соседям. Об османском периоде истории Болгарии опрошенные говорили исключительно в рамках общего курса истории.

Заключение

Рассмотрение некоторых аспектов повседневной и обрядовой жизни села позволяет сделать вывод о постепенном сглаживании культурных различий и отсутствии противоречий между болгарами и турками, толерантности, добрососедстве и правильном выстраивании коммуникации. Сами жители нередко объясняют это сосуществованием друг с другом в период социализма, когда они все вместе работали в одном хозяйстве. Наблюдаются заимствование и проникновение языковых элементов из болгарского в турецкий (при доминировании государственного болгарского языка), сходные обрядовые практики при погребении и праздновании календарных обрядов. В Славянове заметен и религиозный синкретизм, столь типичный для многоконфессионального населения Балкан. За пределами статьи остался ряд тем, по которым удалось собрать интересный материал, — прежде всего кулинарные и хозяйственные темы, свадебные обряды и некоторые другие.

Информанты

- З. С. — Зоя Симова, 1945 г. р. (турчанка, мусульманка).
И. — Иван, 1960 г. р. (болгарин, христианин).
И. К. — Исмегюл Кадирова, 1945 г. р. (турчанка, мусульманка).
И. Ю. — Илка Юлианова, 1949 г. р. (турчанка, мусульманка).
К. А. — Красимира Николаева Атанасова, 1953 г. р. (болгарка, христианка).
К. М. — Камбер Мехмед 1965 г. р. (турок, мусульманин).
М. М. — Милка Маркова, 1950 г. р. (болгарка, христианка).
Н. О. — Нурсеван Салиева Османова, 1952 г. р. (турчанка, мусульманка).
Н. С. — Неда Симеонова Стоилова, 1930 г. р., уроженка с. Брежници (болгарка, христианка).
О. М. — Омер Мехмед, 1945 г. р. (турок, мусульманин).
Р. Г. — Росица Господинова, 1951 г. р. (болгарка, христианка).
С. Х. — Сема Халилова, 1987 г. р. (турчанка, мусульманка).
Ц. Б. — Цана Бошкова, 1930 г. р. (болгарка, христианка).
Ц. М. — Цанка Минчева, 1947 г. р. (болгарка, христианка).
Ш. М. — Шефика Махмудова (Юсуфова), 1968 г. р., уроженка с. Птичар, Кырджалийско (турчанка, мусульманка).
Ю. М. — Юсейн Мехмедов, 1960 г. р. (по паспорту 1957 г. р.) (турок, мусульманин).

Источники и литература

АИ 1 — Анонимный источник 1. Славяново. П. к. 7860; тел. код 06034. Анонимная рукопись, хранится в сельской администрации.

АИ 2 — Анонимный источник 2. Познавам миналото, гордея се с настоящето, строя бъдещо на моя роден край! Рукопись. Хранится в доме культуры с. Славяново.

Агапкина 2019 — *Агапкина Т. А.* Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.

Агапкина, Белова 2012 — *Агапкина Т. А., Белова О. В.* Яйцо пасхальное // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 626–632.

Белова 1999 — *Белова О. В.* Книга // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 514–515.

Вакарелски 1990 — *Вакарелски Х.* Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София: Издателство на българската академия на науките, 1990. 223 с.

Витанов 1994 — *Витанов Г.* Лечение с камък сред капанското население в Поповско (предварително съобщение) // Попово в миналото. Т. 1. Варна, 1994. С. 34–38.

Георгиева 1993 — *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1993. 259 с.

Глушков 1997 — *Глушков Х.* Военните действия на Източния руски отряд в района на Попово през Освободителната война (1877–1878 гг.) // Попово в миналото: доклади и съобщения от научна конференция, проведена в гр. Попово на 17.05.1996. Т. 2. София, 1997. С. 102–111.

Димитрова-Тодорова 1997 — *Димитрова-Тодорова Л.* Поселищни етнично-езикови отношения в Поповско през вековете // Попово в миналото: доклади и съобщения. Т. 2. Попово: Исторически музей, 1997. С. 42–47.

Димитрова-Тодорова 2006 — *Димитрова-Тодорова Л.* Местните имена в Поповско. София: Проф. Марин Дринов, 2006. 694 с.

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Клад // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 500–502.

Леонтьева 2019 — *Леонтьева А. А.* Книги в системе ценностей в бытовой культуре мусульман и христиан Софии в XVIII в. // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарецв, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Балканские чтения — 15). С. 120–125.

Николов 1996 — *Николов И.* Избор на мястото или «началото» в строителството на ново жилище // Българска етнология. София, 1996. № 1. С. 25–38.

Радев 1997 — *Радев Р.* Произход и значение на селищните имена в Поповско // Попово в миналото: доклади и съобщения от научна конференция, проведена в гр. Попово на 17.05.1996. Т. 2. София, 1997. С. 84–91.

Събев 1997 — *Събев П.* Поповският край в българското национално-освободително движение след Кримската война (1853–1856 г.) // Попово в миналото: доклади и съобщения от научна конференция, проведена в гр. Попово на 17.05.1996. Т. 2. София, 1997. С. 91–101.

References

Agapkina, T. A. *Derev'ia v slavianskoj narodnoj traditsii*: Ocherki. Moscow: Indrik, 2019. 656 s.

Agapkina, T. A., Belova, O. V. "Iaıtso paskhal'noe." *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*, 5 vols., ed. by N. I. Tolstoy, vol. 5, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, s. 626–632.

Belova, O. V. "Kniga." *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*, 5 vols., ed. by N. I. Tolstoy, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 514–515.

Dimitrova-Todorova, L. "Poselishtni etnichno-ezikovi otnosheniia v Popovsko prez vekovete." *Popovo v minaloto: dokladi i sūobshteniia*, vol. 2, Popovo: Istoricheski muzei, 1997, s. 42–47.

Dimitrova-Todorova, L. *Mestnite imena v Popovsko*. Sofia: Prof. Marin Drinov, 2006, 694 s.

Georgieva, I. *Būlgarska narodna mitologiia*. Sofia, 1993, 259 s.

Glushkov, Kh. "Voennite deštviia na Iztochniia ruski otriad v raiona na Popovo prez Osvoboditelnata voına (1877–1878 gg.)." *Popovo v minaloto: dokladi i sūobshteniia ot nauchna konferentsiia, provedena v gr. Popovo na 17.05.1996*, vol. 2, Sofia, 1997, s. 102–111.

Leontyeva, A. A. "Knigi v sisteme tsennostei v bytovoi kul'ture musul'man i khristian Sofii v XVIII v." *Balkanskiĭ tezaurus: kommunikatsiia v slozhno-kul'turnykh obshchestvakh na Balkanakh* (Balkanskie chteniia — 15), ed. by I. A. Sedakova, M. M. Makartsev, T. V. Civjan, Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019, s. 120–125.

Levkievskaya, E. E. "Klad." *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*, 5 vols., ed. by N. I. Tolstoy, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 500–502.

Nikolov, I. "Izbor na miastoto ili "nachaloto" v stroitelstvoto na novo zhilishte." *Būlgarska etnologiia [Bulgarian Ethnology]*, no. 1, Sofia, 1996, s. 25–38.

Radev, R. "Proizkhod i znachenie na selishtnite imena v Popovsko." *Popovo v minaloto: dokladi i sūobshteniia ot nauchna konferentsiia, provedena v gr. Popovo na 17.05.1996*, vol. 2, Sofia, 1997, s. 84–91.

Sūbev, P. "Popovskiiat kraĭ v būlgarskoto natsionalno-osvoboditelno dvizhenie sled Krimskata voına (1853–1856 g.)." *Popovo v minaloto: dokladi i sūobshteniia ot nauchna konferentsiia, provedena v gr. Popovo na 17.05.1996*, vol. 2, Sofia, 1997, s. 91–101.

Vakarelski, Kh. *Būlgarski pogrebalni obichai. Sravnitelno izuchavane*. Sofia: Izdatelstvo na būlgarskata akademiia na naukite [Bulgarian Academy of Sciences Publishing], 1990, 223 s.

Vitanov, G. "Lechenie s kamūk sred kapanskoto naselenie v Popovsko (predvaritelno sūobshtenie)." *Popovo v minaloto*, vol. 1, Varna, 1994, s. 34–38.

Anna A. Leontyeva, Ekaterina N. Struganova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Features of spiritual culture and historical memory of people in Bulgarian-Turkish village of Slavyanovo

The field research in village of Slavyanovo (community of Popovo, Targovishte region, Bulgaria) was held in August 2019. The village was chosen because of its mixed national composition specificity: the basis of Slavic part of the village consists of the descendants of Bulgarians from the Balkan, which came there after the Ottoman-Russian war. Turkish people of Slavyanovo are divided into indigenous people, whose ancestors lived there in Ottoman time, and migrants from Kardzali and other traditionally Turkish regions of Bulgaria, which appeared in the village in the second half of the 20th century. There are several folk versions of the history of migrations, which are significantly different.

The task of the study was to collect linguistic, ethnographic and historical material for further analyses of the basic values in the life of the modern Turkish-Bulgarian village, namely: language and communication, tolerance, ancestral memory, history of the homeland, faith and religious denominations, rituals, folklore etc. During the field work we looked at the history of the village and historical memory of its villagers, linguistic situation. The analyses of the data helps us infer, that cultural differences gradually lessen. Also, there are no contradictions between Turks and Bulgarians. We can observe the borrowings and infiltrations of the language elements (given the dominance of the Bulgarian as the state language), while Turks borrow the most frequent words, denoting household objects, and cliched expressions from Bulgarian language.

Keywords: Balkans, values, folk religiosity, spiritual and material culture, bilingualism, Bulgarians, Christian Orthodoxy, Turks, Islam, Muslims.

УДК 82.091
ББК 83.3(4)

И. Е. Адельгейм
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**«У подножия трона властителя».
«Везувий-убийца» как катализатор прития судьбы
у Густава Герлинга-Грудзиньского**

Автор статьи обращается к проблеме осмысления феномена землетрясения крупнейшим польским писателем-эмигрантом XX в. Густавом Герлингом-Грудзиньским (1919–2000), почти столетия (1955–2000) прожившим у подножия Везувия, ставшим свидетелем нескольких землетрясений, женатым на дочери итальянского философа, историка, политического деятеля Бенедетто Кроче, который чудом уцелел во время землетрясения 1883 г., получив тяжелейшие физические и психические травмы. В тексте анализируется рефлексия над этим явлением, отразившаяся в записях «Дневника, писавшегося ночью» (1977–2000) и вошедших в него рассказах, а также связь этого процесса с механизмами психологической и художественной адаптации, обживания писателем-эмигрантом чужого пространства в слове и жизни. Автор рассматривает ряд взаимосвязанных контекстов, в которых «тьень землетрясения» фигурирует в прозе Герлинга-Грудзиньского (как феномен, специфику которого писатель пытается определить по отношению как к самому себе, собственным реакциям, так и к ментальности коренных неаполитанцев; явление, неразрывно и непосредственно связанное с областью языка; как проявление Зла, направленного против божественного в человеке, и пр.). Анализ позволяет высказать предположение, что тяготеющая над мироощущением жителей Неаполя тень «Везувия-убийцы» (по определению Джакомо Леопарди), наглядно воплощающая идею хрупкости человеческой жизни — через ощущение неисключительности собственной полной внезапных драматических крушений судьбы, — способствовала адаптации Герлинга-Грудзиньского к чужому пространству.

Ключевые слова: *Герлинг-Грудзиньский, Везувий, окаменение, неаполитанцы, судьба.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.4.01

Тень «Везувия-убийцы» не могла не появиться в творчестве Густава Герлинга-Грудзиньского, который осел в «испокон веку

сейсмоопасном районе» и несколько десятилетий, подобно местным жителям, «ступал по столь хрупкой земной оболочке, ежедневно вглядывался в конус Везувия, обитал в такой близости от Помпей, Геркуланума, дымящихся фумарол Сольфатары под Поццуоли»¹ (апрель 1970 г.). «Сверкание глаз»² вулкана сопутствовало писателю, начиная с первой встречи с Италией: «Я впервые шагнул на итальянскую землю в 1944 году, в зареве проснувшегося Везувия, под дождем пепла и зловеще потемневшим небом»³ (апрель 1970 г.), — вспоминает Герлинг-Грудзинский.

Итак, эта тема время от времени возникает в «Дневнике, писавшемся ночью» и рассказах («Руины», полностью посвященные землетрясению, — первый рассказ, программно включенный в рамки «Дневника»; опыт *terremoto* — землетрясения — появляется в виде своеобразного контрапункта к мотиву проказы также в «Башне»). Степень реализма / литературности рассказов, блестяще проанализированная А. Моравцем⁴, значима здесь лишь постольку, поскольку свидетельствует о том, что попытки «накрыть словом» тень *terremoto* касались разных плоскостей писательского сознания Герлинга-Грудзинского, его стремления к упорядочению судьбы — универсальной и собственной.

Яркое описание упомянутого выше «дождя пепла» появляется в «Villa Tritone». Несмотря на тревожное присутствие «огненного знака Z на склонах Везувия»⁵, эстетики и отстраненного анализа ментальности местного населения здесь больше, чем собственно страха и потрясения. Ужас отдает живописностью: «Несколько ночей подряд вершина Везувия пылала. Над кратером висел дымовой гриб, белый с красными краями и середкой: казалось, гигантский зонтик, все выше и выше приподнимаемый извержением, прикрывает черную гору от огненного ливня, раскаленные капли которого утренними звездами гасли на фоне небесного бархата. Днем холодный ветер нес этот “пепельный дождь” через залив, засыпая улицы, дома и сады Сорренто хрусткой крошкой шлака. Море было беспокойным, поблескивало

¹ Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись / Пер. с польск. И. Адельгейм. СПб., 2017. С. 74.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 74.

⁴ Morawiec A. «Nie można żyć bez nadziei» («Gruzy» Gustawa Herlinga-Grudzińskiego) // Zeszyty Naukowe. 2000. № 5 (10). S. 7–9.

⁵ Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 48.

холодной сталью. Сторожа деревянными лопатами, словно снег, сгребали с тротуаров и мостовой пепел. Кучи его лежали по всему городу, мы лавировали между ними в почти сумеречном свете, прикрывая ладонью рот; нос и глаза забиты пылью, одежда покрыта толстым слоем пепла. Через неделю Везувий успокоился. Еще ночью воздух над вулканом был розов от отсветов из недр кратера, и на самой вершине извивались огненные змейки, а днем уже светило солнце, голубизна неба вновь отражалась в море, а лазурь моря — в огромном, накрывающем залив небесном куполе»⁶.

В описании же молчаливого сопротивления жителей еще ощущается дистанция (немного напоминающая явление, позже описанное Герлингом-Грудзинским в связи с выставкой живописи, посвященной Везувию: «местное проклятие, на которое пришельцы из других стран, “совсем другие люди”, взирают с тревожным любопытством»⁷): «Поток лавы остановился на середине конуса, но на следующий день началась эвакуация Торре-дель-Греко и Торре-Аннунциата, двух городков, расположенных у подножия вулкана. Я автостопом доехал до места эвакуации и своими глазами наблюдал своеобразный атавизм местных жителей: хотя даже старики не помнили предыдущего извержения Везувия, однако люди паковали вещи и покидали дома сосредоточенно и спокойно, ведомые каким-то безошибочным инстинктом. На выездных дорогах сидели на узлах женщины, окруженные роем чумазых, заплаканных детей, мужчины гнали к эвакуационным пунктам скот. Не слышно было ни жалоб, ни проклятий. Я не сомневался, что если бы поток пылающей лавы пробился сквозь плотину апельсиновых рощ и смел в море маленькие домики Торре-дель-Греко и Торре-Аннунциата, через несколько дней жители бы вновь принялись цепляться когтями за опаленные склоны вулкана, на которых в спокойные периоды зеленел виноград и трепетали на солнце южные цветы»⁸.

В дальнейшем тень «Везувия-убийцы» появляется в прозе Герлинга-Грудзинского в нескольких взаимосвязанных контекстах — как явление, которое писатель пытается определить по отношению как к самому себе, собственным реакциям, так и к ментальности коренных неаполитанцев и жителей окрестных деревень, феномен, непосредственно связанный с областью языка, наконец, как

⁶ Там же. С. 49.

⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Kraków, 2011. T. 1. 1971–1981. S. 723.

⁸ *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись*. С. 48–49.

проявление Зла. По словам фотографа Т. Оливареса, каждый устанавливает собственную связь с силой, которая способна его уничтожить, в случае жителей сейсмоопасных зон эту связь, очевидно, можно назвать симбиотической.

Само местоположение города — у подножия вулкана, — по словам Э. Беньковской, «словно бы символизирует психику неаполитанца: губчатая скала, где его подстерегают ямы и подземные коридоры, где нередкий гость — землетрясение, где царит Гора, готовая в любой момент обрушиться на него пепел и огонь»⁹. Герлинг-Грудзинский не раз обращается к этому феномену: «Когда-то я прочитал у знатока Неаполя и психологии неаполитанцев, что в подсознании среднестатистического жителя нашего города по-прежнему, спустя две тысячи лет, живет призрак “последних дней Помпеи”. Osservatorio Vesuviano на склоне Вулкана, снабженная всей возможной измерительной аппаратурой, не скрывает, что п р е д с к а з а т ь может не слишком много. В народном воображении лава, вероятно, сродни дракону, притаившемуся в непроницаемой тьме. Порой, как в 1944-м, можно увидеть сверкание его глаз; но ежедневно ощущаешь за стеной сна его присутствие»¹⁰ (15 мая 1990 г.); «Так было всегда, половина территории Италии сейсмоопасна. У жителей Италии землетрясение в крови, они к нему в душе, атавистически подготовлены»¹¹.

Несмотря на проявляющуюся в тексте специфическую дистанцию — ощущение себя одновременно чужаком и местным, иностранцем, много лет прожившим в Неаполе (ситуация, имеющая свои преимущества, позволяющая избежать ряда стереотипов, увидеть иначе, порой — больше), — Герлинг-Грудзинский пишет с позиции «мы»: «Вышел за ворота и замер: на стене — огромный свеженаклеенный плакат с заголовком “Operazione Vesuvio”. Для нас, жителей Неаполя, публичные объявления, касающиеся Везувия, грозно царящего над городом Вулкана, — не повод для шуток»¹² (23 июня 1972 г.). В подобном духе он пишет двадцать лет спустя: «Ведь “тени” у нас нет, мы живем не “в тени”, а “у подножия”. У подножия трона властителя, уже довольно давно являющего милость, во всяком случае относитель-

9 *Bieńkowska E.* Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa, 2002. S. 94.

10 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 264.

11 *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą. Kraków, 2012. T. 3. 1993–2000. S. 764.

12 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 93.

ную [...], непредсказуемого и грозного тирана, громовержца, хозяина пятидесяти извержений, в подсознании жителей Неаполя и в сознании путешественников, более или менее мимолетных. “Везувий-убийца”, как называл его Леопарди. [...] Среди чужеземцев, конечно, это присутствие ощущается сильнее и ярче, чем среди местных (чей атавизм успокаивает). Я сам тому пример»¹³ (15 мая 1990 г.).

Землетрясение Герлинг-Грудзинский воспринимает как слепую и равнодушную к человеческой воле и человеческому страданию силу, то есть силу *бесчеловечную*. Основываясь на собственном и чужом опыте, он пытается определить ее исключительность. Источник непреодолимой мощи землетрясения писатель видит в ощущении абсолютного, архаического бессилия, каким оно наполняет человека: «Со вчерашнего дня я время от времени включаю телевизор в поисках кадров землетрясения во Фриули. Существует якобы точка насыщения ужасом, после которой в наши реакции вкрадывается тупое безразличие. Может и так, но на землетрясение это правило не распространяется. Войны, революции, боины, пожары, эпидемии, наводнения — все это не настолько пугает человека своей грандиозностью, не наполняет его ужасом столь концентрированным и бессильным, как дрожащая под ногами земля, не оспаривает в нем природного, архаичного чувства собственного бытия. Есть в землетрясении нечто метафизическое, ускользающее от органов чувств. Неудивительно, что Моравиа пишет в сегодняшней колонке: “Землетрясение, пожалуй, больше, чем какое бы то ни было другое природное явление, убеждает в присутствии божественной энергии; но это энергия божества языческого, капризного, слепого и мрачного, не осознающего свою силу”. [...] Я стал свидетелем небольшого землетрясения в Неаполе в августе 1962 года. Лето я проводил в одиночестве, из дому выходил редко. Толчок — в полдень — был слабым, но я никогда не забуду то мгновение оцепенения, окаменения, когда в кухне зазвенели тарелки. Люди моментально высыпали на улицы, в городской сад, на площадь. Меня поразило, что неаполитанцы, не отличающиеся особой любовью к животным, тащили с собой собак и кошек. Их считают живыми сейсмографами, приписывают им способность заранее улавливать недоступные человеку знаки или предсказания. [...] кто знает, возможно, именно этот феномен подсознательно еще больше усиливает наш атавистический ужас: затаившаяся, постоянно подстерегающая человека опасность исходит

13 Там же. С. 264.

из непроницаемых земных глубин, из доисторического мрака»¹⁴ (9 мая 1976 г.); «Но в следующий миг меня охватило, а точнее пронзило чувство, которое я не в силах описать. Нет, не страх, страх я хорошо знаю, в нем присутствует понимание конкретного источника опасности и понимание, что существует некий выход. Здесь — нет. Здесь меня окружало нечто бесформенное, неотвратимое и вездесущее, нечто находящееся одновременно далеко от меня, рядом со мной и внутри меня»¹⁵ (24 ноября 1980 г.). Отсюда — «психоз конца света»¹⁶ как попытка вписать это явление хоть в какую-то парадигму законов мироздания («Для богобоязненного сицилийского люда еще столетие назад вместилищем Ада являлась Этна»¹⁷, — возвращается писатель к этой мысли десятилетия спустя).

Герлинг-Грудзиньский неоднократно обращался к опыту своего тестя, философа, историка, политического деятеля Бенедетто Кроче: «В год, когда произошло землетрясение, будущему неаполитанскому философу исполнилось шестнадцать лет, в результате трагедии в Казамиччола у него оказалась сломана правая рука и раздроблена бедренная кость, впоследствии эти травмы привели к частичному параличу»¹⁸ (апрель 1970 г.). Эту заметку Герлинг-Грудзиньский начинает цитатой из Кроче, на первый взгляд, сдержанной ретроспекции: «В июле 1883 года мы с отцом, матерью и сестрой Марией приехали в Казамиччола (Искья), в пансионат “Вилла Верде”, в верхней части городка; через несколько дней, вечером 20 июля, произошло чудовищное землетрясение. Помню, как сразу после ужина мы сидели в комнате с террасой: отец писал письмо, я, устроившись напротив, читал, мать и сестра шепотом разговаривали в углу; вдруг послышался протяжный мрачный гул, и в то же мгновение на нас обрушились стены здания. Я успел увидеть, как отец стремительно вскочил со стула, а сестра бросилась к матери. Я инстинктивно выбежал на террасу, она ушла у меня из-под ног, и я потерял сознание. Очнулся поздней ночью, засыпанный по шею, — над головой мерцали звезды, вокруг только желтоватая земля; я не мог понять, что случилось, — казалось, это сон. Через некоторое время я понял, в чем дело, и меня охватил покой, как бывает во время страшной беды. Я звал на помощь — себе и отцу, голос которого слышал невдалеке; несмотря на все усилия, самому

14 Там же. С. 118–120.

15 Там же. С. 142–143.

16 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 715.*

17 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 3. S. 979.*

18 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 73–74.*

мне выбраться не удалось. Под утро меня откопали, если я не ошибаюсь, двое солдат, я лежал на носилках под открытым небом. [...] Отца, мать и сестру нашли через несколько дней, мертвыми, под завалами: мать сжимала в объятиях сестру»¹⁹.

Спустя несколько лет Герлинг-Грудзиньский говорит о том, что Кроче ждал смерти как избавления от невыносимых воспоминаний, завершая запись нехарактерным для него восклицательным знаком: «Л. рассказывала мне, что ее отец (который в возрасте шестнадцати лет единственный из всей семьи уцелел во время землетрясения на Искье, пролежав тридцать часов под завалами) незадолго до своего конца говорил: “Смерть, наконец, избавит меня от величайшей муки, ежедневного возвращения мыслями к тому летнему вечеру в Казамиччولا”. Спустя семьдесят лет, после двух войн и стольких трагедий!»²⁰ (9 мая 1976 г.).

Действие землетрясения на человеческую психику Герлинг-Грудзиньский связывает непосредственно с языком: «А следовательно, к образу руин, чтобы сделать его по-настоящему полным, следовало бы добавить и это свидетельство разрушения языка»²¹. Писатель полагает, что утрата речи является следствием утраты данной человеку от рождения веры в почву под ногами, своего рода неспособности поверить в вероломство земли («отравление или инфицирование души человека, под ногами которого дрогнула земля и разверзлась пропасть»²²). «Удар Неведомой Руки»²³ (определение, неоднократно используемое в «Дневнике») не поддается выражению, писатель несколько раз признается, что «не умеет описать» эти архаичные чувства применительно ни к себе, ни к наблюдаемым им местным жителям. Дважды, словно бы в бессильном раздражении, повторяет — «слова, слова, слова»: «С улицы донесся крик: “Terremoto”, тут же подкрепленный более длинным: “La terra trema”. Этот возглас часто звучит в наших краях, в моем дневнике немало записей, посвященных землетрясению. В одной говорится о местном “атавизме привычки к стихийным бедствиям”, в другой — об “атавистическом ужасе” [...] Все, вроде, точно, но вместе с тем — слова, слова, слова. [...] Звучат цифры: количество убитых, раненых, пропавших без вести, зритель

19 Там же. С. 73.

20 Там же. С. 118–119.

21 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 1. S. 722.

22 *Ibid.* S. 713.

23 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись*. С. 144 и др.

видит тела, которые спасатели укладывают ровными рядами, вот протискивается между развалинами какая-то женщина, судорожно прижимая к груди мертвого ребенка. Что невозможно сказать ясно, того не следует говорить вовсе. Вместо слов, слов и слов — фраза, в которой, возможно, заключено неизмеримо больше: человек, стертый в пыль одним ударом Неведомой Руки. Именно эта рука рождает чувство, непохожее на страх, не поддающееся описанию, смутно присутствующее даже в молчании»²⁴ (24 ноября 1980 г.). И, чуть позже, замечает: «Чего уста твои не в силах выговорить так, чтобы в голосе твоём звучала уверенность, того не говори вовсе; и молись беззвучно вместо того, чтобы болтать без толку»²⁵. Соприкасающуюся с проблемами этики рефлексия на тему немоты этого страха мы встречаем в рассказе «Руины»: «Оба мы молчали с момента отъезда из Неаполя, ограничиваясь короткими деловыми репликами. Я предчувствовал, что так будет и дальше. Есть разные виды молчания, наше было — как мне кажется — инстинктивным страхом перед напастью драматической риторики. Люди не осознают, насколько в определенных обстоятельствах она завладевает ими. И насколько бывает важно хотя бы попытаться от нее освободиться. Во имя простого на первый взгляд, но на самом деле коварного миропорядка: с неуловимой до конца сутью вещей мы способны лишь мельком соприкоснуться на скользком пограничье банальности и тайны»²⁶.

Помимо ощущения ограниченности языка, переживаемого «профессиональным пользователем слов» — писателем, — Герлинг-Грудзинский наблюдает деструкцию, «разрушение» языка у обычных людей («Порой короткое рыдание, но в основном — исполненное достоинства молчание»²⁷). Взрослые жители Тора Альто «переговаривались редко и словно бы вырывающимися из сжавшегося горла обрывками слов»²⁸, дети не хотели или не могли отвечать на вопросы. Констатацию героя «Руин» «Dio non c'è»²⁹ — «Бога нет» — Герлинг определяет как «предсмертную судорогу языка, придавленного грудями камней, бесконечной тяжестью вероломной земли»³⁰.

24 Там же. С. 143.

25 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 1. S. 723.

26 *Ibid.* S. 717.

27 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 3. S. 763.

28 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. Т. 1. S. 720.

29 *Ibid.* S. 720.

30 *Ibid.* S. 722.

Автор декларирует: «Я даже не пытаюсь их описать, я всегда заботился о стыдливости слов»³¹, однако ремесло писателя все же заставляет его повторять попытки назвать происходящее. Слабое человеческое слово пытается противостоять навязчивому молчанию природы (эпицентр землетрясения Герлинг-Грудзинский именуется «оком циклона, затянутым бельмом тишины»³²). И, декларируя отказ от описания, он все же стремится это сделать, последовательно пользуясь понятием «окаменения» по отношению к собственному и чужому опыту: «я никогда не забуду то мгновение оцепенения, окаменения»³³ (9 мая 1976 г.); «никогда не забуду отрешенные, окаменевшие, но привычные лица крестьян, которых поспешно эвакуировали из опасной зоны»³⁴ (апрель 1970 г.); «Лица людей, которых тут называют *terremotati*, всегда имеют одно и то же выражение. К чему пытаться описать его, если достаточно просто сказать: выражение руин? Такие лица я видел сегодня на улицах и площадях Неаполя [...], в телерепортажах из Кампании, Лукании и Ирпани. [...] Склоненные над руинами головы неотличимы от откатываемых камней»³⁵ (24 ноября 1980 г.); «лица, которые мне давно знакомы: неподвижные, окаменевшие»³⁶.

Характерно, что вместе с описанием окаменения жителей писатель антропоморфизует камни — вынесенные в заглавие рассказа руины: «В сизоватом свете они имели вид призрачный, и тем не менее в них еще жила тень умершей деревни; как человеческие черты вскоре после смерти, прежде чем окончательно застыть и окаменеть, сохраняют что-то от прежнего выражения лица в изгибе губ, в морщинке у глаз, так и в грудях руин Тора Альто еще сохранялись слабые, исчезающие, однако упорные следы ее души. [...] Скажу лишь, что, переводя взгляд с почти уже уничтоженной деревни на ее оставшихся в живых обитателей, я утрачивал уверенность, что они в самом деле остались в живых. Они стояли неподвижные, окаменевшие. [...] В их глазах была омертвевшая, холодная напряженность последнего взгляда: за гранью страдания, там, где отчаяние обращается в безразличие»³⁷ («Руины»).

31 Ibid. S. 716.

32 Ibid. S. 720.

33 Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 119.

34 Там же. С. 74.

35 Там же. С. 143–144.

36 Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 3. S. 763.

37 Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 719–720.

Рассказ «Руины» позволяет очертить лексико-семантическое поле, при помощи которого Герлинг-Грудзинский осмысляет явление *terremoto* в перспективе жертв и свидетелей: «незаживающая рана»³⁸ (сравниваемая в «Башне» с проказой, о чем автор упоминает также в «Руинах»); «отравление или инфицирование души»³⁹; потерянности⁴⁰; пустота⁴¹; молчание⁴²; наконец, зло, чудо, надежда, ибо «ужас [землетрясения. — И. А.] ставит перед человеком экзистенциальные вопросы с исключительной яркостью и силой»⁴³.

Землетрясение предстает Злом в чистом виде, Злом, не связанным непосредственно с грехами человека, который не является его источником (вулкан Герлинг-Грудзинский именуется «адской вершиной, возвышающейся над раем»⁴⁴), ударом Судьбы. Это «сила поистине неведомая»⁴⁵, «удар ниоткуда»⁴⁶, удар Неведомой Руки, то есть сила, исходящая не от христианского Бога. Неслучайно Герлинг-Грудзинский замечает: «Это существенно: Бог в своем всеведении не ведаёт, что есть человеческое страдание. Христианство родилось из потребности людей в Боге страдающем. И из потребности Бога в участии в человеческом страдании. Иов не получил удовлетворительного ответа на свое одиночество в муках и равнодушное молчание Неба. Его потомки, благодаря распятому на кресте Сыну Божьему, избавились от одиночества наперекор безразличному молчанию мира»⁴⁷ (3 ноября 1973 г.).

Следует также сказать о двух понятиях, неразрывно связанных с идеей Зла и являющихся значимым элементом концепта *terremoto* в прозе автора «Руин». Это — Чудо и Надежда. Неаполь, по Герлингу-Грудзинскому, существует «в подвешенном состоянии между Чудом и Вулканом»⁴⁸ (так он перефразирует определение, данное Гете: «между

38 Ibid. S. 713.

39 Ibid.

40 Ibid. S. 714.

41 Ibid.

42 Ibid. S. 717.

43 Ibid. S. 713.

44 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 3. S. 979.*

45 *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei. Warszawa, 1997. S. 250.*

46 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 719.*

47 Ibid. S. 254.

48 *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 172.*

Богом и Дьяволом»⁴⁹). О чуде он также сдержанно говорит в рассказе «Руины»: «[...] рядом с дверным проемом, на последней ступени лестницы, стояла прислоненная к стене гипсовая фигура святого, ее поставили там, вероятно, как единственное, что осталось от алтаря, и потому — демонстрируя чудо и умоляя о еще одном — увешали четками»⁵⁰.

Надежда, с одной стороны, предстает тем, что человек, повинуясь инстинкту выживания, естественным образом противопоставляет бесчеловечной силе. Герлинг-Грудзинский, по своему обыкновению, вводит здесь дополнительный — литературный — контекст, цитируя фрагмент «Преступления и наказания» Достоевского: о человеке, который, будучи приговорен к смерти, думает, что согласился бы жить на скале, на узенькой площадке — «Как бы ни жить — только жить!»⁵¹ В 1973 г. писатель записывает в «Дневнике»: «Надпись Dio с'е, “Бог есть”, выведенную белой краской на придорожной скале, я заметил месяц назад в окрестностях Помпеи. [...] Поиск твердой почвы под ногами [...]»⁵² — здесь нельзя не вспомнить слова героя рассказа «Руины»: «Dio non с'е». Спустя почти двадцать лет Герлинг-Грудзинский цитирует Павла Муратова: «Но помимо смертоносной жилы Вулкана в Неаполе существует и жизнетворная жила “безотчетной, нерассуждающей и суеверной радости существования”, умение человеческой толпы “быть счастливой от простого сознания своего бытия” [...] Никакое другое человеческое существо не любит мир такой крепкой, упорной, животной любовью»⁵³ (15 мая 1990 г.).

В то же время, тогда как взрослый герой «Руин» восклицает «Бога нет», дети сооружают рождественские ясли, в которых лежит Распятый Христос, а не Младенец Иисус, неосознанно воплощая таким образом целое годового цикла. Надежду Герлинг-Грудзинский связывает с божественным началом в человеке: «Божественное в нас только это: сила Надежды, проявляющаяся даже — а может, тем более мощно — в силе отчаяния. Кафка, писавший о неуничтожимом твердом ядре в человеке, имел в виду Надежду, хоть ему и не хватило мужества назвать ее по имени. “Совершенно без надежды жить невозможно”, — восклицал Достоевский; это и есть наша божественная вечность»⁵⁴.

49 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 723.*

50 *Ibid. S. 719.*

51 *Ibid. S. 715.*

52 *Ibid. S. 234.*

53 *Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. С. 264.*

54 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 726.*

Повествователь «Руин» цитирует также «Итальянские путешествия» Гете, который утверждает, что «неаполитанец безусловно был бы совершенно иным человеком, не ощущая он себя в ловушке между Богом и Дьяволом»⁵⁵. Тень надежды, по Герлингу-Грудзиньскому, «имеет лик Бога, а не Судьбы»⁵⁶.

С течением лет Герлинг-Грудзинький пишет о *terremoto* все реже, в последнее десятилетие своей жизни — очень редко. Характерной и значимой, однако, представляется запись от 26 сентября 1997 г.: «Психический столбняк. Такого определения, такого понятия не существует, однако я не умею иначе назвать мгновения, проведенные перед телеэкраном, на котором показывают землетрясение в Умбрии [...] Я находился именно в столбняке, не мог встать со стула, чувствовал, как печет глаза и пересыхает в горле. Ассиз, Фолиньо, Орвието [...] Осыпавшийся свод Чимабуэ в базилике Святого Франциска, очевидно, утраченный безвозвратно. Потрескавшиеся фрески Джотто на стенах, которые, возможно, удастся восстановить стараниями реставраторов. Церкви в Фолиньо и в Беванье, рухнувшие башенки и колокольни. [...] Это не первое землетрясение в моей итальянской жизни, но первое столь безжалостно обошедшее с бесценными произведениями искусства. Люди? Несколько человек погибло под руинами, у нескольких не выдержало сердце [...] Выйти из психического столбняка немного помогает беззвучная молитва. Позволь, Боже, чтобы у меня еще была возможность [...] побродить по исцеленной базилике в Ассизе»⁵⁷.

Таким образом, землетрясение предстает здесь как сила Безжалостного Божества, направленная против Божественного в человеке. Так или иначе, это — находящаяся в «реально существующем краю лазури и культуры, покоя и гармонии», «воплощенной Аркадии художников», «воплощении эстетической утопии Винкельмана, дарующем человеку “покой сердца”»⁵⁸ — ситуация постоянного напряжения, в какой-то степени отражающая судьбу писателя. С одной стороны, исторические катаклизмы постижимы человеком, словно бы скроены по его мерке, поскольку им же спровоцированы. Герлинг-Грудзинький не раз возвращается к этому сравнению (или, скорее, антитезе): «Войны, революции, бойни, пожары, эпидемии, наводнения — все это не настолько

55 Ibid. S. 723.

56 Ibid.

57 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą*. T. 3. S. 763–764.

58 *Przybylski R. Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów*. Warszawa, 1966. S. 134.

пугает человека своей грандиозностью, не наполняет его ужасом столь концентрированным и бессильным, как дрожащая под ногами земля, не оспаривает в нем природного, архаичного чувства собственного бытия. Есть в землетрясении нечто метафизическое, ускользающее от органов чувств»⁵⁹; «Война приучила нас к видам разрушенных городов, местечек и деревень, к пустыням щебня со скелетами домов, с кладбищами под хаосом камня и железа. Почему же эта картина так потрясала? Если бы я умел это сказать! Если бы умел несколькими словами указать разницу между “человеческими” войнами и ударом “ниоткуда”!»⁶⁰ (9 мая 1976 г.).

С другой стороны, можно усмотреть сходство между ощущением бессилия человека по отношению к Судьбе как таковой, воплощением которой являются и *terremoto*, и «История, спущенная с цепи» (как ее определяет вслед за Стемповским Герлинг-Грудзиньский) — оба мгновенно и с легкостью разрушают человеческие жизни, — и положением неаполитанца. Так, подобное «окаменению» свидетелей и жертв землетрясения «ощепенение, лишенное всякого выражения»⁶¹ замечает Герлинг на лице женщины, которая читает в газете о теракте. Говоря о творчестве и судьбе Шаламова, писатель не раз пользуется образами, очевидным образом отсылающими к концепту *terremoto*: «мастерство Шаламова» Грудзиньский полагает «результатом окаменения»⁶²; в рассказе «Клеймо» «окаменевшим» оказывается герой (т. е. Шаламов); в конце этого рассказа фигурирует «подземный гул»⁶³ и т. д.

Землетрясение, которое ставит человека перед лицом беспричинной хрупкости собственного существования (не будем забывать о многочисленных аллюзиях с фигурой Иова в «Руинах» и выводе в «Дневнике, писавшемся ночью» о том, что «вся тайна человеческого существования, все вопросы, неустанно опутывающие человеческую судьбу, ведут к поиску “ответа на Иова”»), перед тайной существования как такового, делает это наиболее буквальным образом — вероломно лишая его почвы под ногами. «Тот, кто здесь родился или давно живет, видимо, наделен врожденным или привитым ощущением непрочности земли и человеческой жизни»⁶⁴ (апрель 1970 г.), — пишет Герлинг-Грудзиньский, прожив в Италии пятнадцать лет.

59 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 386–387.*

60 *Ibid. S. 719.*

61 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 93.*

62 *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą. T. 1. S. 487.*

63 *Ibid. T. 2. S. 31.*

64 *Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. С. 74.*

Это «личное соприкосновение с тем, над чем человек не властен», с «другим измерением»⁶⁵ (так же как «бесконечная неаполитанская горечь»⁶⁶ в целом — осязаемые симптомы энтропии, «гибельные симптомы гниения и распада»⁶⁷ — «агония моря»⁶⁸, «агонизирующее море плеснуло мертвой волной»⁶⁹ и т. д.), вероятно, способствовало ощущению неисклочительности собственного опыта и, таким образом, адаптации Герлинг-Грудзиньского к городу, который он, несмотря на многократно упоминаемые одиночество, пустоту, поверхностность знания, ненависть, чуждость, называет «нашим»⁷⁰.

Источники и литература

Герлинг-Грудзинский Г. Неаполитанская летопись. Пер. с польск. И. Адельгейм. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 512 с.

Bieńkowska E. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.* Warszawa: Wydawnictwo Zeszytów Literackich, 2002. 172 s.

Herling-Grudziński G. *Dziennik pisany nocą.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2011–2012. Т. 1. 1971–1981. 798 s.; т. 2. 1982–1992. 1032 s.; т. 3. 1993–2000. 1068 s.

Herling-Grudziński G., Bolecki W. *Rozmowy w Dragonei.* Warszawa: Szpak, 1997. 382 s.

Morawiec A. «Nie można żyć bez nadziei» («Грузы» Gustawa Herlinga-Grudzińskiego) // *Zeszyty Naukowe.* 2000. № 5 (10). S. 7–21.

Przybylski R. *Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów.* Warszawa: Czytelnik, 1966. 185 s.

References

Bieńkowska, E. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.* Warsaw: Wydawnictwo Zeszytów Literackich, 2002, 172 s.

Gerling-Grudzin'skii, G. *Neapolitanskaia letopis'.* Per. s pol'sk. I. Adel'geim. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2017, 512 s.

65 *Bieńkowska E.* *Pisarz i los.* S. 95.

66 *Герлинг-Грудзинский Г.* Неаполитанская летопись. С. 131.

67 Там же. С. 111.

68 Там же. С. 110.

69 Там же. С. 112.

70 Там же. С. 187, 433 и др.

Herling-Grudziński, G. *Dziennik pisany nocą*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2011–2012, t. 1. 1971–1981, 798 s.; t. 2. 1982–1992, 1032 s.; t. 3. 1993–2000, 1068 s.

Herling-Grudziński, G., Bolecki W. *Rozmowy w Dragonei*. Warsaw: Szpak, 1997, 382 s.

Morawiec, A. «Nie można żyć bez nadziei» («Gruzy» Gustawa Herlinga-Grudzińskiego). *Zeszyty Naukowe*. 2000, № 5 (10), s. 7–21.

Przybylski, R. *Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów*. Warsaw: Czytelnik, 1966, 185 s.

Irina E. Adel'geym

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“At the foot of the throne of the ruler.” “Vesuvius the Killer” as a catalyst for the accepting one’s fate in Gustaw Herling-Grudziński’s oeuvre

I dwell upon the way Gustaw Herling-Grudziński (1919–2000), a prominent Polish emigrant writer of the 20th century reflected upon the phenomenon of earthquakes. He lived for nearly a half of the century (1955–2000) at the foot of Vesuvius and witnessed several earthquakes. Moreover, his father-in-law Benedetto Croce, an Italian philosopher, historian and politician barely survived the earthquake of the 1883, which severely injured him both physically and psychologically. I specifically reflect on Herling-Grudziński’s thoughts about this phenomenon he expresses in his notes in the “Diary Written at Night” (1977–2000) and especially in the stories included into this book. I analyse the connection of this process to the mechanisms of psychological and artistic adaptation, his settling in the foreign space both in terms of literature and in terms of life. I focus on a number of interconnected contexts in which “the shadow of the earthquake” appears in Herling-Grudziński’s prose as a specific phenomenon. Namely, it is connected to the language inseparably and immediately, but at the same time, it is a manifestation of Evil directed against the divine in man. The writer attempted at defining its specificity as related both to his self and his reactions, and to the mentality of native Neapolitans. The shadow that hangs over the worldview of the Neapolitans, clearly embodies the idea of the fragility of the human life through the feeling that the fate of a man although full of unexpected calamities, is never unique. Giacomo Leopardi defined this as a shadow of “Vesuvius the Killer”. The analysis suggests that this shadow facilitated the adaptation of Herling-Grudziński to the foreign space.

Keywords: *Herling-Grudziński, Vesuvius, petrification, Neapolitans, fate.*

Вариации на русские мотивы в словацкой прозе XXI в.

Исторические и культурные связи между Словакией и Россией имеют давнюю традицию. Они проявлялись и продолжают проявляться как прямо, в форме разного рода контактов, так и опосредованно, в разных вариантах их художественного осмысления. Русские мотивы и персонажи, встречающиеся в словацкой прозе последних лет, выполняют определенные творческие задачи, которые ставит перед собой тот или иной автор. В реалистической литературе XXI в. русские персонажи представляют индивидуальные, исторически и психологически обусловленные типы; в их числе и политические деятели, и обычные люди. Время повествования относится, как правило, к прошлому, к периоду социализма. В них, в частности, затрагивается тема ГУЛАГа, воспроизводятся августовские события 1968 г. в ЧССР и картины последующих лет «нормализации». Примерами такого отражения русских мотивов и фигур могут служить произведения С. Ракуса, П. Ранкова, Й. Банаша. Использование русских реалий и тем в сфере постмодернизма дает иные возможности для своего воплощения, авторы отдают предпочтение преимущественно метафорической, иносказательной форме. Это иллюстрируют книги П. Виликовского, М. Гворецкого, Д. Майлинга. В них присутствуют аллюзии на русские образы и реалии, обусловленные присущей постмодернизму интертекстуальностью, используются приемы пастиша, палимпсеста, гротеска, абсурда.

Ключевые слова: *словацкая литература, связи, русская культура, реализм, постмодернизм, образы, мотивы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.4.02

Образы и мотивы России традиционно встречаются в словацкой литературе со времен национального Возрождения вплоть до наших дней, что обусловлено как близостью и давними связями наших культур, так и реалиями исторического характера.

В литературе Словакии 2-й половины XX — начала XXI в. русские персонажи представлены чаще всего как эпизодические фигуры,

на которые ложится определенная смысловая и фабульная нагрузка. Они, как правило, выражают тот или иной тип, соответствующий общему, часто стереотипному, представлению о русском. Таковы, например, героические образы русских (советских) солдат или партизан, встречающиеся в словацкой военной прозе 1950–1960-х гг. (романы В. Минача, Р. Яшика, Л. Тяжкого). В изменившихся условиях 1990-х гг. это нередко отрицательные персонажи — «мафиози», мошенники и проч. с бывшего советского пространства (у В. Климачека, П. Пиштянека).

В романах XXI в. после некоторого спада вновь стали появляться и русские персонажи, и разного рода русские мотивы, причем индивидуальные, реалистические их черты и характеристики в ряде случаев уступают место аллюзиям на известные, ставшие клишированными образы и реалии, которые авторы используют в своих целях, творчески их трансформируя.

Русские в привычной функции более или менее реалистических героев представлены в книгах последних лет Станислава Ракуса, Павла Ранкова, Йозефа Банаша.

Так, русские персонажи встречаются в романе С. Ракуса (р. 1940) «Эксцентрический университет» (2008). Это и преподаватели из СССР, работающие в описываемом автором Прешовском университете в Восточной Словакии в период «нормализации», и многочисленные фигуры с псевдорусскими именами, которых повествователь, Виктор «Павлович» Бохня, вечный студент-филолог, нередко сравнивает с героями русской литературы XIX в. В их черед упоминаются и совсем мифические русские персонажи, вроде профессора Ивана Петровича Незвратова, который умер от пьянства и стал университетским привидением. «Муза» Бохни, молодая преподавательница Мария Петровна Голочникова, вдохновившая его на это русифицированное повествование, появляется в романе лишь в рассказах Бохни, лирическая тональность которых также исподволь окрашивается иронией: «При виде такого ее обаяния я порой даже забывал о своей любимой литературе XIX в. и только следил за тем, как нежно, кокетливо и в то же время стыдливо и смущенно открывает она свои уста, наполняя все помещение, как истинная русская, верно расставленными ударениями, совершенными гласными и редуцированными безударными, которыми нас в свое время тщетно терзал на фонетике и фонологии доцент Дзурник»¹. Большая часть книги состоит из стилизованных

¹ Rakús S. Excentrická univerzita. Bratislava, 2008. S. 8.

под слог классической русской литературы квазинаучных рассуждений студента Бохни, которого, как узнает читатель в финале, исключают из университета за «вольнодумство», «эксцентричное поведение» и «злоупотребление русской литературой»².

Иные типы русских представлены в романе П. Ранкова (р. 1964) «Матери» (2011). В центре повествования — история молодой словачки Зузаны Лауковой, интернированной в конце войны в СССР. Длинный ряд русских персонажей начинается с первой же сцены романа, когда после свидания с Зузаной погибает ее возлюбленный, молодой партизан Алексей. Основная же часть ее рассказа относится к годам заключения, к тяжелым испытаниям в ГУЛАГе, в «трудовом» лагере в Поволжье, куда она попала по ложному обвинению в предательстве. По ходу дальнейшего действия в романе появляется целая череда русских персонажей, чаще всего эпизодических, — это и следователи, и военные, и надсмотрщики, и заключенные, с которыми приходится общаться в лагере главной героине. «В нашей бригаде были воровки, спекулянтки и проститутки, но большинство женщин оказалось здесь не за какое-то конкретное преступление, а за то, кем они были»³. Из общей безликой и безымянной массы товарок по несчастью, мелькавших перед ее глазами, Зузана выделяет тех, с кем ее связали какие-то отношения — одни помогали ей, а другие представляли опасность. Они появляются в более развернутых эпизодах, названы по именам и наделены краткими характеристиками, как правило, сообщаемыми Зузане из уст более опытных, чем она, заключенных: «Вон те две, Таня и Елена, — кивнула головой Наташа, — убийцы, а еще — Песенка. Эта, как разойдется, колотит всех, кто под руку попадется. [...] А я — воровка в законе, — сказала она с гордостью. [...] Лизавета, в черной ушанке — троцкистка, террористка. А вон та, в коричневой шапке — Агафья, за попом замужем была. Его застрелили, а ее сюда сунули»⁴. Эти фигуры возникают и исчезают, сменяя друг друга. Единственный из русских персонажей романа, выполняющий в сюжете более важную функцию, — начальница лагеря, лейтенант Ирина Михайловна, проводившая здесь «воспитательно-трудовой эксперимент»: «Тот, кто хорошо работает, может и хорошо есть. И, возможно, даже доживет до досрочного освобождения»⁵. Ири-

2 Ibid. S. 170.

3 Rankov P. Matky. Bratislava, 2011. S. 54.

4 Ibid. S. 53.

5 Ibid. S. 47.

на сыграла в судьбе Зузаны большую роль, будучи одновременно и ее мучителем-тюремщиком, и спасительницей, усыновившей и тем самым спасшей ее родившегося в лагере ребенка.

Й. Банаш (р. 1948), автор большого числа политических и приключенческих романов и пьес, использует в своих произведениях фигуры русских, представляя в своих произведениях сцены с участием исторических лиц или общественно-политических деятелей, а в ряде случаев — обычных, «рядовых» советских граждан. Так, в романе «Зона энтузиазма» (2008) фигурируют не только принимающие политические решения руководители СССР. В центре повествования о последних двадцати годах социализма оказываются истории людей — и советских граждан, и словаков, — связанных между собой личными отношениями и воспоминаниями. В романе «Остановите Дубчека!» (2009) есть ряд сцен с участием Брежнева, Косыгина, Суслова. Советские политические деятели выступают в романе как литературные герои. Они не только произносят ожидаемые от них реплики: «Этот Дубчек нас обманывает! [...] А каков их памфлет?! Они назвали его “Программой действия!”»⁶ Автор по законам исторической беллетристики наделяет их вымышленными эмоциональными проявлениями: «Брежнев сел, выпустил изо рта табачный дым и швырнул на стол документы. [...] Он слушал и кивал, жадно затягиваясь сигаретой»⁷; «Брежнев побагровел, с трудом сдерживая ярость. [...] Он уже почти кричал»⁸. Если эти герои относительно статичны и действуют вполне предсказуемо в соответствии с известными историческими фактами, то безымянные русские персонажи и сцены с их участием выполняют роль остросюжетных узлов политического триллера. Таковы, например, эпизоды романа, связанные с арестом и интернированием Дубчека и других членов реформаторского руководства ЧССР в августе 1968 г. В мемуарах самого А. Дубчека («Надежда умирает последней», 1993), на материале которых во многом основывается Й. Банаш, разумеется, нет упоминаний об этих фактах. Это история (и эскиз биографии) «кудрявого солдата», застреленного своим же командиром за сочувствие к Дубчеку: «Солдат нервно курил, опустив глаза. На миг взгляды их встретились. Это был тот рыжий солдат, который хотел подать ему телефон. Он плакал, думая о своих учениках, которых теперь некому будет учить играть на скрипке. [...] Потом раздался

6 *Banáš J. Zastavte Dubčeka!* Bratislava, 2009. S. 164.

7 *Ibid.* S. 165.

8 *Ibid.* S. 224.

выстрел. Дубчек выглянул в окно и увидел лежащего на земле кудрявого солдата с простреленной головой»⁹. В соответствии с жанром триллера показан и эпизод якобы имевшего место несостоявшегося расстрела Дубчека где-то в Закарпатье, по дороге в Москву. Скупые характеристики военных, участвовавших в этой сцене, говорят о жанровой утилитарности этих фигур: «“Идите вперед!” — приказал майор. Они зашагали по направлению к отвесному краю карьера. [...] Второй солдат шел в двух шагах за ними. В это мгновение в кармане у майора захрипел передатчик. Он поспешно вытащил его и отошел в сторонку, чтобы не было слышно. Спустя несколько минут он вернулся. Выражение его лица стало совсем другим, он улыбался. “Ну, мы тут немного прогулялись, вам наверняка полезно было”, — почти оправдывался он»¹⁰.

Другой аспект данной темы — использование мотивов русской культуры в художественных произведениях последних лет. Они представлены чаще всего в постмодернистском ключе, еще сохраняющем свои позиции в словацкой прозе. Среди таких произведений следует назвать новые книги Павла Виликовского, Михала Гворецкого, Даниэла Майлинга.

В книгах П. Виликовского (1941–2020) нередко встречаются русские фигуры и мотивы. Однако даже при всей обстоятельности их характеристик они выполняют вспомогательную роль по отношению к сюжетной линии главного героя или к той или иной идее автора. Таков, например, безымянный русский эмигрант из романа «Первая и последняя любовь» (2013).

Характер и личность этого персонажа раскрываются не только в его собственном рассказе о своей юности, о пережитом во время Гражданской войны в России. Дополнительные штрихи вносит в его портрет автор: «Седовласому господину больше девяносто лет, он глуховат и почти слеп, но чем хуже он видит то, что перед ним, тем лучше — то, что уже позади. Память и язык ему еще хорошо служат»¹¹. В описании внешности старика выделяется благородство его облика, хорошие манеры: «Он происходит из старого, кажется, литовского рода, позднее обедневшего и обрусевшего. [...] До самой старости он сохранил необыкновенное достоинство в общении и поведении, всегда был гладко выбрит и тщательно причесан, никогда не повышал

9 Ibid. S. 208.

10 Ibid. S. 209

11 *Vilikovský P. Prvá a posledná láska*. Bratislava, 2013. S. 149.

голоса, не использовал грубых выражений. [...] Изысканные манеры были, пожалуй, единственным, что сохранилось у него от семьи»¹².

Виликовский подчеркивает правдивость, документальность повествования и аутентичность самого этого персонажа: «История, которую рассказывает в гостиной своего дома старый седовласый человек, так же правдива, как реален и этот человек»¹³. В противовес ему центральный герой-повествователь, историк Габриэль, записывающий рассказ старика — «вымышленный», придуманный автором: «Человек этот — не настоящий, это персонаж рассказа. Мы могли бы обозначить его как героя, но не сделаем этого, поскольку в нем нет ничего героического»¹⁴.

Функция русского персонажа в романе представляется двоякой. Квази-реалистичный, «настоящий» герой — по сравнению с выдуманным автором Габриэлем — носитель идеи истинности жизненных фактов и главенства читательского восприятия художественного произведения. Не менее важно для Виликовского в этом характере, наряду с его «русскими» чертами, и универсальное, общечеловеческое содержание, опыт «живого свидетеля исторических событий, повлиявших на весь XX век»¹⁵.

В названии одной из следующих книг П. Виликовского — «Повесть о стоящем человеке» (2017) (слов. «Príbeh ozajského človeka») — содержится намек на своего рода палимпсест: его фоном служит название книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946), которая была переведена и издана в Словакии еще в 1951 г. под названием «Príbeh ozajstného človeka».

Под «толстым слоем краски» уже почти теряется связь с романом Полевого, сохраняя лишь намек на радикально противоположные качества героев своего времени, противоположные по знаку и по содержанию. Герой «Повести» Виликовского, по жанру скорее романа в дневниковой форме, — оставшийся безымянным рассказчик от первого лица, живущий в провинциальном городке в период «нормализации». Автор последовательно и мастерски стилизует свое повествование под разговорный, просторечный язык: герой записывает важные на его взгляд события своей жизни в привычной для него бытовой форме с использованием соответствующих лексических и грамматических

12 Ibid. S. 161.

13 Ibid. S. 139.

14 Ibid. S. 141.

15 Ibid. S. 158.

форм. Это обыгрывается и в названии книги: высокая самооценка героя выражена просторечным определением «ozajský» (вместо литературного «ozajstný»). «Стоящий человек» делает достойную, по его понятиям, карьеру от завхоза до «референта по особым делам» на предприятии, стараясь выслужиться и быть поближе к начальству: «Как стану особым референтом, так, значит, буду сидеть на совещаниях руководства всегда, а не типа как сейчас — только если позовут, когда им надо чего по моему участку, трудовая дисциплина там или отопление барахлит. А может, и на собрания их буду ходить»¹⁶. Он вступает в партию, потому что «им надо было пополнить ряды заместо тех, кого при проверках выкинули или вычеркнули, так не мог же я отказаться»¹⁷. Ради самоутверждения и роста он берется за «доверительные дела» в контакте с куратором из органов госбезопасности.

Русская тема присутствует в романе не только в названии-намеке, но и в виде эпизодического персонажа. Это старый маляр из бригады, которая под контролем героя-повествователя устраняла недоработки в новом здании учреждения. Общительный старичок рассказал о том, как попал в плен и сорок пять лет прожил в СССР: «В Союзе, там дай боже как пахать приходилось, не то коммунисты тебе покажут»¹⁸. Только после «распоряжения Сталина», бросив свою семью, он вернулся домой в Словакию. Повествователь, склонный к умозаключениям, делает свой вывод, также перекликающийся с авторской идеей «настоящего» или «стоящего» человека: «Раз этот тип прожил сорок пять лет в социалистической стране, а все еще остается при такой вот морали и взглядах, так это доказывает, что социализм можно спокойно себе объявить, а вот про социалистического человека сколько ни объявляй, его же сделать надо, а этого еще никому не удавалось, даже Сталину»¹⁹.

Чтобы показать свою образованность и не ударить в грязь лицом на свиданиях с миловидной коллегой Викторией, он рассуждает о книгах — и тут снова возникает русская тема, поскольку рассуждает он о «Войне и мире», замечая: «Это толстая книга, даже несколько частей, потому я ее не читал, а смотрел этот фильм американский, с такой красивой, миленькой артисткой. [...] Толстой — он всемирно известный и уважаемый писатель, такой философский, и “Анну Ка-

16 *Vilikovský P. Príbeh ozajského človeka*. Bratislava, 2014. S. 15.

17 *Ibid.* S. 21.

18 *Ibid.* S. 46.

19 *Ibid.* S. 47.

ренину” написал еще, со школы помню, как она под поезд прыгнула из-за несчастной любви, про это тоже фильм был»²⁰.

Свои записи в дневнике повествователь косвенно адресует сыну, чтобы в будущем тот узнал, каким «стоящим» и уважаемым человеком был его отец. В погоне за признанием своих достоинств он заводит служебную интрижку, заигрывается с гражданской бдительностью, донося уже на начальство, что приводит к краху и «карьеру», и семьи. Однако в финале он видит открывающиеся перспективы, получая новое задание от своего куратора — «приглядывать» за местным католическим приходом.

В романе «Райские радости миновали» (2018), последней книге недавно ушедшего из жизни писателя, Виликовский снова использует повествование от первого лица, но герой уже иной, близкий к более привычному для его книг условно автобиографическому рассказчику — зрелому интеллигенту, «готовому, полностью укомплектованному человеку, к которому уже нечего добавить»²¹. Он вспоминает ностальгические моменты прошлого, своего друга и альтер эго Ивана, автора афоризма, ставшего рефреном романа: «Былые райские радости миновали, да ведь и мы не те, что прежде. Все когда-нибудь проходит»²². Столь же часто звучит еще один рефрен, которым начинается и заканчивается книга: «Все пройдет. Вечен лишь “Танец с саблями” Арама Хачатуряна из балета “Гаянэ”»²³. Русские (советские) мотивы — это своего рода культурный фон, часть литературного материала из творческой лаборатории П. Виликовского, по праву считающегося самым ярким представителем словацкого постмодернизма.

Элементы постмодернизма использует в своем творчестве и М. Гворецкий (р. 1976). Роман «Тролль» (2017) написан в духе характерных для этого автора антиутопий и альтернативных историй («Плюш», 2005, «Таити», 2019 и др.). Это десятая по счету книга писателя, о которой критика высказывала самые разные суждения, давая ей в целом положительную оценку: «В книге “Тролль” мы находим старый добрый авторский почерк. [...] Мы оказываемся в знакомом нам мире Гворецкого, который внезапно и зловеще врастает в повседневную реальность»²⁴; «Михал Гворецкий — вероятно, самый видный

20 Ibid. S. 78.

21 *Vilikovský P.* RAJc je preč. Bratislava, 2018. S. 26.

22 Ibid. S. 284.

23 Ibid. S. 10.

24 *Šaková J.* V (nie iba) Hvoreckého svete // *Romboid*. 2017. № 8. S. 18.

представитель жанра альтернативной истории в словацкой литературе. [...] Он развивает традиции и наработки разных видов фантастики — это сайенс-фикшн, фэнтези, киберпанк, технотриллер»²⁵.

Герой романа живет на окраине Империи, в провинции, образовавшейся в результате мировой Гибридной войны из нескольких бывших центральноевропейских государств, захваченных в результате экспансии агрессивным восточным соседом. По описанию, столица провинции, Черная Дыра, — это бывшая Братислава с широкой рекой, крепостью Градом на холме и пустырями на месте исторических зданий. Иносказательно говорится и о России будущего — Империи: «В детстве я представлял себе Империю как сказочную страну, где милые люди охотно вам помогают и говорят звучно, как в учебниках близкого, но такого трудного иностранного языка»²⁶. Но в реальности расширившаяся Империя — это диктатура вождя-отца, а потом вождя-сына с подавлением свобод, преследованием инакомыслящих, коррупцией, низким уровнем жизни, где почти все было запрещено, в том числе и Интернет, от которого остался один правительственный канал.

Герой с юности увлекается имперской культурой, по самоучителю изучает язык, «проглатывает русскую фантастику, фильмы и книги из Империи»²⁷, мечтает об Анне Карениной и Наташе Ростовой, выбирает в университете специализацию «русский язык и литература», где лекции читает свободолюбивый профессор по имени Евгений Никакой, который «учил студентов творчески мыслить»²⁸. Главки романа, как правило, начинаются с эпиграфов — цитат из Достоевского, Пушкина, Солженицына, Брюсова, Бердяева, а также (в зависимости от дальнейшего повествования) — из высказываний Брежнева, Лигачева, Путина.

В центре сюжета — разразившаяся в стране информационная война, в которую включается герой вместе с единственным другом — бунтаркой Йоганной, увлекающейся наркотиками и русской научной фантастикой. Они разрабатывают и реализуют опасный план борьбы с центром информационной войны — фабрикой троллей, сами становясь элитой в этой преступной подрывной организации. В итоге герой окончательно и буквально теряет свое лицо, проредавав радикаль-

25 Halvonik A. Trolovanie o trolovaní // Romboid. 2017. № 8. S. 20.

26 Hvorecký M. Trol. Bratislava, 2017. S. 26.

27 Ibid. S. 39.

28 Ibid. S. 74.

ную пластическую операцию, чтобы спастись от постоянной травмы. В финале он снова обращается к русской теме, иносказательно говоря о собственном внешнем уродстве: «В одном русском романе сумасшедший аристократ, любуясь трупом своей возлюбленной, уже с признаками тления, твердит, что и на солнце бывают пятна»²⁹. Русская культура служит и в сознании героя, и в романе в целом известным противовесом бездуховности и ненависти, охватившей общество альтернативного будущего.

Еще одну возможность рассмотреть функцию русской темы в современной словацкой прозе дает книга Д. Майлинга (р. 1980) «Русская клазика» (2017). Драматург Словацкого национального театра, автор комиксов, он издал свою первую прозаическую книгу, представив ее как антологию рассказов, написанных литературными рабами — фальсификаторами произведений русских классиков. В соответствии с жанром мистификации книга снабжена и «документальными» свидетельствами — предисловием и «интервью» редактора с опустившимся словацким литератором, автором второсортной беллетристики, производство которой якобы налажено в Китае наряду с производством поддельной электроники: «Достоевски, Толстози, Тооргенеф — дешевая подмена истинных литературных ценностей для людей, которые не могут позволить себе читать настоящую, рассчитанную на требовательного читателя русскую классику»³⁰. Русская тема реализована здесь в виде пастиша, литература и фигуры писателей используются как фон, материал и инструмент для стилизации одиннадцати представленных в «Антологии» рассказов. Вторая ее функция — это пародийное обыгрывание в абсурдной ситуации «вечных тем» русской литературы — смерти, любви, смысла жизни. «Герои» рассказов — и писатели-классики (Крылов, Чехов), и вымышленные советские, русские писатели. Так, два рассказа («Искусство любить» и «Невнимательный») повествуют о любовных драмах Ивана Андреевича Крылова, «самого непонятого писателя в истории литературы»³¹, поскольку сам он считал себя автором реалистических рассказов о жестокостях жизни, а не легковесных басен для детей. Его домашнее окружение — ближайший друг и задушевный собеседник такса Дмитрий Федорович, горничная Аграфена, «индюшка в расцвете лет»³², и образован-

29 Ibid. S. 165.

30 *Majling D. Ruzká klazika*. Bratislava, 2017. S. 5.

31 Ibid. S. 16.

32 Ibid. S. 41.

ная барышня-интеллектуалка курица Надежда Семеновна, в которую безнадежно влюблен писатель. Сюжет заканчивается трагедией: пес Дмитрий из ревности задушил курицу Надежду и сдался властям, чтобы закончить свои дни в Сибири. А «Крылов еще несколько месяцев пролежал в постели, горя в равной мере и по любви всей своей жизни, и по лучшему другу»³³. В таком же духе псевдореализма с налетом абсурда выдержаны и другие рассказы «антологии». В их темах и стилистике просматриваются аллюзии на Достоевского, Толстого, Чехова, Солженицына, Сорокина.

Русские мотивы в словацкой прозе последних лет ушли, по преимуществу, в сферу постмодернизма с его интертекстуальностью, приемами пастиша, палимпсеста, гротеска, в область общекультурного фона. В реалистической же струе словацкой прозы сейчас не так просто найти их использование, поскольку она нацелена на современную проблематику словацкой действительности, межличностные отношения, социально-психологические аспекты. От воплощения русской темы в персонажах, как это было в литературе XX в., писатели перешли к ее «утилитарному» использованию в метафорической, иносказательной форме, где она оказывается весьма функциональной и дает различные возможности для своей реализации.

Источники и литература

Banáš J. Zastavte Dubčeka! Bratislava: Ikar, 2009. 360 s.

Halvoník A. Trolovanie o trolovaní // Romboid. 2017. № 8. S. 19–20.

Hvorecký M. Trol. Bratislava: Marenčin PT, 2017. 168 s.

Majling D. Ruzká klazika. Bratislava: OZ Brak, 2017. 120 s.

Šaková J. V (nie iba) Hvoreckého svete // Romboid. 2017. № 8. S. 17–18.

Rakús S. Excentrická univerzita. Bratislava: Koloman Kertész Bagala, 2008. 232 s.

Rankov P. Matky. Bratislava: Ryba, 2011. 248 s.

Vilikovský P. Prvá a posledná láska. Bratislava: Slovart, 2013. 198 s.

Vilikovský P. Príbeh ozajského človeka. Bratislava: Kalligram, 2014. 201 s.

Vilikovský P. RAJc je preč. Bratislava: Petrus, 2018. 287 s.

³³ Ibid. S. 23.

References

- Banáš, J. *Zastavte Dubčeka!* Bratislava: Ikar, 2009, 360 s.
- Halvoník, A. "Trolovanie o trolovaní." *Romboid*, 2017, № 8, s. 19–20.
- Hvorecký, M. *Trol*. Bratislava: Marenčin PT, 2017, 168 s.
- Majling, D. *Ruzká klazika*. Bratislava: OZ Brak, 2017, 120 s.
- Šaková, J. "V (nie iba) Hvoreckého svete." *Romboid*, 2017, № 8, s. 17–18.
- Rakús, S. *Excentrická univerzita*. Bratislava: Koloman Kertész Bagala, 2008, 232 s.
- Rankov, P. *Matky*. Bratislava: Ryba, 2011, 248 s.
- Vilikovský, P. *Prvá a posledná láska*. Bratislava: Slovart, 2013, 198 s.
- Vilikovský, P. *Príbeh ozajského človeka*. Bratislava: Kalligram, 2014, 201 s.
- Vilikovský, P. *RAJc je preč*. Bratislava: Petrus, 2018, 287 s.

Liudmila F. Shirokova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Variations on Russian motifs in Slovak prose of the 21th century

The historical and cultural ties between Slovakia and Russia have a long tradition. They manifested themselves and continue to appear both directly, in the form of various kinds of contacts, and indirectly, in different versions of their artistic understanding. Russian motifs and characters found in the Slovak prose of recent years, perform certain creative tasks that the author sets for himself. In the realistic literature of the 21st century, the Russian characters represent individual, historically and psychologically determined types that include both politicians and ordinary people. The time of narration usually refers to the past, that is, to the period of socialism. Particularly, they dwell upon the topic of the Gulag, the August events of 1968 in Czechoslovakia and reproduce pictures of the subsequent years of "normalization". Examples of such a reflection of Russian motifs and figures are the works of S. Rakus, P. Rankov, J. Banaš. The use of Russian realities and themes in the literature of postmodernism gives other possibilities for its embodiment. The authors prefer a predominantly metaphorical, allegorical form. This is illustrated by the books of P. Vilikovsky, M. Hvoretsky, D. Majling. They contain allusions to Russian images and realities, conditioned by the intertextuality inherent to postmodernism, and use techniques of pastiche, palimpsest, grotesque, and absurdity.

Keywords: *Slovak literature, communications, Russian culture, realism, postmodernism, images, motifs.*

Словенская литература в Австрии (национальное и поликультурное)

В 1920 г. исконно словенские земли южной Каринтии отошли Австрийской Республике, словенское население оказалось под юрисдикцией государства, официальным языком которого являлся немецкий. В этих условиях важным фактором сопротивления ассимиляции для каринтийских словенцев стала литература на родном языке. Однако спустя десятилетия национально-охранительная функция художественного слова постепенно сошла на нет. Современная литература словенского меньшинства, проживающего в Австрии, представляет особый феномен, сочетающий в себе национальные и поликультурные компоненты и имеющий два культурно-исторических контекста, две идентичности — словенскую и австро-немецкую. В эстетическом, тематическом, языковом плане эта литература столь разнопланова, что больше не укладывается в рамки словесности национального меньшинства, а также не может быть автоматически отнесена только к одной из двух — словенской или австрийской — литератур. Разнообразие произведений, включающее собственно словенские тексты, гибридные билингвистические формы, сочинения на немецком языке, безусловно, требует новой исследовательской методологии, которая расширила бы существующие подходы и смогла охватить литературную практику тех, кто создает панораму каринтийской действительности, востребованную и в Словении, и в Австрии.

Ключевые слова: *словенская литература, южная Каринтия, национальное меньшинство, билингвизм, поликультурализм.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.4.03

Исследование выполнено в рамках проекта «Язык и культура в полиэтнических и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» Программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» Подпрограммы «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Историческая судьба словенцев была полна суровых испытаний. Специфика геополитического положения исконно словенских территорий, оказавшихся объектом притязаний более могущественных соседей, стала одной из причин многовековой экспансии со стороны ряда европейских государств. Исторические катаклизмы, передел территорий, перенос границ привели к тому, что к середине XX в. этнические земли словенцев уменьшились почти на две трети. Крайне болезненным для национальных чувств стал при определении новых государственных границ после Первой мировой войны раздел южной Каринтии, некогда центра княжества Карантания, фактически исконно словенской территории. На протяжении веков эти земли были частью словенского культурного пространства, в середине XIX в. в Целовце (ныне Клагенфурт) было учреждено просветительское и издательское «Общество св. Мохора», в то время крупнейший центр словенского книгопечатания. По результатам плебисцита 1920 г. каринтийские земли, на которых проживало более 80 000 словенцев¹, были закреплены за Австрийской Республикой. Словенское население осталось проживать в своих автохтонных областях, но вследствие передела границ оказалось под юрисдикцией чужого государства. Вопреки обещаниям всячески способствовать сохранению языка и культуры словенского национального меньшинства, на которые перед голосованием не скупилась австрийские власти, немецкий язык очень быстро получил статус единственного официального и для словенских областей. В этих условиях важным фактором сопротивления ассимиляции стала для каринтийских словенцев литература на родном языке. Ее представляют две группы авторов: собственно этнические словенцы, выходцы из южной Каринтии (М. Хартман, Я. Месснер, Ф. Липуш, М. Хадерлап, Ц. Липуш, Ф. Хафнер, Я. Освальд и др.), и писатели словенского происхождения, по политическим или личным причинам иммигрировавшие в Австрию (В. Ошлак, А. Худл, Л. Детела, М. Мерлак-Детела). Их творчество не только открывает читателю внутренний мир и менталитет представителей одного из славянских национальных меньшинств в Австрии, но и несет в себе определенные черты поликультурализма, обусловленные историческими, социокультурными и жизненными обстоятельствами.

Взгляд историков литературы на художественную практику каринтийских словенцев с течением времени менялся. Долгие годы

¹ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konva 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 253.

словенские литературоведы видели в ней одну из «ветвей» национального культурного «древа», которая естественным образом связана с литературной и культурной традицией, «встроена» в общесловенский литературный контекст. Так, еще в 1946 г. историк литературы И. Графенауэр в статье «Словенская литература в Каринтии — сегмент литературы Словении» представил основные вехи литературного развития каринтийских словенцев от праславянской эпохи до постплебисцитного периода. Учитывая общественно-политический контекст времени публикации (известно, что Й. Б. Тито не оставлял идеи вернуть отошедшие Австрии территории обратно), ее название носит программный характер, намекая на возможное объединение «Словенской Каринтии» с Республикой Словенией, поскольку речь идет о «каринтийской части Словении»². С этой стратегической задачей была отчасти связана культурная политика социалистической Словении в направлении контактов с национальными анклавами. В 1969 г. в Мариборе состоялась первая конференция, посвященная культурному пространству Каринтии, в которой были задействованы ведущие научные силы СФРЮ, в 1973 г. литература словенского зарубежья стала одной из тем девятого семинара словенского языка, литературы и культуры в Любляне, центрального учебно-научного мероприятия, осуществляющего продвижение словенистики в Европе и мире. В сборнике докладов мариборской конференции был опубликован ряд материалов, определяющих литературную практику каринтийских словенцев как один из векторов развития «большой» словенской литературы. Так, Б. Патерну в своем выступлении подчеркнул, что «ни в плане исторического развития, ни по типологическим характеристикам» литература этой диаспоры «не может быть выделена в изолированный литературный организм»³. М. Кмецл сделал акцент на исторических и общественно-политических предпосылках формирования словенского печатного слова в Австрии (доклад «Литература зарубежных каринтийских словенцев после плебисцита»⁴). В дальнейшем он развил тему Каринтии как исконно словенской терри-

2 *Grafenauer I.* Slovensko slovstvo na Koroškem — živ člen vseslovenskega slovstva // Koroški zbornik. Ljubljana, 1946. S. 289.

3 *Paternu B.* Problem dveh tipov slovenske literature s posebnim ozirom na njen koroški del // Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj. Maribor, 1973. S. 98.

4 *Kmec M.* Književnost zamejskih koroških Slovencev po plebiscitu // Ibid. S. 151–165.

тории, на протяжении нескольких столетий остававшейся колыбелью словенской культуры, отметив при этом, что после плебисцита 1920 г. начался новый этап в жизни словенского меньшинства, являющегося «неотъемлемой частью словенского народа [...] и вынужденного в новых исторических обстоятельствах бороться за свое физическое существование»⁵. Борьба за выживание в чужой стране, сопротивление угрозе ассимиляции, по мнению Кмецла, стали причиной определенной идейной ангажированности словенских каринтийских авторов, их сосредоточенности на проблемах языка.

Автор первой в Словении монографии о литературе словенского зарубежья и эмиграции Й. Погачник отмечает важное значение литературы словенского меньшинства, живущего в Италии и Австрии, для национального литературного пространства в целом и видит в них «дополнительную составляющую национального литературного процесса»⁶.

Наиболее последовательно точку зрения самих каринтийских словенских литераторов на протяжении нескольких десятилетий представлял прозаик и публицист Ф. Липуш, не раз в своих статьях ставивший вопрос о предназначении словенского художественного слова в Каринтии. С его деятельностью на посту главного редактора журнала «Младье» («Mladje», Целовец, 1960–1991) связан длительный период словенской литературной жизни в Австрии. Еще в середине 1960-х в полемическом эссе «Литература на скамье подсудимых», констатируя ускорение процесса ассимиляции словенского населения Каринтии, Липуш призывал коллег: «...мы должны доказать, что можем быть культурно независимы, самодостаточны, можем подчиняться только собственной творческой воле. Что у нас есть чувство собственного достоинства и вера в жизнь. Что мы избавились от ощущения своей неполноценности в сфере культуры»⁷. Сам факт, что «группа молодых людей покончила с провинциализмом [...] решительно отреклась от утилитаризма», стал, по его мнению, первым шагом к «культурному соединению с словенской нацией»⁸. Задачу своих коллег Липуш видел

5 *Kmecl M.* Slovenska Koroška in slovenska matična literatura // 10. koroški kulturni dnevi. Zbornik predavanj = 10. Kärntner Kulturtag. Almamach der Vorträge. Maribor, 1979. S. 127.

6 *Pogačnik J.* Slovensko zamejsko in zdomsko slovstvo (oris izhodišč in ocean vrednosti). Trst, 1972. S. 90.

7 *Lipuš F.* Literatura na zatožni klopi // Mladje. 1966. Št. 6. S. 26.

8 *Lipuš F.* Kulturni položaj koroških Slovencev // Naši razgledi. 1968. Št. 17/22. S. 576.

в «в самостоятельной творческой деятельности на страже словенского языка в Каринтии и для Каринтии»⁹. Впоследствии, правда, он изменил свое отношение к национально-охранительной функции литературы диаспоры как ведущей в пользу художественного уровня и оригинальности произведений, которые должны стать «достоянием всех народов мира и [...] частью мировой литературы»¹⁰.

У австрийских литературоведов также сложилось свое мнение о том, как литературы национальных меньшинств соотносятся с литературной ситуацией в стране. Впервые тезис о связи творчества авторов национальных меньшинств, в том числе словенцев, с немецкоязычным литературным пространством Австрии развили Э. Прунч и С. Хафнер в главе «Литература национальных меньшинств», опубликованной в истории современной австрийской литературы «Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs» (1976)¹¹. Компаративно-региональный подход к литературам славянских диаспор Австрии использовал в своих исследованиях и И. Штруц. Он полагал, что имманентным свойством этих литератур является их равноудаленность как от культуры другого (немецкого) языка, так и от родной культуры, и как следствие — высокая степень полиморфности. В эссе «Об одной “маленькой литературе”. Социология и эстетика новейшей словенской литературы в Каринтии» Штруц говорит о сложной структуре и многокомпонентности общесловенского литературного пространства, к которому относит не только Словению, но и Италию, Венгрию, австрийскую Каринтию и даже Аргентину¹². Отчасти эта проблематика была в середине 1990-х гг. затронута на симпозиуме о проблемах перевода и многоязычия в Клагенфурте¹³, организатором

9 *Lipuš F.* Literarno ustvarjanje na periferiji dveh kulturnih središč // *Naši razgledi*. 1974. Št. 23/1. S. 8.

10 *Lipuš F.* Na rob koroški literaturi // *Naši razgledi*. 1983. Št. 32/11. S. 328.

11 *Hafner S., Prunč E.* Die Literatur der nationalen Minderheiten // *Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs*. Zürich; München, 1976. S. 671–688.

12 *Strutz J.* Eine »kleine Literatur«. Zur Soziologie und Ästhetik der neueren slowenischen Literatur in Kärnten // *Profile der neueren slowenischen Literatur in Kärnten. Monographische Essays*. Celovec, 1989. S. 11.

13 *Strutz J., Zima V.* Literarische Polyphonie: Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur: Beiträge zum Symposium anlässlich des zehnjährigen

которого также выступил Штрутц. О двойной ориентации современной каринтийской словенской литературы — ее интегрированности как в общесловенский, так и в австрийский литературный контекст — неоднократно писал поэт, прозаик, драматург и литературный критик словенского происхождения Л. Детела¹⁴. Значительно более скептичен в оценках поэт Я. Освальд, убежденный, что говорить о полноценном взаимодействии литературы словенского национального меньшинства с литературным мейнстримом Австрии преждевременно: пишущие по-словенски авторы Каринтии «практически неизвестны широкой читательской аудитории, а те немногие, кто переведен на немецкий, выступают скорее в роли “экзотов”»¹⁵.

Принципиальные изменения в самой дефиниции «литература каринтийских словенцев» произошли в годы краха социализма и распада Югославии после провозглашения независимости Словении с развитием европейской интеграции. Если до этого литературоведы и культурологи делали упор в основном на историко-культурной и этнической составляющей литературы, во главу угла ставилась ее национально-охранительная функция, то после 1991 г. на смену пришли кросс-культурные и региональные маркеры. На изменение акцентов повлияли новые эстетические концепции, дискуссии о межэтничности и мультикультурализме, курс политиков на трансграничное сотрудничество и, не в последнюю очередь, осознание разрыва между самим привычным монокультурным дискурсом и реальной литературной жизнью. Общественно-политические и социокультурные трансформации оказали влияние на «всю сферу культуры, литературу, литературную теорию и критику»¹⁶. В 1991 г. Б. Патерну констатировал, что разделение литературы на словенском языке государственными границами в новой реальности теряет смысл, словенская литература едина, неделима, все ее анклавы «чувствуют, думают и дышат на

Jubiläums des Instituts für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft der Universität Klagenfurt. Tübingen, 1996.

¹⁴ *Detela L.* Slovenska koroška povojna literatura // Mladje. 1972. Št. 11. S. 62; *Detela L.* Povojni slovenski koroški pesniki in pisatelji. Obrazi sodobne koroške književnosti v slovenskem jeziku. Esezistična razmišljanja o slovenski povojni literaturi v Avstriji. Celovec, 1977. S. 147.

¹⁵ *Oswald J.* Koroška slovenska literatura in avstrijski literarni proctor // Mladje. 1986. Št. 63. S. 16.

¹⁶ *Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018. С. 8.

одном языке»¹⁷. На рубеже XX–XXI вв. лингвистический вектор литературной практики каринтийских словенцев меняет траекторию: молодые авторы все чаще прибегают к билингвизму, проблематика их произведений начинает отдаляться от когда-то традиционной, нацеленной на сохранение родного языка, она все менее обусловлена этнической принадлежностью авторов. Это стремление интегрироваться в мультикультурный австрийский контекст меняет сам статус литературы диаспоры — словенская каринтийская литература перестает быть периферийным компонентом литературного процесса, обретает языковую, культурную, эстетическую полифонию, при этом «двуязычие дает и пишущему, и читающему неисчислимые преимущества»¹⁸. Билингвизм словенских писателей Каринтии, по мнению С. Боровник, свидетельствует о наличии у них двойной культурной идентичности и усилении вектора поликультурности в их творчестве¹⁹.

В силу исторических обстоятельств роль немецкого языка для развития словенской научной и культурной мысли трудно переоценить. Однако после Второй мировой войны в Словении, ставшей частью СФРЮ, его значение в культурной истории словенцев последовательно замалчивалась. Между тем еще и в первые десятилетия XX в. (не говоря о веке XIX) словенское литературное пространство было двуязычным, причем немецкий язык оставался средством общения культурных слоев общества, творческой интеллигенции. Выдающиеся словенские литераторы периода модерна И. Цанкар и З. Кведер, оба граждане Австро-Венгрии, долгие годы творившие за пределами словенских территорий — она в Праге, он в Вене, — свободно и вполне художественно писали по-немецки. При этом оба приняли мужественное решение создавать произведения на родном языке в стремлении преодолеть расхожее мнение о его ограниченности, расширить семантический и эстетический потенциал словенского литературного слова. С предрассудками в отношении словенского языка (беден, невыразителен, неблагозвучен) столкнулись и предста-

17 *Paternu B.* Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem // *Sodobnost*. 1991. Št. 39/1. S. 1.

18 *Lipuš F.* Zum literarischen Selbstverständnis und zur Perspektive: Wie produziere ich als slowenischer Autor in Kärnten? // *Lipuš lesen. Texte und Materialien*. Celovec, Dunaj, Ljubljana in Sarajevo, 2000. S. 310.

19 *Borovnik S.* Dvojezičnost slovenske književnosti v Avstriji kot odraz dvojne identitete // *Individualna in kolektivna dvojezičnost*. Ljubljana, 2012. S. 437.

вители старшего поколения словенских писателей Каринтии, о чем впоследствии писали в своих произведениях Я. Месснер, Ф. Липуш, Г. Януш²⁰. Детей словенцев в австрийских гимназиях принудительно заставляли говорить и писать только по-немецки, в то время как южной Каринтии, особенно в сельской местности, в 1930-е гг. население было практически полностью словенским.

Обращение современных словенских писателей Каринтии к немецкому языку — явление в определенной степени закономерное и, видимо, уже необратимое. Многовековая история борьбы за родное слово в агрессивной иноязычной среде уходит в прошлое. И встает вопрос, куда отнести немецкоязычные тексты каринтийских словенцев. Об этом в статье «Многоязычие в современной поэзии словенцев в Австрии: мультикультурализм или ассимиляция?» размышляет Д. Бандель. Не подвергая сомнению тот факт, что «словенская литература в Австрии существует с XVIII в. [...] внесла существенный вклад в развитие национальной словесности [...] и является ее неотъемлемой частью», он констатирует изменение внутрилiterатурной ситуации: наличие поэтов словенского происхождения, пишущих только по-немецки, но сохраняющих при этом особый региональный менталитет и культурное своеобразие. На смену языковому коду приходит региональный, следствием чего становится возникновение «особого каринтийского литературного пространства, не зависящего ни от австро-немецкой, ни от словенской литературы»²¹, пространства со своей проблематикой, спецификой и художественной парадигмой.

В XXI в. в пределах этого особого каринтийского литературного пространства сосуществуют произведения, написанные авторами словенского происхождения по-словенски (Ц. Липуш), с использованием двуязычия (Я. Освальд, Я. Ферк, Ф. Хафнер) и на немецком языке (М. Хадерлап), а также немецко-австрийскими писателями, использующими словенский язык как художественное средство и/или фокусирующими внимание на вопросах национального меньшинства (П. Хандке). Очень интересен в плане обновления подхода к национальному материалу опыт М. Хадерлап, нашедший отражение в романе «Ангел забвения» («Engel des Vergessens», 2011), посвященном

20 *Messner J.* Skurne storije. Maribor, 1971; *Lipuš F.* Zgodbe o čuših. Ljubljana, 1973; *Januš G.* P(e)s(m)i. Ljubljana, 1978.

21 *Bandelj D.* Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija? // *Slovenščina med kulturami.* Ljubljana, 2008. S. 175.

судьбам словенцев в Австрии в период Второй мировой войны. После 1945 г. активное сотрудничество австрийских властей с гитлеровским режимом последовательно замалчивалась, Австрия позиционировала себя как жертву нацизма, а не как его пособника. Между тем во время войны словенское население Каринтии подвергалось преследованиям со стороны нацистов, физическому уничтожению и депортации в концентрационные лагеря. И оказывало врагам сопротивление. Выжившие участники антифашистского сопротивления после войны вынуждены были скрывать свое военное прошлое. Эту до сих пор неудобную для австрийцев тему, опираясь на историю своей семьи, поднимает в своем семейном романе-хронике Хадерлап. Нестандартность подхода автора — этнической словенки, успешно пишущей стихи на родном наречии²², — к теме связана с выбором языка. Роман написан по-немецки (перевод на словенский язык сделан видным переводчиком-германистом Ш. Веваром). В одном из первых после выхода книги интервью Хадерлап заметила: «Я хотела, чтобы этот сюжет был понятен не только каринтийским словенцам, которые знают свою трагическую историю, но и всему современному австрийскому обществу. В то же время немецкий язык, эмоционально дисциплинируя, дал мне возможность сохранить дистанцию по отношению к изображаемому. Я почувствовала, что это броня, которая защищает меня от пережитой боли, поняла, что выбор сделала правильно. Пиши я по-словенски, материал разрывал бы меня изнутри»²³.

Тенденции переосмысления прошлого — личного и исторического — активно развиваются в современном мире, воплощаясь в самых различных формах. В «эпоху всемирного торжества памяти, как замечает П. Нора, «мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»²⁴. В этом возвращении к прошлому реализуется

22 *Haderlap M. Žalik pesmi. Celovec, 1983.*

23 *Haderlap M. Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Intervju z Tanjo Lesničar-Pučko. Dnevnik, 27. avgust 2011. — URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> (дата последнего обращения: 28.12.2019).*

24 *Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 28.12.2019).*

естественная потребность человека сохранить тождественность самому себе, поскольку «не будь у нас памяти, мы совсем не имели бы представления о причинности, а следовательно, и о той цепи причин и действий, из которых состоит наше я или наша личность»²⁵. Роман Хадерлап — попытка вербализации табуированного в обществе прошлого посредством доступного этому обществу нарратива. В центре повествования — личная история бабушки и отца писательницы, рассказанная от лица повествовательницы — внучки и дочери героев. Бабушка, простая крестьянка, только за то, что она словенка, была отправлена в концентрационный лагерь Равенсбрюк, печально известный своими медицинскими опытами, выжила, вернулась к семье. И была счастлива, потому что, в отличие от многих других, ей было к кому и куда вернуться — многих соседей расстреляли, а дома сожгли. Будущего отца писательницы, десятилетнего мальчика, зверски пытали гестаповцы, а в двенадцать лет он уже воевал в партизанском отряде. После войны трагическая история каринтийских словенцев не закончилась — австрийские власти подозревали их в связях с коммунистическим режимом, в титовской Югославии партизанские заслуги граждан капиталистического государства не признавались. «Никто не приветствовал нацистов в этой несчастной стране, никто не трепетал перед Великим Рейхом, никто не несет ответственности, причастны единицы, расстреляны, убиты единицы, но это не в счет, не в счет»²⁶, — горькая ирония Хадерлап оправдана годами страданий и забвения не только ее близких, но и множества других земляков. Этическое измерение травматического опыта военного прошлого Европы нашло отклик в среде немецкоязычных читателей — роман имел широкий резонанс в Австрии, Германии и Швейцарии, автор была удостоена нескольких престижных литературных премий, в частности премии имени Ингеборг Бахман, одной из самых значительных наград в современной немецкоязычной литературе.

Несмотря на то, что текст написан по-немецки, читателю абсолютно ясно, что действие происходит в словенской среде, члены семьи общаются, молятся, поют на родном языке. Фамилии соседей, названия усадеб и хуторов словенские, в речь героев вкраплены цитаты из народных словенских сказок, песенок, литературных произведений,

25 Юм Д. Сочинения в 2 тт. М., 1965. Т. 1. С. 407.

26 Haderlap M. *Engel des Vergessens*. Göttingen, 2011. S. 248. Перевод автора статьи.

повествовательница вспоминает, как в детстве она с соседскими ребятами тайно смотрела словенский телевизионный канал, когда шел культовый детский фильм «Кекец». Родной язык имеет особую магическую силу оберега — семейная легенда гласит, что арестованный клагенфуртским гестапо дед-партизан в камере молился по-словенски и выжил.

Процессы лингвокультурного обновления, литературная полигlossия, увеличение числа авторов, создающих художественные тексты не на одном, а на двух и более языках и относимых исследователями к нескольким литературам, постепенно становятся нормой. В мировой и европейской культурной практике подобных примеров хватает: П. Целан, В. Набоков, С. Беккет, И. Бродский, М. Кундера, И. Голль и многие другие. Есть такие авторы и в современной словенской литературе: Б. Свит-Мера, Э. Джонсон-Дебеляк, М. Кресе, Г. Войнович. Появление немецкоязычных писателей среди словенских авторов Каринтии — отражение этой тенденции. Современная литература словенского меньшинства, проживающего в Австрии, является собой особый феномен художественной практики, сочетающий национальные и поликультурные элементы, имеющий два культурно-исторических контекста, две — словенскую и австро-немецкую идентичности. В эстетическом, тематическом, языковом плане эта литература столь разнообразна и «раздифференцирована» (А. Лебен²⁷), что больше не укладывается в рамки литературы национального меньшинства, а также не может быть автоматически отнесена только к одной из двух — словенской или австрийской — литератур. Разнообразии произведений, включающее собственно словенские тексты, гибридные билингвистические формы, сочинения на немецком языке, безусловно, требует новой исследовательской методологии, которая расширила бы существующие подходы и смогла охватить литературную практику тех, кто «создает полифонию образов каринтийской действительности»²⁸, востребованную и в Словении, и в Австрии.

27 *Leben A.* Slovenska literatura na avstrijskem Koroškem: manjšinska — regionalna? // *Jezik in slovstvo*. 2013. Letnik 58. Št. 4. S. 15.

28 *Borovnik S.* Medkulturnost slovenske književnosti na avstrijskem Koroškem // *Borovnik S.* Književne študije. Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha, 2012. S. 193.

Источники и литература

Nora P. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 28.12.2019).

Старикова Н. Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 368 с.

Юм Д. Сочинения в 2 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 659 с.

Bandelj D. Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija? // Sloveščina med kulturami. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2008. S. 159–176.

Borovnik S. Dvojezičnost slovenske književnosti v Avstriji kot odraz dvojne identitete // Individualna in kolektivna dvojezičnost. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2012. S. 437–449.

Borovnik S. Medkulturnost slovenske književnosti na avstrijskem Koroškem // Borovnik S. Književne študije. Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2012. S. 192–205.

Detela L. Povojni slovenski koroški pesniki in pisatelji. Obrazi sodobne koroške književnosti v slovenskem jeziku. Esejistična razmišljanja o slovenski povojni literaturi v Avstriji. Celovec: Družba sv. Mohorja, 1977. 149 s.

Detela L. Slovenska koroška povojna literature // Mladje. 1972. Št. 11. S. 42–62.

Grafenauer I. Slovensko slovstvo na Koroškem — živ člen vseslovenskega slovstva // Koroški zbornik. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1946. S. 284–343.

Haderlap M. Engel des Vergessens. Roman. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. 288 s.

Haderlap M. Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Intervju z Tanjo Lesničar-Pučko. Dnevnik, 27 avgust 2011. URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> (дата последнего обращения: 28.12.2019).

Hafner S. Prunč E. Die Literatur der nationalen Minderheiten // Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs. Zürich — München: Kindler-Verlag, 1976. S. 671–688.

Kmecl M. Književnost zamejskih koroških Slovencev po plebiscitu // Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj. Maribor: Obzorja, 1973. S. 151–165.

Kmecl M. Slovenska Koroška in slovenska matična literatura // 10. koroški kulturni dnevi. Zbornik predavanj = 10. Kärntner Kulturtag. Almanach der Vorträge. Maribor: Obzorja; Celovec: samozaložba, 1979. S. 122–129.

Leben A. Slovenska literatura na avstrijskem Koroškem: manjšinska — regionalna? // *Jezik in slovstvo*. 2013. Letnik 58. Št. 4. S. 5–15.

Lipuš F. Kulturni položaj koroških Slovencev // *Naši razgledi*. 1968. Št. 17/22. S. 576.

Lipuš F. Literarno ustvarjanje na periferiji dveh kulturnih središč // *Naši razgledi*. 1974. Št. 23/1. S. 8–9.

Lipuš F. Literatura na zatožni klopi // *Mladje*. 1966. Št. 6. S. 24–27.

Lipuš F. Na rob koroški literaturi // *Naši razgledi*. 1983. Št. 32/11. S. 328–329.

Oswald J. Koroška slovenska literatura in avstrijski literarni prostor // *Mladje*. 1986. Št. 63. S. 12–17.

Paternu B. Problem dveh tipov slovenske literature s posebnim ozirom na njen koroški del // *Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj*. Maribor: Obzorja. 1973. S. 87–99.

Paternu B. Vprašanje zavrnosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem // *Sodobnost*. 1991. Št. 39/1. S. 1–14.

Pogačnik J. Slovensko zamejsko in zdonsko slovstvo (oris izhodišč in ocena vrednosti). Trst: Zaliv, 1972. 151 s.

Strutz J. Eine »kleine Literatur«. Zur Soziologie und Ästhetik der neueren slowenischen Literatur in Kärnten // *Profile der neueren slowenischen Literatur in Kärnten. Monographische Essays*. Celovec: Mohorjeva založba, 1989. S. 11–35.

Strutz J., Zima V. Literarische Polyphonie: Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur: Beiträge zum Symposium anlässlich des zehnjährigen Jubiläums des Instituts für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft der Universität Klagenfurt. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1996. 249 s.

Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konva 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2007. 630 s.

References

Bandelj, D. "Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija?" *Slovensščina med kulturami*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2008, s. 159–176.

Borovnik, S. "Dvojezičnost slovenske književnosti v Avstriji kot odraz dvojne identitete." *Individualna in kolektivna dvojezičnost*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2012, s. 437–449.

Borovnik, S. "Medkulturnost slovenske književnosti na avstrijskem Koroškem." Borovnik, S. *Književne študije*. Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2012, 262 s.

Detela, L. *Povojni slovenski koroški pesniki in pisatelji. Obrazi sodobne koroške književnosti v slovenskem jeziku. Esejistična razmišljanja o slovenski povojni literaturi v Avstriji*. Celovec: Družba sv. Mohorja, 1977, 149 s.

Detela, L. "Slovenska koroška povojna literature." *Mladje*. 1972. Št. 11, s. 42–62.

Grafenauer, I. "Slovensko slovstvo na Koroškem — živ člen vseslovenskega slovstva." *Koroški zbornik*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1946, s. 284–343.

Haderlap, M. *Engel des Vergessens*. Roman. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011, 288 s.

Haderlap, M. "Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Intervju z Tanjo Lesničar-Pučko." *Dnevnik*, 27. avgust 2011. URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> Accessed: 28.12.2019.

Hafner, S., Prunč, E. "Die Literatur der nationalen Minderheiten." *Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs*. Zürich; München: Kindler-Verlag, 1976, s. 671–688.

Hume, D. *Sochineniya v 2 tt*. Moscow, Izdatel'stvo «Mysl'», 1965, vol. 1, 659 s.

Kmecl, M. "Književnost zamejskih koroških Slovencev po plebiscitu." *Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj*. Maribor: Obzorja, 1973, s. 151–165.

Kmecl, M. "Slovenska Koroška in slovenska matična literatura." *10. koroški kulturni dnevi. Zbornik predavanj. 10. Kärntner Kulturtag. Almanach der Vorträge*. Maribor: Obzorja; Celovec: samozaložba. 1979, s. 122–129.

Leben, A. "Slovenska literatura na avstrijskem Koroškem: manjšinska — regionalna?" *Jezik in slovstvo*, 2013. Letnik 58. Št. 4, s. 5–15.

Lipuš, F. "Kulturni položaj koroških Slovencev." *Naši razgledi*. 1968. Št. 17/22, s. 576.

Lipuš, F. "Literarno ustvarjanje na periferiji dveh kulturnih središč." *Naši razgledi*. 1974. Št. 23/1, s. 8–9.

Lipuš, F. "Literatura na zatožni klopi." *Mladje*. 1966. Št. 6, s. 24–27.

Lipuš, F. "Na rob koroški literaturi." *Naši razgledi*. 1983. Št. 32/11, s. 328–329.

Nora, P. *Vsemirnoye torzhestvo pamyati* [World Triumph of Memory]. *Nepriknovenenny zapas*, 2005, № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. Accessed: 28.12.2019.

Oswald, J. "Koroška slovenska literatura in avstrijski literarni prostor." *Mladje*. 1986. Št. 63, s. 12–17.

Paternu, B. "Problem dveh tipov slovenske literature s posebnim ozirom na njen koroški del." *Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj*. Maribor: Obzorja, 1973, s. 87–99.

Paternu, B. "Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem." *Sodobnost*. 1991. Št. 39/1, s. 1–14.

Pogačnik, J. *Slovensko zamejsko in zdmsko slovstvo (oris izhodišč in ocena vrednosti)*. Trst: Zaliv. 1972, 151 s.

Starikova, N. N. *Literatura v sociokulturnom prostranstve nezavisimoy Slovenii*. Moscow: Indrik, 2018, 368 s.

Strutz, J. "Eine «kleine Literatur». Zur Soziologie und Ästhetik der neueren slowenischen Literatur in Kärnten." *Profile der neueren slowenischen Literatur in Kärnten. Monographische Essays*. Celovec: Mohorjeva založba, 1989, s. 11–35.

Strutz, J., Zima, V. *Literarische Polyphonie: Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur: Beiträge zum Symposium anlässlich des zehnjährigen Jubiläums des Instituts für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft der Universität Klagenfurt*. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1996, 249 s.

Vodopivec, P. *Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja*. Ljubljana: Modrijan, 2007, 630 s.

Nadezhda N. Starikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The Slovene literature in Austria (the national and the polycultural)

In 1920, the native Slovenian lands of southern Carinthia were included into the Austrian Republic, and the Slovenian population fell under the jurisdiction of the state, the official language of which was German. Under these conditions, literature in the native language became an important factor in the resistance against assimilation for the Carinthian Slovenes. However, decades later, the national protective function of the artistic word gradually came to naught. The contemporary literature of the Slovenian minority in Austria is a special phenomenon combining national and polycultural components and having two cultural and historical contexts, two identities — Slovenian and Austro-German. In aesthetic, thematic, linguistic terms, this literature is so diverse that it no longer fits into a literature of a national minority, and can no longer be automatically assigned to only one of the two literatures — Slovenian or Austrian. A variety of works, including proper Slovenian texts, hybrid bilingual forms, and compositions in German, of course, requires a new research methodology that would expand existing approaches and could cover the literary practice of those who create a panorama of Carinthian reality, which is in demand both in Slovenia and in Austria.

Keywords: *Slovenian literature, southern Carinthia, national minority, bilingualism, multiculturalism.*

УДК 93/94
ББК 63.3(2)6

А. В. Ганин
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**Бывший начальник штаба генерала П. Н. Врангеля
П. С. Махров о походе Красной армии в Западную Украину
и Западную Белоруссию в 1939 г.**

Вниманию читателей предлагается публикация фрагментов воспоминаний генерала П. С. Махрова о событиях 1939 г. и походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Петр Семенович Махров — офицер Генерального штаба, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В 1918 г. Махров жил на Украине, а в 1919–1920 гг. принимал участие в Белом движении на Юге России, после чего эмигрировал. В эмиграции жил во Франции, где и написал обширные воспоминания. Мимо внимания Махрова не могли пройти и события сентября 1939 г., когда части Красной армии совершили поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. Вопреки распространенному среди белой эмиграции антисоветизму, Махров воспринял случившееся с энтузиазмом, как возвращение Россией своих исконных земель, оккупированных поляками.

Ключевые слова: *Красная армия, Западная Украина, Западная Белоруссия, Польша, Белое движение.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.5.01

В сентябре 1939 г. силы германского вермахта вторглись в западные области Польши, а войска Красной армии заняли ее восточные регионы. Эти события до сих пор вызывают ожесточенную полемику, нередко выходящую за академические рамки. В силу этого представляется важным дать слово современникам тех событий.

Читатели уже знакомы с отрывками из обширных и интереснейших воспоминаний генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (01.09.1876–29.02.1964)¹. Автор воспоминаний прожил долгую и непро-

¹ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994; *Ганин А. В.* «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119. Также см.: «Не страшны никакие Соловьи-

стую жизнь. Участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах, поддержал Белое движение. Достиг высших постов, в том числе стал начальником штаба Вооруженных сил на Юге России. После поражения белых половину жизни Махров вынужденно провел вдали от Родины, в эмиграции. В период Второй мировой войны поддержал СССР, причем 23 июня 1941 г., на следующий день после начала Великой Отечественной войны, обратился к советскому полпреду во Франции с просьбой зачислить его в ряды Красной армии. Однако письмо попало к коллаборационистским властям Франции, а русский генерал вместо Красной армии примерно на полгода оказался в концлагере. Умер П. С. Махров в Каннах.

Воспоминания Махрова охватывают историю нашей страны с конца XIX по вторую половину XX в.² Находясь в эмиграции во Франции, П. С. Махров фиксировал и анализировал все крупные события, современником которых ему довелось стать. Мимо его внимания не могли пройти и события сентября 1939 г., когда части Красной армии совершили поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. Вопреки распространенному среди белой эмиграции антисоветизму, Махров воспринял случившееся с энтузиазмом, как возвращение Россией своих исконных земель, оккупированных поляками. Напомним, что последний раз в составе Польши эти территории оказались в результате Советско-польской войны 1919–1920 гг.: Виленский край был оккупирован в 1920 г. и официально вошел в состав Польши в 1922 г., другие восточные регионы присоединены по Рижскому мирному договору 1921 г. Неудивительно, что судьба этих пограничных областей вновь решалась в 1939 г.

Суждения Махрова перекликаются с оценкой другого противника большевиков, великого князя Александра Михайловича, данной в 1933 г.: «Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: «Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!» Я не осмелился вы-

Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.

² Характеристику воспоминаний см. в: *Ганин А. В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова* // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156.

ражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной армии победы... Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке»³.

Поход в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. позволил СССР защитить свои интересы в Восточной Европе, в том числе решить важные задачи по обеспечению безопасности западных границ накануне Великой Отечественной войны. Присоединенные территории на 250–350 км увеличили расстояние, которое пришлось преодолеть вермахту в 1941 г. до советских центров, лишили нацистскую Германию возможности использовать эти территории как плацдарм для наступления. Все это осложнило действия гитлеровцев и не позволило им занять Москву. Кроме того, присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии спасло от гибели или отсрочило смерть проживавших там сотен тысяч людей, которые в противном случае подлежали уничтожению в результате нацистской истребительной политики.

П. С. Махров

Вступление Красной армии в Польшу вместе с немцами

И к довершению всего поляки, к удивлению своему, увидели, как с востока вступала русская Красная армия, занимая исконные русские земли, захваченные поляками в 1920 году и еще ранее... Все это, ко-

³ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2001. С. 407–408.

нечно, было заблаговременно оговорено русским (советским) правительством в тайном договоре с Гитлером 23 августа 1939 года.

Во французских и русских газетах появились тенденциозные статьи, искажавшие действительность корректного поведения Красной армии на польской территории. Русские представлялись варварами, разбойниками и грабителями подобно тому, как красных солдат изображали иностранные корреспонденты в первую финляндскую войну, предвещая победу «Великой Финляндии!»...

Мое удовлетворение при получении сведений о занятии восточной Польши Красной армией

Что произойдет дальше с Польшей, конечно, я тогда не знал, но скажу откровенно, что возвращение русскими своих земель, занятых поляками, мне давало удовлетворение. Преду мной пронеслись некоторые события 1920–21 годов, когда я был представителем Врангеля⁴ в Польше.

Когда я представлялся польскому военному министру генералу Соснковскому⁵, в прошлом русскому адвокату, получившему образование в Петербурге, этот надменный шляхтич позволил в отношении меня хамство: сам назначив мне час приема, он не принял меня сейчас же, а заставил минут 15 ждать в грязной приемной. В разговоре со мной он подчеркивал свое презрение и к большевикам, и к России вообще, которая, по его мнению, была якобы в стадии разложения... Это он говорил мне, русскому генералу, конечно, потому, что теперь за мной не стояла великая Российская империя... Я едва владел собой, чтобы не встать и, хлопнув дверью, уйти...

Вернувшись к себе в управление (в Варшаве), я рассказал эту историю моим сослуживцам Генер[ального] штаба полковнику Гофману⁶ и Щербицкому⁷ и закончил: «О, если бы Господь Бог

4 Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928) — барон, генерал-лейтенант. Главнокомандующий Русской армией.

5 Соснковский Казимеж (07.11.1885–11.10.1969) — польский генерал, министр военных дел Польши (1920–1924).

6 Гофман Владимир Владимирович (07.04.1888–17.02.1950) — полковник, участник Белого движения на Юге России. На май 1921 г. — правитель канцелярии представителя главнокомандующего в Польше (Варшава).

7 Щербицкий Николай Леонтьевич (01.04.1879 — сер. 1920-х) — полковник, участник Белого движения на Юге России.

дал мне дожить до того дня, когда русские войска вновь вступят в Варшаву!»

И вот Господь услышал мою молитву... Правда, еще русские войска не вступили в Варшаву, но уже польское правительство, ютившееся на задворках во Франции, складывало чемоданы, дабы со своим главнокомандующим генералом Сикорским⁸ уехать в Англию...

Мне вспомнилась вульгарная польская песенка, которую мне приходилось слышать в 20-х годах в Варшаве. Она характеризует польскую самоуверенность и пренебрежительное отношение к России. Мне говорили, что эту песенку, считавшуюся в России «революционной», поляки, подвыпивши, пели в Одессе. Мотив ее был брагурный, угрожающий и веселый. Вот одна из ее строф:

Еще Польша не згинэла пуки мы жиемы.
Еще вудка не скваснела пуки мы пиемы.
Еще москаль в дупа⁹ вэзьме, кеды мы захцемы.

В переводе на русский язык это будет так:

Еще Польша не погибла, пока мы живем.
Еще водка не скисла, пока мы ее пьем.
Еще москаль будет выпорот, если мы захочем.

В таком же духе было еще несколько куплетов, и каждый из них заканчивался бурным припевом: «Еще москаль¹⁰ в дупа вэзьме, кеды мы захцемы!»

Вот тебе и «Москаль в дупа вэзьме!» — подумал я, узнав о вступлении Красной армии в Польшу.

В 20-х годах в Варшаве в витринах магазинов можно было видеть батальные картинки, изображавшие позорное бегство русских оборванных казаков, седла которых были увешаны награбленным

⁸ Сикорский Владислав Эугениуш (20.05.1881–04.07.1943) — польский военно-политический деятель, премьер-министр правительства Польши в изгнании и генеральный инспектор (главнокомандующий) польских вооруженных сил (1939–1943).

⁹ Дупа — по-польски седалище (*примеч. П. С. Махрова*). П. С. Махров смягчил значение слова и смысл песни.

¹⁰ Москаль — значит москвич и вообще русский в презрительном смысле слова (*примеч. П. С. Махрова*).

имуществом, курами, поросятами и пр. Преследуя эти разбойничьи банды на низкорослых лохматых лошаденках, за ними неслись на породистых конях в элегантных мундирах с саблями наголо польские уланы и рубили головы беглецам.

Теперь же мне попался советский сатирический журнал, на котором был изображен худой, с маленькой головой на длинной шее, высокий, остроносый мужчина с испуганным лицом, развивающимися от ветра волосами и бегущий из Польши громадными шагами, с чемоданами в руках в Румынию.

Эта карикатура, очень хорошо напоминая польского премьер-министра Бека¹¹, была подписана одним словом — «Бег», от слова бежать в созвучии с фамилией Бек.

Кратко и скромно, но ясно и сильнее, чем батальные картинки о победоносных польских уланах.

Характеристика поляков

Впрочем, все это было продолжение «векового спора славян между собою»¹².

Я очень близко знал поляков и любил их за их сердечность, доброту, за их гостеприимство. Я отлично знал польских солдат и офицеров, служивших со мной или под моим начальством в Императорской армии, и глубоко их уважал за их доблесть, храбрость, благородство и честность. Мне приходилось встречаться с польской аристократией: с князем Янушем Радзивиллом¹³, один из замков которого — «Несвиж» — находился в Минской губ. Новогрудского уезда, с кн[язем] Любомирским¹⁴, графом Станиславом Тышкевичем¹⁵, сделавшими мне визит в Варшаве в бытность мою представителем Врангеля при польском правительстве. Я познакомился с кн[язем] Са-

11 П. С. Махров неточен. Бек Юзеф (04.10.1894–05.06.1944) — польский государственный деятель, министр иностранных дел Польши (1932–1939). После вторжения Германии в Польшу бежал в Румынию.

12 Перефразированная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России»

13 Радзивилл Януш Францишек (03.09.1880–04.10.1967) — князь, польский аристократ.

14 Возможно, Любомирский Здислав (04.04.1865–31.07.1943) — польский юрист.

15 Возможно, Тышкевич Станислав (28.12.1887–20.07.1962) — граф, католический священник.

пегой, бывшим в 1920 г. министром иностранных дел¹⁶. Еще во время Первой мировой войны я встречался с графом Потоцким, состоявшим главноуполномоченным в российском Красном Кресте¹⁷.

Наконец, в мирное время я знал в Минской, Киевской и Волынской губернии многих аристократов — польских помещиков в роде Снядецких, Остророгов, Бржезовских и др. Все они отличались тонкостью воспитания, серьезным образованием, деликатностью и тактом. Это была действительно квалифицированная европейская аристократия. За малым исключением, все они были богатейшие землевладельцы, как потомки феодалов средневековой Польши.

Другим привилегированным и более многочисленным классом в Польше была «шляхта». Она и по своему материальному благополучию, и по своему общественному облику гораздо ниже стояла польских магнатов. Когда-то шляхта у них была на положении вассалов, любивший свободу (вльность)¹⁸, этот дворянский класс, гордый и честолюбивый, играл большую политическую роль. Со шляхтой считались не только польские магнаты, но и короли...

Среди шляхетства в Польше можно было встретить зажиточных и бедных помещиков, арендаторов фольварков¹⁹, управляющих имениями и всевозможных государственных и общественных служащих. В массе это был очень симпатичный народ, по своим привычкам в укладе жизни очень похожий на русских, но отличавшийся некоторой горячностью и преувеличенным понятием своего превосходства над крестьянами и мещанами. В запальчивости гордый шляхтич говорил: «Естем родовитый поляк и не позволяю шарпать мэго гонору!» (Я благородный поляк и не позволяю задевать мою честь).

К польскому высшему классу нужно отнести и духовенство, по своему образованию и тонкости воспитания значительно превосходившее русских попов. Оно пользовалось большим уважением польских католиков. Авторитет ксендзов был чрезвычайно большой.

16 Сапега Евстафий Каетан Владислав (02.08.1881–20.02.1963) — министр иностранных дел Польши (1920–1921).

17 Возможно, Потоцкий Генрих Родригович (20.03.1868–29.03.1958) — граф, польский политический деятель. Президент польского общества Красного Креста (1929–1931).

18 П. С. Махров передает это слово некорректно, в оригинале слово звучит иначе — *wolność*.

19 Фольварк — поместье, усадьба, обособленное поселение.

Наконец, следует крестьянство. Польский крестьянин до «отбуждения ойчизны» (до восстановления отечества) Пилсудским²⁰ не пользовался политическими правами и занимал в государстве последнее место... Польские крестьяне в общем были очень трудолюбивы, религиозны и дисципли[ни]рованы шляхетством и ксендзами.

Не имея достаточно земельного надела, зажиточных крестьян было мало. В Галиции их очень эксплуатировали богатые евреи, скупившие земли у разорившихся польских помещиков. По своему темпераменту и душевным качествам наиболее солидными были познанские поляки, хорошо выдрессированные немцами; галицийские были самыми забитыми, угнетенными евреями.

«Варшавяки», т. е. поляки центральной Польши, отличались своей легкомысленностью, хвастовством и ловкостью в делах.

Наконец, «кресовые» поляки, жившие на «кресах»²¹, на восточной окраине государства, по своему характеру, темпераменту и работоспособности ничем или почти ничем не отличались от русских крестьян. Это был для русских наиболее симпатичный тип соседа. Все польские крестьяне, как и шляхетство, были большие хлебосолы и с широким размахом, подобно нашим русским, они любили угостить «москаля» от души неизменным «килишком вудечки» (рюмочкой водочки), а еще лучше «килишком старки» (рюмочкой старой), выдержанной водки, о каковой на западе и понятия не имеют...

Из всех славян поляки нам по духу самый близкий народ²², несмотря на то, что мы вечно враждовали. Оглядываясь назад, теперь видно, что причиной этому были не народные особенности, а исторические причины государственного существования — феодальный строй. Он покоился на земельных богатствах и даровом труде крепостных крестьян.

Земли принадлежали небольшой касте олигархов — магнатов вроде Радзивиллов, Сапег, Потоцких, Чарторыйских, Вышневецких и пр. Польская шляхта была их вассалами, а король — политическим

20 Пилсудский Юзеф (05.12.1867–12.05.1935) — польский военно-политический деятель, первый глава возрожденного польского государства (1918–1922).

21 Восточные кресы — польское название Западной Украины, Белоруссии и Литвы, входивших в состав Польши в 1918–1939 гг.

22 П. С. Махров, очевидно, исходил из дореволюционной концепции триединого русского народа, включавшего великороссов, малороссов и белорусов.

исполнителем их воли. Главною целью этих феодалов была погоня за землею — завоевание Литвы, Украины и России в 16 и 17 столетии.

К началу 20-го века уже давно не существовало феодализма в чистом его виде, но народная психика продолжает донашивать исторические предания. Польша после трех разделов²³ была завоевана Россией, что, конечно, не могло способствовать успокоению вражды между двумя соседями, хотя императорская власть сохранила за лояльными польскими магнатами их латифундии и имения за шляхтой, а крестьян освободила от крепостной зависимости...

В 1920 году, посещая районы квартирования 3-ей Русской армии генерала Врангеля²⁴, расположенной в Польше, мне приходилось останавливаться в деревнях и беседовать с крестьянами. Всюду они встречали меня приветливо и вспоминали «добрые часы за Миколая» (хорошие времена в царствование Николая II). К большевикам они относились отрицательно...

Судя по газетам, вступление Красной армии в пределы Польши было встречено радостно русским населением. Русские, жившие в пограничной польской полосе, много натерпелись от произвола польской администрации и от гонения на православную церковь. Польские крестьяне вначале держались сдержанно и поглядывали с опаской на нашествеников, а потом, увидя, что их никто не обижает, примирились со своей судьбой. Однако красное командование немедленно приступило к конфискации помещичьих богатств и земли. В некоторых местах в Галиции на этой почве произошли кровавые эксцессы...

Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University). P. S. Makhrov Collection. Box 6. Makhrov P. S. Белая эмиграция в период 2-ой мировой войны. Ч. 1. Тетрадь № 1. С. 72–82.

23 Речь идет о разделах Речи Посполитой между Пруссией, Россией и Австрией в 1772, 1793 и 1795 гг.

24 3-я Русская армия — вооруженное антибольшевистское формирование, созданное в октябре 1920 г. в Калише из русских частей, находившихся на территории Польши. Подчинялась генералу П. Н. Врангелю. В конце 1920 г. участвовала в боевых действиях против Красной армии на Украине. С большими потерями отступила на территорию Польши, где в 1921 г. была расформирована. Командующий — генерал-лейтенант Б. С. Пермикин.

Источники и литература

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 526 с.

Ганин А. В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // *Родина*. 2018. № 12. С. 116–119.

Ганин А. В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова // *Славянский альманах*. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156.

Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. 304 с.

«Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А.В. Ганина // *Родина*. 2013. № 1. С. 71–74.

References

Velikiĭ kniaz' Aleksandr Mikhaĭlovich. *Vospominaniia*. Moscow: Zakharov, 2001, 526 s.

Ganin, A. V. "«Belaia gvardiia» po Bulgakovu i po Makhrovu." *Rodina*, 2018, № 12, s. 116–119.

Ganin, A. V. "Sobytiia 1917–1919 gg. na Ukraine v osveshchenii generala P. S. Makhrova." *Slavianskii al'manakh*. 2018, vyp. 1–2, s. 144–156.

Makhrov, P. S. *V beloĭ armii generala Denikina: Zapiski nachal'nika shtaba glavnokomanduiushchego Vooruzhennymi Silami IŪga Rossii*. Saint Petersburg: Logos, 1994, 304 s.

«Ne strashny nikakie Solov'i-Razboiniki». Nachal'nik shtaba Vrangeliia o Stalingradskom triumfe" / publ. A. V. Ganina. *Rodina*, 2013, № 1, s. 71–74.

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The former chief of P. N. Wrangel' staff P. S. Makhrov
on the Red Army campaign
to Western Ukraine and Western Belarus in 1939

The memoirs of general P. S. Makhrov are devoted to the events of 1939 and the campaign of the Red army in Western Ukraine and Western Belarus. Pyotr Semyonovich Makhrov was a General staff officer, participant of the Russian-Japanese war, World War I, and the Russian Civil war. In 1918, Makhrov lived in Ukraine, and in 1919–1920 he took part in the White movement in Southern Russia, after which he emigrated. In exile he lived in France, where he wrote his extensive memoirs. The events of September 1939 could not pass past his attention. At that time, the Red army committed approach in Western Ukraine and Western Belarus. Contrary to the widespread Anti-Sovietism among the white emigrants, Makhrov perceived the incident with enthusiasm as a return of Russia to its ancestral lands occupied by the Poles.

Keywords: *Red army, Western Ukraine, Western Belarus, Poland, White movement.*

УДК 929+821.16+94
ББК 63.39 (0) 72(3)

Н. А. Селунская
Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

Интеллектуальная биография П. М. Бицилли в интерпретации М. А. Бирмана

Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953).
Жизнь и творчество. — М.: Водолей, 2018. — 444 с.

Рецензия посвящена выходу книги о представителе русского зарубежья, ученом-гуманитарии, историке и филологе с даром литератора и педагога, Петре Михайловиче Бицилли (1879–1953). Автор книги — Михаил Бирман, славист и балканист, посвятивший многие годы изучению культуры эмиграции и вкладу П. М. Бицилли в эту культуру, создает интеллектуальную биографию и дает оценку наследию Бицилли, суммируя прошлые свои работы. Чем актуальна новая публикация одного из первооткрывателей темы интеллектуальной жизни эмиграции и патриарха сообщества исследователей творчества Бицилли?

Ключевые слова: *Русское зарубежье, П. М. Бицилли, интеллектуальная биография, библиография, интеллектуальная история, история отечественной науки, русский медиевизм.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.01

Исследования биографии и тем творчества историка и филолога Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) претерпели значительные изменения за несколько десятков лет. Был период, когда лишь редкие ученые обращались к исследованию этих сюжетов, и автор рецензируемого труда был одним из этих первопроходцев, одним из первых, кто решил сконцентрировать внимание именно на наследии Бицилли, посвятить все свои дальнейшие исследования именно реконструкции интеллектуальной биографии Бицилли, и потому стал первым среди равных в кругу ученых со сходными интересами. Теперь же обобщающий труд патриарха публикуется в момент, когда отмечается юбилей Бицилли (140 лет) и пройден рубеж нескольких десятилетий изучения темы научным сообществом в России и зарубежными коллегами-гуманитариями. Чем актуален и интересен этот во всех смыслах юбилейный труд?

Теперь круг исследователей достаточно широк, а разнообразие публикаций позволяет некоторым ученым говорить о целом знаковом направлении, которое даже предлагается назвать особым термином. Разнохарактерные публикации историков, филологов, архивистов, и академические работы, и попытки популяризации предлагается охарактеризовать как целое направление в изучении истории науки или единое поле исследования — «бициллиеведение». Этот термин остается спорным, однако постепенно входит в силу, как и не менее уязвимый термин: эмигрантоведение.

Так или иначе, быстро увеличивается поток работ, в которых исследуется биография или отдельные аспекты творчества Бицилли. Жизни и творчеству Бицилли посвящены не только отдельные импульсы и индивидуальные работы исследователей: многочисленные статьи и диссертации (как по культурологии, так и по филологии), но усилия коллективные: конференции и семинары и коллективные монографии.

Что же меняется при этом? Думается, говоря (в любом контексте) о необходимости исследования наследия П. М. Бицилли, сейчас уже невозможно использовать клише, которые еще совсем недавно были оправданны («нераскрытая страница истории», «обойденное вниманием по идеологическим мотивам в советское время имя представителя эмиграции»). Нет, все это совершенно не соответствует современному положению дел в области исследований истории гуманитарной науки прошлого, включая творчество тех, кто предпочел изгнание. «Предлагаемый читателю труд — первый в формате самостоятельной книги опыт сводного обзора жизни и творчества замечательного ученого-гуманитария»: эта вводная ремарка, первая фраза книги, таким образом, разумеется, относится к истории работ самого исследователя Бирмана над темой, но не к состоянию историографии вопроса (с. 7). Многочисленные и важные для науки начинания Бирмана, одного из пионеров исследования культурного наследия эмиграции, не воплощались пока еще в единую большую публикацию, в монографию.

Но в целом таких полновесных исследований уже немало, и в данном случае своеобразное «возвращение имен» произошло: имя Бицилли упоминается достаточно часто: на конференциях, в лекциях, в научных и публицистических дискурсах. Даже более того, этап творчества Бицилли за границами России (в качестве слависта и публициста) сейчас исследован лучше¹, чем скромное начало научной

¹ *Бицилли П. М.* Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б. С. Кагановича. СПб., 2012; *Галчева Т. Н., Голубович И. В.* «Понем-

карьеры медиевиста, влюбленного в историю Италии, которое, на мой взгляд, было не менее любопытным и значимым².

Автор рецензируемой работы, Бирман, считает совершенно иначе, а именно указывает, что «убедительно раскрыт сейчас лишь вклад Бицилли в изучение истории Средневековья» (с. 13). Медиевисты, чье участие в изучении вклада Бицилли в исследование истории и историографии Средневековья было бы особенно ценным, мало занимаются первыми шагами в науке, первыми работами Бицилли. Высказанная Бирманом оценка: перевес исследований творчества Бицилли как медиевиста над изучением вопросов работы Бицилли в эмиграции (по сюжетам славяноведения и русской литературы) — не подтверждается чисто количественно, суммарным числом публикаций по тому и другому направлению. Соотношение явно обратное, даже с учетом того, что некоторые исследователи биографии Бицилли занимаются и вопросами формирования будущего ученого и литератора под влиянием университетской культуры и академического круга медиевистов дореволюционной России, и вопросами творчества Бицилли-эмигранта как литератора, публициста, ученого-славяноведа и педагога широкого профиля³.

Тем любопытнее, однако, посмотреть на сюжет глазами первооткрывателя, когда некоторые приемы и выражения как бы возвращаются с другой стороны, сделав полный круг. (Подобно тому, как это описывалось в «Даре» Набокова: слова, прозаизмы, эпитеты, «совершив полный круг жизни, получали теперь в стихах как бы неожиданную свежесть, возвращаясь с другой стороны».) Думается, в этом и есть основная роль и ценность рецензируемой работы: этот труд позволяет вернуть исследование проблемы к истоку. Облегчает задачу рецензента то, что сам автор монографии избрал такой путь повествования от начала — начиная книгу с рассказа о том, как складывался его многолетний поиск следов, отзвуков деятельности и творчества Бицилли.

ногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015; Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур / под ред. Р. Мниха. Siedlce, 2017 (Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV).

2 Селунская Н. А. Новое Средневековье — русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. М., 2018. № 64.

3 Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017.

Интерес к исследованию эмиграции и Бицилли как деятелю эмигрантских интеллектуальных кругов у автора рецензируемого труда появился после многолетней карьеры балканиста в научно-исследовательском Институте славяноведения и балканистики АН СССР, но стал основной темой исследования лишь тогда, когда и сам Бирман уехал из России в эмиграцию в Израиль. Дальнейшие изыскания по теме происходили в жанре, который никак не мог бы быть утвержден в качестве плана научной работы любой институтской администрацией мира: это был свободный поиск без определенной цели, который, однако, дал самые впечатляющие результаты. Добавим, что, возможно, именно благодаря этой свободе (от административных планов и отчетов) поиски и систематизация материалов оказывались удачными и открывали все новые и новые исследовательские возможности.

Были проведены исследования самого разного плана, о которых подробно упоминается в рецензируемой монографии, вышедшей как своеобразный итог многолетних трудов накануне полновесного юбилея и автора, и героя книги, Бицилли.

М. А. Бирман изучал самые различные источники, которые могли бы дать «Штрихи к портрету» его героя (а именно так и называлась одна из работ рецензируемого автора), это были и неопубликованные письма и фотографии, и научные сочинения, и тематика лекционных курсов профессора Бицилли, а также воспоминания современников.

В этот момент мы, пожалуй, подходим к одному из самых острых вопросов, которые могут вызвать совершенно несхожие оценки у специалистов. Да, М. А. Бирман концентрируется на самых субъективных источниках, которые только бывают: на воспоминаниях, при этом не на мемориях, одновременных описываемому, но на более поздних и отнюдь не спонтанных воспоминаниях респондентов. Это процесс припоминания, специально инспирированный Бирманом, согласно вопроснику, составленному исследователем и наводящему на определенные ответы.

При таком подходе проступает больше сходства с созданием литературного образа, биографии в жанре fiction, чем попыток позитивистского толка показать, как это «было на самом деле». Тем не менее, такой подход, на мой взгляд, — несомненная удача автора, которая сближает своего героя и потенциального читателя, ценителя творчества Бицилли с помощью серии почти литературных приемов (подобному тому, как это сделано в уже упоминавшемся произведении — «Даре» Набокова). В монографии обозначен не только ряд

важных поворотов судьбы и творческой жизни Бицилли, но и то, что осталось в планах и продолжало играть подспудно некую роль, что только усиливает обозначенный выше эффект литературного приема. Эта линия, «власть несбывшегося», — например, стремление и планы Бицилли защитить в Праге докторскую диссертацию, перебраться ближе к европейским центрам русской культуры и научной мысли, которые так и не исполнились, — совершенно не напрасно исследуется и подчеркивается Бирманом, она крайне важна для понимания биографии героя.

Суждения и оценки относительно места Бицилли в науке как теоретика и методолога, историка Средневековья и филолога могут быть разными, но вызывает сомнение само стремление подчеркивать неутраченную актуальность сочинений столетней давности. Вопрос о том, насколько сильным ученым, скажем, в области медиевистики, был человек, родившийся в позапрошлом веке, могут задавать себе ученые-специалисты, но совершенно другого плана вопрос о том, насколько его идеи как историка и теоретика науки сохраняют вес в современном академическом мире. На мой взгляд, в любом случае, важнее отметить, что стиль и модус построений Бицилли — всегда будут любопытны для истории науки как особые примеры переходной эпохи, эпохи кризисов, когда менялись и парадигмы научного мышления, и способы общения ученых с читателями, преподавателей с учащимися etc.

Авторская позиция М. А. Бирмана, тем не менее, интересна тем, что предусматривает детальное ознакомление с особенностями работы интеллектуала в пограничной ситуации, в новой среде, при смене поля научной и общественной деятельности, что в рецензируемой монографии и произведено весьма удачно. Приложения и дополнительные материалы, воспроизведенные в публикации, представляют собой самостоятельную ценность, подкрепляющую изложенную выше задачу. Это не просто иллюстрации к тексту или демонстрация исследовательской техники. Такая богатая подборка источниковых данных может быть с успехом использована другими исследователями: это хранящиеся в архиве М. А. Бирмана рисунки Бицилли-гимназиста, а также редкие фото разных лет, генеалогическое древо Петра Бицилли (а также и его жены Марии Полянкевич). В книге приведен перечень спецкурсов, созданных ученым за годы карьеры в Софийском университете (1924–1948), дан список периодических изданий, с которыми сотрудничал Бицилли в разных качествах, и, что особенно ценно, список псевдонимов и криптонимов самого П. М. Бицилли, а

также присутствует в приложении алфавитный указатель партнеров по переписке и адресатов Бицилли.

Далее, структура монографии раскрывает интересы автора таким образом: примерно одна седьмая часть книги посвящена детству, юношеству и становлению Бицилли как ученого, т. е. всем годам до эмиграции, включая и время учебы, и время начала собственной научно-педагогической карьеры. Эмигрантский период жизни ученого занимает остальной объем, авторский рассказ получает гораздо более четкий и структурированный вид, акцентируя и различные моменты профессиональной деятельности, и периоды знакомства Бицилли с видными деятелями культуры, даже отдельные поездки и перемещения героя. Более того, сам автор рецензируемого труда в поисках исторических источников и свидетелей времени повторял путь персонажа своей книги, чье творчество и биографию Бирман не просто исследовал, но как бы прочувствовал на себе повороты судьбы его героя.

Вполне понятно Бирману как исследователю недовольство Бицилли краткой, хоть и долгожданной поездкой из Софии в Париж. Да, разумеется, за две недели невозможно было организовать плодотворную работу в библиотеках и архивах, достаточную для поиска и серьезной проработки источников. За это время могли только осуществиться сами поиски, конкретизироваться задачи, найтись нужные контакты. Очень значимой в работе Бирмана над интеллектуальной биографией Бицилли предстает тема «Современных записок», периодического издания, выходявшего в Париже на русском языке, для которого писали представители самых разных кругов эмигрантского русского мира и с которым самым активным образом сотрудничал Бицилли. М. А. Васильева, чья рецензия на ту же монографию несколько опережает мою, справедливо указывает на значимость работы Бицилли с другими изданиями эмиграции⁴, однако объединяющая роль именно «Современных записок», думается, верно выделена Бирманом.

С другой стороны, внимание к теме мобильности в эмигрантской культуре, проявленное Бирманом, очень важно, ведь современные исследователи, как правило, понимают и подчеркивают значение контактов отечественных ученых с внешним миром и в дореволюцион-

⁴ *Васильева М. А.* Летопись жизни и творчества П. М. Бицилли // Ежегодник Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019. С. 471–474.

ный период, и после самого шага, выбора эмиграции, но не всегда отдают себе и читателям отчет в том, насколько трудной и значимой была проблема коммуникации для социума эмигрантов-интеллектуалов. Обратной дороги домой не было, привязанность к новому месту жительства и социуму была необходимой, но часто и вынужденной чертой жизни: на смену места жительства и работы банально не хватало средств, не было информации о новых возможностях и предложениях работы.

Бицилли оказался связан с балканским миром, который когда-то покинули его предки, но искал возможности реализации за пределами принявшего его университета, в других интеллектуальных сообществах. В этом смысле важнейшим центром притяжения явилась более близкая к Софии, чем Западная Европа, Прага, где происходил в собственном смысле слова ренессанс русской интеллектуальной культуры. Тема и значение Праги в интеллектуальной биографии Бицилли, которую обнаруживает Бирман, — на мой взгляд весьма важная линия исследования, хотя и кратко обозначенная в рецензируемой книге. В Праге Бицилли опубликовал в 1925 г. свою важнейшую работу, которую хотел сделать основой диссертации. Сам он побывал в Праге с 1924 по 1930 г. четырежды, в том числе на конференции и съезде русских зарубежных академических союзов, а также для выступления на защитах русскоязычных коллег-медиевистов (с. 126–128)⁵.

Последнее обстоятельство особенно важно и позволяет сделать как минимум два вывода: творческую и научную работу Бицилли нельзя совершенно строго делить на период до-эмигрантский, когда ученый формируется и выступает как медиевист, и на время эмиграции, когда Бицилли развивает штудии в области славистики и с успехом работает как литератор. Интеллектуальные круги воспринимают Бицилли в качестве медиевиста, который способен рецензировать и научную работу по истории сеньориальных институтов во Франции, и диссертацию по византистике. Далее, очевидно, что Прага (а не только Париж, куда так стремился Бицилли) была местом встречи и

⁵ Диссертацию Бицилли собирался защитить по ранее подготовленной в рукописи книге (фундаментальный труд «Очерки теории исторической науки»). Над данной книгой Бицилли, по мнению Бирмана, стал работать еще в Одессе, а завершил рукопись уже в эмиграции, в 1922 г. Процесс подготовки публикации к печати занял еще около трех лет: книга увидела свет в 1925 г.

диалога для ярких представителей русскоязычного мира; не случайно диссертацию работавшего в Харбине русского ученого оппонировали именно в Праге (Бицилли и Кизеветтер). Связь с Прагой и кругом русских пражских интеллектуалов при этом, разумеется, играла большую роль и в дальнейшей интеллектуальной биографии Бицилли, хотя точный план задуманного осуществить не удалось.

Итак, для Бирмана изучаемый исторический персонаж — прежде всего деятель эмиграции, он «в послании» на чужбине. Герой исследования Бирмана — сам пытливый исследователь и популяризатор науки, прививавший знания не только студентам, но широкому кругу читателей, которых интересовала история и литература, как бы рассказываемая от первого лица. Образ Бицилли — мыслителя и публициста-популяризатора, разумеется, и важен, и актуален сегодня.

Мобильность интеллектуалов в современном мире имеет особые причины, но некоторые процессы прошлого имеют явные аналоги в сегодняшней ситуации, в поле интеллектуальной жизни. Бицилли был и оставался посредником диалога культур, одним образом осуществляя эту задачу в России, в начале работы над темами итальянского Средневековья, другим же образом — в эмиграции, «в послании». В дореволюционной России рубежа веков процветало изучение европейской истории, в особенности изучение классической традиции и романского Средневековья, итальянского Ренессанса. Бицилли формировался как исследователь в этот плодотворный период, он, разумеется, испытал на себе, но впитал и сохранил на долгие годы влияние исследований и педагогической практики Гревса, а также и его учеников, был буквально захвачен этим круговоротом идей, мнений, вопросов изучения истории и культуры. Бицилли до конца дней демонстрировал своим жизненным примером опыт творчества, обогащенный традициями дореволюционной академической культуры, но открытый и новым поискам теоретических основ гуманитарной науки XX века.

Бицилли — многогранная личность. Педагог, профессор Софийского университета, создатель внушительных хрестоматий и фундаментальных трудов и по славяноведению и русской литературе, неизменный автор эмигрантского журнала «Современные записки», в то же время он сохранял интерес к итальянистике, в частности к раннему гуманизму и Ренессансу, столь характерный для русской культуры и образованного общества. Многие сохранили добрую память о свидетеле непростого времени, служившем традиции русской литературы и

несшем идеи русской культуры самым разным современникам (читателям русскоязычной эмигрантской прессы и периодики), в том числе своим университетским слушателям и коллегам, новым компатриотам, ради которых Бицилли освоил и новый язык, и новые способы коммуникации.

Вклад автора рецензируемой работы, сами итоги многолетних трудов, бесспорно велики и даже неопределимы. Автор-исследователь не идет по пути объективации героя, но делает все с целью стереть эмоциональную отчужденность между своим героем (а не объектом исследования) и читателями или исследователями той же темы.

Источники и литература

Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б. С. Кагановича. СПб.: Аxiоma, 2012. 426 с.

Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.

Васильева М. А. Путь интуиции // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. М.: Русский путь, 2000. С. 5–28.

Васильева М. А. Летопись жизни и творчества П. М. Бицилли // Ежегодник Дома Русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2019. С. 471–474.

Галчева Т. Н., Голубович И. В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.

Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур / под ред. Р. Мниха. Т. XIV. Siedlce: Institut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im Franciszka Karpińskiego, 2017 (Opuscula Slavica Sedlcensia). 162 с.

Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. 456 с.

Селунская Н. А. Новое Средневековье — русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 179–195.

References

Bitsilli, P. M. *Ocherki teorii istoricheskoi nauki* / poslesl. i primech. B. S. Kaganovicha. Saint Petersburg: Axioma, 2012, 426 s.

Bitsilli, P. M. *Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiia i Zapad* / sost. F. B. Uspenskii; otv. red. M. A. Iusim. Moscow: Iazyki slavianskii kul'tur, 2006, 808 s.

Galcheva, T. N., Golubovich, I. V. «*Ponemnogu prisposobliaiush' k "nezavisishchim obstoiatel'stvam"*». P. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii. Sofia: Solntse, 2015, 320 s.

Petr Bitsilli: dialog na perekrestke kul'tur / pod red. R. Mnikha / Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Siedlce: Institut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im Franciszka Karpińskiego, 2017, 162 s.

Popova, T. N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologiya. Praktika*. Odessa, 2017, 456 s.

Selunskaja N. A. “Novoe Srednevekov'e — russkaia ideia? Medievistika Bitsilli, srednevekovye obshchestvennye dvizheniia i aktualizatsiia istorii.” *Dialog so vremenem*. № 64, 2018, s. 179–195.

Vasil'eva, M. A. “Put' intuitsii.” *Bitsilli, P. M. Tragediia russkoi kul'tury*. Moscow: Russkii put', 2000, s. 5–28.

Vasil'eva, M. A. “Letopis' zhizni i tvorchestva P. M. Bitsilli.” *Ezhegodnik Doma Russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna*. Moscow, 2019, s. 471–474.

Nadezhda A. Selunskaya

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The intellectual biography of P. M. Bicilli in the interpretation of M. A. Birman

The paper deals with the new publication devoted to P. M. Bicilli (1879–1953) in the broad historical context. The author of the book is Mikhail Birman, the specialist in the field of Slavic and Balkan studies, who has created the original approach to the intellectual biography and the interpretation of the heritage of P. M. Bicilli, was a pioneer in the field of emigration culture studies. The aim of the paper is to review the new publication of the “patriarch” of this trend of historiography, which summarizes his previous performance.

Keywords: *Russian emigration, P. M. Bicilli, biography, bibliography.*

ББК 63.3(0)61
УДК 94(438).081

Ю. А. Борисёнок, А. Е. Кузьмичева
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Новая биография полковника Юзефа Бека

Chociłowski J. Najpierw Polska. Rzecz o Józefie Becku. —
Warszawa, 2019. — 256 s.

Полковник артиллерии и министр иностранных дел Польши в 1932–1939 гг. Юзеф Бек (1894–1944), без сомнения, был исключительной фигурой польской политической сцены межвоенного двадцатилетия. Книга Ежи Хочиловского «Польша прежде всего. Рассказ о Юзефе Беке» — это проявление неослабевающего интереса к личности главы польской дипломатии. Хотя книга и заявлена как «первый полный биографический рассказ» о Беке, каких-то новых подробностей из жизни и биографии полковника мы встречаем очень мало. Хочиловский оценивает фигуру Бека совершенно иначе, чем целый ряд историков и публицистов, таких как Терлецкий и С. Цат-Мацкевич, и в этом заключается некоторая ценность его книги.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.02

Осенью 2019 г. увидела свет книга польского исторического публициста Ежи Хочиловского (р. 1933) «Польша прежде всего. Рассказ о Юзефе Беке»¹. В условиях значительного интереса к событиям польской истории кануна Второй мировой войны на первый взгляд представляется удивительным, что это первая со времен ПНР биография министра иностранных дел Польши в 1932–1939 гг., изданная на его родине. Предшественником Хочиловского в 1985 г. был Ольгерд Терлецкий с биографическим эссе «Полковник Бек»². С тех пор увидело свет некоторое количество работ, посвященных отдельным периодам жизни и деятельности польского «диктатора внешней политики», среди которых выделяются исследования П. Самуся о раннем периоде

1 *Chociłowski J. Najpierw Polska. Rzecz o Józefie Becku. Warszawa, 2019.*

2 *Terlecki O. Pułkownik Beck. Kraków, 1985.*

жизни Бека³ и М. Корната о четырех основных внешнеполитических решениях главы польского МИД в 1938–1939 гг.⁴

Причины того, что за 35 лет в условиях кардинальной смены исследовательских подходов так и не появилось соответствующей новым веяниям и идеологическим установкам полной биографии столь яркой и при этом ключевой личности польской политики, коренятся в самих этих веяниях и установках. Основательное фактографическое исследование о Беке обязательно войдет в противоречие с современной исторической политикой Польши, предполагающей идеализацию истории межвоенной Польши в духе традиционного «комплекса жертвы». Весьма примечательно, что современные польские политики в условиях резко обострившихся в декабре 2019 — январе 2020 г. споров с Россией об истории Второй мировой войны дружно встали на защиту посла Польши в Германии в 1934–1939 гг. Ю. Липского, но не его непосредственного начальника Бека.

Е. Хочилловский, обозначив свой труд как «первый полный биографический рассказ» о Беке, на исчерпывающую полноту изначально не претендует. Это популярная биография, в которой, к чести автора, учтены основные наработки историков последних десятилетий. Написанная живым, привлекательным для широкого читателя стилем, книга напоминает издания советской серии «Пламенные революционеры», только в качестве объекта для подражания и поклонения выбран не соратник Ленина или «штурман будущей бури», а соратник другого непогрешимого, по мнению Хочилловского, вождя — Юзефа Пилсудского. Неудобные для сегодняшней исторической политики Польши подробности биографии Бека его биограф либо излагает скороговоркой, либо вообще опускает, применяя также тактику отсутствия четкой хронологической последовательности, когда читателю непросто ориентироваться в датах и подробностях.

Как и биографы пламенных революционеров, Хочилловский в высшей степени избирателен в приводимых им фактах и цитатах — автор в основном использует только то, что подходит к изложенной еще в предисловии теории о несправедливости существования «черной легенды» Бека, начало которой якобы положили французы, а затем «эти обвинения приобрели облик стереотипов и упорно озвучиваются, словно стертая, заевшая граммофонная пластинка» (с. 5). В качестве

3 *Samuś P.* Minister Józef Beck. Dom rodzinny i lata młodości. Łódź, 2015.

4 *Kornat M.* Polityka zagraniczna Polski 1938–1939. Cztery decyzje Józefa Becka. Gdańsk, 2012.

противоядия от стереотипов в том же предисловии предлагается акцентировать внимание на то, что Бек «первым в Европе сказал “нет”» Гитлеру, причисление же польского министра к кругу виновников сентябрьской катастрофы 1939 г. имеет и смягчающее обстоятельство: Бек был «вероятнее всего недоинформирован в отношении колоссального военного преимущества Германии и нашей слабости» (с. 7).

Хочилковский убежден в том, что присущие главе польского МИД неправильные оценки и ошибочные расчеты «не были, впрочем, тяжкими грехами», среди этих недочетов и то, что Бек так и не узнал о существовании секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа, и переоценка ориентации на Великобританию и Францию — польский министр «не ожидал того, что союзники равнодушно оставят нас в час смертельной борьбы с общим врагом» (с. 8). В духе радикальной трактовки «комплекса жертвы» изложено и отпущение указанных грехов: «Даже зная правду либо додумываясь до нее — он был бы беспомощен с этим знанием, не имея никакого влияния на ход событий» (с. 8). Весьма провокативен и вывод предисловия о безальтернативности курса героя книги: «Одно остается бесспорным: не родилась в межвоенный период никакая иная концепция внешней политики кроме той, которую проводил Юзеф Бек» (с. 8).

Заметим, впрочем, что основное изложение книги, уместившееся в восемь глав, столь громкие исходные посылы Хочилковского подтверждает далеко не всегда. Конечно, в попытке защитить, как кажется автору, незаслуженно обиженного Бека он иногда занимается гипертрофированной героизацией образа польского политика, приписывая ему черты или поступки, реальному министру совершенно не свойственные. Так, например, трепетно восхваляющий по другим поводам Пилсудского биограф именно Беку отводит главную роль в ведении и координировании так называемой «превентивной войны» с Германией в 1933 г. (с. 75). На самом деле обладавший в высшей степени подозрительным характером Пилсудский, несмотря на постоянно артикулируемую Хочилковским чуть ли не бесконечную любовь к Беку, всегда чутко держал руку на пульсе внешней политики, особенно в отношениях с Германией и СССР. 18 апреля 1933 г. маршал лично написал инструкцию «В случае войны с Германией» и лично отнес на подпись президенту И. Мосцицкому⁵. Так что невероятно,

5 См.: Кузьмичева А. Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933–1934) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2018. № 1. С. 32–50.

чтобы в этот жизненно важный момент, когда было необходимо продемонстрировать силу новому немецкому канцлеру А. Гитлеру, Пилсудский доверил бы такую сложную операцию назначенному на пост министра иностранных дел лишь 2 ноября 1932 г. Беку.

Кроме того, по ходу изложения в попытке оправдать своего героя автор периодически умалчивает о некоторых эпизодах в его жизни. Так, например, в начале 1920-х гг. в Париже, когда Бек занимал должность военного атташе во Франции, будущий министр иностранных дел был вынужден покинуть французскую столицу далеко не из-за «французской полонофобии и комплекса превосходства» (s. 52), как это преподносит Хочиловский, а в связи с тем, что французский генштаб получил информацию о том, что Бек шпионил в пользу третьих держав⁶.

К сожалению, описывая все сложности отношений Бека с главным польским союзником — Францией, — автор почему-то не потрудился обратиться к ценным и содержащим важные фактические подробности воспоминаниям двух французских послов в Варшаве — Ж. Лароша, аттестованного в книге как «известный сплетник» (s. 92), и Л. Ноэля. Это для неподготовленного читателя осложняет восприятие и осмысление всей палитры событий, окрасивших польско-французские отношения в межвоенное двадцатилетие.

Несмотря на заявленное автором во вступлении желание стать непредвзятым судьей, в действительности он, как и его герой, отдает предпочтение прогерманской ориентации внешней политики Польши 1930-х гг., противопоставляя ее явному антифранцузскому и антисоветскому уклону. Одним из характерных проявлений этой точки зрения стало подробное описание поездки Бека с супругой Ядвигой и падчерицей в Берлин в июле 1935 г. Хочиловский уделил особое внимание тому, что супруги делали, куда ездили, с кем встречались, а главное — какие почести им оказывали за счет принимающей стороны. Однако в случае с московским визитом Бека в феврале 1934 г. автор ограничился лаконичным перечислением встреч, отметив, что с «хозяином Кремля» Бек не встретился якобы потому, что «оба одновременно не хотели» (s. 84). Московские большевики, по всей видимости, не могли похвастаться такой щедростью и гостеприимством — Хочиловский отмечает, что прием был торжественным и теплым, с посещением ба-

6 См.: *Кузьмичева А. Е.* «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // *Вестник Вологодского государственного университета*. Сер.: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17–19.

лета в Большом театре, но Бек, возвращаясь в Варшаву «с чувством хорошо выполненной работы», схватил в охваченной 30-градусными морозами Москве воспаление легких и по причине болезни вынужден был докладывать об итогах визита у себя дома (s. 85).

Живописуя же германский вояж польского министра, его биограф с явным удовлетворением отмечает, что Ядвиге Бек Гитлер подарил «мерседес» последней модели, а сам Бек, видимо, испугавшись самой ситуации и возможных последствий, разрешил ей ездить на нем только в Германии, запретив брать с собой в Польшу. Однако на этом немецкий канцлер не остановился — он оплатил весь период проживания в отеле супруги польского министра иностранных дел, и каждый день она получала цветы — то от фюрера, то от Геринга (s. 105–109). Кроме того, на протяжении всей книги автор уделяет особое внимание каждому визиту Геринга в Польшу, подробно описывая каждую охоту рейсхмаршала, а также его добычу.

Эти страницы повествования Хочиловского колоритны, стилистически хорошо выписаны и одновременно честны — при внешнем сохранении курса на «равноудаленность» между Берлином и Москвой рассказ о польско-советских отношениях у автора по сути и заканчивается февральскими московскими морозами 1934 г. и кратким замечанием, что «обвинения в германофильском уклоне множились тем легче, что контакты с Кремлем не по нашей вине скоро были свернуты» (s. 88). Щадя светлый облик своего героя, биограф практически не упоминает о курсе Варшавы, во второй половине 1930-х гг. под руководством ставшего после смерти Пилсудского «диктатором внешней политики» Бека взявшей курс на одностороннюю «холодную войну» в отношениях СССР, что логично привело к уже упомянутой «недоинформированности» польского министра.

Не найдем мы в книге, за исключением небольшого рассказа об отношениях с Бельгией, и равнозначных германским визитам главы польской дипломатии описаний его отношений с не охваченными Антикоминтерновским пактом западными государствами. Визит же Бека с супругой в Италию в марте 1938 г. освещается подробно и позитивно, включая и удовлетворенное принимающей стороной требование польского министра получить аудиенцию у короля Виктора Эммануила III, который и приезжавших в Рим иностранных премьер-министров принимал избирательно. Едва ли не с восхищением Хочиловский живописует полет Бека с Муссолини за штурвалом самолета над недавно осушенными стараниями фашистского режима болотами (s. 134). Рельефно отражен и исполненный парадной показухи стиль

дипломатии «диктатора внешней политики»: «Приветствие было такое, которое Бек любил. Возвышенное, колоритное, толпящееся. Туча фотографов, шеренги вытянутых как струны военных из роты почетного караула, кавалькада мотоциклистов, эскортирующих двигающуюся по сигналу вереницу правительственных автомобилей, бело-красные флажки в руках местных жителей, заполняющих громадным числом трассу проезда» (s. 132).

При чтении книги невольно складывается впечатление, что, добровольно войдя в роль адвоката Бека, Хочилловский сам в ходе повествования периодически сомневается в успешности своего предприятия, — уж слишком мало позитивных фактов на общем негативном фоне. Да и этот фон острый на язык биограф норовит еще более разукрасить — чего стоит высказывание наследницы итальянского престола, впоследствии последней в истории королевы Италии Марии-Жозе (1906–2001), которая усмотрела у Бека «двусмысленное лицо, которое во французских газетах можно увидеть у насильников маленьких девочек» (s. 133). Характерным примером авторской неуверенности в своем герое может служить реакция министра Бека на аншлюс Австрии в 1938 г. В это время Бек с супругой находился с официальным визитом в гостях у Муссолини. Однако, как пишет сам Хочилловский, «судьба Австрии не очень нас волновала» (s. 135), так что причин резко прерывать визит не было. Роль адвоката биографу тут, как и в случае с польскими ультиматумами Литве и Чехословакии в 1938 г., далась особенно трудно — сложно защищать человека, чьи поступки отличались, мягко выражаясь, крайней недалечностью, ведь уже в следующем году Польша разделила судьбу Австрии, пав жертвой агрессии гитлеровской Германии. Однако Хочилловский призывает читателей гордиться и диктатом Польши по отношению к Литве, вынужденной установить с Варшавой дипломатические отношения, и приобретением Заользья тревожной осенью 1938-го. Этим двум событиям в книге посвящены специальные главы (s. 137–161, 162–183), они оцениваются как главный успех внешней политики Бека по заветам Пилсудского, в порыве восторга автор подвергает критике даже сделанное в сентябре 2009 г. признание президентом Польши Л. Качиньским присоединения Заользья грехом, в котором поляки должны покаяться без поиска оправданий (s. 183).

Однако развязка наступает быстро и вполне ожидаемо. В предпоследней главе книги Бек внезапно из друга немецкого народа становится врагом, так что на берлинском вокзале, когда он возвращается из Лондона в 1939 г., чиновник дипломатического протокола «холод-

но» информирует его, что был вынужден установить полицейский кордон, «чтобы спасти господина министра от народного гнева» (s. 194). Народный гнев переживают не только немцы, но и поляки, так как они уже порядком подустали от заигрываний своего министра иностранных дел с третьим рейхом. Так, например, во время визита Риббентропа в Варшаву в январе 1939 г. на улице Новый Свят группа подростков принялась закидывать машину, где находилась супруга немецкого министра иностранных дел, комьями грязного снега, а Ядвига Бек едва сумела справиться с уже готовым разразиться дипломатическим скандалом (s. 189). Но уже через месяц, во время визита в польскую столицу итальянского министра иностранных дел и зятя Муссолини графа Г. Чиано, студенты Варшавского университета у стен дворца Брюля, где проходил прием в честь итальянского гостя, скандировали «Долой немцев! Долой гитлеризм! Долой Бека!» (s. 191). Героический образ Бека, так тщательно выпестованный автором на протяжении всей книги, постепенно начинает рассыпаться, тем более что судьбоносные для Польши события 1939 г. биограф излагает фрагментарно и непоследовательно.

Кульминацией карьеры Бека, как известно, стало знаменитое выступление в Сейме 5 мая 1939 г., когда он в ответ на незаконные требования нацистов в отношении Данцига произнес свою знаменитую фразу, ставшую в последний год перед началом Второй мировой войны девизом и эпитафией польской внешней политики: «Мы в Польше не знаем понятия мира любой ценой...»

Хорошо проинформированный берлинский военный атташе полковник А. Шиманский предупреждает Бека о том, что немцы готовят мобилизацию, и высказывает предположение о том, что в скором времени они атакуют Польшу. Похожие сведения начинают поступать к Беку со всех сторон. И что же в сложившейся ситуации делает наш герой? «Бек слушал с интересом, но проигнорировал эту оценку» (s. 195). В августе 1939 г., после печально известных московских переговоров, когда тучи всё сильнее сгущались над Польшей, Бек отправился на модный балтийский курорт Юрата плавать на яхте. Защищать и оправдывать Бека Хочиловскому становится всё труднее, но еще есть шанс сделать из него мученика в духе удобной концепции представлять страну и ее политику в виде вечной жертвы. Удивительно, что в бедах Польши автор винит всех вокруг, в особенности маршала Эдварда Рыдз-Смиглы, но только не Бека. Автор, ссылаясь на мнение авторитетного американского историка Энтони Бивера, ставит в вину Западу то, что там вовремя не смогли устранить Гитлера физически (s. 216)...

Злоключения нашего героя заканчиваются в Румынии; автор подробно описывает все невзгоды и заточение полковника Бека на родине графа Дракулы. Примечательно, но в своей риторике Хочилловский почему-то практически не возмущается поведением официального Бухареста, хотя польско-румынский союзнический договор от 1921 г. предполагал, что в случае германской агрессии Румыния должна была прийти на помощь.

Как это следует из названия книги, красной нитью сквозь все повествование проходит идея о том, кем, по мнению Ежи Хочилловского, был на самом деле недооцененный дипломированный полковник артиллерии Юзеф Бек, — гражданином, для которого процветание Польши было первостепенной задачей. И, на взгляд автора, несмотря на противоречивость его дальнейших действий, а также постоянную критику за мелочность, близорукость и некомпетентность, патриотизм Бека очевиден. Однако в своих выводах автор по большей части основывается на «Последнем рапорте» — воспоминаниях, написанных уже тогда бывшим министром иностранных дел Польши во время интернирования в Румынии. Все события Бек восстанавливал по памяти, а также, уже зная исход событий, зачастую пытался найти и дать оправдания своим неадекватным действиям. Так что в смысле восстановления исторической правды этот источник может быть подвергнут обширной и конструктивной критике.

Но со страниц книги, и за это Хочилловскому нужно принести отдельную благодарность, не раз пробивается более близкий к действительности образ польского министра — человека, волею Пилсудского назначенного управляющим польской внешней политикой и принудительно оставленного в этом качестве его преемниками во власти, Бека откровенно недолголюбивавшими и свалившими на него ответственность за один из самых опасных сегментов государственного управления. Таково описание краткого отдыха министра осенью 1937 г., когда он возвращался в Варшаву кружным путем через Венецию и Вену. Оказавшись в австрийской столице, городе своей студенческой юности, «диктатор внешней политики» вначале выбрался в оперу, но слушать «Кавалера розы» Рихарда Штрауса у него хватило терпения лишь на два акта. После чего Бек отправился на другую сторону Дуная в славный своим вином Гринцинг, а заканчивая увеселения уже ночью в одном из венских заведений, он радостно повторял такую фразу: «Что за роскошь не быть министром!» (s. 127).

Если бы его спонтанным эмоциям дали выход именно в тот момент, Юзеф Бек остался бы в истории польской и мировой диплома-

тии именно таким, каким его аттестовал лишь в последний момент поставленный в известность о прибытии своего министра в Вену тогдашний польский посол в Австрии Ян Гавронский, а именно слепым орудием маршала Пилсудского, склонным к выпивке и не подкрепленной силой браваде (s. 127–128). Короче говоря, вполне приличным человеком по меркам международных отношений конца 1930-х гг. Но Беку, которого отправила в отставку только Вторая мировая война, уготована была более печальная судьба — стать одним из тех, что приближали, как могли, катастрофу межвоенного польского государства. И сколь изобретательно ни защищал бы Ежи Хочилowski своего героя, изменить его не слишком почетное место в предвоенной истории никак не получается.

Источники и литература

Кузьмичева А. Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933–1934) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2018. № 1. С. 32–50.

Кузьмичева А. Е. «Non grata» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17–19.

Chocilowski J. Najpierw Polska. Rzecz o Józefie Becku. Warszawa: Iskry, 2019. 256 s.

Kornat M. Polityka zagraniczna Polski 1938–1939. Cztery decyzje Józefa Becka. Gdańsk: Wydawnictwo Oskar; Muzeum II Wojny Światowej, 2012. 626 s.

Samuś P. Minister Józef Beck. Dom rodzinny i lata młodości. Łódź: Uniw. Łódzki, 2015. 249 s.

Terlecki O. Pułkownik Beck. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. 373 s.

References

Kuz'micheva, A. Ye. "Kontseptsiya preventivnoy voyny v kontekste pol'sko-frantsuzskogo soyuza (1933–1934)." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*, 2018, № 1, s. 32–50.

Kuz'micheva, A. Ye. "«Non grata» v Parizhe: Józef Beck." *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye, obshchestvennyye, pedagogicheskiye nauki*, 2017, № 1, s. 17–19.

- Chociłowski, J. *Najpierw Polska. Rzecz o Józefie Becku*. Warszawa: Iskry, 2019, 256 s.
- Kornat, M. *Polityka zagraniczna Polski 1938–1939. Cztery decyzje Józefa Becka*. Gdańsk: Wydawnictwo Oskar; Muzeum II Wojny Światowej, 2012, 626 s.
- Samuś, P. *Minister Józef Beck. Dom rodzinny i lata młodości*. Łódź: Uniw. Łódzki, 2015, 249 s.
- Terlecki, O. *Pułkownik Beck*. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985, 373 s.

*Yuriy A. Borisyonok, Anastasia Ye. Kuz'micheva
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)*

The new biography of Colonel Józef Beck

Colonel of artillery and Minister of Foreign Affairs of Poland in 1932–1939 Józef Beck (1894–1944) without a doubt was an exceptional figure on the Polish political scene of the interwar twenty years. The book of Jerzy Chociłowski “Poland above all. The Story of Józef Beck” is a manifestation of unremitting interest in the personality of the head of diplomacy. Although the book is described as the “first complete biographical story” about Beck, we find very few new details from the life and biography of the colonel. Chociłowski evaluates Beck’s figure in a completely different way than a number of historians and publicists, such as Terlecki and S. Cat-Mackiewicz, and this is some of the value of his book.

Keywords: *history of Poland, the interwar period, the history of international relations, World War II, J. Piłsudski, J. Beck.*

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(0)64

Ю. А. Лабынцев
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Два знаменательных юбилея у белорусских историков Польши

Białoruskie Zeszyty Historyczne. —
Białystok, 1994–2018 [2019]. — Т. 1–50.

Рассматриваются 25-летние итоги деятельности Белорусского исторического общества в Польше по изданию его периодического печатного органа «Białoruskie Zeszyty Historyczne», завоевавшего признание в международном научном сообществе. Вышедшие к началу 2019 г. 50 томов этого многоязычного периодического издания содержат около 1000 статей на самые различные темы, связанные с белорусской проблематикой от глубокой древности до современности.

Ключевые слова: *история Белоруссии, славянский мир, Польша, восточные славяне, польско-белорусское пограничье.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.03

Совершенно незаметно прошел в Польше юбилей Белорусского исторического общества (Беларускага гістарычнага таварыства, Białoruskiego Towarzystwa Historycznego, или сокращенно ВТН), организованного в 1993 г. в Белостоке группой молодых тогда белорусских историков-энтузиастов родом с Подляшья. Выпущенный недавно 50-й том их регулярно выходящего с 1994 г. печатного органа «Białoruskie Zeszyty Historyczne» (сокращенно ВЗН) также не был отмечен сколь-либо видимым вниманием. Вместе с тем не подлежит сомнению, что эти «Zeszyty» — одно из самых успешных периодических изданий журнального типа не только в белорусоведении, но и в мировой славистике в целом, выходящих в наши дни.

Собственно сама идея организации Белорусского исторического общества, а вслед за тем и его журнала, постепенно выкристаллизовывалась в ходе формирования в Польше с начала 1980-х гг. первых ростков послевоенного национального политического движения, тесно связанного с белорусским студенчеством, активисты которого основали зимой 1989 г. в Белостоке Белорусский Клуб во главе

с историком Ю. Туронком¹. Окончательно идея создания Общества сложилась уже после явного поражения этих молодых белорусских политических сил на парламентских выборах в Польше в 1991 г., когда они не были поддержаны местным восточнославянским сообществом². После довольно продолжительного по времени анализа своей политической неудачи³ и безуспешных попыток добиться создания в Белостоке Института белорусской культуры ими было решено объединить наиболее активных своих членов, в основном историков по образованию, в специальную общественную научную организацию Białoruskie Towarzystwo Historyczne, призванную «популяризировать историю белорусов», живущих на Подляшье. Всего лишь несколько месяцев спустя, несмотря на «большие финансовые и организационные трудности», ВТН выпустило в свет первый том своего периодического издания «Białoruskie Zeszyty Historyczne»⁴.

В печати Польши и Белоруссии появление его было встречено положительно, а еще через несколько лет материалы, опубликовавшиеся на страницах ВЗН, непосредственным образом способствовали возникновению в местном университете в Белостоке особой кафедры белорусской культуры. В 1998 г. известный польский историк В. Серчик уже характеризовал ВЗН не иначе как вполне профессиональное периодическое издание, непосредственным образом также свидетельствующее, что «на польско-белорусском пограничье, в границах польского государства, появились организации и общества, запрограммированные на пробуждение приглушенного десятилетиями и во многих поколениях национального самосознания»⁵. Много позднее нынешний проректор Университета в Белостоке В. Слешинский подчеркнет еще одну принципиально важную, устоявшуюся за весь четвертьвековой период своего существования, особенность ВЗН,

1 Баганец Л. Спачатку быў Беларускі Клюб // Беларускія навіны 1: Бюлетэнь Беларускага Дэмакратычнага Аб'яднання. Беласток, 1990. С. 3–4.

2 Мірановіч Я. Парлямэнцкія выбары 1991 у беларускім скансэне // Беларускія навіны 3: Бюлетэнь Беларускага Дэмакратычнага Аб'яднання. Беласток, 1992. С. 1–4.

3 Латышонак А. Парлямэнцкія выбары 1991 // Беларускія навіны 4: Бюлетэнь Беларускага Дэмакратычнага Аб'яднання. Беласток, 1993. С. 9–13.

4 Listy do Redakcji // Kwartalnik Historyczny. 1995. № 3–4. S. 329.

5 Serczyk W. Znad granicy // Dziennik Polski. 27.XI.1998.

«с самого своего начала имеющего научный характер, свободного от публицистической риторики, характерной для таких» белорусских изданий на Подляшье, «как “Ніва” или “Czasopis”»⁶. Вместе с тем, справедливости ради, необходимо отметить, что различного рода полемические материалы, появившиеся на страницах этих не свободных от «публицистической риторики» периодических изданий, содержали немало важных сведений для понимания тех общественных процессов, которые шли и сейчас идут в среде восточнославянского населения Подляшья. В свое время известный белорусский литератор Сократ Янович даже не исключал именованья своих земляков «малой нацией Европы», ибо «белорусам в Польше характерны все черты нации, включая собственную этническую территорию», что стало результатом «присоединения к польскому государству части коренной Белоруссии»⁷. В том же 1996 г. и в той же газете известный социолог из Белостока А. Садовский вполне компетентно утверждал, что «для белостокских белорусов Белоруссия это соседняя страна, ее жители — это совсем другие люди, которые “к нам” приезжают, торгуют, но видятся как “они”, в дополнение “русские”, а не как “мы — белорусы”»⁸. Увы, неумолимый ход неизбежной ассимиляции очень быстро стал приводить к резкому уменьшению на Подляшье тех, кто считает себя белорусами, и уже в 2008 г. историк и политолог, главный редактор ВЗН Е. Миронович вынужден был признать, что сейчас в Польше «оплотом белорусской национальной жизни остаются немногочисленные слои интеллигенции, представляющие художественные, научные, журналистские и студенческие круги»⁹.

В самое последнее время и среди представителей этой интеллигенции, причем даже более других национально ориентированных, начинает все чаще наблюдаться тенденция использования в литературной практике местных говоров, «своего» языка, который, как бы становясь конкурентом литературного белорусского, оттеняет в

6 *Śleszyński W.* Od międzynarodowej do własnej historii — mniejszość białoruska w Polsce // *Acta Baltico-Slavica*. Warszawa, 2017. T. 41. S. 204.

7 *Янович С.* Беларусы ў Польшчы — нацыянальная мяншыня, ці малая нацыя Еўропы? // *Ніва*. 20.X.1996.

8 Падзенне міфалогіі усходу // *Ніва*. 18.II.1996.

9 *Mironowicz E.* Tożsamość ludności pochodzenia białoruskiego w Polsce. Proces integracji i asymilacji w społeczeństwie polskim // *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria XI. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka. Warszawa, 2008. S. 136.

особой мере инаковость коренных восточных славян Подляшья. Наблюдая с 1970-х гг. бытование этих говоров в широких слоях православного и отчасти католического населения на всем Подляшье, могу свидетельствовать, что особенно в сельской местности эти живые народные говоры, используемые почти исключительно в устной форме, сохраняли все свои извечные права вплоть до начала XXI в. И вот теперь на них пишутся и печатаются те или иные произведения, от художественных до публицистических и научных. С проблемой языкового многообразия, в том числе массового народного, “prostego języka”, уже давным-давно тут столкнулись местные священнослужители, причем, видимо, непосредственно до 1970-х гг. и католические, а для православных она еще в той или иной мере продолжает оставаться актуальной и сейчас. Проповедь в храме, контакты между клиром и прихожанами — вот те области, где более и дольше всего было заметно это языковое многообразие, не исключая, конечно же, непосредственного бытового человеческого общения, особенно когда коммуницировали представители городского и сельского населения одновременно. Все это, связанное с языком общения, всегда сильнейшим образом влияло и продолжает влиять и на национальное самоопределение местного восточнославянского населения. Старый лесник из Беловежской пуши, родившийся в начале 1920-х гг., так говорил о своих земляках: «Тут просто так, люди не знают, какая их национальность», говорят на диалекте, «тут на Подляшье “чистым” украинским или белорусским языком никто не говорит»¹⁰. А весьма известный ныне белорусский художник в Польше Л. Тарасевич, родившийся на Подляшье в 1957 г., так отозвался о языке, на котором общались в его родном сельском доме: «На тутейшем. В годы моего детства никто его белорусским не называл»¹¹.

В этих весьма сложных жизненных обстоятельствах, включая постоянную явную и неявную внутреннюю полемику со своими земляками, четверть века назад фактически на общественных началах и стали издаваться в Белостоке ВЗН, которые также по сей день продолжают готовиться к печати благодаря лишь энтузиазму нескольких польских ученых белорусского происхождения. За все эти годы средний размер тома ВЗН колебался в пределах 200–300 страниц, что составляло в среднем около 14 издательских листов, а его ти-

¹⁰ Світ легенд Миколи Патейюка // Przegląd Prawosławny. 2000. № 8. S. 24.

¹¹ Тарасевич Л. «Падлеткам мне таксама хателася быць як усе» // Ніва. 19.IV.2002.

раж составлял около 500 экземпляров. Статьи в VZH публикуются на польском, белорусском, русском, украинском и английском языках, большая часть на польском и белорусском. В редакцию VZH входят ученые из Университета в Белостоке, Университета Николая Коперника в Торуня, Университета Витольда Великого в Каунасе и Белорусского государственного университета в Минске. В научный совет этого издания включены представители университетских кругов около 10 стран Европейского союза, а также Белоруссии и Израиля. Всякая присланная в редакцию статья рецензируется двумя независимыми рецензентами. VZH имеет следующие постоянные разделы: статьи, сообщения, биографические материалы, исторические источники, рецензии и полемика. Сейчас к историческим материалам по истории Белоруссии и истории ее взаимоотношений с соседними странами и народами добавились и политологические работы. Хронологический охват публикуемых статей весьма широк: от древности до современности, посвященных политической, социальной, хозяйственно-экономической истории, истории культуры, исторической географии и демографии. Всего в 50 томах VZH было опубликовано около 1000 различных статей более чем 100 авторов, половина из которых живет и работает вне Польши: в основном в Белоруссии, а также в России, Литве, Германии, Латвии, Канаде, США, Украине, Великобритании, Австралии.

Начиная с 7 тома (1997) VZH получили и второе (параллельное) заглавие, оно на белорусском языке: «Беларускі гістарычны зборнік». Первые четыре тома VZH редактировали Ю. Калина и С. Иванюк, а с 5 тома по 50-й все редакторские работы возглавил Е. Миронович, под руководством которого подготовлен к печати и следующий, 51-й том. Типографская печать VZH, начиная с первого тома, оплачивалась благодаря государственным дотациям и частной спонсорской помощи. Например, издание 1-го тома профинансировали Министерство культуры Польши и одна из белостокских фирм, а 50-го — Министерство Внутренних Дел и администрации, а также местные белостокские воеводские власти. При этом 1-й том содержал менее 200 страниц, а 50-й — уже около 300. И если 1-й том состоял исключительно из материалов на польском языке, то в 50-м на польском языке было опубликовано 7 работ, на белорусском и русском по 4 и одна на украинском. Кстати, очень показательной и весьма символической иллюстрацией к сравнению роста уровня наших знаний об исторических событиях, происходивших в разные периоды на польско-белорусско-литовском пограничье, могут служить материалы об одной из весьма запутанных

тем, посвященных белорусской партизанской борьбе против польских властей в начале 1920-х гг. В 1-м томе ВЗН в разделе источниковых материалов без каких-либо комментариев фототипическим способом были опубликованы 1–5 номера периодического издания «Беларускі партызан» 1922 г., которое якобы выпускалось в Беловежской пуще Главным штабом белорусских партизан (с. 138–161). Тогда, в 1990-е гг., это была неразгаданная загадка, связанная с неизученным явлением в судьбе белорусского народа, будоражившая молодых белорусских историков с Подляшья¹². В 50-м томе ВЗН, как бы перекликаясь с публикацией в 1-м томе, гродненский ученый С. Токць помещает свое исследование «Беларуска-літоўская партызанка ў Гродзенскім павеце Беластоцкага ваяводства ў 1922–1923 гг.» (с. 61–96), которое дает некоторые важные ответы на все еще остающиеся малоизученными вопросы, связанные с данной темой, в том числе отчасти и с «Беларускім партызанам», издававшимся на самом деле в Каунасе — столице тогдашней Литвы. Это белорусское партизанское движение «змагароў за Бацькаўшчыну», после катастрофических решений Рижского мирного договора 1921 г. возникшее в 1922 г. и всего лишь через год исчезнувшее, поддерживалось в основном литовским правительством вплоть до 1923 г., когда помощь партизанам была прекращена. Номера «Беларускага партызана» ныне необычайно редки, и, можно сказать, публикация их в ВЗН оказывает специалистам огромную услугу при изучении не только пропагандистской деятельности организаторов тогдашнего партизанского движения, но и, например, становления белорусского литературного языка. Редакция «Партызана» ставила перед собой задачу помочь мирному населению «акупуванага палякамі краю» правильно разобраться в текущем моменте, дабы «свачасна маглі рэагаваць на польска-шляхэцкія самадурства», «разабрацца і асьветліць справу так, як яна ёсць, праўдзіва»¹³. Рассматривая свою деятельность как военную форму национально-освободительной борьбы, белорусские партизаны объявляли ультиматум «Начальніку Польская Дзяржавы Пілсудскаму»¹⁴ и подчеркивали сугубо идейный характер всех своих действий¹⁵.

Примечательно, что завершается 50-й том ВЗН обзором докладов, прозвучавших 2–3 декабря 2018 г. в Белостоке на белорусско-польской

12 *Мірановіч Я.* Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток, 1999. С. 85.

13 Редакцыя. Да чытачоў // Беларускі партызан. № 1. С. 1.

14 Там же. С. 3.

15 *Г. К.* Да польскіх вешацеляў // Беларускі партызан. 1922. № 1. С. 2–3.

конференции ученых из крупнейших научных центров двух стран «Польско-белорусский диалог историков по трудным вопросам: Время перелома 1917–1921» (с. 261–265), на котором, в частности, прозвучали призывы активнее исследовать все связанное с Рижским мирным договором 1921 г., оказавшим колоссальное влияние на дальнейшие судьбы целого ряда народов и государств Европы.

Сейчас, благодаря основанной в 2000 г. членом правления ВТН Я. Иванюком Белорусской интернет-библиотеке (www.kamunikat.org), многие издания этого научного общества, в том числе и 50 томов ВЗН, находятся в свободном доступе. Вот только активность белорусского меньшинства в Польше постоянно падает, и с его стороны мы видим все меньше и меньше авторов, публикуемых в ВЗН. Особенно это касается молодежи, и кажется, что, как считает председатель ВТН О. Латышонок, «академическая история перестала интересовать молодых белорусов еще более, нежели молодых поляков»¹⁶.

Источники и литература

Баганец Л. Спачатку быў Беларускі Клюб // Беларускія навіны 1: Бюлетэнь Беларускага Дэмакратычнага Аб'яднання. Беласток, 1990. С. 3–4.

Г. К. Да польскіх вешацеляў // Беларускі партызан. 1922. № 1. С. 2–3.

Латышонок А. Парляманцкія выбары 1991 // Беларускія навіны 4: Бюлетэнь Беларускага Дэмакратычнага Аб'яднання. Беласток, 1993. С. 9–13.

Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток: Orthdruk, 1999. 270 с.

Мірановіч Я. Парлямэнцкія выбары 1991 у беларускім скансэне // Беларускія навіны 3: Бюлетэнь Беларускага Дэмакратычнага Аб'яднання. Беласток, 1992. С. 1–4.

Падзенне міфалогіі усходу // Ніва. 18.II.1996.

Рэдакцыя. Да чытачоў // Беларускі партызан. № 1. С. 1.

Світ легенд Миколи Патеюка // Przegląd Prawosławny. 2000. № 8. S. 24.

Тарасевіч Л. «Падлеткам мне таксама хателася быць як усе» // Ніва. 19.IV.2002.

Яновіч С. Беларусы ў Польшчы — нацыянальная мяншыня, ці малая нацыя Еўропы? // Ніва. 20.X.1996.

¹⁶ *Łatyszonek O.* Słowo wstępne // Tomczuk B. Białoruskie Towarzystwo Historyczne XX. Białystok, 2013. S. 8.

Latyszonek O. Słowo wstępne // Tomczuk B. Białoruskie Towarzystwo Historyczne XX. Białystok, 2013. S. 8.

Listy do Redakcji // *Kwartalnik Historyczny*. 1995. № 3–4. S. 329.

Mironowicz E. Tożsamość ludności pochodzenia białoruskiego w Polsce. Proces integracji i asymilacji w społeczeństwie polskim // *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria XI. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka. 2008. S. 136.

Serczyk W. Znad granicy // *Dziennik Polski*. 27.XI.1998.

Śleszyński W. Od międzynarodowej do własnej historii — mniejszość białoruska w Polsce // *Acta Baltico-Slavica*. 2017. T. 41. S. 204.

References

Bahaniec, L. “Spačatku byŭ Bielaruski Kliub.” *Bielaruskija naviny 1: Biulietėń Bielaruskaha Demakratyčnaha Ab’jadnańnia*, Bielastok, 1990, s. 3–4.

H. K. “Da polskich wieścacielaŭ.” *Bielaruski partyzan*, 1922, № 1, s. 2–3.

Janovič, S. “Bielarusy ŭ Połšчы — nacyjanalnaja mianšynia, ci malaja nacyja Jeŭropy?” *Niva*, 20 Nov, 1996.

Latyšonak, A. “Parliamanckija wybary 1991.” *Bielaruskija naviny 4: Biulietėń Bielaruskaha Demakratyčnaha Ab’jadnańnia*, Bielastok, 1993, s. 9–13.

Latyszonek, O. “Słowo wstępne.” *Tomczuk B. Białoruskie Towarzystwo Historyczne XX*, Białystok, 2013, s. 8.

“Listy do Redakcji.” *Kwartalnik Historyczny*. 1995, № 3–4, s. 329.

Miranovič, Ja. *Nawiejšaja historyja Bielarusi*, Bielastok: Orthdruk, 1999, 270 s.

Miranovič, Ja. “Parliamenckija wybary 1991 u bielaruskim skansenie.” *Bielaruskija naviny 3: Biulietėń Bielaruskaha Demakratyčnaha Ab’jadnańnia*, Bielastok, 1992, s. 1–4.

Mironowicz E. Tożsamość ludności pochodzenia białoruskiego w Polsce. Proces integracji i asymilacji w społeczeństwie polskim: Z polskich studiów slawistycznych, seria XI, Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka, Warszawa, 2008, s. 136.

“Padziennje mifalohii uschodu.” *Niva*, 18 Feb., 1996.

Redakcyja. “Da čytačoŭ.” *Bielaruski partyzan*, № 1, s. 1.

Serczyk, W. “Znad granicy.” *Dziennik Polski*, 27 Nov., 1998.

Śleszyński, W. “Od międzynarodowej do własnej historii — mniejszość białoruska w Polsce.” *Acta Baltico-Slavica*, 2017, t. 41, s. 204.

Svit legend Mikoli Pateŭka: Przegląd Prawosławny, 2000, № 8, s. 24.

Tarasievič, L. “Padlietkam mnie taksama chatielasia być jak usie.” *Niva*, 19 Avr., 2002.

Yuriy A. Labyntsev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Two significant anniversaries for the Belarusian historians of Poland

The article dwells upon the achievements of the Belarusian historical society in Poland on the occasion of the 25th anniversary of its periodical “Białoruskie Zeszyty Historyczne”. The 50 volumes of this multilingual series contain around 1000 articles dedicated to most different topics connected to the Belarusian issues from the depth of the ages to the present time.

Keywords: *history of Belarus, Slavic world, Poland, Eastern Slavs, Polish-Belarusian borderland.*

УДК: 821.161.3
ББК: 83.3

М. А. Ламм
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Развитие белорусской литературы в поликультурном контексте

Сінькова Л. Д. Паміж тэкстам і дыскурсам:
беларуская літаратура XX–XXI ст. ст.: гісторыя,
кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі). —
Мінск: Паркус плюс, 2013. — 296 с.

В рецензии рассматриваются основные особенности развития белорусской литературы XX–XXI вв. Выявляются основные закономерности развития поэтики белорусской литературы, наиболее заметные алгоритмы формирования национальной эстетики и особенности мифопоэтического восприятия. Подробно рассматриваются значимые для белорусской литературы особенности развития в советский период. В частности затрагивается литература о Второй мировой войне и выявляются национальные аспекты литературного осмысления опыта немецко-фашистской оккупации в белорусской литературе советского периода. Акцентируется важнейшая особенность развития современной белорусской литературы, которое начинается в 1986 г., после катастрофы на Чернобыльской АЭС. Ключевые слова: *белорусская литература, литературная рецензия, советская литература.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.04

Монография доктора филологических наук профессора Л. Д. Сеньковой посвящена важнейшим аспектам развития современной белорусской литературы в системе славянских литератур в частности и мировой литературы в целом. Основной язык текста — белорусский, однако в монографию включены также материалы на русском, польском и немецком языках. Контекст занимает в книге определяющее место, «в литературе — как в музыкальном контрапункте: каждый одновременно поет свою песню. Важно, чтобы филологам хотелось вслушиваться в эту разнокультурную, разнонациональную музыку и находить в ней особую гармонию — это и есть интереснейшее занятие, которое позволим себе назвать академическим именем сравнительного

литературоведения» (с. 21). Эта фраза звучит в монографии дважды: на белорусском и на немецком языках, это основная мысль, пронизывающая каждое рассуждение в отдельности. Текст книги в целом сложен и многоаспектен, что определяется спецификой материала и избранной темы.

Белорусская литература занимает особое место как среди славянских литератур, так и в общем процессе развития европейской литературы: бесспорно, ею созданы выдающиеся образцы художественного слова, что подтверждается переводами на другие языки и номинацией белорусских писателей на престижные международные премии в области литературы. Вместе с тем белорусская литература редко рассматривается как самодостаточный целостный процесс, внимание исследователей чаще привлекают отдельные явления. Белорусская литература в сложном единстве своего развития как бы и не существует вовсе. Отчасти это объясняется развитием белорусской литературы в тесной взаимосвязи с литературной жизнью соседних стран и вовлеченностью в более крупные системные процессы литературного развития. В результате этого подхода исследователи нередко рассматривают не столько белорусскую литературу, сколько определенное представление о ней. Именно поэтому особенную значимость приобретает предложенный Л. Д. Синьковой дискурсивный подход к исследованию белорусской литературы, в рамках которого произведение необходимо рассматривать как текст, «актуализированный в определенной социокультурной ситуации» (с. 3). Этому принципу подчиняется структура монографии, где автор предпринимает попытку представить развитие белорусской литературы как многогранного живого процесса, включающего в себя собственно литературные тексты, их осмысление в литературной критике и литературоведении, а также особенности национальной литературной жизни.

Сложность задачи рассуждения о современной белорусской литературе определяется неоднозначностью исторического развития страны. И в литературе, и в сфере гуманитарного знания нередко возникает искушение несколько «исправить» историю, сформировав новое национальное знание о себе. Л. Д. Синькова, признавая за художественным текстом безусловное право на мифологизацию истории и действительности, категорически осуждает подобные явления в научной сфере: «“патриотическая мифологизация” в науке имеет тот же статус неправды, что и любая другая подтасовка фактов» (с. 4). Действительно, история соседских отношений, как правило, порождает определенные мифологии, основанные на тех или иных идеологиче-

ских постулатах, именно в ситуации неоднозначности политических отношений различных государств возникает своеобразное осмысление литературной рецепции: либо отрицание заимствований, либо наоборот — их абсолютизация. Оба варианта приводят к искажению истины. Только с позиции отказа от мифологизации возможно глубокое исследование процессов взаимовлияния между белорусской, польской и русской литературами.

Исторические особенности развития Беларуси и, следовательно, белорусской литературы определили некоторые характерные особенности развития национального словесного творчества. Так, Л. Д. Синькова подчеркивает, что развитие белорусской литературы не было непрерывным на всех исторических этапах ее существования. Исследователь отмечает, что «принципиальный алгоритм развития белорусской литературы подразумевает отказ от идей пусть собственных, но эстетически устаревших; отказ от тех своих традиций, которые прерывались-переиначивались во время, когда наши земли и население находились в государствах, в которых белорусы не были титульной нацией ни де-факто, ни де-юре, — в пользу более новых, современных новым авторам инокультурных идей, которые всякий раз отечественными создателями осваиваются — и развиваются уже как национальные» (с. 11). Подобная ассимиляция традиции не тождественна этнической ассимиляции: инокультурная традиция осмысляется авторами в категориях национальной онтологии, с позиций специфического белорусского консерватизма. Как пишет об этом Л. Д. Синькова, «история белорусской культуры — славянской, земледельческой, — как известно, складывалась так драматично, нестабильно, что определенный консерватизм в нашей традиции приобрел особый вес [...] консерватизм означал прежде всего сопротивление (может быть, не всегда осознанное) ассимиляционным влияниям» (с. 98).

Рассуждая о рецепции творчества А. Блока в белорусской поэзии начала XX в., Л. Д. Синькова отмечает, что образы Вечной Женственности и Прекрасной Дамы в белорусской традиции как правило отождествлялись с образом Родины. Здесь проявляется любопытный момент двойственной семантики: «в белорусском языке *Радзіма* (Родина. — М. Л.) как женственность оказывается близка к тем понятиям Родины, которые обозначаются словами, семантически связанными с мужским началом: *Краі* (страна. — М. Л.), *Бацькаўшчына* (Отечество. — М. Л.)» (с. 49). Особенно явно эта связь выражается в мотивах героического служения Отчизне. В начале XX в. в белорусской литературе сложилась «собственная богатая традиция поэтического видения Родины

женственной, но образность такого рода была скорее символичной, чем символистской — если иметь в виду ее философскую подоплеку. Наиболее значимыми в белорусском контексте были известные образы “молодой Беларуси”, Родины-матери Янки Купалы, Матери-страны Максима Богдановича и особенно женщины-Мадонны Богдановича же» (с. 43). Таким образом, тема Вечной Женственности развивалась в белорусской литературе в контексте идеалов национального возрождения и позже не утратила своей роли. Точно так же невозможно отрицать отсутствие белорусской темы в творчестве А. Мицкевича. Вместе с тем его особый романтизм стал основой национальной белорусской мифологии, однако произошло это благодаря процессам литературной рецепции. Как отмечает Л. Д. Синькова, «именно Короткевич вновь создал для Беларуси образцы типологически “мицкевичевского” романтизма, так же как и соответствующее белорусское мифотворчество» (с. 75), т. е. уже в 50-х — 80-х гг., в то время как в начале XX в. этот опыт в литературе осмыслен не был.

Рецепция европейской литературы рассматривается автором в различных ситуациях. Один опыт получают авторы метрополии, принципиально иной складывается у писателей-эмигрантов. Наиболее заметное влияние на развитие белорусской литературы метрополии оказали, по мнению Л. Д. Синьковой, Ш. Бодлер, М. Метерлинк, Э. М. Ремарк, Г. Ибсен, Э. Хемингуэй и др. При этом автор предостерегает от поспешных сравнений: «Белорусская литература XIX в., или начала XX в., совсем нередко сравнивается с российской (и иностранной) классикой этого времени без учета реалий ее существования на северо-западных окраинах Российской империи» (с. 23). Исследователь наглядно иллюстрирует тот факт, что формально обусловленное на первый взгляд сравнение может быть некорректным без учета дискурса. При этом некоторые процессы в белорусской литературе возникают независимо от мировых, а впоследствии развиваются параллельно. В первую очередь это касается экзистенциализма: «Экзистенциализм и как мироощущение, и как философия, и как вполне определенное литературное направление — это чрезвычайно актуальное для белорусской культуры явление. Белорусы заброшены в абсурдный мир не только общественного автоматизма и издержек глобализации, как прочие современники-европейцы. Прежде всего, белорусы уже давно заброшены в абсурд ментального давления. Слишком долго и агрессивно мир не принимает белоруса с его языком и традицией, вынуждает измениться, ассимилироваться. Просто говорить по-белорусски — уже экзистенциальный выбор. Вот исток

экзистенциального мироощущения в белорусской ментальности, экзистенциализма в белорусской литературе» (с. 23–24).

В монографии подробно рассматривается советский период развития белорусской литературы, при этом Л. Д. Синькова отмечает важную особенность, которая нередко ускользает от внимания российских исследователей: «На тогдашних научных конференциях etc. самым популярным слоганом было единство и взаимообогащение. Это значит, этнографическую атрибутику художникам подчеркивать можно и нужно. Но на уровне идейном — ни-ни: только более или менее идиллическое сообщество, связанное языком и культурной традицией “старшего брата”» (с. 13). Эта особенность отношения к этническому оказала заметное влияние на развитие всех национальных литератур на советском и постсоветском пространстве. По этой причине в белорусской художественной литературе советского периода огромное внимание уделяется этнографическим описаниям, Л. Д. Синькова рассматривает это как один из способов преодоления идеологического интернационализма.

В рамках советского периода рассматриваются также особенности литературного осмысления значимой для Беларуси темы Второй мировой войны. Здесь снова на первый план выходят особенности национальной истории, из-за которых обращение к военной теме в советское время было идеологически непростым, поскольку в течение 1941–1944 гг. Беларусь находилась в зоне немецкой оккупации. Белорусская литература о Второй мировой войне включает в себя выдающиеся образцы художественного слова, это произведения А. Адамовича, И. Науменко, В. Быкова и др. Однако литературное осмысление опыта войны происходило исключительно в рамках общего течения советской литературы о войне, на национальном уровне оставались табуированные темы: полноценного художественного осмысления опыта жизни в период немецко-фашистской оккупации не происходило. Так, Л. Д. Синькова описывает, как уже при перестройке, в повестях 1986 и 1991 гг., белорусский поэт и писатель Н. Я. Аврамчик, «рассказывая фактически о своих страданиях в немецком плену, видит всех своих персонажей словно глазами будущего читателя-недоброжелателя, цензора-энкаведешника; он должен “сверять” поведение автобиографического героя с требованиями к поведению советского человека на войне образца 1940-х гг.» (с. 78). По предположению автора, эти обстоятельства также повлияли и на особую «аскетичную манеру» В. Быкова. Другой табуированной темой является сотрудничество с немецкой администрацией. Необходимо отметить, что и сегодня эта тема преимущественно осмысляется писателями-эмигран-

тами или белорусскими писателями, которые в силу геополитических обстоятельств оказались гражданами других государств.

В литературе белорусской эмиграции и белорусского зарубежья порой встречаются заметные расхождения в оценке национальной истории, однако, по мнению Л. Д. Синьковой, несмотря на все эстетические и идеологические расхождения, «те истоки миропонимания, что фиксируются в образах-архетипах, всегда объединяли белорусских авторов. Вся белорусская литература коренится в мифопоэтическом национальном наследии; это одна из важнейших черт белорусской эстетики и художественной традиции, которая особенно долго оставалась синкретической, должна была возвращаться к синкретичности. Вторая такая черта — особое сочетание, контаминация языческого с религиозным (или, точнее, феноменальная способность контаминировать в национальном космосе существенно различные религиозные начала)» (с. 98). Белорусская литература, таким образом, сохраняет свое единство и в ситуации географической раздробленности.

Главной особенностью современной белорусской литературы является ее точка отсчета. Если для большинства литератур на постсоветском пространстве поворотным годом стал 1989 (или 1985 как дата начала перестройки), то для белорусской литературы это 1986, год Чернобыльской катастрофы: «Это время, отмеченное Чернобылем, оказалось настолько драматично, что даже такие события, как распад СССР и появление 27 июля 1991 г. новой формы белорусской государственности — Республики Беларусь, — по крайней мере на десятилетие (если говорить о литературе) оказалось в тени чернобыльской темы. Само понятие “Чернобыль” как в публицистике, так и в художественном смысле быстро выросло до уровня определенной концепции. Катастрофа Чернобыльской АЭС стала символом порожденного тоталитарной системой зла, которое подчинило себе все будущее Беларуси и достигло апокалиптических размеров [...] Постсоветский аксиологический кризис в Беларуси обрел свое особое выражение в популярной метафоре “духовный Чернобыль”» (с. 61).

Л. Д. Синькова представляет читателю взгляд на белорусскую литературу, который позволяет рассмотреть огромное и очень специфическое явление в контексте, во-первых, влияний доминирующей литературы, во-вторых — в контексте европейской литературы в целом. На богатом материале автор выделяет наиболее характерные особенности развития национальной поэтики, показывает красоту и силу белорусской литературы, ее открытость к диалогу при сохранении глубокой внутренней сущности. При несомненно высоком академическом уровне, монография

ориентирована на широкий круг читателей. Помимо собственно литературоведческих материалов текст иллюстрируется воспоминаниями и личными впечатлениями автора, которые вынесены в отдельный раздел.

Источники и литература

Сінькова, Л. Д. Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI ст. ст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі). Мінск: Паркус плюс, 2013. 296 с.

References

Sinkova, L. D. *Pamizh tekstam i dyskursam: belaruskaya litaratura XX–XXI st.: gistoryya, kamparatyvistyka i krytyka (lit.-kryt. artykuly, gutarki)*. Minsk: Parkus plyus, 2013, 296 s.

Maria A. Lamm

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The development of Belarusian literature in a multicultural context

The main characteristics of the Belarusian literature development in the contest of 20th–21st century are demonstrated throughout the review. The key patterns of the poetics progression in Belarusian literature are revealed, alongside with the most noticeable algorithms of the national aesthetics establishment and the specifics of mythopoetic perception. Meaningful characteristics of Belarusian literature during Soviet period are examined particularly, especially the literature about Second World War. The national aspects of literary comprehension of the experience of German-fascist occupation in Belarusian literature during Soviet period are revealed. The important characteristic of the modern Belarusian literature after the Chernobyl disaster that has started in 1986, is emphasized upon.

Keywords: *Belorussian literature, Literary reception, Soviet literature.*

Библиотека-музей Франциска Скорины в Лондоне: центр британской белорусистики

Статья посвящена описанию Библиотеки-музея имени Франциска Скорины в Лондоне — крупнейшего за пределами Белоруссии собрания материалов по белорусской тематике и одновременно центра британской белорусистики. Рассмотрены основные этапы формирования коллекций, дано их подробное описание.

Ключевые слова: *Белоруссия, Великобритания, белорусская диаспора, книжное собрание, архив, музей.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.05

Библиотека-музей Франциска Скорины в Лондоне (*Francis Skaryna Belarusian Library and Museum*, БМФС) практически неизвестна в России. У ее истоков стояли представители белорусской диаспоры, попавшие в Великобританию после Второй мировой войны. Формально основанная в мае 1971 г., фактически БМФС была создана путем слияния уже существовавших собраний. Одним из закладных камней новой библиотеки стала коллекция белорусской литературы, собранная тремя грекокатолическими священниками из ордена мариан — Чеславом Сиповичем, Львом Горошко и Александром Надсоном.

Первоначально коллекция хранилась в Доме Мариан в лондонском районе Вудсайд Парк. По мере разрастания она была переведена в соседний двухэтажный особняк, который изначально предназначался для проживания белорусских семинаристов. Впоследствии к библиотеке добавились обширные архивы, касавшиеся, прежде всего, деятельности Белорусской грекокатолической церкви, и ряд артефактов, связанных с ранней историей Белорусской народной республики (БНР).

Целью нового учреждения стало «собрание и сохранение всех печатных и рукописных материалов, относящихся к Белоруссии», чтобы сделать их доступными для всех, кто занимается белорусскими исследованиями. Благодаря энергичной деятельности по приобретению литературы, в том числе в ходе постоянного книгообмена с минской Библиотекой имени Ленина (сейчас — Национальная библиотека Ре-

спублики Беларусь), БМФС стала крупнейшим за пределами Белоруссии хранилищем материалов, связанных с белорусской тематикой.

Тематически БМФС разделяется на несколько частей — собственно библиотека, отдел периодики, архив и собрание карт. В книжных фондах присутствуют уникальные единицы хранения, такие как Кодекс с комментариями, написанный на «говорке» белорусских татар, и Литовский статут 1588 г., изданный в типографии Мамоничей. Особой гордостью библиотеки являются фрагменты Библии Скорины 1518 г. Из позднейшего периода следует выделить большую коллекцию белорусского самиздата, выпускавшегося в диаспоре после 1945 г. В рамках отдела периодики представлены, помимо вышедших на территории Белоруссии, все издания белорусской диаспоры, вышедшие после Второй мировой войны. Не менее богато собрание газет и журналов на белорусском языке, вышедших с начала XX в. В частности, представлены практически полные собрания газет «Гоман» (1916–1918) и «Раница» (1939–1945).

Что касается архива, то значительную его часть составляет переписка белорусских грекокатолических иерархов в послевоенный период и материалы Рады БНР, начиная с председательства Винцента Жук-Гришкевича (то есть с 1970-х гг.). Документы более раннего периода представлены в меньшем объеме. Любопытно, что в БМФС также оказались некоторые собрания русских католиков, в частности, графа Георгия Беннигсена (1876–1962), занимавшегося помощью русским беженцам и голодающим в СССР. Следует отметить, что большой проблемой архива является его неразобранность: папки беспорядочно свалены в коробках, и порой очень сложно найти искомый документ. То же касается и карт, среди которых много оригинальных экземпляров XVIII–XIX вв. Ориентироваться среди них можно лишь по старой описи, в свое время составленной одним из сотрудников.

В соответствии со своим названием, БМФС имеет небольшую музейную экспозицию, которая расположена в одном из помещений на втором этаже здания. Здесь собран ряд артефактов, так или иначе имеющих отношение к Белоруссии. Их подбор достаточно сумбурен: в одном месте расположились народные вышивки, образцы паспортов БНР и тюремная роба поэтессы Ларисы Гениуш, которую она носила в сталинском лагере.

В научном плане БМФС представляет наибольший интерес для специалистов по церковной истории Белоруссии, причем это касается широкого временного периода — от Великого княжества Литовского до послевоенной белорусской диаспоры в Западной Европе и

США. Исследователям Второй мировой войны будет интересна коллекция белорусскоязычной прессы, выходявшей на оккупированной территории. В частности, это подборка распоряжений генерального комиссара Белоруссии — вероятно, более полная, чем аналогичные подборки, хранящиеся в российских и белорусских архивах. Другим значительным разделом является политическая история белорусской эмиграции, начиная с первых лет существования БНР. Среди других тем можно назвать историю белорусской литературы и культурной активности за пределами Белорусской ССР.

В наши дни БМФС стремится поддерживать контакты с научными организациями и отдельными исследователями, занимающимися изучением белорусской проблематики. Для расширения научных контактов в библиотеке была организована исследовательская программа. За небольшое пожертвование (в пределах 150 фунтов) участнику предоставляется жилье непосредственно в здании библиотеки и возможность круглосуточно пользоваться ее фондами. Время пребывания обговаривается индивидуально. Необходимые консультации можно получить у сотрудников.

Igor I. Barinov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Francis Skaryna Belarusian Library and Museum in London,
a centre for Belarusian studies in Great Britain

The article focuses on the Francis Skorina Library and Museum in London, the largest Belarusian subject collection outside Belarus and at the same time the center of Belarusian studies in Great Britain. The main steps of the formation of the collection are considered along with its detailed description.

Keywords: *Belarus, Great Britain, Belarusian diaspora, book collections, archive, museum.*

УДК 398.4:581.412(=16)(049.32)
ББК 82.3(3)(41)

И. А. Седакова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Славянский дендрарий в этнолингвистическом освещении

Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. Очерки. — М.: Индрик, 2019. — 656 с. — (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

В рецензии излагаются основные идеи монографического этнолингвистического исследования, посвященного деревьям в традиционной культуре славян. Новая книга базируется на богатом лексическом и фразеологическом, фольклорном и этнографическом материале и воссоздает «портреты» отдельных деревьев и кустарников, выявляет их реальные и культурные свойства, релевантные для дальнейшей символизации и магической практики. Автор монографии включает деревья в общекультурный контекст традиции, показывая, с одной стороны, их соотношение с другими реалиями, а с другой стороны, демонстрируя взаимосвязь всех явлений. Важной задачей исследования является сравнение — как деревьев между собой, так и круга представлений о них в отдельных славянских культурах.

Ключевые слова: *этнолингвистика, этноботаника, фольклор, календарная обрядность, символика, магия.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.06

В 2019 г. вышла в свет монография Т. А. Агапкиной, посвященная этноботаническому фрагменту традиционной культуры славян. Эту книгу можно считать долгожданной: уже с середины 1990-х гг. исследовательница публиковала статьи о символике деревьев и связанных с ними ритуалах и поверьях. Отдельные краткие «портреты» деревьев за ее авторством включены в пятитомный словарь «Славянские древности»¹, более подробные статьи представлены в сбор-

¹ Перечислим лишь некоторые статьи: *Агапкина Т. А., Усачева В. В.* Бузина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 267–270; *Агапкина Т. А.* Дерево культовое // Славянские древности... Т. 2. М., 1999. С. 67–70; *Она же.*

никах и периодических изданиях². Т. А. Агапкина относится к тем исследователям, которые всегда «закрывают» разрабатываемую тему фундаментальной монографией³, поэтому появление труда о славянском дендрарии в современной этнолингвистической интерпретации весьма логично.

Во введении, предшествующем двум разделам книги, Т. А. Агапкина обобщает свои более ранние работы, в том числе излагает характерную для них методику описания конкретных реалий по определенной схеме, знакомой этнолингвистам, изучающим демонологию⁴ или, вслед за А. В. Гурой⁵, животных. По ее словам, следование схеме при составлении «портрета» дерева приводит к частому дублированию сведений, которые в какой-то мере присущи определенным классам деревьев, поэтому в рецензируемой монографии она формально отходит от этого принципа (с. 17–18). Однако описание реальных и «культурных» свойств деревьев (с. 23–39), предваряющее основные разделы книги, — это тоже своего рода схема, которая позволяет не только классифицировать составляющие славянского дендрария в их полноте, но и увидеть механизмы отбора и степень символизации признаков.

Рябина // Славянские древности... Т. 4. М., 2009. С. 514–519; *Она же*. Ясень // Славянские древности... Т. 5. М., 2012. С. 637–638.

² Из серии публикаций отметим несколько: *Агапкина Т. А.* Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного описания) // Кодови словенских култура. Београд, 1996. № 1. С. 7–22; *Она же*. Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (*Corylus avellana*) // *Studia mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. Knj. 1. S. 183–194.

³ *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002; *Она же*. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М., 2010. См. также обширный раздел по южнославянской заговорной традиции в коллективной монографии: Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / отв. ред. А. Л. Топорков. М., 2017.

⁴ Схема описания мифологических персонажей / сост. Л. Н. Виноградова и др. // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Проблемы культуры. София, 30.VIII.89 — 6.IX.89. М., 1989. С. 80–85.

⁵ *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Сведения о деревьях в славянских традиционных культурах столь обширны и многоплановы, что исследовательнице приходится постоянно себя ограничивать как в материале, так и в разработке этнолингвистических тем (см. ниже). Добавим, что любое этнолингвистическое исследование требует привлечения знаний из разных областей духовной и материальной культуры, но изучение деревьев, как это подтверждает и исследование Т. А. Агапкиной, заставляет охватить буквально все сферы народной традиции. Автор с самого начала оговаривает, что части дерева, дрова, ветки, плоды не подвергаются анализу (хотя яблокам и орехам всё же уделяется некоторое внимание). Кроме того, сужается и набор описываемых деревьев (так, «портрет» березы исключается из дендрогалереи, поскольку о ней опубликовано немало работ); ряд мифологических тем, ритуальных актов и комплексов, а также описание деревьев-концептов (райского дерева, древа жизни, древа познания и др.) остаются за пределами монографии. Самоограничение, лаконизм и четкость прослеживаются даже в стилистике — автор часто прибегает к нумерации и тезисному описанию либо основных свойств деревьев, либо тем, сюжетов, связанных со славянским дендрарием. Таким «конспективным», по выражению Т. А. Агапкиной, стилем перечисляются типы оформления елочки при проводах рекрута (с. 90–91), фольклорные жанры, в которых звучит тема продолжения жизни человека в дереве (с. 527–528), излагаются заключительные идеи и многое другое.

«Портреты» деревьев, представленные в первом разделе монографии, основаны на описанных во введении классифицирующих «реальных» и «культурных» свойствах, но при этом наборы этих свойств, и главное их иерархия, весьма разнятся в зависимости от степени «задействованности» этих качеств в разных сферах традиционной культуры. Можно сказать, что дерево ведет за собой исследователя, диктуя структуру статьи. Галерея «портретов» начинается с дуба — основного репрезентанта мирового древа и дерева как такового — и завершается яблоней, плодоносящая и женская символика которой хорошо известна. Очерки различаются по объему — от очень подробных (дуб, хвойные деревья, колючие деревья и кустарники) до совсем кратких (клен, явор; ясень), по структуре и по наличию / отсутствию заключающего «портрет» обобщения. В каждом очерке выделяются основные, наиболее яркие свойства дерева, как реальные, так и символические, а также очерчиваются наиболее релевантные сферы, где они фигурируют. Соответственно этому в

каждом эссе-«портрете» выделяются рубрики, подрубрики, отмечается какая-либо особенность дерева, его место в определенном фольклорном жанре или ритуальном комплексе. Даже техническое оформление столь многообразного описания деревьев представляет значительную трудность — не случайно в книге используются разные способы — рубрикация, разрядка, курсив, полужирный курсив, подчеркивание и др.

В первом разделе автор постоянно проводит сравнение символических и мифологических свойств разных типов деревьев, будь то эксплицитное или имплицитное; оно является важнейшим методологическим принципом. Благодаря такому принципу проявляются специфические свойства конкретного дерева и его место во фразеологии, в разных жанрах фольклора и в обрядах каждой славянской культуры. Нередко Т. А. Агапкина как бы напоминает читателю то, что он уже узнал ранее: например, описывая культовый характер хвойных растений, возвращается к подобным характеристикам дуба (с. 77). Сравнение предполагает и противопоставление, различие — так, подчеркивается специфика осины как растения, более других связанного с демонологией, а плодовых деревьев в целом как манифестирующих преимущественно реальные свойства и др. Сопоставляя мифопоэтические образы деревьев, автор выходит за пределы славянского мира, для ряда деревьев даются параллели из германской, финно-угорской и др. культур.

Во втором разделе автор предлагает иную, более широкую перспективу исследования, — она исходит из анализа тех сфер традиционной культуры, в которых задействованы деревья. Раздел начинается с подробного анализа интегрального образа мирового древа, который вовлекает во взаимодействие и соединяет между собой «разные сферы макрокосма, оказывает влияние на всю “древесную” мифологию» (с. 391). Универсальность этого образа и многогранность его выражения (понятие центра, вертикали, начала) помогают устранить кажущиеся противоречия в наборе свойств одного дерева. В этом разделе Т. А. Агапкина стремится к обобщениям — она пишет о классах явлений, об их параллелизме. Так, она показывает связь дендрария со всеми мифологическими персонажами, перекличку антропоморфной и вегетативной сфер, а также системную роль деревьев в похоронно-поминальной обрядности. Автору удается соединить и упорядочить весьма разнородные факты и представить их обобщенно и вместе с тем обратить внимание читателя на важные и интересные детали.

Из вышесказанного уже понятно, но всё же почеркнем еще раз, что Т. А. Агапкина вводит в научный оборот колоссальный материал. В монографии цитируются тексты практически всех фольклорных жанров — загадки, присловья, календарные поговорки и приметы, поговорки, благопожелания, календарные и свадебные песни, причитания, заговоры, этиологические легенды, сказки и многое другое. Исследуются лексические и фразеологические данные, нередко узкодиалектные. Используются также агиографические описания, исторические сведения, не говоря о внушительном этнографическом корпусе. Справочный аппарат — колоссальная библиография, охватывающая более 1200 источников и исследований, и предметно-тематический указатель — занимает в книге свыше 80 страниц. Литература включает в себя редчайшие славянские издания, нередко региональные, труднодоступные и очень ценные. Безусловно, это отчасти результат многолетней работы исследовательницы с источниками по другим темам, в ходе которой она параллельно собирала материал и для этой книги. Указатель (по существу словарь народной культуры) настолько подробен, что он не только облегчает работу с книгой, но и очерчивает путь другим исследователям. Впрочем, Т. А. Агапкина в самом конце книги в свойственном ей лаконичном стиле намечает три направления для дальнейшего изучения славянского дендрария. Они сводятся к расширению того, что так или иначе ею уже заявлено: добавление тех «портретов» деревьев, которые отсутствуют в монографии, анализ деревьев как культурных концептов и изучение символики и мифологии деревьев в конкретных регионах с учетом ботанических видов.

Книга побуждает читателя к обдумыванию материала, сравнению с известными ему этноботаническими и другими сведениями, поиску параллелей. У меня как болгариста в процессе чтения порой возникали некоторые лексические, фольклорные или обрядовые добавления. Так, при описании яблони и яблока в связи с темой чадородия можно упомянуть болгарский народно-религиозный ритуал перед иконой «Богородица Золотое яблоко», который совершается в церкви в субботу на пятой неделе Великого поста молодыми женщинами, желающими забеременеть, и бездетными супругами. Возможно, что такие детали автор сознательно оставляла в стороне в силу ограниченности объема исследования.

Книга будет интересна и полезна гуманитариям разных специальностей. Для молодых исследователей она может послужить образцом исследования с точки зрения широкого охвата материала и его

строгой систематизации, цельности методики и последовательности изложения. Этот труд будет способствовать дальнейшим исследованиям в области комплексной дисциплины этнолингвистики, на него можно опираться при разработке смежных, а учитывая четкую методологическую основу, и весьма отдаленных тем.

Источники и литература

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Агапкина Т. А. Дерево культовое // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 67–70.

Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Агапкина Т. А. Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (*Corylus avellana*) // *Studia mythologica Slavica*. Ljubljana, 1998. Кнј. 1. S. 183–194.

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Агапкина Т. А. Рябина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 514–519.

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного описания) // Кодови словенских култура. Београд, 1996. № 1. С. 7–22.

Агапкина Т. А. Ясень // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 637–638.

Агапкина Т. А., Усачева В. В. Бузина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 267–270.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / отв. ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. 856 с.

Схема описания мифологических персонажей / сост. Л. Н. Виноградова и др. // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Проблемы культуры. София, 30.VIII.89–6. IX.89. М.: Институт славяноведения, 1989. С. 80–85.

References

Agapkina, T. A. *Derev'ia v slavianskoï narodnoï traditsii. Ocherki*. Moscow: Indrik, 2019, 656 s.

Agapkina, T. A. "Derevo kul'tovoe." *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, s. 67–70.

Agapkina, T. A. "Iasen'." *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 5, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, s. 637–638.

Agapkina, T. A. "Mifologiiia derev'ev v traditsionnoï kul'ture slavian: leshchina (Corylus avellana)." *Studia mythologica Slavica*, knj. 1, Ljubljana, 1998, s. 183–194.

Agapkina, T. A. *Mifopoëticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara. Vesenne-letniï tsikl*. Moscow: Indrik, 2002, 816 s.

Agapkina, T. A. "Riabina." *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 4, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, s. 514–519.

Agapkina, T. A. "Simvolika derev'ev v traditsionnoï kul'ture slavian: osina (opyt sistemnogo opisaniia)." *Kodovi slovenskikh kultura*, no. 1, Beograd, 1996, s. 7–22.

Agapkina, T. A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira*. Moscow: Indrik, 2010, 824 s.

Agapkina, T. A., Usacheva, V. V. "Buzina." *Slavianskie drevnosti. Ètnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 1, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, s. 267–270.

Gura, A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoï napodnoï tpaditsii*. Moscow: Indrik, 1997, 912 s.

Sisinieva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiiakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoï Evropy, ed. by A. L. Toporkov. Moscow: Indrik, 2017, 856 s.

Vinogradova, L. N. et al. "Skhema opisaniia mifologicheskikh personazheï." *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniiu stran Iugo-Vostochnoï Evropy. Problemy kul'tury. Sofïa, 30.VIII.89–6.IX.89*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 1989, s. 80–85.

Irina A. Sedakova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Slavic Arboretum in the light of ethnolinguistics

The review sheds light on the main ideas of the monographic ethnolinguistic study of the trees in the Slavic traditional culture. It is based on the vast lexical, idiomatic, folklore and ethnographic data, and reconstructs the portraits of various trees and bushes, showing their real and mythic qualities, relevant for the further symbolization. The trees are represented in the wide cultural traditional context, demonstrating connection with other cultural facts and meanwhile the general correlation of the evidences. Comparison is the key method of presentation of the trees and their role(s) in various Slavic cultures

Keywords: *ethnolinguistics, ethnobotany, folklore, calendric rituals, symbolism, magic acts.*

УДК 821.16
ББК 83.3(4)

А. В. Усачева
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Международная научная конференция
«III Хоревские чтения: Литература в социокультурном
пространстве современной Центральной и Юго-Восточной
Европы: аксиологический дискурс. Памяти Г. Я. Ильиной»

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.7.01

20–22 ноября 2019 г. в Институте славяноведения РАН прошли III Хоревские чтения, организованные Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСл РАН. Конференция стала продолжением серии начатых в 2015 г. международных научных мероприятий в память о В. А. Хореве, выдающемся ученом-полонисте. В этом году Чтения были также посвящены Г. Я. Ильиной, до самой своей кончины проработавшей в Институте и специализировавшейся на югославистике. Приветственное слово на открытии произнесли д. ф. н. И. Е. Адельгейм, говорившая о важности изучения ценностной детерминированности литературного процесса, и д. ф. н. Н. Н. Старикова, рассказавшая о вкладе Г. Я. Ильиной в академическое славяноведение.

В рамках конференции был рассмотрен круг вопросов, связанных с ролью аксиологического фактора в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы, а также с полиэтничностью как объектом художественной рефлексии. Доклады были распределены по пяти большим тематическим блокам: этические ценности, изменение аксиологических критериев, ценностные и художественные парадигмы в мультикультурной среде, аксиологический анализ художественного текста, статус писателя.

Секцию «Этические ценности как смысло- и структурообразующая основа литературы» открыл доклад профессора *Б. Зелиньского* (Познань) «Духовное измерение поэзии Драгана Бошковича», в котором был представлен анализ творчества сербского поэта, которое понимают как бегство от постмодернистской духовной пустоты в пространство личной католической религиозности и мир рока, как «левитация» поэтической мысли среди пространств культуры, общественных явлений или цитат. Доклад *М. Трошиньского* (Варшава) «Самуэль Зборовский

— икона свободы. От Словацкого до Рымкевича» стал попыткой ответить на вопрос, каким образом и с какой целью Рымкевич использует историческое событие, связанную с ним легенду и воплощение ее Словацким в изменившихся исторических обстоятельствах и с других аксиологических позиций. *Н. Н. Старикова* (Москва) посвятила свой доклад «“У времени в плену”. Эдвард Коцбек и его вклад в национальную культурную парадигму» противоречивой фигуре словенского литературного процесса XX в. — писателю и общественному деятелю, который одним из первых в социалистической Югославии начал отстаивать право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, оказав существенное влияние на ценностные ориентиры многих авторов. *М. Рудковская* (Варшава) выступила с докладом «Литература против насилия. “Дом с двумя башнями” Мацея Зарембы Белявского в контексте польско-еврейского опыта, запечатленного в польской литературе», где описала, как литература фиксирует опыт насилия, превращает травму в повествование. Вечернее заседание началось с доклада *Е. В. Байдаловой* (Москва) на тему «Захар Прилепин vs Сергей Жадан. Два главных романа о войне на Донбассе: окно Овертона». Писатели смотрят на происходящее на востоке Украины с противоположных сторон линии фронта, предлагая каждый свое видение событий. *И. Е. Адельгейм* (Москва) в докладе «Они, мы, я... Личные местоимения и процесс нравственной самоидентификации в “семейных альбомах” Моника Шнайдерман и Елены Чижовой» проанализировала тексты польского и российского авторов с точки зрения возможностей местоимений выражать этически значимую идею «своего» / «чужого», показывая, как повествование с акцентом на личные местоимения становится инструментом упорядочения этического хаоса истории / реальности / памяти. *А. Н. Красовец* (Москва) выступила с докладом «Роман Феликса Плохла “Все мои грехи” (Любляна, 2019) как автобиография преступника». В написанном в словенской тюрьме романе писатель повествует о своем криминальном прошлом, лишая его ореола притягательности, и перед читателем предстает аутентичная психологическая позиция без морализаторства и с большой долей человечности. Секцию завершила *Л. Ф. Широкова* (Москва) докладом «В поисках смыслов и ценностей: двойная оптика как сюжетобразующий принцип в современной словацкой прозе». На примере романов М. Компаниковой, О. Штефаника и др. она продемонстрировала, как прием двойничества в художественном осмыслении духовных исканий и повседневных забот современного человека придает произведениям словацкой прозы особый объем и резкость образного видения.

21 ноября прошли вторая и третья секции, вторая была посвящена трансформации аксиологических критериев, ее предпосылкам и последствиям. Заседание открыл *А. Грабовский* (Краков) докладом «Два проекта “Европейского человека” — Константин Нойка и Генрик Эльзенберг», проанализировав на примере эссе этих философов основные черты проекта «возрождения» классического европеизма, прерванного Второй мировой войной. *А. Легезиньская* (Познань) в докладе «Феминизация польской поэзии на рубеже веков. Причины и следствия» размышляла, в какой степени феминизация современной поэзии в Польше связана с более широкими культурными изменениями, затронув также тему изменения канона и переориентации литературной критики. Выступление *И. Венгжин* (Краков) было посвящено изменениям в парадигме «краковского текста» польской литературы, казавшегося устоявшимся и законченным. В своем докладе «Фантастический Краков — литературный ответ на аксиологические вызовы современности» она исследовала тексты молодого поколения писателей и проследила аксиологические истоки и последствия произошедших изменений. *Х. Огура* (Токио) в докладе «Ольга Токарчук как проводник “трансрегиональной литературы”» рассмотрела возможность влияния литературы на окружающую среду с точки зрения экокритики и показала, что произведения О. Токарчук являются как «трансрегиональной литературой», избегающей региональных ограничений, так и «региональной», продолжающей передавать колорит провинции. Доклад *Н. М. Куренной* (Москва) «Динамика мотивов в пространстве современной белорусской литературы» стал заключительным во второй секции. Речь в нем шла о том, как формирование литературы в условиях двуязычия отражается на иерархии преобладающих мотивов.

Третья секция была посвящена вопросам полиэтничности и мультикультурализма. *З. Копец* (Познань) выступил с докладом «Цыган — это цыган. Современная польская литература в поисках ромалов / цыган», в котором рассказал о проблеме воплощения в польской литературе цыганской тематики. *Н. Е. Ананьева* (Москва) в докладе «Полиэтничность и полилингвизм в русской прозе (на материале романов А. Вельтмана “Саломея” и В. Аксенова “Ожог”» исследовала элементы иноязычного кода и соотношение полиэтничности и полилингвизма (а также отсутствие такового) в указанных романах. *К. Граевский* (Калининград) выступил с докладом «Образ России в поэзии, литературной критике и публицистике В. Броневского», подготовленным в соавторстве с *Л. А. Мальцевым* (Калининград).

Опираясь на работу В. А. Хорева «Другой Броневский», авторы предложили имагологическую интерпретацию образа России в творчестве Броневского. *Д. Козицкая* (Краков) в докладе «Восток в польской литературе после 1989 г. (От Капушиньского к Стасюку)» проанализировала, как в литературе, культуре и географии изменились карта и семантика Востока, и рассмотрела культурные идеи, формирующие художественные представления о реальности. Доклад *Н. А. Луньковой* (Москва) «“Мой голос арестовали на улице”: поэзия болгарской мусульманской общности 1980-х гг.» был посвящен «возродительному процессу» в литературе мусульманского меньшинства Болгарии, отразившему травматический опыт: навязываемый «сверху» отказ от родного языка, который фактически привел к деформации как индивидуальной системы ценностей, так и традиционной для их этнической группы. Центральной идеей выступления *А. Г. Шешкен* (Москва) на тему «Полиэтнический балканский мир в художественном мире П. М. Андреевского (роман “Пырей”») стал вопрос отражения в литературе образа жизни и национальных жизненных типов македонского народа, являющихся неотъемлемой частью полиэтнического балканского мира. *И. А. Герчикова* (Москва) в докладе «Полиэтничность и мультикультурализм как фактор современной чешской литературы» размышляла о литературоведческом мультикультурализме, оформившемся на почве отказа от идеи литературного канона. Завершил секцию и второй день конференции доклад *В. В. Мочаловой* (Москва) «Полиэтничность как объект художественной рефлексии в творчестве писателей Австро-Венгрии». Исследовательница рассмотрела романы родившихся в Австро-Венгрии писателей Й. Рота, Ю. Витлина и др., по-разному осмыслявших «габсбургский миф» как универсальное и гармоничное наднациональное единство и наличие иерархического порядка.

Четвертый блок докладов был посвящен аксиологическому анализу художественного текста. *П. В. Королькова* (Москва) в докладе «“Смерть Вронского” Неделько Фабрио и “Сербский бог Марс” Степана Томаша: два диалога с классиками» вела речь о механизмах литературного диалога в произведениях хорватских писателей. В выступлении *Д. К. Полякова* (Москва) «Югославия и Центральная Европа в эссеистике Данило Киша» были рассмотрены ключевые концепты, с помощью которых Киш в позднем творчестве моделирует пространства Центральной Европы и Югославии. *А. Менджецкая* (Варшава) в своем докладе «Этический словарь произведений Юлиуша Словацкого и Циприана Норvida в свете современных цифровых средств

анализа» показала, как с помощью новых технологий можно анализировать литературные тексты, выделяя аксиологические компоненты. *Е. С. Шумилова* (Москва) в выступлении, посвященном топосу города в повести-сказке «Невеста змея» В. Урошевича, показала, как творчество писателя представляет национальный характер, образ жизни, городскую среду и «душу» города и ставит вопрос о трансформации человеческих ценностей в современном обществе. Доклад *С. А. Кожинной* (Москва) «Мифопоэтика Д. Годровой (“Роман-посвящение”»)» познакомил участников конференции с концепцией становления и развития жанра романа-инициации, предложенной писательницей, а также пояснил, как рассмотрение структуры романа-инициации сквозь призму ее теоретических трудов позволяет понять специфику ее художественных произведений. Завершающим выступлением этой секции стал доклад *А. В. Усачевой* (Москва) «Ценности поколения тридцатилетних в произведениях молодых румынских авторов», в котором рассматривались графические романы Д. Унгуриану и А. Кирикэ, проза Л. Браниште, знакомство с которыми поможет составить представление о ценностях «миллениалов», нашедших отражение в искусстве последнего десятилетия.

Заключительная, пятая секция «Статус писателя: самоидентификация, репутация, канонизация» открылась выступлением *Е. В. Шатко* (Москва) «М. Павич: от любви до ненависти (литературная репутация)». Докладчица проанализировала, как действия и слова писателя влияют на восприятие его творчества в разных странах, а также на его литературную репутацию. *Ю. П. Гусев* (Москва) в докладе «Канон и канонизация (на материале венгерской литературы)» размышлял о том, что такое канон, и на примере фигуры Э. Уйвари продемонстрировал, к чему приводят попытки искусственного причисления писателей к лику классиков. *Л. Н. Будагова* (Москва) посвятила доклад «Несвобода в свободной стране: тенденции нормативности в современной культурной политике Чехии» процессу переоценки ценностей, творческих ориентиров, сопровождающему развитие искусства, и неоднозначности этого процесса в ситуации интенсивных общественно-политических перемен. *Е. В. Сагалович* (Москва) в докладе «Данило Киш в борьбе за собственную репутацию писателя (к истории литературной и внелитературной полемики 1976–1978 гг.)» обратилась к теме обвинений в плагиате и рассказала о том, как Д. Киш в 1978 г. книгой эссе «Урок анатомии» аргументированно ответил на обвинения в свой адрес, отстояв право автора на использование различных повествовательных приемов постмодернизма и обосновав свою этическую

скую позицию. Выступление *Н. Няголовой* (Велико Тырново, Москва) «Восприятие современной критикой романа “Время героя” и проблема болгарской оттепели» было посвящено вопросу о том, как период «оттепели» в Народной Республике Болгарии повлиял на литературную жизнь и творчество В. Попова. *С. Н. Меццержаков* (Москва) в докладе «Лирический мир Милоша Црнянского в оценке Г. Я. Ильиной» рассказал о новаторстве исследований Ильиной и о ее вкладе в изучение творчества сербского автора. Завершило работу конференции сообщение *И. В. Надольской* (Минск) «Репрезентация литературных текстов через нарратив ландшафта: охват детской аудитории», в котором докладчица поделилась своими наблюдениями о том, как взаимосвязи между литературным текстом и парковым пространством помогают в осмыслении эстетики, семантики и специфики «климата эпохи».

Подводя итоги конференции, в своем заключительном слове И. Е. Адельгейм подчеркнула способность литературы быть своего рода амортизатором и выделила ее значительную роль в сопротивлении процессам бытия, как насильственным, так и естественным (то есть забвению).

УДК 94
ББК 63.3(49=41)5/6

*М. Ю. Дронов
С. М. Слоистов
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)*

**Международная научно-практическая конференция
«Славянские идентичности и нациестроительство
в XIX–XX веках»**

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.7.02

28 сентября 2019 г. в Минске состоялась очередная научно-практическая конференция, посвященная проблематике идентичностей славянских народов. Главным организатором традиционно выступил Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минске. В качестве соорганизаторов мероприятия выступили филиал Брянского государственного университета имени акад. И. Г. Петровского в г. Новозыбкове и международный журнал социальных и гуманитарных наук «Аспект».

С приветственным словом к собравшимся обратился заведующий Центром евразийских исследований *д. и. н. К. В. Шевченко*, подчеркнувший актуальность выбранной темы конференции. В своем выступлении он также представил собравшимся недавно вышедший в Сербии сборник научных статей «Православье и идентитет православных народа» (Београд: Институт за политичке студије, 2019. 430 с.), посвященный 180-летию Полоцкого церковного собора 1839 г. и воссоединения западнорусских униатов с православной церковью. Книга появилась как итог совместной работы участников состоявшейся 9–10 сентября 2019 г. в Белграде конференции. Благодаря данному изданию результаты многолетнего изучения различных аспектов церковной истории и нациестроительства в регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы стали доступны более широкому кругу заинтересованных специалистов. Опубликованные статьи историков из Белоруссии вызвали неподдельный интерес их зарубежных коллег, о чем в дальнейшем, в ходе дискуссии и обсуждения, смогли более подробно рассказать участвовавшие в заседании авторы.

Организаторы конференции, руководствуясь хронологическим принципом, условно разделили все выступления на два блока, по-

священные идентичностям и нациестроительству, соответственно, до и после начала XX столетия. Собственно научную часть открыл доклад заведующего кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии (МинДС) кандидата богословия протоиерея *Александра Романчука*. Он, достаточно деликатно для православного священнослужителя, затронул тему «межконфессионального перераспределения» белорусов, которое происходило в последней четверти XVIII — первой трети XIX в. Особое внимание в его докладе было уделено проблеме перехода части униатов в латинский обряд. Наряду с традиционными объяснениями данного явления социально-экономическими и политическими факторами, докладчик поставил вопрос о необходимости более глубокого изучения идентичности данной группы лиц (тем более что можно привести примеры перехода как в латинский обряд, так и в православие среди униатов в одной местности, то есть где конкретная социально-экономическая и политическая ситуация формировала общие для всего данного населения условия). Проф. Белорусского государственного университета культуры и искусства (г. Минск) *д. философ. н. Л. Е. Криштанович* выступил с докладом «Формирование белорусской нации и БССР». Будучи идейным сторонником западнорусизма, исследователь считает, что нациестроительство у белорусов началось лишь с появлением белорусской интеллигенции как массового социального слоя, возникшего в результате установления советской власти в Белоруссии. По его мнению, сформировавшиеся в условиях БССР интеллектуальные элиты восходят к той части белорусской протоинтеллигенции, представители которой являлись носителями белорусского самосознания (воспринимаемого ими в качестве родственного великорусской идентичности, но при этом принципиально противопоставляемого польско-шляхетскому сознанию). Акад. Сербской АН, проф. Белорусского государственного университета *д. ф. н. И. А. Чарота* поделился своими размышлениями о роли идеи общности славян в формировании наций и государств югославянских народов. Доц. Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина *к. и. н. А. А. Загорнов* вновь обратился к интеллектуальному наследию Н. Я. Данилевского (1822–1885). В частности, докладчик рассмотрел славянский культурно-исторический тип в политической публицистике этого русского мыслителя. Преподаватель кафедры церковной истории МинДС *иерей Алексей Хотеев* сделал интересный обзор по теме «Мемуары участников восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии в российских исторических журналах». Директор новозыбковского филиала Брянского государственного университета

к. и. н. *В. В. Мищенко* рассказал о профессиональных группах, проживавших в конце XIX в. в северных уездах Черниговской губернии, и их влиянии на экономику.

После небольшого перерыва конференция продолжила работу. Научный сотрудник ИСл РАН к. и. н. *М. Ю. Дронов* выступил с докладом «“Заряше” и их идеологическое наследие в среде бачванско-сремских русинов» (о русинах-русофилах в Сербии и Хорватии). Преподаватель Минского городского педагогического колледжа к. и. н. *О. Г. Казак* также посвятил свое выступление русинской проблематике. Исследователь поделился своими находками при изучении «скрытого русофильства» у русинов (официально — украинцев) социалистической Чехословакии. Доц. кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета к. полит. н. *В. В. Шимов* представил фундированный доклад «Язык как фактор национальной идентичности белорусов». Особое внимание докладчик уделил предрасположенности белорусского населения к принятию русского языка. Яркое выступление к. ф. н. *А. В. Наумовой* (Филологический факультет Белорусского государственного университета) «Религиозная конфессия как компонент нациестроительства: Боснийский опыт в интерпретации Иво Андрича» вновь вернуло аудиторию на земли бывшей Югославии. К. и. н. *Т. А. Мищенко* (филиал Брянского государственного университета, г. Новозыбков) рассказала о «мягкой политической силе» в процессе смены крестьянской идентичности в годы НЭПа (на материалах Брянской и Гомельской губерний). С. М. *Слоистов* (ИСл РАН) обратился в своем выступлении к проблеме взаимодействия чешских и словацких политиков в процессе формирования новых основ для функционирования единого чехословацкого государства в 1945–1949 гг. В заключение выступил современный теоретик и практик западнорусизма, главный редактор сайта «Западная Русь» *И. Ф. Зеленковский* (г. Минск), поделившийся собственным видением прошлого, настоящего и будущего исповедуемой им идеологии.

Почти все выступления сопровождались активной дискуссией. Выступавшим не только задавались вопросы, у желающих имелась полноценная возможность высказать свои контраргументы к прозвучавшим в докладах тезисам, поделиться своими соображениями. Обмен мнениями безусловно способствовал приращению имеющихся знаний по теме нациестроительства в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. У исследователей появилась дополнительная возможность наметить потенциально перспективные направле-

ния дальнейших исследований, казалось бы, давно уже основательно проработанных проблем. Этому способствовали и конкретные соображения тех, кто, так же как и докладчик, сам глубоко погружен непосредственно в данную проблематику, и, что не менее ценно, интересные наблюдения специалистов по схожим вопросам, но в другом регионе.

Традиционно существенным преимуществом состоявшейся конференции был ее научно-практический характер, выразившийся, в частности, в особом внимании к историческим проблемам, поиск решения которых может способствовать снятию многих противоречий в текущей жизни, возникающих в процессе взаимодействия представителей различных наций и конфессий, соседствующих государств и лоббирующих свои интересы международных объединений.

Стоит отметить безукоризненную работу организаторов конференции. Надеемся, что работа в подобном формате будет продолжена.

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Баринов Игорь Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. barinovnoble@gmail.com

Борисёнок Елена Юрьевна — доктор исторических наук, заведующая отделом восточного славянства Института славяноведения РАН. vostslav@yandex.ru

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. rodina2001@mail.ru

Виноградова Людмила Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Inv36@yandex.ru

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Домрачев Николай Евгеньевич — аспирант кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. nickolas-house@yandex.ru

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Живанович Милана — PhD, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (г. Белград). milana.zivanovic@yahoo.com

Задорожнюк Элла Григорьевна — доктор исторических наук, зав. отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. elzador46@mail.ru

Кикило Наталья Игоревна — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. kikilo.natalia@gmail.com

Кузьменко Татьяна Андреевна — старший научный сотрудник Центра комплектования Архива Российской академии наук. takuzmenko@mail.ru

- Кузьмичева Анастасия Евгеньевна* — преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. aekuzmicheva@gmail.com
- Кулешова Мария Львовна* — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. seveda@yandex.ru
- Курохтина Татьяна Николаевна* — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. k_tania@mail.ru
- Лабынцев Юрий Андреевич* — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru
- Ламм Мария Андреевна* — соискатель Института славяноведения РАН. m.lamm@inslav.ru
- Леонтьева Анна Андреевна* — младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время. leontanna@gmail.com
- Мошечков Петр Владимирович* — младший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. pmoshechkov@yandex.ru
- Наумов Николай Николаевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. nn-naumov@mail.ru
- Никифоров Алексей Сергеевич* — аспирант кафедры всеобщей истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск). peromory@gmail.com
- Перетяцько Артем Юрьевич* — кандидат исторических наук, преподаватель Лицея Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). artperetatko@yandex.ru
- Плотникова Анна Аркадьевна* — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. annaplotn@mail.ru
- Полянская Елизавета Евгеньевна* — научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Государственного исторического музея. el.evg.polyanskaya@gmail.com
- Ракитин Антон Сергеевич* — специалист 1-й категории Российского государственного архива древних актов. ant-rakitin@yandex.ru

-
- Седакова Ирина Александровна* — доктор филологических наук, зав. отделом типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. irina.a.sedakova@gmail.com
- Селунская Надежда Андреевна* — старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. liquidmodernity@gmail.com
- Слоистов Сергей Михайлович* — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН. centrum821@rambler.ru
- Старикова Надежда Николаевна* — доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru
- Струганова Екатерина Николаевна* — младший научный сотрудник Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН. lu4.solnza@gmail.com
- Струнина-Бородина Наталья Григорьевна* — младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. strun-topolino@yandex.ru
- Усачева Анастасия Викторовна* — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. anastasia.usacheva@gmail.com
- Флоря Борис Николаевич* — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru
- Широкова Людмила Федоровна* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. shirocco@mail.ru
- Яловега Вячеслав Игоревич* — аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. vyaloveg@mail.ru

About the Authors

Adel'geym Irina Evgenyevna — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru

Barinov Igor' Igorevich — Candidate of History, senior research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. barinovnoble@gmail.com

Borisyonok Elena Yuryevna — Doctor of History, head of the Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. vostslav@yandex.ru

Borisyonok Yuriy Arkadyevich — Candidate of History, associate professor, Chair for South and West Slavic History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. rodina2001@mail.ru

Dronov Mikhail Yuryevich — Candidate of History, research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru

Bomrachev Nikolay Evgenyevich — PhD student, the Chair for Russian History before the Beginning of the 19th Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. nickolas-house@yandex.ru

Florya Boris Nikolaevich — Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Ganin Andrey Vladislavovich — Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Kikilo Natalya Igorevna — PhD student, Chair of Slavic Philology, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University. kikilo.natalia@gmail.com

Kuleshova Mariya Lvovna — Candidate of Letters, teacher, Chair of Slavic Philology, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University. seveda@yandex.ru

Kurokhtina Tatyana Nikolaevna — Candidate of Letters, research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. k_tania@mail.ru

Kuz'menko Tatyana Andreevna — senior research fellow, Archive Acquisition Center, Russian Academy of Sciences. takuzmenko@mail.ru

Kuz'micheva Anastasiya Evgenyevna — teacher, Chair for Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail.

-
- Labyntsev Yuriy Andreevich* — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru
- Lamm Mariya Andreevna* — aspirant, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. m.lamm@inslav.ru
- Leontyeva Anna Andreevna* — junior research fellow, Department of South-East Europe Slavs' Early Modern History. leontanna@gmail.com
- Moshechkov Petr Vladimirovich* — junior research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pmoshechkov@yandex.ru
- Naumov Nikolay Nikolaevich* — Candidate of History, research fellow, Chair for South and West Slavic History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. nn-naumov@mail.ru
- Nikiforov Aleksey Sergeevich* — PhD student, Chair for World History, Higher School of Social Sciences, Humanities, and International Communication, Lomonosov Arkhangelsk State Technical University. nepomory@gmail.com
- Peretyat'ko Artem Yuryevich* — Candidate of History, teacher, Lyceum of the Southern Federal University (Rostov-on-Don). artperetatko@yandex.ru
- Polianskaia Elizaveta Evgenyevna* — research fellow, Academic and Expository Department of the State Historical Museum. el.evg.polyanskaya@gmail.com
- Rakitin Anton Sergeevich* — 1st category specialist, Russian State Archive for Ancient Acts. ant-rakitin@yandex.ru
- Sedakova Irina Aleksandrovna* — Doctor of Letters, head of the Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com
- Selunskaya Nadezhda Andreevna* — Candidate of History, senior research fellow, Center of Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.
- Shirokova Lyudmila Fedorovna* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. shirocco@mail.ru
- Sloistov Sergey Mikhaylovich* — junior research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. centrum821@rambler.ru
- Starikova Nadezhda Nikolaevna* — Doctor of Letters, head of the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru
- Struganova Ekaterina Nikolaevna* — junior research fellow, Academic and Educational Centre of Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lu4.solnza@gmail.com

Strunina-Borodina Nataliia Grigoryevna — junior research fellow, Department of South-East Europe Slavs' Early Modern History Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. strun-topolino@yandex.ru

Usacheva Anastasia Viktorovna — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. anastasia.usacheva@gmail.com

Vinogradova Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lv36@yandex.ru

Yalovega Vyacheslav Igorevich — PhD student, Chair for South and West Slavic History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. vyaloveg@mail.ru

Zadorozhnyuk Ella Grigoryevna — Doctor of History, head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. elzador46@mail.ru

Živanović Milana — PhD, research fellow, Institute for Recent History of Serbia. milana.zivanovic@yahoo.com

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2020

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<http://inslav.ru/page/pravila-napravleniya-i-opublikovaniya-nauchnyh-statey-v-zhurnale-slavyanskiy-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
33,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

